8-6

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ-ПОЛИТИКИ-ЛИТЕРАТУРЫ.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.—КНИГА 8.

АВГУСТЪ 1913.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-я.—АВГУСТЪ. 1913.

стран.

I.—ТУДА! ТУДА!—(Исповѣдь артистки).—I—XXIV.—**П. Боборыкина** 5
II.—БЛЕСТКИ НОЧИ.—Стихотвореніе—**В. Аренсъ** 71
III.—ГАЛАТА—Разсказъ.—**Карменъ**. 72
IV.—СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ады Чумаченко** 117
V.—МИСТИКА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РЕЛИГІОЗНОСТИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.—**Л. Карсавина**. 118
VI.—КОНСТИТУЦІОННАЯ ЗАПИСКА ГРАФА П. П. ШУВАЛОВА.—(Къ исторіи русскаго освободительнаго движенія въ 80-хъ г. XIX столѣтія)—**И. Д. Шишманова**. 136
VII.—КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ.—**П. П.** 167
VIII.—МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ПРАВО.—**Льва Шейниса**. 195
IX.—РАБОЧАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ и ИСКУССТВО.—**Л. Клейнборта**. 215
X.—ВСЕЙ ДУШОЮ.—Романъ Рэнэ Базэна.—XVIII—XXX.—(Окончаніе) Съ французск. перев. **М. Славинская**. 230
XI.—ХРОНИКА. ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео** 293
XII.—ШВЕЙЦАРСКІЙ ГОРОДЪ.—(Письмо изъ Швейцаріи).—**П. Берлина** 308
XIII.—КОЛОНИЗАЦІЯ РАЙОНА АМУРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.—**М. Колобова** . . 316
XIV.—ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Унылая картина земскихъ выборовъ.—Разочарованіе населенія въ земствѣ и въ Государственной Думѣ.—«Самоизбраніе» въ земства дворянъ.—Назначенныя лица на земской работѣ.—Оппозиціонная роль крестьянъ на земскихъ выборахъ.—Запуганность и неопытность деревни.—Общій итогъ выборовъ.—Земство на гигіенической выставкѣ.—**И. Жилкина**. 333
XV.—ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОКОНЧИВШИХЪ С. ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ.—**Е. Щепкиной**. 342
XVI.—ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Марина Цвѣтаева. Изъ двухъ книгъ. Маріетта Шашнянъ.—Orientalia. —**Владимира Нарбута**.—П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель и Писатель. Томъ первый. Часть первая. Стр. VI—616. Часть вторая, стр. 479.—Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ V. Изданіе разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ—Историческая библіотека. Отголоски минувшаго № 1.—**Ч. В-окаго**.—Смутное время: Сборникъ статей. Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн.—**А. Т.**—Современное хозяйство города Москвы. Изданіе московскаго городского управленія подъ редакціей И. А. Вернера—З. Г. Френкель. Въ предверіи 50-ти лѣтняго юбилея Русскаго Земства. Очерки врачебно санитарнаго дѣла (по даннымъ работъ, произведенныхъ для Дрезденской и Всероссійской гигіеническихъ выставокъ)—**В. Б—а**. — Н. Рубакинъ. Россія въ цифрахъ.—Франктъ Джильбертъ. Изученіе движеній, какъ способъ повысить производительность при всякой работѣ.—Исторія проституціи. Д-ра мед. I. Bloch'a. Первый томъ.—И. И. Майковъ. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области.—**В. В.**—Dr. M. Mendelson. Die Entwicklungsrichtungen der deutschen Volkswirtschaft nach den Ergebnissen der neusten deutschen Statistik, insbesondere der Berufs-und Betriebsstatistik.—Weltwirt-schaftliches Archiv, Zeitschrift für allgemeine und spezielle Weltwirtschaftsiehre. Herausgegeben Von. Prof. B. Harms. — **Александра Штерна**. — Mahmud Mukhtar Pascha, Meine Führung im Balkankriege 1912. — **Б**. 357
XVII.—УРОКИ ПРОШЛАГО.—**К. Арсеньева**. 375
XVIII.—ПАЦИФИЗМЪ и ВОЙНА.—**Л. Слонимскаго**. 383
XIX.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Поворотъ событій на Балканахъ.—Печальная судьба Болгаріи.—Злоупотребленія «правомъ войны».—Ошибки русской дипломатіи.—Взаимные счеты балканскихъ государствъ.—Политика Румыніи.—Новый политическій кризисъ на ближнемъ Востокѣ. — Китайско-монгольскій вопросъ. 388
XX.—ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ. — Идеологія рабства съ трибуны Государственной Думы.—Печать и судъ.—Изъ мартиролога двухъ закрытыхъ газетъ.—Регрессъ закона въ вопросѣ о смертной казни.—Военная служба и религіозныя убѣжденія солдатъ.—Иллюстрація къ отмѣнѣ „зачета". — „Разъясненіе" памятника на могилѣ С. А. Муромцева.—Изъ курьезовъ опроверженій. — **В. Кузьмина-Караваева**.—Юбилей В. Г. Короленка. **К. А.** 399
XXI.—ПАМЯТИ ЛЕСИ УКРАИНКИ † 19 іюля.—**М. Славинскаго**. 414
XXII.—ИЗВѢЩЕНІЕ 418
XXIII.—БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ 420
XXIV.—НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ. 423
XXV.—ОБЪЯВЛЕНІЯ. 472

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

ЖУРНАЛЪ

НАУКИ—ПОЛИТИКИ—ЛИТЕРАТУРЫ,

основанный М. М. Стасюлевичемъ въ 1866 году.

28570

49 г.

СОРОКЪ-ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

АВГУСТЪ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Редакція и Главная Контора журнала: Моховая, 37.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

1913.

ОБЪЯВЛЕНІЕ О ПОДПИСКѢ въ 1913 г.

(Сорокъ-восьмой годъ)

„ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ НАУКИ, ПОЛИТИКИ, ЛИТЕРАТУРЫ,

издаваемый **М. М. КОВАЛЕВСКИМЪ**, подъ редакціей **К. К. АРСЕНЬЕВА** и **Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКАГО**,

при ближайшемъ участіи:

И. В. ЖИЛКИНА, М. М. КОВАЛЕВСКАГО, Н. А. КОТЛЯРЕВСКАГО, В. Д. КУЗЬМИНА-КАРАВАЕВА, А. А. МАНУИЛОВА, А. С. ПОСНИКОВА, М. А. СЛАВИНСКАГО, Л. З. СЛОНИМСКАГО и К. А. ТИМИРЯЗЕВА.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА.

	На годъ:	По полугодіямъ:	По четвертямъ года:
Безъ доставки, въ Конторахъ журнала	15 р. 50 к.	7 р. 75 к.	3 р. 90 к.
Въ Петербургѣ и Москвѣ, съ доставкою	16 » — »	8 » — »	4 » — »
Въ друг. городахъ, съ перес.	17 » — »	8 » 50 »	4 » 25 »
За границей, въ госуд. почтов. союза	19 » — »	9 » 50 »	4 » 75 »

Отдѣльная книга журнала, съ доставкою и пересылкою 1 р. 50 к.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ:

ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ:

въ Главной Конторѣ журнала, Моховая, 37, въ книжныхъ магазинахъ: М. М. Стасюлевича, В. О., 5 л., 28; К. Риккера, Невскій, 14; А. Ф. Цинзерлинга, Невскій, 20; Т-ва М. О. Вольфъ, Невскій, 13, и въ Гост. Дворѣ.

ВЪ КІЕВѢ:

въ книжномъ магазинѣ Н. Я. Оглоблина, Крещатикъ, 33.

ВЪ МОСКВѢ:

въ Отдѣленіи Конторы журнала: Тверской бульв., 15, въ книжн. магаз. Н. П. Карбасникова, на Моховой, и въ конторѣ Н. Печковской, въ Петровскихъ линіяхъ.

ВЪ ОДЕССѢ:

въ книжн. магаз. «Образованіе», Ришельевская, 12; въ книжн. магаз. «Одесскихъ Новостей», Дерибасовская, 20; въ книжн. магаз. «Трудъ», Дерибасовская, 25.

ВЪ ВАРШАВѢ:

въ книжномъ магазинѣ «С.-Петербургскій Книжный Складъ» Н. П. Карбасникова.

Примѣчаніе.—1) Почтовый адресъ долженъ быть написанъ четко и заключать въ себѣ: имя, отчество, фамилію и точное названіе мѣста жительства и губерніи. если въ мѣстѣ жительства подписчика *нѣтъ почтоваго учрежденія, гдѣ допускается выдача журналовъ, необходимо указать ближайшее почтовое учрежденіе, гдѣ таковая выдача производится.*—2) Перемѣна адреса должна быть сообщена Главной конторѣ журнала *не позже 26-го числа каждаго мѣсяца, съ указаніемъ прежняго адреса*; перемѣна адреса, поступившая въ Контору послѣ 26-го, дѣлается лишь со слѣдующаго очередного номера. За перемѣну адреса городского на иногородній, уплачивается одинъ рубль; въ остальныхъ случаяхъ (съ иногороднаго на иногородный, иногороднаго на городской) за перемѣну адреса никакой платы не взимается.—3) Жалобы на неисправность доставки посылаются исключительно въ Главную Контору журнала и, согласно циркуляру Почтоваго Департамента, *не позже полученія слѣдующей книжки журнала.* Жалобы, поступившія позже этого срока, равно какъ и жалобы на неполученіе книжки, *вслѣдствіе несвоевременнаго заявленія о перемѣнѣ адреса*, оставляются Конторою безъ вниманія.—4) При доплатной подпискѣ необходимо указывать свой точный адресъ и фамилію, а также и *прежній адресъ*, если предшествовавшая взносу книжка получалась подписчикомъ по иному адресу.—5) Подписныя квитанціи высылаются Главною Конторою только тѣмъ изъ иногородныхъ или иностранныхъ подписчиковъ, которые приложатъ къ подписной суммѣ 14 коп. (можно и почтовыми марками).

РЕДАКЦІЯ и ГЛАВНАЯ КОНТОРА „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ".

Моховая, 37.

МОСКОВСКОЕ ОТДѢЛЕНІЕ: Тверской бульв., 15.

Типографія т-ва „Общественная Польза", Спб., Б. Подъяческая, 39.

СОДЕРЖАНІЕ.

КНИГА ВОСЬМАЯ.—АВГУСТЪ.

СТРАН.

I. ТУДА! ТУДА!—(Исповѣдь артистки).—I.—XXIV.—**П. Боборыкина** . . 5
II. БЛЕСТКИ НОЧИ.—Стихотвореніе.—**В. Аренсъ** 71
III. ГАЛАТА.—(Разсказъ).—I.—XXI.—**Карменъ** 72
IV. СТИХОТВОРЕНІЕ.—**Ады Чумаченко** 117
V. МИСТИКА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РЕЛИГІОЗНОСТИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.—**Л. Карсавина** 118
VI. КОНСТИТУЦІОННАЯ ЗАПИСКА ГРАФА П. П. ШУВАЛОВА.—(Къ исторіи русскаго освободительнаго движенія въ 80-хъ г. XIX столѣтія).—**И. Д. Шишманова** 136
VII. КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ.—**П. П.** . . 167
VIII. МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ПРАВО.—**Льва Шейниса** 195
IX. РАБОЧАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ИСКУССТВО.—**Л. Клейнборта** 215
X. ВСЕЙ ДУШОЮ. — Романъ Ренэ Базэна. — XVIII.—XXX.— (Окончаніе).—Съ франц. пер. **М. Славинская** 230
XI. ХРОНИКА.—ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.—**Діонео** 293
XII. ШВЕЙЦАРСКІЙ ГОРОДЪ.—(Письмо изъ Швейцаріи).—**П. Берлина** . . 308
XIII. КОЛОНИЗАЦІЯ РАЙОНА АМУРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ. — **М. Колобова**. 316
XIV. ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Унылая картина земскихъ выборовъ.—Разочарованіе населенія въ земствѣ и въ Государственной Думѣ.—«Самоизбраніе» въ земства дворянъ. — Назначенныя лица на земской работѣ.—Оппозиціонная роль крестьянъ на земскихъ выборахъ.—Запуганность и неопытность деревни.—Общій итогъ выборовъ.—Земство на гигіенической выставкѣ.—**И. Жилкина** 333
XV. ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОКОНЧИВШИХЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ.—**Е. Щепкиной** 342
XVI. ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ. — Марина Цвѣтаева. Изъ двухъ книгъ. Маріэтта Шагинянъ. Orientalia — **Владиміра Нарбута**. — П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи руоскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель и Писатель. Томъ первый. Часть первая. Стр. VI+616. Часть вторая, стр. 479. — Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ V. Изданіе разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ. — Историческая библіотека. Отголоски минувшаго. № 1.—**Ч. В—скаго.**—Смутное время. Сборникъ статей. Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн. — **А. Т.** — Современное хозяйство города Москвы. Изданіе московскаго городского управленія подъ редакціей И. А. Вернера.—З. Г. Френкель. Въ преддверіи 50-ти-лѣтняго юбилея Рус-

СТРАН.

скаго Земства. Очерки врачебно-санитарнаго дѣла (по даннымъ работъ, произведенныхъ для Дрезденской и Всероссійской гигіеническихъ выставокъ). Съ 53 рисунками, картами, графиками. — **В. Б—а.**—Н. Рубакинъ. Россія въ цифрахъ. — Франктъ Джильбертъ. Изученіе движеній, какъ способъ повысить производительность при всякой работѣ.—Исторія проституціи. Д-ра мед. I. Bloch'a. Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго врача П. И. Лурье-Гиберманъ. Первый томъ.—И. И. Майковъ. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области.—**В. В.**—Dr. M. Mendelson. Die Entwicklungsrichtungen der deutschen Volkswirtschaft nach den Ergebnisseu der neusten deutschen Statistik, insbesondere der Berufs-und Betriebsstatistik.—Weltwirtschaftliches Archiv, Zeitschrift für allgemeine und spezielle Weltwirtschaftslehre. Herausgegeben Von Prof. B. Harms. **Александра Штерна.** — Mahmud Mukhtar Pascha. Meine Fuhrung im Balkankriege 1912.—**Б.** 355

XVII. УРОКИ ПРОШЛАГО.—**К. Арсеньева.** 377

XVIII. ПАЦИФИЗМЪ И ВОЙНА.—**Л. Слонимскаго** 383

XIX. ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Поворотъ событій на Балканахъ.—Печальная судьба Болгаріи. — Злоупотребленія «правомъ войны». — Ошибки русской дипломатіи.—Взаимные отчеты балканскихъ государствъ.—Политика Румыніи.—Новый политическій кризисъ на ближнемъ Востокѣ.—Китайско-монгольскій вопросъ и русская дипломатія 388

XX. ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.—Идеологія рабства съ трибуны Государственной Думы. — Печать и судъ.—Изъ мартиролога двухъ закрытыхъ газетъ.—Регрессъ закона въ вопросѣ о смертной казни.—Военная служба и религіозныя убѣжденія солдатъ. — Иллюстрація къ отмѣнѣ „зачета". — „Разъясненіе" памятника на могилѣ С. А. Муромцева.—Изъ курьезовъ опроверженій.—**В. Кузьмина-Караваева.**—Юбилей В. Г. Короленка.—**К. А.** 399

XXI. ПАМЯТИ ЛЕСИ УКРАИНКИ.—† 19 іюля.—**М. Славинскаго** 414

XXII. ИЗВѢЩЕНІЕ 418

XXIII. БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ. 420

XXIV. НОВЫЯ КНИГИ И БРОШЮРЫ 423

XXV. ОБЪЯВЛЕНІЯ 427

ОТЪ РЕДАКЦІИ. Рукописи, присылаемыя въ редакцію для просмотра, должны быть переписаны на пишущей машинѣ и на одной сторонѣ листа; на отвѣтъ редакціи и на возвратъ рукописи заказной бандеролью должны быть приложены марки.

Пріемъ редакторовъ: К. К. Арсеньева — по субботамъ отъ $3^1/_2$ до $4^1/_2$ ч., Д. Н. Овсянико-Куликовскаго — по средамъ отъ 2 до 3 ч. (кромѣ праздниковъ).

Пріемъ секретаря—по средамъ отъ 11 до 1 ч., а также въ часы пріемовъ редакторовъ (кромѣ праздниковъ).

ТУДА! ТУДА!

(Исповѣдь артистки).

I.

Да, я стою еще на распутьи. Чему повиноваться? Голосу моей души? Или поговоркѣ: «Отъ добра добра не ищутъ?»

Итти по той же дорожкѣ—вѣрной, протоптанной—и кончить «на степеняхъ извѣстныхъ»?

Или же итти искать той «жаръ-птицы», которая горитъ самоцвѣтными камнями въ заманчивой дали моего идеала?

Въ мои лѣта—на поворотѣ отъ первой молодости ко второй — всякая бы, на моемъ мѣстѣ, призадумалась, рѣшаясь на то, на что рѣшаюсь я.

Но такова моя звѣзда. Это не капризъ, не блажь! Это то, что всегда крылось на днѣ моей души.

Вотъ на моемъ письменномъ столикѣ фотографія. Я съ ней никогда не разстаюсь.

Дѣвочка-подростокъ съ двумя косами по плечамъ, въ короткомъ платьицѣ, съ оборками, и въ высокихъ башмакахъ съ переплетомъ.

Она смотритъ куда-то и прикоснулась ладонью лѣвой руки къ краю стола.

Это я—по четырнадцатому году.

Лицо—еще полудѣтское; но въ глазахъ—и тогда уже очень большихъ—что-то такое: какой-то вопросъ, какая-то затаенная дума.

Покойница мама говаривала тогда про меня:

— У нея тамъ, въ мозгу—позади... что-то есть, куда трудно проникнуть.

Она, бѣдная, такъ и не проникла.

Когда она уходила изъ жизни—я уже была на «блестящей» дорогѣ, хотя и не такой, о какой она мечтала бы для меня.

Она была *барыня*... милая, чудесная, вся сотканная изъ нѣжности и геройства; но все-таки барыня.

Можетъ-быть, оттого-то въ ней и было такое обаяніе, какого у нынѣшнихъ женщинъ нѣтъ. И у меня его нѣтъ.

Есть, пожалуй, но только на сценѣ; это, въ театральной критикѣ, сдѣлалось уже избитымъ общимъ мѣстомъ.

Для мамы я все-таки была «актерка».

И она знала, что еслибъ на меня, на первыхъ же шагахъ моей *женской* судьбы—не обрушилось такого удара, я бы не попала на подмостки.

Не знаю. Вѣроятно, нѣтъ.

Но, вѣдь, этотъ ударъ, эта разбитая женская доля и дала мнѣ то, чего, какъ видно, еще не бывало у насъ на сценѣ.

Когда я «овладѣла» столичной публикой, одинъ писатель—не присяжный рецензентъ, а писатель-художникъ—въ первый же нашъ разговоръ «по душѣ» сказалъ мнѣ:

— Вы вышли не изъ театральной школы, а изъ *школы жизни*! Такой артистки давно всѣ мы ждемъ, такой, которая принесла бы съ собою образъ и психику новой русской женщины, ея душу, то́, что она выстрадала, то, какъ она стоитъ передъ тайной бытія и передъ всѣми проклятыми вопросами женской доли.

Кажется, это было вѣрно? Иначе и не могло быть со мною.

Я не проходила профессіональной выучки. По натурѣ, мнѣ было всегда противно всякое актерство.

«Le cabotinage»—какъ говорятъ французы.

И когда въ языкѣ нашей прессы появилось слово «каботинъ» — какъ перефраза русскаго: «лицедѣй» — я ему очень обрадовалась.

Никакого *каботинства*—ни въ жизни, ни на сценѣ, полная отрѣшенность отъ чего-либо условнаго, отъ какой бы то ни было *традиціи*.

Мнѣ лично это не стоило большого труда, даже ни малѣйшаго усилія.

Ну да, я сразу была окачена кипяткомъ нестерпимой женской обиды—предательская измѣна, разбитое счастье, къ кото-

рому такъ безумно, съ такой жадностью тянутся всѣ женщины,— а потомъ—болѣзнь, полная прострація.

Правда и то, что я была близка къ настоящему душевному недугу.

Только моя чудна́я натура — и слабая, и вдругъ точно стальная—спасла меня.

Я вынесла.

Стало-быть, дѣйствительно, я была для тѣхъ друзей театра, которые долго ждали такой, какъ я—актрисой, пришедшей изъ жизни, а не изъ какой бы то ни было школы.

Но развѣ я внесла на сцену только свои горькіе итоги... только *свои*.

«Нѣтъ, не свои только—сказалъ бы мнѣ тотъ же писатель-художникъ... — а русской *новой* женщины. Въ вашемъ лицѣ явился синтезъ всей женственности, данной послѣдней полосой русской жизни».

А вотъ мнѣ сдавалось—и теперь сдается еще сильнѣе, что это для меня далеко *не все*.

Нѣтъ, не все!

Мнѣ мало того, что я могу «заражать» публику переживаніями женской души — своей ли или чужой — такъ, что зала трепещетъ со мною въ униссонъ.

Меня мучитъ нѣчто, что еще выше какой бы то ни было *личной* жизни, таланта, успѣха.

Это «нѣчто» только въ самое послѣднее время стало выясняться передъ моими «духовными очами», если выразиться по старинному.

Надъ всѣмъ личнымъ—и прежде всего, надъ моимъ актерскимъ «я»—высится что-то лучезарное и плѣнительное.

Что же такое?

Нетлѣнная, могучая и сладкая свобода отъ всего уже извѣстнаго, избитаго и обязательнаго—красота!

Красота человѣческаго духа!

Вотъ та богиня, стоящая за священной завѣсой.

Кто туда проникнетъ—тотъ можетъ и погибнуть тутъ же—у порога святилища.

И, глядя на портретъ дѣвочки-подростка, мнѣ кажется, что и она уже задумывалась о чемъ-то такомъ.

II.

Не зря встрѣтилась я съ тѣмъ, кто теперь всего чаще навѣщаетъ меня и просиживаетъ цѣлые вечера, когда я «не занята».

Эти актерскія выраженія: «не занята», «занята»—дѣлаются мнѣ такъ-же противны, какъ и неизбѣжное слово «служить» вмѣсто «играть».

Никогда никто не скажетъ:

— Я *игралъ* или я *играла*, а непремѣнно «я служилъ» въ Нижнемъ, я служила въ Ростовѣ на Дону.

Они «служатъ»; но чему или кому?

Не искусству! О, нѣтъ! Это выраженіе стали употреблять столичные *казенные* актеры. Они вѣдь прежде были совсѣмъ чиновники и своей «службой» кичились.

За ними и провинціальные актеры и актрисы стали обязательно употреблять слово «служу»—вмѣсто «играю».

Играть—это, видите ли, унизительно; а служить—благородно.

Но кому и чему служить—до этого никто изъ нихъ не добирается.

И вотъ мой теперешній «совопросникъ»—онъ такъ себя въ шутку называетъ—первый спросилъ меня:

— Чему же вы, въ глубинѣ души вашей, служите?

Я, разумѣется, тотчасъ же выпалила:

— Искусству! А то чему же?

Онъ тихо усмѣхнулся.

Быть-можетъ, не желая того, онъ сразу дотронулся до клавиши, которая заставила вибрировать то, что уже накоплялось въ душѣ.

— Какому искусству?—выговорилъ онъ, покачавъ головой.

Я знала уже, что онъ одинъ изъ тѣхъ, кто «взыскуетъ» нарожденія новаго театра, и не одного театра, а всей той лучезарной и вѣщей области, гдѣ должны сливаться въ одно цѣлое всѣ виды творчества, всѣ затаенныя порыванія ищущей человѣческой души.

И то, что уже накопилось во мнѣ, съ перваго же нашего большого разговора, я начала высказывать ему въ такой формѣ, точно я сама вслухъ бесѣдую съ собою:

— Что мнѣ предстоитъ—спрашивала я—въ ближайшемъ будущемъ?

— Долгіе годы успѣховъ. Та *слава*, къ которой столькіе такъ мучительно тянутся... и никогда ее не достигаютъ!

Онъ выговорилъ это съ той же чуть замѣтной усмѣшкой.

Но я уже чуяла, что въ немъ я найду полный откликъ моимъ порываніямъ и—на житейскій взглядъ—разъѣдающимъ и безплоднымъ протестамъ.

— Вотъ у меня слава... Я уже то, что называется «любимица» молодой публики. Если вся пресса не у моихъ ногъ, то понятно—почему. Она, до сихъ поръ, еще подъ обаяніемъ артистки, которая царитъ на той же сценѣ два десятка лѣтъ.

И тутъ я впервые высказала ему, чего я больше всего страшусь.

— Не хочу я погрязнуть въ этомъ болотѣ! Это постоянное науськиваніе и публики, и прессы должно неминуемо довести до того, что все выѣстъ изъ души, кромѣ жажды успѣха и злораднаго чувства за то, что̀ вы этимъ успѣхомъ доставляете той, кто васъ ненавидитъ! Да, все это—не то!—почти крикнула я.

— Нѣтъ, не то!—подтвердилъ онъ.

— Ну, положимъ, я буду царить безъ всякаго раздѣла... Но я останусь такой-же рабой того, что я должна играть.

— Неизбѣжно!

— Что мнѣ изъ того, что меня выкатятъ десять разъ къ рампѣ и покроютъ цвѣтами, бросая ихъ сверху, если то, что я принуждена играть,— старое тряпье, отживающій театръ, когда душа моя взыскуетъ чего-то совсѣмъ иного!

Онъ сначала былъ какъ-бы удивленъ. Должно-быть, считалъ и меня неспособной на то, чтобы сверху внизъ взглянуть на свое «тріумфальное шествіе».

Во мнѣ почва была подготовлена, и его смѣлые взгляды, всѣ его исканія и мечты о *великомъ* переворотѣ въ осуществленіи красоты — раздавались для меня, точно отголоски того, къ чему я стремлюсь, только въ болѣе стройной формѣ, съ анализомъ, который мужской умъ и мужское образованіе могутъ такъ детально разрабатывать.

Мнѣ могли и тутъ сказать:

— Вотъ видите... Женщина во всемъ и всегда будетъ *выученица* мужчины.

Но правда-ли это?

По моей—въ иныя минуты — неистовой, адски-гордой натурѣ—я добровольно не пошла-бы ни къ кому въ рабскую выучку.

А почему-же мнѣ было не схватиться за такую поддержку,

когда во мнѣ самой все это уже зрѣло, только не получило еще плоти и крови, не укладывалось еще ни во что вполнѣ ясное, осязательное?

И чѣмъ-же лучше такого добровольнаго «посвященія»— отдавать всю святую святыхъ своего таланта, своихъ творческихъ думъ и образовъ—на что?

На подлаживаніе ко всяческой рутинѣ, казенщинѣ! Играть каждый вечеръ въ пьесахъ, авторы которыхъ потрафляютъ обывательской публикѣ, а роли выкроены для такой-то «премьерши».

И я должна была пройти черезъ такой унизительный искусъ для того, чтобы завоевать себѣ имя, чтобы чуткіе люди признали, что я вышла не изъ театральной школы, а «изъ школы жизни».

Такъ вѣдь дѣлали всѣ реформаторы, какую-бы область жизни ни взять: искусство, науку, религію.

Не гордыня во мнѣ говоритъ, не пустая блажь, не исканіе птичьяго молока. Нѣтъ и нѣтъ!

Но я теперь знаю, что знаю.

Прежде всего, надо уйти отъ создаванія себѣ мѣста «премьерши».

Самое слово-то вызываетъ во мнѣ тошноту. Успокоиться на пьедесталѣ «первой актрисы», это значитъ — сказать на вѣки прости свободѣ своего духа. А я безъ нея не проживу!

III.

А вѣдь можетъ-же такъ случиться, что и я буду кончать въ званіи «премьерши».

Если вдругъ что-нибудь помѣшало-бы выполнить то, что во мнѣ назрѣло?

Теперь я—одинока. Мнѣ не на кого работать, я не знаю той нужды, какая дѣлаетъ изъ насъ поденщицъ.

Но давно-ли была въ моей артистической жизни такая полоса, когда я нестерпимо страдала оттого только, что у меня нѣтъ подходящихъ «туалетовъ?!»

Это было равносильно невозможности показать—на что я способна, что я могу играть, какое занимать амплуа?

И вѣдь это дѣйствительно роковой вопросъ, пока вы не пробьетесь впередъ.

У меня это случилось далеко не безъ горечи, не безъ слезъ

и всякаго рода трепанья. Но я не принесла себя въ жертву этому идолу.

А многія-ли могутъ уцѣлѣть? Еще у насъ, въ Россіи, бываетъ; но въ Парижѣ, напримѣръ, нечего и думать!

Туалетъ для извѣстнаго амплуа, это значитъ—найти себѣ покровителя.

Роль—при туалетѣ—честь женщины! Это взятка или директора, или режиссера, или актера.

Но вѣдь я могла-бы—вотъ теперь—быть въ необходимости держаться за окладъ, за прочное положеніе, гдѣ должны быть прибавки къ жалованію, при возобновленіи контрактовъ.

И вотъ я «премьерша»—до тѣхъ поръ, пока публика меня принимаетъ и я даю хорошіе сборы.

Какой это ужасъ!

— Почему? — спроситъ каждый, кто желаетъ мнѣ именно такого мѣста за кулисами.

Я помню, въ первый годъ моей службы—я еще только начала выдвигаться—и «премьерша» труппы дѣлала видъ, что она меня протежируетъ, говорила мнѣ «душечка» и охотно играла со мною въ однихъ и тѣхъ-же пьесахъ; но, разумѣется, гдѣ героиня она.

И вотъ разъ, въ самомъ началѣ сезона, она только-что вернулась откуда-то съ юга, гдѣ утомила себя, въ жаръ, гастролями, и даже заболѣла тамъ.

Черезъ два дня она должна была выступить въ одной изъ своихъ коронныхъ ролей и публика ее ждала въ ней, сборъ былъ прекрасный, хотя погода стояла еще лѣтняя.

Я не была «занята» въ этой самой пьесѣ; но пришла на сцену.

Вижу—какая-то оторопь, точно что случилось чрезвычайное. Помощники режиссера ходятъ чуть не на цыпочкахъ, говорятъ вполголоса.

Начальникъ репертуара стоитъ въ кулисѣ и прислушивается, противъ двери въ ея уборную. Дверь полуотворена, къ ней ведутъ три ступени.

На немъ лица нѣтъ.

— Что такое? спрашиваю я его.

— Она и рветъ, и мечетъ!

— Почему?

— Какъ мы смѣли выпустить ее черезъ два дня, послѣ ея пріѣзда!

У меня явилось желаніе взглянуть какъ именно она «и рветъ, и мечетъ»!

Предлогъ я сейчасъ же придумала, и самый невинный.

Я ее еще не видала. Стало-быть, совершенно корректно было бы войти и поздравить ее съ пріѣздомъ.

Такъ я и сдѣлала. Вхожу и застаю ее въ разговорѣ съ какимъ-то военнымъ.

Это былъ бравый брандъ-маіоръ, заглянувшій на сцену.

Она, въ эту минуту, продолжала свой разносъ, сидя передъ туалетомъ въ бокъ и наводила розовый лакъ на свои ногти.

— Со мной обходятся, какъ съ судомойкой! Я вернулась чуть жива—и извольте сейчасъ же выступать Богъ знаетъ передъ какой залой!

Маіоръ улыбался и молчалъ.

И какъ только раскланялся со мною, тотчасъ-же бѣжалъ.

Вотъ вѣдь и я могла бы сдѣлаться такой-же «премьершей». И отъ меня-бы всѣ приходили, на сценѣ и за кулисами, въ священный трепетъ.

А развѣ я ей завидую?

Господи! Да я ее считаю несчастнымъ существомъ, и какъ женщину, и какъ артистку.

Она «мать-командирша» кулисъ, передъ ней, до сихъ поръ, прыгаетъ «авторитетная» пресса; а она совсѣмъ одинока. Нѣтъ у ней ни семьи, ни истинно-любимаго человѣка. Ея былыя увлеченія приносили ей только ударъ за ударомъ. Ее оскорбляли безнаказанно, отъ нея бѣгали, ее эксплоатировали. Душевная жизнь женщины—прямо «мерзость запустѣнія».

Таланта она еще не растеряла, но она застыла въ немъ. Она—когда выступаетъ въ роли героини, хотя бы и женщины только подъ сорокъ—она уже старомодна. И не по одной фигурѣ и морщинамъ—Дузе и старухой еще обаятельна при свѣтѣ рампы—а по жестамъ, по извѣстнаго сорта походкѣ.

Но это еще не главное несчастье. Перемѣни амплуа—и все будетъ спасено, перейди на комедію, сдѣлайся то, что въ нѣмецкихъ труппахъ называется „eine komische Alte“.

Печать Каина (и она и на мнѣ лежала бы, превратись я въ «заслуженную» премьершу черезъ десять-пятнадцать лѣтъ) состоитъ въ томъ, что для нея ничто не существуетъ на свѣтѣ, кромѣ актерства. Она никогда и нигдѣ не можетъ ни о чемъ говорить, кромѣ какъ о себѣ самой.

Это нѣчто прямо ужасное! И сцена у всѣхъ почти выѣдаетъ душу въ такой же степени.

Точно нѣтъ ни Бога, ни природы, ни общества, ни добра, ни нравственнаго идеала, ни той *красоты*, къ которой тянется всякая, не омертвѣлая душа.

Красота! Художественный идеалъ! Ха, ха, ха! Она знаетъ свои роли, она знаетъ свою публику, ей надо сохранить свое заслуженное положеніе.

Остальное все—пустяки, слова, тошная болтовня!

И она можетъ говорить литературнымъ языкомъ. Жаргонъ ея полонъ фразъ изъ ролей. Когда она въ духѣ и не язвитъ, не ехидничаетъ, не жалуется—она можетъ кому угодно давать реплику: и художнику, и военному, и сановнику, и профессору. Вынула изъ ридикюльчика книжку, вродѣ чековой, и давай отрывать изъ нея листки, съ подходящими репликами.

И, вѣдь, я могу превратиться точно въ такую премьершу!

Но этого не будетъ! Лучше рискъ, провалъ, бѣдность, всякое паденіе, только не такая почетная будущность!

IV.

Совсѣмъ неожиданно явился мой милый авторъ.

Онъ—проѣздомъ за границу, какъ всегда, въ концѣ зимняго сезона.

Мы съ нимъ рѣдко видимся и также рѣдко я пишу ему—въ чемъ всегда горько каюсь. Но такова немощь всѣхъ русскихъ—и мужчинъ, и женщинъ—если они постоянно заняты.

Но онъ мой настоящій доброжелатель.

Я всего одинъ разъ играла въ его пьесѣ. Это было въ первый годъ моихъ здѣшнихъ успѣховъ.

И со мною впервые случилось то, что по нынѣшнему называется «интуиція», въ самый вечеръ перваго спектакля.

Лицо героини мнѣ нравилось. Я приступила къ роли съ большимъ аппетитомъ. Но мнѣ сильно нездоровилось въ тѣ двѣ недѣли, когда шли репетиціи. А на генеральную я и совсѣмъ свалилась. За меня читали по тетрадкѣ,—даже не актриса, а помощникъ режиссера.

Можно себѣ вообразить, какъ-бы негодовалъ авторъ!

Но не этотъ. Онъ мнѣ сказалъ раньше, на одной изъ первыхъ репетицій:

— Въ васъ я увѣровалъ. Вы создадите новое лицо.

Тогда-то онъ едва-ли не первый и говорилъ, что я «пришла изъ жизни», а не изъ театральнаго училища.

Успѣхъ былъ шумный. Для него—не избалованнаго публикой—совершенно исключительный; а для меня—полное торжество.

Но *какъ* я буду играть?—авторъ не зналъ въ самый день спектакля.

Онъ мнѣ разсказывалъ на другой день—у меня,—что, сидя въ ложѣ, гдѣ были только его друзья, онъ съ перваго-же акта «восхищался» мною; но не могъ предвидѣть того «поворота» въ исполненіи, какой вышелъ у меня въ третьемъ актѣ, гдѣ и происходитъ душевный кризисъ въ героинѣ.

— Вы меня захватили... совершенно неожиданно. Это было какое-то откровеніе—une révélation—перевелъ онъ французскимъ словомъ.

Это и была моя «интуиція». Я и сама не предвидѣла, что съ этого поворотнаго пункта у меня выйдетъ именно *это* и *такъ*, а не по другому.

Вотъ онъ, и опять сидитъ въ моемъ кабинетикѣ, все такой-же живой и бодрый, хотя и очень уже пожилой. Когда заговоритъ о лѣтахъ, онъ повторяетъ шутливо русско-французскую игру словъ на изреченіе Людовика XIV:

— Лѣта (l'état) c'est moi!

И съ нимъ сразу самъ помолодѣешь на десять лѣтъ.

Ему извѣстно было и раньше, по одному моему письму, что забродило въ моей неугомонной, все чего-то взыскующей душѣ.

Къ этому онъ тотчасъ-же и самъ перешелъ.

— Дитя мое—говорилъ онъ, глядя на меня добрыми глазами—не хочу вамъ навязывать никакихъ итоговъ мудрости. Но когда куда-нибудь тянетъ, надо опредѣлить объектъ своихъ стремленій. Такъ или нѣтъ?

— Разумѣется!

— А у васъ, сколько я васъ понимаю, цѣлыхъ два идеала... Одинъ свой, особенный, артистическій; а другой—общій, и такой обширный, что вамъ одной, какъ артисткѣ—невозможно было-бы осуществить его.

Я внутренно согласилась съ тѣмъ, что онъ вѣрно все это уразумѣлъ и опредѣлилъ; но для меня одинъ идеалъ—въ концѣ концовъ—не былъ достижимъ безъ другого.

— Да, два идеала—подтвердила я. Одинъ мой, какъ артистки,

какъ создательницы художественныхъ образовъ; а другой—для всей области театра.

— Легко сказать! тихо и благодушно разсмѣялся онъ. Но не будемъ разбрасываться. И возьмемъ сначала ваше личное артистическое дѣло. Вы какъ будто задумали уходить... бросить то, что вы здѣсь создали, и въ такой короткій срокъ.

— Да, не хочу готовить себѣ амплуа премьерши. Это одинъ ужасъ!

— Но вы не будете такимъ типомъ, на какой вы намекаете.

— Рано или поздно и я превращусь въ него.

— Но какъ-же быть?

— Уйти!

— Почему-же именно?

— Потому что я здѣсь не буду никогда имѣть той свободы выбора, безъ которой я задохнусь.

— Прекрасно. Стало, вы хотите дѣйствовать на свой салтыкъ, т. е. продѣлывать то, что, напр., въ Италіи продѣлываютъ всѣ актеры и актрисы, которые добьются извѣстности... Вы хотите быть «capo comico?»

— Почему *comico?* переспросила я.

— Это слово «comico» значитъ тутъ не комикъ, а актеръ, т. е. *главный* актеръ или актриса, т. е. то, что наводитъ на васъ ужасъ—быть премьершей!

— Нѣтъ, это не одно и тоже!

— Это еще хуже. Это значитъ обратиться въ гастролершу, набрать труппу, какую придется, и ѣздить по провинціи, какъ звѣзда, какъ знаменитость, играть только то, гдѣ вы сами будете находить роли вамъ по душѣ... Такъ или нѣтъ?

Я задумалась.

— Такъ и не такъ.

— Но если вы даже и получите—такимъ путемъ—свободу выбора, то другой-то вашъ идеалъ—театръ съ новыми высшими задачами—развѣ онъ мыслимъ при такой гастрольной системѣ? Вѣдь вы составите себѣ репертуаръ изъ пьесъ, уже старыхъ, изъ ролей, которыя были создаваемы и до васъ, если вы захотите пробовать себя въ томъ, что создавали до васъ въ Европѣ, да и у насъ другія *премьерши*—подчеркнулъ онъ.

Эти доводы—по своему—были очень основательны; но развѣ я ихъ не ставила противъ себя?

Да, но только не такъ отчетливо, не такъ детально, потому что я не хотѣла себя расхолаживать; а мои бесѣды съ моимъ

новымъ руководителемъ тянули меня все дальше и дальше отъ всякихъ такихъ доводовъ.

— Милый мой другъ! Трепетная моя птичка! Не кидайтесь сразу! Дайте всю мѣру вашего таланта на тѣхъ подмосткахъ, гдѣ васъ такъ быстро оцѣнили, гдѣ вы—настоящая властительница настроеній, гдѣ вы—первая артистка, пришедшая изъ жизни, трепетная создательница образовъ новой русской женщины.

Это были его послѣднія слова.

V.

Друзья у меня есть—и все мужчины.

Женская дружба—вещь сомнительная. На чемъ-нибудь она да и дастъ трещину.

Обожательницъ у меня нѣсколько.

Другія жить безъ нихъ не могутъ.

У меня также завелись уже «амазонки», какъ ихъ называютъ въ газетахъ. Разумѣется, въ женскихъ уборныхъ увѣрены, что я ихъ сама дрессировала и держу при себѣ, кормлю, осыпаю подарками.

Эта злобная болтовня пошла съ того дня, когда, послѣ одного большого успѣха въ новой роли, мнѣ начали дѣлать, каждый вечеръ, и въ другихъ роляхъ, то, что называется «пріемъ»—т. е. апплодировать при моемъ первомъ появленіи.

А «премьерша», какъ разъ до того—и уже больше двухъ лѣтъ—пріемовъ не получала; а только вызовы въ антрактахъ и въ концѣ.

Но мои «амазонки»—не годятся въ друзья. Онѣ всѣ—слишкомъ молоды, слишкомъ «заражены» своими увлеченіями.

Что-бы я ни сказала, что-бы ни сдѣлала—все прекрасно! Какъ-бы я ни играла—все «божественно», даже и тогда, когда я сама сознаю, что играла только на «тройку», а не на «пять съ плюсомъ».

И въ этомъ чисто-дѣвичьемъ обожаніи есть даже что-то жуткое—прямо физически жуткое.

У нѣкоторыхъ это—настоящая влюбленность. Онѣ васъ цѣлуютъ, обнимаютъ, бросаются на колѣни, говорятъ всякія безумныя вещи.

Подо всѣмъ этимъ есть какое-то даже извращеніе.

Конечно, ничего этого я не поощряла, но чуть вы чѣмъ-

нибудь охладите такой порывъ—она въ слезы, въ истерику.—Надо ее потомъ утѣшать и возиться съ ней, укладывать въ постель.

Ни одна изъ такихъ обожательницъ не можетъ быть *другомъ*, въ такомъ-же смыслѣ, какъ мужчина.

Начни я передъ одной изъ нихъ (или передъ всѣми вмѣстѣ) высказываться такъ, какъ я сдѣлала съ моимъ милымъ авторомъ, онѣ-бы только и поняли въ этомъ, что желаніе играть все, что я хочу, а не то, въ чемъ мнѣ приводится выступать.

И, разумѣется, онѣ хоромъ бы закричали:

— Да! Вамъ надо добиться этого, божественная!.. Вы одна достойны такой полной свободы выбора!

А до моихъ «высшихъ» идеаловъ ни одна подняться не можетъ. Для нихъ *весь* театръ: пьесы, роли, начальство, публика, пресса—все это должно существовать только для предмета ихъ обожанія.

Но неужели и самые цѣнные для меня мужчины—только друзья, совѣтники или властители идейныхъ порывовъ, а не чувства?

Неужели для меня—молодой женщины—мнѣ вѣдь нѣтъ еще и тридцати—сердце и его запросы—это все, какъ прежде любили писать въ критикѣ съ философскимъ жаргономъ:

«Überwundener Standpunkt»?

«Точка зрѣнія», которую я переборола?

Неужели?

Послѣ того удара, которымъ открылась моя жизнь сердца, я точно заморозила себя. И такъ протянулись два года.

Въ это время жизнь и сдѣлала изъ меня актрису.

Я работала, какъ «каторжная», по выраженію одного моего знакомаго. Я искала во что-нибудь уйти отъ краха моей личной жизни. Я страстно полюбила искусство, и само по себѣ, и какъ ту обитель, куда бѣгутъ отъ ударовъ, злобы, пошлости и грязи обывательскаго существованія.

Но я была еще очень молода. Если не кровь, то потребность въ нѣжности и ласкѣ—толкнула меня къ тому, что, на житейскомъ жаргонѣ, называется связью.

И тутъ скоро, слишкомъ скоро проявилась моя роковая тяга къ чему-то высшему, во всемъ—въ искусствѣ, въ идеяхъ, въ людяхъ, въ увлеченіяхъ.

Не знаю—есть-ли на свѣтѣ хоть одинъ мужчина, который выдержалъ бы тотъ искусъ, какому я—противъ своего желанія—

22570

непремѣнно подвергну его, даже еслибъ мое увлеченіе имъ—на время—и было очень сильно.

Такъ оно должно было случиться, такъ и вышло съ моимъ романомъ—при поворотѣ моего жизненнаго пути въ сторону успѣха, любви публики, славы.

Изъ-за чего я разорвала?

Не сошлись характерами?

Но развѣ есть хоть одна любящая пара, на свѣтѣ, гдѣ не было-бы розни характеровъ?

Изъ-за ревности?

Также нѣтъ.

Изъ-за такого открытія въ любимомъ человѣкѣ, которое омрачаетъ и грязнитъ всякую связь?

И этого не было.

Но на двѣ трети моихъ чистыхъ настроеній онъ не могъ, еслибъ и хотѣлъ, отвѣчать. И притвориться не умѣлъ: да я и распознала-бы тотчасъ всякую личину, самомалѣйшую фальшь.

А разъ этотъ червякъ безпощаднаго анализа завелся—охлажденіе мое растетъ не по днямъ, а по часамъ.

Я должна «разорвать». Я, какъ огня, боюсь потери внутренней свободы и правды. Это для меня хуже болѣзни, страшнѣе смерти.

И вотъ уже протекло не мало времени—я вижу себя въ полнѣйшемъ отчужденіи отъ всего, что похоже хоть сколько-нибудь на жизнь сердца.

На дняхъ я отъ него получила длинное письмо. Въ немъ нѣтъ безвкусныхъ воспоминаній о тѣхъ «свѣтлыхъ минутахъ, когда мы отдавались другъ другу». Такъ-бы непремѣнно сталъ писать неизмѣнный «каботинъ». Онъ слишкомъ уменъ, чтобы прибѣгнуть къ такому пріему.

Но подкладку не трудно было понять.

Ему хочется получить здѣсь положеніе, о которомъ онъ давно мечталъ. Прямо онъ не проситъ моей поддержки; а только ходитъ «вокругъ да около».

«Служить» съ нимъ въ одномъ театрѣ—это мнѣ особенно не улыбалось-бы.

Но если я ему признаюсь въ томъ, что теперь назрѣваетъ въ моемъ «я», онъ приметъ это за ловкій отводъ изъ-за нежеланія быть съ нимъ въ одной труппѣ, гдѣ у меня, весьма вѣроятно, есть какой-нибудь новый другъ.

Даже осуществись идея искуса, какъ «саро comico»—по выраженію моего автора—я-бы не пригласила въ свою труппу

такого «эксъ-дружка», какъ шушукались-бы, навѣрно, за кулисами досужія кумушки, «un ancien»—какъ называютъ такихъ «бывшихъ» на жаргонѣ парижскаго полусвѣта.

VI.

Вотъ я и вольный казакъ!

Чѣмъ ближе подходило время къ сроку моего контракта, тѣмъ я дѣлалась тревожнѣе.

Бывали минуты несносныхъ колебаній. Я возмущалась самой собой. Значитъ, въ меня все-таки забралась уже «каботинка», будущая премьерша?

Минутами я жаждала какой-нибудь поддержки «свыше», наитія, вѣщаго сна, указанія потусторонняго міра.

Съ дѣтства я была очень вѣрующая... И удары жизни не сдѣлали меня скептикомъ.

Я, быть-можетъ, плохая прихожанка. Но я всегда чувствую связь между мною и *чѣмъ-то*, что можетъ нисходить на нашу мятущуюся душу, озарять ее, подавать желанную помощь.

Попросту, это называется «быть суевѣрной».

Можетъ быть. Кто вкусилъ яда подмостокъ, врядъ-ли когда-нибудь уйдетъ отъ суевѣрныхъ примѣтъ.

На этомъ ловила себя и я... И когда я какую-нибудь роль брала съ бою—я, выходя изъ уборной, становилась лицомъ къ образу и крестилась.

Такъ дѣлаетъ и всякая балетная солистка, которая выскочитъ сейчасъ и начнетъ выдѣлывать свои *батманы* и *антраша́*.

За двѣ недѣли до срока контракта я всю ночь промаялась безъ сна.

Утромъ рано—было еще темно—я поскорѣе одѣлась и поѣхала въ ту часовню, гдѣ, по пріѣздѣ сюда, передъ моимъ дебютомъ, горячо молилась.

Мнѣ надо было найти наитіе. Дорогой я повторяла себѣ:

— «Безъ рѣшенія я домой не вернусь».

И привезла это рѣшеніе—безповоротное и лучезарное. Что-то озарило меня великой радостью и такимъ-же великимъ мужествомъ.

Меня запрашивали задолго до срока и опять зондировали.

Я написала бумагу духомъ и уѣхала на два дня... въ горы, на водопадъ... чтобы никого не видать и не вести тошныхъ переговоровъ.

Журнальный фонд
Московской обл. библиотеки

Но еще раньше газетные слухи уже оповѣстили, что я ухожу, создаю *свой* театръ.

До созданія еще далеко. Я буду только проходить черезъ окончательный искусъ.

Тотъ театръ, о которомъ я все страстнѣе и смѣлѣе мечтаю,—будетъ созданъ, когда я приду къ выводу: что́ я такое, и какъ артистка, и въ силахъ-ли я была-бы что-нибудь создать, внѣ своего актерскаго «я», не для собственной славы, хотя-бы и всемірной, а для безплотнаго, стоящаго надо мною возрождающаго начала?

Разумѣется всѣ—не только присяжные, авторитетные критики, но и мелкая сошка репортеровъ—въ голосъ повторяютъ то—какая это будетъ «утрата» для сцены, гдѣ меня такъ полюбила публика.

Выходитъ такъ, что я—«олицетворенная неблагодарность». А въ одной замѣткѣ былъ даже намекъ на то, что это—*манія величія*, если не болѣзненный духъ «авантюры» или желанія сдѣлаться «директрисой», создать свой театръ.

И сейчасъ-же два имени—Дузе и Сары Бернаръ—приводятся въ видѣ поучительной иллюстраціи.

Тотъ газетчикъ, который всего сильнѣе напиралъ на Сару Бернаръ,—привелъ обстоятельную справку, какой и желалъ окончательно образумить меня.

Сара Бернаръ—съ тѣхъ поръ, какъ пустилась гастролировать, а потомъ создала *свой* театръ—не пошла ни на шагъ впередъ, какъ артистка, а какъ директриса тоже ничего *новаго* не создала.

Правда это, или нѣтъ?

Конечно, это правда. Прибавлю отъ себя, что даже и Дузе, эта «властительница думъ» всѣхъ насъ, пришедшихъ послѣ нея—*новаго* театра не создала.

Но она если и мечтала объ этомъ, то попутно, между прочимъ. А какъ Дузе—она только тогда и показала, кто она, тогда только и дошла до полнаго самопознанія и самоопредѣленія, когда стала создавать то, что ей *надо было*, а не то, что ей приходилось играть, въ первой попавшейся труппѣ.

Но все это уже позади.

И безповоротно позади! Внутренній голосъ говоритъ мнѣ, что *сюда*, на то-же положеніе, я больше не вернусь и не кончу своей сценической жизни въ званіи «заслуженной», тѣмъ ужаснымъ типомъ, который вырабатывается изъ каждой «премьерши».

И какъ разъ наканунѣ моего формальнаго ухода, я получила

изъ-за границы теплое, почти трепетное письмо отъ моего автора.

Онъ почуялъ, что я сдѣлаю «по своему».

«Вы—писалъ онъ—высшій образчикъ импульсивной женской психики; но эта импульсивность у васъ—на почвѣ идей, а не собственныхъ славолюбивыхъ домогательствъ.

«Что-же! Пройдете первый искусъ. Онъ не будетъ безплоднымъ. Вы, если физически и утомитесь, если даже вы принуждены будете испытать нѣчто горькое—помимо денежныхъ случайностей—то вы создадите цѣлый рядъ высокихъ художественныхъ образовъ, вы еще ярче, и глубже, и сердечнѣе будете проявлять всѣ высшія душевныя переживанія женщины—и русской, и на общечеловѣческихъ высотахъ».

О большемъ я вѣдь тогда и не мечтала—для моего личнаго искуса.

Съ «руководителемъ» я не видалась какъ разъ въ двѣ послѣднихъ недѣли и онъ не зналъ о моихъ колебаніяхъ. Его не было въ городѣ.

Но я послала ему депешу съ отвѣтомъ. Сама я написала всего одно слово: «Разорвала». А онъ отвѣтилъ: «Ура!».

И когда я фактически ушла, то не хотѣла думать ни о какихъ новыхъ хлопотахъ для составленія странствующей труппы, а уѣхала на югъ, въ природу, въ горы, на море!

VII.

Цѣлый сезонъ промчался точно въ грезахъ. *Настоящей* жизни—какъ будто и не было совсѣмъ. Города, дороги, знакомства, публика, газетчики, поклонники, молодежь—вездѣ шумъ, восторженность... бенефисы, оваціи, подарки, цвѣты, бросаніе букетовъ, ужины, обѣды, проводы, встрѣчи.

Но это все только обстановка тріумфальнаго шествія.

Въ себя уйти было абсолютно невозможно

За все время я не написала болѣе двухъ-трехъ писемъ друзьямъ, да и то только въ минуты *реакціи*, когда на меня нападали припадки раздумья и даже тоски. И всегда—послѣ фурорныхъ пріемовъ, послѣ сборовъ «съ аншлагомъ».

Стою-ли я въ настоящую минуту, послѣ такой блистательной «кампаніи», съ тѣми итогами въ рукахъ, о какихъ я мечтала?

И да, и нѣтъ.

Да—въ томъ смыслѣ, что я могла «дерзать» и «посягать» на многое, чего мнѣ не удавалось создавать тамъ, «на службѣ».

«Создавать!» Но не слишкомъ-ли это звонко? Это все французскій жаргонъ.

— La création d'une telle или d'un tel.

Но вѣдь у французовъ все création — не одна роль, а и платье, и фасонъ шляпъ, и блюда.

Съ васъ сдерутъ въ Парижѣ двадцать франковъ за одну утку, по извѣстному рецепту, и ресторaторъ важно объявляетъ вамъ:

— Ce canetoп, monsieur, или madame—est *ma* création.

И, можетъ быть, онъ, и въ самомъ дѣлѣ, болѣе оригинальный *творецъ* своего блюда, чѣмъ ты—создательница сценическаго лица.

Я «дерзала»—это точно. Выступила чуть не въ дюжинѣ тѣхъ ролей, о которыхъ такъ долго мечтала.

Но было-ли у меня время глубоко и всесторонне *выносить* ихъ.

Статистически—нѣтъ.

Для этого, быть можетъ, надо было бы засѣсть на цѣлыхъ полгода, удалиться куда нибудь въ глушь и только въ нихъ и уйти, совсѣмъ, до забвенія всѣхъ и вся.

Этого не было. Но у меня такая психика. Если мнѣ сразу не дастся замыселъ, если мнѣ не придетъ такое *наитіе*—проявить въ этомъ лицѣ такую то душевную основу, если особенный лучъ не освѣтитъ мнѣ всего—лучезарно и безповоротно,—хотя бы я корпѣла надъ ролью цѣлый годъ—ничего не выйдетъ, или я буду, какъ одинъ мой пріятель, молодой медикъ, говорить:—«играть по симптомамъ»—все равно, что лѣчить по старинному: болитъ голова—горчишникъ; а настоящаго діагноза—нѣтъ.

Къ моему списку прибавилось нѣсколько новыхъ «созданій»—два шекспировскихъ лица, три изъ репертуара Ибсена, двѣ неигранныя мною роли изъ Островскаго и три изъ нѣмецкаго репертуара.

Что же я такое, какъ актриса?

Этотъ вопросъ стоитъ теперь предо мною, какъ нѣчто, требующее болѣе рѣшительнаго отвѣта.

Не то ли самое, что я собою изображаю, какъ натура, какъ душа, какъ русская женщина съ извѣстнымъ прошлымъ?

Другими словами: могу ли я *перевоплощаться* такъ, чтобы въ созданномъ лицѣ не оставалось ничего *моего*, до малѣйшихъ особенностей «я?»

Ну, я задумаю лицо, на меня ни чуточки не похожее, я себя настрою такъ, что буду держаться совсѣмъ другого тона, что у меня явятся другіе жесты и мимика лица...

А голосъ?

Это сдѣлалось уже избитымъ газетнымъ клише—говорить о моихъ «въ душу идущихъ звукахъ».

Передѣлать я ихъ не въ состояніи. Развѣ въ мѣстахъ, не требующихъ подъема духа. А чуть завибрируетъ мое «я»—польются тихіе звуки, задрожитъ тотъ же душевный трепетъ.

И въ эти, самыя захватывающія мѣста—опять „я", со всей моей сокровенной психикой.

Говорятъ: «надо добиться *самогипноза*». Въ извѣстной степени, я его произвожу надъ собой; но больше-ли, чѣмъ всякая нервная актриса съ талантомъ?

Можно вѣдь совершенно забыть себя, въ минуты высшаго возбужденія, и все-таки не видѣть настоящаго *самогипноза*. Тебѣ только будетъ представляться, что ты „внушила" себѣ быть именно такимъ лицомъ, какое ты теоретически задумала. А ты все-таки не выскочишь изъ своего „я", попросту, изъ своей кожи.

Я имѣла вездѣ шумный успѣхъ во всѣхъ ибсеновскихъ роляхъ; но развѣ я была настоящая Гедда Габлеръ?

Но даже и въ „Норѣ" я рѣзвилась, во второмъ актѣ, отдаваясь тому, что во мнѣ до сихъ поръ осталось дѣтскаго, и даже мальчишескаго. А въ монологѣ послѣдняго дѣйствія я порывисто и сильно изливала опять таки то, что накопилось во мнѣ женской обиды.

Вѣдь это опять „игра по симптомамъ", какъ старомодное лѣченіе?

Тоже и въ бытовыхъ лицахъ.

Тутъ не надо-бы большого самогипноза, чтобы создать лицо, прямо выхваченное изъ жизни. Но я—не «бытовикъ», потому что нѣтъ у меня интереса къ *быту*. Онъ ничего не говоритъ тому „я", которое стремится къ полному освобожденію театра ото всякой бутафоріи.

И меня даже раздражало то,что я, какъ разъ, въ двухъ бытовыхъ роляхъ встрѣчала вездѣ самый фурорный пріемъ публики—во всей ея массѣ: и пожилые люди, и барыни, и офицеры, и студенты, и курсистки, и гимназисты.

Можетъ быть, у меня и выходило что-нибудь вѣрное извѣстному быту, но я опять-таки переживала что-то *свое*, страдала и любила, и доходила до полнаго краха своего собственнаго «я».

Таковы итоги. Развѣ ихъ достаточно?

Не знаю.

Но съ чѣмъ я вернулась, какъ съ самымъ непоколебимымъ принципомъ и убѣжденіемъ—это съ тѣмъ, что театръ, какъ цѣлое, вся манера, весь строй и духъ, въ какой-бы то ни было труппѣ—все это изжило себя.

И какой-бы ни былъ „первый сюжетъ"—мужчина или женщина—хотя-бы геніально одаренные и смѣлые, и новые, они своей *личной* игрой—никогда и ни въ чемъ не искупятъ всей этой изжившей себя машины.

— А чѣмъ же ее замѣнить? спросятъ меня.

Не знаю, не вижу еще, въ настоящую минуту; но если не буду искать, то рискую превратиться въ то, что у итальянцевъ называется «capo comico»—какъ меня пугалъ мой вѣрный другъ.

VIII.

Жаждала чего-то вродѣ Ѳиваиды — полнаго отчужденія отъ всякой людской и—главное *городской* сутолоки и все-таки очутилась—правда, ища свѣта и тепла,—на той скалѣ, куда всѣ части свѣта высылаютъ своихъ «растаквэровъ», «пшютовъ», кокотокъ, кутящихъ барынь.

И все это преисполнено одной страстью—къ игрѣ, и на сотни тысячъ, и на десятки франковъ.

Да, я попала въ Монте-Карло, заѣхала туда какъ-бы случайно, поживъ сначала на тихомъ итальянскомъ прибрежьѣ, куда меня даже послали, послѣ острой простуды, схваченной въ Неаполѣ.

Мой бронхитъ быстро успокоился, стало тяжко сидѣть въ отелѣ, гдѣ двѣ трети жильцовъ—грудные.

Какъ-же было не проѣхать за границу, когда самое это Монте-Карло—въ часѣ ѣзды?

Первый мой визитъ въ игорные залы Казино—вызвалъ во мнѣ скорѣе скуку, чѣмъ что-либо.

Ничего я не нашла не только захватывающаго, но и просто любопытнаго.

Наблюдать выраженіе фатальной страсти надо гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, но не тутъ.

Это точно какое-то присутственное мѣсто съ толпой просителей и канцеляристовъ.

Выраженіе лицъ—самое незанимательное. На всѣхъ маска и всѣ проникнуты чисто канцелярской дѣловитостью.

То, что ихъ всѣхъ поглощаетъ, волнуетъ, радуетъ, бѣситъ—тамъ, гдѣ-то, въ ихъ душевныхъ „утробахъ".

Да еслибъ они и нарочно *играли* предо мной въ оттѣнки разныхъ эмоціи—это бы меня ни мало не захватило, потому что сами-то по себѣ они всѣ—на одну стать—и лорды, и маркизы, и дюшессы, и горизонталки, и обшарканныя салопницы, и всевозможныхъ типовъ буржуа—какихъ-бы то ни было національностей.

Я узнала сейчасъ-же и россіянъ всякаго сорта—помимо ихъ профиля и акцента, и по меньшей деревянности и связанности иностранцевъ.

Ни на одномъ столѣ я не поставила ни золотого въ „trente et quarante", ни даже пяти франковъ—въ рулетку.

И ушла съ такимъ выводомъ, что у меня, должно-быть, нѣтъ ни малѣйшей игрецкой *жилки*, что меня не притягиваетъ призракъ удачи, случая, другими словами: *судьбы*.

Но, вернувшись въ свой отель, похожій на санаторію—я пораздумалась.

Полно, такъ-ли, что моя натура лишена игрецкой жилки?

Въ „судьбу" я всегда вѣрила и, попавъ на сцену, должна была постоянно бороться съ удачей.

И въ томъ, что теперь, послѣ личныхъ успѣховъ, влечетъ меня, какъ идея, какъ высшій предѣлъ того, что можно создать въ области драмы и сценическаго творчества—развѣ я не мечталю объ удачѣ, развѣ я не собираюсь, въ ближайшемъ будущемъ, ставить какую-то крупнѣйшую ставку, гдѣ могу все потерять или вернуться, какъ побѣдительница.

Въ меня вползло желаніе испытать себя, убѣдиться окончательно, есть ли у меня такая-же игрецкая жилка, какъ у десятковъ тысячъ, устремляющихся со всѣхъ концовъ Европы и Новаго Свѣта на эту скалу, превращенную въ какіе-то Семирамидины сады, на ту площадку, гдѣ въ Café de Paris играютъ цыгане въ красныхъ сюртукахъ съ выкрутасами.

Мнѣ кто-то разсказывалъ про одну ученую женщину—математика по спеціальности—которая, попавъ туда, то же съ увѣренностью въ томъ, что она застрахована отъ такой „низменной" страсти—поймалась, стала дѣлать выкладки по какой-то знаменитой теоріи и проигралась въ пухъ и прахъ.

И она—женщина съ высшей умственной одаренностью—оказалась на томъ-же психическомъ уровнѣ, какъ и всѣ эти запойные игрочишки обоего пола.

Самое мѣсто этого «вертепа» мнѣ очень понравилось. И видъ сверху на заливъ, и княжескій замокъ, вся ликующая панорама горъ и моря. Даже и климатъ показался мнѣ мягче и воздуху какъ будто больше, и никакой сырости.

У меня еще осталось двѣ недѣли до возвращенія—черезъ Парижъ, съ заѣздомъ въ Лондонъ. Нельзя же было не подвести итога тому—въ этихъ двухъ «столицахъ міра»: на какомъ уровнѣ стоитъ дѣло—если предъявить къ нему *мои* требованія?

И вотъ я опять въ залахъ Казино; но уже не просто, какъ фланирующая иностранка, пріѣхавшая сюда «людей посмотрѣть и себя показать»; а съ цѣлью продѣлать надъ собою нѣкоторый психологическій опытъ.

Всякій игрокъ скажетъ вамъ:

— Вы не можете знать—есть-ли въ васъ игрецкая жилка, пока васъ рулетка не *нагрѣла*.

Она меня не «нагрѣла» настолько, чтобы я все спустила, что привезла съ собою; но она мнѣ показала двѣ вещи.

Во-первыхъ, то, что я не могла быть застрахованной отъ той особой эмоціи, какую даетъ только игра, потому что я сама—олицетворенная *эмоція*.

Во-вторыхъ—и это было еще болѣе цѣнное и жуткое открытіе—только тутъ, за зеленымъ столомъ рулетки, я познала то неожиданное волненіе, какое вы испытываете, когда вызываете на бой... Что? Судьбу, рокъ, фатумъ.

И въ разгаръ игры это достигаетъ своего апогея. Это можетъ болѣе захватывать, чѣмъ какая-либо другая борьба, въ томъ числѣ и борьба съ успѣхомъ на сценѣ, съ публикой, съ чувствомъ толпы, которая васъ или ошикаетъ, или забросаетъ цвѣтами.

Этотъ опьяняющій напитокъ сильнѣе всякаго другого соблазна. И я понимаю теперь, что игра выѣдаетъ изъ души человѣка рѣшительно *все*.

Онъ дѣлается маньякомъ неоцѣнимаго для него подъема души, бьющейся противъ фатума и никогда не теряющей надежды раздавить эту гидру, пересилить эту глупую и разбойническую «вертушку», какъ называютъ рулетку русскіе запойные игроки.

Опытъ былъ сдѣланъ, и онъ почти что испугалъ меня.

Не значитъ-ли это, что я, по всему складу своей психики, склонна къ постоянному преслѣдованію одного какого-нибудь *призрака*, *миража*, что удары судьбы будутъ меня только оби-

жать и подзадоривать и я, какъ всякій игрокъ, имѣющій свою систему, «martingalle», буду восклицать:

— Какъ! Меня—умнѣйшаго наблюдателя, съ моей сообразительностью—и вдругъ какая-то дурацкая вертушка обобрала въ одинъ день! Этому не бывать!

И онъ идетъ домой, копитъ и черезъ полгода возвращается съ кушемъ... и опять въ одну недѣлю спускаетъ все до тла.

Но это его не вылѣчитъ. Безъ борьбы съ судьбой онъ дышать не можетъ. Его система должна побѣдить.

IX.

И какая *символическая* встрѣча!

На террасѣ сталкиваюсь тоже съ артисткой и съ всемірно знаменитой *красавицей*.

Она такъ и называется на афишахъ «la belle» такая-то, какъ ея соперница, испанская красавица, кажется, достаточно пріѣвшаяся и у насъ, въ обѣихъ столицахъ.

Но эта сдѣлала себѣ спеціальность изъ заграничныхъ центровъ высшей рекламы. Здѣсь она—какъ-бы и мѣстная знаменитость.

Я знавала ее простой корифейкой, и даже такъ случилось, что она обращалась ко мнѣ съ просьбой о маленькомъ одолженіи—уже не помню, что это было такое. Но она прислала мнѣ разъ букетъ въ уборную.

Теперь она подруга милліардера и танцуетъ «изъ любви къ искусству».

Какъ танцовщица, она—весьма средняя величина, но рекордъ красоты упорно сохраняетъ, хотя у насъ не считалась-бы тѣмъ, что англичане называютъ «professional beauty».

Мы столкнулись съ ней, подходя къ одному и тому-же дивану, на верхней террасѣ казино.

И она первая узнала меня и даже тихо вскрикнула:

— Ахъ, это вы?

И тотчасъ же назвала меня по имени и отчеству.

Тутъ и я ее узнала и вспомнила, что она собою изображаетъ въ мірѣ галантно-артистическомъ.

— Вы здѣсь? Какъ я рада! Позвольте поцѣловать васъ.

Все это очень искренно. И ея говоръ, и интонаціи отзывались русскимъ балетомъ.

Мы сѣли рядомъ. Она держала меня за руку ласково оглядывала.

Мой туалетъ — хотя и модный — она конечно затмѣвала всѣмъ, что на ней было надѣто: шляпа, пальто, платье, жемчужное ожерелье, бриллiанты.

На себѣ она носила по крайней мѣрѣ на полмилліона франковъ разныхъ bijoux.

Но только все это никому не бросалось въ глаза. И лэди, и маркизы, и кокотки высшихъ марокъ—одинаково обвѣшиваютъ себя всѣмъ этимъ добромъ.

Можетъ показаться даже претензіей—моя привычка ничего не носить на себѣ, кромѣ самыхъ простыхъ серегъ или брошки.

— Вы совсѣмъ ушли?—спросила она участливо.—Я читала въ газетахъ. Какъ жаль! Я вѣдь вами безумно увлекалась... Вы помните?

И она еще разъ пожала мнѣ руку.

Не дожидаясь моего отвѣта, она продолжала все тѣмъ-же балетнымъ говоромъ:

— Вамъ-бы сюда съ труппой. А потомъ въ Парижъ, въ Лондонъ, въ Америку... Теперь русское искусство въ такомъ ходу.

— Особенно балетъ!—прибавила я.

— Еще то ли будетъ! Дайте срокъ.

— А вы совсѣмъ простились съ отечествомъ?—спросила я, безъ всякаго подчеркиванія.

— Иногда какъ будто и тянетъ... Я бываю... повидать родныхъ, нѣкоторыхъ подругъ... Но вѣдь согласитесь—развѣ у насъ, въ Россіи—можно такъ поставить себя, какъ заграницей... особенно въ Парижѣ?

Ея подведенные глаза весело и какъ-бы побѣдоносно блеснули.

«Какой цѣной?»—могла-бы я освѣдомиться, но, разумѣется, воздержалась.

— Вотъ хоть-бы меня взять... Я вѣдь знаю, что я не великая артистка... хотя все-таки и у насъ-бы была изъ хорошихъ солистокъ. Но меня прославили за *красоту*,—выговорила она не безъ юмора. — У насъ ничего подобнаго-бы не было! Это даже стыдно — брать своимъ лицомъ и красивымъ сложеніемъ. У насъ все чего-то высшаго добиваются... Все въ эмпиреяхъ какихъ-то плаваютъ. Почему? Потому что у насъ, по правдѣ сказать, не стоитъ быть красивой. А въ Парижѣ, да и вездѣ, заграницей, въ самыхъ шикарныхъ мѣстахъ, все въ васъ

оцѣнятъ—рѣшительно все—и глаза, и профиль, и бюстъ, и туалетъ во всѣхъ деталяхъ.

— Да, всему *цѣна*!—вырвалось у меня совершенно противъ воли.

Но она не обидѣлась, а приняла это какъ должное.

— Да, все умѣютъ цѣнить! А что изъ васъ настоящую рекламу дѣлаютъ — такъ ужъ безъ этого здѣсь ничего не добьешься. Мнѣ теперь не нужно было-бы никакой рекламы. И эти слова: «la belle такая-то» — довольно-таки пріѣлись. Но если мнѣ еще хочется имѣть успѣхъ, какъ танцовщицѣ, я должна съ этимъ мириться. Директоръ не согласится ни въ жизнь—иначе меня называть въ афишахъ и въ газетныхъ рекламахъ.

Все это было сказано совсѣмъ просто, но тономъ полнаго убѣжденія въ томъ, что иначе за границей, *гдѣ умѣютъ жить*, и быть не можетъ.

Ей, въ самомъ дѣлѣ, не нужна уже реклама изъ-за сборовъ. Навѣрно, ея «другъ» даетъ ей годовое содержаніе въ нѣсколько сотъ тысячъ франковъ; а можетъ и по цѣлому милліону; но она не хочетъ переставать быть и «la belle» для всѣхъ, кто ловится на ея всемірную репутацію красоты.

— Вотъ вы, дорогая, какой талантъ! Вы не пускаетесь ни въ какія рекламы, а безъ нея—за границей—нельзя, особенно въ Парижѣ. На все цѣна. Въ газетахъ строчки объ васъ не помѣстятъ даромъ, на первыхъ порахъ.

— Значитъ, все продажно?

— Какъ хотите—назовите... Я вотъ же должна была проходить черезъ всякія мытарства. Я пріѣхала сюда уже съ мѣсяцъ. А сотни всякихъ «artistes dramatiques»—хотя-бы и съ талантомъ—имъ надо платить—всѣмъ и каждому—коли не деньгами, такъ собственной особой.

И она добродушно засмѣялась.

Нашъ разговоръ былъ прерванъ. Какой-то черноватый господинъ, съ еврейскимъ профилемъ—подошелъ къ ней дѣловой походкой и сейчасъ-же отвелъ ее къ периламъ, гдѣ сталъ быстро, вполголоса, говорить—вѣроятно что-нибудь дѣловое.

Да, эта «профессіональная красота» изъ третьестепенныхъ русскихъ танцовщицъ—предстала передо мною не только какъ символъ, но и какъ цѣлый типъ.

Такъ вотъ обработываетъ Парижъ и вообще «заграница» нашу сестру, если она не будетъ тянуться въ «эмпиреи», а сумѣетъ снимать сливки со своихъ приманокъ.

Но она тотчасъ-же пріобрѣла и милліардера и могла-бы блаженствовать и безъ всякой театральной рекламы.

Это еще вопросъ! И для ея «друга», вѣроятно—не безразлично то, что она «la belle», что ее, въ этомъ качествѣ, знаютъ обѣ части свѣта.

А тѣ сотни ищущихъ успѣха, о которыхъ она сейчасъ говорила въ такомъ добродушно-циническомъ тонѣ?

Для нихъ честь женщины фатально должна быть расхожей монетой.

Я вотъ не прошла ни чрезъ что подобное и добилась признанія своего «удѣльнаго вѣса»—какъ выражается часто мой старый другъ—писатель.

За то и—еще до сихъ поръ—все взыскую чего-то, а тѣмъ, кто выкарабкается такой позорной цѣной—надо брать самые крупные проценты съ утраченнаго «сокровища», надо урывать у судьбы все, что только она можетъ дать, а не мечтать объ «эмпиреяхъ», какъ выразилась «la belle такая-то».

X.

И передъ тѣмъ, какъ я стала изучать, въ двухъ «столицахъ міра», дорогое для меня дѣло, я встрѣтилась еще съ другой соотечественницей.

Эта встрѣча, пожалуй, еще болѣе *символическая*.

Передо мною было олицетвореніе того, что мнѣ самой—какъ и всякой, кто къ чему-нибудь стремится—надо желать, какъ говорится, «въ первую голову».

Это—напряженіе *воли*, неустанное битье въ одну точку, достиженіе всѣхъ своихъ цѣлей.

Но *каковы* эти цѣли?

Да, онѣ всѣ связаны только съ собственнымъ «я», и удовлетвореніемъ своего личнаго славолюбія и успѣха.

Но вѣдь она могла-бы прибавить къ этому и нѣчто, стоящее выше ея.

Вѣдь у нея на языкѣ такія слова, какъ «литературный театръ», «художественное творчество», Шекспиръ, Ибсенъ, Меттерлинкъ, «символизмъ», «модернизмъ».

Наши дороги очень похожи. И она такая же русская актриса, какъ и я. Но она достигла извѣстности безъ особенныхъ внѣшнихъ качествъ. Ее долго травила пресса, чего я совсѣмъ не переживала. Но ея гибкая натура, ея желѣзная воля все

передѣлали и, когда она создала себѣ имя, она захотѣла также сдѣлаться «саро comico», имѣть свое дѣло, создать свой театръ, посягала и дерзала, находила денежную поддержку, терпѣла убытки, совсѣмъ раззорилась, пускалась въ кругосвѣтное tournée, продѣлывала всѣ виды заграничной рекламы и вотъ теперь у нея несомнѣнно всесвѣтное имя. Она ставитъ русскія пьесы въ переводахъ и выступаетъ на двухъ-трехъ языкахъ, идетъ все въ гору.

Хотѣла-ли бы я *такъ* итти въ гору?

Конечно, нѣтъ! Но для нея путеводной звѣздой было одно: «Достичь».

Какъ въ Парижѣ говорятъ: *arriver*.

И она настоящая «арривистка». Въ ней, до сихъ поръ, не истощился запасъ энергіи, сосредоточенной на томъ, что для нея—дороже всего.

Мы встрѣтились, какъ старыя знакомыя. Она держалась со мною по товарищески и первая предложила мнѣ—ввести меня всюду, что только можетъ интересовать меня.

И когда я ее начала немного зондировать насчетъ того—какъ она себя чувствуетъ, не устала-ли отъ такого долгаго и и упорнаго напряженія, она, съ улыбкой, вся сіяющая, говорила мнѣ:

— Я такъ счастлива, такъ счастлива! Не за себя только, а за женщину вообще. И—прибавлю—за русскую женщину... я умѣю хотѣть и достигать своего. И теперь, благодаря мнѣ, русская артистка заняла достойное ея мѣсто на всемірномъ сценическомъ рынкѣ.

Слово «рынокъ» вылетѣло у нея само собою, не какъ обмолвка, а какъ настоящій терминъ.

И сдѣлала это *она*!

И когда я, вернувшись съ одного спектакля, стала думать о томъ—какая-же разница, *по существу*, между мною и такой вотъ арривисткой?

Я хотѣла завоевать себѣ положеніе, свободу выбора ролей?

Она давно это имѣетъ и не довольствовалась тѣмъ, что выступала въ вещахъ извѣстныхъ, а выступаетъ въ новыхъ пьесахъ, которыя пишутся *для нея*.

Я прошла артистическій искусъ, въ видѣ цѣлаго цикла настроеній.

Такъ вѣдь и она начала свои «tournée» гораздо раньше меня и у насъ, и—главное—заграницей, играла и на русскомъ, и на иностранныхъ языкахъ, и занимаетъ теперь, по своему, единственное мѣсто въ ряду международныхъ артистокъ. И это

куда было потруднѣе, чѣмъ танцовщицѣ или пѣвицѣ сдѣлаться звѣздой въ Лондонѣ, Парижѣ или Нью-Іоркѣ.

Я «взыскую» чего-то совсѣмъ новаго, полной революціи театра и въ самомъ созданіи пьесъ и во всемъ складѣ ихъ исполненія.

Такъ вѣдь и она стоитъ за всякія *новшества*, гоняется за авторами пьесъ, въ которыхъ, какъ ей кажется, она найдетъ «послѣдній крикъ». И она, захлебываясь, говорила о томъ, что надо бросить всю старую *рутину*, что и Парижъ ей «не указъ», что у французовъ, хоть и есть попытки новаторства, но ихъ «grand art» все еще держится на трехъ китахъ: Мольеръ, Расинъ, Викторъ Гюго.

Какая-же *разница* между нами?

Степень таланта?

Но почему-же я знаю, что я головой выше стою ея, даже и въ исполненіи однихъ и тѣхъ-же ролей?

Надъ ней никто уже не подсмѣивается въ печати. Всѣ ее принимаютъ «въ серьезъ»—именно за границей; да и дома она найдетъ всегда публику, которая будетъ сбѣгаться смотрѣть на нее, особенно теперь, когда она сдѣлалась международной знаменитостью.

Въ чемъ-же разница, по существу?

Въ томъ, какъ *я* себя самое сознаю и чувствую?

Такъ вѣдь это, какъ у насъ говорится, «вилами на водѣ писано».

Я могу находить, что я въ сто разъ даровитѣе. Но это при мнѣ останется—и только.

Дѣло не въ томъ — какихъ размѣровъ у меня талантъ, а въ томъ — есть ли у меня, въ настоящую минуту, что-нибудь вполнѣ назрѣвшее, что я буду облекать въ плоть и кровь?

Нѣтъ, оно только еще назрѣваетъ; а у ней все готово. Она знаетъ, *что* ей нужно, она выбираетъ изъ всего самое для себя подходящее и, при этомъ, имѣетъ *фактическое право*—считать себя носительницей передовыхъ идей въ томъ-же самомъ искусствѣ, которое мнѣ такъ дорого.

Словомъ, она *реально* переживаетъ всѣ свои желанія, идеи и порывы; а я еще къ чему-то тамъ готовлюсь, прохожу искусы, а лучезарная цѣль—гдѣ-то тамъ, на недосягаемой выси.

Внутренно кричу: «Туда! Туда!» А куда именно—еще ясно не вижу, и какъ этого свѣточа достичь—еще не знаю!

XI.

Изъ старой Европы я вернулась въ настроеніи скорѣе минорномъ, чѣмъ мажорномъ.

Даже физически я не чувствую себя бодрѣе.

Сначала я отдохнула; но Парижъ, Лондонъ, Берлинъ—замотали меня.

И съ какими-же *итогами* я пріѣхала—и какъ актриса, и какъ будущая создательница своего театра?

Для меня—скорѣе съ отрицательными.

Я совсѣмъ и не спрашивала, какъ многія изъ моихъ сверстницъ:

«Что я: русская Режанъ, русская Элленъ Терри, или даже русская *Дузе?*»

Со старушкой Сарой теперь уже никто сравнивать себя не желаетъ.

Онѣ—не я, и я—не онѣ. И ни одной изъ нихъ я подражать не хочу, да и *не могу*, еслибъ даже и хотѣла.

Онѣ—сами по себѣ; я—сама по себѣ.

Неподражаемую (это вѣрно!) Дузе я ставлю совсѣмъ особо; она, до сихъ поръ, то, что французы называютъ «hors concours».

Но развѣ она для меня — безусловный идеалъ, вообще, внѣ всякаго личнаго вопроса?

Нѣтъ! Я смѣло говорю это теперь, съ глазу на глазъ съ самой собой; а придетъ моментъ — я тоже буду говорить и вслухъ.

Нѣтъ, это не тотъ идеалъ, который, хоть и не совсѣмъ отчетливо, а всетаки выясняется въ моей головѣ и во всемъ моемъ «я». Нѣтъ! Это было—десять и болѣе лѣтъ назадъ—*откровеніе*. Никто до нея—и конечно не Сара Бернаръ—не захватывалъ такъ переживаніями и страждущей, и увлеченной женской души.

Въ болѣе скромныхъ размѣрахъ и во мнѣ находятъ тоже.

Но это—*не послѣднее слово*.

Если не актриса, не лицедѣйка, то натура, характеръ, темпераментъ, словомъ личность—слишкомъ сквозятъ.

Она живетъ на сценѣ — да, но все таки — *она*: ея тонъ, голосъ, мимика, жесты, вплоть до малѣйшихъ «тиковъ» и привычекъ.

Это удивительное *переживаніе* даннаго момента; но это не

перевоплощеніе, это не продуктъ того «самогипноза», о которомъ я не такъ давно говорила здѣсь.

Надо *уничтожиться*, какъ личность, надо безусловно забыть, что ты живешь на свѣтѣ, что ты играешь. Но этого мало: не только забыть, что ты играешь, но и не чувствовать самое себя.

Достижимо-ли это? Я не знаю; но для меня это было-бы дѣйствительно высшимъ предѣломъ творчества, если это слово употреблять не какъ избитое клише.

Обѣ мы играемъ «Гедду Габлеръ».

Сравнивать я себя не желаю. Я сама считала это лицо своимъ *проваломъ*, хотя меня и «выкатывали» по десятку разъ. Но и Дузе? Развѣ это *ибсеновская* Гедда? Конечно, нѣтъ. Это—прежде всего итальянка, а не норвежка; а потомъ—это Дузе въ извѣстномъ настроеніи.

Какой милый, чарующій талантъ у такой артистки, какъ Режанъ!

Но чѣмъ она, въ свое время, дѣйствовала такъ обаятельно?

Своимъ *тономъ*, своей особой женской психикой парижанки, вѣчно влюбленной, трепетной, и веселой, и дурачливой, съ ей только присущимъ юморомъ.

Опять таки это *она*, а не перевоплощеніе лица, въ которое она совсѣмъ окунулась и воплотилась.

И теперь, когда она переходитъ на амплуа женщинъ среднихъ лѣтъ и матерей съ драматическими эмоціями,—она меня даже не трогаетъ. Она—въ тискахъ традиціонной манеры. Это все тѣ же звуки, жесты, паузы, съ какими сотни выходятъ изъ консерваторіи.

Я присутствовала въ нѣсколькихъ классахъ.

Господи! Какъ это все тоже самое! До сихъ поръ, это—безусловное царство *дикціи* и умѣнья держать себя.

Развѣ не чудовищно дѣлать изъ какой-нибудь части нашего тѣла или даже духа что-то особенное, какую-то *субстанцію* (если употребить философскій терминъ) и разработывать ее отдѣльно отъ всего «я» человѣка, переживающаго цѣлый рядъ душевныхъ состояній?

Пускай въ доблестной «Comédie Française» предаются культу ихъ классиковъ. Но я дерзаю думать, что даже ихъ Мольеровъ и Расиновъ можно было бы играть *совсѣмъ по другому*, бросить застывшія формы, не такъ говорить, не такъ двигаться, не такую имѣть обстановку.

Когда я дерзнула такъ говорить на одномъ обѣдѣ, гдѣ были

сливки интеллигенціи—нашелся всего одинъ лишь «модернистъ», который сталъ со мною соглашаться; а для остальныхъ это—посягать на національную *святыню*!

Новаго кое-кто жаждетъ среди тѣхъ же модернистовъ; есть попытки и въ репертуарѣ, и въ тонѣ игры, и въ постановкѣ.

Но все это только попытки.

Ни одного театра, который добился бы полнаго признанія и полныхъ сборовъ, гдѣ бы чувствовался вновь назрѣвшій идеалъ.

А то, что даетъ сборы, что питаетъ всѣ ходовые театры—къ какимъ бы они жанрамъ ни принадлежали—все это бойкая, талантливая *индустрія*, все равно, что первоклассные дома портнихъ и модистокъ. Это только *предложеніе*, отвѣчающее на *спросъ*; а спросъ держится за психику сытаго вивера и барыньки, которая жаждетъ адюльтерныхъ ощущеній.

Я, на томъ же обѣдѣ, дерзнула также сказать одному изъ модныхъ драматурговъ, академику, съ legion d'honneur въ петлицѣ:

— Какъ это вы, господа, съ вашей талантливостью—и не можете, до сихъ поръ, выкарабкаться изъ этого вѣчнаго *адюльтера*! Точно вся жизнь вашего общества и всей вашей страны сводится только къ комедіи или драмѣ супружеской невѣрности!

Онъ сталъ брезгливо отшучиваться и глазами спрашивалъ:

— Что этой *каботинкѣ* надобно? Мы вѣдь и ей пишемъ такія чудныя роли! И она ихъ можетъ играть по-русски, да еще ничего намъ за это не платитъ, до тѣхъ поръ, пока между Франціей и Россіей нѣтъ по этой части никакой конвенціи.

Лондонъ уже ровно меня ничему не научилъ.

Тамъ—*индустрія* въ еще большихъ размѣрахъ. Обстановочное искусство ушло куда дальше французскаго. Но вѣдь это все—позади. Это все приближеніе къ *кинематографу*.

И когда граммофоны будутъ давать голоса актеровъ и актрисъ, разумѣется, знаменитыхъ—то это и будетъ «послѣдній крикъ».

Въ Америкѣ вѣдь еще хуже. Что же можетъ потянуть туда кромѣ миража колоссальныхъ сборовъ?

XII.

И зачѣмъ ѣздить по Европамъ, когда у насъ дома создали уже театръ, небывалый нигдѣ по своимъ задачамъ?

Когда я очутилась въ «сердцѣ Россіи»—я, въ тотъ же вечеръ, сидѣла уже, одна, въ директорской ложѣ, которую мнѣ тотчасъ же предложили.

Развѣ я—до того—«игнорировала» этотъ театръ?

Нисколько! Я глубоко порадовалась его созданію. Я бывала

на его спектакляхъ; но все это продѣлывала урывками, поглощенная своимъ личнымъ дѣломъ.

И тогда я еще не видала—*куда* идутъ руководители этого театра. Репертуаръ еще не вылился тогда во что-то совсѣмъ новое, цѣльное, идейное. Они еще *искали*—искали во всемъ: въ авторахъ, въ стилѣ, въ постановкѣ, въ актерской игрѣ, въ тонѣ, въ «читкѣ» стиха.

Одно было уже ясно: они хотѣли давать такое *настроеніе*, какого, до нихъ, зрительная зала не получала съ подмостокъ.

Но ихъ за многое уже порицали. И я сама, на первыхъ порахъ, находила у нихъ больше внѣшнихъ попытокъ натурализма, тѣхъ «штучекъ», за которыя имъ доставалось и въ печати.

Въ тотъ промежутокъ времени, когда я такъ была поглощена собою, они и доработались до извѣстнаго предѣла.

Дальше его они еще не пошли.

Какъ ни интересно было ихъ трактованіе западныхъ корифеевъ театра, и первѣе всего, нашего скандинавскаго властителя думъ,—они только у себя нашли своего художника слова, того автора, который сдѣлался поэтомъ русскаго «безвременья».

И я играла когда-то въ той самой пьесѣ, съ которой они начали свое толкованіе этого автора.

Они его *заново* нашли. Онъ уже былъ признанъ крупнымъ талантомъ, молодая публика зачитывалась имъ; но только они сумѣли превратить его въ драматурга.

Его театръ сдѣлался ихъ *дѣтищемъ* въ полномъ смыслѣ; и я не знаю—удастся ли имъ создать что-нибудь еще такое.

Можетъ и не удастся. Это и въ жизни одного человѣка, и въ жизни цѣлаго учрежденія, иногда всего общества, народа выпадаетъ разъ въ полвѣка.

Та вещь, на которую я попала—послѣдняя въ этомъ замкнутомъ циклѣ *ихъ* автора.

Я ее только читала и, сколько помню, не нашла ее равной двумъ предпослѣднимъ.

Помню и фразу изъ письма одного моего пріятеля, бывшаго на премьерѣ.

— «Пьеса собственно *никакая*; а все-таки чѣмъ-то подмываетъ и захватываетъ».

И вотъ *они* и открыли секретъ изъ *никакой* пьесы создавать нѣчто цѣльное и творческое или давать зрителямъ такую именно иллюзію, что, вѣдь, въ нашемъ дѣлѣ, едва ли не одно и то же.

Я сидѣла такъ близко къ рампѣ, что для меня, къ концу

перваго акта, начало пропадать сознаніе, что я зрительница, что я сижу въ ложѣ, а передо мной *играютъ*—попросту выражаясь, «представляютъ».

Меня охватила эта жизнь оскудѣлой усадьбы, эта смѣлая картина и жалкой, и симпатичной, и смѣшной, и трагической жизни цѣлаго класса, цѣлаго прошлаго.

У меня навертывались слезы, но внутренно я часто холодѣла отъ внезапныхъ наплывовъ художественнаго наслажденія.

Даже въ волосахъ являлось нервное ощущеніе.

Я ставила самой себѣ вопросъ:

«Еслибъ ты сейчасъ заново создала *свой* театръ—у тебя это самое было ли бы сыграно лучше, т. е. новѣе, искреннѣе, съ такимъ вотъ налетомъ чего-то безпощадно-правдиваго и глубоко-гуманнаго?»

Нѣтъ! Не было бы сыграно лучше! Не было бы исполнено и такъ!

Этакого итога можно добиться, если нѣсколько лѣть въигрываться въ произведенія одного любимаго писателя.

Тогда только и можно показать его совсѣмъ въ другомъ свѣтѣ, создать изъ него не даровитаго разсказчика, перенесеннаго на сцену, а творца особаго рода драматической поэзіи.

Этотъ выводъ затуманилъ меня.

Вѣдь если мечтать о созданіи чего-то *своего*—надо взять нотой выше.

А какъ это сдѣлать? И можно ли надѣяться на то, что тебѣ выпадетъ такая удача—найти своего писателя и показать его въ совершенно новомъ свѣтѣ?

Но они создали себѣ и публику.

Въ антрактѣ я прошлась два раза по заламъ фойе и пила чай въ буфетѣ.

Цѣлое море молодежи! Вы чуете, что эта публика *плаваетъ* въ воздухѣ тѣхъ «настроеній», которыя она получаетъ только здѣсь.

Это вѣдь тоже надо *создать*!

И во сколько лѣтъ!

Нечего и мечтать—достичь этого сразу.

Никогда я еще, нигдѣ, какъ зрительница, какъ другъ театра—не получала такой глубокой эмоціи, какъ въ этотъ вечеръ.

И все, что я говорила имъ на сценѣ, въ тотъ же вечеръ, дышало полнѣйшей искренностью.

У меня бывала не разъ мысль—работать у нихъ. Можетъ-быть, они и теперь сами предложили бы мнѣ—пойти къ нимъ.

Всю почти ночь, въ номерѣ отеля, гдѣ я остановилась, я думала обо всемъ.

Въ компаньоны съ правомъ равнаго голоса—они меня не возьмутъ. Да и нельзя править сценой въ видѣ *коллегіи.* Я изумляюсь даже какъ они, до сихъ поръ, могутъ править своей республикой, вродѣ двухъ римскихъ консуловъ.

«Служитъ» у нихъ просто актрисой на *первомъ* амплуа—развѣ это не могло бы быть превосходной школой—вторымъ и рѣшительнымъ искусомъ для выясненія того—что я сама собою изображаю?

Да; но вѣдь у нихъ я должна была бы—вродѣ какъ въ монастырѣ—принять постриженіе, отрѣшиться отъ своего «я», итти на помочахъ.

Зрителю кажется, что ни на одной сценѣ міра свобода актера такъ ревниво не оберегается, какъ у нихъ. Ни малѣйшей рутины! Все ново, идеально просто, все ярко-индивидуально!

Да, но это только результатъ громадной общей работы, подъ суровой ферулой руководителей этой сцены.

Я увѣрена впередъ, что не то что изъ-за выбора роли, но изъ-за самой работы надъ нею—у насъ, сразу-же, пошли-бы столкновенія, которыя, навѣрно, кончились-бы разрывомъ.

Отчего? Развѣ я такая взбалмошная и болѣзненно-самолюбивая?

Нѣтъ, а потому, что я «дикая», влюбленная въ безусловную свободу во всемъ, что исходитъ изъ моей души, что я должна создавать, за что я несу отвѣтственность передъ своей совѣстью артистки и передъ тѣми, кто на меня смотритъ.

XIII.

Черезъ мѣсяцъ я начинаю свое дѣло.

Но такъ-ли я себя чувствую душевно, какъ долженъ себя чувствовать руководитель какой-нибудь экспедиціи или начальникъ отряда, если не самъ главнокомандующій—передъ началомъ кампаніи?

Прежде всего надо, чтобы планъ этой экспедиціи или этой кампаніи—былъ совсѣмъ готовъ, обдуманъ до малѣйшихъ деталей.

А развѣ у меня это такъ?

И я ли одна буду этимъ начальникомъ отряда или экспедиціи?

Одна я не слажу. Не слажу не только въ сложномъ дѣлѣ осуществленія, но и по самой идеѣ.

Безъ мужского руководительства я не обойдусь.

Почему-же не сознаться въ этомъ?

Идеи идутъ не отъ насъ, женщинъ, а отъ нихъ—представителей такъ называемаго *сильнаго* пола.

Я никогда не была заядлой феминисткой. У женщины своя область, свое царство. Трепетный складъ ея души позволяетъ ей отгадывать — что можетъ, въ данный моментъ, двигать впередъ.

Не женщины создали христіанство: но онѣ стали ходить за тѣмъ, кто принесъ съ собою «вѣсть».

Онѣ были мироносицами, онѣ стали проповѣдывать всѣмъ своимъ существомъ, изъ нихъ вышли и первыя мученицы, и первыя сестры милосердія.

Это прекрасный удѣлъ. Больше я ни о чемъ и не мечтаю. И если мнѣ нуженъ свой театръ, то именно затѣмъ, чтобы я могла быть вѣстницей воскрешенія идеала красоты.

Себѣ самой я не собираюсь ставить пьедестала. Личной славы мнѣ больше не нужно—говорю это, какъ на духу, и не думаю, чтобы я впадала въ самообманъ.

Но отчего-же именно теперь—въ тѣ дни, когда я должна быть полна радости, предвкушая вожделѣнный моментъ, когда завѣтная идея будетъ облекаться въ плоть, я—чуть не каждое утро — просыпаюсь съ чувствомъ тревоги и какого-то особаго утомленія, не физическаго, нѣтъ!—а именно *душевнаго*?

Подъема еще нѣтъ. И когда онъ придетъ? И придетъ-ли?

Одна холодящая мысль начинаетъ все чаще возвращаться, въ видѣ совершенно опредѣленнаго вопроса.

Вотъ она:

«Женщина можетъ-ли жить чистой идеей—не какъ страстная ея служительница, а поднимаясь въ безплотныя сферы умственнаго созерцанія?»

Можетъ быть, формула вопроса и не безукоризненно выражена, но всѣмъ своимъ «я» я сознаю его силу и необходимость дать на него точный и ясный отвѣтъ.

А какъ я могу его дать одна, за всѣхъ, когда способность женщинъ вообще на что-нибудь такое—до сихъ поръ заподозрѣна, и не только завзятыми женоненавистниками; а и тѣми мужчинами, кто стоитъ за дарованіе женщинѣ равныхъ правъ съ мужчиной.

Да, но одно дѣло — политическія права, а другое дѣло: настоящая, коренная, не подражательная способность—*родить идею* и найти для нея творческую форму.

Мнѣ, до сихъ поръ, вѣрилось, что моя страстная тяга къ новому идеалу—доказательство того, что я могу нѣчто создать, разумѣется, не одна, а въ сотрудничествѣ съ мужчинами, съ тѣми, кто давно уже живутъ такой-же идеей и ждутъ только «сочувственницы», какъ я.

Но «сочувствовать» не значитъ еще «создавать».

Вотъ я и опять забилась въ какой-то тупикъ.

И другой еще голосъ нашептываетъ мнѣ:

«Нельзя женщинѣ отказываться отъ *личной* жизни, отъ радостей, которыхъ никакая абстрактная идея дать не можетъ!»

Я не хочу слушать это нашептываніе; но оно все-таки возвращается.

Вѣдь я точно усадила себя на аэропланъ и поднимаюсь все выше и выше; а еще сама не знаю—куда я прилечу.

Но какъ-бы я высоко ни парила, все-таки я должна-же буду спускаться внизъ для передышки, для того, чтобы прикоснуться къ землѣ, почувствовать, что я живой человѣкъ, а не просто летающая машина, надѣленная мозгомъ, волею, идеями.

И вотъ для этихъ спусковъ, для этихъ остановокъ—у меня вѣдь ничего не припасено.

Я—еще молодая женщина, мнѣ около тридцати; а какая-же у меня *своя* женская жизнь?

Неужели никакой?

Послѣ недавней попытки завоевать хоть кусочекъ счастья, я превратилась въ существо, вродѣ свѣтской монахини.

Если вы спросите о какой-нибудь благочестивой сестрѣ, вамъ скажутъ всегда:

— Она спасается.

Или по французски:

— Elle fait son salut.

Значитъ, и я также? Значитъ, и я, въ своемъ родѣ, спасаюсь, взяла «большой постригъ» и отъ всего мірского отказалась, чтобы повторять извѣстный текстъ, кажется, изъ апостольскаго посланія: «Не имамы здѣ пребывающаго града, но *грядущаго* взыскуемъ».

Лучше уже не пытать самое себя такими холодящими вопросами.

Но развѣ я не испытываю — въ тѣ минуты, когда сердце начинаетъ ныть — дуновенія особаго холода души, точно этотъ холодъ сползаетъ съ тѣхъ недосягаемыхъ высотъ, куда я хочу взлетѣть на своемъ аэропланѣ?

Нельзя никому — а женщинѣ тѣмъ паче! — прожить безъ преклоненія передъ какой-нибудь ипостасью Божества.

Мой жертвенный огонь долженъ быть зажженъ передъ святыней... чего?

Красоты?

Да, красоты—не холодной, не классической, не отвлеченной, а живой, трепетной, лучезарной, но свободной отъ всего того, что и я сама—какъ артистка—считала еще недавно высшимъ предѣломъ совершенства.

Эту святыню надо мучительно искать не въ изображеніи того, что уже отошло назадъ—высшихъ тонкостей и ухищреній реализма и бытовой бутафоріи, а въ созданіи нетлѣнныхъ образовъ изъ того міра, куда душа влечется такъ неудержимо.

XIV.

Во мнѣ теперь какъ бы двѣ души, двѣ личности.

Это не фраза и не выдумка разстроеннаго воображенія.

Конечно, это не то, о чемъ я еще недавно читала въ одной книжкѣ по душевнымъ болѣзнямъ.

И не только по минутному расположенію духа, а прямо такъ таки два разныхъ существа, и физически, и нравственно.

Въ какой нибудь Луизѣ или Шарлоттѣ двѣ совершенно различныхъ особы.

Одна Луиза—веселая, бодрая, смѣшливая, добродушная, болтливая, образованная.

А другая Луиза—замкнутая въ себя, неразвитая, мрачная, или злится, или плачетъ, или бранится со всѣми походя.

Такъ всю свою жизнь попеременно: мѣсяцъ Луиза № 1, а слѣдующій Луиза № 2.

И происходитъ это безъ всякихъ особенныхъ припадковъ или признаковъ. А такъ, какъ нашъ народъ говоритъ: «здорово живешь».

Сегодня Луиза № 1 легла спать, проснулась, встала—и она уже Луиза № 2.

И что всего ужаснѣе—это то, что эта *вторая* Луиза не имѣетъ никакого понятія о психической жизни *первой* Луизы, ничего, такъ-таки ровно ничего не помнитъ изъ того, что та думала, говорила, дѣлала втеченіе цѣлаго періода своей особой жизни.

Такимъ же манеромъ и первая Луиза насчетъ второй.

Гдѣ прекратилась ея жизнь и она проснулась другой лич-

ностью—тамъ будетъ продолжаться дальше ея вторая... какъ бы это выразиться... «ипостась»—сказала бы я, если бы это не звучало кощунственно.

Есть еще слово «аватаръ»—перевоплощеніе.

И, вѣдь, ни первая, ни вторая Луиза, отдѣльно, сами по себѣ, ничего вполнѣ безумнаго не говорятъ. Онѣ, по своему, нормальны. У нихъ есть свои идеи, познанія, привычки, вкусы, привязанности, свой тонъ и манера держать себя.

Это настоящее *раздвоеніе личности*, показывающее, что въ насъ могутъ дѣйствительно жить два существа. И если каждое изъ нихъ вело дневникъ (или вмѣсто нихъ записывали врачи психіатры), то выйдетъ совершенно послѣдовательное и осмысленное существованіе личности, у которой нѣтъ рѣшительно ничего общаго съ своей товаркой, не съ двойникомъ, а съ сожительницей, принадлежащей къ одному организму.

Меня—когда я это читала—тогда уже начала разбирать особаго рода жуть.

А вдругъ, какъ я сама пройду черезъ такое же *раздвоеніе?*

Легла спать, ни о чемъ не думая и ничего не ожидая, и встала уже не собой, а какой то совсѣмъ не похожей на себя сожительницей.

Разумѣется, ничего, совершенно такого со мной теперь не происходитъ.

Но я все-таки замѣчала особеннаго рода раздвоеніе моей души или, лучше, моего ума, міра моихъ идей, замысловъ, чисто мозговой усиленной работы.

Это стало о себѣ докладывать, съ первыхъ же дней, какъ началась *наша* совмѣстная работа.

Я и двое моихъ совѣтниковъ или вѣрныхъ руководителей.

У каждаго изъ этихъ двоихъ мужчинъ есть своя душевная физіономія и свой характеръ. Темпераментомъ и всѣмъ пошибомъ своимъ они довольно рѣзко отличаются одинъ отъ другого. Но въ сферѣ идей, въ томъ, чѣмъ они проникнуты, какъ поборники новыхъ, неиспытанныхъ еще путей достиженія высшей художественной красоты—у нихъ выходитъ согласный дуэтъ. Это одна душа, одинъ умъ, или двѣ души, два ума, сливающіеся въ одну гармонію.

И вотъ я теперь и переживаю вродѣ какъ Луиза № 1 и Луиза № 2—два особенныхъ состоянія моего, если не всего органическаго, то умственнаго, духовнаго «я».

Съ ними, съ обоими моими совѣтниками-руководителями—я куда-то точно несусь на аэропланѣ или, по крайней мѣрѣ,

на автомобилѣ. Я разрѣзываю пространство и у меня такое чувство, точно будто это я, я сама, *управляю* всѣмъ механизмомъ. Это мои мысли, желанія, соображенія, образы, комбинаціи, моя личная *платформа* и *тактика* всего того, что мы сообща будемъ продѣлывать.

А когда я останусь одна съ самой собою, а это бываетъ каждый вечеръ къ отходу ко сну—я тогда только чувствую себя самостоятельно. Тогда я женщина и у меня является, каждый разъ, сознаніе, что я много-много *ихъ* товарищъ, если не «выученикъ», какъ пишутъ въ Москвѣ на вывѣскахъ. Послѣ нашихъ бесѣдъ, у меня нѣтъ уже, нѣтъ совершенно своихъ идей. Нѣтъ даже и своего направленія въ группировкѣ и комбинаціи этихъ самыхъ идей.

Только мужчина можетъ такъ жить отвлеченными выводами и такъ проникаться тѣмъ, что ему кажется, въ данный моментъ, откровеніемъ, раскрытіемъ истины.

Женщинѣ это—въ такой степени—не дано!

И я не могу не сказать съ глазу на глазъ съ своимъ «я»,—что я только тогда чувствую собственную личность, когда я остаюсь одна и сама себя анализирую.

Это, конечно, не такое раздвоеніе, которое приводится въ книгахъ по психіатріи; но это все-таки два *различныхъ* состоянія.

Одна я—*женщина*, предоставленная своимъ душевнымъ силамъ и возможностямъ, а съ ними я подпадала подъ несомнѣнное *внушеніе*, я сейчасъ же вхожу въ какое то русло, которое я одна бы себѣ не открыла или даже, и открывъ его, не сумѣла бы такъ поплыть по нему.

Опыты гипноза ужасно захватывали меня, одно время. Нѣсколько разъ я хотѣла отправиться къ одному извѣстному гипнотизеру, чтобы онъ отрѣшилъ меня отъ наплыва нервности и нѣкоторыхъ тяжелыхъ мыслей.

И не рѣшилась. Боюсь и до сихъ поръ одного: дать кому-то власть надъ моимъ душевнымъ организмомъ, находиться на извѣстный срокъ въ распоряженіи кого-то.

Такого точно гипноза они со мной не продѣлываютъ; но я все таки каждый разъ сейчасъ же прихожу въ точно такое же идейное возбужденіе, какое испытывала за сутки, когда мы кончали наше совѣщаніе наканунѣ.

Какъ же это назвать и опредѣлить?

XV.

Изъ нихъ двоихъ тотъ, кто былъ моимъ первоначальнымъ просвѣтителемъ—самъ ли выносилъ въ себѣ совсѣмъ новое ученіе?

Нѣтъ. Онъ сначала былъ выученикъ тѣхъ, кто дѣйствительно создали свой театръ и ведутъ его, и добились полнаго признанія не только у себя дома, но и въ самой ученой странѣ старой Европы, у нѣмцевъ.

Ихъ критика признала единогласно, что ничего подобнаго у нихъ не бывало, а вѣдь въ этомъ не такъ-то легко сознаться въ странѣ, гдѣ *свой* театръ и *свое* театральное искусство имѣютъ долгую и славную исторію.

Да, онъ прошелъ свою первую выучку у тѣхъ создателей театра, съ которыми мы сбираемся, такъ или иначе, соперничать.

Но онъ уже пережилъ все это.

Любимая его фраза:

— Все это уже «überwundener Standpunkt».

И не будь во мнѣ *вѣры* въ то, что надо итти еще куда-то дальше, взлетѣть еще выше, я бы не начала, попросту выражаясь, «огородъ городить».

Онъ—типъ фанатическаго поборника новой вѣры.

Такими были всѣ проповѣдники и пророки.

И онъ, какъ они, удалялся въ пустыню, куда-то провалился на цѣлыхъ полгода и проходилъ внутренній искусъ самоуглубленія.

Въ этой Ѳиваидѣ онъ и построилъ весь остовъ своего теперешняго profession de-foi.

Все держится крѣпко въ этомъ остовѣ, каждая спица, каждая гайка и каждый столбикъ.

И это *сооруженіе* (я иначе не могу выразиться) вытекло изъ его душевнаго энтузіазма, явилось прямымъ результатомъ его пламенныхъ протестовъ и отрицаній.

Для него театръ, какой теперь еще вездѣ царитъ, есть уже нѣчто мертвое и разлагающееся.

Для него *бытъ* есть нѣчто ископаемое, вродѣ тѣхъ остатковъ допотопныхъ животныхъ, какіе находятъ въ пластахъ земли разныхъ геологическихъ эпохъ.

Раздѣляю ли я, въ глубинѣ души, такой иконоборческій взглядъ на *бытъ?*

И я чувствую, что высшій душевный интересъ уже не можетъ сидѣть въ самомъ *бытѣ*, какъ бы онъ ни былъ правдиво и ярко охваченъ.

Съ высшей точки, все это—*бутафорія*, и они тамъ, въ Москвѣ, уже познали это и ищутъ чего-то совсѣмъ другого.

Но я бы — напади я на высоко-даровитую вещь—не въ состояніи была бы отвернуться отъ нея потому только, что жизнь, какая въ ней изображается, принадлежитъ къ извѣстному быту.

Онъ—не принялъ бы ни за что такой пьесы.

Для него, актеръ и актриса, именно въ бытовыхъ пьесахъ и находятъ пищу въ томъ, что онъ, на своемъ языкѣ, называетъ «художественнымъ развратомъ».

Бытовыя вещи и позволяютъ исполнителю выдѣляться, въ видѣ рѣзкаго пятна или размалеванной фигуры, изъ общаго лада.

А альфой и омегой театра будущаго должна быть *стилизація*.

Я тоже употребляю такой терминъ; но когда онъ произноситъ это слово, то оно звучитъ у него, какъ канонъ символа вѣры, какъ что-то священное и неприкосновенное.

Такъ священнодѣйствовать я еще не умѣю. Но его энтузіазмъ дѣйствуетъ, точно какой электрическій токъ.

Энтузіазмъ этотъ, быть можетъ,—только *мозговой*? Но мужчинамъ дано имѣть идейныя страсти не такъ, какъ намъ, женщинамъ. Мы можемъ только заражаться этимъ токомъ.

Разъ вы ставите извѣстный принципъ, какъ нѣчто, съ чѣмъ все остальное «приложится»,—вы будете ломать все съ наслажденіемъ и полнымъ безстрашіемъ.

Разъ *стиль* есть вершитель всего, что только дѣлается на сценическихъ подмосткахъ,—все индивидуальное должно быть отброшено: бытовая обстановка, перспективы, пратикабли, всякія тонкости какой бы то ни было постановки.

А также и вашъ собственный тонъ, и ваша жестикуляція, и вся ваша мимика.

Все это—вонъ, все это—тоже *бутафорія*!

Соглашаясь съ такими аксіомами, я, тѣмъ самымъ, ставила крестъ и на все свое прошлое.

Значитъ, все, что я дѣлала, что я «создавала», выражаясь высокимъ слогомъ, все это была фальшь, рутина, ископаемыя окаменѣлости?

Личной обиды я въ этомъ не вижу.

Но если оно такъ, то мнѣ лично предстоитъ перерождиться въ буквальномъ смыслѣ.

Возможно ли это? Не знаю!..

Можетъ быть тогда, когда все въ томъ оркестрѣ, гдѣ и я буду играть извѣстную партію, радикально преобразится—эта революція, эта метаморфоза и меня самое пересоздастъ и освободитъ меня окончательно отъ всего стараго хлама?

Но—думается мнѣ—всѣ эти новые пріемы не выходятъ изъ царства вещей: «сукна» вмѣсто прежнихъ декорацій, плоскостный фонъ вмѣсто перспективы и глубины, тѣ или иные стильные жесты, умышленная бѣдность мимики... И многое другое.

Все, вѣдь, это *вещи* или вещественныя проявленія.

Въ нихъ надо вложить душу, образъ, идею, то настроеніе, которое должно и то, что дѣлается на сценѣ, и всю публику—слить въ одно «дѣйство».

Это, между прочимъ, одно изъ любимыхъ словъ моего сотрудника.

А вдругъ какъ изъ всего этого не получится того, къ чему мы будемъ такъ страстно и упорно стремиться?

Не хочу я расхолаживать себя. Но не могу и скрывать отъ самой себя, какъ все это еще бродитъ въ моей бѣдной головѣ—въ видѣ отрывочныхъ картинъ, словъ, протестовъ, чаяній—точно въ большомъ и пестромъ снѣ.

Одно и знаю, и чувствую всѣмъ своимъ существомъ:

Безъ преклоненія передъ святыней красоты—не одной внѣшней, а и духовной, быть-можетъ потусторонней, небесной—я потеряю мою путеводную звѣзду!

XVI.

Второй мой сотрудникъ пришелъ позднѣе.

Я любила говорить съ нимъ на общія темы—искусства, литературы, разныхъ исканій—а также и на вопросы религіознаго пониманія міра и жизни человѣческой.

Онъ всегда любилъ театръ; но воздерживался писать о немъ, какъ присяжный критикъ.

Наше знакомство произошло уже передъ тѣмъ, какъ я рѣшила, для себя, вопросъ о томъ—оставаться ли мнѣ на той сценѣ, гдѣ я добилась такого выдающагося положенія, или бѣжать?

Въ первую же нашу бесѣду онъ излился мнѣ въ самомъ сочувственномъ, почти восторженномъ тонѣ. И тотчасъ же сказалъ:

— Въ васъ я вижу будущую вѣстницу воскрешенія театра...

И тутъ же сталъ мнѣ развивать свои взгляды на «область красоты» языкомъ, который я, на первыхъ порахъ, не сразу схватывала.

Тогда же онъ далъ мнѣ двѣ своихъ книги и я ихъ долго «штудировала», даже и во всѣхъ моихъ переѣздахъ, и въ Россіи, и за-границей.

Это человѣкъ какъ бы «не отъ міра сего». Или лучше, не нашей эпохи, принесшій съ собою духъ и настроеніе, и вѣру, и душевный трепетъ двухъ эпохъ—расцвѣта нѣмецкой философіи, около ста лѣтъ назадъ, и родовой, наслѣдственной тяги къ «потустороннему», которую дала ему раса.

Такъ онъ и самъ это объяснялъ мнѣ.

Въ моемъ лицѣ онъ выяснилъ свою духовную связь съ театромъ—это также его собственное признаніе.

Но для него все въ творчествѣ, въ поэзіи, въ художественномъ романѣ, въ пластикѣ, въ живописи, во всемъ—только *символъ*, только *подобіе*—«ein Gleichniss», какъ онъ всегда называетъ, цитируя знаменитый стихъ изъ «Фауста».

И я стала за нимъ повторять:

«Alles... ist nur ein Gleichniss».

Все—только *подобіе*.

Чего?

Того, что кроется за пеленою Видимаго, что намъ не дано узнать, какъ бы люди науки ни мудрили и сколько бы они ни вырывали тайнъ у природы.

«Провидѣть» то, что находится по ту сторону завѣсы, можетъ только то, что онъ называетъ «интуиціей», можетъ искусство, но не такое, которое льститъ низменнымъ вкусамъ публики.

«Для этого нужно сочетать культъ красоты съ чувствомъ связи человѣческой души и Высшаго начала жизни».

Все это—его выраженія. Я ихъ теперь хорошо себѣ усвоила.

Когда онъ говоритъ, лицо его дѣлается точно прозрачное. Оно—некрасивое; но можетъ очень дѣйствовать и на женщинъ... А особенно его голосъ, и тонъ рѣчи.

Нѣтъ ли у меня къ нему тайной влюбленности? Нѣтъ! Онъ сразу сталъ для меня на какую-то особенную «полочку», внѣ того воздуха, который нуженъ для сближенія мужчины и женщины.

Одна изъ моихъ обожательницъ стала мнѣ, не безъ ревности,

нашептывать, что онъ «имѣетъ на меня виды», что онъ желаетъ «увлечь» меня и совсѣмъ меня «покорить».

Но если-бъ въ немъ и было ко мнѣ нѣчто похожее на влюбленность, то весь онъ, вся его духовная физіономія до такой степени «не отъ міра сего», что до сихъ поръ я не ловила себя ни на чемъ, похожемъ на влеченіе къ нему, какъ къ мужчинѣ.

Учитель, духовникъ—да; но и только.

Онъ постоянно возвращается къ проповѣди религіозной сути театра, въ ближайшемъ будущемъ.

И мой первый сотрудникъ тоже толкуетъ о «діонизовомъ дѣйствіи». Для того—близокъ такой моментъ, когда исчезнетъ всякая рампа между сценой и зрительной залой и вся публика, охваченная однимъ неудержимымъ порывомъ — какъ вихрь ринется и будетъ продѣлывать, въ экстазѣ, то, что когда-то происходило въ храмахъ.

Мой философъ проникнутъ идеей религіознаго исканія не на такой, болѣе языческой, почвѣ. Онъ, не можетъ мечтать о чемъ-либо вакхическомъ. Онъ, для этого, слишкомъ *духъ*, безплотный и «потусторонній».

Но и онъ повторяетъ, что надо «заражать» зрительную залу, такъ, чтобы она сама дѣлалась способна творить свою душевную драму сообща, чтобы «хоровое начало» воскресло опять, и не въ видѣ только древне-греческихъ хоровъ, гдѣ слишкомъ часто слышался самъ трагикъ, съ его личными взглядами и симпатіями—особенно у Эврипида, а какъ «вселенское» переживаніе самыхъ драгоцѣнныхъ «интуицій», какъ восторженное прозрѣніе въ потусторонній міръ.

Эту картину театра «будущаго» онъ набрасывалъ разъ у меня, за чайнымъ столомъ.

Сидѣлъ тутъ и одинъ изъ тѣхъ рецензентовъ, которые всегда по товарищески относились ко мнѣ и, оставаясь при своихъ взглядахъ, искренно желали мнѣ «найти землю обѣтованную».

Когда мой философъ ушелъ—первый, рецензентъ ему въ слѣдъ тонко усмѣхнулся и вопросительно взглянулъ на меня, какъ бы не рѣшаясь сразу охладить меня чѣмъ-нибудь слишкомъ скептическимъ.

И, помолчавъ, онъ спросилъ меня.

— И вамъ это представляется точно въ такомъ видѣ? Скажите!

— Развѣ можно впередъ предсказать, что вотъ именно то,

а не иное что выработается изъ хода всего дѣла, разъ вы рѣшились покончить съ мертвечиной и стоячими формами?

— Прекрасно... Но знаете, на что это будетъ похоже, если оно когда-либо осуществится?

— На что-же?—не безъ любопытства спросила я.

— На хлыстовскія *радѣнія*.

— Съ какой стати?

— А то какъ-же? Вѣдь весь хлыстовскій *корабль* приходитъ въ экстазъ, вѣруя, что духъ божій въ нихъ вселился. Тѣмъ-же будетъ, вѣроятно, охвачена и вся зрительная зала?!

Я не стала съ нимъ спорить.

XVII.

А сердце? Сердце женщины? Ему нѣтъ развѣ мѣста во всемъ этомъ?

Время летѣло или ползло, смотря по настроенію; но я долго была счастлива тѣмъ, что чувствовала такую свободу духа.

Все чисто женское какъ-бы заснуло, не смѣло заявлять о своемъ существованіи, заявлять свои особые запросы и права.

Но возможно-ли такъ *атрофировать*—выражаясь по ученому—цѣлую половину все той-же души?

Вышла самая простая вещь.

Знакомство—черезъ моего философа—съ однимъ изъ нынѣшнихъ стихотворцевъ.

— Это настоящій символистъ—отрекомендовалъ онъ мнѣ. Вамъ-бы надо его почитать.

Прислалъ мнѣ книжку его стихотвореній.

Я, до того, нигдѣ не встрѣчала его.

Интересовался-ли онъ мною, какъ актрисой—я не знала.

Или я была подъ гипнозомъ разговоровъ съ моими совѣтниками, или во мнѣ заговорило что-то болѣе женское; но я ушла въ книжку этого символиста—не въ образы, не въ потусторонній міръ: а въ то—кто-же онъ-то самъ, что это за *душа*?

Чѣмъ-то онъ меня глубоко и совсѣмъ заново взволновалъ.

И когда онъ—въ первый разъ—сидѣлъ у меня, я стала вдругъ такой трепетной, какой давно себя не помнила.

Совсѣмъ какъ въ первой юности, мнѣ хотѣлось выказать передъ нимъ всѣ свои «люмьеры»—какъ говаривала моя покойная мама.

«Съ тобой, молъ, бесѣдуетъ не просто «каботинка» или добившаяся извѣстности гастролерша и даже директриса, а женщина, способная тонко понять и такого, какъ ты».

Я ловила себя на этомъ не одинъ разъ; но это самое ужасно меня замолаживало.

А онъ сидѣлъ съ полуопущенными рѣсницами своимъ огромныхъ глазъ. Нѣтъ-нѣтъ, да и взглянетъ на меня.

И въ этомъ взглядѣ я уловила какую-то сочувственную жалость.

Къ чему? Къ моей женской неразвитости или слишкомъ явному желанію отличиться передъ нимъ?

Нѣтъ. Жалость красиваго мужчины къ такой, въ сущности, дурнушкѣ, какъ я.

Со сцены я, и до сихъ поръ, могу *казаться* очень интересной, особенно въ нѣкоторыхъ роляхъ. Но я-то отлично знаю, что внѣ сцены, надо сначала увлечься мной, какъ артисткой, чтобы я привлекла потомъ, какъ женщина.

Такой поэтъ не можетъ быть фатомъ. Но для него красота—не просто приманка для мужского эротизма. Она вѣдь въ линіяхъ, въ ихъ сочетаніи, въ чемъ-то, мгновенно дѣйствующемъ на чувство прекраснаго.

Развѣ все это есть въ моемъ лицѣ и въ моей пластикѣ?

Никакой пластики у меня никогда и не бывало.

Онъ говорилъ со мною трепетно, съ большимъ душевнымъ подъемомъ, не скупился на такія оцѣнки, какихъ я не читала никогда въ печати, звалъ меня также на «просвѣтленныя» высоты идеала.

Но все это дышало чѣмъ-то также «не отъ міра сего», какъ и рѣчи моего философа.

Кажется, въ первый разъ я зачуяла такую боль, въ самомъ сокровенномъ женскомъ «я».

Онъ меня никогда не будетъ *желать*. Какъ женщина, я для него—ровно ничего.

Бывало, слушая, въ какой-нибудь французской адюльтерной пьесѣ, діалогъ, гдѣ соблазнитель десять разъ повторяетъ слова «*je te veux*!» — я испытывала брезгливое чувство. Мнѣ было-бы противно, если-бъ даже горячо любимый человѣкъ шепталъ мнѣ въ ухо *je te veux*!

А тутъ я ощутила впервые чисто женскую обиду.

Конечно, я пристыдила самое себя. Но это не подѣйствовало. Я точно проглотила какой-то микробъ.

Доходило до безсонныхъ ночей, до жаркихъ грезъ, до слезъ во снѣ.

И въ какой моментъ! Когда мнѣ безусловно была нужна полнѣйшая «свобода духа».

Но я думала и говорила такъ:

«Будь онъ авторъ чудной драмы, которую онъ предложилъ-бы мнѣ для открытія моего театра — развѣ мое влеченіе къ нему не окрылило-бы меня?»

Можетъ быть, но что-же было дѣлать?

Воспользоваться минутой и «упасть въ его объятія», какъ писали въ старыхъ повѣстяхъ?

И чрезъ недѣлю увидать, что онъ только позволяетъ обожать себя—и только?

Въ тебѣ нѣтъ той красоты, передъ которой онъ самъ палъ-бы ницъ!

И никогда не будетъ!

Да и талантъ твой вызываетъ въ немъ сочувственный интересъ, а не восторженное преклоненіе.

Обиды, какъ артистка,—я не чувствовала. Все актерское я вытравляла изъ себя; но я—во время—пристыдила себя.

Пристыдила и начала прозрѣвать.

Еще недѣля, и пришла къ такому выводу:

Будь я также прекрасна, какъ была-бы Венера Милосская—не въ мраморѣ, а въ плоти—въ такомъ символистѣ я бы и тогда не вызвала страсти, доходящей до полнаго уничтоженія своего «я» передъ обожаемой женщиной.

Это «я» такимъ, какъ онъ—всего дороже. Влюбленность въ самого себя проникаетъ все его существо, какъ тонкіе духи.

Онъ ничего не говоритъ самодовольнаго, хвастливаго; но онъ какъ-бы выше всего, что могутъ про него говорить и печатно, и устно. И, въ тоже время, онъ только и живетъ, что услажденіемъ своего сокровеннаго «я».

Не почувствуй я, что, какъ женщина, никогда не сдѣлаюсь предметомъ его желаній, я-бы такъ скоро не проникла во все это.

Видно, нашъ роковой инстинктъ-потребность вызывать эти желанія,—какъ только ему нанесли большой ударъ, сейчасъ-же надѣляетъ насъ особой тонкостью психическаго анализа.

Мой философъ тоже не становится передо мною на колѣни; но какая громадная разница.

Въ томъ все—«я», а въ этомъ—полная отрѣшенность отъ себя настоящаго подвижника, чистѣйшій энтузіазмъ, безкорыстная преданность идеѣ, исканію истины по ту сторону завѣсы.

Изъ-за этого стоило-бы полюбить его!

Но онъ этого не добивается.

XVIII.

Какая ужасная ночь!..

Я не могла забыться ни на одну минуту.

Въ четыре часа я вернулась домой. Въ головѣ шумѣло отъ выпитаго шампанскаго за ужиномъ, отъ спичей, стиховъ, споровъ. Нервы были натянуты, какъ струны, отъ всего, что я пережила въ театрѣ.

Запахъ цвѣтовъ отъ корзинокъ, которыми полна гостиная, проникалъ и въ спальню и еще сильнѣе раздражалъ мои нервы.

Первая пьеса *моего* театра и первая моя роль, задуманная и сыгранная совсѣмъ по новому.

Успѣхъ!

Чего-же больше желать? Вызовы, крики, градъ букетиковъ, бѣснованіе молодежи, оваціи у актерскаго подъѣзда, провожаніе въ карету.

Но отчего-же я не могла заснуть, не отъ одного только возбужденія нервовъ, а и отъ думъ, захватившихъ меня сразу, когда я—въ постели—очутилась одна, съ глазу на глазъ съ собственнымъ «я».

Но сейчасъ-же этихъ «я» оказалось *два*.

Это опять раздвоеніе личности, но уже не одной «новаторши», создательницы новаго театра, а артистки, исполнительницы или—если выразиться крупнѣе—создательницы лица.

И вотъ тутъ и произошелъ въ головѣ моей діалогъ двухъ «я».

Это не бредъ, не причуда моей фантазіи, а подлинный психическій фактъ.

То, старое *актерское* (пускай будетъ такъ) «я»—сейчасъ-же, когда я легла и хотѣла сбросить съ себя весь «шумъ и чадъ» пережитаго дня—спросило меня такъ отчетливо и сильно, точно кто-то дѣйствительно говорилъ со мною, или гдѣ-то во мнѣ самой.

Будь я помнительнѣе, я бы могла принять это за слуховую галлюцинацію.

— Скажи, ты *что-же такое* собственно изображала сегодня?

И второе «я» не сразу отвѣтило, и я сама, сдѣлавшись

посредницей или переводчицей этого второго я,—отвѣтила, не безъ недоумѣнія:

— Какъ что? Я воплощалась въ то, что создалъ авторъ драмы.

— Ты думаешь? Теперь тебѣ нечего напускать на себя то, что тебѣ внушили твои руководители. Ты можешь признаться самой себѣ. Насъ никто, въ эту минуту, не чувствуетъ. Припомни все, что ты дѣйствительно *создавала* на сценѣ прежде, свое или иностранное, чисто-бытовое или идеализированное, общечеловѣческое. Ты испытывала сегодня точно такое-же душевное удовлетвореніе, ты сознавала, что творишь живое лицо, что у тебя есть своя, индивидуальная личность, которая полна своей внутренней свободы, а не скована какимъ-то общимъ каркасомъ, вродѣ металлической клѣтки, куда засажены всѣ, кто около тебя дѣйствуетъ, въ той-же самой пьесѣ.

Второе мое «я» выслушало всѣ эти вопросы сосредоточенно, ушло въ нихъ глубоко и, подавляя въ себѣ приступы недомоганія, сначала отвѣтило бойко, точно затверженный урокъ.

— Къ такой игрѣ нельзя прикладывать прежняго, истертаго шаблона. Когда достигается хоровое, совокупное *дѣйство*, тогда единичное исполненіе не можетъ и не должно играть прежней, захватывающей роли. Это было-бы лицедѣйствомъ, а не участіемъ въ общемъ хорѣ.

Тирада, произнесенная мысленно моимъ вторымъ „я",—удовлетворила-ли меня самое?

Какой-то затаенный червякъ началъ копошиться въ изгибахъ моей актерской души.

Я твердо знала мой урокъ и отчеканила его, какъ первая ученица; но отчего-же сегодня успѣхъ, не только, какъ директорши, но и какъ главной актрисы (я вѣдь все-таки и теперь—*премьерша*) оставилъ во мнѣ такую пустоту?

И я была уже сама близка къ вопросу: «Да собственно что-же такое я собою изображала?»

И мое первое, старое «я» это почуяло и не сдавалось.

«— Не лги самой себѣ! продолжало оно свою прокурорскую рѣчь. Не лги! Отчего же ты сама не своя? Отчего же у тебя нѣтъ внутренняго чувства художническаго довольства? Отчего ты не ослѣплена внѣшнимъ успѣхомъ? Отчего? Оттого, что ты была маріонетка, а не живое существо!»

— Маріонетка? возмутилось мое второе «я».

— Да, маріонетка. Ты говорила, ты двигалась, ты пере-

бирала руками, ты пускала интонаціи по командѣ того штукаря, который сидѣлъ за кулисами и дергалъ за проволоки, и даже говорилъ за тебя.

— Это неправда! Я не продавала никому своей духовной свободы. Я не согласилась бы рабски выполнять то, чему я не сочувствую!

— Тебѣ это только такъ *кажется*. Но ты въ пьесѣ была только однимъ механическимъ колесомъ... покрупнѣе другихъ. И тѣ всѣ—только гайки и штифтики! Никто не смѣетъ имѣть свою душу, свой талантъ, свое самостоятельное пониманіе лица. Всѣ вы рабы того чудовища, которое называется «Стилизація».

И мнѣ показалось, что мое старое актерское «я» разразилось саркастическимъ смѣхомъ.

Мнѣ стало жутко. Мною внезапно овладѣлъ страхъ—вотъ-вотъ предо мною явится живой образъ и будетъ говорить со мною, какъ на яву.

Холодный потъ выступилъ у меня на лбу и на вискахъ.

— Безумцы! воскликнуло мое старое «я». Вы хотите не только похерить живую жизнь, окружающее васъ человѣчество, то, что вы презираете, подъ ненавистнымъ вамъ словомъ «бытъ», но вы хотите *убить актера*! Ха, ха, ха! Но убить актера, это все равно, что убить самый театръ! И вы гробокопатели! Вы точно микробы, забирающіеся въ кровяные шарики живого тѣла и выѣдающіе всю его сердцевину! Не жизни вы служите, а мертвечинѣ!»

Мнѣ стало такъ жутко, что я забилась головой подъ подушку... И все-таки заснуть не смогла.

XIX.

Духъ и Матерія! Проекція на бумагѣ и готовая дѣйствующая машина!

Сладкіе мечты и безпощадная реальность!

Какъ бы я ни парила въ высшихъ сферахъ, какъ бы я ни сводила свою личность къ чему то отвлеченному, тоже «не отъ міра сего», но вѣдь я — какъ-никакъ — стала во главѣ цѣлаго учрежденія.

Мой философъ называетъ нашъ театръ «высоко-художественнымъ институтомъ».

Прекрасно; но это большое, сложное и дорогое дѣло.

Какъ тамъ ни витай, но надо сводить концы съ концами. А до сихъ поръ намъ это еще не удается!

Насъ питаетъ то, что я могла накопить на моемъ другомъ директорствѣ, когда я разъѣзжала по городамъ, изображая изъ себя то, что итальянцы называютъ «capo comico»—«комическую главу».

На иной трезвый взглядъ я теперь дѣйствительно «capo comico—смѣшная фантазерка, которая, по доброй волѣ, ведетъ и себя самое, и свое дѣло къ неминуемому краху.

«Comico»—да; но какая же я «capo», т. е. *глава*, представительница, настоящая хозяйка?

Для каждаго статиста въ нашей труппѣ, для машиниста, для плотника я—хозяйка, я «содержательница».

Какія ужасныя слова!

Когда я ѣздила со своей труппой на гастроли и проходила, въ тоже время, свой внутренній *искусъ*, о которомъ никто изъ моихъ товарищей не догадывался,—я была еще хозяйкой!

А теперь?

У насъ—это несомнѣнно и очевидно для каждаго!—даже не *двое*властіе, а *трое*властіе. И каждому статисту и даже плотнику, слѣдящему за репетиціями (такіе всегда есть), это очевидно.

На сценѣ безусловно царствуетъ другая личность. Онъ—артистическій директоръ. Онъ учитъ, играетъ за всѣхъ, заставляетъ всѣхъ подчиняться своей ферулѣ, не позволяетъ никому сдѣлать ни единаго жеста, не пустить, входя, ни единой интонаціи, безъ своего контроля.

Контроль! Этого мало. Онъ ихъ въ буквальномъ смыслѣ *тренируетъ*—по русски, «натаскиваетъ». Оно продѣлываетъ съ ними нѣчто вродѣ того, какъ учатъ канарейку пѣть съ музыкой.

Нѣтъ, нѣтъ—мнѣ хочется вмѣшаться. Внутренній голосъ подсказываетъ мнѣ, что это уже—черезъ-чуръ. Но я боюсь нарушить его престижъ, то единство тона и стиля, которыхъ онъ является такимъ непреклоннымъ жрецомъ.

На репетиціяхъ я—только исполнительница, только фигура покрупнѣе на той шахматной доскѣ, за которой онъ сидитъ, какъ игрокъ.

Но и въ общемъ веденіи дѣла у насъ, чуть не ежедневно, происходятъ совѣщанія нашего совѣта—я и оба моихъ совѣтника. И тутъ я имѣю только совѣщательный голосъ. Я, ни разу еще,

не возвысила интонацій, я, ни разу еще, ни на чемъ не настояла—*своемъ*.

Почему?

Потому, должно быть, что я сама не знаю—что у меня теперь совсѣмъ *свое*.

Я ихъ сообщница, ихъ выученица. Я вѣрю въ то, что надо, во что бы то ни стало, искать новыхъ путей.

Но если въ совѣтѣ будутъ двое мужчинъ и одна женщина—починъ будетъ исходить отъ мужчинъ. Это фатально. Идеи—это ихъ дѣло, а мы только резонансъ!

Но вѣдь я всетаки *хозяйка*. На мнѣ огромная матеріальная отвѣтственность. Каждый день—вынь да положь—надо истратить столько-то.—Нѣсколько сотъ рублей.

И, начиная съ первой нашей пьесы, пошли ежедневные недоборы.

Я не огорчаюсь, я не нервничаю, я ничего не боюсь. Но вѣдь тутъ замѣшана не я одна, а большая группа работниковъ всякаго рода и званія: отъ актеровъ и актрисъ на отвѣтственныя роли, до плотниковъ и чернорабочихъ.

Мы всѣ трое шли на борьбу—самую упорную.

Бороться надо на два фронта: и съ прессой, и съ публикой.

Но нынче пресса сдѣлалась настоящей силой. Наивно было-бы отрицать это! Она настраиваетъ залу,—ту большую публику, которая бросается въ театръ только на приманку успѣха.

Это—заколдованный кругъ.—*Свою* публику, самую чуткую и сильную—не создать въ одинъ сезонъ.

У насъ уже она есть—молодежь! Но вѣдь это даровая публика.

Въ залѣ нѣтъ пустоты, но вѣдь мы то знаемъ, что тутъ сотни контрамарокъ.

И я, какъ «первая сила» труппы (такъ на меня, до сихъ поръ, всѣ смотрятъ), чувствую, что одно мое имя уже не дастъ сборовъ.

Иначе и быть не можетъ.

Та прежняя, большая, платящая публика желаетъ меня видѣть или въ ея любимыхъ роляхъ, или въ новыхъ, но въ такомъ же родѣ. Ей нужны облюбованныя ею настроенія. Она не желаетъ, чтобы со сцены ее перевоспитывали, чтобы каждый вечеръ ей безъ словъ говорили:

— Бросьте все, чѣмъ вы восхищались до сихъ поръ! Это все старье! Проникайтесь тѣмъ, что мы вамъ теперь подносимъ!

Она придетъ разъ—другой по старой памяти—для меня,

или изъ любопытства. Но мы ее еще не завоевали. И завоюемъ-ли?

А бороться надо—каждый день, изо дня въ день.

Игрой тутъ уже нельзя взять, потому что игрой никто *не долженъ* выдвигаться—и я первая. Пригласите хоть самое Дузе, и ее мы не допустимъ до того, чтобы главнымъ поглощающимъ интересомъ для зрительной залы была *ея* игра.

Пьеса можетъ выручить.

Мы наложили руку на такую сильную, захватывающую вещь.

Вдругъ—доносъ! Забилъ въ набатъ одинъ патріотъ и охранитель. И все разлетается... Столько труда, думъ, исканій, надеждъ... И когда все было готово—запрещеніе! Полный разгромъ!

И такіе сюрпризы могутъ повторяться безъ конца.

Все это уже и теперь «цифруется», какъ говорятъ наши конторщики.

Да, *цифруется* уже суммой недоборовъ, которая показываетъ, что они поглотятъ все, что было заработано въ прошломъ сезонѣ—только мною, только тѣмъ, что я тогда была—для провинціи—любопытная знаменитость!

Рубли, сборы, антрепренерскіе разсчеты... Господи! Какъ это далеко отъ тѣхъ сферъ, куда духъ мой взлеталъ такъ радостно, съ такой непоколебимой вѣрой въ достиженіе новаго царства красоты—«не отъ міра сего!».

XX.

Мое общее душевное состояніе опять-таки представляетъ собою настоящее раздвоеніе.

Посмотрѣть со стороны—я «заряжена» все также и все тѣмъ-же: говорю, работаю, совѣщаюсь, потомъ дѣйствую на сценѣ, на репетиціяхъ и во время спектаклей.

Каждый скажетъ, что я «фанатически» предана вотъ такой-то идеѣ.

Но какъ только я останусь одна и стряхну съ себя этотъ гипнозъ—я раздираема сомнѣніями.

Они ростутъ не по днямъ, а по часамъ.

Зачѣмъ буду я лгать самой себѣ?

Какой-же будетъ *исходъ?*

Меня считаютъ вѣрующею и я сама думаю, чувствую, говорю и дѣйствую, какъ тѣ христіане, которые увѣровали въ то, что на нихъ сошла благодать.

Но разъ они считали себя обладателями такой благодати, всякое сомнѣніе отлетѣло отъ нихъ, и они останутся, до самой смерти, «сосудами милости божіей».

А во мнѣ этого нѣтъ!

Не то бѣда, что наши «дѣла», т. е. сборы, покачнулись, что нашему театру нанесенъ былъ жестокій ударъ запрещеніемъ пьесы, на которую всѣ мы надѣялись, какъ на каменную стѣну.

Вотъ я перечитываю ее каждую ночь, знаю въ ней каждое слово, каждую авторскую ремарку.

Я заново переживала ее, какъ актриса. Но для этого мнѣ надо было—прежде всего—вырваться изъ той клѣтки, которая вставала вокругъ меня, когда я ее исполняла на репетиціяхъ.

Вѣдь и это есть уже измѣна священному завѣту *стилизаціи*. Но только этимъ путемъ можно жить на сценѣ.

И я убѣждалась въ томъ, что иначе я не пойму никогда намѣреній автора, не въ состояніи была-бы воплотиться въ лицо, которое онъ задумалъ.

«Стилизація» помогла-ли мнѣ въ томъ, чтобы проникнуть въ сокровенную идею автора или нѣтъ?

Не знаю. Но мои «сообщники» (я ихъ, про себя, и такъ называю иногда), воображая, что они только и схватили сокровенный смыслъ этой вещи,—не навязывали-ли они сами автору то, чего онъ не имѣлъ никогда въ своемъ «заданіи», какъ нынче выражаются по модному?

Спросить его самого? Его уже нѣтъ въ живыхъ. И то, что я слышала и читала о немъ, какъ человѣкѣ и писателѣ,—не даетъ мнѣ никакого яснаго, цѣльнаго проникновеннаго пониманія ни его личности, ни его творческихъ идеаловъ.

Есть вѣдь и другія его пьесы. Я ихъ читала. Одну хотѣла ввести въ репертуаръ и первая отказалась отъ этой мысли.

Другія его пьесы—изъ свѣтской англійской жизни—совсѣмъ не проникнуты чѣмъ-нибудь такимъ, что указывало бы театру на новые горизонты. Въ нихъ слишкомъ много острословія, всякихъ парадоксовъ и шпилекъ, которыми авторъ колетъ своихъ соотечественниковъ. И нѣтъ ни драматической силы, ни настоящаго комизма. А главное—чувствуется во всемъ и всегда *усиліе*, желаніе показать, какъ онъ способенъ понимать всякую фальшь и рутину англійскаго *порядочнаго* общества, какъ онъ самъ выше его.

Будь онъ еще живъ и я поѣхала-бы въ Лондонъ знакомиться съ нимъ—что я вынесла-бы изъ общенія съ такимъ писателемъ?

Это случилось бы послѣ его скандальнаго процесса и сидѣнія въ тюрьмѣ. Что онъ оказался съ такими страстями—это печально; но я способна была-бы простить это. Вѣдь и у насъ водятся такіе ненормальные мужчины. Но даже и по прочтеніи его покаянной книжки, я не знаю—могла-ли бы я найти въ немъ вѣстника того возрожденія театра, о которомъ мы—на нашихъ совѣщаніяхъ—безъ умолку толкуемъ!

Болѣе чѣмъ вѣроятно, что и послѣ успѣха его пьесы, вырванной у насъ наканунѣ перваго представленія,—я не ушла-бы отъ такихъ сомнѣній.

Нѣсколько разъ я—на нашихъ совѣщаніяхъ—нервно кидала моимъ сообщникамъ:

— Дайте мнѣ ясную идею того, что намъ нужно искать въ театрѣ будущаго?

Режиссеръ отдѣлывается своими «клише», а мой философъ набрасываетъ, какъ онъ называетъ, «схемы», гдѣ я не могу или не умѣю схватить ничего осязательнаго.

Но еслибъ я и схватила это—какъ же быть на практикѣ?

Заказывать по нашему фасону драматическія «дѣйства»?

Кто на это пойдетъ? Сильный талантъ не согласится писать по заказу; а посредственность ничего стоющаго не даетъ.

А въ заграничномъ репертуарѣ—все перерыто, все испробовано.

И въ самыхъ высшихъ продуктахъ западнаго новаго театра я лично не вижу ничего прямо отвѣчающаго на наши запросы.

Возьму я любую, самую даровитую вещь, гдѣ авторы смотрятъ на себя, какъ на вѣщателей новаго слова,—я вижу въ ней себя, какъ ту, прежнюю исполнительницу, какъ «лицедѣйку», а не какъ стилизованную участницу въ общемъ «дѣйствѣ».

Нужно дѣйствительно «откровеніе», т. е. взмахъ генія.

Гдѣ его взять? Сидѣть у моря и ждать погоды?

Но ждать *намъ* нельзя, ни въ какомъ смыслѣ. Или побѣдить, или кончить постыднымъ крахомъ.

Не боюсь я и краха. Но то, что во мнѣ происходитъ—страшнѣе всякаго банкротства.

Это—убыль вѣры въ идею! Это—червякъ сомнѣнія въ томъ, чтобы возможно было что-нибудь создать изъ существующихъ

элементовъ той закоренѣлой, вѣковой лжи, которой изъѣденъ весь міръ теперешняго лицедѣйства!

И авторы, и актеры, и публика, и пресса, и организація этого муравейника—все должно было-бы итти на смарку.

А въ замѣну всему этому старью—никакихъ выходовъ, ничего живого и трепетнаго; а только одни «схемы»—какъ любитъ повторять мой философъ.

XXI.

Послѣдняя полоса моего «директорства» была сплошнымъ нравственнымъ страданіемъ.

Какъ я себя ни взвинчивала, къ какимъ силамъ души ни обращалась—я не въ состояніи была установить какое-нибудь равновѣсіе.

Обращалась я и къ молитвѣ.

И на словахъ, и въ письмахъ къ моимъ друзьямъ—я безпрестанно повторяла:—«Помолитесь за меня.»

И это не было пустой фразой нервной барыни.

Но и молитва ничего не приносила съ собою, кромѣ развѣ того, что я начинала смотрѣть на мое «дѣло», какъ на *крестъ*.

Я должна была нести его безропотно. И самое лучшее было-бы—совсѣмъ застыть, потерять всякую чувствительность, что бы со мною ни происходило, какія нравственныя страданія ни насылало-бы на меня несеніе моего добровольнаго креста.

Вѣдь умирали-же христіанскія мученицы первыхъ вѣковъ среди страшныхъ страданій, когда ихъ терзали звѣри, когда ихъ жгли и распинали. А онѣ пѣли гимны, и ихъ лица свѣтились свѣтомъ райскаго блаженства!

Гдѣ ужъ намъ достичь такой побѣды духа надъ слабой плотью.

Слаба я, нервна, слишкомъ *женщина*—вотъ главная бѣда!

Довольно, если я этой слабостью и этой нервностью не порчу того, что нужно для достиженія извѣстной высокохудожественной цѣли.

Не порчу! Развѣ этого достаточно? Надо поднимать въ зрительной залѣ высокое трепетное настроеніе.

«Чѣмъ?» спрашивала я себя, съ отчаяніемъ, въ безсонныя ночи, когда меня мучитъ, на яву, кошмаръ моихъ сомнѣній и вопросовъ.

Да, чѣмъ?

Своей игрою?

Но еслибъ я превзошла самое себя и захватила-бы всю залу—я вѣдь этимъ совершила-бы преступленіе по тому кодексу, который сама признала безусловно вѣрнымъ.

Великое предательство!

И вотъ я, съ каждымъ вечеромъ, все сильнѣе чувствую, съ самаго появленія на сцену, какую-то не выдуманную, а настоящую безчувственность, какъ-бы полное отсутствіе своего артистическаго «я».

У меня нѣтъ внутри—ничего.

Я двигаюсь и произношу слова, сажусь, встаю, дѣлаю длинныя паузы, вскрикиваю или произношу тирады, плачу, гдѣ полагается—и только!

Вчера я играла въ такомъ—точно уже прямо загипнотизированномъ состояніи.

И вдругъ, къ концу пьесы, въ такой моментъ, когда публика, еще до паденія занавѣса, захлопала—я сама похолодѣла отъ внутренняго страха.

Страха—это слишкомъ слабо,—отъ настоящаго *ужаса*.

Это было такое чувство, точно я въ какомъ летаргическомъ снѣ. Все вижу, все слышу, а сама не могу выговорить ни слова.

И сейчасъ вотъ я хоть и говорила, и двигалась, и плакала, и кричала, но это все исходило не отъ меня. Это была не моя душа, не мое творческое «я».

Какъ автоматъ, я выходила на вызовы, молчала, когда меня въ уборной раздѣвали и одѣвали, точно губы мои кто сковалъ, пріѣхала домой, вошла въ гостиную, не раздѣваясь, и упала на кресло, около двери.

Но кто-то подбѣжалъ ко мнѣ, взялъ меня за обѣ руки, посадилъ на диванъ и тотчасъ-же обнялъ.

Это былъ мой милый авторъ. И я была такъ еще скована, что не въ первую секунду узнала его.

— Вы... здѣсь?

Упала къ нему на плечо и глухо зарыдала.

— Болѣзное мое дитятко—слышала я его тихую рѣчь. Я сейчасъ изъ театра. Только сегодня пріѣхалъ и побѣжалъ смотрѣть васъ. Боже мой! Что вы съ собою сдѣлали? Вѣдь это ужасъ!

— Да, ужасъ! повторила я, поднимая отяжелѣлую голову. Неправда-ли? Вы все сразу поняли... и почуяли... безъ всякихъ объясненій.

— Дорогое мое дитя! проговорилъ онъ, сдерживая слезы. Это вѣдь добровольное самоубійство! Лучше уже прямо начать

съ того, что вы будете только продѣлывать мимику; а рядомъ, у кулисъ чтецъ будетъ считывать текстъ пьесы! Вѣдь теперь это, кажется, высшій идеалъ! Боже ты мой! Боже!

Онъ схватился руками за лицо и чуть самъ не разрыдался.

Я сидѣла прижавшись къ нему, съ поникшей головой и руки мои висѣли безпомощно вдоль бедръ.

— Что-же дѣлать? Я не могу бѣжать! Это было-бы нечестно! Никто меня насильно не тянулъ.

— Да вѣдь вы погибнете! Загубите свой чудесный даръ! Разобьетесь и о матеріальную незадачу.

И, взявъ меня за одну руку, онъ заставилъ меня повернуться къ нему лицомъ.

— Вы кончите крахомъ... Развѣ это не вѣрно?

— Крахомъ моей души! почти крикнула я. Да... я близка къ этому. Передъ вами я не хочу ничего утаивать... Но ходу нѣтъ назадъ.

— Какъ нѣтъ?

Голосъ его дрогнулъ. Онъ схватилъ уже меня за обѣ руки.

— Вы все равно должны будете—если догянете сезонъ до конца—бросить эти дикіе опыты и поѣхать играть свой старый репертуаръ.

— Избави Боже!

— Вы должны будете это сдѣлать—этого требуетъ уже простая честность. И не одно это! Вамъ надо вырваться изъ этого ужаснаго гипноза.

— Гипноза...—повторила я за нимъ. Да!

— Опять найти самое себя. Къ какому-бы выводу вы окончательно ни пришли—вы должны это сдѣлать! Вы не имѣете права—слышите!—никакого права губить въ себѣ артистку!

И, точно испугавшись, что онъ взялъ такой тонъ, онъ схватилъ меня за голову и сталъ, какъ самый нѣжный отецъ, цѣловать меня, приговаривая:

— Дитятко мое болѣзное! Мятущаяся душа! Пощадите вы себя, ради всего для васъ святого! Пощадите!

XXII.

Какъ мнѣ прійти въ равновѣсіе съ самой собою?

Не знаю!

Но мнѣ очень тяжко. Никогда еще я такъ не металась внутренно, такъ не доходила до послѣднихъ предѣловъ самоанализа.

Другіе бы сказали: «самоковырянія».

Дѣло не въ словѣ. Себя я не хочу и не могу оправдывать; а вѣдь я чувствую себя на скамьѣ подсудимыхъ.

Обвиненія раздаются и снаружи, и во мнѣ самой.

Меня обвиняютъ въ томъ, что я—ни съ того, ни съ сего—разорвала добровольно взятое на себя обязательство и такимъ актомъ моей воли показала, что я измѣнила моему символу вѣры и поступила, какъ самодурка съ моими ближайшими сотрудниками.

Чтожъ! Я не боюсь никакого суда! То, что представляетъ для меня мой внутренній трибуналъ—страшнѣе всякаго разбирательства.

Пушкинъ воскликнулъ когда-то:

«Ты самъ свой высшій судъ»!

Какъ-бы меня ни трепали въ прессѣ, что-бы ни болтали злобнаго или вздорнаго—я не явлюсь передъ публикой съ своей исповѣдью, по крайней мѣрѣ въ настоящую минуту, потому что во мнѣ самой кипитъ борьба, и я сама не знаю, стоитъ-ли защищать себя хоть въ чемъ-нибудь или безпощадно коверкать только самое себя и взять всю вину безусловно на себя.

Но еслибъ я согласилась идти на такое публичное судилище—я бы поставила сама себѣ нѣсколько вопросовъ.

Первый:

Чего я искала, когда рѣшила сжечь свои старые корабли?

Высшихъ символовъ, въ какіе только можетъ выливаться человѣческое творчество.

Видѣла-ли я хоть маленькое приближеніе къ такому идеалу въ томъ, что мы втеченіе цѣлаго сезона—продѣлывали?

Нѣтъ!

Второй вопросъ:

Нашла-ли я, какъ артистка, какъ исполнительница, ту идеальную свободу духа, къ которой такъ беззавѣтно стремилась?

Не свободу обрѣла я, а то ужасное душевное состояніе какой-то завороженной муміи, которое сдѣлалось—подъ конецъ—невыносимымъ.

Гдѣ-то я, въ какой-то книжкѣ по натуральной исторіи, читала, что есть такое насѣкомое, которое жалитъ гусеницу затѣмъ, чтобы сдѣлать ее неподвижной и чтобы ея тѣломъ могло питаться то насѣкомое, изъ котораго выйдетъ сначала личинка, а потомъ и бабочка.

Вотъ такую парализацію я переживала, съ каждымъ вечеромъ, все сильнѣе и сильнѣе.

Дальше я не могла выдержать, даже еслибъ «дѣло», затѣянное нами, и могло пойти съ нѣкоторымъ матеріальнымъ успѣхомъ.

Не бунтъ женскаго «я» противъ мужского авторитета вскипѣлъ во мнѣ. Я и теперь скажу сама себѣ—сказала-бы и на всенародномъ судилищѣ—что я признаю всецѣло превосходство мужской интеллигенціи, начитанности, знанія, преданности идеѣ. Все, что хотите! Но еслибъ я, какъ главная исполнительница, и совсѣмъ стушевалась и впала-бы въ еще большій гипнозъ, въ рабское подчиненіе всему, что мнѣ предписывали мужчины—мои менторы, то и тогда я не сохранила-бы вѣры въ то, что мы идемъ по правому, единому пути, по которому дойдемъ до лучезарной цѣли.

Напротивъ, то, что во мнѣ жило, въ видѣ туманныхъ чаяній и образовъ—и то совсѣмъ померкло и, въ настоящую минуту, я лишена какого-бы то ни было credo.

Это состояніе—почти равносильно полному банкротству души.

Вотъ, что я могу сказать на всенародномъ судилищѣ, но не сейчасъ, не въ этотъ моментъ—потому что я не въ силахъ оправдывать тебя: слишкомъ тяжелы тѣ обвиненія, которыя предъявляетъ мнѣ мой собственный душевный трибуналъ.

Во мнѣ, въ моей несчастной природѣ кроется какой-то разъѣдающій *микробъ*.

Никогда я не въ силахъ буду побѣдить въ себѣ тѣ инстинкты и побужденія, въ которыхъ я распознаю чисто женскую «каинову печать».

Сколько разъ я убѣждалась въ томъ—какая я жалкая, суетная, себялюбивая, безумно ищущая сладкихъ настроеній, т. е. безпробуднаго запоя, угара... того актерства или *каботинства*, которое я—на словахъ—такъ презирала и клеймила.

Я молилась, плакала, углублялась въ себя, допытывалась у своей совѣсти: развѣ я такая гадкая? Неужели я люблю только себя, только свое артистическое, т. е. актерское, каботинское «я»?

Не могу я, и въ эту минуту, вынести себѣ обвинительный вердиктъ.

Я не лгала самой себѣ, когда такъ неудержимо искала высшихъ откровеній искусства. Я и теперь хочу любить не одну отвлеченную, безплотную истину, а и человѣка, всѣхъ людей, съ какими только жизнь сводитъ меня... И ближнихъ, и дальнихъ.

Мнѣ не нужно ни кушей театральной знаменитости, ни туа-

летовъ—внѣ сцены, ни даже обстановки, ничего мнѣ не нужно. Я способна была ютиться въ одной комнатѣ, имѣя собственный театръ.

Вотъ и теперь я поѣду на гастроли затѣмъ только, чтобы покрыть убытки дѣла и до послѣдней полушки расплатиться со всѣми моими товарищами и сотрудниками.

Никакой *жертвы* я не признаю, потому что у меня нѣтъ никакого чувства пріобрѣтенія, собственности, захвата.

И все-таки я не могу себя оправдать.

Будь я другая, способная безъ колебанія отдаться тому, что я признала путеводной звѣздой—я-бы не дошла до такого опустошенія моей души.

Другая-бы посмотрѣла, можетъ быть, на крахъ своей затѣи, какъ на указаніе свыше, и *обрѣла*-бы опять себя, вернулась-бы къ тому, чѣмъ она стала дорога публикѣ, въ расцвѣтѣ ея личнаго таланта.

А меня съѣдало предвкушеніе того, что я вернусь изъ своего, хотя-бы тріумфальнаго объѣзда, все съ той-же опустошенной душой.

Кто правъ! Кто виновать! Если я и не виновата, въ тѣсномъ смыслѣ, то и правой я себя признать не могу, не передъ тѣми, кто меня осуждаетъ, а передъ самой собою.

XXIII.

Неужели это такъ?

Сколько времени я не заглядывала въ мою тетрадь!

Боялась себя, своей совѣсти, боялась до тла изрыть собственную душу.

Передо мною было исполненіе *урока*.

Я должна была своимъ трудомъ, своимъ именемъ, своими расшатанными нервами и измочаленнымъ тѣломъ—очистить дѣло отъ большого дефицита.

И я это сдѣлала. Результатъ оказался быстрѣе и удачнѣе, чѣмъ мечтали и тѣ, кто вѣритъ въ мою звѣзду, кто считаетъ мою общероссійскую популярность все такой-же обширной.

Да, другая бы на этотъ капиталъ извѣстности брала процентъ, вплоть до старости, какъ дѣлаетъ это всемірная знаменитость Сарра Бернаръ, какъ будутъ это дѣлать непремѣнно, фатально, и Режанъ, и моя любимая, стоящая головой выше *всѣхъ насъ*, Элеонора Дузе.

Но развѣ это не ужасъ?

Въ послѣдній разъ я прямо отказалась ѣхать смотрѣть Сарру въ «Дамѣ съ камеліями» и въ «Aiglon». Лучше уже видѣть настоящую египетскую мумію, чѣмъ такую разрисованную руину.

Два-три мѣсяца пролетѣли, какъ два дня. Я усиленно воздерживалась отъ всякихъ вопросовъ. Я ни о чемъ не хотѣла думать. Это было-бы совершенно безплодно. Вѣдь я забрела и раньше моей послѣдней кампаніи въ тупикъ.

То, что питало мою душу когда-то,—ушло безъ возврата.

Личный успѣхъ потерялъ для меня всякое значеніе.

Игра—почти каждый вечеръ, здѣсь и тамъ—втеченіе нѣсколькихъ десятковъ вечеровъ, въ однѣхъ и тѣхъ же роляхъ—не дала ничего, кромѣ утомленія и особой, еще неиспытанной мною въ той-же мѣрѣ *оскомины*.

Это—настоящее слово: «оскомина». Она вѣдь лишаетъ васъ всякаго вкуса и дѣлаетъ даже противнымъ то, чѣмъ вы злоупотребляли, чѣмъ вы *объѣдались*.

Такъ называемые «тріумфы» сначала раздражали, а потомъ подавляли меня.

Мнѣ стали почти невыносимы всѣ эти вызовы, крики, скажемъ попросту, *галдѣніе* и *ораніе*.

Самый этотъ гулъ вызововъ, звукъ моей фамиліи, съ верху галерки, или внизу, въ партерѣ, становился чѣмъ-то до-нельзя банальнымъ.

Это, быть можетъ, «черная» неблагодарность съ моей стороны.

Молодежь—студенты, курсистки, гимназисты, гимназистки—вся эта трепетная масса клала всю свою душу въ эти оваціи. Она восхищалась мною со всѣмъ пыломъ юности, съ глубокой искренностью.

Да; но та актриса, которую они такъ обожаютъ и въ томъ, что она играла—это уже что-то мнѣ чужое. Это—какая-то *покойница*. И будь я теософка—я-бы могла сказать, что это мое «астральное» тѣло воплощалось опять въ ту прежнюю артистку и принуждено было, по вечерамъ, гримироваться, надѣвать костюмъ, ходить, говорить, смѣяться, плакать и раскланиваться съ публикой, выходя на безконечные вызовы.

Но это—чистѣйшая правда. Такова была моя психика.

И кажется, продлись еще недѣлю мое тріумфальное шествіе—я-бы слегла и, быть можетъ, не встала-бы.

Чтожъ! Было-бы лучше, право!

Та полоса моего сознательнаго существованія, которая довела меня до тупика, изжита до дна.

А новой я не вижу.

Безъ всякой бури въ душѣ я написала мое отреченіе отъ театра, не только какъ хозяйка, какъ директорша, какъ искательница новыхъ путей театра, но и какъ актриса.

Для меня, безъ новаго мучительнаго самоанализа — стало такъ неотразимо ясно и неизбѣжно это... на взглядъ столькихъ— безумное рѣшеніе.

Ни передъ кѣмъ я не обязана была—такимъ заявленіемъ— кромѣ моихъ товарищей, тѣхъ, кто давно уже дѣлилъ со мною мою судьбу.

Никого я этимъ не обижала, ничьи интересы не нарушила. Все я съ ними раздѣлила, что могла.

Въ моемъ обращеніи къ нимъ я не позволила себѣ—замораживать ихъ мертвящимъ пессимизмомъ. О, нѣтъ!

Я не извѣрилась въ высокую задачу театра, какъ формы прекраснаго. Но я не вижу того, чтобы *теперешній* театръ поднималъ насъ надъ сутолокой реальности, открывалъ-бы намъ просвѣтъ въ Вѣчное.

Такой моментъ настанетъ! Онъ долженъ настать! Но ждать его на перепутьи, повторяя опостылѣвшіе зады,—я не въ силахъ больше.

И кто меня пойметъ, тотъ не бросить въ меня камня.

Точно пудовыя вериги спали съ меня, когда я поставила крестъ на своемъ «актерствѣ» и сознала — безъ фальшиваго смиренія—что возрождать театръ и указывать ему путь къ той завѣсѣ, за которой стоитъ Вѣчность, я лично не въ силахъ.

Я уѣхала въ то укромное мѣсто, куда я часто удалялась, и зимой, и лѣтомъ, гдѣ я ничего не вижу, кромѣ неба, вѣковыхъ сосенъ и елей, гдѣ я ничего не слышу, кромѣ ропота скачущей воды.

Оттуда я написала письмо за границу, моему милому автору. Знаю, что мое отреченіе глубоко опечалитъ его.

Но онъ все пойметъ и ужъ, конечно, не осудитъ, а только глубоко пожалѣетъ ту, кого онъ зоветъ «болѣзное дитятко».

Вотъ заключительныя слова этого письма:

«Мнѣ *нечѣмъ* больше жить на сценѣ. Я потеряла свое прежнее «я», а новаго не нажила. Играть затѣмъ только, чтобы доставлять удовольствіе публикѣ,—я не въ силахъ».

«Что-же остается? Превратиться въ поденщицу, въ барыньку съ талантцемъ, «qui veut se faire une jolie pelote»—

какъ сказала-бы любая француженка—какой ужасъ, какой позоръ! На это, сердечный мой, дорогой мой духовникъ, вы не можете считать меня способной.

«Я понимаю по англійски изъ пятаго въ десятое; но у меня сохранился почему-то въ памяти вопль Отелло:

«Farevell! Otello's oocupation's gone»!

Куда я дѣнусь? Не знаю! Пока видите—проваливаюсь въ трапъ! Опять-таки по театральному!

XXIV.

Сладко скинуть съ себя вериги, хорошо—*покончить*!

Но какъ-же жить дальше?

Что *начинать?*

Я могу теперь идти, куда хочу: направо, налѣво, впередъ или назадъ, устраиваться на жительство, гдѣ мнѣ захочется.

Все это такъ; но, усѣвшись на мѣстѣ, что-же дѣлать?

Вѣдь нельзя оставаться «общечеловѣкомъ», особенно женщинѣ.

Кто-же я буду?

«Отставная знаменитость»! Ха, ха!

Да вѣдь это самый позорный ярлыкъ.

Не постыдно быть отставнымъ, когда вы отслужили свой срокъ и удаляетесь на покой. И тогда: или ты будешь доживать въ почетѣ и довольствѣ, или тебя помѣстятъ въ убѣжище престарѣлыхъ актеровъ и актрисъ, и ты—живой еще трупъ—будешь ждать смерти, подваривая гущу въ кофейникѣ, сплетничая, раскладывая пасьянсъ и безконечно болтая о своихъ успѣхахъ во всѣхъ городахъ Россійской имперіи.

Но мнѣ еще нѣтъ и полныхъ тридцати пяти лѣтъ!

Никакой физическій недугъ еще не разбилъ меня. Голова можетъ работать, могутъ дѣйствовать и руки.

Неужели мнѣ больше нѣтъ нигдѣ дѣла, кромѣ какъ на театральныхъ подмосткахъ?

Но, чтобы итти куда-нибудь—въ народъ, въ революцію, школьной учительницей или простой фабричной ткачихой—надо или отдаться идеѣ, или искать куска хлѣба.

Идея! Какая-же? Я ни къ чему такому не готовилась.

Или посмотрѣть на какое-бы то ни было *опрощеніе*, какъ на искупительный подвигъ.

За какое преступленіе или грѣхъ?

За грѣхъ своихъ мучительныхъ и безплодныхъ поисковъ? Но это было-бы черезъ-чуръ жестоко!

Взять первый попавшійся заработокъ затѣмъ только, чтобы просуществовать?

Во что-же я могла-бы пойти?

Въ гувернантки? На триста рублей? Больше мнѣ не дали-бы — я ничему систематически не училась. У меня нѣтъ никакой педагогической подготовки... Я болтаю по французски и почти позабыла нѣмецкій языкъ. Кажется, я дѣлаю маленькія ошибки и въ русской ороографіи.

Учить народъ? Это тоже своего рода обѣтъ... тяжелѣ монастырскаго. Но и это надо умѣть дѣлать.

Что же остается? Компаньонка?

Или хозяйка chambres garnies, или содержательница швейной мастерской, моднаго магазинчика, или маленькой школы?

Школа?

Какой-же, прямѣе, какъ не школы сценическихъ артистокъ *будущаго*?

Развѣ я о ней не мечтала?

Во мнѣ—среди всѣхъ моихъ самыхъ яркихъ и жуткихъ переживаній—зрѣло убѣжденіе—и его раздѣляли всѣ, кто мнѣ сочувствовалъ,—что нельзя будетъ пересоздать игру, пока не будетъ сдѣлано изъ всей теперешней традиціи и рутины—tabula rasa.

А такой школы нигдѣ нѣтъ! Ни у насъ, ни за границей! Есть попытки, но нѣтъ ни одного учрежденія, проникнутаго строго-реформаторскимъ духомъ.

Я уже не говорю о томъ, что у насъ все это—кое-что, безъ системы, безъ живительнаго духа, безъ желанія все пересоздать на новыхъ началахъ.

А прославленная Парижская Консерваторія! Господи! Что это за фабрика канареекъ, выученныхъ пѣть или говорить подъ органчикъ! Вѣдь я была въ классахъ декламаціи! И говорю не зря!

«А кто-же лучше французскихъ актеровъ и актрисъ умѣетъ произносить стихи и прозу? У кого болѣе изящная дикція?»

Да погибнетъ всякая «читка», если подъ нею нѣтъ полнаго сліянія съ тѣмъ «я», которое вы воплощаете на подмосткахъ.

Кто-же мѣшаетъ мнѣ открыть свою школу, хоть маленькую, на нѣсколько человѣкъ, и отдаться этому *коренному* дѣлу съ полною беззавѣтностью?

Кто или что?

Я начала мучительно думать на эту тему—думала цѣлыми днями, и даже во снѣ видѣла какую-то чудную залу въ готическомъ стилѣ, съ видомъ на прекрасный паркъ. И въ ней я руковожу моими питомцами, одѣтыми въ бѣлыя легкія одѣянія.

И вдругъ меня точно иглой пронзилъ вопросъ и всѣ мои мечтанія разлетѣлись.

«Какъ же ты будешь учить, т. е. преподавать теорію и практику сценическаго искусства, если ты сама, на собственномъ опытѣ, убѣдилась, что ты не знаешь—*что* и *какъ* играть, въ чемъ высшая правда и въ чемъ его же и условность? И какъ ты будешь проповѣдывать возрожденіе игры, когда ты не знаешь, *что* играть, когда нѣтъ еще того театра, явленіе котораго ты такъ мучительно и долго призывала?»

«Безъ него не можетъ быть и новаго исполнителя искусства! Это ясно, какъ Божій день!»

Что-же противъ этого возразить?

Это былъ послѣдній ударъ, нанесенный мнѣ все тѣмъ-же роковымъ самоанализомъ или лучше самобичеваніемъ.

Горько заплакала я и стала молиться.

Быть можетъ, впервые, я всѣмъ своимъ существомъ такъ жаждала просвѣтлѣнія, отвѣта свыше, такъ преисполнена была чувствомъ своей безпомощности.

И когда мое молитвенное настроеніе стихло,—я тутъ-же была охвачена порывомъ, но не къ сценѣ, не къ театру, не къ исканію новаго слова и высшихъ символовъ искусства, а къ *жизни*, простой, обыденной, къ людямъ, къ радостямъ самой заурядной женщины, жены, матери.

Вѣдь я всего этого лишала себя добровольно и довела свою душу до полнаго банкротства!

Сладкія слезы лились у меня по щекамъ. Я все еще стояла на колѣняхъ, потомъ сѣла на полъ, точно я маленькая, безпомощная дѣвочка, которую научили уму-разуму, послѣ того какъ долго бились и мучились съ нею.

Не любви-страсти жажду я, не подчиненія мужскому засилію. Если мнѣ не дано быть матерью и создать семью, то никто не помѣшаетъ мнѣ уйти въ жизнь со всѣмъ ея свѣтомъ и мракомъ, забыть о своемъ метущемся «я».

Неужели на меня не сойдетъ этотъ лучъ благодати? И я не выскочу изъ моей раскаленной клѣтки на просторъ не актерской, а подлинной жизни?

П. Боборыкинъ.

Блёстки ночи.

Въ іюнѣ—блёстки свѣтляковъ
Въ травѣ высокой и душистой
И массы яркія цвѣтовъ
Въ степи далекой, серебристой.

* * *

Въ іюлѣ, море—серебро.
Оно сверкаетъ, фосфорится
И надъ водою такъ свѣтло:
Она вся брызгами искрится.

* * *

Вотъ августъ пышный... Зной томитъ.
И хороводъ изъ звѣздъ падучихъ
На небѣ радугой летитъ
На крыльяхъ огненныхъ, могучихъ.

В. Аренсъ.

ГАЛАТА.

(Разсказъ).

Случилось, какъ ожидалъ Чуйковъ. Только поднялся онъ наверхъ по широкой каменной лѣстницѣ агентства съ натасканной на ней грязью, какъ къ нему подскочилъ служитель въ морской курткѣ.

— Не пришелъ-съ.

Чуйковъ не взглянулъ даже на него и повернулъ назадъ.

Внизу, въ проходѣ онъ столкнулся со старенькимъ маленькимъ человѣкомъ въ рыжемъ пальто съ бритымъ бабьимъ лицомъ.

— Наверхъ?.. Не трудитесь!—бросилъ Чуйковъ.

Тотъ выкруглилъ глаза.

— Опять нѣтъ?.. Т-те!—Это, знаете, такое безобразіе, такое, извините за выраженіе, свинство...

Мѣсяцъ назадъ оба, числясь въ пароходномъ обществѣ на югѣ Россіи, одинъ—3-имъ помощникомъ, другой—врачемъ, получили назначеніе на «Зефиръ», плавающій вдоль Анатолійскихъ береговъ. Такъ какъ ближайшимъ портомъ его былъ Константинополь, то они поспѣшили сюда. Но, какъ на грѣхъ, «Зефира» не оказалось. Его задержалъ подъ Самсуномъ штормъ.

Прошло 10 дней Они ежедневно являлись въ агентство, и на вопросъ—«есть ли «Зефиръ», получали неизмѣнный отвѣтъ—«не пришелъ-съ»...

— Идемъ что-ли, Нафанаилъ Захарьевичъ?—сказалъ угрюмо Чуйковъ.

— Іокъ эффендымъ. Хочу видѣть агента.—Онъ дернулъ плечами.—То есть это такое, извините за выраженіе...

Чуйковъ пошелъ къ выходу.

— Къ обѣду будете?!—крикнулъ докторъ.

Чуйковъ кивнулъ уже въ дверяхъ головой.

На улицѣ его охватила знакомая тоска. Онъ испытывалъ эту тоску съ тѣхъ поръ, какъ оставилъ флотъ. Частныя коммерческія суда не удовлетворяли его. Ему, привыкшему къ абсолютной чистотѣ и порядку во флотѣ, претила грязь на нихъ. Онъ ходилъ по палубѣ съ опаской, какъ бы боясь выпачкаться. Да и команда... А роль пріемщика груза, торчащаго у трюма съ записной книжечкой и карандашикомъ, унижала. Только нужда и отсутствіе вакансіи во флотѣ заставили его принять эту службу.

Онъ представлялъ себѣ «Зефиръ»,—дрянненькое, грузовое суденышко, грубые, ограниченные люди. Будь оно пассажирское, нѣтъ-нѣтъ да сорвется свѣжій человѣкъ. И онъ съ ужасомъ подумалъ, какъ потянутся скучные, томительные дни—хожденіе изъ порта въ портъ, выгрузка, пагрузка.

Чуйковъ остановился на набережной, не зная, что дѣлать. Погода не измѣнилась. Съ утра сѣялъ мелкій осенній дождь. Золотого Рога не было видно, онъ исчезъ въ туманѣ и густомъ пароходномъ дыму, и тамъ, гдѣ находился Стамбулъ, какъ бы залегъ сизый лѣсъ, и смутно выдѣлялись на немъ мастодонтами силуэты Ая-Софіи и Баязеда.

Вокругъ въ туманѣ бурлило. Возились тысячи хаммаловъ, выгружая и нагружая пароходы, толкались пѣшеходы, продавцы разныхъ товаровъ, проносились нескончаемой цѣпью парные экипажы, проходили группами турчанки, закутанныя съ головой въ свои безобразныя черныя и коричневыя черчафы и яшмаки, имамы и софты въ бѣлыхъ и зеленыхъ тюрбанахъ, солдаты въ синихъ мундирахъ.

— Дестуръ! Дестуръ!—покрикивали возницы.

Люди шарахались, сталкивались, сшибались, образуя заторъ, и мостъ скрипѣлъ и стоналъ подъ напоромъ людскихъ волнъ. А снизу неслись свистки и гудки пароходовъ, шумъ винтовъ и колесъ, всплески подъ ударами веселъ, голоса яличниковъ и крики чаекъ, снопами бѣлыхъ искръ вспыхивающихъ здѣсь-тамъ. Изрѣдка вплеталась сирена. Родившись слабымъ пискомъ гдѣ то въ углу подъ мостомъ, она съ оглушительнымъ свистомъ, какъ Змій-Горынычъ, облетала Золотой Рогъ, Босфоръ и возвращалась обратно.

Какъ разъ напротивъ развертывалась Галата съ ея гористыми уличками, профилями домовъ, насаженныхъ какъ бы одинъ

на другой и Гэнуезской башней. Она также заплыла туманомъ. Далеко впередъ выдавался и лѣзъ нагло въ глаза австрійскій магазинъ весь изъ толстаго зеркальнаго стекла, съ бронзовымъ глобусомъ на вышкѣ. Кой-гдѣ въ кофейняхъ желтѣли расплывчатые огоньки.

Сверху по Юксекъ Калдерымъ—ступенчатой улицѣ сыпались безпрерывно, слегка подпрыгивая, какъ гуттаперчевые, люди, козы, сытыя лошадки въ голубыхъ бусахъ съ кладью и исчезали въ многочисленныхъ лабиринтахъ Галаты. Какъ въ песочныхъ часахъ, переливалась публика изъ Галаты въ Стамбулъ, колыхаясь фесами, какъ красный студень.

Чуйковъ сунулъ руки въ карманы и безцѣльно, какъ фланеръ, побрелъ въ городъ. Онъ поднялся на Перу, останавливался подлѣ каждой витрины и разсматривалъ дорогія принадлежности туалета—капоты, египетскія шали въ блёсткахъ, англійскіе жилеты, трости; завернулъ въ «Бонмарше» и обошелъ его вдоль и поперекъ, восхищаясь бронзой, парижскими игрушками и Брусскими газами.

У англійскаго посольства онъ замѣтилъ высокую тонкую турчанку въ фіолетовой черчафѣ, съ милымъ дѣтскимъ профилемъ, ясно обозначеннымъ подъ сиреневымъ кружевнымъ яшмакомъ. Вмѣстѣ съ служанкой—низкорослой, круглой эѳіопкой, она только что сошла съ экипажа. Подобравъ ручкой въ узкой бѣлой перчаткѣ черчафу, она замѣтно щеголяла миніатюрной розовой туфелькой. Чуйковъ долго шелъ за нею, любуясь ручкой и туфелькой.

Потомъ онъ замѣшался въ манифестацію,—перевозили урну съ голосами въ Sublime Porte.

По Перѣ катилась красная рѣка фесокъ. Оркестръ игралъ «Яшасинъ»—баюкающій мотивъ съ веселымъ рефреномъ, и толпа на ходу притоптывала, подергивала плечами, хлопала въ ладоши и подпѣвала:

Яшасинъ хуруэтъ, адаледъ, муссафатъ,
Яшасинъ миледъ (Да здравствуетъ свобода,
равенство, правосудіе, братство).

Рядомъ съ Чуйковымъ шелъ старый беззубый ходжа. Онъ совсѣмъ размякъ, качалъ въ тактъ бѣлой пуховой головой въ зеленомъ тюрбанѣ и шамкалъ:

«Яш-ша-шимъ ад-да-ледъ».

Потомъ, не утерпѣвъ, приподнялъ черный халатъ и пустился въ плясъ.

И вдругъ этотъ баюкающій мотивъ покрывалъ, какъ орлинымъ крыломъ, другой—«Ватанъ», мощный, страстный, въ которомъ звучали и радость, и гнѣвъ, и угроза.

«О, родина, о нѣжно-любимый народъ!
Пой радостно;
Сегодня твой праздникъ,
Освѣщай Оттоманскій міръ.
Молись о здравіи Энвера и Ніази-Бея!»..

Изъ оконъ пяти и шести-этажныхъ домовъ, дверей, балконовъ и террасъ, густо обсыпанныхъ людьми, летѣли въ толпу конфетти, серпантинъ, сигары.

За десять дней Чуйковъ привыкъ къ подобнымъ манифестаціямъ. То встрѣчали салоникскихъ стрѣлковъ, то депутатовъ изъ Малой Азіи и Аравіи.

Онъ выбрался на просторъ.

До обѣда оставалось два часа, и онъ остановился въ раздумьи—«Куда пойти еще, чтобы убить время? Къ пляшущимъ дервишамъ? На селямликъ»?..

II.

На «Ростовѣ», на которомъ Чуйковъ прибылъ въ Константинополь, ѣхало много разнаго люду—болгары-запасные, спѣшившіе въ Бургасъ и Варну; армяне, возвращающіеся послѣ долголѣтняго изгнанія, греки, сербы, евреи. Ѣхали еще 2-мъ классомъ двѣ учительницы-барышни — одна въ Іерусалимъ, другая—въ Дамаскъ, два перса—торговцы бирюзой, молодой черный арабъ въ узкомъ черномъ халатѣ и высокомъ тюрбанѣ и дама изъ Перми.

Дама—Любовь Александровна съ дѣтьми, 14-ти лѣтней гимназисткой Валей и мальчикомъ Витей, направлялась къ сестрѣ въ Южную Америку.

У нея было пріятное чисто-русское лицо, бѣлое, съ румянцемъ, свѣтлые волосы, въ которые она втыкала золотистый гребень съ блестящими камешками, и сѣрые ясные глаза. И вся она была похожа на подсолнечникъ, сильно освѣщенный солнцемъ. Она рѣдко показывалась въ обществѣ; прохаживалась больше съ Валей по юту, или сидѣла у борта надъ водой.

У Вали тоже было пріятное лицо — тонкое, матовое, съ овальными ямочками и веселыми карими глазами. Она ни на

шагъ не отходила отъ матери, липла къ ней и обвивала ее своей гибкой фигуркой и мягкими руками. Но когда ей прискучивало, она вмѣстѣ съ Витей устраивала кутерьму—гналась за нимъ черезъ всю палубу, и оба боролись и катались по полу съ визгомъ и смѣхомъ.

Любовь Александровна вначалѣ какъ будто дичилась всѣхъ, избѣгала знакомствъ и при встрѣчѣ краснѣла и потупляла глаза. Мало по малу однако она перестала дичиться.

Въ каютъ-компаніи, ярко освѣщенной электричествомъ, по вечерамъ бывало весело. Собиралась свободная отъ вахты команда — помощники, механики, пассажиры, заводили граммофонъ, спорили, разсказывали анекдоты и подтрунивали надъ докторомъ — Нафанаиломъ Захарьевичемъ, который засыпалъ надъ своимъ чаемъ.

Любовь Александровна сидѣла межъ учительницами съ опущенными глазами, вся розовая, золотая, въ бѣломъ оренбургскомъ платкѣ на плечахъ, перебирая концы скатерти, а тѣ чирикали, какъ птицы, и заигрывали съ арабомъ, сидѣвшимъ тутъ же:

— Яхабиби! [1])—бросала ему изрѣдка по арабски учительница изъ Дамаска.

Любовь Александровна однажды наклонилась къ ней и шепнула что-то.

— Ай да наша скромница! воскликнула та лукаво.

— Что?!.. Что такое?!

— Сказать?!.. Она говоритъ, что нашъ Хабиби—красивъ.

— Выдумываете! — Любовь Александровна еще больше зардѣлась и потупилась.

Съ тѣхъ поръ такъ и осталось за нею—«скромница»...

Чуйковъ интересовался ею. Ему нравилась ея любовь къ дѣтямъ, свѣтлое лицо, пѣвучій голосъ и смѣлость, съ которой она пустилась въ столь далекое плаваніе.

Онъ по возможности облегчалъ пребываніе ея на суднѣ; бѣжалъ въ каюту за пледомъ, когда на палубѣ становилось сыро, а подъ Бургасомъ разбудилъ ее и Валю, чтобы онѣ не прозѣвали восхода солнца. Онѣ были такъ признательны, такъ рады.

По одной сторонѣ, разбрасывая розовые и золотые букеты, медленно выплывалъ огромный шаръ, въ сажень діаметромъ, весь налитой жаромъ, а по другой—легіонами носились въ бѣшеной пляскѣ, какъ духи, клочья бѣлыхъ испареній, цѣпляясь за воду. Вѣтеръ гналъ ихъ къ городу, а часто въ просвѣтахъ, какъ въ

[1]) Милый.

голубыхъ оконцахъ, мелькали бѣлые домики, какъ бы повисшіе въ воздухѣ, блѣдные, умирающіе огоньки, красныя черепичныя крыши, садики, соборный шпиль, минареты...

Изъ краткихъ бесѣдъ онъ узналъ, что она разошлась съ мужемъ, навсегда оставляетъ Россію, и что у нея больная грудь.

Когда подъѣзжали къ Константинополю, она сказала, что сойдетъ на берегъ и поживетъ нѣсколько дней въ русскомъ подворьѣ.

— Будетъ охота, загляните...

Чуйковъ вспомнилъ сейчасъ и рѣшилъ сходить. Авось, еще застанетъ ее. Ему вдругъ страстно захотѣлось услышать русскую рѣчь и увидѣть родное русское лицо.

III.

Онъ зналъ, что подворье — внизу, въ Галатѣ. Но какъ отыскать? Онъ все еще не освоился съ городомъ и путалъ.

Константинополь подавлялъ его своей громадностью, и часто, глядя съ моста или каика на его каменные гребни, хаосъ домовъ, то закутанный въ золотистую дымку солнечнаго дня, то усыпанный милліонами огней вечеромъ, онъ думалъ, что человѣку затеряться въ немъ такъ же легко, какъ въ лѣсу.

Путалъ онъ и сейчасъ. Онъ кружилъ долго по лабиринту изъ грязныхъ, смрадныхъ уличекъ, минуя многочисленныя кофейни, греческія кухмистерскія и мѣнялъ, выглядывающихъ пауками изъ своихъ норъ, изъ-за стеклянныхъ ящиковъ; забредалъ въ прохладные рыбные ряды, гдѣ любовался дарами Босфора въ корзинахъ и ситахъ—бѣлыми, какъ молоко, осьминогами, паламидой, какъ бы отлитой изъ серебра, незнакомыми фіолетовыми рыбами съ золотыми плавниками, грудами влажныхъ устрицъ, мидей и креветокъ, пахнущихъ моремъ, солью, водорослями.

Онъ забрелъ потомъ въ узкій, какъ коридоръ, переулокъ съ узкими ветхими домишками.

Чуйковъ изумился. Ужъ не попалъ ли онъ въ маскарадъ? Кругомъ—пестрая, разноязычная публика и дѣвушки въ яркихъ нарядахъ — красныя, желтыя и зеленыя юбки, бархатные корсажи, береты, расшитыя серебромъ и бисеромъ шапочки. У нѣкоторыхъ волосы распущены, и въ нихъ торчатъ дешевые гребни, банты, бумажныя розы. Дѣвушки выглядывали изъ

оконъ и дверей низкихъ и темныхъ клѣтушекъ, вертѣлись, засунувъ руки въ кармашки жакетокъ и матросскихъ куртокъ, стояли, прислонясь къ косякамъ, и сидѣли кучками на плетеныхъ стульчикахъ въ свободныхъ позахъ, бубня что-то въ носъ и перебрасываясь отрывистыми фразами по-гречески и по-еврейски.

Однѣ вяло потягивали кофе изъ наперсточныхъ чашечекъ, другія грызли мандарины и каштаны.

Чуйковъ спохватился, что онъ находится въ одной изъ знаменитыхъ трущобъ Галаты, и только теперь бросилась ему въ глаза вся мерзость этого переулка.

Въ клѣтушкѣ, оклеенной дешевыми желтыми обоями, на виду у всѣхъ совершала туалетъ безобразно-толстая дѣвица съ лицомъ мопса, въ красной фланелевой юбкѣ. Она сидѣла передъ дешевымъ зеркаломъ и старательно разрисовывала щеки, а у ногъ ея примостился черный неопрятный грекъ въ плюшевой шапкѣ и пожиралъ ее глазами. Другая, въ просторномъ ситцевомъ халатѣ и кожаныхъ туфляхъ на босу ногу, съ треугольнымъ, кирпичнымъ, но счастливымъ лицомъ и жидкой болтающейся косичкой, перебѣгала улицу съ двумя бутылками пива въ рукахъ.

Черезъ весь переулокъ, высоко, отъ дома къ дому были протянуты бичевки съ бѣльемъ. Висѣли во всю длину, надъ головой, грубыя разноцвѣтныя женскія сорочки, простыни, блузы, панталоны, полосатыя фуфайки. По стѣнамъ межъ оконъ вился сухой плющъ; въ воздухѣ стоялъ острый запахъ дешевыхъ духовъ, мыла и пудры.

Часто чьи-то руки высыпали передъ домомъ соръ, и на эту благодать сбѣгались съ кудахтаніемъ куры и потягивались лѣнивые облѣзлые псы. Иногда, со звономъ, торопливо проходило стадо козъ, сверкая бѣлизной шерсти и оттѣняя окружающую грязь.

Въ публикѣ толкались, держась за руки, словно боясь растерять другъ друга, турецкіе солдаты—кривоногіе артиллеристы, покрытые сѣрымъ налетомъ отъ пороховой копоти, франтоватые фельдфебели, хамаллы въ грубыхъ коричневыхъ штанахъ и платкахъ, вмѣсто фесъ, матросы всѣхъ флаговъ: французы, нѣмцы, англичане, русскіе; продавцы простокваши, винограда, сладостей, чистильщики сапогъ.

Замѣшались—и поджарый ксендзъ въ козлиной бородкѣ и черной сутанѣ,—онъ торопливо пробирался на Перу, вздрагивая острыми плечами, бросая на дѣвицъ быстрые взгляды,—и вертящійся дервишъ въ желтой шляпѣ усѣченнымъ конусомъ, ана-

толійскій турокъ съ ученымъ медвѣдемъ, тенекеджи — жестянникъ испанскій еврей, съ ведерцемъ, отрывисто выкрикивающій рѣзкимъ сдавленнымъ голосомъ—«тенекеизъ! тенекеизъ!», шарманщикъ со своей «лантерной» на спинѣ—высокой деревянной коробкой, убранной искусственными цвѣтами, бахромой, фольгой и лубочной картинкой.

Сгорбившись, какъ верблюдъ, шарманщикъ медленно продирался сквозь толпу, а сзади плелся товарищъ—сонный балбесъ, въ жилетѣ, фесѣ и туфляхъ и, отвернувъ рожу и равнодушно позѣвывая, вертѣлъ ручку коробки. Лантерна ворчала, хрипѣла, визжала, захлебывалась, моментами ее встряхивало, какъ корзину, наполненную склянками, и она заливала всю улицу разсыпчатыми звуками. Гдѣ-то зазвенѣло стекло и выскочила дѣвушка въ одной сорочкѣ, съ растрепанной прической и окровавленнымъ лицомъ.

У кофейни кутила компанія трабезондскихъ турокъ-контрабандистовъ. Они, вѣроятно, сегодня ловко обошли ненавистныхъ агентовъ Régie de tabac и удачно провезли изъ Самсуна или Иннеболи арбу съ табакомъ. Сложивъ у ногъ винтовки, они пили раки, коньякъ, мастику, чокались, хохотали, показывая бѣлые зубы. У одного на колѣняхъ сидѣла дѣвушка, одѣтая испанкой. Скрестивъ ноги въ ажурныхъ чулкахъ, она низко наклонилась къ нему и перебирала его пышный, свѣтлый усъ.

Поодаль, не желая отставать, кутили тулумбажди [1])—тоже аристократы Галаты, ширококостные, грудастые молодцы въ бѣлыхъ тѣльникахъ. Къ нимъ присосѣдился рослый арабъ—придворный евнухъ въ длинномъ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ наглухо до горла. Онъ бѣжалъ тайкомъ изъ дворца, чтобы подышать воздухомъ Галаты и почерпнуть новостей.

Дальше, за мраморнымъ столикомъ засѣдала группа орфіоновъ [2]), въ франтовскихъ курткахъ, цвѣтныхъ сорочкахъ безъ воротниковъ, фесахъ, круглыхъ шляпахъ, съ наглыми лицами.

Чуйковъ видѣлъ вчера этихъ господъ. Какъ коршуны, поджидали они добычи и пристально смотрѣли вдаль, откуда долженъ былъ показаться пароходъ. И какимъ хищнымъ блескомъ загорѣлись у нихъ глаза, когда на горизонтѣ черкнулъ лиловый дымокъ и кончикъ мачты.

Они съ жадностью слушали товарища въ панамѣ съ громаднымъ солитеромъ на мизинцѣ и скуластымъ лицомъ, опаленнымъ благодатнымъ канадскимъ солнцемъ. Онъ съ женой вер-

---

[1]) Вольные пожарные.
[2]) Сутенеры.

нулся недавно изъ Монтреоля,—жена, похожая на идола въ своихъ браслетахъ, цѣпочкахъ, кружевахъ и страусовыхъ перьяхъ, сидѣла рядомъ, балуясь газесомъ,—и разсказывалъ, какъ тамъ легко нажить капиталы.

Другая группа орфіоновъ играла въ кости, третья, спокойно посасывая наргиле, упивалась граммофономъ. Они группировались по національностямъ—евреи, греки, итальянцы, французы...

Дѣвицы, вертясь, заигрывали съ публикой и трещали, какъ скворцы, на разныхъ языкахъ.

— Эффендымъ, а эффендымъ! Сэръ! Мистеръ! Мусью! Алёньзиси! П-съ! Сеньоръ! Дейтшъ!

— Хогошенькій. Моракъ! Землякъ! Идите-ко сюда! Что вы боитесь?! На пару словъ!—крикнула Чуйкову безстрастно дама съ большимъ животомъ, выкативъ на него бараньи глаза и наивно поскребывая за ухомъ.

Другая, въ широкомъ турецкомъ шарфѣ, расшитомъ по краямъ золотомъ, подбоченясь и покачивая торсомъ, въ знакъ восхищенія бросила ему съ шикомъ ходкое на Востокѣ:

— Машшала [1])!

Чуйковъ криво улыбался.

Въ концѣ переулка, на возвышенности, неожиданно выросли два высокія зданія съ желѣзными дверьми и рѣшетками. Ужъ не знаменитые ли это Sklavenhäuser?! Въ этихъ домахъ, онъ слышалъ, томятся десятки рабынь. Ихъ истязаютъ, морятъ голодомъ, запираютъ въ мрачные погреба, привязываютъ полотенцами къ кроватямъ...

Чуйкову жутко стало. Захотѣлось скорѣе вонъ изъ этой трущобы. Но онъ запутывался все больше и больше, попадалъ изъ переулка въ переулокъ,—ихъ было много, они захлестывали, какъ петли,—и все время передъ нимъ стояли, не выпуская его изъ тѣсныхъ объятій, эти узкіе ветхіе дома съ сухимъ плющемъ межъ оконъ, съ клѣтушками и темными, какъ пещеры, кофейнями, гдѣ посѣтители перемѣшались съ проститутками, рябили въ глазахъ—красный, желтый и зеленый цвѣта, сверлили уши визгъ и хрипѣніе шарманокъ, граммофоновъ, рѣзкій пискъ турецкихъ волынокъ, покрываемые бархатными гудками и свистомъ съ Золотого Рога,—и онъ видѣлъ вокругъ безстыдныя позы, кирпичныя лица—то безстрастно застывшія, то растянутыя въ гримасу, какъ у каріатидъ...

---

[1]) Не сглазить бы.

Это былъ цѣлый городокъ. Жизнь въ немъ начиналась съ утра. Чуть свѣтъ уже гремѣли шарманки, толкалась публика. Страсть, не знающая удержу, не дожидалась вечера. Сюда отводить ее приходили десятки тысячъ матросовъ, грузчиковъ, вся константинопольская чернь, и Галата часто не могла удовлетворить всю эту армію. Приходилось постоянно пополнять ее все новымъ и новымъ товаромъ, и агенты ея неутомимо, какъ волки, рыскали по свѣту, притворяясь женихами, влюбленными, благодѣтелями...

IV.

Чуйковъ, наконецъ, вырвался изъ цѣпкихъ объятій Галаты. Итальянецъ, говорившій по русски, указалъ ему подворье—высокое зданіе съ золотымъ куполомъ.

— Вамъ кого?—встрѣтилъ его въ прихожей привратникъ—угрюмый монахъ въ клобукѣ и ватномъ кафтанѣ поверхъ рясы.

— Тутъ остановилась дама изъ Перми?

— Кажись, почиваютъ. Братъ Арсеній! Сбѣгай-ка въ 20-й и узнай—встали-ли?

Прихожая была мрачная и вся пропахла масломъ и капустой. Въ углу передъ фольговымъ образомъ холодно поблескивала лампадка. Широкая деревянная лѣстница вела въ номера, и по ней взадъ и впередъ сновали черные монахи. Слышалось отдаленное дребезжаніе звонка, какъ въ гостиницѣ. Часто въ желѣзную дверь съ улицы раздавался глухой стукъ. Угрюмый монахъ сердито двигалъ бровями, выносилъ за порогъ горсть сухарей и совалъ въ протянутыя путающіяся руки.

— Сейчасъ выйдутъ!—доложилъ братъ Арсеній, и точно, на лѣстницѣ послышались легкіе шаги и блеснуло знакомое свѣтло-розовое лицо.

— Здравствуйте!—пропѣла весело Любовь Александровна. Вотъ одолжили!.. Пока уберутъ номеръ, не поднимемся ли на террасу?

— Отчего же...

Любовь Александровна взбиралась медленно, изрѣдка останавливаясь для передышки.

— Право, одолжили!—повторила она,—мы такъ скучаемъ.

— А я боялся, что уже не застану васъ.

— Я рѣшила отложить поѣздку.

— И прекрасно...

Когда они выбрались изъ темной лѣстницы, ихъ обдало потоками свѣта. Съ террасы открывался видъ почти на весь городъ, Золотой Рогъ, Босфоръ и часть Мраморнаго моря.

Туманъ давно исчезъ, и солнце свѣтлымъ перламутромъ играло на сѣрыхъ скученныхъ домахъ Стамбула, отбросивъ по фасадамъ косыя ступенчатыя тѣни. Какъ зеленыя щетки, проглядывали межъ нихъ лужки и кипарисовыя рощицы. Позади, на эмали холмовъ вырѣзывались куполы и минареты, а глубоко внизу синѣла вода, заставленная парусами.

Курились пароходы. Они уходили, приходили, сотрясая воздухъ веселыми гудками-свистками...

— Вотъ благодать! А чаекъ-то сколько! Господи!—проговорила Любовь Александровна, опускаясь на скамью и стягивая на груди концы своего оренбургскаго платочка.

— Совсѣмъ весна.

— Хо-орошо!

— Долго пробудете еще въ Константинополѣ?

— Возможно, что зазимую. Воздухъ здѣсь теплый, какъ разъ для моей груди.

— По Россіи не тоскуете?

— Тоскую-ли?.. Н-нѣтъ! — Лицо ея сдѣлалось вдругъ жесткимъ.—Что тамъ хорошаго! Возьмутъ человѣка и искалѣчатъ.

— Въ Америкѣ, полагаете, лучше?

— Можетъ быть лучше, можетъ быть хуже...

Чуйковъ перемѣнилъ разговоръ:

— Городъ нравится вамъ?

— Красивый, хотя только снаружи. Тутъ все греки, турки. Весь день торчатъ въ кофейняхъ, пьютъ кофе, курятъ. Пробовали мы съ Валечкой ихъ кофе, да не понравилось, одна гуща. И языкъ такой странный у нихъ—эветъ-эветъ, іокъ-іокъ, охи. И она засмѣялась.

Усмѣхнулся и онъ.

— А это по какому случаю?—Она указала на турецкую миноноску, убранную флажками.

— Селямликъ. Хотите посмотрѣть? Я давно собираюсь.

— Пожалуй, только раньше чаю выкушаемъ.

Сошли въ номеръ. Изъ угла на встрѣчу вышла Валя, юная, красивая, играя своими овальными ямочками и глазами; за нею, конфузясь и ворочая бѣлобрысую голову съ хохолкомъ, Витя.

— Узнаете?—спросилъ Чуйковъ.

— Какъ же,—отвѣтила на-распѣвъ, какъ мать, Валя.

— А ты?

Витя фыркнулъ за спиной матери.

— У, дикарь!—пожурила мать.

Монахъ въ скуфейкѣ внесъ на подносѣ чайникъ и стаканы.

Разговорились, вспомнили Ростовъ, вечера въ каютъ-компаніи, граммофонъ, красиваго араба, Бургасъ, чудака Нафанаила Захарьевича.

— Ахъ, этотъ Нафанаилъ Захарьевичъ! Какъ смѣшно у него выходитъ это «т-те»!

Любовь Александровна, какъ всегда, мило розовѣла и потупляла глаза.

Кто-то легонько постучалъ въ дверь. Вошелъ пожилой грекъ-гидъ съ острой сѣдоватой бородкой, въ фесѣ, бумажной манишкѣ и потертомъ, но хорошо вычищенномъ сюртукѣ. Изъ бокового его кармана торчала пачка газетъ.

— Г. Маврокелиди!—представила Любовь Александровна.— Нашъ спаситель. Безъ него мы совсѣмъ пропали бы. Онъ помогаетъ дѣлать покупки, мѣнять деньги.

Гидъ съ достоинствомъ поклонился, подобралъ концы сюртука и скромно опустился поодаль на стулъ.

— Чаю не угодно-ли?

— Только что пилъ. Благодарю,—отвѣтилъ онъ по русски, прикладывая руку къ манишкѣ.

Заговорили теперь о послѣднихъ событіяхъ въ Турціи. Маврокелиди изрѣдка вставлялъ замѣчанія. Онъ оказался весьма освѣдомленнымъ въ политикѣ. Онъ два раза даже вынималъ изъ кармана греческія и турецкія газеты и цитировалъ ихъ.

— Вы хотѣли итти?—напомнилъ погодя Чуйковъ Любовь Александровнѣ.

— Да, да!—отвѣтила она нерѣшительно.

— Куда?—подхватилъ Маврокелиди.

— На селямликъ.

— Ахъ!—поморщился онъ. — Успѣете. Каждую пятницу селямликъ. Мы вѣдь условились сходить туда...

— Что-жъ!—она перевела глаза на Чуйкова.—Пойдемъ другимъ разомъ. А вы бы заглянули еще къ намъ завтра?

— Можно.

V.

Но Чуйковъ не явился. Пришелъ «Зефиръ».

Какъ представлялъ себѣ Чуйковъ, онъ оказался старенькимъ, плохенькимъ грузовымъ суденышкомъ о двухъ трюмахъ. Онъ скрипѣлъ, стоналъ. Многіе товарищи его давно уже обрѣли покой въ докѣ, превратившись въ плашкоуты, а онъ все еще скитался по морю, воюя со штормами и подставляя волнамъ усталые старческіе бока.

Въ лучшіе годы «Зефиръ» курсировалъ по аристократической крымской линіи, а въ послѣдніе 10 лѣтъ—исключительно вдоль Анатолійскихъ береговъ между Константинополемъ и Трапезондомъ, развозя все одинъ и тотъ-же грузъ—изюмъ.

Вся команда состояла изъ капитана, трехъ механиковъ, двухъ помощниковъ, одного изъ которыхъ смѣнилъ Чуйковъ, нѣсколькихъ матросовъ и кока. Они плавали круглый годъ безъ отпусковъ, встрѣчая Свѣтлое Воскресеніе и Рождество на морѣ.

Такая жизнь сближала ихъ. Капитанъ обѣдалъ вмѣстѣ съ подчиненными, а по вечерамъ—въ каютъ-компаніи, натопленной, уютной, по семейному гудѣлъ самоваръ.

Чуйкову, однако, было скучно съ ними.

Не лучше чувствовалъ онъ себя и на вахтѣ въ темныя осеннія ночи.

На палубѣ ни души. Только у мѣшковъ съ изюмомъ прикорнулъ, накрывшись башлыкомъ, единственный пассажиръ—трапезондскій турокъ, увѣшанный, какъ мясникъ, ножами, или голубоглазый цыганъ-оборвышъ въ длинныхъ патлахъ. Вдали во тьмѣ сиротливо мигаютъ блѣдные огоньки маяковъ Самсуна, Иннеболи, Трапезонда.

То-же и въ портахъ. Одинъ городъ похожъ на другой. Минареты, кофейни, хаммалы, продавцы фигъ, тюрбаны, фесы, опять грохотъ лебедки и изюмъ-изюмъ...

И если бы не книги, онъ бы запилъ. Онъ много читалъ, а иногда писалъ письма старушкѣ-матери и сестрѣ Наташѣ въ Ярославль.

VI.

Чуйковъ принялъ грузъ и распустилъ рабочихъ. Онъ потомъ чисто выбрился, надѣлъ свѣжій китель и, обрызгавшись одеколономъ, постучался въ каюту къ Нафанаилу Захарьевичу. Это было послѣ перваго рейса въ Константинополѣ.

Нафанаилъ Захарьевичъ съ непокрытой головой сидѣлъ у столика противъ иллюминатора, въ которомъ торчалъ минаретъ Баязеда, и возился съ порошками.

— Разрѣшите, адмиралъ?—спросилъ Чуйковъ.

— Есть!

Чуйковъ грохнулся на узкій диванъ, обитый малиновымъ бархатомъ и закурилъ. Онъ любилъ послѣ работы покалякать со старикомъ.

Это былъ лѣкарь старыхъ временъ, чудакъ, какихъ не мало на судахъ, плавающихъ по Черному и Азовскому морямъ; онъ много болталъ, часами распространялся о какихъ-то мятныхъ лепешкахъ, ламповыхъ горѣлкахъ, собиралъ завалявшіяся газеты.

Всѣ, начиная съ капитана и кончая кокомъ и мальчишкой изъ камбуза, трунили надъ нимъ. Кто вовлекалъ его въ религіозные споры, доводя до изступленія своими глупостями, кто доказывалъ, что медицина—шарлатанство, или, что евреи не дали ни одной выдающейся личности, развѣ Рахумовскаго, поддѣлавшаго тіару Сайтаферна. Иные, посмѣлѣе, подсыплютъ ему въ чай соли, или крикнутъ: «вахтенному дурно!» Докторъ бросаетъ обѣдъ и бѣжитъ, а вахтенный, какъ ни въ чемъ не бывало, маячитъ по мостику и скалитъ зубы...

«Настоящая пароходная крыса»—подумалъ Чуйковъ, глядя съ улыбкой сквозь сизый дымокъ на сутулую спину доктора, широкую мѣдно-красную лысину и сѣрый обвислый костюмъ.

— Такъ вы утверждаете, что не будь вы евреемъ, вы теперь были бы адмираломъ? Такъ вы говорили?

Онъ представилъ себѣ доктора въ адмиральскомъ мундирѣ, съ кортикомъ, и беззвучно разсмѣялся.

— Натурально!.. т-тё! Я плаваю 23 года, и у меня цензъ. Но Богъ съ нимъ! По совѣсти—вотъ гдѣ у меня сидитъ служба!—Докторъ осѣдлалъ любимаго конька.—Сегодня на одномъ пароходѣ, завтра—на другомъ! Гонятъ-гонятъ! И эта грубость... Вчера, напримѣръ!..

— Стоитъ ли вспоминать!

— Помилуйте!—Онъ усиленно замигалъ воспаленными глазами.—Этотъ юнецъ, невѣжа!.. «Нафанаилъ Захарьевичъ, знаете ли вы женщинъ?!.» А?!. Дерзость-то! Что я?!. Евнухъ?!.

Докторъ вскочилъ и заметался по комнатѣ.

— Я не могу, не могу! Завтра же бросаю службу!..

Чуйковъ привыкъ къ его жалобамъ и зналъ, что никогда онъ службы не броситъ. И куда пойдетъ этотъ старый бездомный холостякъ?!. Онъ такъ сросся съ моремъ, судномъ и грубыми моряками. Онъ даже отучился говорить по человѣчески. Все «есть» да «есть!», «право на бортъ!», «лѣво на бортъ!»

Чуйковъ съ трудомъ успокоилъ его.

— Будетъ!.. А не хотите ли сходить къ Любовь Александровнѣ?

— Къ блондиночкѣ той, скромницѣ?—бабье лицо доктора вдругъ расплылось въ улыбку.—Т-те! Отчего-же?!.

VII.

Они пообѣдали и пошли въ подворье. Но Любовь Александровны не оказалось: выбралась.

Монахи дали имъ провожатаго, и немного погодя Чуйковъ дергалъ чугунную лапку на дверяхъ одного дома въ Галатѣ, а еще погодя здоровался съ Любовь Александровной, которая говорила, сіяя свѣтлымъ лицомъ:

— Вотъ и пожаловали! А я безпокоилась, что не найдете!.. Ахъ, и вы докторъ! Такой сюрпризъ!

Она ввела ихъ въ комнату.

У стола, на которомъ зеленымъ пятномъ горѣла лампа и весело позванивалъ самоваръ, сидѣлъ Маврокелиди. Онъ глядѣлъ щеголемъ.

Сюртукъ на немъ былъ тщательно вычищенъ, бородка аккуратно подстрижена, усы подкручены, а миніатюрная кокетливая феса съ тяжелой голубой кисточкой, какія носятъ турецкія офицеры-франты, молодцовато и задорно сидѣла на боку, на кончикѣ уха. И отъ всей особы его несло фиксатуаромъ и бриллiантиномъ.

При входѣ гостей онъ быстро поднялся, причемъ кисточка его болтнулась маятникомъ. Чуйковъ поздоровался съ нимъ, потомъ съ Валей и Витей. Сѣли.

Любовь Александровна была одѣта въ длинное сѣрое платье

съ бѣлой тюлевой вставкой и такимъ же воротникомъ. Чуйковъ первый разъ видѣлъ ее такой нарядной. И лицомъ она была свѣжѣе обыкновеннаго.

— Смотрите на мою прическу?—сказала она съ улыбкой, поймавъ его взглядъ.—Это Валя убирала меня... Чаю прошу!

— Вы такъ-таки рѣшили зазимовать здѣсь? — спросилъ Чуйковъ.

— Да. Я потому и сняла квартиру. Спасибо, г. Маврокелиди помогъ... Квартира хорошая, удобная, если бы только не сосѣди. Весь день въ окна лупятся... Что еще?—стала припоминать она.—Писемъ изъ дому, изъ Перми, нѣтъ, а съ Витей не знаю, какъ сладить. Испортился. Шляется съ утра по пристани.

Она посвящала Чуйкова и доктора во всѣ мелочи своей жизни, какъ добрыхъ старыхъ друзей.

— Скоро зима, и надо подумать о... какъ его, мангалѣ [1]). Ну, да г. Маврокелиди поможетъ,—и она метнула въ его сторону глазами.

Маврокелиди нагнулъ голову.

— А въ подворьи,—продолжала она,—я расплатилась дочиста. Просили не забывать и книжекъ душеспасительныхъ надавали.—Она передала Чуйкову пачку брошюръ и листковъ—«Сколько козней у дьявола», «О чревоугодіи»...

— Валя, Витя!—хватилась вдругъ Любовь Александровна.

Въ коридорѣ послышался сдавленный смѣхъ и шопотъ, и оба, краснѣя и подталкивая другъ друга, вошли. Валя подсѣла къ матери, обняла и прижалась къ ней смѣющимся лицомъ, а Витя, по обыкновенію, пристроился сзади.

— Коротушка моя!—сказала мать, нѣжно потрепавъ Валю, по щекѣ.

— Т-те!.. Простите! Что вы намѣрены дѣлать въ Америкѣ?—заговорилъ докторъ.

— Тамъ у меня сестра.

— Слышалъ.

— Она давно приглашала къ себѣ. У нея—домъ... Писала, что устроитъ Валю... Я, быть можетъ, такъ скоро не рѣшилась бы, да необходимость. Видите-ли... есть у меня муженекъ, кутила, и все, что у него было, онъ прокутилъ, а потомъ бѣжалъ, оставивъ долги. Пришлось бѣжать и мнѣ.

Маврокелиди взглянулъ на карманные часы и всталъ чѣмъ-то недовольный, застегивая сюртукъ.

1) Жаровня.

— Уже? — удивилась Любовь Александровна. — Когда будете?

— М-м!..

— Пожалуйста, не забывайте!—она заискивающе улыбнулась.—Вѣдь мы безъ васъ, какъ безъ рукъ.

— Онъ бываетъ у васъ часто?—спросилъ Чуйковъ, когда тотъ ушелъ.

— Да раза два въ недѣлю навѣдывается... Услужливый.

Съ уходомъ Маврокелиди въ домѣ сдѣлалось какъ бы просторнѣе, уютнѣе.

Вспомнили опять «Ростовъ», граммофонъ, Бургасъ и красиваго араба. Нафанаилъ Захарьевичъ прочиталъ пространную лекцію о мятныхъ лепешкахъ, и всѣ много смѣялись.

Замѣтивъ на подоконникѣ альбомъ съ фотографическими карточками, Чуйковъ потянулъ его къ себѣ. Онъ медленно перелистывалъ, а Любовь Александровна знакомила съ каждой карточкой.

— Моя пріемная мать,—сказала она, указывая старуху съ плоскимъ и злымъ лицомъ.—Дѣти! Помните бабушку?

— Еще бы!—и оба прыснули.

— Бѣдовая была женщина! Пилитъ-пилитъ и чѣмъ попало по головѣ—бревномъ, палкой. Разъ схватила мужнину шашку,—мужъ ея капитанъ въ отставкѣ, и погналась за мной. Хорошо, что догадалась забраться подъ кровать... Это родственникъ, въ въ контрольной палатѣ служитъ... младшая сестра, а это—старшій сынъ Владимиръ,—и она зардѣлась.

— Да?!. Я и не подозрѣвалъ. Гдѣ онъ?

— Въ Бразиліи.

— Чего?

— Его всегда тянуло въ эти страны.

Владимиръ былъ худенькій юноша лѣтъ 17, въ бѣлой косовороткѣ, съ продолговатымъ лицомъ и большими широко раскрытыми глазами.

— Его всѣ у насъ и въ гимназіи «лѣснымъ человѣкомъ» называли. Странный онъ, никогда дома не посидитъ, все въ лѣсу. Охотится на кротовъ, бѣлокъ... Однажды застаю его на дворѣ надъ лоханью, песокъ промываетъ.—Что это ты, Вова?—Золото ищу... А вотъ Валя!

Валя была очень мила въ своей клѣтчатой формѣ съ бархаткой вокругъ шеи. Рядомъ помѣстился гимназистъ—мальчикъ въ узенькомъ мундирчикѣ, франтоватой прическѣ, съ розой на груди.

— А это кто, не скажу, — и Любовь Александровна лукаво посмотрѣла на Валю.

— Вотъ еще!.. Мама!

— Покраснѣла, покраснѣла!—захлопалъ въ ладоши Витя и дернулъ ее сзади за косу.

— Я?!. И не думала! Ай, больно!

— Алеша!—выдалъ Витя.

— Да, Алеша,—улыбнулась мать.—Онъ почти выросъ въ нашей семьѣ. Мастеръ на всѣ руки. Вырастилъ Валѣ передъ окномъ анютины глазки и подарилъ чучело аиста. Самъ набилъ. Вмѣстѣ книжки читали и на конькахъ въ саду катались.

Чуйковъ представилъ себѣ, какъ они вдвоемъ — Валя и Алеша, плечомъ къ плечу, раскраснѣвшись отъ мороза, свѣжіе, юные, чистые, носятся легко по льду подъ звуки вальса...

По мѣрѣ того, какъ онъ перелистывалъ альбомъ, передъ нимъ вырисовывалось теплое, уютное гнѣздо, сейчасъ развѣянное. И ему жаль стало, какъ близкаго, этого гнѣзда.

Какъ бы отвѣчая на его мысли, Любовь Александровна проговорила:

— Не хотѣлось бросать родного города, а что подѣлаешь. У насъ все забрали за долги—серебро, золото, дорогія зеркала. Мы жили богато. У насъ и лошади были...

VIII.

Съ этого вечера Чуйковъ сталъ частымъ гостемъ Любовь Александровны. Какъ только придетъ «Зефиръ», онъ сейчасъ же къ ней самъ, или съ докторомъ.

Команда добродушно подтрунивала:

— Какъ ваша Татьяна?—спрашивалъ за столомъ первый механикъ. Охъ, ужъ эти блондинки. Смотрите,—и лукаво щурилъ глаза.

Чуйковъ отшучивался. Онъ привязался къ ней. Привязалась и она къ нему, и дѣти. Каждый приходъ его для нихъ былъ праздникомъ. Даже Маврокелиди и тотъ выказывалъ ему вниманіе, хотя посматривалъ на него косо и съ усмѣшкой.

Маврокелиди попрежнему и довольно часто навѣщалъ Любовь Александровну. Какъ замѣтилъ Чуйковъ, у него появилась нѣкоторая развязность. Онъ часто спорилъ съ нею, обрывалъ ее.

Временами, однако, когда набирался у Янни, или Котокліано въ компаніи моряковъ грогу и мастики, онъ бывалъ очень

милъ и забавенъ. Онъ говорилъ - говорилъ, тихо посмѣиваясь и часто нахлобучивая фесу:

— Лѣтомъ снимаю пассажира съ Messagerie. Вѣ-ѣжливый такой, дэликатный.—Кто онъ?—спрашиваю буфетчика.—Баронъ Ташентухъ.—Шишала, машшала! Ну, Маврокелиди, говорю себѣ, держись! Ма сто ви думаете? Показалъ я ему Ая-Софію, Топъ-Хане, и онъ мнѣ пять лиръ оставилъ. И визитную карточку.

Или:

— Разные пассажиры есть. Кто интересуется дэрэвностями, а кто цортъ знаетъ сто, извините за выраженіе,—зенсцины. Но я, Боже сохрани!..

А иногда онъ хлопнетъ Чуйкова по плечу:

— Были уже на Принкипо?! Нѣтъ? Вотъ, если Богъ дастъ Маврокелиди здоровья, обязательно поѣдемъ. Возьмемъ водка, закуска. Тамъ одно мѣсто—ввa! На одна сторона—Черное море, на другое—Мраморное, и вѣтеръ такой міягкій-міягкій, ну, шелкъ, и обдуваетъ.

Бритое, потрепанное лицо его при этомъ расползалось въ блаженную улыбку, и онъ проводилъ взадъ и впередъ рукой передъ носомъ, показывая, какъ «міягко» обдуваетъ вѣтеръ...

Однажды, желая развлечь Любовь Александровну, Чуйковъ пригласилъ ее съ дѣтьми на «Зефиръ». Онъ представилъ ее командѣ. Пили чай въ каютѣ, а когда смерклось, поднялись наверхъ на палубу. По случаю Сладкаго Байрама весь городъ, Золотой Рогъ и Босфоръ были иллюминованы.

Стоя на мостикѣ, они находились какъ бы въ кружевахъ изъ веселыхъ огней —красныхъ, голубыхъ, желтыхъ, зеленыхъ, отражавшихся въ темной водѣ Рога дрожащими золотыми вѣхами, спиралями и слитками. Изъ мрака, подобно гигантскимъ свѣчамъ, поднимались невидимые минареты, окруженные вверху ожерельемъ въ четыре ряда изъ круглыхъ красныхъ огней, а слѣва пылалъ турецкій крейсеръ, очерченный въ профиль бѣлыми фонариками. Подъ бортомъ двигались, также невидимые, ялики и катера, отмѣченные огоньками. Иногда, съ шумомъ вспѣнивая воду, проплывало многоглазое чудовище—пузатый пароходикъ. Изъ боязни раздавить неосторожный яликъ, онъ время отъ времени щупалъ воду, бросалъ свободно на версту подвижную яркую полосу, ударяя ею, какъ мечемъ, по воздуху, и на минуту, въ свѣтѣ ея отчетливо выростали бѣлые, какъ призраки, домики, разбросанные по Перѣ и Галатѣ, казармы, дворцы съ мраморными порталами, купы кипарисовъ, одинокія на холмѣ пиніи, мамонтоподобныя мечети, цѣлыя улицы, и подъ самымъ носомъ всплывали

паруса и каики. Но исчезала полоса и съ нею — всѣ эти домики, кипарисы.

Часто изъ Скутари и Эйюба доносились среди тишины глухіе выстрѣлы, какъ отъ лопающихся банокъ, и къ небу взвивалась, буравя съ шипѣніемъ воздухъ, ракета, рожая вверху гроздья темнозеленыхъ и темнокрасныхъ ягодъ, которыя медленно и устало падали внизъ, тая на лету...

Чуйковъ предложилъ прокатиться въ Шерзиды-Баши, и спустя полчаса небольшой компаніей на двухъ парныхъ экипажахъ они въѣзжали въ Стамбулъ.

Чуйковъ почувствовалъ легкій трепетъ. Стамбулъ пугалъ его. Вѣчно нахмуренный, закутанный въ сѣрую дымку, огромный, таинственный, фанатическій, онъ всегда, какъ казалось Чуйкову, съ угрозой смотрѣлъ на противоположный берегъ — на Угеру и Галату, населенный ненавистными европейцами, гяурами, которые нагло вторглись въ мусульманскій міръ, прибрали къ рукамъ всѣ его богатства и издѣваются надъ шаріатомъ; они—эти европейцы, пьютъ вино, водку, ѣдятъ свинину, а женщины ихъ ходятъ съ открытыми лицами, отдаваясь встрѣчнымъ мужчинамъ каждымъ взглядомъ, улыбкой, движеніемъ, вводя въ соблазнъ мусульманскихъ женъ...

Экипажи долго ныряли вверхъ и внизъ по узкимъ темнымъ улицамъ мимо заколоченныхъ магазиновъ, пересѣкая широкія площади, освѣщенныя рѣдкими фонарями. Миновали цитадели ислама—Ая - Софію, Баязедъ, грозное военное министерство съ монументальными порталами и часовыми, Sublime Port.

На встрѣчу попадались фесы, тюрбаны и рѣдко-рѣдко котелки. Скоро котелки совсѣмъ исчезли.

Они въѣхали въ самое сердце Стамбула. Мрачно и недружелюбно смотрѣли на нихъ глухіе, деревянные щиты на окнахъ. Все здѣсь казалось имъ чуждымъ, враждебнымъ.

Двое софтъ въ черныхъ халатахъ и бѣлыхъ тюрбанахъ, поровнявшись, что-то громко пустили по ихъ адресу, а одинъ погрозилъ кулакомъ.

Но вотъ вдали мелькнуло бѣлое пятно, и вскорѣ открылась уличка, залитая свѣтомъ Ауэровскихъ горѣлокъ. Это и было Шерзиды-Баши.

Въ первую минуту они ничего не могли разобрать. Они видѣли однѣ фесы, массу фесъ,—ими, какъ цвѣтами мака, были усѣяны всѣ столики передъ кофейнями,—саженные раскрашенные плакаты на балаганахъ, мундиры военныхъ.

Компанія съ трудомъ отыскала свободный столикъ рядомъ

съ группой турецкихъ офицеровъ въ высокихъ барашковыхъ шапкахъ съ золотыми донышками.

Заказали кофе. Мимо сплошной стѣной двигалась разноцвѣтная восточная толпа, объѣдаясь на ходу въ честь Сладкаго Байрама сладостями — лукумомъ, засахаренными орѣхами, миндалемъ, каштанами. Иногда она разступалась, пропуская карету со знатной турчанкой—дамой изъ гарема, пріѣхавшей въ сопровожденіи евнуховъ.

Было шумно, весело. Визжали шарманки, гремѣли барабаны. Въ толпѣ не умолкалъ смѣхъ и говоръ. Перебрасывались конфетти, серпантиномъ. Размѣстившись вдоль обоихъ тротуаровъ, продавцы качкавалу и сладостей громко выкрикивали свой товаръ, и громче всѣхъ выдѣлялся сиплый голосъ продувного грека въ потертой фесѣ, зазывавшаго въ свой балаганъ:

— Буюрукъ эффендымларръ! (Прошу, господа) — тянулъ онъ, сильно напирая на букву «р».—Одинъ піастръ! Нижніе чины и дѣти—половину!

Чуйковъ купилъ Любовь Александровнѣ цвѣтовъ, а Валѣ—коробку съ бонбонами. Они потомъ смѣшались съ толпой; шли отъ балагана къ балагану, гдѣ показывали сросшихся близнецовъ изъ папье-маше въ банкѣ съ уксусомъ, крокодила въ ящикѣ изъ подъ сигаръ, даму изъ Остурія (Австріи) съ тремя ногами, пока не за вернули въ одинъ, чтобы посмотрѣть оленя Ніази-Бея.

Въ убогомъ балаганѣ было мало народу—два солдата, кадетикъ, ходжа. Довольно невзрачный, тощій олень стоялъ за низенькой перегородкой на фонѣ плохой декораціи дремучаго лѣса, прожевывая сѣно. Изъ ноздрей его двумя тонкими струйками вился паръ, и правый глазъ, освѣщенный керосиновой коптѣлкой, блестѣлъ, какъ золотой. Это былъ легендарный олень. Турецкій народъ успѣлъ уже окружить своего героя ореоломъ.

Когда Ніази ушелъ съ солдатами въ горы, въ лѣсу присталъ къ нимъ олень. Солдаты пытались прогнать его, но онъ не давался; уходилъ и тотчасъ же возвращался. Ніази приказалъ не трогать его. Отрядъ между тѣмъ увеличивался, росъ. Присоединялись села, деревни, а олень попрежнему не отставалъ и шелъ впереди, какъ бы освѣщая путь къ свободѣ...

IX.

Въ другой разъ Чуйковъ повезъ Любовь Александровну и Валю за городъ къ «сладкимъ водамъ», гдѣ лѣтомъ на водѣ, въ изящныхъ, легкихъ каикахъ, и на берегу въ изумрудной травѣ тол-

кутся тысячи турчанокъ, похожихъ издали въ своихъ бѣлыхъ яшмакахъ на голубковъ, перебрасываясь цвѣтами и обдавая другъ дружку серебрянными брызгами.

Рѣчушка сейчасъ была скучна, безжизненна; такъ же безжизненна и дорога, ведущая къ ней черезъ холмистую мѣстность. Холмы оголились, и съ Мраморнаго моря дулъ холодный вѣтеръ, пригибая къ землѣ, какъ лозу, стротливую пинію.

Чуйковъ показалъ имъ дворецъ Абдулъ-Газиса. Это былъ одинъ изъ «потухшихъ» дворцовъ въ благородномъ стилѣ Empire, какихъ не мало въ столицѣ Османовъ.

Въ былыя времена здѣсь устраивались пышные селямлики, гремѣли фанфары; всѣ входы и выходы охранялись пикетами. Калифъ, сидя на безцѣнномъ тронѣ Селима въ залѣ съ хрустальными колоннами, принималъ иноземныхъ гостей; сотни слугъ и евнуховъ сбивались у ногъ, угождая женамъ его и одалискамъ; въ гаремликахъ, убранныхъ шелковыми коврами, среди невинныхъ игръ, танцовъ и наслажденій, зрѣли ревность, интрига, и нерѣдко поздней ночью страшныя черныя слуги срывали съ теплаго надушеннаго ложа провинившуюся фаворитку, набрасывали на нее душный мѣшокъ и отправляли на дно пруда.

А теперь онъ стоялъ строгій, заброшенный, холодно поблескивая зеркальными стеклами съ фіолетовымъ отливомъ. Часть фронтона обвалилась и валялась внизу въ обломкахъ; въ трещинахъ торчали пучки моха, а подъ карнизами вили гнѣзда голуби и ласточки, пачкая фасадъ и стекла.

Участь его дѣлилъ паркъ, нѣкогда заселенный рѣдкостными птицами, газелями и застроенный легкими ажурными кіосками. Буйно разрослись по всѣмъ аллеямъ платаны и клены, совершенно скрывъ небо, и только кой-гдѣ на корявыхъ стволахъ и вѣткахъ теплымъ зайчикомъ игралъ солнечный лучъ. Опавшіе желтые листья образовали толстый коверъ. Въ просвѣтѣ, на лужайкѣ паслась чья-то стреноженная лошадь. Вытянувъ шею и свѣсивъ красную гриву, она щипала траву. «Кук-ку! Кук-ку!» — куковала гдѣ-то звонко кукушка.

Прошмыгнула забѣжавшая изъ города голодная собака съ ободраннымъ ухомъ, остановилась на минуту надъ бѣлымъ предметомъ, ткнула мордой и, вильнувъ хвостомъ, разочарованно отбѣжала прочь...

Подвергся разрушенію и роскошный фонтанъ. Въ водѣ, затянутой иломъ и плѣсенью, среди кувшинокъ торчала угломъ ступенька, львиная голова съ открытой пастью и мѣдной трубкой, розетка. Около на широкой мраморной террасѣ, на кото-

рой по вечерамъ, при лунномъ свѣтѣ собирались затворницы гарема въ легкихъ тканяхъ, плиты потрескались, разъѣхались и межъ нихъ угнѣздился бурьянъ, а массивная баллюстрада наполовину погрузилась въ воду.

Единственное, что уцѣлѣло, — мечеть, по прихоти властелина, выстроенная въ 40 дней, и кіоскъ на краю террасы. Да и то бѣлыя мраморныя колонны кіоска пожелтѣли, какъ слоновая кость, и на голубомъ куполѣ съ золотыми звѣздами внутри выступили разрушительныя пятна...

X.

Осень пролетѣла незамѣтно. Въ первый разъ за многіе годы въ Константинополѣ выпалъ снѣгъ, и жалко было смотрѣть на зябнущихъ турокъ.

Чуйковъ по старому тянулъ лямку, тащился на своемъ плашкоутѣ изъ порта въ портъ, развозя изюмъ.

Любовь Александровна знала, когда онъ будетъ, и къ приходу его уже шумѣлъ на столѣ весело самоваръ, стояла любимая его халва съ цукатомъ и пылалъ мангалъ, искусно приготовленный ею и Валей. Онѣ научились разжигать его у привратника—стараго турка.

Послѣ 10-15 дневнаго тяжелаго перехода по морю, Чуйковъ отдыхалъ у нихъ, какъ въ родной семьѣ.

Въ комнатѣ—полусвѣтъ. Онъ и друзья его сидятъ вокругъ мангала, похожаго на витрину съ рубинами; мангалъ—пышетъ жаромъ и откладываетъ оранжевые отблески на полъ, стѣны, лица.

Чуйковъ говоритъ, они слушаютъ. Говоритъ о старушкѣ-матери, сестрѣ Наташѣ, службѣ своей въ Балтійскомъ флотѣ, ужасахъ, пережитыхъ въ Цусимѣ...

Идиллія эта, однако, продолжалась недолго. Вдругъ исчезъ самоваръ, мангалъ пересталъ пылать, а Любовь Александровна какъ-то ушла въ себя, съежилась и въ голосѣ ея послышались незнакомыя нотки—робкія, заискивающія.

— Алексѣй Ивановичъ,—сказала она однажды, собравшись съ духомъ и запинаясь,—я хотѣла бы вамъ открыться...

Онъ вопросительно посмотрѣлъ на нее.

— Да боюсь.

Какая-то пустота сразу легла между нимъ и ею.

— Что вы? забормоталъ онъ.

Она краснѣла, блѣднѣла, неловко перебирая пальцами тоненькую крученую ложечку и, наконецъ, вымолвила, обращаясь къ Валѣ и Витѣ:

— Дѣти, идите въ спальню!

Они сгребли разбросанныя по столу карты и покорно оставили комнату.

Любовь Александровна и Чуйковъ остались одни.

Минуту длилось тягостное молчаніе и, казалось, стѣны, мебель, все насторожилось и съ любопытствомъ придвинулось къ свѣтлому кружку отъ зеленой лампы, въ которомъ сидѣла блѣдная, сгорбленная женщина.

— Я вамъ, какъ другу... Я пріѣхала сюда спеціально продаваться... Сестра—выдумка. Никакой сестры у меня нѣтъ, и ни въ какую Америку я не собираюсь... Вотъ!

Главный мучительный моментъ напряженнаго ожиданія прошелъ. Чуйковъ не издалъ ни звука изумленія. Наклонивъ голову, онъ ждалъ, что она скажетъ еще.

— Все же прочее—Пермь, Владиміръ—правда! Клянусь!

Она больше не запиналась. И для нея, видимо, прошелъ самый мучительный моментъ.

— Я попросила Маврокелиди,—продолжала она съ убійственнымъ хладнокровіемъ,—отыскать такого, который взялъ-бы меня на содержаніе...

— Маврокелиди?!. А!..

— Онъ обѣщалъ. Обѣщалъ еще свести съ моряками. Но онъ такъ обнаглѣлъ, что пришлось прогнать его. Злился, чего принимаю васъ, заигрывалъ. А разъ, напившись, приставалъ... Онъ уже вторую недѣлю не ходитъ къ намъ.

Чуйковъ ниже наклонилъ голову.

— Что дѣлать дальше—не знаю. Деньги на исходѣ. Я вѣдь немного взяла изъ Перми, только и хватило на дорогу, наемъ квартиры, мебель. Если потѣсниться, мѣсяцъ, полтора протянемъ. Отказываемъ себѣ во всемъ. Жирку для груди надо бы на гривенничекъ, грудь мягчить, и то жалко... Валя безъ ботинокъ, Витѣ—пальтишко... Придется пойти въ Галату, хотя тамъ, я слышала, скверно.

— Въ Галату?!

Онъ прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ въ сильномъ волненіи и спросилъ:

— Что заставило васъ?..

— Я вѣдь разсказывала, мы раззорились, и насъ осаждали должники.

— Надо было остаться въ Перми.

— Какой смыслъ? Проѣла бы деньги, а потомъ?

— Работали бы.

Она покачала головой.

— Я ничему не училась, и некому было меня учить.—Въ голосѣ ея зазвучала злоба.—Мать пріемная только и думала, какъ бы сжить меня со свѣту. Подросла и выдали за кутилу. Онъ погубилъ и себя, и насъ, и самъ гдѣ-то погибаетъ...

— Неужели нельзя?..

— Нѣтъ, нѣтъ! Да и поздно.

— Мама!—донеслось изъ спальни.—Онъ не даетъ перочиннаго ножика!

Любовь Александровна повернулась и, кашлянувъ въ ладонь, рѣзко кинула:

— Витя, отдай!

Водворилось прежнее тягостное молчаніе. Чуйковъ продолжалъ шагать, она же слѣдила за нимъ изъ своего угла съ тревогой, какъ бы ожидая приговора.

Онъ остановился и спросилъ опять:

— Почему вы довѣрились этому,—онъ брезгливо поморщился,—Маврокелиди, а не мнѣ?

— Такъ вышло. Да вправду сказать, онъ не виноватъ, я первая... Я разсказала ему все, и онъ согласился, что другого исхода у меня нѣтъ.

— Валя догадывается?—онъ понизилъ голосъ.

— Не думаю. Если же и догадывается, то проститъ. Не дать же погибать имъ... Но я тайкомъ, осторожно...

— Ужасно! Ужасно!

Онъ былъ такъ неподготовленъ.

Явилось вдругъ сожалѣніе о прошлыхъ красивыхъ вечерахъ вокругъ мангала, задушевныхъ бесѣдахъ, прогулкахъ...

— Послушайте!—заговорилъ онъ горячо.—Этого не должно быть! Это безуміе!—И онъ сталъ рисовать, что ждетъ ее. Онъ говорилъ о полномъ плѣнѣ души и тѣла, отвратительныхъ, хитрыхъ хозяйкахъ...

— Галата?! Да имѣете ли вы представленіе о Галатѣ?!.

Она слушала его, широко раскрывъ глаза, часто вздрагивая и роняя:

— Боже!

Конечно, онъ не обвинялъ ее. То, что случилось съ нею, могло случиться и съ его Наташей. Жизнь вѣдь такъ полна случайностей. Но надо бороться.

— Найдутся люди, которые...

— Ахъ, люди! — злой огонекъ блеснулъ въ ея глазахъ.

— Напрасно!—онъ заговорилъ съ большей горячностью.— Тутъ русская колонія, и она не дастъ вамъ пасть. Кстати, въ агентствѣ у меня знакомый — Аристидъ Ѳомичъ, кассиръ. Онъ посовѣтуетъ. Сперва надо устроить дѣтей, Валю—въ какую-нибудь семью, а Витю—въ школу. Потомъ пристроитесь вы.

Она недовѣрчиво качала головой. Но вотъ слабая улыбка промчалась по ея все еще блѣдному измученному лицу.

— Что если бы,—продолжалъ онъ увлекаясь,—Валю опредѣлить лучше въ американскій колледжъ. Пусть продолжаетъ ученіе. А вы поучились бы ремеслу, ну, шляпному... Воображаю, этакъ лѣтъ черезъ пять-шесть, у васъ магазинъ на Перѣ. Вы сидите за кассой, а Валя объясняется съ покупательницами по французски, гречески, турецки.

Онъ засмѣялся. Засмѣялась и она. Сквозь блѣдность на щекахъ у нея проступилъ знакомый румянецъ.

Чуйковъ говорилъ еще долго, пересыпая свою рѣчь шутками, смѣхомъ. Все казалось ему легкимъ и возможнымъ.

Въ комнату неслышно вошли Валя и Витя. Они какъ будто все знали и слышали. Валя смотрѣла на него мягко, поблескивая своими карими глазами, и въ нихъ свѣтилась мольба и признательность.

Онъ легко погладилъ ее по головѣ и сталъ прощаться.

— Завтра будете?—робко спросила Любовь Александровна, провожая его за дверь.

— Да, да! Конечно!—и онъ особенно горячо пожалъ ей руку.

Она взглянула на него съ благодарностью провинившейся и обласканной собаки.

Всѣ трое—она, Валя и Витя стояли на площадкѣ, пока онъ спускался по лѣстницѣ.

На послѣдней ступенкѣ онъ обернулся и твердо сказалъ:

— Я устрою...

— Надѣюсь!.. Вся надежда на васъ!

XI.

«Вся надежда на васъ! Вся надежда на васъ!»—мысленно повторялъ онъ на улицѣ.

Онъ вспомнилъ подробно бесѣду съ Любовь Александровной, ея отчаяніе, стыдъ...

«Сумѣетъ ли онъ оправдать ея надежды?.. Но Константинополь, Константинополь!»

Только сейчасъ во всемъ ужасѣ предсталъ передъ нимъ этотъ городъ-чудовище! Какая притягательная сила, какой гигантскій магнитъ!

«Гдѣ то въ Перми живетъ женщина. Ей грозитъ голодъ. И безумная мысль осѣняетъ ее—Константинополь! Она бросаетъ все и ѣдетъ за тысячи верстъ»...

Не даромъ Константинополь пугалъ его. Съ какимъ чисто мистическимъ страхомъ, ночью, съ террасы онъ всматривался въ него и вслушивался въ его дьявольскую симфонію. У ногъ точно раскинулся дремучій лѣсъ, и оттуда плыветъ странный гулъ. Кто-то скрежещетъ зубами, задыхается, стонетъ, молитъ о помощи, плачетъ, злорадно хихикаетъ, и воображеніе рисуетъ тонущихъ людей, женщинъ, ломающихъ руки, и рыскающихъ волковъ въ образѣ наглыхъ орфіоновъ. И только, привыкнувъ, онъ отдѣлялъ звуки—лай собакъ цѣлой улицей, похожій на перестрѣлку, скрежетъ и визгъ якорной цѣпи, мелодичный перезвонъ склянокъ на невидимыхъ судахъ, разбросанныхъ по темной водѣ Босфора и Рога и отмѣченныхъ разноцвѣтными точками - огоньками, грохотъ о мостовую дубинки сторожа, отдаленную игру горниста въ казармѣ.

Иногда на этотъ лѣсъ ложилась полоска свѣта отъ пароходнаго рефлектора, и странно оживала въ ней и струилась серебромъ мертвая черная вода.

«Природа будто сама предназначила этотъ городъ для разврата и сладострастія».

Это нѣжно-сиреневое небо, Босфоръ, разлитое, какъ парное молоко, Мраморное море, далекія голубыя Принцевы острова, кипарисовыя рощицы, сотни уголковъ одинъ прелестнѣе другого—Хайдаръ Паша, Халки, Фламмуръ, Сладкія воды, Феннераки, луга, наполненные ароматами свѣже-скошеннаго сѣна, глухіе, будто вымершіе, мусульманскіе кварталы со щитами на узкихъ деревянныхъ домикахъ, турчанки, крадущіяся въ толпѣ, какъ черныя домино, и дразнящія недоступностью, красивыя гречанки въ свѣтлыхъ нарядахъ изъ лучшихъ парижскихъ мастерскихъ, безстыдно облипающихъ тѣло, пестрота, суголока, крѣпкое кофе, поглощаемое въ милліонахъ чашечекъ, наргиле, душистая мастика, дешевые коньяки и кипрскія вина, сладости - сладости, кухмистерскія, гдѣ у входа, щекоча обоняніе, жарятся на вертелахъ цѣликомъ оголенные барашки, страстныя серенады грековъ подъ окнами, красавцы турецкіе офицеры,

торы фруктъ, цвѣтовъ, зелени, запахъ близкой морской воды, порнографическія карточки, предлагаемыя открыто во всѣхъ кофейняхъ и лавченкахъ, и классическое турецкое «явашъ»—потише, на все накладывающее лѣнь и истому.

Шатаясь въ Стамбулѣ по знаменитому крытому базару со старинными прохладными сводами мимо рядовъ, заваленныхъ дорогими восточными тканями, шорными и ювелирными издѣліями и пряностями изъ Индіи и Египта, онъ видѣлъ заброшенную площадку, гдѣ 50 лѣтъ назадъ, продавали рабынь—черкешенокъ, армянокъ. Постыдная торговля эта, хотя и прекратилась, но приняла другія, болѣе постыдныя формы. Она выродилась въ Галату.

«Городъ пезвенковъ!» [1])—Самое подходящее названіе ему. Развѣ эти господа съ Перы въ великолѣпныхъ смокингахъ отъ Тиринга и Майера, панамахъ и американскихъ Globe Frotter'ахъ, засѣдающіе въ кафе у Котокліано, кричащіе объ общественномъ мнѣніи, въ большинствѣ не были пезвенками, не содержали въ Галатѣ одинъ или нѣсколько домовъ, а жены ихъ—строгія матроны, считающія неприличнымъ показываться даже днемъ одной на Grande rue de Péra, не торговали собой гдѣ-нибудь въ Алжирѣ, не плясали на грубыхъ подмосткахъ передъ гогочущими французскими солдатами danse du ventre?!...

Чуйковъ трусливо оглянулся. Онъ находился въ тѣсной, глухой и темной уличкѣ. Она шла вверхъ между двухъ рядовъ черныхъ домиковъ, замкнувшихся, какъ въ броню, въ свои чугунныя двери. Падалъ перистый, быстро тающій снѣгъ, и на мокрыхъ, гладко отполированныхъ ногами пѣшеходовъ камняхъ, змѣились отблески фонарей.

Часто скользившая нога Чуйкова зарывалась во что-то мягкое, пружинистое на кучѣ мусора, и онъ съ отвращеніемъ отдиралъ ее, заслышавъ глухое рычаніе и увидавъ злой оскалъ зубовъ и налитые кровью глаза.

Чутьемъ онъ угадалъ близость Галаты, ея смрадное дыханіе. Она лежала тутъ подлѣ, сбоку.

Она давно уже зажгла свои воспаленные красные огни, и оттуда плылъ тихій гулъ и звуки заглушенной разстояніемъ лантерны.

Лантерна играла любимый Чуйковымъ «Ватанъ».

«О родина, о нѣжно-любимый народъ!
Пой радостно сегодня!»...

---

[1]) Содержатели публичныхъ домовъ.

*

Чуйкова передернуло.

«Ватанъ» въ Галатѣ! Нѣжный и задушевный гимнъ свободѣ—въ вертепѣ!»

Ему казалось будто кто-то топчетъ въ грязь дорогой хрусталь.

Онъ зашагалъ шибче. Ему надо было итти на пристань, но онъ рѣшилъ подняться на Перу, чтобы за кружкой пива въ пивной обсудить, какъ быть съ Любовь Александровной? Гулко отдавались шаги его въ пустынной уличкѣ.

— О-о-о! —послышался неожиданно гдѣ-то далеко въ переулкѣ среди ночной тишины тонкій протяжный голосъ, точно кто-то звалъ, заблудившись въ лѣсу.

И ему отвѣтилъ въ смежномъ переулкѣ другой такой-же тонкій протяжный голосъ:

— О-о-о-о!

Послышался потомъ звонкій стукъ.

Перекликивались сторожа, постукивая о мостовую тяжелыми дубинками, окованными въ желѣзо. Они оповѣщали о пожарѣ.

— О-о-о!

— Янгынъ вардыръ! Стамбулъ! Аттешъ! (Пожаръ въ Стамбулѣ. Огонь),—разобралъ теперь сквозь это «о-о-о» Чуйковъ.

Залаяли собаки. Надъ головой хлопнуло оконце, и высунулось испуганное лицо старухи, обернутое платкомъ, потомъ другое, третье. Чуйковъ повернулъ голову и увидѣлъ вдали поверхъ домовъ блѣдно-розовое зарево. Оно захватило треть неба и ползло все выше и выше.

Черные коршуны—враги свободы не дремали...

— О-о-о!

— Янгынъ вардыръ! Аттешъ!—не унимались сторожа, и теперь этихъ голосовъ было много.

Въ концѣ улицы вверху показались тулунбаджи. Тѣсной, компактной массой, босые, рослые, въ бѣлыхъ тѣльникахъ, выпятивъ могучія груди, они двигались, быстро перебирая ногами, скользя внизъ по блестящимъ камнямъ, освѣщая дорогу круглыми китайскими фонарями. Издали казалось, что они стоятъ на мѣстѣ, но въ дѣйствительности они катились, какъ лавина. Посреди качался, какъ катафалкъ, пожарный насосъ, и легко и незамѣтно переходилъ съ усталыхъ плечъ на свѣжія. Сзади скакалъ на лошади, отставая, полицейскій.

Чуйковъ посторонился, и живая лавина пронеслась, блеснувъ на минуту освѣщенными выпуклостями торсовъ, рукъ, ногъ и профилями напряженныхъ лицъ.

XII.

Нафанаилъ Захарьевичъ только-что отложилъ комплектъ старыхъ газетъ, снялъ съ носа большія старомодныя очки, аккуратно вправилъ ихъ въ футляръ и сталъ укладываться, когда въ освѣщенную каюту его вошелъ Чуйковъ.

Чуйковъ былъ сильно возбужденъ. Онъ выпилъ пять кружекъ пива.

— Чего такъ поздно?—спросилъ докторъ, сидя со спущенными ногами на краю койки и стаскивая узкій сапогъ.

— Дѣла!—Чуйковъ разсказалъ о бесѣдѣ съ Любовь Александровной.

Докторъ пожалъ плечами.

— Т-тё! И кто бы подумалъ.

— Страшно?!

— Какъ бы вамъ сказать,—онъ широко зѣвнулъ.—Всяко бывало!

— Что дѣлать? Надо спасти ихъ.

— А какъ?

Чуйковъ изложилъ свои планы.

— Дай вамъ Богъ, но сомнѣваюсь.

— Отчего?

— Оттого, что никому не интересно заниматься ею. Да и она—не одна.

— Выходитъ—погибать ей?

— Т-тё!

— И Валя погибнетъ?

— У-а! Еще какъ!.. Константинополь, батенька!—онъ вторично зѣвнулъ и взялся за другой сапогъ.

— Докторъ, докторъ! Какъ можно быть такимъ безучастнымъ?!

— Что подѣлаешь?! Я говорю, что думаю. Противъ природы не пойдешь. Законъ такой, борьба за существованіе!..

— Конечно, конечно,—прибавилъ онъ торопливо, увидавъ, какъ лицо юнаго товарища нахмурилось,—надо помочь, кто говоритъ, и я желаю успѣха. Но, повторяю—сомнѣваюсь.

— Посмотримъ!—и въ голосѣ Чуйкова зазвучала вызывающая нотка.

XIII.

На слѣдующее утро Чуйковъ снова отправился къ Любовь Александровнѣ. Она вышла къ нему разбитая, усталая. Щеки у нея вытянулись, пожелтѣли.

Она улыбнулась виноватой улыбкой и протянула холодную руку.

Вали и Вити не было. Она услала ихъ въ лавочку.

— А я боялась, что не придете больше,—сказала она тихо.

Онъ нетерпѣливо махнулъ рукой.

— Плохо спала. Все думы, да и грудь. Но теперь легче. Вы такъ обнадежили.

— Будьте покойны... Сейчасъ отправлялся къ Аристиду Ѳомичу, но раньше хотѣлъ провѣдать васъ.

Чуйковъ сегодня былъ настроенъ такъ же оптимистически, какъ и вчера, когда бесѣдовалъ съ нею. Тревога, которую онъ испыталъ на улицѣ и въ каютѣ у доктора, прошла.

Любовь Александровна оживилась.

— Завтра, или послѣзавтра,—объявила она, заразившись его энергіей,—схожу въ подворье и поговорю съ настоятелемъ. Разскажу ему все, какъ на духу. Можетъ быть, тоже поможетъ. Онъ—сила.

— Браво! Будемъ работать сообща. А пока прощайте!

XIV.

Въ отдѣленіи Аристида Ѳомича, въ агентствѣ, было много народу—два турка, грекъ, русская барыня.

Аристидъ Ѳомичъ—коротенькій, круглый мужчина въ густыхъ черныхъ усахъ на полномъ оливковомъ лицѣ, съ глазами, похожими на крупныя маслины, окунутыя въ масло, бесѣдовалъ съ ними, сидя за столомъ у кассы, черезъ высокую деревянную рѣшетку. Онъ принималъ деньги, выплачивалъ медленно и серьезно, пощелкивая на счетахъ и отмѣчая карандашомъ въ раскрытомъ гросбухѣ.

Чуйкову пришлось долго ждать, и онъ нервничалъ. Аристидъ Ѳомичъ, наконецъ, освободился, отпустилъ послѣдняго кліента-турка, которому со звономъ выплатилъ нѣсколько лиръ.

— А, мусіу капитанъ! Онъ всегда въ шутку Чуйкова называлъ капитаномъ.

— Можно побезпокоить васъ?

— Позалуста. Какъ разъ завтракъ.

Онъ захлопнулъ массивныя дверцы кассы, опустился въ широкое кресло, заполнивъ его своей круглой фигуркой, и взялся за брелокъ—эмалированную женскую ножку въ бѣломъ чулкѣ съ голубыми полосками. Ему подали чай.

Чуйковъ вкратцѣ познакомилъ его съ исторіей Любовь Александровны, утаивъ все, что могло бы очень компрометировать ее. Аристидъ Ѳомичъ, съ шумомъ прихлебывая крѣпкій чай и закусывая хрустящимъ бубликомъ, качалъ плѣшивой головой, шевелилъ, какъ тараканъ, усами и ронялъ:

— Пецально! Ай-ай!

— Вы догадываетесь, чего я хочу отъ васъ? Я вѣдь здѣсь чужой.

— Да, да! Позалуста! Но какъ?!. Гм!.. Прежде всего ей надо обратиться въ русское консульство, потомъ подумать о дѣвочкѣ. Но съ дѣвочкой надо осторожно.—Онъ многозначительно поднялъ кверху толстый волосатый палецъ, туго стянутый обручальнымъ кольцомъ.—Можно было бы опредѣлить ее въ магазинъ, у меня есть такой на Перѣ, но, во первыхъ—она не знаетъ языковъ, во вторыхъ—опасно, можетъ испортиться. Тутъ легко. Городъ такой. Греки, турки. А греки мастера... Хе, хе! Знаете?—ленточки, бантики, ридикюльчики, Gala Peter! А потомъ по Босфору въ каикѣ,—голосъ его сдѣлался сладенькимъ, и глаза совсѣмъ замаслились.—То-же если къ модисткѣ. Лучше всего бы ей въ интеллигентной русской семьѣ...

— Вотъ, вотъ!

— Чтобы посмотрѣть за дѣтками, поиграть съ ними. Но гдѣ достать?! Зито! Есть! Ей Богу есть,—онъ хватилъ себя по лбу пухлой ладонью.—Веневитинова знаете? Онъ бываетъ у насъ, когда для него посылка изъ Греціи. Я слышалъ, что онъ говорилъ агенту, что ищетъ для племянницы—дѣвочки приличную русскую дѣвушку. Жаль, что я не зналъ раньше. Ну, да все равно. Вотъ моя визитная карточка, и поѣзжайте къ нему немедленно.

XV.

Веневитиновъ, Сергѣй Владиміровичъ, былъ ученый дилеттантъ, любитель искусства и страстный путешественникъ по Востоку. Онъ проживалъ въ Константинополѣ, бродилъ по окре-

стностямъ, отыскивая остатки Византійскихъ памятниковъ, изучалъ по нимъ религіозную живопись и архитектуру, открывая новыя фрески. Иногда уѣзжалъ недѣльки на двѣ въ Грецію и копался въ музеяхъ и библіотекахъ.

Онъ жилъ за городомъ, въ Шишли, въ собственномъ домѣ, купленномъ у богатаго эспаньола.

Чуйковъ долго трясся въ вагонѣ, пока добрался къ Шишли. Домъ Сергѣя Владиміровича — трехъ-этажный, бѣлый съ зелеными жалюзи, террасой и мраморными ступенями, стоялъ особнякомъ.

Чуйковъ смѣло дернулъ чугунную лапку съ шарикомъ на дверяхъ.

Вышелъ старый слуга-грекъ въ жилетѣ и фесѣ.

— Г. Веневитиновъ дома?

Тотъ нерѣшительно кивнулъ головой.

— Передайте.

Слуга повертѣлъ конвертъ, пропустилъ Чуйкова въ чистенькую прихожую и поднялся на верхъ по дубовой лѣстницѣ съ рѣзными перилами. Чуйковъ заинтересовался снимкомъ съ какихъ-то фресокъ на стѣнѣ.

— Пожалуйте!

Слуга повелъ его черезъ нѣсколько богато убранныхъ комнатъ въ кабинетъ хозяина.

Веневитиновъ сидѣлъ спиной къ дверямъ и изучалъ въ лупу древній, пожелтѣвшій, какъ хорошо обкуренный янтарь, образокъ со стертымъ ликомъ.

— Сергѣй Владиміровичъ!—позвалъ осторожно лакей.

Веневитиновъ, не выпуская лупы, медленно и чуть-чуть повернулся и посмотрѣлъ на Чуйкова черезъ плечо въ круглыя очки. Чуйковъ поклонился.

Сергѣй Владиміровичъ недовольно повелъ плечами, однако отложилъ занимавшую его дощечку и повернулся всѣмъ корпусомъ. Лицо у него было холодное, серьезное. Такъ же холодны были его свѣжіе юношескіе глаза, устремленные на Чуйкова съ досадой. Чуйкову стало неловко.

— Простите.

Хозяинъ молча указалъ гостю на низенькій диванъ напротивъ. Потомъ взялъ со стола вскрытый конвертъ.

— Аристидъ Ѳомичъ Каламерисъ... Кто онъ?

— Кассиръ агентства.

— А!—протянулъ Веневитиновъ, какъ бы все еще припоминая.—Онъ проситъ выслушать васъ. Я готовъ,—и онъ искоса

посмотрѣлъ на образокъ. Онъ все еще досадовалъ, что ему помѣшали.

— Видите ли?—Чуйковъ заговорилъ быстро-быстро, дабы не утомить Веневитинова и отнять поменьше времени.

Тотъ слушалъ нетерпѣливо, поигрывая лупой. Онъ вспоминалъ, что такъ недавно еще здѣсь было такъ тихо, покойно; онъ жадно вглядывался въ эту желтую дощечку, и она оживала. Сомнѣнія не могло быть: Старый левантинецъ съ Родоса, продавшій ее ему, не обманулъ. Это былъ Златоустъ, его маленькій ростъ, худоба аскета и вдумчивые острые глаза.

Веневитиновъ представлялъ себѣ Ая-Софію. Море народу. «Смерть Евтропію!» перекатывается подъ высокими сводами. Бывшій временщикъ, теперь жалкій, валяется на колѣняхъ въ алтарѣ, обхвативъ колонну. На амвонъ входитъ Іоаннъ. Онъ говоритъ о тщетѣ всего земного... Такъ хорошо было! И вдругъ ворвалось что то посторонее, чужое!

«Любовь Александровна!.. Валя, Валя!»

Онъ вначалѣ не понималъ даже, что говоритъ этотъ длинный незнакомый юноша съ свѣтлыми усами, свѣтлыми пуговицами на черномъ кителѣ. Лишь погодя, отрѣшившись отъ своего Златоуста, онъ сталъ вслушиваться.

Замкнутое сердце Веневитинова на нѣкоторое время открылось для человѣческаго горя. Онъ перенесся въ свои студенческіе годы. Правда, онъ никогда не нуждался, но были моменты...

Когда Чуйковъ замѣтилъ, что Любови Александровнѣ ничего не остается, какъ продавать себя, профессоръ прошепталъ:

— Боже!

Онъ потянулся къ карману, но Чуйковъ удержалъ его.

— Я слышалъ, что вы ищете бонну для племянницы. Разрѣшите порекомендовать Валю.

— Бонну?.. Да, да! Отчего-же?! Послушайте!—онъ вдругъ чему-то обрадовался и ласково хлопнулъ его по плечу.—Поговорите съ женой! Спиро!—кликнулъ онъ слугу и велѣлъ ему проводить гостя къ Клавдіи Осиповнѣ.

XVI.

Клавдія Осиповна, широкая, полная, въ нелѣпомъ халатѣ, сидѣла у окна и играла съ какаду. Щекотала его раскормленное тѣло въ желто-оранжевыхъ перьяхъ, и онъ отъ удовольствія поднималъ гвоздемъ острый хохолъ и кувыркался, хватаясь крѣп-

кимъ клювомъ и лапами за прутья золоченой клѣтки и наполняя столовую рѣзкимъ крикомъ:

— Дрракъ! Поопка дрррракъ!

Чуйковъ представился и наново разсказалъ о цѣли прихода. Клавдія Осиповна ахала, пучила отъ испуга добрые, глупые глаза и всплескивала руками.

— Царица Небесная! Надо, надо помочь! Мы вѣдь православные!

Стерла даже съ пухлой набѣленной щеки слезу. Иногда, извинившись, дѣлала замѣчаніе лакею-греку, который безшумно накрывалъ на столъ:

— Судокъ, судокъ подвинь!.. А окрошку поставилъ на ледъ?!

— Охи!—кивалъ лакей, какъ китайскій болванчикъ, узкой облѣзлой головой.

— Охи, охи! А придется подавать, и она теплая.

Чуйковъ не могъ удержаться отъ улыбки.

Клавдія Осиповна старательно завязала узелокъ въ скомканномъ носовомъ платочкѣ.

— Чтобы не забыть. Сегодня или завтра увижу Марью Гавриловну,—она у насъ тутъ первая благотворительница... Что Валя?! Валю можно взять къ себѣ, лишній ротъ—не раззоръ. А мать вотъ! Мать устроить!

Въ комнату неслышно вошла дѣвочка лѣтъ 8—племянница Веневитинова, и вслѣдъ—самъ онъ и двое юношей со смѣющимися лицами—студенты Восточнаго факультета—будущіе дипломаты, ѣхавшіе въ Дамаскъ для усовершенствованія въ арабскомъ языкѣ. У нихъ были рекомендательныя письма изъ Москвы къ Веневитинову.

Чуйковъ хотѣлъ откланяться, но его пригласили къ столу.

— Ужъ не побрезгуйте,—сказала Клавдія Осиповна.

Обѣдъ былъ превосходный,—все русскія блюда, даже вина русскія и только къ дессерту подали яуртъ [1]), безъ котораго немыслимъ ни одинъ обѣдъ на Востокѣ, и свѣжую марулю [2]) въ большихъ кочанахъ съ застывшими, какъ жемчугъ, каплями воды на бѣло-изумрудныхъ листьяхъ.

Веневитиновъ ѣлъ медленно и много. Прожевывая ветчину, онъ разспрашивалъ студентовъ объ университетѣ, изрѣдка обращался къ племянницѣ, которая поглядывала на гостей немига-

---

[1]) Простокваша изъ козьяго молока.
[2]) Салатъ.

ющими глазами, и гладилъ ея льняные волосики. Обращался онъ и къ Чуйкову. Узнавъ, что тотъ служилъ въ Балтійской эскадрѣ, онъ просилъ его разсказать кое-что о Цусимѣ.

Онъ больше не казался Чуйкову холоднымъ и угрюмымъ, онъ мило острилъ, улыбался, и улыбка выходила у него такой хорошей.

— Клавдія Осиповна!—сказалъ онъ вдругъ, глядя съ тонкой усмѣшкой на ея жующій ротъ.—Алексѣй Ивановичъ разсказывалъ вамъ? Вы бы постарались.

Она поспѣшно проглотила кусокъ, вытерла жирныя губы и торопливо и испуганно отвѣтила:

— Да, да!

— Поговорили бы съ вашей Марьей Гавриловной.

— Непремѣнно! И съ Екатериной Петровной!—она сдѣлала второй узелокъ.—Вы чего же не ѣдите?—и она вскинула все еще испуганные глаза на Чуйкова.—Рябчики вотъ! Вчера изъ Москвы получили!

Чуйковъ былъ очарованъ хозяевами. Первымъ всталъ изъ-за стола хозяинъ. Подавая Чуйкову руку, онъ вспомнилъ о его просьбѣ.

«Собственно, онъ очень желалъ бы, чтобы у Вѣрочки была подруга. Бѣдняжка такъ истосковалась. Она съ утра слоняется по всему дому».

— Какъ бы посмотрѣть вашу Валю?

— Она придетъ къ Вамъ съ матерью.

— Зачѣмъ?! Я самъ. Гдѣ онѣ живутъ?

Чуйковъ назвалъ улицу,

— Завтра буду въ городѣ. Если не трудно, подождите у туннеля, наверху, между 12-ю и часомъ. Зайдемъ къ нимъ вмѣстѣ...

Свѣтло и радостно было на душѣ у Чуйкова, когда онъ шелъ отъ Веневитиновыхъ къ Любовь Александровнѣ.

— Ну-съ, поздравляю!—сказалъ онъ торжественно, входя къ ней.

И заикаясь и путаясь отъ быстрой рѣчи, онъ сообщилъ ей о своихъ успѣхахъ.

Любовь Александровна и Валя слушали его, краснѣя отъ радости. Вмигъ появились—мангалъ, самоваръ, знакомая халва съ цукатомъ, и въ комнатѣ, какъ когда-то, сдѣлалось тепло и уютно.

Чуйковъ поздно оставилъ ихъ, напоминая въ десятый разъ:

— Итакъ,—завтра, между 12-ью и часомъ! Ждите!

XVII.

Чуйковъ ждалъ у туннеля, связывающаго Перу съ Галатой.

Было четверть второго. Шумными роями пчелъ просѣивались въ туннель и обратно толпы народа. Наконецъ со стороны Перы показалась знакомая сухая фигура въ шубѣ и мѣховой шапкѣ.

Веневитиновъ былъ не одинъ, съ господиномъ — ученымъ изъ Кіева. Онъ ему обѣщалъ показать Ая-Софію и торопился въ Стамбулъ.

Быстрыми шагами прошелъ онъ мимо Чуйкова. Но тотъ нагналъ его.

— Виноватъ.

— Ка-акъ?!—Веневитиновъ не узналъ его.

Чуйковъ вспыхнулъ.

— Вчера мы...

— Ахъ!—онъ сдѣлалъ кислое, страдальческое лицо. Не могу, занятъ. Завтра. Буду въ это время опять въ городѣ.

— Что-жъ... Ждать, какъ сегодня?

— Если угодно.

— Здѣсь же?

Веневитиновъ нетерпѣливо кивнулъ головой, сунулъ ему руку и скрылся вмѣстѣ со спутникомъ въ туннелѣ.

Все это случилось такъ быстро, что Чуйковъ растерялся. Радостное настроеніе его, какъ вѣтромъ, смело.

«Безусловно Веневитиновъ былъ грубъ. Это кислое лицо, отрывистые отвѣты, быстрый уходъ. Въ другое время Чуйковъ не простилъ бы ему, но сейчасъ, когда отъ него зависитъ судьба его друзей... Впрочемъ, этимъ ученымъ простительно. Они всегда такъ заняты, раздражительны... Но какъ показаться Любовь Александровнѣ».

Онъ шелъ теперь къ ней, не торопясь, скучный, и тихо постучался. За дверьми послышался шопотъ—«открой!—ты открой!»—Витя и Валя долго препирались. Щелкнулъ ключъ. Кто-то, когда онъ вошелъ, скользнулъ по коридору, какъ по катку, и шмыгнулъ въ спальню.

Въ столовой было чисто прибрано; полъ свѣже вымытъ, столъ накрытъ сверкающей скатертью. Рядомъ съ графиномъ стоялъ крошечный вазонъ съ розовымъ гіацинтомъ. Любовь Александровна, видимо, дѣятельно готовилась къ пріему важнаго гостя, и Чуйкову стало какъ-то совѣстно и неловко.

— Вы одни?—раздался ея голосъ изъ спальни.

— Одинъ.

— Сейчасъ!—и она вышла, застегивая на ходу воротникъ новаго голубого лифа.

— Отчего же вы такой скучный?

Онъ объяснилъ.

— Пустяки! Стоитъ ли огорчаться!—сказала она безпечно.

Она затѣмъ повернулась и хлопнула въ ладоши.

— Валечка!

Вошла скользящей походкой Валечка—такая же принаряженная, какъ мать. Какъ всегда, гдѣ-то глубоко въ карихъ глазахъ ея прыгали насмѣшливыя искорки, и вокругъ маленькаго рта и ямочекъ трепетала улыбка. Она была вся въ бѣломъ, будто собралась къ заутрени.

— Здравствуйте!—пропѣла она, протянувъ Чуйкову руку и по привычкѣ откинувшись всѣмъ корпусомъ.—А мы готовились-готовились. Ну и слава Богу, что не пришелъ.—Она засмѣялась, блеснувъ острыми ровными зубками.—Онъ, должно быть, строгій...

Обѣ казались веселыми, шутили, смѣялись, но ясно было, что неприходъ Веневитинова вселилъ въ нихъ тревогу.

— А она,—сказала мать, какъ бы мелькомъ и съ дѣланной усмѣшкой, указывая на Валю,—поднялась сегодня засвѣтло, чтобы поспѣть въ монастырь. Свѣчу поставила... за успѣхъ...

Чуйкова и кольнуло, и умилило.

«Милая дѣвочка!»

Онъ представилъ себѣ, какъ она пробирается въ монастырь въ слякоть по крутымъ уличкамъ въ своемъ легонькомъ сачкѣ...

Видя, что онъ опять скученъ, Любовь Александровна постаралась развлечь его.

Чуйковъ ушелъ успокоенный. Онъ былъ увѣренъ, что завтра все уладится...

XVIII.

Проклятая задержка. Придется лишніе сутки торчать изъ-за шторма въ Трабезондѣ.

Чуйковъ злился. Онъ такъ рвался въ Константинополь. Все время гдѣ бы онъ ни находился—на мостикѣ ли, у трюма, онъ видѣлъ глухую узенькую уличку, похожую на расщелину въ горѣ, домикъ съ желѣзными рѣшетками и дремлющимъ носатымъ

привратникомъ на лѣсенкѣ, комнату съ зеленой лампой, Любовь Александровну, Валю, Витю...

Съ какимъ трепетомъ онѣ ждутъ его?!.

«Вся надежда на васъ, вся надежда на васъ!»—гудѣло въ его ушахъ молотомъ.

«А что Веневитиновъ?!»

Чуйковъ ждалъ его на другой день, и, какъ и въ первый, тотъ торопился. Обѣщалъ зайти самъ.

«Зашелъ ли онъ? Что если не зашелъ?.. Больше обратиться не къ кому и онѣ погибнутъ».

Въ такія минуты вставала передъ нимъ Галата, дьявольская Галата со своими смрадными переулками...

Валя передавала, что разъ, когда мамы не было дома, къ нимъ явился незнакомый грекъ и спросилъ—«здѣсь ли живетъ такой-то?»

Она очень испугалась. Глаза у него были такіе черные и все шарили.

«Быть можетъ, Галата посылала къ нимъ своего агента? Ей будто не терпѣлось, и она досадовала на ихъ колебаніе».

И въ разгоряченномъ воображеніи его рождались печальныя картины.

«Всѣ средства для борьбы истощены, и онѣ—въ Галатѣ. Въ своемъ паденіи Любовь Александровна увлечетъ и Валю.

«Нѣтъ, онѣ не погибнутъ! Онъ помѣряется съ судьбой, не дастъ торжествовать Галатѣ».

XIX.

Знакомый домъ, знакомая дверь.

Не потому ли, что Чуйковъ пришелъ сейчасъ съ моря, комната Любовь Александровны показалась ему необычайно мрачной, душной. Онъ точно бухнулъ со свѣтлаго широкаго простора въ яму.

Прошло нѣкоторое время, пока онъ освоился съ мракомъ и сталъ различать окружающіе предметы.

Какъ тѣнь, безшумно двигалась Любовь Александровна; она сильно похудѣла, въ вискахъ у нея пробивалось много серебра и губы побѣлѣли, какъ тѣсто. Измѣнились и дѣти.

— А мы безпокоились о васъ,—сказала она чужимъ голосомъ.—Опять штормъ?

— Да.

— Мы съ Валечкой два раза справлялись о васъ въ агентствѣ.

Въ комнатѣ было прохладно и сыро. Какъ брошенный таборомъ въ лѣсу стоялъ у стѣны холодный, наполовину засыпанный золой мангалъ. Подъ потолкомъ на двухъ бичевкахъ, перетянутыхъ отъ дверей къ окну, висѣло свѣже вымытое мелкое бѣлье—носовые платки, чулки, полотенца, увеличивая прохладу и сырость.

Любовь Александровна дрожала мелкой дрожью и старательно куталась въ платокъ.

— Веневитиновъ былъ?—спросилъ онъ, избѣгая ея тусклаго взгляда.

— Нѣтъ.

— А я была у монаховъ и видѣлась съ настоятелемъ,—прибавила она, желая видимо устранить наступившую неловкость.

— И что же?

— Да ничего. Строгій онъ такой, суровый. А можетъ быть напускаетъ на себя строгость. Пожурилъ, чего въ церковь не хожу, а потомъ—«слышалъ я о васъ, матушка, отъ отца Михаила. Трудиться надо бы, вотъ что. Всѣ трудятся. Ужъ на что мравій—маленькій, слабый, и тотъ... Пошли бы въ прачки, а дѣвочку на мѣсто опредѣлили бы, нянькой, или горничной»—Что вы, отецъ?—говорю. Она у меня въ гимназіи училась.—Ахъ, это свѣтское воспитаніе!... Въ монастырь тогда отдайте ее...

— Безобразіе!—нахмурился Чуйковъ.

— Ну, какъ знаете, матушка!!.—Любовь Александровна заговорила басомъ, подражая настоятелю.—Денегъ, конечно, онъ не далъ. А далъ еще вотъ этого—и она подвинула новую пачку душеспасительныхъ книжекъ.

Чуйковъ раскрылъ первую книжку и прочиталъ вслухъ:

«Душа, украсившаяся добродѣтелью, точно невѣста подъ вѣнецъ готовая. Смиреніе—ея наиглавный уборъ, воздержаніе—покровы...

— Смиреніе, воздержаніе! — горько усмѣхнулась Любовь Александровна.—А сами-то! Ни въ чемъ себѣ отказу...

XX.

Чуйковъ, хотя больше не разсчитывалъ на Веневитинова, однако поѣхалъ къ нему. Тотъ не принялъ его. Велѣлъ передать черезъ слугу, что раздумалъ; онъ рѣшилъ отправить племянницу къ теткѣ.

— Скажите г. Веневитинову...— началъ угрюмо Чуйковъ. Но не докончилъ и махнулъ рукой.

Надо было дѣйствовать рѣшительнѣе, и онъ заметался по городу.

Случайно онъ узналъ о какой-то фабрикѣ въ концѣ Золотого Рога и махнулъ туда. Фабрика оказалась маленькой, убогой. Нѣсколько дѣвушекъ—испанскихъ евреекъ и гречанокъ съ утра до вечера клеили коробки для лукуму.

Хозяинъ, русскій еврей, согласился принять Валю, но предупредилъ, что платитъ всего два меджидія.

— Два меджидія? Больше на шлюпку потратишь сюда, и онъ заметался снова. Обошелъ нѣсколько магазиновъ, мастерскихъ, побывалъ въ консульствѣ...

Набѣгавшись, онъ являлся къ Любовь Александровнѣ усталый, разбитый. Она встрѣчала его тепло и ласково, но вѣра въ него давно покинула ее. Она больше не говорила:

— Вся надежда на васъ.

Въ домѣ межъ тѣмъ становилось все мрачнѣе. Мангалъ по прежнему не пылалъ,—онъ напоминалъ глазъ мертвеца,—и было сыро и холодно. Пахло постнымъ. Ѣли пустыя щи и пили чай съ арнаутнымъ хлѣбомъ.

У Вали на лицѣ появилась нездоровая одутловатость. Витя же совсѣмъ осунулся. Мордочка его заострилась, носикъ сдѣлался тонкимъ, ушки прозрачными, какъ воскъ.

Когда Чуйкову удалось выхлопотать для нихъ въ консульствѣ немного денегъ, въ домѣ на короткое время стало свѣтло и весело. Будто подлили масла въ потухающую лампаду.

Появилось мясо, лишній стаканъ съ блюдцемъ, галошики у Вити; запылалъ ярко мангалъ, прогоняя сырость и холодъ и отбрасывая на полъ, стѣны и лица знакомые мѣдно-красные отблески; зазвучалъ громкій говоръ и смѣхъ. Но вышли деньги и вновь стало мрачно, сыро, безнадежно.

Надвигалось то грозное, зловѣщее, котораго со страхомъ ожидалъ Чуйковъ, и чѣмъ ближе, тѣмъ тѣснѣе сплачивалась эта тройка, выражая готовность дать отпоръ, или пасть вмѣстѣ.

— Мама!—сказалъ какъ-то въ порывѣ самопожертвованія Витя, ласкаясь къ ней и обнимая худенькими ручками ея шею.— Не грусти! Я буду пить чай безъ хлѣба. Не надо хлѣба...

Семья гибла; и въ первый разъ у Чуйкова мелькнула мысль—не совершалъ ли онъ преступленія, обнадеживая Любовь Александровну, и не былъ ли правъ старшій механикъ, цинично выразившійся о ней:

— Эхъ вы, только съ толку сбили женщину! Она давно зарабатывала бы и не нуждалась!..

Чуйковъ ждалъ, что настанетъ день, и она скажетъ ему:

— Вотъ вы все обнадеживали, а что получилось?

И со злобой, которая часто прорывалась у нея въ послѣдніе дни, прибавитъ:

— А убирайтесь-ка вы, милостивый государь, съ вашей добродѣтелью!..

XXI.

...И вотъ однажды, раннимъ утромъ, когда онъ зашелъ опять къ ней, онъ засталъ Маврокелиди. И онъ не удивился.

Маврокелиди сидѣлъ у стола въ неизмѣнномъ сюртукѣ, франтоватой фесѣ, держа въ широкой ладони узорчатое блюдце съ чаемъ.

Любовь Александровна смутилась и не нашла сразу, что сказать. Она нервно теребила платокъ и отворачивала лицо всякій разъ, когда Чуйковъ задерживалъ на ней взглядъ. Зато Маврокелиди чувствовалъ себя прекрасно. Смотрѣлъ на него со спокойствіемъ философа, щуря лукаво глазъ и ухмыляясь въ нафабренные молодецкіе усы. Онъ какъ бы говорилъ:

«Что, юноша? Хотѣлось повоевать съ мельницами? Голодъ, батенька, такая штука, что противъ него ничто не устоитъ...

Бесѣда не клеилась.

Чуйковъ понялъ, что онъ лишній и стѣсняетъ. Онъ сталъ прощаться. Любовь Александровна сунула ему руку, —она была холодна, какъ ледъ,—а Маврокелиди, странно изогнувшись, хихикнулъ, показавъ гнилые зубы.

Галата торжествовала...

Чуйковъ пошелъ къ выходу, натыкаясь на столъ, стулья. Въ дверяхъ онъ машинально повернулся. Изъ темнаго угла глядѣла на него Валя, и столько тоски и страданія было въ ея глазахъ, что онъ вздрогнулъ. Правой рукой она прижимала къ себѣ Витю.

Блѣдныя губы ея шевельнулись, и ему послышалось:

— Прости!

Онъ рванулъ дверь и стремительно выбѣжалъ на улицу.

Какая-то сила гнала Чуйкова впередъ, и когда онъ остановился, то увидалъ себя на мосту. Его удивила тишина вокругъ и флаги. Городъ какъ бы вымеръ.

«Ахъ, открытіе парламента!»

Вся Пера и Галата по этому случаю перекочевала въ Стамбулъ.

Впервые сегодня, послѣ долгихъ дождей, выглянуло солнце. Оно залило мягкимъ золотомъ улицы, засѣяло алмазными искрами Золотой Рогъ и Босфоръ и пронизало флаги, ярко свѣтившіеся краснымъ, желтымъ и голубымъ свѣтомъ. Галатская башня, одѣвшись въ золото, теплилась, какъ гигантская свѣча, и на флагштокѣ ея побѣдоносно развѣвался огромный, красный флагъ съ бѣлымъ полумѣсяцемъ и съ звѣздой.

Тихо было и въ порту. Пароходы не курились и воздухъ надъ Золотымъ Рогомъ былъ чистъ и прозраченъ. Не слышно было гудковъ, свиста, и ни одинъ каикъ не стригъ воду. Въ сторонѣ стояли тѣсно сдвинутыя сотни осиротѣлыхъ дубковъ и фелюгъ, напоминающихъ своими острыми мачтами и красными флажками спѣшившихся гусаровъ. Команды, грузчики и лодочники вмѣстѣ со всѣми перекочевали въ Стамбулъ, и сильно обезпокоенныя необычайной тишиной, какъ ошпаренныя, метались чайки, неумолчно крича, будто спрашивая—что случилось.

Мимо Чуйкова черезъ мостъ потянулись въ Стамбулъ на бѣлыхъ лошадяхъ герольды, бросая въ прозрачную тишину рѣзкіе звуки трубъ. Онъ пошелъ за ними.

Стамбулъ былъ неузнаваемъ. Во всѣхъ гаремахъ были подняты деревянные щиты, и изъ оконъ выглядывали тысячи открытыхъ прелестныхъ головокъ турецкихъ женщинъ. Онѣ щебетали и пересмѣивались. Часто, сверкнувъ, поднималась бѣлая ручка въ кружевахъ, кольцахъ и браслетахъ и швыряла внизъ конфетти и серпантинъ. А внизу бурлило. Шли волнами, безъ конца, горожане въ праздничныхъ платьяхъ, школьники съ знаменами, войска; пробирались экипажи, верховые. Гремѣла музыка, хлопали бичи кучеровъ, пѣли «Ватанъ» и «Яшасинъ». Дома, какъ паутиной, были окутаны гирландами, флагами и лампіонами. Иногда надъ головой выростала грандіозная арка изъ легкаго дерева, зелени и излюбленной турками красной матеріи, и кой-гдѣ еще плотники спѣшно достраивали арку, постукивая молотками. Въ воздухѣ точно бродилъ хмель, и толпа шаталась, какъ пьяная.

Кто-то, взобравшись на сидѣнье экипажа, сорвалъ съ себя фесу и крикнулъ пронзительно:

— Да здравствуетъ братство!

— Да здравствуетъ!—подхватила вся улица.

Опьяненіе передалось и Чуйкову. Онъ плылъ, какъ на парусахъ, въ толпѣ.

На минуту, какъ въ туманѣ, мелькнула передъ нимъ Любовь Александровна, Валя и Витя, оставшіяся однѣ далеко позади въ пустынномъ, вымершемъ и безучастномъ городѣ, мрачная сырая клѣтушка съ низкимъ потолкомъ и холоднымъ мангаломъ. Вспомнилъ послѣдній взглядъ Вали, и въ немъ шевельнулось что-то похожее на раскаяніе. Но только на минуту.

«Онъ сдѣлалъ все, что могъ, и вина не его, если ничего не вышло. Таковъ видно законъ, что слабый гибнетъ»...

Съ поразительной ясностью вдругъ онъ увидалъ, какъ со всѣхъ сторонъ обступили ихъ высокія волны. Все выше и выше. Онѣ, наконецъ, сомкнулись и поглотили ихъ.

«Миръ павшимъ!»—прошепталъ благоговѣйно Чуйковъ.

И странно—онъ почувствовалъ, какъ съ плечъ его свалилась тяжесть.

Толпа сильнѣе сжала его и понесла. Онъ хотѣлъ пробраться въ конецъ улицы, къ парламенту, но вся площадь была заполнена народомъ и войсками. Какъ расплавленная сталь, сверкали на солнце штыки и пики, и часто молніями вспыхивали шашки у конныхъ жандармовъ, осаживающихъ публику.

Онъ остановился позади солдатъ, развернувшихся синими шпалерами вдоль панелей, и наблюдалъ проѣздъ депутатовъ. Медленно склонились красныя бархатныя знамена съ золотой бахромой и полумѣсяцемъ, когда изъ глубины рокочущаго Стамбула показался первый экипажъ съ депутатами и за нимъ—другой, третій.

Выдѣлялся маленькій худощавый арабъ съ тонкимъ обугленнымъ лицомъ и огненными глазами, въ которыхъ, казалось, отразились знойные пески Аравіи. Онъ сидѣлъ гордо и спокойно, какъ сфинксъ, не обращая вниманія на царскія почести, какъ подобаетъ представителю 22-милліоннаго храбраго племени. Бѣлый тонкій плащъ небрежными складками лежалъ на его плечахъ и груди, а съ головы спускался дорогой платокъ изъ голубого шелка въ черныхъ полосахъ съ шелковыми кистями на золотыхъ нитяхъ.

Потомъ Чуйковъ видѣлъ проѣздъ шейхъ-уль-ислама, пословъ, гарема, окруженнаго евнухами и, наконецъ, падишаха.

— Падишагимъ чокъ-яша—многая лѣта падишаху!

Что-то сверкнуло и исчезло. Будто въ золотомъ вихрѣ промелькнулъ султанъ вмѣстѣ съ блестящимъ эскортомъ и свитой...

А вечеромъ Чуйковъ гулялъ на Перѣ. На темномъ фонѣ домовъ ярко рдѣли красные и круглые лампіоны въ перемежку съ молочно-бѣлыми и синими, эффектно группируясь въ щиты,

вензеля и полумѣсяцы и пылали размашистыя огненныя надписи по турецки—правосудіе, равенство. Низко надъ землей свѣшивались длинные флаги. На террасахъ и балконахъ жгли красные бенгальскіе огни, и они осыпались на головы прохожихъ. Часто, съ шипѣніемъ, золотой струей перебрасывалась съ террасы на террасу черезъ улицу ракета. На каждомъ углу продавали съ лотковъ и телѣжекъ фейерверки, и публика, толкаясь, живо разбирала ихъ, особенно сѣрыя палочки, горѣвшія, какъ солнце.

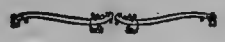
Узкая, но длинная Пера не вмѣщала всей публики, и многіе спасались отъ давки по кафе и пивнымъ. Съ трудомъ въ темнотѣ пробивались манифестанты съ музыкой, факелами и знаменами. Музыка играла матчишъ, а впереди, посреди мостовой, вызывая смѣхъ и шутки, плясалъ, заложивъ руки по карманамъ, хаммалъ въ помятой фескѣ безъ кисточки.

Чуйковъ зашелъ въ ближайшую пивную. Она была переполнена. Публика—турки, греки сидѣли плечомъ къ плечу, и лица у всѣхъ были красны и потны. Пили пиво, кофе, коньякъ, закусывая сыромъ и сушеной рыбкой. Гарсоны въ бѣлыхъ передникахъ метались, какъ угорѣлые, расплескивая пѣнистое пиво. На эстрадѣ игралъ небольшой греческій оркестръ, и одинъ грекъ—полный, бритый, самодовольный, пѣлъ про любовь, покрывая своимъ сладкимъ баритономъ голоса, стукъ ножей и вилокъ, смѣхъ и гортанный говоръ.

Публика прибывала. Многіе, входя, поздравляли другъ друга и обнимались. У всѣхъ почти сидѣвшихъ за столиками въ рукахъ были сѣрыя палочки, и они жгли ихъ разомъ, какъ бы по сигналу. И казалось, что въ туманную атмосферу, насыщенную запахами табака, кофе и алкоголя, брошены десятки маленькихъ солнцъ.

Чуйковъ спросилъ пива и тоже купилъ у мальчика коробку съ сѣрыми палочками. Прихлебывая пиво, онъ жегъ ихъ беззаботно одну за другой, любуясь ихъ блескомъ, и слѣдя, какъ сгорая онѣ накаляются докрасна и извиваются, какъ змѣйки...

Карменъ.



* * *

Какъ хорошо на полпути къ Джонхоту,
Въ горячій день, на горномъ перевалѣ
Свернуть съ тропы, протоптанной конями,
И цѣлиной, цѣпляясь въ жаркихъ травахъ,
Уйти одной къ высокому обрыву.
Еще скрипитъ арба за поворотомъ,
Гремитъ ведро и на подъемѣ трудномъ
Бодритъ коней гортанный окрикъ грека,—
Но съ каждымъ шагомъ дальше и слабѣе...
И снова зной,—и снова сонный шорохъ
Сожженныхъ травъ у ногъ моихъ, а выше—
Пѣвучій гулъ высокихъ старыхъ сосенъ
Подъ вѣтромъ съ горъ душистымъ и горячимъ,
А тамъ внизу,—въ обрывѣ,—дышетъ море...
Держусь съ трудомъ за цѣпкій можжевельникъ
И, наклонясь надъ бездной голубою,
Я жадно пью, пьянѣя, воздухъ влажный
И вдаль смотрю на свѣтлыя дороги,
Слѣпящій слѣдъ отъ кораблей чудесныхъ...
Мечта моя! Не нашъ ли это путь?...

Ада Чумаченко.

МИСТИКА И ЕЯ ЗНАЧЕНІЕ ВЪ РЕЛИГІОЗНОСТИ СРЕДНЕВѢКОВЬЯ.

Можно ли изучать мистику, съ пониманіемъ говорить о «благахъ, ихъ же око не видѣ и ухо не слыша, и на сердце человѣку не взыдоша»? Вѣдь сами мистики утверждаютъ невыразимость, «несказанность» своихъ переживаній, хотя и пытаются ихъ описывать и дѣлать понятными другимъ. Еще сравнительно легко ограничить область мистики, какъ воспріятіе того, что лежитъ за предѣлами обыденнаго, позитивнаго нашего опыта и что доступно лишь внутреннему оку, озаренному мерцаніемъ божественнаго свѣта. Но качественныя особенности мистическаго переживанія, переведенныя на нашъ позитивный языкъ, кажутся совершенно непонятными. Тѣмъ не менѣе это не такъ.—Человѣческая психика такъ гибка, такъ богата скрытыми возможностями, что ей доступно переживаемое другими. Вчитываясь въ слова мистиковъ, мы понимаемъ раствореніе души въ Богѣ, исчезновеніе ея въ несказанномъ, сопереживаемъ, какъ погружается она въ абсолютное бытіе, подобно тому, «какъ капля воды погружается въ море, какъ лучъ солнца утопаетъ въ общей массѣ свѣта». Намъ понятно затиханіе, замираніе жизни въ мистическомъ экстазѣ. «Колесо еще продолжаетъ вращаться, хотя данный ему толчекъ уже прекратился». Такъ и душа, сосредочившись въ себѣ, уйдя въ себя или взлетѣвъ къ источнику свѣта, еще сознаетъ себя какъ бы по инерціи, уже готовой погрузиться въ вѣчный блаженный покой. И, теряя сознаніе себя, она все живѣе ощущаетъ въ себѣ «тихаго Бога, утишающаго все», пріобщается мірамъ инымъ, сознаетъ единство міра. Душа, тщетно искавшая въ мірѣ Бога и горестно воскли-

павшая: «Его здѣсь нѣтъ! Его нѣтъ!», въ мистическомъ экстазѣ, ликуя, утверждаетъ: «Онъ здѣсь!» Она испытываетъ упоеніе восторга и пылъ любви, мучительное наслажденіе, безмѣрное блаженство.

Несомнѣнно, эмоціональная сторона мистическаго акта, какъ и объекты его, видоизмѣняется въ зависимости отъ эпохи, культурной среды, традиціи и индивидуальности. Но существо его уловимо, какъ тожественное, вездѣ, во всѣхъ извѣстныхъ намъ случаяхъ. Мы, люди простые и сомнѣвающіеся, не сознаемъ абсолютной истинности содержанія мистическаго акта; мерцаніе божественнаго свѣта кажется намъ объектированнымъ состояніемъ психики, а мистикъ—легковѣрнымъ искателемъ, повѣрившимъ въ свои иллюзіи. Но, несмотря на это, мы понимаемъ, что мистическій актъ *можетъ* для мистика быть—или казаться—чистымъ источникомъ абсолютнаго знанія.

Умудренные классическими описаніями мистическаго акта, мы находимъ его признаки тамъ, гдѣ авторъ объ этомъ не заявляетъ. Если въ своемъ «Уставѣ» св. Францискъ начинаетъ, обращаясь къ Богу, осыпать Его въ безпорядкѣ эпитетами «сладчайшій», «тихій», «возлюбленный» и т. д., безъ нужды повторять ихъ и выражать свое религіозное настроеніе, въ ничего, казалось бы, не означающихъ словахъ, мы улавливаемъ за безсвязною рѣчью святого начатки мистическаго подъема, чувствуемъ слезы и радостное біеніе близкаго экстаза. Не надо даже перечитывать молитвы святого, чтобы натолкнуться на мистическое. Мистическіе моменты распространены болѣе, чѣмъ кажется съ перваго взгляда, хотя распространенность ихъ должна уже слѣдовать изъ самаго факта ихъ «понятности». Молитвенное настроеніе—ничто иное, какъ слабая степень мистическаго экстаза. Страхъ передъ чѣмъ-то неяснымъ и невѣдомымъ, охватывающій насъ въ ночной тьмѣ—тоже ощущеніе потусторонняго, хотя и сопровождающееся нѣкоторыми специфическими эмоціями. Мистична вѣра въ магическую силу отдѣльныхъ объектовъ, въ таинственную исцѣляющую мощь реликвіи или въ дурной глазъ. Мистика матеріализуется, конкретизируется, связывается съ предметами внѣшняго міра: отсюда космическій символизмъ вѣщихъ сновъ вырождается въ вульгарную мистику. И обратно—вульгарная мистика можетъ развиться въ чистую. Мистическіе экстазы величайшихъ мистиковъ и вульгарнѣйшіе моменты самой вульгарной мистики—только два полюса безконечно богатаго міра мистическихъ ощущеній, а самый этотъ міръ—трудно выдѣлимая составная часть религіозности вообще.

Мистика мыслима внѣ связи съ историческою церковью. Въ ней есть моменты, освобождающіе отъ узъ церкви. Нужна ли познающему абсолютную истину мистику традиція, нуженъ ли ему внѣшній спасающій институтъ, каковымъ является церковь, когда онъ самъ спасается въ общеніи съ Божествомъ? Но мистика средневѣковая живетъ внутри религіозности эпохи, прихотливо переплетаясь и спаиваясь съ другими ея элементами въ органическое, нераздѣлимое цѣлое. Центръ средневѣковой религіозности лежитъ въ церкви; изъ церкви вытекаютъ наиболѣе крупныя религіозныя движенія среднихъ вѣковъ. Одной изъ отличительнѣйшихъ чертъ XII—XIII вѣковъ является исканіе истинной церкви, въ видѣ ли стремленія къ реформѣ католической церкви, въ видѣ ли попытокъ создать свою. Какую же роль въ этомъ великомъ процессѣ играла мистика, повидимому располагающая къ обособленію отъ церкви, но въ тоже время съ нею связанная?

Значительною своею частью, если не большею, вульгарная мистика была связана съ церковью и ея культомъ. Въ случаяхъ стихійныхъ бѣдствій—засухи или града—міряне прибѣгали къ магической помощи служителей алтаря; устраивались торжественныя процессіи, «стоянія», «метанія», выносили отгоняющіе грозовую тучу святые дары, кропили святою водою поля, звонили въ колокола, «разбивающіе молніи». Служили особыя мессы для предотвращенія тѣхъ или иныхъ несчастій; молитва, вмѣстѣ съ приношеніемъ святыхъ даровъ, разрывала тяжелыя оковы далекихъ плѣнниковъ. Томящаяся въ мукахъ роженица ждала облегченія отъ молитвы священника. Бѣса болѣзни изгоняли ваннами изъ святой воды. Сакраментальныя молитвы и заклинанія священниковъ примѣнялись во всѣхъ случаяхъ жизни. Вѣрили, что святой человѣкъ обладаетъ какою-то особенною силою, ниспосылаемою Богомъ, силою почти равняющею его со священникомъ. Прикосновеніе къ тѣлу, къ одеждѣ святого, къ его могилѣ или мощамъ обладало чудодѣйственнымъ вліяніемъ, точно духовная, нематеріальная сила внѣдрялась въ матеріальные объекты, точно ее можно было брать руками, дѣлить и уносить съ собою. Тѣло Христово—гостію—міряне бережно несли домой, хранили его и съ его помощью оборонялись отъ безчисленныхъ демоновъ. Весь культъ, со всѣми его молитвами и обрядами, былъ насквозь проникнутъ мистическими моментами, и вездѣ—въ храмѣ или внѣ его—человѣкъ соприкасался мірамъ инымъ, получалъ помощь отъ нихъ или защищался отъ бѣсовъ, «силъ воздушныхъ»—potestates aereae.

Даже морально очищающая дѣятельность церкви завершалась мистическимъ по характеру своему актомъ отпущенія грѣховъ священникомъ, таинственно дѣйствующей черезъ него и только черезъ него очищающей и освящающей силой Бога.

Болѣе чистая, болѣе духовная мистика расцвѣтала въ тиши монастырей и «пустынь». Уже Бенедиктъ Нурсійскій предписывалъ своимъ ученикамъ молчаніе и говорилъ о молитвѣ, какъ о вдохновленіи божественной благодатью. Покой и безмолвіе—вѣчные монашескіе идеалы. Созерцаніе—contemplatio—издавна становится въ ряду добродѣтелей воина божьяго. И сосредоточеніе души въ самой себѣ, вмѣстѣ съ постояннымъ размышленіемъ о Богѣ и о религіозной судьбѣ человѣчества, приводило къ эсхатологіи, взращивало мистику. Напряженно вглядывались монахи въ образы страдающаго Христа и Богоматери или вслушивались въ приближающійся летъ «саранчи невѣдомаго вида, подобной конямъ, вооруженнымъ къ бою, съ головою, покрытой шеломомъ, съ хвостомъ, заостреннымъ въ жало скорпіона. Шумъ крыліи ея подобенъ голосу водъ, зубы — зубамъ льва... Она несетъ ангела пропасти». Близится Страшный Судъ; пѣвень уже пропѣлъ два раза, и въ церкви статуя Св. Дѣвы закрыла свое лицо покрываломъ, потрясенная видомъ наступающей гибели человѣчества.

Въ XII-мъ вѣкѣ въ еремиторіяхъ и монастыряхъ, особенно въ цистерціанскихъ, пышно расцвѣли мистическія настроенія, и благоуханіе ихъ распространилось далеко за предѣлы монастырей. Современница Бернарда Клервосскаго, Гильдегарда (род. въ 1104 г.) проводила свою жизнь въ постоянныхъ экстазахъ. Елизавета изъ Шенау, укрывшееся въ монастырѣ дитя бѣдныхъ родителей—экстатичка. Она тоскуетъ и мучается, стремясь къ «свѣтлой звѣздѣ моря», Маріи—и вдругъ ея муки смѣняются покоемъ и несказаннымъ наслажденіемъ. Все внутри ея озаряется какимъ-то неземнымъ свѣтомъ, и ликуя, она восклицаетъ: «Благословенна Ты, царица состраданія, сладость жизни и надежда наша, благословенна Ты! Къ Тебѣ взываемъ мы, грѣшныя дщери Евы. О Тебѣ тоскуемъ со вздохами и плачемъ въ этой долинѣ слезъ. Обратись къ намъ, поддержка наша, обрати къ намъ полный состраданія взоръ свой, покажи намъ Іисуса, благословенный плодъ чрева твоего, о кроткая, о благая, о сладостная Марія!» «Не знаю, что со мною,—умирая говоритъ Елизавета, — свѣтъ, который я всегда вижу на небѣ, раздѣляется». И все это—не отдѣльныя явленія.

Прирейнскія страны—колыбель мистики. Нидерланды въ

XIII в. охвачены мистическимъ настроеніемъ, и многочисленны въ нихъ «толпы святыхъ дѣвъ». «Иныя, принимая тотъ хлѣбъ, что нисходитъ съ неба, воспринимали не только питаніе въ сердцѣ своемъ, но и въ устахъ утѣшеніе, сладчайшее меда и сотовъ... Иныя же съ такою тоскою стремились къ благоуханію великаго таинства, что не могли обойтись безъ него, не имѣя утѣшенія и покоя, но страдая и болѣзнуя, когда не питались часто сладостью этой душевной пищи. Многія изъ нихъ молчали по цѣлымъ днямъ и теряли сознаніе внѣшняго міра. Имъ казалось, что душа ихъ находится въ тѣлѣ, какъ въ пустомъ сосудѣ, и изнемогали онѣ въ жаждѣ жгучихъ ласкъ Небеснаго Жениха».

Какъ видно изъ приведенныхъ фактовъ, мистическое движеніе XII—XIII вѣковъ въ значительной степени развивается на почвѣ культа и традиціонной религіозности. Но въ немъ легко усмотрѣть моменты, ведущіе прочь отъ нея и обѣдняющіе культъ. Всю свою надежду мистикъ возлагаетъ на Бога. «Общайся со Христомъ,—говоритъ Гильдегарда,—у Него ищи всяческаго блага, Ему открывай всѣ дѣла твои, и Онъ даруетъ тебѣ спасеніе». Но если этого достаточно, зачѣмъ тогда нуженъ культъ, для чего таинство причащенія или даже таинство исповѣди? Вполнѣ послѣдовательно св. Метхильда, «душа которой наслаждалась созерцаніемъ божественныхъ тайнъ и утопала въ Божествѣ, какъ рыба въ водѣ», вѣрила, что она такъ же соединена съ Богомъ, какъ святые на небѣ. Она не нуждалась въ замаливаніи своихъ грѣховъ и въ добрыхъ дѣлахъ. Огонь мистическаго экстаза охватилъ ее. Пепелъ спалъ, и предстала она предъ Женихомъ чистою и сіяющей, какъ вышедшее изъ огня золото. Самъ Христосъ исполнилъ за нее добрыя дѣла. Поэтому Метхильда готова была умереть и безъ исповѣди: нужно ли каяться святой, нужно-ли чистить сіяющее золото? «Совершеннолѣтнія невѣсты Христовы хотятъ прямо, безъ посредниковъ, идти къ любви своей», погрузиться въ вѣчный кладезь Божества, откуда истекли онѣ, а вмѣстѣ съ ними и всѣ вещи».

Высочайшія ступени мистики соединяются съ философскимъ творчествомъ, идя рядомъ со схоластикой и неразрывно переплетаясь и сливаясь съ нею, потому что нѣтъ противорѣчія между схоластикой и мистикой, и самъ «раціоналистъ» Абеляръ говорилъ о непостигаемости Бога разумомъ. Въ средѣ самой схоластики никогда не умирало своеобразное и мистическое новоплатоновское теченіе. Діонисій Ареопагитъ и «удивительнымъ образомъ прояснившій темнѣйшія ученія Діонисія» Максимъ Исповѣдникъ считались на Западѣ величайшими авторитетами.

Ихъ мысли повторялъ и претворялъ своимъ философскимъ геніемъ величайшій ученый каролингскаго Ренессанса, Іоаннъ Скотъ Эригена, а въ XII вѣкѣ знали и читали сочиненія Эригены. Въ XII вѣкѣ городъ многимъ казался темницей; философы часто «обрѣтали рай въ пустынѣ и жили тамъ трудомъ рукъ своихъ или питали умъ свой сладостью созерцательной жизни, пили устами сердца своего отъ источника жизни». Знаменитый учитель философіи Гильомъ изъ Шампо покинулъ шумный Парижъ и удалился въ окруженную темнымъ лѣсомъ, расположенную на лѣвомъ берегу Сены «Старую келью», видѣвшую много святыхъ анахоретовъ. И здѣсь, около капеллы св. Виктора, вокругъ Гильома образовалась цѣлая мистическая школа, «Факелъ Господень, поставленный на подсвѣчникѣ... Отъ началъ своихъ украшена она учителями парижскими, блиставшими въ ней, какъ сіяющія звѣзды и драгоцѣнные камни». Самъ Гильомъ, Гюгъ—«второй Августинъ», Ришаръ и Вальтеръ послѣдовательно руководили этою школой. Къ нимъ близокъ менѣе ученый, но болѣе глубокій и страстный въ своихъ мистическихъ порывахъ Бернардъ Клервосскій. Они стремятся познать Бога въ отношеніи Его къ человѣку, и исходный пунктъ ихъ философскихъ стремленій и мистическаго умозрѣнія—не столько интеллектуально-богословскій, сколько религіозно-антропологическій, хотя и первый, сливаясь со вторымъ и наростая на немъ, играетъ видную роль, часто руководя новыми схоластами-мистиками. Человѣческій разумъ—утверждаютъ они,—безсиленъ понять Бога; познаніе путемъ чувства и разсудка создаетъ только мнѣніе (opinio), несовершенное, медленно ведущее къ Богу и все же не доводящее до Него знаніе. Достовѣрное и относительно полное знаніе достижимо только въ умозрѣніи, въ спекуляціи, въ мистическомъ экстазѣ. Лжепроповѣдники и псевдо-философы тщетно пытались построить ковчегъ мудрости. «Начали философы рубить деревья, обтесывать ихъ и созидать свои ковчеги мудрости. Но что вышло изъ этого? Гдѣ секты академиковъ, стоиковъ, перипатетиковъ? Всѣ онѣ погибли, и ученія мудрыхъ мужей не пережили своихъ авторовъ. Такъ отвергается чрезмѣрное довѣріе къ слабому человѣческому уму и утверждается тѣмъ самымъ новый методъ познанія, единственный, прямо ведущій къ истинѣ. Три глаза у человѣка: плотскій, умственный и созерцательный. Первый открытъ, второй мутенъ, третій закрытъ и слѣпъ. А между тѣмъ его нужно открыть и сдѣлать зрячимъ, потому что только онъ познаетъ Бога, непонятнаго для человѣка, невыразимую безконечную сущность.

Правда, полное познаніе, по словамъ самихъ мистиковъ, недостижимо даже путемъ умозрѣнія. Вѣдь сами ангелы постигаютъ Бога лишь въ образахъ; цѣликомъ онъ не доступенъ никакому духу. Поэтому и слѣдуетъ называть познаніе Бога теофаніей, ибо не всецѣло по существу познается Онъ, а только въ своемъ явленіи. Но мистикъ хочетъ полнаго знанія и не можетъ удовлетвориться его суррогатомъ. Поэтому самъ же утверждавшій непостижимость Божества Гюгъ говоритъ: «Ничто не можетъ насъ удовлетворить, кромѣ Его самого, и мы ничѣмъ не замѣнимъ Его, если не познаемъ Его совершенно и не проникнемъ въ Его глубины». И увѣренность въ возможности полнаго познанія сосуществуетъ съ теоретическимъ признаніемъ его невозможности и проникаетъ описанія мистическаго воспріятія. «Размышляя, сердце подобно зеленому дереву, воспламеняемому искрой любви къ Богу. Сначала является темное облако преодолѣвающихъ страстей и пагубныхъ похотствованій; но когда огонь любви возобладаетъ надъ ними, дымъ исчезаетъ и появляется ясный, блестящій свѣтъ. Мало по малу огонь охватываетъ весь древесный стволъ, сжигая и превращая въ другой видъ все нечистое. И наступаетъ въ душѣ человѣка міръ и сладостный покой». Огонь мистической любви къ Божеству приводитъ въ состояніе «восхищенія» и познанія. Недоумѣніе передъ невѣдомымъ ощущеніемъ смѣняется увѣренностью въ присутствіи Бога. Душа человѣка бесѣдуетъ съ человѣкомъ. — «Скажи мнѣ, что это такое я чувствую по временамъ? Иногда я ощущаю въ себѣ нѣчто столь сладостное и пріятное, что оно приводитъ меня въ блаженное восхищеніе. Иногда я забываю все и не знаю, куда стремлюсь. Я какъ будто обновляюсь и преображаюсь. Мнѣ такъ хорошо, что я не могу найти словъ для выраженія своего состоянія: сознаніе чище, скорбь проходитъ, сердце дышетъ легко, разумъ яснѣетъ, духъ озаряется, чувство блаженствуетъ и отъ блаженства замираетъ. Я ничего не замѣчаю, не знаю, гдѣ я, и внутренно обнимаю что-то руками любви, и не знаю, что именно, и стараюсь удержать это при себѣ и не отпустить. Мой духъ чувствуетъ себя въ сладостномъ круговращеніи, охватываетъ что-то, чтобы отъ этого не уклоняться, чтобы всегда твердо удерживать это при себѣ, какъ будто въ немъ предѣлъ моихъ желаній. И духъ мой тогда вздыхаетъ невыразимо, не стремится ни къ чему, ничего не домогается, желаетъ всегда оставаться въ такомъ состояніи. Не возлюбленный ли мой приходитъ ко мнѣ?» И человѣкъ отвѣчаетъ своей душѣ: «Да, это твой Возлюбленный, но Онъ идетъ тайно,

невидимо и непостижимо. Онъ идетъ, чтобы прикоснуться къ тебѣ, но не для того, чтобы ты могла Его увидѣть».

Вотъ она, жажда поцѣлуя Господня, наичувственнѣйшая и и наичистѣйшая въ одно и то же время! Не даромъ изнурившій свою плоть Бернардъ изображалъ свой экстазъ словами Пѣсни Пѣсней. Давно-давно собралъ онъ вѣнокъ изъ мирры и положилъ его на сердце свое. Онъ собралъ этотъ вѣнокъ изъ всѣхъ скорбей и страданій Господа своего, изъ страданій младенца, изъ трудовъ и печалей зрѣлой жизни Его, изъ бдѣній молитвенныхъ и искушеній въ пустынѣ и слезъ состраданія, изъ оскорбленій, плевковъ, оплеухъ, насмѣшекъ и гвоздей, терзавшихъ тѣло. И жегъ этотъ вѣнокъ сердце святого аббата, какъ будто былъ онъ изъ раскаленнаго металла, и было имя Іисусъ медомъ для устъ его, дивнымъ напѣвомъ для уха, ликованіемъ для сердца. Великую и сладостную рану получило болѣзненно чувствительное сердце и съ тѣхъ поръ дышало только Христомъ и для Христа, постепенно возвышаясь отъ любви къ Богу-человѣку до мистической любви къ безконечному Божеству. Напоенная этою мистической любовью душа пѣла Пѣсню Пѣсней, палящими словами Соломона и Суламиеи выражая свою сверхъестественную страсть. «Пѣніе это—«не дрожаніе устъ, а гимнъ сердца, не трепетъ губъ, а вихрь радости. Его не слышатъ извнѣ... Его слышитъ только та, что поетъ, и Тотъ, кому она поетъ, супруга и супругъ. Это брачная пѣснь. Она выражаетъ цѣломудренныя и сладостныя объятія душъ».

Мистическая любовь возноситъ душу къ Слову. «Что желаннѣе любви, приближающей душу къ Слову, соединенія, въ которомъ два духа становится однимъ?»—Забыто безмѣрное неравенство супруга и супруги. У супруга есть право на честь, но онъ хочетъ быть не чтимымъ, а любимымъ. Великое дѣло любовь: «я люблю потому, что люблю, я люблю, чтобы любить». Въ любви супруги—вся радость супруга. Конечно, въ бракѣ души съ Богомъ, супругъ—гигантъ, солнце. Но любовь даетъ супругѣ право въ страстномъ трепетѣ самозабвенія приникать на любимое и любящее лоно. И, несмотря на неравенство, все становится общимъ между душою и Словомъ: «одинъ домъ, одинъ столъ, одно ложе». Отъ суеты грѣшной жизни ушла душа въ жилище супруга, и то отдается Ему, то покоитъ предъ взоромъ возлюбленнаго. «Возлюбленный мой принадлежитъ мнѣ, и я—ему». Какая дерзость! Или она безмѣрно славится или любитъ безмѣрно». — Она любитъ, и любовь даетъ ей право на дерзость. Въ опьяненіи блаженства душа

сожигается однимъ только желаніемъ.—«Да лобзаетъ онъ меня лобзаніемъ устъ своихъ!—Узнаемъ супругу: она не проситъ ни свободы, ни богатства, ни знанія, она требуетъ лобзанія». Глядя на супруга, мирно засыпаетъ она, но—чуткій сонъ!—временами озаряется она познаніемъ Божества, какъ бы пробуждается на мгновенье, чтобы посмотрѣть на супруга и снова заснуть на лонѣ его... Увы, «рѣдкій и быстротечный часъ»! Время разстаться, время душѣ возвратиться въ покинутое тѣло. Она жаждетъ, чтобы тѣло ея превратилось въ прахъ, лишь бы не покидать супруга. Но онъ говоритъ: «Возвратись!», потому что должна душа исполнить возложенную на нее миссію и излить избыточествующую любовь свою на ближнихъ. Тоскуя и стеная, жалуется душа: «Возвратись, возвратись»! Она знаетъ только одно: это вѣчное возвратись.—«Еще немного и ты увидишь меня».—«О время, какъ медлительно ты! Сладчайшій Іисусе, Ты называешь это немного. Я уважаю Господина моего, но для меня длинно время, да очень длинно, слишкомъ длинно!» И въ то же время душа чувствуетъ, «какъ грудь ея наполняется, сосцы наливаются токомъ состраданія. Только надави ихъ, и дивное молоко побѣжитъ въ изобиліи». Она сама сознаетъ правоту велѣній супруга. «Сладость слова держитъ меня, а нужды ближняго зовутъ». Дороги ей дѣти, но лобзанія супруга сладостнѣе. И все же, предолѣвая жажду ихъ и повинуясь возгласу Слова: «Возстань!», она возвращается на землю, гдѣ живутъ не для себя, а для всѣхъ. Святая въ краткій часъ общенія со Словомъ, вновь подвержена она грѣху въ пучинѣ грѣха; блаженная, вновь подвержена страданьямъ, потому что кончился «рѣдкій и быстротечный часъ». Rara hora et parva mora!

Не случайно аскетъ Бернардъ обращается къ толкованію Пѣсни пѣсней, смѣшиваетъ мистику съ утонченнымъ эротизмомъ. Это органическая опасность мистики; на грани ея стоятъ и другіе экстатики или философы, строящіе системы на мистическомъ опытѣ. Эротизмъ еще болѣе, можетъ быть, присущъ мистикамъ-женщинамъ, вздыхающимъ о Небесномъ Женихѣ и стремящимся въ чертогъ Его. Эротизмъ сливается съ мистикой и въ культѣ Дѣвы. Не углубляясь здѣсь въ психологическое объясненіе этого факта, я ограничусь указаніемъ на его ересеобразующіяся послѣдствія и на значеніе его для христіанской морали. Мнѣ достаточно лишь намекнуть на естественный уклонъ всякаго мистика къ пантеизму, поскольку экстазъ не является для него только методомъ познанія и провѣрки традиціи. Надо, однако, не

упускать изъ виду, что ересеобразующіе моменты обладаютъ особенной силой именно въ мистикѣ, благодаря другимъ ея особенностямъ.

Мистическое умозрѣніе не только обѣщаетъ знаніе: оно его даетъ. И если мистики теоретически ограничиваютъ возможность полнаго познанія Божества, если даже практически они чувствуютъ что-то невѣдомое, непонятное въ самомъ объектѣ ихъ мистическаго воспріятія, они все же увѣрены, что въ мистическомъ актѣ человѣкъ познаетъ болѣе всего, и чувствуютъ реальное богатство своего познанія. Правда, въ значительной степени мистика является методомъ пониманія и истолкованія традиціи. Волей или неволей, сознательно или безсознательно, но большинство мистиковъ хотятъ итти по этому пути—и, конечно, это единственный путь, примиримый съ догматическимъ ученіемъ церкви. Но вѣдь самое истолкованіе традиціи является уже нѣкоторымъ ея измѣненіемъ; оно подставляетъ на мѣсто стараго неосмысленнаго или мало осмысленнаго ея пониманія новое и, слѣдовательно, противопоставляетъ догмѣ ересь. Но вѣдь мистическій актъ даетъ знаніе, иллюзорное или нѣтъ—въ данной связи не важно. А въ такомъ случаѣ нужна ли традиція? Нужно ли опредѣлять направленіе мистическаго акта на путь истолкованія традиціи, нѣтъ ли чего-то внѣшняго, какой-то непослѣдовательности и одновременнаго признанія разноцѣнности двухъ принципіально различныхъ и для мистика совершенно неравноцѣнныхъ путей познанія? Философское убѣжденіе приводило схоластиковъ къ отрицанію традиціоннаго пониманія догмы и къ вѣрѣ въ возможность достигнуть истины только разумомъ. Насколько сильнѣе мистикъ, почувствовавшій всю убѣдительность своихъ откровеній! Если мистикъ почему либо хочетъ сохранить традицію, онъ истолкуетъ ее, но истолкуетъ такъ, что внутренно порветъ съ нею и будетъ беречь только ея шелуху. Если мистикъ не чувствуетъ себя связаннымъ съ традиціей, его не будетъ мучить противорѣчіе съ нею: онъ пойдетъ собственною своею дорогой. Вотъ почему мистика скрываетъ въ себѣ губительный для ортодоксальной догмы ядъ, какъ бы ни былъ ортодоксаленъ мистикъ. Пускай св. Бернардъ утверждаетъ свою святость и возможность непосредственнаго познанія Божества только въ быстротечный часъ экстаза, смиренно подчиняясь въ остальное время ученію церкви и отъ нея ожидая исцѣленія своей грѣховности. Развѣ принципіально невозможно длительное, постоянное состояніе экстаза? И не уловка ли ортодоксальной совѣсти, не желаніе ли соединить несоединяемое: мистическое познаніе и традицію—самое указаніе на быстротечность «восхищенія»?

Но въ мистикѣ есть и другая опасность. Мистикъ въ моментъ экстаза чувствуетъ себя святымъ. Онъ не нуждается въ эти минуты въ чьей-либо помощи, даже въ содѣйствіи и молитвахъ церкви, потому что самъ Богъ освящаетъ его. Ему не нужно исповѣди, какъ св. Метхильдѣ, потому что и безъ исповѣди онъ святъ, и самъ Богъ совершилъ за него всѣ добрыя дѣла. Ему не нужно таинства причащенія: онъ вкушаетъ духовное тѣло Господа устами своей души. Наконецъ, не нужно мистику всего культа церкви, въ которомъ живетъ вульгарная мистика: онъ поднялся надъ нею и пьетъ воду спасенія у самаго ея истока. Слѣдовательно, онъ можетъ обойтись и безъ церкви, сдѣлаться сыномъ Божіимъ безъ посредства кого бы то ни было. Даже если онъ будетъ держаться за церковь, она обѣднѣетъ для него, потеряетъ свою притягательную силу: внѣшне сынъ церкви, онъ внутренно будетъ только сыномъ Бога. Мистика открываетъ широкую дорогу для индивидуальныхъ пониманій догмы, разрушаетъ ея единство, скованное традиціей; всѣхъ погружая въ Божество, она низвергаетъ идеи народа Божьяго и церкви вселенской. Увлекая человѣка неизвѣданною сладостью переживаній и сіяніемъ абсолютной истины, она переноситъ центръ тяжести на личное отношеніе индивидуума къ Богу и отрываетъ его отъ сосцовъ кормилицы-церкви. По природѣ своей влекущая къ догматическому индивидуализму, къ пантеизму и преодолѣнію морали, мистика вмѣстѣ съ тѣмъ возноситъ человѣка надъ традиціей и освобождаетъ его отъ церкви. Въ этомъ ея опасность для церкви, замѣтная уже у разсмотрѣнныхъ нами ортодоксальныхъ мистиковъ. Она еще яснѣе въ іоакимизмѣ и въ сродныхъ съ нимъ движеніяхъ.

Іоакимъ делъ Фьоре (ум. 1201—1202 г.), калабрійскій аббатъ «de spirito profetico dotato», былъ охваченъ апокалиптическими образами и эсхатологическими чаяніями эпохи. Но мысль о концѣ міра въ умѣ этого мистика и врага погубившей обитателей Содома діалектики, отвергавшаго схоластику и въ тоже время неисправимаго схоластика, превратилась въ грандіозную идею религіозной исторіи человѣчества. Все свое упованіе и всю силу свою мистическаго умозрѣнія онъ устремилъ на познаніе грядущаго царства Духа Святого. Онъ понялъ свою задачу, какъ экзегетъ, улавливающій темный смыслъ словъ священнаго писанія. Отраженную уже культомъ и не разъ набросанную богословами религіозную исторію человѣчества онъ, мистикъ-схоластъ и изощренный экзегетъ, развилъ въ стройную систему. Троиченъ Богъ, и три эпохи въ жизни человѣчества, соотвѣтст-

вующія тремъ лицамъ Святой Троицы. Первая миновала, вторая оканчивается, третья наступитъ или уже наступаетъ. Въ царствѣ Отца, царствѣ закона, народъ Божій служилъ міру, господствовало рабство и не было духовной свободы. Тяжесть закона въ глубокомъ мракѣ ночи угнетала людей-рабовъ. Но наступила эпоха господства Сына—и мерцаніе царствія Божія смѣнилось зарей близкаго его наступленія. Рабы стали чадами, старики—юношами, мѣсто слѣпой власти закона заняло пониманіе людьми Отца и Сына. Но близится третье царство, время власти Святого Духа, когда люди сдѣлаются друзьями Божьими, юноши—дѣтьми, когда наступитъ свобода созерцанія и ликованія сердецъ и «тишина возлюбленныхъ Христовыхъ». Близокъ этотъ будущій покой, «суббота совершенная и непорочная». Это будетъ время любви, чуждое мертвой, оскудѣвшей вѣры, время обильнаго изліянія на вѣрующихъ благодати даровъ Духа Святаго, напоминающее минувшій вѣкъ апостольскій, время мира, невинности и полной радости. «И изыдутъ воды живыя изъ Іерусалима, половина ихъ къ морю восточному и половина къ морю новѣйшему. Въ день тотъ будетъ единый владыка и единое имя его, и будетъ единый царь надъ всею землею».

Іоакимъ—ортодоксъ, довѣрчиво представляющій свои сочиненія на судъ церкви и готовый отречься отъ всего, что она отвергаетъ и отвергнетъ. Но онъ—мистикъ, и мистическіе тона безъ труда улавливаются въ его восторженныхъ описаніяхъ Царства Духа. А какъ мистикъ, онъ ищетъ спасенія и удовлетворенія въ мистическомъ экстазѣ и холодно относится къ церкви, бичуя ея пороки и паденіе. Какъ бы желая примирить мистику съ ортодоксіей, онъ перебрасываетъ достиженіе своего мистическаго экстаза въ будущее и тѣмъ самымъ пытается спасти церковь для себя и для современности; она не даетъ полной истины, но для даннаго момента она необходимая и единственно возможная церковь Божія. Однако удается ли Іоакиму спасти церковь? Идея будущаго прогресса увлекаетъ взоръ къ будущему, заставляетъ отворачиваться отъ несравнимаго съ нимъ настоящаго. Стоитъ ли смотрѣть на блѣдную луну, когда черезъ нѣсколько часовъ взойдетъ сіяющее солнце? Вѣдь церковь подлежитъ уничтоженію, ея пониманіе Евангелія, ея Евангеліе недостаточно и условно, его должно замѣнить новое, настоящее, «Вѣчное Евангеліе», «потому что буквальное Евангеліе не вѣчно». И развѣ возможно не постараться узнать его теперь же? Тайновидецъ Іоакимъ его уже знаетъ, хотя можетъ быть и неполностью; онъ открываетъ его за буквою Священнаго

Писанія, воспринимаетъ его путемъ мистическаго озаренія. Іоакимъ въ духѣ своемъ видитъ уже наступающее новое царство, знаетъ даже, когда оно наступитъ. Можетъ ли онъ послѣ всего этого цѣликомъ принять церковь царства Сына и видѣть въ ней все, когда душа жаждетъ лучшаго и уже вкушаетъ его?

Перенесеніе мистическаго идеала въ близкое будущее (а въ далекое будущее его перенести было нельзя, потому что душа истомилась ожиданіемъ) не спасаетъ ортодоксію даже для самого Іоакима, вѣрнаго сына церкви. Историческая церковь для него обезцвѣтилась и обѣднѣла, почему онъ и можетъ рѣзко нападать на нее. Онъ жадно ждетъ ея смѣны новою, гадаетъ о часѣ ея гибели, и только могучая традиція и противорѣчивость человѣческой природы, мѣшающая послѣдовательному и полному развитію идеи, удерживаютъ въ ней калабрійскаго аскета. Ученики и послѣдователи Іоакима, «іоахимиты», среди которыхъ много было францисканцевъ-спиритуаловъ, пошли дальше своего пророка. Въ уничтоженномъ въ 1255 г. «Введеніи въ Вѣчное Евангеліе» доктрина Іоакима становится болѣе рѣзкой и дальше уходитъ отъ церкви.—«Въ царствѣ Духа должно быть отмѣнено все старое и начаться новое». «Новый Завѣтъ долженъ опустошиться такъ же, какъ опустошенъ Ветхій». «Евангеліе Христа никого не ведетъ ко спасенію». Истинной церкви еще не было: она появится въ 1260-мъ году. Когда увлеченые іоахимизмомъ спиритуалы обманулись въ своихъ надеждахъ на этотъ годъ, они стали назначать новые сроки смѣны плотской церкви духовною и вмѣсто умершаго Фридриха II считать антихристами другихъ королей. Они твердо вѣрили въ близость царства духовнаго, гдѣ «въ такомъ изобиліи разольется Духъ Святой, что будетъ видно Его, что можно будетъ Его ощупать руками». Такимъ образомъ современная церковь въ глазахъ спиритуаловъ потеряла свое значеніе, и все сильнѣе становятся нападки на нее, разжигаемыя преслѣдованіями, все ярче превознесеніе отдѣльныхъ лицъ, уже достигшихъ совершенной святости, какъ Францискъ, «ангелъ откровенія, лицо котораго свѣтло, какъ солнце». Такимъ, какъ онъ, предтечамъ царства Духа уже открыта была истина и полное пониманіе Евангелія. Спиритуалы идутъ еще дальше, утверждая, что нѣтъ въ церкви состоянія совершеннѣе состоянія спиритуала, подобнаго самому Христу. Такъ іоахимизмъ завершаетъ кругъ своего развитія, перенося мечту Іоакима изъ будущаго въ настоящее. Создается церковь святыхъ, готовая сбросить съ себя сгнившую шелуху исторической церкви и высоко поднять расцвѣтающую свою вершину въ чистомъ сіяніи царства Духа.

Мистика даетъ основы ея новой догмѣ... Но въ этотъ самый моментъ спиритуалы исчезаютъ изъ поля зрѣнія историка.

Свободнѣе, чѣмъ у Іоакима, мистическое умозрѣніе сочеталось съ философскимъ мышленіемъ у Амальриха Бенскаго, парижскаго профессора, находившагося подъ вліяніемъ новоплатонизма и, можетъ быть, сочиненій самого Эригены. Богъ—все, учили Амальрихъ и его послѣдователи, и все—Богъ. Какъ свѣтъ невидимъ самъ по себѣ, такъ и Богъ видимъ только въ Его твореніяхъ. Но Богъ—безконечное и неподвижное бытіе, а твореніе — нѣчто случайное, акциденція. Богъ—ихъ форма, понимаемая какъ нѣчто реальное. Онъ—разумъ, самъ себя осуществляющій во времени; изъ Него все истекаетъ, эманируетъ. Но Богъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, называется предѣломъ всего, «потому что все вернется въ Него и неизмѣнно успокоится въ Немъ, и все тогда пребудетъ, какъ единый неизмѣнный индивидуумъ». Въ мистическомъ актѣ человѣческій духъ проникается любовью къ Богу и, лишаясь самосознанія, изъ твари становится Богомъ. Тогда Богъ—душа познаетъ себя—Бога. Бога называютъ отцомъ—какъ Отецъ воплотился Онъ въ Авраамѣ; Сыномъ—какъ сынъ Онъ воплотился въ Дѣвѣ Маріи; Духомъ Святымъ—какъ Духъ ежедневно воплощается Онъ въ насъ. Такимъ образомъ каждый изъ насъ становится Христомъ, и можно сказать, что всѣ мы—«члены тѣла Христова». Но если это такъ, то нельзя выдѣлять амальриханъ, какъ истинныхъ богочеловѣковъ: пантеистическій характеръ ихъ мистики долженъ приводить къ обожествленію всего человѣческаго рода. Однако этого вывода изъ своего ученія они не дѣлаютъ, только приближаясь къ цѣлостному религіозному построенію міра. У амальриханъ не преодолѣно и еще одно противорѣчіе: они сохраняютъ, хотя и въ ослабленномъ видѣ, исконный дуализмъ матеріи и духа. Его только пытается побороть опирающійся на Аристотеля и его комментатора Александра Афродизійскаго Давидъ Динантскій. Давидъ подставляетъ на мѣсто «формы» Амальриха «первую матерію», отожествляемую имъ съ разумомъ (noûs) и Богомъ. Судьбы ученія Давида намъ неизвѣстны.

Разъ человѣкъ обожествляется, разъ онъ—часть тѣла Христова, онъ—безгрѣшенъ и святъ. Это можно понять двояко. Или обожествленный человѣкъ *неспособенъ* грѣшить, т. е. по самому существу своему можетъ совершать только добрыя и святыя дѣла, «потому что не можетъ быть грѣха въ высшихъ способностяхъ души»; или же, что, собственно, и вытекаетъ изъ пантеистическаго уклона амальриханъ, что онъ

ни совершалъ человѣкъ, его дѣйствія и мысли не могутъ быть разсматриваемы подъ угломъ зрѣнія относительной, человѣческой морали: «Богъ только благъ, а не справедливъ». И можетъ ли быть иначе, если Богъ во всемъ, даже въ зломъ человѣкѣ? Съ этой точки зрѣнія особенно ясна непослѣдовательность утвержденія амальриханъ, что только они—святые, только они—члены тѣла Христова, что только они не грѣшатъ, ибо не они, «а Богъ отнынѣ является виновникомъ ихъ дѣйствій». Непослѣдовательна и вѣра амальриханъ въ постепенное раскрытіе въ человѣчествѣ Бога, «глаголавшаго и въ Августинѣ, и въ Овидіи». Однако, всѣ эти непослѣдовательности, до извѣстной степени разрѣшенныя ортлибаріями и братьями свободнаго духа, легко объяснимы на почвѣ значенія для амальриханъ акта мистическаго познанія и помимо ихъ воли вліяющей на нихъ идей церкви и христіанской догмы. Не желая и не будучи въ состояніи совершенно отбросить традицію, они, какъ и Іоакимъ, пытаются понять ее эсотерически. Легче они порываютъ съ культомъ. Мистикамъ сравнительно легко считать «куренія ѳиміама въ церкви и призывы святыхъ идолопоклонствомъ». Не нужна имъ и евхаристія; «тѣло Господне такъ же находится въ гостіи, какъ и во всякомъ другомъ хлѣбѣ».

Мы видимъ, какъ амальрихане уходятъ отъ церкви все далѣе и далѣе, и какъ это отхожденіе вытекаетъ изъ природы ихъ ученія. Но рядомъ съ этимъ замѣтны и связи съ церковностью и церковью, объясняемыя ортодоксальными навыками мысли и чувства. Много непослѣдовательности въ ученикахъ Амальриха. Ея меньше у слѣдующихъ поколѣній: у ортлибаріевъ и братьевъ свободнаго духа. Несмотря на весь свой мистицизмъ и склонность къ символическому истолкованію традиціи, амальрихане смутно признавали какое-то различіе въ исторіи человѣчества трехъ царствъ, какую-то постепенность откровенія, что и подало поводъ къ постановкѣ вопроса о вліяніи на нихъ іоахимитовъ. Ортлибаріи толкуютъ троичность и Троицу болѣе свободно и духовно-антронологически, и имъ слѣдуютъ братья свободнаго духа.— «Отецъ—тотъ, кто вовлекаетъ кого-либо своею проповѣдью въ секту; Сынъ—тотъ, кого вовлекаютъ; Духъ Святой—содѣйствующій вовлеченію, укрѣпляющій вовлеченнаго, чтобы остался онъ въ сектѣ». Историческій Іисусъ естественно родился отъ Дѣвы Маріи, а потомъ былъ посвященъ и, сдѣлавшись ортлибаріемъ, изъ творенія сталъ Богомъ. Секта ортлибаріевъ существуетъ отъ самыхъ началъ человѣчества. Уже Адаму, первому человѣку, была открыта истина, а онъ передалъ ее другимъ ортлибаріямъ,

неизмѣнно, какъ Ноевъ Ковчегъ, пребывшимъ въ обладаніи его за все время существованія человѣчества. Такимъ образомъ отпадаетъ постепенность откровенія, сохраненный амальриханами моментъ движенія, и обладатели истины—мистики—дѣйствительно неизмѣнный Ноевъ Ковчегъ на бурныхъ волнахъ религіозной исторіи человѣчества, истинная церковь святыхъ, многоликое Божество. Эта идея обожествленія человѣка достигаетъ послѣдняго своего развитія у братьевъ свободнаго духа, которые, не нуждаясь въ «имѣющей вкусъ навоза» гостіи, утверждаютъ, что они «болѣе сотворили, чѣмъ Богъ». Они—истинное небесное царство. «Неизмѣнные на девятой скалѣ, они ни чему не радуются и ничто ихъ не смущаетъ». Мы слышимъ даже—предѣльный выводъ пантеистической мистики—что всѣ люди спасутся, что «никто не будетъ осужденъ, ни іудей, ни сарацинъ, такъ какъ по смерти тѣла духъ возвращается къ Богу».

Итакъ, утверждающая свое исключительное познавательное значеніе и свою полную свободу мистика съ необходимостью приводитъ къ отверженію церкви, какъ чего-то внѣшняго и ненужнаго. Безгранично вѣря въ себя и не связывая себя церковной традиціей, она въ себѣ самой и въ своей традиціи почерпаетъ силу для созданія пантеистической религіозной системы, возвышаясь надъ моралью и охватывая все человѣчество, готовая охватить весь міръ, чтобы растворить его въ Божествѣ. Но этимъ самымъ она уже разрушаетъ себя самое, разбивая начала соборности и ставя индивидуальныя мистическія достиженія на мѣсто вселенской истины. Попытка построить новую церковь приводитъ къ Вавилонскому столпотворенію и многоязычію.

Амальрихъ—философъ, Давидъ Динантскій—тоже. Основныя ученія ортлибаріевъ и братьевъ свободнаго духа прямо или косвенно вытекаютъ изъ философской мистики. Но всѣ эти ученія, какъ и ученіе Іоакима, быстро опускаются внизъ и распространяются въ широкихъ, даже въ низшихъ слояхъ общества, расцвѣтая и видоизмѣняясь на той почвѣ вульгарной и связанной съ церковнымъ культомъ мистики, о которой говорилось выше. Къ ученію Амальриха примкнули не только священники и клирики, но и міряне, и женщины, и рядомъ съ магистромъ Гильомомъ изъ Пуатье стоитъ Гильомъ, золотыхъ дѣлъ мастеръ, считавшій себя однимъ изъ семи апостоловъ новой секты. Развитіе и распространеніе ортлибаріевъ и братьевъ свободнаго духа тѣсно связано съ демократическими конгрегаціями удалившихся отъ міра женщинъ, которыхъ чернь называла «Schwestrones», съ бегинками и бегардами. Рабочіе, сапожники, куз-

нецы и столяры оказываются братьями свободнаго духа. «Въ большинствѣ своемъ это люди грубые и совершенно безграмотные. Они бродятъ по міру въ своихъ туникахъ, прикрывая голову капюшономъ». Чтобы скрыться отъ преслѣдованій, они ищутъ уединенныхъ мѣстъ, и тѣ изъ бегинокъ, которымъ бегарды, пользуясь гостепріимствомъ, въ образныхъ выраженіяхъ открываютъ нѣкоторыя свои ученія, перебѣгаютъ изъ воротъ въ ворота, чтобы таинственными знаками вызывать своихъ подругъ, увѣряя, что скрывается ангелъ Слова Божьяго. И понятно, если въ XIV в. слышатся утвержденія, что «неученый мірянинъ и безграмотный, безъ знанія Св. Писанія, но озаренный божественнымъ вдохновеніемъ, больше можетъ сдѣлать своимъ поученіемъ для себя и для другихъ, чѣмъ какой-нибудь ученѣйшій священникъ». Выкалываютъ глаза на иконѣ Спасителя и, издѣваясь, говорятъ: «Вотъ Богъ, мы Ему выдолбили глаза».

Не слѣдуетъ, однако, преувеличивать значенія такого разрывающаго съ церковью мистицизма. Сила антицерковной мистики до извѣстной степени иллюзорна. Мы дѣлаемся жертвою своеобразнаго оптическаго обмана, извлекая антицерковные моменты въ мистикѣ ортодоксовъ, сливая ихъ съ болѣе слабыми проявленіями антицерковной мистики и не принимая во вниманіе ортодоксальныхъ ея моментовъ. Антицерковная мистика не могла достигнуть особеннаго развитія не потому, что вела къ религіозному разброду, а потому, что распространялась она въ ортодоксальной средѣ, въ значительной степени уже захваченной цѣпкимъ вліяніемъ церковно-вульгарной мистики. Немного было людей, которые могли съ легкимъ сердцемъ отбросить традицію отцовъ и разорвать со вскормившею и взростившею ихъ церковью. Изъ ученія церкви и изъ мистики церкви исходили Іоакимъ, Амальрихъ и Ортлибъ. Они порывали съ церковью, но ихъ ученіе хранило въ себѣ старое, незамѣтно для нихъ самихъ—и это старое рано или поздно должно было сказаться и мощно повлечь назадъ, къ церкви. При такихъ условіяхъ далеко уйти отъ церкви было невозможно. А между тѣмъ все болѣе крѣпла и поднимала голову мистика церковная. Она тоже вела къ познанію Божества въ экстазѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ развивалась въ рамкахъ культа, сливая высочайшія мистическія достиженія съ достояніемъ вульгарной мистики. Эта мистика видѣла и ощущала младенца Христа въ рукахъ священника, созерцала Его раны до появленія стигматовъ. Она населяла мистическимъ очарованіемъ каждый уголокъ храма и любовно украшала жилище Божества. Матеріализуя мистическій экстазъ,

она вмѣстѣ съ тѣмъ спиритуализировала матеріальный культъ, могучимъ усиліемъ синтеза призывала безсмертный духъ и одухотворяемую имъ матерію къ восторженному славословію непостижимаго Божества.

Л. Карсавинъ.

КОНСТИТУЦІОННАЯ ЗАПИСКА ГРАФА П. П. ШУВАЛОВА.

(Къ исторіи русскаго освободительнаго движенія въ 80-хъ г. XIX столѣтія).

Въ русской печати идетъ оживленный споръ о характерѣ и размѣрахъ политическаго движенія, имѣвшаго цѣлью, въ концѣ прошлаго вѣка, установленіе болѣе или менѣе широкаго конституціоннаго режима въ Россіи.

Главными представителями противоположныхъ мнѣній въ етой полемикѣ являются В. Я. Богучарскій и Б. А. Кистяковскій. Около нихъ группируется немало лицъ, поддерживающихъ или опровергающихъ высказанныя ими предположенія. Многочисленны уже соображенія и воспоминанія въ подкрѣпленіе того или иного тезиса (см. мемуары или критическія замѣтки гг. Изгоева, Кизеветтера, Ефремова, Кропоткина, Дебагорія-Мокріевича, Hessa, госпожъ В. Н. Фигнеръ, Прибылевой, В. И. Засуличъ. Если споръ будетъ идти такимъ же темпомъ, то по затронутымъ В. Я. Богучарскимъ вопросамъ составится обширная литература.

Вопросы эти слѣдующіе:

I. *Насколько можно говорить о „Земскомъ Союзѣ", какъ объ организаціи земскихъ дѣятелей 80-хъ годовъ?*

В. Я. Богучарскій заявляетъ очень опредѣленно, что группа земскихъ конституціоналистовъ, извѣстная подъ именемъ «Земскаго Союза», существовала, какъ организація, «болѣе психологически, чѣмъ фактически».

II. *Имѣлъ ли «Земскій Союзъ» свой заграничный органъ, или же газета «Вольное Слово», редактированная первоначально А. П. Мальшинскимъ, а впослѣдствіи М. П.*

Драгомановымъ, была изданіемъ какого-то «псевдоземскаго союза»?.

III. *Каковы были связи «Земскаго Союза» съ «Священной Дружиной» и «Добровольной Охраной?»*

IV. *Какова была роль графа Павла Петровича Шувалова въ этихъ организаціяхъ и въ конституціонномъ движеніи восьмидесятыхъ годовъ?*

Рядомъ съ этими главными вопросами возникаетъ и немало другихъ, второстепенныхъ: объ участіи В. А. Гольцева въ изданіи «Вольнаго Слова», объ отношеніи А. П. Мальшинскаго къ «Земскому Союзу», о сношеніяхъ М. П. Драгоманова съ графомъ Шуваловымъ, о такъ называемыхъ «Антихристахъ« и др.

Какъ лицо близкое къ М. П. Драгоманову, мы не могли не заинтересоваться поднятымъ В. Я. Богучарскимъ споромъ. Это заставило насъ пересмотрѣть весь доставшійся намъ по наслѣдству и находящійся у насъ въ Софіи архивъ покойнаго. Мы знаемъ по личному опыту [1]), что въ извѣстныхъ случаяхъ незначительный на первый взглядъ письменный документъ имѣетъ больше значенія, чѣмъ самыя обстоятельныя показанія прямыхъ или косвенныхъ свидѣтелей. Въ послѣднее время дѣлаются интересные опыты (zur Psychologie der Aussage), доказывающіе иногда поразительную слабость памяти и неточность или недостовѣрность свидѣтельскихъ показаній, даже тотчасъ послѣ наблюденія извѣстнаго факта или констатированія извѣстнаго происшествія. Какъ совершенно добросовѣстныя лица могутъ быть обмануты своей памятью, это видно изъ напечатанныхъ въ «Русскомъ Богатствѣ» (мартъ, 1913) воспоминаній г-жи Прибылевой о «Вольномъ Словѣ» и о роли въ немъ Мальшинскаго, ошибочность которыхъ была убѣдительно доказана В. Я. Богучарскимъ («По поводу одной исторической справки», «Современникъ», апрѣль, 1913, стр. 262—267).

Изслѣдованіе, предпринятое нами и еще не вполнѣ законченное, не дало намъ до сихъ поръ того изобилія данныхъ, какого мы ожидали. Участвуя въ дѣлѣ, считавшемся въ 80-хъ годахъ строго конспиративнымъ, М. П. Драгомановъ, очевидно, уничтожалъ много документовъ, касавшихся агитаціи за конституціонный режимъ. Тѣмъ не менѣе мы нашли интересные матеріалы, относящіеся къ намѣченнымъ выше вопросамъ.

---

1). Намъ приходилось не разъ изучать важныя эпохи исторіи болгарской культуры съ такими же недостаточными матеріалами какъ тѣ, которыми располагаетъ пока русская наука для изслѣдованія отмѣченнаго въ этой статьѣ политическаго движенія.

Откладывая до другого раза опубликованіе тѣхъ изъ нихъ, которые имѣютъ болѣе прямое отношеніе къ вопросамъ о «Земскомъ союзѣ» и «Вольномъ словѣ», мы остановимся на запискѣ графа П. П. Шувалова «*О совѣщательномъ народопредставительствѣ*», какъ онъ самъ ее называетъ.

О такой запискѣ впервые говорится въ полицейскомъ секретномъ дознаніи 1882 г., касающемся «Противоправительственныхъ сообществъ не столь вредныхъ» (см. Женевскій журналъ «Общее Дѣло», Cause générale, 1883, № 54, и «Былое», 1906, стр. 304 и особ. 313, гдѣ приводятся и нѣсколько выписокъ изъ докладной записки (*имя шифромъ*): I, стр. 2-ая и 3-я, II, стр. 11, 12 и 13, и III, стр. 25 и 26.

Кто скрывается подъ этимъ шифромъ—не подлежитъ теперь никакому сомнѣнію. Это доказывается, во первыхъ, сравненіемъ выписокъ изъ секретнаго дознанія съ текстомъ приводимой ниже записки:

Цитаты изъ полицейскихъ «Выписокъ», (стр. 25—26).

«Но рядомъ съ этимъ огромнымъ большинствомъ, составляющимъ несокрушимый, но, такъ сказать, пассивный, оплотъ верховной власти, имѣется меньшинство, незначительное по сравнительному числу членовъ, но представляющее огромную важность по нравственному своему *значенію*. Это меньшинство обнимаетъ всю безъ исключенія образованную часть общества и къ нему примыкаютъ всѣ новыя силы, постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, изъ глубины народныхъ массъ. Если принять въ сооб-

Изъ записки гр. Шувалова [1]).

«Но рядом с этим огромным большинством, составляющим несокрушимый, но, так сказать, пассивный, оплот ворховной власти, имѣется меньшинство незначительное по сравнительному числу *своих* членов, но представляющее огромную важность по нравственному своему *развитію*. Это меньшинство обнимает всю без исключенія образованную часть *нашего* общества и к нему примыкаютъ всѣ новыя силы постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣхов просвѣщенія, изъ глубины народныхъ масс. Если принять въ соображеніе,

[1]) Курсивомъ отмѣчены розличія между обоими текстами. *И. Ш.*

раженіе, что къ этому меньшинству принадлежатъ всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, журналистики, адвокатуры, *всѣ общественные дѣятели*... то нельзя не признать, что въ этой сравнительно малочисленной группѣ людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь, и что безъ ихъ постояннаго содѣйствія, наше отечество не только потеряло бы свое мѣсто въ семьѣ образованныхъ народовъ, но *и лишилось бы всякаго жизненнаго организма* и обратилось бы въ безсильное сочетаніе разрозненныхъ единицъ... Стремленія *всѣхъ лицъ, составляющихъ это меньшинство*, до крайности разнообразны; но между ними преобладаетъ одно общее чувство: это — болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будутъ призваны къ участію въ государственномъ управленіи. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было бы безразсудно пренебрегать; *тѣмъ болѣе, что никакая уступка, сдѣланная по сему направленію, не будетъ въ состояніи поколебать простую и твердую вѣру* въ Царя, *отражающуюся* въ остальной массѣ народѣ».

что къ этому меньшинству принадлежат *дворяне—землевладѣльцы и все почти второе поколѣніе новых людей, сѣвших на их пепелища*, всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, *всѣ военныя начальники, всѣ общественные дѣятели; далѣе: всѣ лица*, трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, журналистики, адвокатуры, то нельзя не признать, что в этой сравнительно малочисленной группѣ людей сосредоточивается государственная и общественная жизнь, и что без их постояннаго содѣйствія наше отечечество не только потеряло бы свое мѣсто в семьѣ образованных народов, но и обратилось бы в *безсмысленное и безсвязное* сочетаніе разрозненных единиц... Стремленія *различных групп и лиц, входящих въ состав этого меньшинства*, до крайности разнообразны; но между ними преобладает одно общее чувство: это — болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будут призваны къ участію в государственномъ управленіи. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было бы безразсудно пренебрегать, *но не менѣе безразсудно было бы всякое преобразованіе, идущее в разрѣз*

простой и твердой вѣры в Царя, коренящейся в остальной массѣ народа.

Какъ видно, между обоими текстами — почти полная тождественность. Ясно, что составитель секретнаго дознанія имѣлъ передъ собою текстъ записки гр. П. П. Шувалова. Разница— впрочемъ болѣе значительная въ двухъ остальныхъ выпискахъ (тутъ есть опущеніе цѣлыхъ пассажей), объясняется просто тѣмъ, что полицейское дознаніе имѣло дѣло съ одной редакціей записки гр. Шувалова, а мы—съ другой.

Изъ препроводительнаго письма гр. П. П. Шувалова къ М. П. Драгоманову (письмо безъ даты, вѣроятно начала 1883 г.) мы узнаемъ, что записка «О совѣщательномъ народопредставительствѣ» есть «*набросокъ* записки, поданной годомъ позже, въ маѣ 1882 г., въ которую вошли (безъ существенныхъ измѣненій) многія части первой записки о томъ же предметѣ, между прочимъ «тирада въ пользу культурныхъ слоевъ общества».

Значитъ, *графъ П. П. Шуваловъ подавалъ два раза конституціонныя записки*: первый разъ въ маѣ 1881 г., второй разъ въ томъ же мѣсяцѣ 1882 г. Это видно, кромѣ того, изъ собственноручной отмѣтки карандашемъ на рукописи печатаемаго ниже текста.

Чтобы разсѣять всякое сомнѣніе относительно авторства графа Шувалова, приведемъ слѣдующее мѣсто изъ вышеупомянутаго письма: «Если Вамъ угодно позаимствоваться кое-чѣмъ изъ *моей* (к. н.) записки, прошу видоизмѣнить форму изложенія, сдѣлать наружно оболочку неузнаваемую» [1]).

Какъ въ 1883 г. самъ гр. Шуваловъ смотрѣлъ на свою записку, можно заключить изъ другого мѣста препроводитель-

---

[1]) Въ бесѣдѣ съ нами В. Я. Богучарскій выразилъ мнѣніе, что авторомъ печатаемой здѣсь записки не могъ быть гр. П. П. Шуваловъ, такъ какъ онъ, въ качествѣ флигель-адъютанта, не смѣлъ бы представлять Императору подобные проэкты. Не имѣя тогда съ собой текста препроводительнаго письма, мы не могли убѣдить своего уважаемаго собесѣдника въ противномъ. Теперь его возраженіе само собою падаетъ, Князь Павелъ Дмитріевичъ Долгоруковъ, родственникъ автора записки, увѣрилъ насъ при недавней личной встрѣчѣ въ Москвѣ, что отношенія гр. П. П. Шувалова къ императору Александру III были въ 1881 и 1882 г.г. такія, что онъ *вполнѣ* могъ бы себѣ позволить вызвавшую сомнѣнія В. Я. Богучарскаго смѣлость. Мнѣ кажется, впрочемъ, что самъ В. Я. въ своей книгѣ —«Изъ исторіи полит. борьбы и пр.», на стр. 409 намекаетъ на возможность предположить, что лицомъ, подавшимъ 22 Мая 1881 г. частную записку на Высочайшее имя и «пользующимся личнымъ довѣріемъ Государя Императора», былъ именно гр. П. П. Шуваловъ.

наго письма: «оба эти документа [1]) имѣютъ лишь *ретроспективный интересъ* (курсивъ нашъ). Сообщаю ихъ Вамъ *вполнѣ конфиденціально* (курсивъ Шув-а), вѣря данному Вами слову». Графъ подписывается P. S. Въ длинномъ постскриптумѣ указанъ способъ возвращенія посылки: «Прошу возвратить прилагаемую посылку [2]) въ двухъ конвертахъ: *На наружномъ*: Comtesse Elisabeth Schouvaloff, Hôtel de l'Europe, Baden-Baden. *На внутреннемъ*—pour remettre au C-te Paul Schouvaloff à son retour à l'étranger (Confidentiel). Прошу бросить письмо на почту не въ самой Женевѣ, а хотя бы съ первой ближайшей станціи».

Приступая къ опубликованію самой «Записки», мы должны замѣтить, что *она написана самимъ гр. П. П. Шуваловымъ*, текстъ во многихъ мѣстахъ поправленъ *его* рукой обыкновеннымъ или синимъ и краснымъ карандашемъ и снабженъ замѣтками такого рода: «замѣнить», «измѣнить», «исправить оборотъ рѣчи», «смягчить», «украсить» [3]).

Записка не раздѣлена на главы, но на поляхъ обозначено содержаніе каждаго отдѣла: *Настроеніе общества послѣ 1-го марта.—Мѣры къ устраненію этихъ общихъ недуговъ. Мѣры административныя и полицейскія.—Мнѣніе гр. Строганова. — Система Николая Павловича. — Необходимость усовершенствованія полиціи. Недостаточность полицейскихъ мѣръ. Революціонеры исполнители. Среда, сочувствующая революціи. — Народное представительство какъ средство успокаивающее общ. броженіе.—Проэктъ гр. Лорисъ-Меликова.—Проэктъ гр. Игнатьева.—Преимущество постояннаго и закономъ установленнаго представительства.—О пространствѣ правъ народопредставит.—Мнѣніе гр. Петра Андр. Шувалова въ пользу конституціи.—Неосновательность изложенныхъ аргументовъ. Вопросъ о пространствѣ правъ народопредставительства долженъ быть признанъ фор-*

---

1) Записка и еще одинъ документъ, о которомъ будетъ рѣчь въ другой нашей статьѣ.

2) Графъ прислалъ, кромѣ «Записки», отмѣченной № VII, четыре приложенія—А. Б. В. и Г. и—три брошюры. Какія были эти послѣднія — неизвѣстно. Почему «записка» не была возвращена вмѣстѣ съ приложеніями—мы предполагаемъ, что или графъ позволилъ ее оставить или же М. П. Др. боялся ее отправить по почтѣ въ виду тѣхъ условій, на которыя намекалъ гр. Шуваловъ.

3) Тетрадь сшита черной ниткой, состоитъ изъ 6 листовъ (24 стр). большого формата; бумага гладкая, безъ линеевъ, цвѣта crême. На обложкѣ наверху слѣва написано карандашемъ: «Май 82—передѣлана изъ записки поданной въ концѣ мая 81 г.». Направо вверху: записка № VII (О народномъ представительствѣ). Текстъ занимаетъ 17½ страницъ, наполовину исписанныхъ. Почеркъ быстрый, сравнительно мелкій. Твердые знаки отсутствуютъ.

мальнымъ вопросомъ.—Отношеніе большинства къ предст. учрежденію. — Значеніе образованнаго меньшинства въ государственномъ организмѣ.—Отношеніе меньшинства къ народопредставительству.—Значеніе общественнаго мнѣнія.—Валуевъ.—Нижняя палата.—Избирательный цензъ.—Повышеніе ценза.—Пониженіе ценза.—Верхняя палата.—Ея назначеніе.—Ея составъ.—Проэктъ гр. Орлова-Давыдова.—Образъ дѣйствія правительства. Заключеніе [1]).

О совѣщательномъ народопредставительствѣ.

(Записка № VII).

Настроеніе общества послѣ 1-го марта.

Въ первые дни послѣ злодѣянія 1 марта не было мѣста для другого впечатлѣнія, кромѣ общаго ужаса, овладѣвшаго русскою землею. Со всѣхъ концовъ имперіи рвались къ подножію престола для выраженія глубокой скорби, негодованія и вмѣстѣ съ симъ искреннѣйшей преданности Государю. Казалось, что безвинно пролитая кровь Царя-Освободителя укрѣпила и запечатлѣла навсегда союзъ Царя со всѣми членами русской семьи.

Но рядомъ съ этими порывами вѣрности вскорѣ стали проявляться признаки менѣе успокоительнаго свойства, указывающіе на опасность и глубину нравственныхъ язвъ, проникшихъ во всѣ слои нашего общества. Съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе обнаруживались: сильная организація крамолы, сознатель-

---

1) В. Я. Богучарскій въ своей книгѣ «Изъ исторіи и пр.», стр. 404, сообщаетъ, что гр. П. П. Шуваловъ прислалъ въ 1882 г. И. И. Петрункевичу «цѣлый конституціонный проектъ съ раздѣленіемъ Россіи на избирательные округа и съ двупалатной системой представительства». Думая, что, можетъ быть, печатаемая здѣсь записка и есть этотъ предполагаемый конституціонный проэктъ, мы показали недавно въ Петербургѣ И. И. П—чу рукопись гр. Шувалова и получили отвѣтъ, что она нетождественна съ той, которую онъ имѣлъ въ рукахъ. Эта послѣдняя была подписана графомъ. Насколько помнится Ивану Ильичу, почеркъ былъ другой, и врядъ ли документъ представлялъ цѣлый конституціонный проэктъ. Не былъ ли въ такомъ случаѣ присланный графомъ текстъ первой редакціей его записки? Это всего вѣроятнѣе.

ное и безсознательное содѣйствіе, оказываемое ей значительною частью образованнаго общества, проникновеніе революціонныхъ элементовъ не только въ составъ администраціи, но и въ самые ряды арміи; наконецъ, сомнительное настроеніе крестьянскаго населенія, способнаго въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ къ совершенно неожиданнымъ насиліямъ. (Зап. VI б).

Мѣры, предлагаемыя какъ въ правительственной, такъ и въ общественной сферѣ, къ исцѣленію этихъ опасныхъ явленій многочисленны и многоразличны. Одни возлагаютъ всѣ надежды на предупредительныя и репрессивныя мѣры правительства; другіе видятъ единственное спасеніе въ примѣненіи къ нашему отечеству западнаго конституціоннаго строя; третьи, обращая взоры въ глубь нашей отечественной исторіи, выражаютъ прекраснымъ и самобытнымъ слогомъ пламенную надежду на исцѣленіе нашихъ общественныхъ недуговъ помощью до-Петровскихъ распорядковъ. Наконецъ многіе,—и въ томъ числѣ наиболѣе отвѣтственные—не видятъ предъ собою никакого надежнаго исхода и высказываютъ окружающимъ ихъ явленіямъ непонятное безучастіе, граничащее съ фатализмомъ. Казалось бы однако, что при трезвой оцѣнкѣ настоящаго положенія, при твердой рѣшимости не увлекаться ни предвзятыми понятіями, ни пристрастными сужденіями, но одними лишь указаніями здраваго смысла, можно бы придти къ менѣе одностороннимъ и болѣе плодотворнымъ заключеніямъ. (Зап. VIII а). Мѣры къ устраненію этихъ общихъ недуговъ.

Прежде всего едва ли возможно согласиться со взглядомъ тѣхъ лицъ, по мнѣнію которыхъ одно лишь строгое примѣненіе правительственной власти способно вывести наше общество изъ болѣзненнаго его состоянія. Въ поддержку этого мнѣнія приводятся вообще прежніе примѣры нашей исторіи и въ особенности царствованіе императора Николая Павловича. Дѣйствительно, между эпохою его вос- Мѣры административныя и полицейскія. (Мнѣніе гр. Строганова) прил. А.

шествія на престолъ и началомъ настоящаго царствованія представляется нѣкоторое кажущееся сходство. Николай Павловичъ, какъ и нынѣ царствующій Государь, встрѣтилъ съ перваго шага опасный заговоръ; онъ подавилъ этотъ заговоръ твердою рукой и затѣмъ неуклоннымъ примѣненіемъ Самодержавной воли обезпечилъ за собою 30 лѣтъ наружнаго порядка и преуспѣянія.

Система Никола Павловича.

Но этотъ примѣръ положительно не примѣнимъ къ нашему времени.

Заговоръ 14 декабря былъ явленіемъ внѣшнимъ, втянувшимъ въ свои ряды лишь незначительную часть общества и не оставившимъ за собою ни какихъ видимыхъ корней. Подавивъ заговоръ, Верховная власть увидѣла предъ собою общество, сохранившее всѣ прежнія преданія, проникнутое духомъ, а главное *привычкою* безусловнаго повиновенія и не смѣющее помышлять объ иныхъ политическихъ побужденіяхъ, кромѣ благоговѣйнаго страха предъ волею Самодержца. И въ самомъ дѣлѣ,— не смотря на отсутствіе всякихъ мѣръ личной предосторожности и на значительное число лицъ пострадавшихъ, иногда и безвинно, отъ крутыхъ правительственныхъ мѣръ,—не было въ предѣлахъ имперіи ни одного покушенія на жизнь Государя, ни одного сколько-нибудь опаснаго политическаго заговора.

Нынѣ времена далеко не тѣ. Революціонное движеніе пустило многочисленные и живучіе ростки во всѣхъ слояхъ нашего общества и, не смотря ни на казни, ни на предупредительныя мѣры правительства, оно находитъ въ окружающей средѣ средства къ постоянному восполненію своихъ рядовъ. Со времени великихъ преобразованій прошедшаго царствованія, само общество несомнѣнно подверглось коренному перерожденію и представляетъ нынѣ почву едва ли удобную для пріемовъ исключительнаго авторитетнаго характера. Въ прошедшія времена весь правитель-

ственный строй основывался на безконтрольной власти начальствующихъ лицъ и на столь же безусловномъ повиновеніи подначальныхъ. Этотъ принципъ «чистаго авторитета» исходилъ изъ Верховной Власти Государя и передавался затѣмъ сверху внизъ во всѣ развѣтленія государственнаго организма. Окончательнымъ его проявленіемъ на низшей общественной ступени было крѣпостное право помѣщика надъ крестьянами и не менѣе произвольная власть чиновниковъ надъ остальнымъ рабочимъ населеніемъ.

О гласности, о какой бы то ни было свободѣ печати и слова, не могло быть и рѣчи. Даже правительственныя и сословныя учрежденія, обезпеченныя по закону нѣкоторою самостоятельностью, имѣли лишь формальное и безжизненное существованіе. Наконецъ для огромнѣйшаго большинства населенія частное право, личное и имущественное, оставалось мертвою буквою. Главнымъ общественнымъ двигателемъ была надежда на милость и опасеніе немилости.

По мнѣнію маститыхъ сторонниковъ вышеуказанной системы «чистаго авторитета», повиновеніе власти, олицетворенной въ лицѣ «Государя», не было грубымъ, рабскимъ подчиненіемъ силѣ и страху, но безпрекословнымъ сыновнимъ послушаніемъ, исполненнымъ преданности и любви. Общество, проникнутое этимъ чувствомъ, не только безропотно подчинялось окружавшему его строю, но усматривало въ немъ залогъ единства и величія отечества.

Какъ бы ни было, но возвращеніе къ этимъ порядкамъ немыслимо уже потому, что бывшія орудія власти,—усердные и безотвѣтные исполнители временъ Николая Павловича—исчезли безслѣдно. Но и помимо сего, потребности настоящаго времени таковы, что вѣрноподданный повиненъ своему Государю не столько «безпрекословнымъ сыновнимъ подчи-

неніемъ», сколько правдою и искренностію. Правда же и искренность не позволяютъ утаить, что «сыновнее послушаніе» прежняго времени нынѣ уже не существуетъ и что основывать государственное управленіе на подобныхъ воспоминаніяхъ недавняго, но далекаго прошлаго,—значило бы вести государство къ неминуемой и умышленной гибели.

Необходимость усовершенствованія полиціи. (См. зап. IX).

Неправильно было бы заключить изъ вышесказаннаго, что правительственное воздѣйствіе противъ внѣшнихъ проявленій анархіи не можетъ оказать въ настоящее время нѣкоторой пользы. Напротивъ того, органы предупрежденія и пресѣченія государственныхъ преступленій должны безъ сомнѣнія быть усилены и усовершенствованы. Желательно было бы даже довести полицейскую организацію до той общеевропейской степени совершенства, при которой рѣшеніе судьбы уличенныхъ государственныхъ преступниковъ не требуетъ вмѣшательства исполнительной, а тѣмъ паче Верховной Власти, но производится путемъ нормальнаго судоговоренія. При этомъ едва ли нужно упомянуть о томъ, что первая и неусыпная забота всѣхъ и каждаго должна быть обращена на охраненіе безопасности Государя, въ лицѣ котораго каждый истинный русскій усматриваетъ не только Верховнаго Вождя, но и олицетвореніе самой идеи отечества и государственности. Нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что гласная и открытая охрана Государя самимъ населеніемъ проявилась бы въ видѣ торжественнаго всенароднаго протеста противъ подпольныхъ замысловъ крамолы.

Недостаточность полицейскихъ мѣръ.

Но заботливость правительства не должна и не можетъ ограничиваться подобными, чисто палліативными мѣрами. Означенныя мѣры останавливаютъ лишь внѣшнія проявленія зла, замедляютъ его распространеніе и создаютъ благопріятныя условія для его исцѣленія. Пользованіе нравственной болѣзни, коренящейся въ душѣ человѣческой, достигается не полицей-

скими и не административными пріемами, но единственно *непринудительнымъ воздѣйствіемъ* на человѣческій умъ, на его чувства, страсти и стремленія. Не злобою исцѣляется злоба, но мудростью и правдою, иногда и забвеніемъ. По этому поводу могутъ быть представлены слѣдующія соображенія.

Революціонеры исполнители (зап. VI).

Группа злодѣевъ фанатиковъ, всегда готовыхъ жертвовать и своею, и чужою жизнью для достиженія тѣхъ или другихъ преступныхъ цѣлей, сама по себѣ малочисленна. Сила и опасность этихъ людей заключается не въ ихъ отвагѣ и организаціи, но въ современныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ нашего отечества, создавшихъ цѣлую общественную среду, сознательно и безсознательно сочувствующую и нерѣдко содѣйствующую революціонному движенію, среду скромную по своей численности, а также по умственному и нравственному своему вѣсу, среду, изъ которой крамола имѣетъ возможность постоянно вербовать новобранцевъ.

Среда сочувствующая революціи.

Дѣйствительно, за сообщниками революціи замѣчается прежде всего немалое число личностей, положительно сочувствующихъ ея дѣятельности, но не обладающихъ достаточною рѣшимостью, чтобы открыто стать въ ея ряды. Эти личности рѣдко и осторожно высказываютъ свои крайнія убѣжденія; вообще же они располагаютъ умѣньемъ прикрывать ихъ самыми благонамѣренными сужденіями. Они такимъ образомъ не только ограждаютъ себя отъ всякаго преслѣдованія, но сохраняютъ возможность занимать вліятельные положенія въ рядахъ интеллигенціи, въ администраціи, печати и школѣ. Въ ихъ рукахъ окончательно сосредоточиваются всѣ средства къ широкой, подготовительной пропагандѣ, обнимающей едва ли не все наше образованное общество. Понятно, что всякое полицейское преслѣдованіе такихъ лицъ ни къ чему рѣшительно привести не можетъ. Человѣческія убѣжденія, какъ бы они ни были

уродливы и преступны, не подлежатъ взвѣшиванію и измѣренію. Инквизиція и замѣтки тайной канцеляріи оказались на практикѣ не только неточными, но положительно лживыми приборами для взвѣшиванія человѣческой совѣсти. Другого же инструмента покамѣстъ не изобрѣтено. Не проще ли, не достойнѣе ли допустить, что, при правильномъ государственномъ строѣ, даже и Самодержавномъ, помыслы и пожеланія человѣка должны быть признаны его неотъемленнымъ достояніемъ. И не стократъ ли доказано исторіею, что Верховная Власть, не признающая сего основного человѣческаго права, принуждена передовѣрить неограниченныя свои прерогативы каждому изъ мельчайшихъ своихъ исполнителей, въ усугубленіе общественнаго недовольства, а себѣ въ посрамленіе?

Общее недовольство.

Если отъ распространителей вредныхъ ученій перейти къ обществу, служащему поприщемъ ихъ дѣятельность, то здѣсь замѣчаются нѣкоторыя общія черты, въ которыхъ отражается и народный нашъ характеръ, и назрѣвающія проявленія той новой жизни, къ которой Россія была призвана въ прошедшее царствованіе. Не можетъ подлежать сомнѣнію, что огромное большинство общества недовольно настоящимъ положеніемъ вещей. При крайней впечатлительности и легкой воспріимчивости ко всякой новизнѣ, свойственной всѣмъ славянскимъ народностямъ, неудивительно, что наше общество, а въ особенности молодежь, представляетъ удобную почву для распространенія всевозможныхъ, даже наиболѣе неосуществимыхъ политическихъ ученій. Но къ счастію эта кажущаяся отзывчивость къ революціонному броженію должна быть признана, при спокойномъ и безстрастномъ изученіи, явленіемъ поверхностнымъ. Это броженіе не могло заглушить коренныхъ народныхъ чувствъ, сила которыхъ еще въ послѣднее время столь ярко обнаружилась при самомъ восшествіи Государя

на престолъ. Какія-бы ни были колебанія общественнаго мнѣнія, есть полная вѣроятность, что эти чувства сохранили еще свою живучесть и что въ сердцахъ огромнаго большинства образованныхъ русскихъ людей таятся родныя струны, къ которымъ Государь можетъ прикоснуться умѣлою, но довѣрчивою рукою.

Народное представительство, какъ средство успокаивающее общее броженіе.

Вѣрнѣйшимъ средствомъ для достиженія этой цѣли былъ бы призывъ, обращенный Государемъ къ живымъ, выборнымъ силамъ страны для участія въ Государственномъ дѣлѣ.

Не можетъ подлежать сомнѣнію, что подобное проявленіе царской воли возбудитъ общія и искреннѣйшія чувства благодарности и окажетъ съ перваго приступа къ дѣлу самое благодѣтельное вліяніе на нравственное настроеніе общества. Но этимъ далеко не ограничатся благотворныя послѣдствія предлагаемой мѣры. Общественное мнѣніе, значеніе и нравственная сила коего никѣмъ не могутъ быть отвергнуты, проявляется въ настоящее время въ такой формѣ, что рѣдко можетъ служить пособіемъ для правительства и въ большей части случаевъ носитъ непріязненный характеръ, затрудняющій всѣ отправленія государственной жизни.

Руководители общ. мнѣнія пользуются при проявленіи своей дѣятельности безчисленнымъ множествомъ средствъ, каковы: частные разговоры, судебныя пренія, совѣщанія мѣстныхъ собраній и въ особенности печатное слово. Повсюду выражаются сужденія о нашихъ внутреннихъ дѣлахъ, но сужденія безсвязныя, разнорѣчивыя, мало способныя служить опорою государственной власти и представляющія нѣкоторое единодушіе лишь для прямой или косвенной оппозиціи правительству. Это нѣчто вродѣ партизанской войны, преслѣдуемой постоянно противъ установленнаго порядка дѣятельными, осторожными и часто неуловимыми врагами.

Очевидно, что постоянное и правильно ор-

ганизованное собраніе выборныхъ людей отодвинетъ на задній планъ всѣ эти разрозненныя проявленія непріязненныхъ стремленій и что въ центральномъ представительномъ учрежденіи, выходящемъ изъ самыхъ нѣдръ страны, огромное большинство общества будетъ усматривать вѣрнѣйшаго для себя руководителя.

Въ противоположность мысли о постоянномъ и правильно организованномъ народопредставительствѣ нерѣдко выражается предположеніе (разсматривавшееся въ послѣдніе дни прошлаго царств. въ высшихъ правит. сферахъ) о необходимости вызова депутатовъ отъ земства для выслушанія ихъ предварительнаго мнѣнія по нѣкоторымъ лишь единичнымъ вопросамъ. Хотя эту мѣру принято считать болѣе осторожною, нежели непосредственное установленіе постоянныхъ представительныхъ учрежденій, она,— какъ всякая полумѣра,—д. быть признана несравненно болѣе опасною. Созваніе депутатовъ или экспертовъ при обсужденіи того или другого вопроса примѣнялось неоднократно въ продолженіе послѣдняго 25-лѣтія. Возобновленіе этой мѣры въ болѣе обширномъ размѣрѣ едва ли способно произвести сильное впечатлѣніе на общественное мнѣніе и возбудить горячую благодарность къ Верховной власти. Подобное созваніе будетъ по всей вѣроятности принято за правительственное распоряженіе, вынужденное тою или другою практическою необходимостью. Слѣдуетъ еще замѣтить, что государственная власть будетъ имѣть предъ собою членовъ организованныхъ совѣщательныхъ учрежденій, высланныхъ съ болѣе или менѣе обязательными полномочіями (mandat impératif) и ожидающихъ скораго возвращенія въ избравшую ихъ среду. Подобные повѣренные будутъ по неволѣ весьма несговорчивы, и при данномъ составѣ депутатовъ едва-ли окажется возможнымъ достигнуть взаимной группировки мнѣній, а тѣмъ болѣе согласованія большинства въ пользу опредѣленнаго законо-

проекта. Сверхъ сего, по тѣсной связи, существующей нынѣ между всѣми нашими внутренними вопросами, будетъ до крайности трудно удерживать пренія мѣстныхъ представителей въ той рамкѣ, которая будетъ имъ указана; произойдетъ болѣе или менѣе открытая борьба для расширенія намѣченнаго круга дѣйствій, взаимное раздраженіе между депутатами и правительствомъ и по всѣмъ вѣроятностямъ предъявленіе послѣднему заявленій непріязненнаго свойства. Если принять въ соображеніе, что раздраженные представители, возвратясь домой, сообщатъ своимъ земствамъ общественное неудовольствіе противу высшаго правительства, то нельзя не опасаться, чтобы на слѣдующихъ за симъ очередныхъ земскихъ собраніяхъ, отвергнутыя заявленія не возобновились одновременно со всѣхъ концовъ имперіи. Допуская, однако, преувеличенность этихъ опасеній и признавая, что госуд. власть успѣла предупредить всякое выраженіе общественнаго волненія, слѣдуетъ тѣмъ не менѣе признать, что этимъ путемъ усилится въ высшей степени одно явленіе, которое никакая земная власть, ни само Самодержавіе не въ состояніи предотвратить, а именно: недовѣріе къ будущему и связанный съ этимъ недовѣріемъ *упадокъ государственнаго и частнаго кредита.* Между тѣмъ, отъ подобнаго явленія зависитъ не только упадокъ производительности и общее обѣднѣніе народа, но и окончательная невозможность разрѣшенія жизненныхъ вопросовъ, связанныхъ съ экономическимъ бытомъ Государства. Если въ замѣнъ вышеизложеннаго мѣропріятія перейти къ оцѣнкѣ другого проэкта, подлежащаго, по слухамъ, разсмотрѣнію прав. властей, а именно предположенія о созывѣ многотысячнаго Земскаго Собора по старорусскому обычаю,—то и здѣсь встрѣтятся серьезныя практическія затрудненія, угрожающія по всей вѣроятности не успокоеніемъ, но безплоднымъ раздраженіемъ общественнаго настроенія. Не говоря о торжествен-

Проэктъ Гр. Лорисъ-Меликова (Приложеніе В.)

Проэктъ гр. Игнатьева (Прилож. 13).

ной, обрядовой сторонѣ дѣла, которая по всѣмъ видимостямъ будетъ обставлена вполнѣ удовлетворительно, нельзя не признать, что собраніе нѣсколькихъ тысячъ ходоковъ въ стѣнахъ храма Спасителя представляется скорѣе религіознымъ, нежели политическимъ празднествомъ. Наша родная конституція, сохраняющая за Россіей ея русскую личность, признающая Царя Царемъ, а не главою исполнительной власти; не подражательная ложь, о которой мечтаютъ оторванные отъ почвы кружки, замѣняющая нравственную правду большинствомъ голосовъ и личную совѣсть Государя безличной и даже предъ Богомъ неотвѣтственною баллотировкой»,—эта родная самобытная «конституція» представляется обыкновенному неславянофилскому уму машиною до того громоздкою и неповоротливою, что поневолѣ спрашиваешь себя, кто же будетъ предсѣдательствовать подобною неорганизованною толпою? Къ тому же, хотя и слышатся постоянные разговоры о какихъ то старорусскихъ распорядкахъ, соблюдавшихся будто бы во время прежнихъ земскихъ соборовъ, не трудно однако убѣдиться, что никому—въ томъ числѣ и записнымъ знатокамъ до-Петровскаго быта,—доподлинно неизвѣстно, въ чемъ именно состояли эти распорядки. Нельзя шутки шутить съ многомилліоннымъ русскимъ народомъ. Если уже рѣшено Царемъ собрать выборныхъ представителей земли, то выбирать ихъ подобаетъ для дѣла, а не для зрѣлища. Зрѣлищемъ никого обмануть неудастся. Удастся только возбудить во многихъ тысячахъ вѣрноподданныхъ русскихъ людей пустыя, тщетныя надежды и обезнадеженныхъ распустить ихъ по домамъ себѣ въ позоръ и въ посмѣшище потомству. Лучше бы и совсѣмъ не собирать [1]).

Смягчить.

Преимущества постояннаго и закономъ установленнаго представительства.

Если бы, въ противоположность вышеизложеннымъ проэктамъ, рѣшено было даровать вы-

[1]) Пассажъ «Нельзя шутки—лучше бы и совсѣмъ не собирать» красн. карандашемъ, съ замѣткой: «смягчить».

борнымъ людямъ *постоянное и закономъ установленное участіе* въ законодательныхъ отправленіяхъ Верх. Власти, то дѣло приняло бы совершенно иной оборотъ.

При означенныхъ основныхъ условіяхъ предположеніе о полезныхъ послѣдствіяхъ введенія представ. начала въ наше отечество повидимому осуществимо. Оно осуществимо, если не въ полномъ развитіи конституціоннаго начала, то по крайней мѣрѣ въ существенныхъ его чертахъ и на такой періодъ времени, въ продолженіе котораго общество успѣло бы отрезвиться и успокоиться отъ настоящихъ недуговъ. Дальнѣйшее развитіе этого начала будетъ впослѣдствіи зависѣть отъ усмотрѣнія Верх. Власти и находиться въ связи съ обстоятельствами, ускользающими нынѣ отъ человѣческой предусмотрительности.

О пространствѣ правъ народопредставит.

Допустимъ предположеніе, что Вер. Властью признано за благо обратиться къ живымъ силамъ страны и возсоединить эти силы въ постоянное и правильное дѣйствующее законодательное учрежденіе, — необходимо обратить серьезное вниманіе на вопросъ о пространствѣ правъ предполагаемаго представительства. Вопросъ этотъ несомнѣнно занимаетъ первое мѣсто. По этому предмету расходятся мнѣнія людей даже наиболѣе добросовѣстныхъ и благонадежныхъ. Нѣкоторые желаютъ, чтобы Государь передалъ будущимъ собраніямъ нѣкоторую часть своихъ Верх. Правъ. Другіе напротивъ того полагаютъ, что эти собранія должны носить характеръ исключительно совѣщательный.

Мнѣніе гр. Петра Андр. Шувалова въ пользу конституціи. (Прилож. I).

Приверженцы перваго мнѣнія, т. е. полноправности собраній, приводятъ въ пользу своего мнѣнія нѣкоторыя соображенія повидимому весьма вѣскія, но едва ли примѣнимыя къ настоящему положенію Россіи. Они утверждаютъ, что если будетъ установлено собраніе чисто совѣщательное, то это собраніе немедленно поставитъ себѣ главнѣйшею цѣлью рас-

ширеніе своихъ правъ и пріобрѣтеніе преимуществъ западныхъ парламентовъ; что такимъ образомъ съ перваго приступа къ дѣлу обнаружится борьба между правительствомъ и выборными представителями страны, борьба, которая въ скоромъ времени приведетъ обѣ стороны къ неизбѣжному разрыву. Съ другой стороны, при полноправномъ собраніи, правительство, въ случаѣ наступленія существеннаго разногласія, сохраняетъ за собою право распустить палату и возникшее несогласіе получаетъ правильную развязку посредствомъ новыхъ выборовъ; при собраніи же совѣщательномъ члены онаго, въ случаѣ подобнаго разногласія, могутъ сами разъѣхаться и поставить такимъ образомъ правительство въ затруднительное или даже почти безвыходное положеніе.

Неосновательность изложенныхъ аргументовъ.

Эти соображенія, очевидно внушенныя политическою исторіею Запада, не соотвѣтствуютъ нашимъ отечественнымъ условіямъ. Идея самодержавія такъ глубоко укоренилась въ огромномъ большинствѣ русскаго населенія, что трудно представить себѣ возможность открытой борьбы съ Государемъ для захвата Его Верх. Правъ. Во всякомъ случаѣ, если бы даже и была сдѣлана подобная попытка, то Правительству на долгое еще время обезпеченъ легкій исходъ.

Въ дополненіе не мѣшаетъ замѣтить, что если бы даже и проявилось со стороны совѣщательнаго собранія стремленіе къ захвату власти, то это опасеніе не устраняется дарованіемъ ему нѣкоторой части Верх. Правъ. Въ подобномъ случаѣ несогласіе можетъ еще легче произойти по поводу разграниченія этихъ правъ и въ силу естественнаго стремленія къ ихъ расширенію. Сущность дѣла остается одна и та же, съ тою только разницею, что собраніе будетъ имѣть подъ собою нѣкоторую законную почву для предполагаемой борьбы,

Пр-во же будетъ лишено части своей нравственной силы для противодѣйствія.

Если засимъ обратиться ко второму существенному аргументу противниковъ совѣщательнаго представительства, т. е. къ опасенію самовольнаго разъѣзда членовъ собранія, въ случаѣ пренебреженія ихъ совѣтами, то и этотъ доводъ, при ближайшемъ разсмотрѣніи, теряетъ бо̀льшую часть своей силы. Самовольный разъѣздъ членовъ совѣщательнаго собранія есть такое событіе, которое не можетъ состояться безъ предварительныхъ переговоровъ и совѣщаній, и Пр-во будетъ имѣть полную возможность само заблаговременно распустить собраніе и назначить новые выборы.

Измѣнить.

Говоря вообще, должно признать, что вопросъ о совѣщательномъ или полноправномъ характерѣ собраній есть вопросъ безъ сомнѣнія весьма важный, но вмѣстѣ съ тѣмъ *внѣшній* или *формальный*, мало затрогивающій самую сущность дѣла. Въ томъ и другомъ случаѣ собраніе будетъ имѣть огромное значеніе и несомнѣнный вѣсъ. Въ томъ и другомъ случаѣ согласное дѣйствіе пр-ва и собранія будетъ вѣрнѣйшимъ обезпеченіемъ благосостоянія Гос-ва; въ томъ и другомъ случаѣ разрывъ между п-вомъ и народнымъ представительствомъ будетъ величайшимъ несчастіемъ, не оставляющимъ другого спасительнаго исхода, кромѣ пріостановки дѣятельности представительныхъ учрежденій и возстановленія единоличнаго авторитета Верх. Власти. Но при совѣщательномъ собраніи Государь будетъ имѣть возможность прибѣгнуть къ этой крайней и почти безнадежной мѣрѣ, прямо и открыто, простымъ примѣненіемъ удержанныхъ имъ Верх. Правъ, между тѣмъ какъ при конституціонномъ строѣ разрушеніе этого строя, даже въ случаѣ неизбѣжной необходимости, будетъ носить характеръ дѣйствія вѣроломнаго, совершеннаго Государемъ въ нарушеніе данныхъ имъ торжественныхъ обѣщаній.

Вопросъ о пространствѣ правъ народопредставительства д. быть признанъ формальнымъвопросомъ.

Отношеніе большинства къ предст. учрежден.

Въ пользу совѣщательнаго собранія слѣдуетъ привести еще нѣкоторые, едва ли опровержимые доводы.

Каждому извѣстно, что огромное численное большинство рус. народа не понимаетъ другого источника власти, кромѣ Самодержавной Государя. Оно нуждается въ Верх. вождѣ, на котораго могло бы возлагать свои надежды и повелѣнія коего чтутся свято и ненарушимо. Отреченіе Царя отъ этой власти, передача ея въ руки какого бы то ни было представительнаго учрежденія, будетъ казаться дѣйствіемъ непонятнымъ, нѣкоторого рода измѣною со стороны Государя, отказывающагося отъ своего народа и отдающаго его въ руки какихъ-то баръ, спорящихъ въ палатѣ. Созданный такимъ образомъ источникъ власти будетъ казаться огромному большинству населенія чѣмъ-то неестественнымъ или насильно навязаннымъ Государю, и на подобномъ основаніи едва ли можно надѣяться создать прочный Государственный строй.

Значеніе образованнаго меньшинства въ государственномъ организмѣ.

Но рядомъ съ этимъ огромнымъ большинствомъ, составляющимъ несокрушимый, но, такъ сказать, пассивный оплотъ Верх. Власти, имѣется меньшинство, незначительное по сравнительному числу своихъ членовъ, но представляющее огромную важность по нравственному своему развитію. Это меньшинство обнимаетъ всю безъ исключенія образованную часть нашего общества, и къ нему примыкаютъ всѣ новыя силы, постоянно выдѣляющіяся, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія, изъ глубины народныхъ массъ.

Если принять въ соображеніе, что къ этому меньшинству принадлежатъ всѣ дворяне-землевладѣльцы и все почти второе поколѣніе новыхъ людей, сѣвшихъ на ихъ пепелища; всѣ лица, занимающія административныя и судебныя должности, всѣ военные начальники, всѣ общественные дѣятели; далѣе, всѣ лица трудящіяся на поприщѣ науки, литературы, жур-

налистики, адвокатуры, — то нельзя не признать, что въ этой, сравнительно малочисленной группѣ людей, сосредоточивается государственная и общественная жизнь и что, безъ ихъ постояннаго содѣйствія, наше отечество не только потеряло бы свое мѣсто въ семьѣ образованныхъ народовъ, но обратилось бы въ безсмысленное и безсвязное сочетаніе разрозненныхъ единицъ. Запасъ разума, опытности, предпріимчивости и знаній, сосредоточенный въ этомъ меньшинствѣ, составляетъ не «средостѣніе» между царемъ и народомъ, но живую связь Верх. Власти (а засимъ прочихъ правит. и обществ. властей) съ большинствомъ населенія: склейку нашей общественной жизни, спайку нашего Государственнаго и народнаго единства. Къ этому слѣдуетъ присовокупить, что почти исключительно въ средѣ этого меньшинства слагается общ. мнѣніе, эта таинственная и непреодолимая сила, которой въ образованномъ мірѣ подчиняются судьбы государствъ.

Отношеніе меньшинства къ народопр.

Стремленія различныхъ группъ и лицъ, входящихъ въ составъ этого меньшинства, до крайности разнообразны; но между ними преобладаетъ одно общее чувство: это болѣзненное неудовольствіе настоящимъ и нетерпѣливое ожиданіе той минуты, когда живыя силы страны будутъ призваны къ участію въ Государственномъ управленіи. Это возрастающее стремленіе образованной части нашего общества есть такое явленіе, которымъ было бы безразсудно пренебрегать; но не менѣе безразсудно было бы всякое преобразованіе, идущее въ разрѣзъ простой и твердой вѣрѣ въ Царя, коренящейся въ остальной массѣ русскаго народа. Необходимость соглашенія этихъ двухъ разнородныхъ условій; необходимость удовлетворенія настоятельнымъ потребностямъ времени, при соблюденіи коренныхъ отечественныхъ преданій, составляютъ едва-ли не сильнѣйшій аргументъ въ пользу установленія народнаго представи-

тельства совѣщательнаго характера т. е. *ежегоднаго призыва въ составъ особаго законодательнаго учрежденія выборныхъ людей, имѣющихъ подавать свои мнѣнія по поводу всѣхъ возникающихъ по установленному законопроектовъ (въ томъ числѣ и госуд. росписи и отчета), но безъ предоставленія имъ участія въ Верх. Власти, сосредоточенной исключительно въ рукахъ Государя.*

Въ связи съ вопросомъ о пространствѣ правъ представительныхъ учрежденій находится вопросъ о той формѣ и томъ общемъ характерѣ, которые должны быть имъ присвоены. При разрѣшеніи сего вопроса не слѣдуетъ терять изъ виду главной пользы, ожидаемой отъ представительныхъ учрежденій, а именно усиленіе *государственнаго начала*. Эта мысль требуетъ нѣсколько разъясненія.

Значеніе общественнаго мнѣнія.

При всевозможныхъ образахъ правленія, по мѣрѣ успѣховъ просвѣщенія и упроченія гражданской свободы, развивается особая сила, трудно опредѣлимая, ничѣмъ неузаконенная, а простирающая между тѣмъ свое вліяніе на всѣ отправленія Государственной и общественной жизни. Эта сила—общественное мнѣніе.

Въ Россіи до начала прошедшаго царствованія общ. мнѣніе не имѣло случая проявляться и оставалось равнодушнымъ къ большей части Госуд. вопросовъ. Съ вступленіемъ покойнаго Государя на престолъ и по мѣрѣ приведенія въ исполненіе великихъ преобразованій, имъ предначертанныхъ, общ. мнѣніе, освобожденное отъ прежнихъ стѣсненій, стало быстро развиваться и постоянно расширять кругъ своего дѣйствія. Нынѣ наше отечество болѣе и болѣе подходитъ подъ общія условія образованныхъ Государствъ, т. к. правительственная власть поставлена въ необходимость зорко слѣдить за общественнымъ мнѣніемъ, направлять его, поскольку это возможно, и уступать ему, въ случаѣ необходимости: однимъ словомъ, итти рука объ руку съ мнѣніемъ общества и заим-

ствовать изъ этого союза нравственную силу, необходимую для твердаго и послѣдовательнаго веденія Госуд. дѣлъ.

Эта задача, къ сожалѣнію, трудно исполнима для нашихъ Госуд. людей. Въ первой части настоящей записки было указано, что мнѣніе нашего общества раздробляется, за отсутствіемъ законнаго органа, служащаго ему выраженіемъ, на множество безсвязныхъ и разнорѣчивыхъ проявленій, не могущихъ служить ни полезнымъ указаніемъ, ни дѣйствительною точкою опоры для правительства. Зато всѣ эти разрозненные голоса постоянно сходятся на отрицательной почвѣ, т. е. въ прямомъ и косвенномъ осужденіи прав. дѣйствій и дѣятелей. Этотъ духъ критики и отрицанія, вызывающій со стороны нѣкоторыхъ госуд. людей строгое и не вполнѣ заслуженное порицаніе, должень быть признанъ вполнѣ нормальнымъ и естественнымъ явленіемъ. Преобразованія прошедшаго царствованія устранили безъ сомнѣнія множество золъ и принесли намъ огромнѣйшія благодѣянія, но тѣмъ не менѣе они не могли излѣчить всѣхъ недуговъ, тяготѣющихъ надъ нашимъ отечествомъ, составляющихъ, въ большей или меньшей степени, неизбѣжный удѣлъ всякаго человѣческаго общества. Человѣческая природа такова, что по мѣрѣ исцѣленія тяжкихъ страданій недуги болѣе легкіе и дотолѣ мало замѣченные, ложатся въ свою очередь тяжелымъ бременемъ и каждое благодѣяніе порождаетъ цѣлый рядъ новыхъ нуждъ, настоятельно требующихъ удовлетворенія. Сверхъ сего не слѣдуетъ терять изъ виду, что наше поколѣніе, находясь еще подъ впечатлѣніемъ минувшихъ порядковъ, не успѣло разстаться съ привычкой видѣть въ органахъ правительства нѣчто враждебное, едва-ли могущее внушать сочувствіе или довѣріе. Такимъ образомъ, при всей преданности Россіи своему Государю, весь правительственный строй, составляющій необходимый проводникъ между

Валуевъ.

Исправить.

Верх. Вл. и народомъ, остается предметомъ общаго нерасположенія и лишенъ возможности искать въ общественномъ мнѣніи необходимаго сочувствія и содѣйствія. Съ другой стороны, опасеніе этого недоброжелательства простираетъ свое разлагающее вліяніе на дѣятельность должностныхъ лицъ и порождаетъ въ самомъ правительств. организмѣ отсутствіе единства въ направленіи, невѣрность исполненія и постоянное колебаніе между произвольнымъ послабленіемъ и неправомѣрнымъ произволомъ.

Привлеченіе народнаго представительства къ участію въ Госуд. дѣлѣ является вѣрнѣйшимъ средствомъ для устраненія всѣхъ этихъ неблагопріятныхъ условій. Присутствіе выборнаго элемента устранитъ въ значительной степени то недовѣрчивое настроеніе, отъ котораго не могло отвыкнуть наше общество. Общественное же мнѣніе, вмѣсто того чтобы проявляться въ видѣ безсвязной и непріязненной силы, будетъ олицетворяться въ правильномъ и законномъ учрежденіи, съ которымъ правит. власть будетъ имѣть возможность входить въ соглашенія и нравственная поддержка котораго будетъ придавать правит. мѣропріятіямъ недостающія ей теперь послѣдовательность и единство. — Не подлежитъ сомнѣнію, что достиженіе желаннаго согласія будетъ составлять сложную и не легкую задачу. Тѣмъ не менѣе эта задача будетъ несравненно болѣе исполнима, чѣмъ успѣшное управленіе государствомъ посредствомъ правительственнаго организма, лишеннаго сочувствія и при общественномъ мнѣніи, органически непригоднымъ къ оказанію содѣйствія, а способномъ лишь къ порицанію и подрыву власти.

Исправить.

Если предшествующія соображенія примѣнить къ вопросу о формѣ народнаго представительства, наиболѣе примѣнимой къ Россіи, то нельзя не признать необходимымъ, чтобы означенное представительство представлялось, по своему составу и организаціи, дѣйствительно выраженіемъ общественнаго мнѣнія страны, такъ

какъ безъ соблюденія этого условія ожидаемое отъ него содѣйствіе лишилось бы большей части своего значенія.

Согласно сему желательно, что бы существеннымъ и живымъ органомъ народопредставительства было собраніе, состоящее *исключительно* изъ выборныхъ членовъ и пользующееся не кажущеюся только, но дѣйствительною самостоятельностью въ предѣлахъ предоставленныхъ правъ. Нижняя Палата.

Что касается до избранія членовъ означеннаго собранія, то казалось бы необходимымъ принять за основаніе тѣ самыя начала, согласно которымъ производятся нынѣ земскіе выборы, т. е. привлеченіе всѣхъ разрядовъ обывателей къ непосредственному или посредственному участію въ выборахъ. Всякая мысль о повышеніи ценза или объ исключеніи той или другой части населенія отъ участія въ выборахъ должна быть безусловно устранена, какъ предосторожность крайне раздражительная и къ тому же совершенно излишняя. Избирательный цензъ. Повышеніе ценза.

При указанномъ выше составѣ избирателей можно надѣяться на созданіе народопредставительства, выражающаго дѣйствительныя стремленія страны и въ средѣ котораго должно будетъ образоваться значительное ядро, способное къ полезному содѣйствію Государственн. дѣлу. Исправить.

Что же касается до возможныхъ попытокъ со стороны передовыхъ группъ къ пониженію избирательнаго ценза, то подобныя попытки быть можетъ увѣнчаются успѣхомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ безъ сомнѣнія дадутъ результаты прямо противоположные возлагавшимся на нихъ ожиданіямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что ни правительству, ни охранительнымъ слоямъ общества нѣтъ надобности опасаться широкаго привлеченія стихійнаго большинства къ избирательному началу и что, чѣмъ ближе будетъ подходить избирательный процессъ къ типу всеобщаго голосованія, тѣмъ консервативнѣе будутъ выборы. Пониженіе ценза.

Славянофилы отлично поняли эту, впрочемъ весьма простую истину. Въ настоящей запискѣ за основаніе принимается земскій имущественный цензъ не изъ охранительныхъ мотивовъ (и безъ того на долгое время обезпеченныхъ), но изъ желанія дать соотвѣтствующее значеніе въ будущихъ учрежденіяхъ образованнымъ слоямъ населенія.

(Образовательный цензъ, указать на неосновательность опасеній.

При всей однако несомнѣнной благонадежности коренныхъ чувствъ будущаго русскаго народопредставительства, слѣдуетъ предвидѣть и возможность нѣкоторыхъ неблагоразумныхъ увлеченій,—въ особенности въ первое время существованія собранія, когда еще не успѣетъ сложиться прочное большинство и пока умы будутъ находиться подъ вліяніемъ прежняго смутнаго состоянія. Подобныя увлеченія, и нынѣ нерѣдко проявляющіяся въ нашей ограниченной общественной жизни, будутъ по всей вѣроятности явленіями случайными и скоропреходящими, развитію коихъ можетъ быть заранѣе поставлена преграда въ самой организаціи народнаго представительства.

Верхняя Палата.

Для сего необходимо, чтобы рядомъ съ собраніемъ, составляющимъ существенный органъ представительства, было другое учрежденіе, предохранительнаго свойства, соотвѣтствующее верхнимъ Палатамъ Западныхъ Парламентовъ.

Ея назначеніе.

Это учрежденіе должно имѣть общимъ назначеніемъ временную пріостановку недостаточно обдуманныхъ стремленій народнаго представительства; въ случаѣ же увлеченій положительно вредныхъ или опасныхъ оно должно давать имъ рѣшительный отпоръ и самостоятельнымъ своимъ противодѣйствіемъ предупреждать непосредственныя столкновеній между Ниж. Пал. и Прав. Властью.

Ея составъ.

Для выполненія этого назначенія необходимы 2 условія: 1) чтобы существовала увѣренность въ серьозности и добросовѣстной зрѣлости верхняго собранія; 2) чтобы, при этомъ, верхнее собраніе пользовалось возможнымъ

уваженіемъ и достаточнымъ вѣсомъ въ общественномъ мнѣніи. Достиженіе этихъ условій находится въ прямой зависимости отъ состава собранія.

Въ конституціонныхъ странахъ составъ верхнихъ палатъ различенъ. Встрѣчаются наслѣдственные члены, члены по назначенію пр-ва и члены по выборамъ.

(Проэктъ гр. Орлова-Давыдова).

О созданіи въ Россіи наслѣдственныхъ «пэровъ» нѣтъ надобности распространяться. Оно шло бы безъ малѣйшей пользы, въ разрѣзъ нашему народному духу, и созданное такимъ образомъ учрежденіе не только было бы лишено всякаго нравственнаго вѣса, но возбуждало бы вражду и неуваженіе во всѣхъ безъ исключенія слояхъ нашего общества.

Второй способъ, т. е. правительственное назначеніе членовъ верхняго собранія, удовлетворяло бы, даже съ избыткомъ, одной сторонѣ вопроса, давая Пр-ву возможность создавать изъ верхняго собранія послушное себѣ орудіе. Но это самое послушаніе лишило бы означенное учрежденіе всякаго предохранительнаго значенія. Общественное мнѣніе усматривало бы въ немъ составную часть самого Пр-ва и, при такихъ условіяхъ, всякое несогласіе между верхнею и нижнею палатою принимало бы характеръ прямого столкновенія съ правительственною властью.

По этимъ соображеніямъ слѣдуетъ отдать предпочтеніе примѣненію выборнаго начала. Изложенное въ запискѣ № 2 (о мѣстномъ самоуправленіи) предложеніе о представленіи областнымъ земскимъ собраніямъ избирательныхъ правъ могло бы получить въ данномъ случаѣ полнѣйшее примѣненіе. Земскимъ собраніямъ можно бы было предоставить избраніе членовъ верхней палаты, при непремѣнномъ однако условіи, чтобы означенные члены выбирались или пожизненно, или по малой мѣрѣ на три сессіи и были т. образ. ограждены отъ зависимости и давленія со стороны

ихъ довѣрителей, несомнѣнно препятствующей ихъ полезной дѣятельности.

Т. образомъ законодательныя отправленія были бы вручены двумъ собраніямъ представителей, облеченнымъ совѣщательнымъ голосомъ: верхней палатѣ, представляющей совокупность мѣстныхъ земскихъ интересовъ, и нижней палатѣ, служащей выразительницей общегосударственныхъ идей. Такого рода двойственность вполнѣ соотвѣтствовала бы какъ принципу единства и ненарушимости всероссійской государственности, такъ и справедливому стремленію почвенныхъ элементовъ къ мѣстной самобытности, проявляющемуся нынѣ въ разрозненныхъ и безпорядочныхъ центробѣжныхъ явленіяхъ.

Наконецъ, верхняя палата, состоящая изъ представителей мѣстныхъ совѣщательныхъ собраній, представляется логическимъ послѣдствіемъ проекта расширеннаго мѣстнаго самоуправленія, подробно изложеннаго въ вышеупомянутой запискѣ.

Все вышесказанное по поводу состава и организаціи народнаго представительства обнимаетъ одну только сторону вопроса. Участь всего предполагаемаго преобразованія находится въ зависимости и отъ другого, не меньшей важности условія—отъ будущаго направленія и образа дѣйствій правительственной власти.

Образъ дѣйствія правительства.

Очевидно, что для власти дѣйствующей гласно и открыто подъ нравственнымъ контролемъ народнаго представительства, требуется степень самонаблюденія и безукоризненности, мало извѣстная при другихъ порядкахъ и что тамъ, гдѣ дѣло идетъ о привлеченіи къ правительственной программѣ свободно избранныхъ депутатовъ, независимыхъ и, должно надѣяться, неподкупныхъ, необходимо бдительнѣйшее соблюденіе всѣхъ условій, могущихъ обезпечить за представителями правительства общественное довѣріе. Эти условія сами по себѣ не сложны. Здѣсь требуется прежде всего здравый смыслъ и политическая честность: т. е. вѣрность общественной

пользѣ, данному слову и строжайшей, безстрастной справедливости.

Означенныя условія до сего времени не составляли всегдашняго удѣла нашихъ государственныхъ людей. Представляется однако нѣкоторая увѣренность, что недостающія качества сами привьются къ будущимъ правительственнымъ дѣятелямъ подъ неотразимымъ вліяніемъ неограниченной гласности и привольно проявляющагося общественнаго мнѣнія.

Заключеніе.

Въ заключеніе нельзя выразить того убѣжденія, что какіе бы ни были избраны пути къ установленію представительнаго порядка, этому дѣлу должно быть предпоставлено слѣдующее коренное условіе. Необходимо, чтобы введеніе новаго порядка истекало изъ личной воли Государя и признавалось знакомъ милости и довѣрія его къ народу, а не послѣдствіемъ какихъ бы то ни было требованій или опасеній. Настоящая минута представляется вполнѣ благовременною, дальнѣйшее же промедленіе можетъ, при неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, поставить верх. власть въ болѣе затруднительное и менѣе удобное положеніе по отношенію къ вопросу о дарованіи совѣщательнаго народопредставительства.

Необходимо, кромѣ того, чтобы благодарность всего общества не останавливалась на томъ или другомъ государственномъ дѣятелѣ, но восходила непосредственно къ подножію Престола. Для каждаго русскаго до очевидности ясно, что эта благодарность послужитъ не къ умаленію, а къ вящему утвержденію верховной власти и къ дальнѣйшему мирному преуспѣянію русскаго народа.

Украсить.

Такова конституціонная записка гр. П. П. Шувалова. Уже изъ ея заглавія (*О совѣщательномъ народопредставительствѣ*) можно заключить, что она имѣетъ мало общаго съ основными положеніями болѣе радикальнаго конституціоннаго проекта. При довольно умѣренныхъ политическихъ воззрѣніяхъ графа трудно, думаю, поддерживать раньше высказанное В. Я. Богучар-

скимъ мнѣніе, что авторъ радикальной программы земскаго союза, напечатанной въ Женевѣ въ 1882 г., есть лицо, писавшее записки «О совѣщательномъ народопредставительствѣ.

Правда, намъ могутъ возразить, что нужно имѣть въ виду, для кого предназначалась «записка». Вполнѣ естественно, что передъ тѣми кругами, на которые хотѣлъ вліять графъ П. П. Шуваловъ, онъ не могъ выступать съ радикальнымъ проэктомъ. Это бы мѣшало его желанію убѣдить qui de droit въ необходимости и полезности парламентарнаго режима. Тутъ былъ необходимъ расчетливый оппортунизмъ.

Но это возраженіе заслуживало бы вниманія, если бы не имѣлись и другія доказательства, что гр. П. П. Шуваловъ и по своему соціальному положенію, и по складу ума, и по темпераменту не былъ политическимъ радикаломъ. Скорѣе всего онъ сочувствовалъ, можетъ быть, группѣ «*западниковъ—консерваторовъ*», какъ называетъ онъ самъ въ письмѣ къ М. П. Драгоманову извѣстный кругъ людей, симпатизировавшихъ конституціонному движенію въ Россіи, но отнюдь не увлекавшихся радикализмомъ [1].

И. Д. Шишмановъ.

1) Мое мнѣніе объ умѣренности конституціонныхъ взглядовъ графа П. П. Шувалова раздѣляетъ вполнѣ и князь П. Д. Долгоруковъ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ УНИВЕРСИТЕТСКОМЪ ПРЕПОДАВАНІИ.

«Въ университетскомъ вопросѣ заключается, кромѣ частицы школьнаго вопроса, еще кое-что, и кое-что не малое. Въ немъ заключается вопросъ жизни или смерти, а во всякомъ случаѣ вопросъ процвѣтанія или паденія науки въ странѣ».
(Петражицкій, «Университетъ и наука», т. I, стр. 14).

Окончивъ гимназическій курсъ въ одной изъ провинціальныхъ гимназій, я вступалъ въ университетъ (провинціальный) со священнымъ трепетомъ. Изъ какихъ элементовъ слагается радостное, приподнятое чувство у всякаго молодого студента—это всѣмъ извѣстно. Отмѣчу только, что въ хаосѣ личныхъ переживаній того періода у меня значительную роль играло стремленіе прикоснуться къ наукѣ, — «настоящей, университетской наукѣ». Помню, я читалъ и перечитывалъ свой листокъ «записи» на лекціи, гдѣ были напечатаны названія обязательныхъ предметовъ. «Политическая экономія», «Энциклопедія права» — эти названія прямо-таки чаровали меня. Конечно, еще въ гимназіи мнѣ приходилось читать по «Политической экономіи» и Чупрова, и Богданова, и Карышева. Принималъ я участіе и въ кружкѣ, посвященномъ «экономическому образованію». Но все это было неосновательно и неглубоко. И тѣмъ больше было стремленіе къ основательному, университетскому знанію.

Помню, какъ я, вмѣстѣ съ группой другихъ такихъ же юныхъ и жаждущихъ науки товарищей, освѣдомлялся на счетъ «записи» на необязательные предметы. Наивные! Мы жадно

разспрашивали у субъ-инспектора, на какія необязательныя лекціи лучше записаться сейчасъ и на какія послѣ, и можно-ли записываться на лекціи другихъ факультетовъ, если, конечно, ихъ часы не совпадаютъ съ нашими лекціями. Помнится, что субъ-инспекторъ (или просто «субъ», какъ мы называли его) порекомендовалъ намъ поменьше налегать на необязательныя лекціи. При этомъ онъ улыбался, вспоминая, очевидно, сколько благихъ намѣреній, аналогичныхъ нашимъ, отправилось на починку адскихъ мостовыхъ.

Помню и нетерпѣніе въ ожиданіи первой лекціи. Согласно традиціи всѣхъ новичковъ, я пріѣхалъ въ университскій, совершенно чужой для меня городъ слишкомъ рано. Нѣсколько дней пришлось дожидаться появленія профессоровъ и бродить, отъ нечего дѣлать, по коридорамъ университета, знакомясь съ обстановкой и коллегами. Наконецъ, въ одно прекрасное сентябрьское утро мы, новички, узнали, что сегодня будетъ первая лекція... по богословію. Нашъ курсъ состоялъ человѣкъ изъ полутораста. Вѣроятно, сто сорокъ человѣкъ изъ этихъ полутораста явились на лекцію по богословію, слушали лектора-протоіерея съ напряженнымъ вниманіемъ и проводили его оглушительными апплодисментами.

Первыя лекціи! Сейчасъ я держу передъ собою листы своего дневника того времени и читаю тамъ отзвуки энтузіазма, пробужденнаго этими лекціями. Вотъ—одна выписка изъ дневника. «Сегодня была первая лекція проф. Ф. Какъ ему апплодировали. и какъ онъ стоилъ этого! Начертивъ общія основанія того «свободнаго знанія», на какомъ покоится университетская наука, указавъ въ общихъ чертахъ тѣ пути, по какимъ мы должны слѣдовать, изучая науку, онъ пошелъ дальше... Онъ сказалъ, что знаніе должно служить жизни, что, учась, мы не можемъ забывать о тѣхъ ста пятидесяти милліонахъ народа, которому должна служить интеллигенція и который»...

Позвольте прервать выписку. Послѣ того, что намъ преподносили на гимназической скамьѣ, послѣ неукоснительнаго требованія соблюдать правило «отъ сихъ до сихъ и ничего дальше», послѣ восьмилѣтняго вдалбливанія въ голову, что наша задача—хорошо учиться, хорошо вести себя и сдавать экзамены, намъ сразу преподносили и принципъ свободы науки, и перспективы широкой общественной миссіи. Конечно, впечатлѣніе получалось огромное, конечно, проводивъ профессора, глядѣли другъ на друга радостными глазами. И до сихъ поръ я сохранилъ о первыхъ лекціяхъ очень пріятное воспоминаніе. Намѣ-

чались контуры будущихъ занятій и знаній, и эти контуры казались заманчиво-необъятными. Реакція наступила скоро, но не съ перваго шага.

Конечно, моимъ твердымъ намѣреніемъ тогда было посѣщать всѣ лекціи. Больше того: я рѣшилъ конспектировать всѣ лекціи, что и исполнялъ въ теченіе первыхъ двухъ мѣсяцевъ. О лекціяхъ и профессорахъ я писалъ у себя въ дневникѣ, о нихъ я повѣствовалъ въ письмахъ. Однако, прежде даже, чѣмъ кончились внѣшнія признаки «лекціоннаго» увлеченія, ядъ сомнѣнія уже отравилъ внутренніе восторги.

Цѣлый рядъ причинъ вызвалъ это. Прежде всего, послѣ первыхъ «понятныхъ» лекцій очень скоро наступилъ рядъ лекцій, трудныхъ для усвоенія. Очень многое въ нихъ я прямо-таки не постигалъ. Умудренный опытомъ, я знаю теперь, что тутъ повинны были какъ моя неподготовленность къ воспріятію читаемаго, такъ и неспособность нѣкоторыхъ профессоровъ изложить доступно свои мысли, а порою даже небрежное отношеніе ихъ къ лекціямъ. Но причины непониманія не столь важны въ данномъ случаѣ: важенъ былъ самый фактъ. Въ словахъ профессоровъ очень многое не было понятно, а изъ понятнаго почти все вылетало изъ головы съ окончаніемъ лекціи. Оставалось усвоеннымъ весьма немногое. Чуть ли не съ первой недѣли пришлось прибѣгнуть къ помощи учебниковъ. Сначала я глядѣлъ на нихъ, какъ на пособіе къ лекціямъ. Обыкновенно, придя съ лекціи, я находилъ въ учебникѣ соотвѣтственныя мѣста и тщательно перечитывалъ ихъ. Потомъ составлялся конспектъ лекціи. Съ теченіемъ времени конспекты были замѣнены простымъ занесеніемъ на поля учебника всего, что оставалось отъ лекціи и чего не было въ учебникѣ. Затѣмъ... затѣмъ постепенно сложилось убѣжденіе, что слушаніе лекцій гораздо менѣе продуктивно, нежели прочтеніе предмета лекціи по двумъ или тремъ классическимъ руководствамъ. Помню, въ первый разъ у меня мелькнула мысль объ этомъ въ томъ же самомъ сентябрѣ, когда происходили восторги отъ первыхъ лекцій. Я случайно не пришелъ въ университетъ, и встрѣтившись съ товарищемъ, разспросилъ, о чемъ «читали». Узнавъ это, я дома по руководствамъ пробѣжалъ соотвѣтствующіе отдѣлы (только въ большемъ объемѣ) и, сидя въ аудиторіи на другой день, убѣдился, къ великому своему удовольствію, что абсолютно ничего не потерялъ изъ-за своего пропуска. Въ сентябрѣ этотъ пропускъ былъ случайнымъ и единичнымъ, но къ Рождеству я уже привыкъ къ мысли, что отсутствіе на лекціи надо оцѣнивать скорѣе какъ выигрышъ времени,

чѣмъ какъ потерю чего-либо. Убѣжденіе въ возможности замѣнить лекцію учебникомъ уже пустило корни въ душѣ, разбивая въ куски мое прежнее отношеніе къ лекціямъ.

Разумѣется, тоже самое переживало большинство моихъ товарищей. Среди нашего курса было нѣсколько человѣкъ, уже знакомыхъ съ высшей школой; была и значительная кучка шалопаевъ, сознательно обрекшихъ себя на ничегонедѣланіе. У послѣднихъ съ самаго начала наблюдалось отрицательное отношеніе къ лекціонной системѣ. Большинство сначала усердно посѣщало лекціи и энергично хлопало профессорамъ. Такъ было въ сентябрѣ. Потомъ ряды большинства порѣдѣли. Число манкирующихъ увеличилось, и къ Рождеству аудиторіи собирали уже менѣе половины слушателей. Апплодисменты,—бурные сначала,—какъ-то сами собой сошли на-нѣтъ, вышли изъ моды. Послѣ Рождества тотъ же процессъ продолжался, и на второмъ курсѣ лекціи посѣщало, въ среднемъ, не болѣе одной десятой студентовъ.

Первое время мы видѣли въ профессорахъ виновниковъ этого охлажденія. Мѣсяца черезъ три послѣ вступленія въ университетъ въ небольшой группѣ «серьезныхъ» студентовъ зашелъ разговоръ о нашихъ «разочарованіяхъ». Боже мой! Сколько тутъ было сказано непріятнаго профессорамъ! И бездарности-то они, и не умѣютъ заинтересовать, и читаютъ рутинно. Много было сказано, и все въ самой категорической формѣ. Выводъ былъ такой: если бы у насъ профессора были талантливые лектора, если бы они читали красиво, ясно, понятно и не рутинно—никакого разочарованія бы не было. Впрочемъ, и тогда уже были голоса за то, что лекціонная система въ настоящемъ видѣ вообще не можетъ сравняться съ самостоятельнымъ изученіемъ курса по нѣсколькимъ хорошимъ руководствамъ.

Къ концу перваго курса я окончательно и абсолютно разочаровался въ постановкѣ университетскаго преподаванія. Это время было для меня очень мучительнымъ періодомъ сомнѣній—сомнѣній во всемъ, начиная съ самого себя. Я видѣлъ, что университетъ не даетъ того, на что я надѣялся. Профессора всходили на кафедры, читали по конспектамъ или прямо по тетрадямъ свои лекціи и, уходя изъ аудиторіи, прекращали всякую связь со своими слушателями до слѣдующей лекціи. Отъ лекцій оставалось мало, а то, что оставалось, съ успѣхомъ можно было почерпнуть изъ учебниковъ. Невольно напрашивался выводъ, что все университетское преподаваніе, все пребываніе въ университетѣ сводится de facto къ заучиванію двухъ десятковъ учебниковъ. Гдѣ же свобода науки, свободное исканіе истины? Не

слѣдуетъ ли замѣнить университетское образованіе самообразованіемъ? Самому, единоличными усиліями, создавать критическое, свободное отношеніе къ усваиваемому и читаемому? Но это было крайне трудно. Безъ посторонней помощи, казалось, невозможно выбраться изъ хаоса различныхъ теорій, доктринъ, ученій. Учебники вызубривались, какъ догма, но оцѣнить эту догму, самостоятельно разсмотрѣть ее не хватало силъ. Мысль жадно просила общихъ идей, общихъ принциповъ для освѣщенія и систематизаціи отдѣльныхъ кусковъ знанія. Нужны были по крайней мѣрѣ опредѣленные пути къ принципамъ черезъ лабиринтъ фактическаго и теоретическаго матеріала. Словомъ, чувствовалась крайняя нужда въ руководителѣ, который бы одобрилъ, далъ необходимые совѣты, указалъ пути. Увы! Появлявшіеся на кафедрѣ профессора были слишкомъ далеки отъ студентовъ и, въ частности, отъ меня. А больше не было никого. Рѣзко отрицательное отношеніе къ университету наростало, порождая равнодушіе къ наукѣ вообще. Идти по дремучему лѣсу, рискуя заблудиться, и зная въ тоже время, что совсѣмъ рядомъ и свѣтъ, и тепло—не особенно пріятно. Подошли экзамены. Они принесли окончательное убѣжденіе въ томъ, что лекціонная система является чѣмъ-то органически отчужденнымъ отъ остальныхъ проявленій университетской жизни. Во время экзаменовъ руководящая роль оказалась не за лекціями, а за учебниками. Мы—первокурсники—держали три экзамена, и на каждомъ изъ нихъ экзаменаторъ спрашивалъ: «Вы по какому учебнику готовились?» Часто этотъ вопросъ задавался въ самомъ началѣ отвѣта студента, иногда—среди отвѣта. Былъ такой случай. Профессоръ задаетъ вопросъ. Студентъ молчитъ. Слѣдуетъ вопросъ уже не по предмету, а, такъ сказать, къ порядку дня.—«Вы по какому учебнику готовились»?—«По такому-то».—«Такъ что же вы не сказали? Этого отдѣла въ вашемъ учебникѣ совсѣмъ и нѣтъ». Студентъ сконфуженъ, не потому, конечно, что онъ готовился по опредѣленному учебнику, вмѣсто того, чтобы болѣе серьезно и свободно отнестись къ своей задачѣ, а потому, что онъ не знаетъ *своего* учебника. Передъ экзаменаціонными комнатами тоже шли разговоры объ учебникахъ, о конспектахъ, о «любимыхъ вопросахъ» и о томъ, къ какому экзаменатору лучше попасть. Какъ будто совершенно посторонняя университету толпа лицъ, жаждущихъ дипломовъ, собралась добывать эти дипломы отвѣтами «отъ сихъ до сихъ»: повтореніе гимназіи. Но зачѣмъ же тогда эта огромная трата труда на лекціи? Зачѣмъ этотъ годъ занятій? Раціональнѣе и проще, да и откровеннѣе, превратить университетскія аудиторіи въ экза-

менаціонныя камеры, а г.г. лекторовъ—въ присяжныхъ экзаменаторовъ. Теперь же происходитъ что-то ненормальное, берущее много силъ, времени, а дающее до смѣшного мало...

Такія переживанія, приведшія къ столь неутѣшительнымъ выводамъ, по моему глубокому убѣжденію, очень типичны. Не я одинъ ихъ переживалъ. Переживало и переживаетъ ихъ въ той или другой формѣ большинство студентовъ. Результаты бываютъ, конечно, различны. Болѣе слабыя натуры, не видя въ стѣнахъ университета себѣ помощи, сразу складываютъ оружіе и дальше учебниковъ не идутъ, забывая о «свободной наукѣ» и обо всемъ прочемъ. Нѣкоторые складываютъ оружіе послѣ борьбы, послѣ энергичныхъ попытокъ сдѣлать что-нибудь, найти какой-нибудь выходъ. И только меньшинство (и надо сказать, весьма незначительное меньшинство) продолжаетъ работать самостоятельно. Во всякомъ случаѣ отворачиваются отъ теоретическаго знанія и науки многіе, изъ кого при извѣстномъ руководительствѣ и подбадриваніи могъ бы выйти толкъ. Когда думаешь объ этомъ, чувствуешь глубокую досаду. Человѣчество не такъ ужъ богато культурными силами, чтобы можно было съ пренебреженіемъ отталкивать и топтать молодые ростки ихъ.

Итакъ, въ самомъ началѣ своего общенія съ университетомъ я пришелъ къ выводу, что система университетскаго преподаванія построена въ настоящее время на неправильныхъ, нераціональныхъ началахъ. Въ старшихъ классахъ гимназіи аналогичный выводъ сложился относительно гимназической системы. Но тамъ этотъ выводъ не сопровождался внутреннимъ разочарованіемъ и былъ принятъ, какъ нѣчто вполнѣ естественное. Въ университетѣ, наоборотъ, вся суть была именно во внутреннемъ разочарованіи и охлажденіи. А такъ какъ всякая реакція родитъ въ здоровомъ организмѣ контръ-реакцію, то мысль упорно работала надъ этимъ разочарованіемъ, вдумывалась въ причины его, искала выходовъ. Разобраться сразу и вполнѣ было трудно. Сначала пришлось просто примириться съ существующимъ и постараться взять отъ него все, что было можно. При этомъ такое «межеумочное» состояніе продолжалось долго. И лишь окончивъ университетъ и наблюдая университетское преподаваніе уже, такъ сказать, со стороны, пришелъ я окончательно къ тѣмъ выводамъ объ университетской реформѣ, какіе пытаюсь изложить сейчасъ.

Къ лекціонной системѣ я и до сихъ поръ сохраняю самое

отрицательное отношеніе. Ее можно охарактеризовать, какъ своего рода антиподъ практическаго требованія латинской пословицы: это—«non multum, sed multa». Русская пословица: «много словъ, толку мало» также умѣстна здѣсь. Учтите трудъ, какой тратятъ профессора, готовясь къ лекціямъ, читая эти лекціи, представьте себѣ съ другой стороны, пустующія аудиторіи, экзамены (этотъ вѣнецъ и цѣль окончившагося учебнаго періода) по учебникамъ—и вамъ будетъ ясно, что предложенная характеристика отнюдь не грѣшитъ строгостью.

Скажутъ—какъ, напримѣръ, говоритъ профессоръ Петражицкій въ своемъ двухтомномъ трудѣ («Университетъ и наука»),—что виноваты профессора, а не система: профессора не умѣютъ заинтересовать слушателей, профессора читаютъ вяло, рутинно и неинтересно, поэтому и пустѣютъ аудиторіи. «Надо постараться,—пишетъ проф. Петражицкій,—чтобы такихъ лекцій.., какія предполагаются, какъ нѣчто нормальное и естественное врагами лекціонной системы, не всегда соблюдающими мудрое правило «не пеняй на зеркало»... было поменьше»... (т. I, стр. 82). И еще: «Правильнѣе и осторожнѣе было-бы не обобщать индивидуальныхъ лекціонныхъ неудачъ и т. п. данныхъ и аномалій и не выводить изъ нихъ заключенія о неуспѣшности и негодности лекцій вообще, а вмѣсто этого заняться: съ теоретической точки зрѣнія—причиннымъ выясненіемъ эмпирически несомнѣнной, на всевозможные лады массовымъ опытомъ подтверждаемой и признаваемой высокой цѣнности лекцій выдающихся профессоровъ (его слѣдуетъ, конечно, искать на психологической почвѣ); съ практической точки зрѣнія—изысканіемъ мѣръ, ведущихъ къ подъему уровня профессуры и тѣмъ самымъ качества лекцій и ихъ массовой и индивидуальной оцѣнки со стороны учащейся молодежи» (стр. 80).

Охарактеризовать этотъ взглядъ можно, какъ своеобразный призывъ къ идеалу. Проф. Петражицкій соглашается, что сейчасъ плохо, но онъ рекомендуетъ, во-первыхъ, подвергнуть психологическому анализу лекціи выдающихся профессоровъ, а, во-вторыхъ, принять мѣры, чтобы на ихъ лекціи походили лекціи всѣхъ профессоровъ. Передъ цѣльностью и чистотой этой точки зрѣнія нельзя не преклониться, но она слишкомъ оторвана отъ дѣйствительности. Спора нѣтъ: если бы на университетскихъ кафедрахъ сидѣли люди, близкіе къ Моммзенамъ, Кантамъ и Савиньи, можетъ быть, и я бы сталъ ярымъ защитникомъ лекціонной системы. Правда, и тогда бы я, пожалуй, думалъ, что прочесть мысли Моммзена, Канта и

Савиньи по послѣднимъ изданіямъ ихъ трудовъ можно было бы скорѣе, чѣмъ выслушать ихъ лекціи. Но для того, чтобы быть близко къ Канту или Савиньи, стоитъ потратить нѣсколько десятковъ лишнихъ часовъ. Къ сожалѣнію, Кантовъ, Моммзеновъ, Савиньи слишкомъ мало, и когда говоришь или думаешь о дѣйствительности, приходится руководиться не одними идеалами, а цифрами и фактами, тѣмъ массовымъ опытомъ, о которомъ говоритъ проф. Петражицкій и который,право, не за него въ данномъ случаѣ.

Но, слѣдуя за мыслью проф. Петражицкаго, я немного уклонился въ сторону. Вернемся къ утвержденію, что не профессоровъ надо винить въ неудачахъ лекціонной системы, а прежде всего самую систему. Конечно, въ отдѣльныхъ случаяхъ вина лежитъ и на профессорахъ; конечно, очень многое можно сказать по поводу состава современной профессуры; но все же... Развѣ профессора виноваты въ томъ, что они не Канты? Развѣ они виноваты въ томъ, что наше время — время быстраго и дешеваго воспроизведенія мыслей путемъ печати? Развѣ они виноваты въ томъ, что посредствомъ учебниковъ студенты гораздо скорѣе и полнѣе усваиваютъ университетскіе предметы? Развѣ, наконецъ, виноваты профессора непопулярныхъ и никого не интересующихъ (по крайней мѣрѣ въ полномъ ихъ объемѣ) предметовъ, что у нихъ неинтересная спеціальность? Нѣтъ: профессора бываютъ повинны въ небрежной подготовкѣ къ лекціямъ, но эта небрежность замѣчается не такъ ужъ часто. Неумѣнье заинтересовать, при самыхъ благихъ намѣреніяхъ—встрѣчается гораздо чаще. Очень часто ученая сила не соединяется въ человѣкѣ съ даромъ слова и, наоборотъ—пустой, малознающій профессоръ часто бываетъ великолѣпнымъ лекторомъ, собирающимъ полныя аудиторіи. Кантъ, на котораго ссылается проф. Петражицкій, читалъ, по разсказамъ, неважно, и рядовые студенты приходили къ нему въ аудиторію не столько набираться знаній, сколько посмотрѣть на знаменитость.

Чтобы покончить съ лекціонной сестемой, разберемъ вкратцѣ доводы защитниковъ ея. В. М. Гессенъ въ «Правѣ» (за 1901 г.), въ статьѣ: «О постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ» признаетъ несомнѣннымъ, что «лекціи являются удобнѣйшимъ средствомъ руководства самостоятельными занятіями студентовъ. Систематическое указаніе литературныхъ событій, ихъ достоинствъ и недостатковъ, способовъ и пріемовъ пользованія ими всего легче и послѣдовательнѣе можетъ быть сдѣлано при систематическомъ чтеніи курса. Слушаніе лекцій, и только оно,

даетъ слушателямъ общее знаніе предмета, проникнутое единствомъ настроенія мысли. На лекціяхъ нагляднѣе всего обнаруживается логическій элементъ науки—связь между общими началами и частными выводами изъ нихъ. Научная перспектива—различіе между основнымъ и второстепеннымъ—на лекціяхъ выступаетъ съ большей выпуклостью, чѣмъ въ систематическомъ учебникѣ. Сравните хотя бы богатство интонацій съ курсивнымъ шрифтомъ печати. Устное изложеніе одухотворяетъ самый сухой научный матеріалъ. Въ устномъ изложеніи всякая мысль легче схватывается и запоминается». Проф. Петражицкій повторяетъ, въ общихъ чертахъ, тоже самое. На страницѣ 246 своего труда онъ выставляетъ такую «педагогическую теорему»: «Слушаніе (истинно-научной) лекціи не только приводитъ насъ, ceteris paribus, въ болѣе близкое соприкосновеніе съ подлиннымъ механизмомъ и процессомъ научнаго мышленія, нежели чтеніе печатнаго сообщенія результатовъ такихъ же процессовъ, но и даетъ болѣе активное, болѣе живое и интересное упражненіе и въ тѣхъ пріемахъ и оборотахъ научнаго мышленія, которые могли бы быть продѣланы по книгѣ путемъ чтенія». Чтобы доказать это, проф. Петражицкій говоритъ объ эмоціяхъ, рождающихся и у лектора и—отраженнымъ образомъ—у слушателей его. Очень подробно и научно объясняетъ, что именно только путемъ зараженія эмоціями студенты могутъ проникнуть въ умственную лабораторію ученаго, такъ сказать, «заразиться научной атмосферой». Онъ напоминаетъ объ обычной устарѣлости учебниковъ, о невозможности механически, путемъ печатнаго слова, гдѣ «не живетъ и не отражается воодушевленіе и энтузіазмъ науки и гдѣ не воплощается и даже не отражается настоящая природа научнаго процесса», пріобщить изучающихъ науку къ эмоціональной научной жизни. «Научная лекція,—пишетъ проф. Петражицкій,—какъ таковая, пріобщаетъ непосредственно къ наукѣ; эмоціональный токъ имѣетъ здѣсь природу научныхъ чувствъ, научнаго воодушевленія»... Съ точки зрѣнія теоріи научнаго образованія, этотъ процессъ (эмоціональное зараженіе эмоціями лектора) можно охарактеризовать какъ высшее посвященіе въ науку, какъ процессъ непосредственнаго, высшаго и сильнѣйшаго пріобщенія къ наукѣ, къ научному мышленію высшаго типа и полета къ высшему научному чувствованію». Выражаясь просто, мысль проф. Петражицкаго такова, что воодушевленіе профессора-лектора, его духовный подъемъ во время лекціи превращаютъ лекціи въ своего рода научное творчество, гдѣ научная мысль развивается и формулируется, такъ сказать, во-

очію передъ слушателями; въ силу этого, слушатели не только пріобрѣтаютъ извѣстныя знанія, но и сами испытываютъ духовный подъемъ, сами соприкасаются съ научнымъ творчествомъ.

На многочисленныхъ страницахъ, посвященныхъ проф. Петражицкимъ разбираемому нами вопросу, попадается много и тонкихъ, и вѣрныхъ отдѣльныхъ мыслей. Но въ общемъ, какъ его педагогическая теорема, такъ и положенія проф. Гессена, такъ и вообще всѣ доводы защитниковъ лекціонной системы, мнѣ кажется, остаются недоказанными.

Чтобы правильно оцѣнить достоинство и доказательность этихъ положеній, надо прежде всего отрѣшиться отъ чрезмѣрной идеализаціи предмета спора—лекціонной системы. Когда читаешь разсужденія проф. Петражицкаго, временами кажется, что рѣчь идетъ не о происходящемъ каждый день (и съ такимъ неуспѣхомъ) въ университетскихъ аудиторіяхъ, а о чемъ-то иномъ—возвышенномъ и прекрасномъ, какъ греза. Всѣ эти «эмоціонные токи» пріобрѣтаютъ у г. Петражицкаго совсѣмъ другіе цвѣта, чѣмъ имѣютъ въ жизни. Мы даже не совсѣмъ понимаемъ основной тезисъ проф. Петражицкаго относительно «созданія науки» во время лекціи. Мы лично,—какую бы одухотворенную и прекрасную лекцію ни имѣть въ виду,—разумѣемъ подъ лекціей такой же пересказъ выводовъ науки, какой бываетъ и въ книгахъ. Своей психики, процессса своего творчества ни одинъ профессоръ (какъ ни одинъ поэтъ, ни одинъ композиторъ) не изобразитъ передъ толпой. Чтобы лекція была удачна, прежде всего требуется имѣть стройный планъ ея. Если же профессоръ захочетъ творить науку на лекціи, то наиболѣе вѣроятнымъ результатомъ этого будетъ провалъ чтенія и «замѣшательство въ мысляхъ». Да и нельзя предполагать, чтобы человѣкъ «творилъ», всходя въ урочные часы на кафедру. Съ другой стороны, для правильной оцѣнки аргументовъ защитниковъ лекціонной системы необходимо встать на защиту шестой великой державы—печатнаго слова. Духовныя эмоціи, огромныя духовныя волненія даетъ чтеніе произведеній корифеевъ науки. Оно можетъ вызвать огромный интересъ къ научнымъ проблемамъ. Какъ стихотвореніе или разсказъ могутъ пробудить въ насъ глубочайшія художественныя эмоціи, вплоть до духовнаго соприкосновенія съ авторомъ, вплоть до пониманія тайниковъ его души, такъ и чтеніе научной книги можетъ вызвать великія научныя эмоціи. Беру первый вспомнившійся мнѣ примѣръ. Около двухъ лѣтъ прошло съ того дня, когда я прочелъ въ первый разъ «Принципы законодательства» Бентама, но и до сихъ поръ у меня живо ни съ

чѣмъ несравнимое ощущеніе восторга передъ геніальной мыслью англійскаго философа. Цѣлый рядъ незаконченныхъ, бродившихъ въ головѣ мыслей, сталъ и законченнѣе, и понятнѣе, и ближе. Далеко отодвинулось окружающее и близокъ сталъ самъ Бентамъ. Ни одна лекція (а я слышалъ очень удачныя) не дала мнѣ и десятой доли того, что давала тогда одна страница Бентама.

Повторяю, чтобы правильно отнестись къ доводамъ защитниковъ лекцій, надо, съ одной стороны, имѣть передъ собою не идеальныхъ профессоровъ, обладающихъ какой-то особенной способностью создавать лабораторію научной теоретической мысли на каѳедрѣ; съ другой стороны, надо отрѣшиться отъ всякаго пренебреженія къ величайшему двигателю прогресса—демократическому печатному слову. Вспомните существующую дѣйствительность, вмѣсто идеаловъ возьмите возможныя среднія величины (даже выше среднихъ) и оцѣнивайте постулаты гг. Петражицкаго и Гессена. Тогда вы увидите, вмѣсто постулатовъ, рядъ неразрѣшенныхъ задачъ. Почему именно *только* лекціонная система даетъ слушателямъ общее знаніе предмета? Почему въ тѣхъ размѣрахъ, въ какихъ вообще воспринимаетъ это знаніе университетскій слушатель, онъ не можетъ получить его изъ хорошаго руководства? Почему при лекціонной системѣ нагляднѣе обнаруживается логическій элементъ науки? Систематическое чтеніе курса, дѣйствительно, можетъ сопровождаться систематическими же указаніями литературныхъ пособій, ихъ достоинствъ и недостатковъ, способовъ пользованія ими; но развѣ такихъ указаній нельзя сдѣлать инымъ путемъ? Я лично думаю, что печатныя программы и непосредственная бесѣда руководителя съ руководимыми съ успѣхомъ замѣняютъ вышеуказанный придатокъ къ систематическому курсу. Что касается до новѣйшихъ данныхъ науки, то, конечно, тутъ почти единственный способъ ознакомленія для неспеціалистовъ—бесѣда со спеціалистами. Но до систематическихъ курсовъ и лекціонной системы и тутъ еще слишкомъ далеко: нѣсколько бесѣдъ или лекцій—это вовсе не та лекціонная система, противъ которой мы возражаемъ.

Но если лекціонная система не выдерживаетъ критики передъ лицомъ жизни, если она и нераціональна, и неэкономна, то чѣмъ же замѣнить ее? Какое новое устройство университетской жизни можно предложить взамѣнъ этого наслѣдія среднихъ вѣковъ, когда устное слово въ аудиторіи было болѣе мощнымъ и достаточнымъ проводникомъ идей, чѣмъ дорого стоющіе и

сравнительно рѣдкіе манускрипты? Отвѣчая на этотъ вопросъ, я позволю себѣ прибѣгнуть, насколько возможно, къ тому же пути, какимъ я шелъ, критикуя лекціонную систему: начну съ маленькой странички изъ личныхъ воспоминаній. Вернусь опять къ самымъ первымъ днямъ своей университетской жизни. Именно въ то время, когда переживались первыя разочарованія и сомнѣнія насчетъ лекцій, мнѣ пришлось пережить и нѣкоторыя отрадныя впечатлѣнія, значеніе которыхъ было понято мною много времени спустя.

Одинъ молодой (не годами, а своимъ пребываніемъ въ университетѣ) приватъ-доцентъ «объявилъ» практическія занятія по политической экономіи. Студентовъ на первое собраніе этихъ практическихъ занятій собралось довольно много, но все это были новички, о политической экономіи имѣвшіе крайне смутное представленіе. Неувѣренность въ себѣ была страшная. Боялись произнести слово. Организаторъ занятій предложилъ высказаться насчетъ желательнаго характера ихъ. Въ отвѣтъ наступило гробовое молчаніе. Глядѣли другъ-на-друга и... молчали. Кто-то, густо покраснѣвъ, началъ было говорить—и запутался. Словомъ, передъ нашимъ руководителемъ былъ тотъ сырой матеріалъ, какой ежегодно посылаетъ въ университетъ средняя школа. И что же? Несмотря на все только что сказанное, эти практическія занятія для ихъ участниковъ останутся, вѣроятно, однимъ изъ лучшихъ университетскихъ воспоминаній. Не долго продолжались они: всего полгода. Затѣмъ руководитель уѣхалъ въ заграничную командировку. Но за это время было прочтено около десяти рефератовъ, и было втянуто въ занятія наукой свыше двадцати человѣкъ. Черезъ полгода эти двадцать человѣкъ уже могли спорить по общимъ вопросамъ политической экономіи, и какъ ни неглубоки были, въ общемъ, ихъ знанія, все-таки уже было заложено въ молодыхъ умахъ начало умѣнью подойти къ тому или иному отдѣльному вопросу науки.

Вспоминая исторію этихъ занятій, я долженъ отмѣтить, что благопріятный, сравнительно, результатъ ихъ зависѣлъ въ большой степени отъ энергіи руководителя. Обычно на практическія занятія г.г. профессора глядятъ достаточно безразлично; здѣсь же не только было очень серьезное отношеніе къ самому ходу собраній, но и большое вниманіе къ отдѣльнымъ участникамъ. Дѣлалось все, чтобы привлечь возможно бо́льшее число активныхъ работниковъ. Когда на первомъ же засѣданіи профессоръ прочелъ рекомендуемыя имъ темы рефератовъ, вызвалось нѣсколько охотниковъ «взять» нѣкоторыя темы. Вызвалось—и сейчасъ же

пошло назадъ. Да какъ писать? Да стоитъ-ли? Да смогутъ ли они? Здѣсь-то и проявилась энергія руководителя. Онъ не только указалъ необходимыя пособія, не только далъ наиболѣе важныя разъясненія относительно предметовъ темъ: онъ и морально ободрялъ робкія души. Лично я сначала «убоялся» взять тему; но, такъ какъ мнѣ дважды пришлось быть секретаремъ во время засѣданій, то руководитель меня замѣтилъ. И вотъ, однажды передъ занятіями онъ зоветъ меня въ профессорскую комнату и тамъ предлагаетъ взять тему.

— Да я не смогу. Я слишкомъ мало знаю.

— Почитаете, и будете знать. Я вамъ помогу.

— Но... я не справлюсь...

— Почему вы такъ думаете?

Я приводилъ ему доказательства своей неподготовленности, говорилъ, что у меня полный сумбуръ въ головѣ. Онъ меня успокаивалъ, говоря, что если я буду заниматься, сумбуръ самъ собою уляжется; чтобы онъ улегся, надо именно заниматься. Въ концѣ концовъ, нерѣшительность моя была сломлена. Рефератъ былъ написанъ и прочитанъ... не хуже другихъ. И это такъ меня окрылило, что послѣ Рождества я уже самъ взялся за тему, предложенную профессоромъ исторіи римскаго права.

Эта маленькая страничка изъ воспоминаній достаточно характерна. Теперь, черезъ восемь лѣтъ, я, конечно, не могу считать постановку тѣхъ практическихъ занятій идеальной. До идеала было далеко; но она была все-таки хорошей. Она давала все, что могло расшевелить и заставить работать студенческія головы. Здѣсь была и самостоятельная работа подъ руководствомъ опытнаго лица, и обмѣнъ мнѣній, столь важный и полезный для научной работы. Была и моральная поддержка со стороны руководителя занятіями, и, наконецъ, сознаніе того, что дѣлается живое, интересное дѣло. Лица, стоящія ближе къ дѣлу, составлявшія, такъ сказать, живой кругъ около руководителя, черезъ нѣкоторое время стали пропагандировать его идею и притягивать новыхъ членовъ. Занятія оборвались очень скоро, по указанной выше причинѣ, но память о нихъ осталась хорошая. Лично для меня они имѣли большое значеніе. Изъ разговоровъ съ занимающимися наукой студентами моего поколѣнія я убѣдился, что почти всѣ они одинаково связываютъ начало своего активнаго интереса наукой либо съ какимъ нибудь научнымъ кружкомъ въ университетѣ, либо вообще съ какою-нибудь организаціей практическихъ занятій.

Мы подошли въ своемъ изложеніи къ тому пункту, дальше котораго нельзя идти, не выяснивъ предварительно взглядовъ на университетское образованіе и задачи его. Имѣется традиціонное опредѣленіе сущности высшаго образованія, путемъ сравненія съ сущностью средняго. Среднее образованіе—образованіе догматическое; его задача—сообщить учащемуся опредѣленный комплексъ свѣдѣній, какъ безусловно истинныхъ. Высшее образованіе—образованіе критическое. Здѣсь, выражаясь словами проф. Петражицкаго, «элементъ обученія рядамъ истинъ слѣдуетъ подчинить элементу исканія, добыванія истины». Здѣсь слѣдуетъ имѣть въ виду «не учебно-догматическое изложеніе раціональныхъ знаній и внѣдреніе ихъ, а ихъ научно-критическое добываніе» Если взять это традиціонное опредѣленіе съ извѣстной долей условности, то съ нимъ нельзя не согласиться. Дѣйствительно, среднее образованіе—образованіе *по преимуществу* догматическое, а высшее—*по преимуществу* критико-познавательное. Но если такъ, то и методы того и другого преподаванія должны соотвѣтствовать его цѣлямъ. Въ средней школѣ соотвѣтствіе метода имѣется (хотя примѣненіе его, въ общемъ, весьма неудовлетворительно). Но имѣется-ли оно въ высшей школѣ? Способствуетъ-ли современная постановка университетскаго дѣла выработкѣ научно-критическаго міросозерцанія? Нашъ отвѣтъ будетъ рѣзко отрицательный.

Чтобы въ университетахъ дѣйствительно происходило «приближеніе къ наукѣ», необходима самостоятельная, активная научная работа студентовъ, необходимъ живой, энергичный контроль со стороны опытныхъ лицъ за этой работой, необходимо также столкновеніе воззрѣній, живой споръ, часъ котораго, при разумномъ руководствѣ, можетъ иногда принести весьма много для разработки и уясненія трактуемаго вопроса. Необходимо, словомъ, все, что было до извѣстной степени во время практическихъ занятій, исторію которыхъ я описалъ. Если не будетъ самостоятельной научной работы, т. е. попытокъ собственной мыслью проанализировать тотъ или иной научный вопросъ,—какъ можетъ быть понять вообще тотъ «критико-познавательный» процессъ, о которомъ идетъ рѣчь? Чтеніе лекцій, хотя бы оно сопровождалось «каѳедральнымъ творчествомъ» лектора, всетаки будетъ чужимъ творчествомъ, чужой мыслью, воспринимаемой извнѣ. Между тѣмъ, въ данномъ случаѣ необходимо именно самому усвоить и пережить сущность этого процесса.

Съ другой стороны, для неопытнаго, «сырого» ума крайне важно, чтобы его попытки «подойти къ наукѣ» происходили

подъ дѣятельнымъ и заботливымъ контролемъ людей, снабженныхъ опытомъ и знаніями. Разумное руководство въ данномъ случаѣ важнѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Указать на ложные пути, обратить вниманіе на незамѣченное, на допущенныя непослѣдовательности, наконецъ, просто ободрить и указать, какъ вести работу—безъ всего этого человѣку, входящему въ науку, трудно обойтись. Также важно взаимное перекрещиваніе мнѣній во время спора. Одинъ обращаетъ вниманіе на однѣ стороны вопроса, другой—на другія. Одинъ по натурѣ позитивиотъ, другой склоненъ къ грезамъ утопистовъ. Одинъ предпочитаетъ догматическое, обслѣдованіе проблемы, другой подходитъ къ ней съ хирургическимъ скальпелемъ. Какъ полезно соединить и сопоставить всѣ эти различія! Въ концѣ концовъ,—при желаніи помочь юнымъ умамъ и при разумномъ руководствѣ во время ихъ столкновеній—все «образуется».

Итакъ, я принадлежу къ числу сторонниковъ «практическихъ занятій». Но, говоря это, слѣдуетъ очень ясно и точно обозначить свои позиціи. Понятіе «практическихъ занятій»—понятіе чрезвычайно условное и многогранное. Подъ это понятіе подводятъ иногда многое такое, къ чему я отношусь не менѣе отрицательно, чѣмъ къ лекціонной системѣ. Проф. Казанскій, напр., критикуя лекціонную систему, предлагаетъ вмѣсто нея то, что проф. Петражицкій очень рѣзко опредѣляетъ какъ «систему сокращеннаго и сосредоточеннаго» вдалбливанія содержимаго учебниковъ къ экзамену». Если понимать подъ практическими занятіями нѣчто подобное, то Боже упаси отъ нихъ.

Суть рецепта, рекомендуемаго проф. Казанскимъ, въ краткихъ словахъ слѣдующая. Вмѣсто лекціи выдвигается «задаваніе уроковъ по учебнику и собесѣдованіе по считающейся прочитанною студентами части учебника». При этомъ университетскія руководства, по мнѣнію автора, не должны имѣть характера ученыхъ трудовъ: они должны быть чужды ученаго аппарата, ссылокъ на первоисточники, указаній литературы. «Обременять само руководство сносками на литературу и первоисточники нѣтъ никакой цѣли. Для учащихся онѣ не нужны. Мѣсто ихъ въ ученыхъ трудахъ». Такой учебникъ проф. Казанскій рекомендуетъ дѣлить на уроки и подвергать особой отдѣлкѣ передъ разучиваніемъ. Книга размѣчается, при чемъ указываются ошибки автора и тѣ отдѣлы, какіе можно не учить. Затѣмъ даются практическіе совѣты, какъ изучать учебники, «въ какомъ порядкѣ надо читать, на что обращать вниманіе, какія замѣтки дѣлать въ книгѣ и что списывать въ отдѣльную тетрадь, словомъ—какъ надо, по мнѣнію

профессора, учиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ профессоръ выясняетъ условія прохожденія студентами соотвѣтствующаго отдѣла. Далѣе, «профессоръ дѣлаетъ необходимыя добавленія къ изучаемому отдѣлу, если онъ не успѣлъ дать ихъ раньше въ печатномъ видѣ, какъ приложеніе къ учебнику». «Когда извѣстное время прошло, и положенная часть учебника считается прочитанной студентами, профессоръ приступаетъ съ ними къ собесѣдованіямъ по этому отдѣлу. Послѣднія тянутся все время, пока сами слушатели изучаютъ, согласно расписанію, слѣдующую часть. Прежде всего, если явится необходимость, профессоръ иллюстрируетъ данный отдѣлъ учебника рѣчью, имѣющей предметомъ разъясненіе соотвѣтствующихъ текущихъ событій, напр. какого-нибудь общественнаго движенія, процесса, международнаго конгресса. Учащіеся, съ своей стороны, обращаются съ вопросами, при чемъ всего лучше, если бы вопросы эти излагались въ письменной формѣ, чтобы преподаватель могъ взять съ собою на домъ вопросный листъ и отвѣтить на него въ слѣдующій разъ. Во время такихъ занятій учащіеся знакомятся съ собственными взглядами профессора». Въ заключеніе «профессоръ приступаетъ къ бесѣдѣ съ отдѣльными изъ своихъ учениковъ о прочитанномъ, давая по возможности каждому нужныя разъясненія и дополненія, и самъ предлагая вопросы». «Общій уровень бесѣдъ не долженъ черезчуръ высоко подниматься надъ учебникомъ, цѣлью ихъ должно быть только твердое усвоеніе учащимся обязательнаго начальнаго курса... При описанной постановкѣ дѣла вполнѣ возможно ввести въ преподаваніе повтореніе усвоенныхъ свѣдѣній и даже многократное прохожденіе предметовъ, согласно старому правилу: repetitio est mater studiorum» [1]).

А вотъ болѣе общая и широкая картина того университетскаго преподаванія, какое проф. Казанскій признаетъ необходимымъ: «Каждая... наука составляетъ предметъ исключительныхъ занятій студента въ извѣстное время (дѣленіе факультета на курсы или семестры съ одновременнымъ слушаніемъ нѣсколькихъ наукъ устраняется)». «Студенты дѣлятся на небольшія группы и работаютъ вышеизложеннымъ способомъ подъ руководствомъ профессора или его помощника отъ 6 до 8 часовъ въ сутки. Для прохожденія каждаго предмета полагается опредѣленное время, отъ двухъ недѣль до полутора мѣсяца. По истеченіи срока назначается экзаменъ, и учащіеся переходятъ

---

[1]) Всѣ эти выписки взяты изъ брошюры проф. Казанскаго: «О постановкѣ преподаванія на юридическихъ факультетахъ» (Одесса, 1901).

къ другому предмету. Отъ профессора зависитъ допустить тѣхъ или другихъ своихъ слушателей до экзамена, или оставить ихъ на вторичное прохожденіе съ новой группой». При такой системѣ,пребываніе въ университетѣ «сократится, по крайней мѣрѣ для наиболѣе старательныхъ, до трехъ и даже двухъ съ половиной лѣтъ» (стр. 78).

Такова система. Познакомившись съ ней, конечно, всецѣло присоединяешься къ оцѣнкѣ ея, сдѣланной проф. Петражицкимъ. Дѣйствительно, это «сокращенное и сосредоточенное вдалбливаніе содержимаго учебниковъ къ экзамену». Авторъ системы находитъ, что посредствомъ нея учащіеся «пріучатся ко вниманію и мышленію въ области извѣстнаго предмета», что «всѣ силы учащихся будутъ направлены въ извѣстное время на усвоеніе одной какой-нибудь науки; поэтому они овладѣютъ ею и глубже, и полнѣе. Самый интересъ къ наукѣ долженъ постоянно расти, по мѣрѣ бо́льшаго углубленія въ нее, по мѣрѣ того, какъ учащимися будетъ пріобрѣтаться привычка постоянно работать въ извѣстной области» Не надо долго думать, чтобы убѣдиться въ полномъ несоотвѣтствіи системы проф. Казанскаго цѣлямъ и задачамъ университета. Конечно, никакого углубленія въ науку и интереса къ ней при форсированномъ двухъ-или трехъ недѣльномъ прохожденіи ея быть не можетъ. Конечно, о самостоятельной, вдумчивой и критической работѣ при основательномъ штудированіи учебниковъ, поглощающемъ весь рабочій день, не можетъ быть и рѣчи. Затѣмъ это хронологическое изученіе предметовъ одного за другимъ! Такой рецептъ противорѣчитъ самымъ простымъ аксіомамъ психологической науки. Проф. Петражицкій вполнѣ правильно замѣчаетъ по этому поводу: «для нормальнаго развитія ума и усвоенія знаній важно, чтобы разнаго рода впечатлѣнія и свѣдѣнія... вступали въ ассоціаціи сцѣпленія и срощенія съ другими категоріями свѣдѣній. Въ противномъ случаѣ они не пускаютъ прочныхъ корней въ интеллектѣ и могутъ весьма скоро испариться, не говоря уже объ ихъ односторонности». Критикуемое прохожденіе курса нелогично еще потому, что есть предметы, которые по самому существу своему требуютъ повторнаго, съ промежутками, изученія ихъ, даже если изученіе происходитъ по учебникамъ.

Но, забывая о всѣхъ этихъ нелогичностяхъ системы, развиваемой проф. Казанскимъ въ его брошюрѣ, необходимо прежде всего и больше всего подчеркнуть опять-таки коренное противорѣчіе ея самымъ цѣлямъ и задачамъ университетскаго преподаванія. Университетъ, при системѣ проф. Казанскаго, превра-

тился бы въ «сгущенную гимназію»; студенты—въ учениковъ подгоняемыхъ вѣчнымъ призракомъ близкаго экзамена; профессора, черезъ руки которыхъ пройдутъ въ годъ, по плану проф. Казанскаго, отъ 8 до 20 группъ учащихся (одна за другой),—въ спеціалистовъ по «натаскиванью» къ экзаменамъ, т. е. въ Einpauker'овъ. Въ результатѣ сокращеніе университетскаго курса до $2^1/_2$ лѣтъ... Бѣжать хочется отъ такого прожекта, бѣжать безъ оглядки къ свѣжему воздуху и болѣе широкимъ перспективамъ.

Разумѣется, заявляя себя сторонникомъ практическихъ занятій, я не имѣлъ въ виду *такія* практическія занятія. Если университетское ученіе будетъ являться вспомогательнымъ средствомъ при «одолѣніи» студентами учебника, оно не будетъ заслуживать названія университетскаго. Если студенты окажутся неспособными безъ посторонней помощи «усвоить» содержаніе учебника, то такіе студенты будутъ недостойны студенческаго званія. Наконецъ, будутъ недостойны профессорскаго званія профессора, примирившіеся съ ролью спеціалистовъ-Einpauker'овъ.

Я не принадлежу и къ сторонникамъ практическихъ занятій въ узко-утилитарномъ смыслѣ этого слова. Проф. Казанскій комбинируетъ въ своей системѣ обѣ формы осуждаемыхъ нами практическихъ занятій. Параллельно съ вдалбливаніемъ учебниковъ, онъ по плану, должно идти ознакомленіе студентовъ «съ техническими дѣйствіями ихъ будущей государственной и общественной службы... При рѣшеніи уголовныхъ, гражданскихъ и административныхъ дѣлъ несомнѣнно допустима нѣкоторая театральность, распредѣленіе ролей лицъ, участвующихъ въ процессѣ, между разными учащимися, выполненіе всѣхъ формальныхъ условій настоящаго офиціальнаго дѣйствія, составленіе судебныхъ-нотаріальныхъ, канцелярскихъ и иныхъ актовъ и проч.»... Рекомендуется, далѣе, «осмотръ различныхъ государственныхъ, общественныхъ, промышленныхъ, научныхъ, художественныхъ, религіозныхъ и другихъ учрежденій, законодательныхъ, административныхъ и судебныхъ мѣстъ—всего перечислить нельзя»... И этого мало: «по прохожденіи извѣстнаго предмета, напр.: уголовнаго или гражданскаго процесса, или консульскаго права и т. п., учащіеся могутъ быть отправляемы въ судъ, или въ камеру консула, или въ присутственныя мѣста финансоваго вѣдомства и т. п., для ознакомленія на дѣлѣ съ тѣмъ, о чемъ они получили первоначально отвлеченное представленіе, причемъ имъ

могутъ быть поручаемы нѣкоторыя несложныя дѣйствія въ подобныхъ учрежденіяхъ». Необходимы еще «собранія моделей разныхъ государственныхъ и общественныхъ мѣстъ и сооруженій, образцовъ, употребляющихся въ нихъ предметовъ, бумагъ и т. п., до формъ отдѣльныхъ вѣдомствъ включительно». Необходимо... Впрочемъ, будетъ! Кажется, и безъ того ясна цѣль проф. Казанскаго. Университетъ долженъ выпускать готовыхъ чиновниковъ разныхъ вѣдомствъ. Проф. Казанскій писалъ только объ юридическомъ факультетѣ. Если бы онъ писалъ еще о филологахъ, онъ, конечно, заставилъ бы будущихъ педагоговъ преподавать и слушать уроки въ гимназіяхъ, изучать циркуляры, издаваемые министерствомъ народнаго просвѣщенія и, пожалуй, ходить въ канцелярію попечителя учебнаго округа знакомиться съ письмоводствомъ. Ясно, что этотъ путь—не путь университета.

Не такъ давно была произведена анкета между дѣятелями министерства юстиціи по вопросу о желательной постановкѣ юридическаго образованія въ университетахъ. Данныя этой анкеты были разработаны проф. Дерюжинскимъ. Къ сожалѣнію, у меня нѣтъ подъ рукой ни работы г. Дерюжинскаго, ни сырыхъ матеріаловъ анкеты, но я помню общее заключеніе большинства опрошенныхъ. Почти всѣ они высказываются противъ усиленія того узко-практическаго элемента въ университетскомъ образованіи, какое столь пріятно проф. Казанскому (и не ему одному). Наоборотъ, выставляется требованіе и желаніе получать изъ университета людей *теоретически* образованныхъ, умѣющихъ научно мыслить, хорошо знающихъ теорію права вообще и той отрасли права, съ какою они сталкиваются въ своей практической дѣятельности—въ особенности. Думается, что юристы-практики, защищающіе *теоретическое* направленіе научной университетской мысли, вполнѣ правы. Задача университета—не въ томъ, чтобы выпускать изъ своихъ стѣнъ людей уже ознакомившихся со служебной практикой вплоть до формы мундировъ и бумагъ, а лицъ теоретически образованныхъ. Если питомцы университета и обречены будутъ стать дѣльцами, то этому обучатъ ихъ съ несравненно большимъ успѣхомъ, нежели университетъ, тѣ канцеляріи и учрежденія, куда толкнетъ ихъ жизнь и нужда. Наука служитъ жизни. Это—вѣрно. Но служитъ она ей, если можно такъ выразиться, теоретизируя ея явленія и очищая ихъ отъ всякихъ условностей и случайностей. Наука имѣетъ въ виду не чиновниковъ того или иного государства и вѣдомства, а просто образованныхъ: юристовъ, медиковъ, филологовъ, естествоиспытателей и проч.

Итакъ, я стою за практическія занятія, имѣющія цѣлью не экзаменъ и не будущую служебную дѣятельность студентовъ, а научное совершенствованіе ихъ, гдѣ одновременно воспитывается и духовная самодѣятельность, и интересъ къ наукѣ, и критическій научный анализъ студентовъ. Узко-утилитарныя цѣли должны быть забыты и, такъ сказать, изгнаны.

Говоря о практическихъ занятіяхъ, я разумѣю тотъ именно типъ ихъ, краткій абрисъ котораго я далъ выше, въ своихъ воспоминаніяхъ. Такія практическія занятія имѣютъ извѣстное мѣсто и въ существующей системѣ университетскаго образованія. Но какое это мѣсто, какъ поставлены эти занятія? Не секретъ, что многіе руководители относятся къ занятіямъ, какъ къ достаточно скучной дополнительной обязанности. Эту обязанность надо отбыть—и только; не прилагается никакихъ особенныхъ усилій къ тому, чтобы поднять и оживить занятія. На волю и психику студентовъ не оказывается въ этомъ отношеніи никакого вліянія... Есть рефераты—хорошо; нѣтъ рефератовъ... профессоръ скажетъ нѣсколько соболѣзнующихъ словъ, пожметъ плечами и удалится въ свою среду съ жалобой на студенческую косность. Въ результатѣ занятія прозябаютъ. Такъ бываетъ слишкомъ часто. Но всякій разъ, когда руководитель проявляетъ достаточное пониманіе своихъ задачъ, достаточную энергію и интересъ, практическія занятія (беру этотъ общій терминъ) собираютъ значительный и живой кругъ молодежи. Обычно такими руководителями оказываются или приватъ-доценты, или совсѣмъ постороннія университету лица (такъ, когда я былъ на 4-мъ курсѣ, съ большимъ успѣхомъ велъ практическія занятія для нашего курса членъ судебной палаты).

Университетъ я кончалъ въ 1908-мъ году. Это время для провинціи совпало съ поднятіемъ интереса къ такъ называемымъ «семинарамъ». Какъ оставленный при университетѣ, я могъ достаточно близко наблюдать картину семинаровъ съ самаго ихъ рожденія. И теперь, систематизируя свои наблюденія, могу сказать о семинарахъ тоже самое, что о практическихъ занятіяхъ. Идея—очень симпатичная и очень цѣнная сама по себѣ — осуществляется плохо.

Послѣ всего сказаннаго, я могу опредѣленно установить свою позицію. Я полагаю, что вмѣсто лекціонной системы въ основу университетскаго образованія необходимо поставить систему практическихъ занятій, преслѣдующихъ научное совершенство-

ваніе участниковъ ихъ. Въ какой формѣ это сдѣлать? Отвѣтъ на этотъ вопросъ будетъ понятенъ, если не забывать, что въ принципѣ практическія занятія уже входятъ въ систему университетскаго преподаванія; только они занимаютъ въ ней второстепенное мѣсто. Слѣдовательно, желаемый нами переходъ къ лучшей формѣ университетскаго образованія не потребуетъ созданія чего-либо новаго. Онъ потребуетъ только нѣкоторой переоцѣнки цѣнностей. То, что до сихъ поръ стоитъ на первомъ планѣ, должно отойти на второй, и наоборотъ, на первый планъ, въ лучшемъ и усовершенствованномъ видѣ, должно выступить остающееся сейчасъ на второмъ. Система семинаровъ, развивающаяся сейчасъ слабо, могла бы послужить великолѣпнымъ основаніемъ новой организаціи университетской жизни. Профессоръ изъ чтеца систематическаго курса сталъ бы, прежде всего, завѣдующимъ и главнымъ распорядителемъ соотвѣтственнаго семинара. Разумѣется, одному профессору не было бы подъ силу справиться со всей семинарской организаціей. Ему потребовались бы помощники. Но, мнѣ кажется, большая ошибка, что молодыя ученыя силы у юристовъ и у филологовъ не утилизируются подобно тому, какъ утилизируются такія силы у медиковъ и, отчасти, у естественниковъ. Предлагаемая нами реформа дѣлаетъ такую утилизацію неизбѣжной. Она заставляетъ подумать о семинарскихъ помощникахъ у профессоровъ-юристовъ, филологовъ, математиковъ, которые, на подобіе существующихъ ассистентовъ и лаборантовъ, дѣлили бы съ завѣдующимъ труды по управленію семинаромъ. Университетъ весь превратился бы тогда въ огромную научную лабораторію, гдѣ всякій студентъ, желающій учиться и «познать науку», имѣлъ бы и необходимую помощь, и руководство, и матеріалы. И тогда университетъ принялъ бы видъ, отвѣчающій требованіямъ современной научной техники и вообще современной дѣйствительности. Мы замѣтили выше, что существующая организація университетовъ — наслѣдіе среднихъ вѣковъ. Какъ въ нѣкоторыхъ университетахъ сохранились до сихъ поръ профессорскія мантіи и прочій средневѣковый ритуалъ, такъ уцѣлѣла въ теченіе вѣковъ средневѣковая лекціонная система. Когда книги были дороги, когда ихъ было мало, когда тяжелые и громоздкіе манускрипты цѣнились на вѣсъ золота и даже дороже,—тогда жизнь требовала лекціонной системы, тогда живое слово не могло быть замѣнено ничѣмъ и было самымъ драгоцѣннымъ и быстрымъ проводникомъ знаній. Теперь не то. Мы живемъ въ эпоху ротаціонныхъ машинъ и телеграфа, когда всякій новый изгибъ мысли можетъ быть въ любой моментъ въ сотняхъ тысячъ

экземплярахъ распространенъ по всему цивилизованному міру. Измѣнился и образъ проповѣдника науки. Если раньше трудно было себѣ представить профессора, какъ не на каѳедрѣ и не въ профессорской мантіи, то теперь онъ рисуется за своимъ рабочимъ столомъ, согнувшійся надъ бумагой. Если раньше профессоръ, чтобы распространить свои идеи среди учениковъ, долженъ былъ хорошо говорить, то теперь онъ долженъ хорошо писать. Времена измѣнились.

Сдѣлаю лишь два пояснительныхъ замѣчанія. Во-первыхъ, я долженъ замѣтить, что предлагаемый планъ измѣненій отнюдь не требуетъ абсолютнаго исключенія лекцій. Онъ протестуетъ только противъ превалирующаго значенія ихъ. Это, конечно, вовсе не исключаетъ того, чтобы было обработано въ формѣ лекцій, напримѣръ, изложеніе новостей въ наукѣ. Не исключается также возможность прочтенія небольшого частнаго курса по излюбленному и особенно разработанному лекторомъ вопросу. Уничтожаются только общіе, систематическіе курсы, столь легко замѣняемые учебниками. Во-вторыхъ, мнѣ кажется, надо особенно подчеркнуть ту активность, какая потребуется при предлагаемой системѣ со стороны руководителей практическими занятіями. Если профессорская коллегія будетъ слѣдовать въ данномъ случаѣ принципу «laissez faire, laissez passer», то учебная университетская жизнь можетъ зайти въ тупикъ. Вся система практическихъ занятій должна быть пропитана разумнымъ и энергичнымъ надзоромъ за работой студентовъ. Необходимо, чтобы руководители слѣдили за извѣстной научной зрѣлостью и, главное, добросовѣстностью самостоятельныхъ студенческихъ работъ; необходимо, чтобы общія собранія съ рефератами и диспутами были одинаково предохранены какъ отъ пустой болтовни студентовъ-говоруновъ, такъ и отъ неудовлетворительныхъ, въ научномъ отношеніи, докладовъ. Необходимо возвести въ правило, чтобы къ рефератамъ и преніямъ готовились цѣлыя группы лицъ. Необходимо — помнить, что смыслъ системы практическихъ занятій не въ числѣ прочитанныхъ докладовъ и не въ длинныхъ спорахъ по поводу нихъ, а въ серьезной и сознательной научной работѣ участниковъ занятій. Повторяю: контроль и руководство завѣдующихъ практическими занятіями должны чувствоваться во всемъ, поскольку, конечно, отъ этого не будетъ страдать свобода мысли и научнаго изслѣдованія.

Противъ всей изложенной системы можетъ быть выдвинуто одно общее и принципіальное возраженіе. Формулируя кратко, это возраженіе сводится къ упреку въ аристократичности пред-

лагаемой системы. Когда я развивалъ свои мысли въ кружкѣ знакомыхъ, мнѣ пришлось выслушать это возраженіе въ очень опредѣленной и рѣшительной формѣ. Университетъ долженъ служить всѣмъ студентамъ, способнымъ и неспособнымъ, съ теоретическимъ складомъ ума и съ практическимъ складомъ. Между тѣмъ, система практическихъ занятій можетъ служить только духовной аристократіи студенчества. Лишь люди способные, тяготѣющіе къ наукѣ, имѣющіе научную иниціативу и любознательность, смогутъ воспользоваться плодами намѣченнаго выше строя университета. Люди средняго уровня, люди массы, у которыхъ не хватитъ силъ на самостоятельное занятіе наукой, никакой пользы отъ перемѣны не получатъ и—eo ipso—будутъ выкинуты за бортъ университетской жизни. Теперь эти «средніе студенты» еще могутъ получать извѣстную пользу, слушая лекціи и тѣмъ въ легкой формѣ готовясь къ экзаменамъ; теперь они еще чувствуютъ себя связанными съ университетомъ—тогда у нихъ порвутся всякія съ нимъ связи.

Поскольку въ этомъ возраженіи немъ идетъ рѣчь о преимуществахъ лекціонной системы, я не буду о немъ говорить, ибо уже сказалъ достаточно. Что касается до остальной части возраженія, то, на мой взглядъ, оно не убѣдительно, потому что, оцѣнивая новыя формы университетской жизни, исходитъ изъ существующаго положенія вещей. Дѣйствительно, въ настоящее время, въ существующихъ практическихъ занятіяхъ, по общему правилу, принимаетъ активное участіе почти исключительно наиболѣе способная и интересующаяся наукой часть студенчества. Но это только теперь, когда практическія занятія—явленіе въ значительной степени спорадическое и случайное въ общей системѣ университетскаго преподаванія, и когда они поставлены нераціонально. Совсѣмъ иное должно получиться, если практическія занятія станутъ во главу угла и сдѣлаются въ принципѣ обязательными. Не надо забывать, прежде всего, что у студентовъ долженъ будетъ перемѣниться самый взглядъ на сущность университетскаго преподаванія и на цѣль пребыванія въ университетѣ. Хорошимъ показателемъ могутъ служить, въ данномъ случаѣ, практическія занятія по нѣкоторымъ предметамъ естественнаго факультета. Среди студентовъ-естественниковъ много такихъ, которые и не думаютъ о практической дѣятельности, связанной съ химіей. Экзаменъ по химіи можно сдать и безъ особаго соприкосновенія съ лабораторіей. Между тѣмъ, среди студентовъ-естественниковъ мало такихъ, которые не произвели бы опредѣленнаго количества практическихъ работъ въ лабораторіяхъ. Это считается своего

рода нравственнымъ долгомъ. Когда практическія занятія—у юристовъ-ли, у филологовъ-ли—ведутся съ любовью и съ интересомъ со стороны руководителя, они всегда привлекаютъ значительное количество участниковъ.

Во всякомъ случаѣ, намѣченная мною система при раціональной постановкѣ можетъ втянуть въ занятія наукою всѣхъ, кто имѣетъ хоть какую-либо къ нимъ склонность; бо́льшаго-же, кажется, и требовать нельзя. Для остальной части студенчества останутся учебники, экзамены [1]) и пассивное присутствіе при практическихъ занятіяхъ, когда они будутъ происходить въ формѣ общихъ собраній съ рефератами и преніями. Хуже-ли будетъ это для нихъ, чѣмъ нынѣшнее слушаніе лекцій? Не думаю.

Обрисованное въ общихъ чертахъ желательное устройство университетскаго преподаванія должно было бы, кромѣ увеличенія продуктивности непосредственнаго ученія въ университетѣ, повліять облагораживающимъ и улучшающимъ образомъ на другія стороны университетской жизни. Прежде всего, при такой постановкѣ преподаванія значительно уменьшилась бы та разобщенность профессуры и студенчества, какая наблюдается въ настоящее время. Необходимость постоянно быть на виду у нея и дѣйствительно руководить ея образованіемъ, неизбѣжно отразилась бы на положеніи и дѣятельности профессуры. Соединенные (а не разобщенные, какъ сейчасъ) элементы университетскаго цѣлаго смогли бы дать болѣе сильный отпоръ посягательствамъ на свободу науки и преподаванія, эти «conditiones sine quibus non» университетской жизни.

Но это еще далеко не все. Цитируя прекрасныя слова проф. Петражицкаго, какъ эпиграфъ къ настоящей статьѣ, я глубоко понималъ весь высокій драматизмъ этихъ словъ. Да, при нормальномъ теченіи вещей университеты должны быть дѣйствительно тѣмъ, съ процвѣтаніемъ чего неразрывно связаны судьбы

---

[1]) Необходимо, впрочемъ, оговориться, что вопросъ объ экзаменахъ самъ по себѣ составляетъ цѣлую проблему. Можно—и притомъ съ большими основаніями—сомнѣваться вообще въ необходимости экзаменовъ для университета. Во всякомъ случаѣ экзамены, соединенные съ правомъ получить доступъ на опредѣленную государственную службу, лучше было бы совершенно отдѣлить отъ университета, какъ нѣчто совершенно чуждое университетскимъ цѣлямъ и задачамъ. Думается, что при упраздненіи такого рода экзаменовъ вопросъ о студентахъ, не склонныхъ къ активному занятію наукой, могъ бы быть разрѣшенъ гораздо легче, чѣмъ теперь. Много бы отпало тогда отъ университета элементовъ, нынѣ связанныхъ съ нимъ лишь чаяніемъ диплома и зависящихъ отъ него служебныхъ благъ.

науки и, стало быть, духовной культуры въ странѣ; но послѣ намѣченной мною перемѣны въ формѣ преподаванія, университеты во много разъ легче справились бы съ ролью «свѣточей науки». Каждый профессоръ, вѣрнѣе,—каждая университетская каѳедра превратилась бы тогда въ своего рода научную школу, участіе въ которой отнюдь не ограничивалось бы студенчествомъ. Какъ сейчасъ въ занятіяхъ семинаровъ могутъ, съ разрѣшенія профессоровъ, принимать участіе и постороннія лица (гости), такъ и тогда бы могло быть тоже самое. Окончившіе питомцы университета, продолжающіе интересоваться наукой, могли бы найти въ нѣдрахъ университета и поддержку, и совѣтъ, и руководство. Университетъ далеко бы вышелъ изъ стѣнъ своихъ, превратившись въ научную лабораторію; свѣтъ его освѣщалъ бы всю страну, отражаясь во всѣхъ интересующихся наукой. И профессора не были бы тогда одинокими представителями научной работы.

Таковъ нашъ идеалъ университетскаго преподаванія. Но если имѣть передъ собою такой идеалъ, какъ приходится отнестись къ тому, что волнуетъ сейчасъ всю мыслящую Россію,—какъ отнестись къ политикѣ министра народнаго просвѣщенія г. Кассо, и къ руководящимъ ею принципамъ? Не этой политикѣ,—нездоровому проявленію нездороваго времени,—посвящена наша статья. И все-таки совсѣмъ умолчать о ней невозможно: слишкомъ ужъ разрушительна она. И хотя мы увѣрены, что о г. Кассо скоро забудутъ, тѣмъ не менѣе *сейчасъ*, думая объ университетскомъ преподаваніи, невольно думаешь и о его политикѣ.

Если даже откинуть вопросъ о чисто политической сторонѣ дѣла, если разсматривать дѣятельность г. Кассо только съ точки зрѣнія здоровыхъ принциповъ педагогики, то и тогда, послѣ всего сказаннаго выше, двухъ мнѣній быть не можетъ. Университетская политика г. Кассо, съ ея заграничными семинарами, съ ея стремленіемъ обезличить какъ профессуру, такъ и студенчество, крайне антипедагогична. Заразившись духомъ дворянскихъ, привилегированныхъ школъ, бывшій профессоръ Харьковскаго и Московскаго университетовъ стремится изгнать изъ университетовъ *критическое изученіе науки*.

Вотъ его мѣры. Во-первыхъ, усиленіе въ университетахъ элемента догматическаго, присущаго средней школѣ, превращеніе студентовъ, съ точки зрѣнія предъявляемыхъ къ нимъ требованій, въ учениковъ. Во-вторыхъ, превращеніе профессорской корпораціи въ корпорацію учительскую, не выходящую за предѣлы опредѣленныхъ рамокъ, вышколенную на чужой, заграничный

образецъ и подчинившуюся чужому авторитету. То творчество науки, о какомъ говорилось выше и къ какому должны стремиться университеты, выносится вонъ изъ страны. Въ страну вводятся лица, уже начиненныя премудростью—и премудростью желательнаго направленія, лица, усвоившія послѣднее слово желательной догмы. О живой связи со страной, о родныхъ научныхъ школахъ, объ университетахъ, какъ научныхъ лабораторіяхъ, и рѣчи не можетъ. Все это способствуетъ смутѣ. Отъ университетовъ требуется одно—доставленіе странѣ достаточнаго количества грамотныхъ и съ надлежащими дѣловыми инструкціями чиновниковъ всякаго рода. Не знаю, освѣдомленъ-ли г. Кассо о системѣ проф. Казанскаго. Но, вѣроятно, эта система во многомъ бы понравилась г. Кассо, какъ система практическая, дѣловая. Зачѣмъ намъ наука и научная свобода? Намъ нужны чиновники. Намъ надо окончательно превратить университеты въ удобныя и безопасныя мѣста для воспитанія будущей бюрократіи. Система угашенія духа...

П. П.

Помѣщая настоящую статью, затрогивающую одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ университетской жизни, редакція не можетъ согласиться вполнѣ съ выводами автора. Практическія занятія безспорно должны получить широкое развитіе, но отсюда еще не слѣдуетъ, чтобы лекціонная система подлежала отмѣнѣ или сведенію къ тѣмъ болѣе чѣмъ скромнымъ размѣрамъ, какіе намѣчаетъ для нея авторъ. Если далеко не всѣ профессора являются выдающимися лекторами, то вѣдь не всѣ, точно также, могутъ стать выдающимися руководителями практическихъ занятій. Какъ въ парламентѣ различаются ораторы и дебатеры, такъ и въ профессорской средѣ можно наблюдать два типа, дополняющіе другъ друга. Сильная сторона однихъ заключается въ непосредственномъ дѣйствіи на слушателей, сильная сторона другихъ—въ умѣньѣ направлять ихъ самостоятельную работу. И то, и другого имѣетъ большую цѣну; и тому, и другому должна способствовать организація университетскаго преподаванія. Авторъ придаетъ преувеличенное значеніе своему личному опыту; впечатлѣніямъ, которыя онъ испыталъ, нетрудно было бы противопоставить другія, рѣзко отъ нихъ отличныя. Если онъ лучше усваиваетъ прочитанное, чѣмъ слышанное, то никакого общаго заключенія изъ этого выводить нельзя. Если публичныя лекціи до сихъ поръ сохраняютъ притягательную силу, если онѣ, при

извѣстныхъ условіяхъ, оставляютъ глубокій слѣдъ въ слушателяхъ различныхъ возрастовъ, различной степени развитія, различныхъ профессій, то нѣтъ причины думать, чтобы та-же форма передачи мысли проходила безслѣдно для большинства студентовъ, составляющихъ сравнительно однородное цѣлое. Одновременно съ статьей г. П. П. намъ случилось прочесть интересныя «Записки семидесятника» (О. В. Аптекмана), напечатанныя въ № 4 «Современнаго Міра». Его отзывы о лекціяхъ проф. Бекетова (Н. Н.) и Щелкова—въ Харьковскомъ университетѣ, С. П. Боткина и М. М. Руднева—въ военно-медицинской академіи, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ того восторга, который онѣ возбуждали въ немъ не только въ началѣ, но постоянно, во все время слушанія ихъ. Вотъ, напримѣръ, что онъ говоритъ о лекціяхъ Руднева: «Удивительная ясность, опредѣленность, точность. Лишняго слова не скажетъ. Поразительная экономія силъ: часовая слишкомъ лекція не утомляетъ, не ослабляетъ вниманія слушателей. Слушатель уходитъ съ лекціи бодрый, свѣжій, какъ послѣ душа. Содержаніе лекціи усваивается съ такою легкостью и прочностью, что долгое-долгое время сохраняется въ памяти». А между тѣмъ М. М. Рудневъ не былъ ораторомъ, не былъ и первостепенной научной силой: онъ былъ превосходнымъ лекторомъ, и этого было достаточно, чтобы о немъ навсегда сохранилась благодарная память. Что же сказать о тѣхъ профессорахъ, которые даютъ слушателямъ не только знаніе, но и настроеніе, поднимая ихъ надъ дѣйствительностью, роняя въ душу нескоро гаснущія искры? Безъ лекціонной системы было ли бы возможно вліяніе Грановскаго, надолго пережившее его, дорогое нѣсколькимъ поколѣніямъ? Много ли найдется бывшихъ студентовъ петербургскаго университета, на которыхъ, въ семидесятыхъ годахъ, не дѣйствовали бы возбуждающимъ и возвышающимъ образомъ лекціи Рѣдкина?.. Особенно важны и драгоцѣнны встрѣчи съ такими силами при первыхъ шагахъ университетской жизни, когда велика воспріимчивость и чуткость, когда кладется, сплошь и рядомъ, основа будущему. Конечно, рѣшающее дѣйствіе можетъ произвести въ это время и книга, но какая книга? Во всякомъ случаѣ—не учебникъ, которымъ г. П. П. предлагаетъ, въ первую голову, замѣнить лекціи. Въ г. П. П. неизгладимое впечатлѣніе оставило сочиненіе Бентама: «Принципы законодательства», но вѣдь не изъ него, при новыхъ порядкахъ, почерпали бы студенты тотъ матеріалъ, который теперь даютъ имъ лекціи. Лекціи, достойныя своего назначенія, представляются не повтореніемъ учебника: онѣ заключаютъ въ себѣ много такого, что узнать помимо нихъ

весьма не легко. Дополненіемъ къ нимъ могутъ служить, притомъ, бесѣды студентовъ съ профессоромъ, вполнѣ мыслимыя и помимо практическихъ занятій. Чтобы принести дѣйствительную пользу, практическія занятія требуютъ нѣкотораго предварительнаго запаса свѣдѣній, пріобрѣсти который всего легче именно путемъ слушанія лекцій. Если въ настоящее время лекціи посѣщаются слабо, то главная тому причина—не коренящаяся въ нихъ самихъ невозможность возбудить и поддержать интересъ къ нимъ, а случайныя, временныя обстоятельства: трудно ожидать полныхъ аудиторій, когда въ студенческой массѣ интересъ къ событіямъ дня преобладаетъ, подъ вліяніемъ ненормальныхъ политическихъ условій, надъ интересомъ къ наукѣ. Съ измѣненіемъ этихъ условій неизбѣжно станутъ иными и отношенія студентовъ къ профессорамъ, испорченныя долгими годами правительственнаго недовѣрія и полицейскаго вмѣшательства; въ составъ профессорской коллегіи перестанутъ проникать элементы, унижающіе ея достоинство... Не лишено значенія, наконецъ, и то возраженіе противъ исключительнаго преобладанія практическихъ занятій, на которомъ съ особымъ вниманіемъ останавливается г. П. П. Безспорно, практическія занятія принесутъ мало пользы тѣмъ студентамъ, которые не будутъ принимать въ нихъ активнаго участія. Одно дѣло—слушать лекціи, дающія цѣльную научную картину, другое—присутствовать при чтеніи и обсужденіи рефератовъ, посвященныхъ отдѣльнымъ ея уголкамъ. Насколько послѣднее интересно и важно для всесторонне-подготовившихся къ нему студентовъ, настолько оно скучно и безплодно для другихъ. Изъ лекцій каждый можетъ вынести хоть что-нибудь; о практическихъ занятіяхъ этого сказать никакъ нельзя. А между тѣмъ, дѣятельное участіе въ такихъ занятіяхъ на факультетахъ историко-филологическомъ и, въ особенности, юридическомъ будетъ доступно, при нынѣшней многочисленности студенчества, только для небольшого меньшинства. Само собою разумѣется, что это—аргументъ не противъ практическихъ занятій, а только противъ совершеннаго вытѣсненія ими лекціонной системы. Правильная организація практическихъ занятій вполнѣ совмѣстима съ сохраненіемъ лекцій, быть можетъ—въ нѣсколько уменьшенномъ числѣ. Настоящимъ бѣдствіемъ было бы введеніе практическихъ занятій такого типа, какой рекомендуется проф. Казанскимъ—и въ яркомъ освѣщеніи этой темы мы видимъ самую сильную сторону статьи г. П. П.

К. А.

МЕЖДУНАРОДНОЕ РАБОЧЕЕ ПРАВО.

Среди поразительныхъ контрастовъ, которыми такъ богата современная, все болѣе и болѣе осложняющаяся дѣйствительность, нельзя не обратить вниманія на двѣ діаметрально противоположныя тенденціи, обнаруживающіяся въ юридическихъ нормахъ, регламентирующихъ въ различныхъ государствахъ положеніе иностранныхъ рабочихъ.

Съ одной стороны, рабочее законодательство каждой отдѣльной страны направлено прежде всего, если не всецѣло, къ охранѣ отечественнаго рабочаго населенія и очень часто не распространяется вовсе на иностранныхъ рабочихъ. Само собою понятно, что мѣры, касающіяся собственно регламентаціи условій труда (продолжительность рабочаго дня, еженедѣльный отдыхъ и пр.), не знаютъ такого различія, но оно, довольно строго проводится въ другой, не менѣе важной, части рабочаго законодательства, предметомъ которой служатъ различные виды страхованія рабочихъ и, главнымъ образомъ, страхованіе отъ несчастныхъ случаевъ. Мало того: постоянно усиливающійся иммиграціонный потокъ заставляетъ нѣкоторыя государства принимать рядъ спеціальныхъ ограничительныхъ мѣръ противъ вторженія «нежелательныхъ» или «обременительныхъ» элементовъ—«undesirable immigrants», какъ ихъ называетъ англійскій *Aliens Act* 11 августа 1905 г., или «lästige Ausländer», по нѣмецкой терминологіи.

Съ другой стороны, это узко-національное направленіе рабочаго законодательства отдѣльныхъ государствъ въ послѣднее время начинаетъ уступать мѣсто новому, болѣе широкому принципу соціальной справедливости и международной солидарности, требующему полнаго уравненія юридическаго положенія ино-

странныхъ и отечественныхъ рабочихъ. Правда, такое полное уравненіе въ правахъ рабочихъ той и иной категоріи является пока еще довольно отдаленнымъ конечнымъ пунктомъ того движенія, которое сейчасъ едва только начинается. Но уже первые шаги, сдѣланные на этомъ пути, заслуживаютъ быть отмѣченными, какъ элементы, изъ которыхъ постепенно формируется совершенно новая область права: *международное рабочее право*, область, призванная — въ силу принимающаго все болѣе и болѣе широкіе размѣры международнаго общенія, въ силу роста вліянія международныхъ рабочихъ организацій и тому подобныхъ факторовъ — быстро развиться и играть весьма крупную роль. «Двадцатый вѣкъ», говоритъ одинъ французскій юристъ, «будетъ вѣкомъ международнаго рабочаго права... Настанетъ время, когда великія европейскія державы будутъ посвящать изученію и развитію этихъ мирныхъ задачъ все то вниманіе и усиліе, съ которыми онѣ нѣкогда относились къ проблемамъ чисто политическимъ, дипломатическимъ и военнымъ» [1]).

I.

Исходнымъ пунктомъ для возникновенія и развитія международнаго рабочаго права послужила чрезвычайно усилившаяся со второй половины прошлаго вѣка мобилизація рабочихъ массъ, выбрасывающая на заграничные рынки постоянно увеличивающееся число рабочихъ рукъ. Но это явленіе, само по себѣ взятое, не въ состояніи объяснить той новой тенденціи, которая лежитъ въ основѣ международнаго рабочаго права. Усиленіе иммиграціи скорѣе должно было укрѣпить присущее каждому національному законодательству стремленіе сохранить выгоды закона исключительно за отечественными рабочими и даже оградить послѣднихъ, насколько это возможно, отъ конкуренціи иностранныхъ рабочихъ.

И дѣйствительно, такія ограниченія по отношенію къ иностраннымъ рабочимъ мы находимъ на каждомъ шагу въ области юридическихъ нормъ, регламентирующихъ, напримѣръ, страхованіе рабочихъ на случай старости или отъ несчастныхъ случаевъ при работѣ. Принципіально распространяющійся на всѣхъ рабочихъ безъ различія національностей германскій за-

---

[1]) *B. Raynaud.* Droit international ouvrier. Парижъ, 1906.

конъ 22 іюня 1889 года о страхованіи на случай старости фактически остается безъ примѣненія къ большинству иностранцевъ, въ силу статьи 4-ой этого закона, предоставляющей союзному совѣту право изъятія изъ обязательнаго страхованія тѣхъ, чья работа носитъ временный характеръ. Такимъ образомъ остаются, напримѣръ, внѣ сферы дѣйствія закона многочисленные выходцы изъ Россіи, отправляющіеся въ Германію на полевыя работы. Французскій законъ 9-го апрѣля 1898 года о вознагражденіи рабочихъ, потерпѣвшихъ отъ несчастныхъ случаевъ, значительно суживаетъ права иностранныхъ рабочихъ, которые, выселяясь изъ французской территоріи, получаютъ вмѣсто присужденной имъ пожизненной пенсіи только единовременное пособіе въ размѣрѣ тройной пенсіи. Тотъ же законъ совершенно лишаетъ правопреемниковъ рабочаго-иностранца права на полученіе вознагражденія, если въ моментъ несчастнаго случая они не имѣли жительства въ предѣлахъ французской территоріи.

На ряду съ такими ограниченіями, путемъ которыхъ національное законодательство стремится создать привилегированное положеніе для коренного рабочаго населенія, нѣкоторыя государства прибѣгаютъ къ мѣрамъ, затрудняющимъ доступъ для иммигрантовъ. Такъ, по упомянутому выше англійскому закону объ иностранцахъ, иммигрантъ можетъ быть признанъ «нежелательнымъ» и не быть, слѣдовательно, допущеннымъ въ Англію, если онъ не можетъ доказать, что онъ располагаетъ достаточными средствами къ существованію или въ состояніи добыть эти средства, если онъ страдаетъ идіотизмомъ или умопомѣшательствомъ, или если, въ силу болѣзни, онъ можетъ стать обузой для общественнаго призрѣнія или какъ-нибудь иначе обременить общество. Мѣры, о которыхъ идетъ рѣчь, могутъ, слѣдовательно, быть направлены къ предохраненію населенія отъ болѣзней и вырожденія или къ сохраненію извѣстнаго уровня культуры, но онѣ имѣютъ, главнымъ образомъ, экономическую подкладку. Помимо такихъ мѣръ общаго характера, нерѣдко предлагались спеціальныя мѣры, направленныя къ болѣе непосредственной охранѣ національнаго труда отъ конкуренціи, создаваемой наплывомъ иностранныхъ рабочихъ рукъ. Во Франціи, напримѣръ, рабочіе часто жаловались на этотъ наплывъ, грозящій повлечь за собою безработицу для извѣстной части коренного рабочаго населенія и вызвать пониженіе заработной платы. Во французскую палату депутатовъ не разъ вносились предложенія, клонившіяся къ покровительству національ-

наго труда. Законъ 8 августа 1893 года носитъ даже такое офиціальное названіе: «Loi relative au séjour des étrangers en France et à la protection du travail national». Въ дѣйствительности, однако, этотъ законъ устанавливаетъ только нѣкоторыя формальности (явка въ полицію), которыя обязанъ выполнить иностранецъ, но предписанныя закономъ мѣры нисколько не могутъ служить къ охранѣ національнаго трудъ.

Со времени изданія закона 1893 г. въ палату депутатовъ было внесено нѣсколько предложеній, направленныхъ къ этой цѣли. Сущность ихъ сводится къ установленію процентной нормы, которую не должно превышать число иностранныхъ рабочихъ, употребляемыхъ предпринимателемъ, или къ введенію налога, который падалъ бы либо на самого рабочаго-иностранца, либо на его работодателя, что лишило бы послѣдняго выгодъ, связанныхъ съ пользованіемъ услугами иностраннаго рабочаго, получающаго меньшую заработную плату, чѣмъ французъ.

Интересно, что эти предложенія встрѣтили въ общемъ весьма мало сочувствія въ комиссіи труда (ни одно изъ нихъ до сихъ поръ не подверглось обсужденію палаты). Какъ откровенно признается одинъ изъ докладчиковъ, депутатъ Масъ, ни одной изъ занимающихся этимъ вопросомъ парламентскихъ комиссій не удалось выработать сколько-нибудь жизнеспособный законопроектъ [1]). Французскіе радикалы и соціалисты отказались отъ этого рабочаго «протекціонизма», за который въ послѣднее время ухватились не безъ шума лидеры націоналистовъ. И если послѣдніе международные соціалистическіе конгрессы приглашали парламенты принять мѣры противъ злоупотребленій, вызванныхъ иммиграціей, то они, вмѣстѣ съ тѣмъ, самымъ категорическимъ образомъ высказались за полное равноправіе коренныхъ рабочихъ и рабочихъ-иностранцевъ, настаивая на необходимости признанія этого равноправія путемъ договоровъ, основанныхъ на принципѣ взаимности.

Если разобраться въ причинахъ неудачи упомянутыхъ покровительственныхъ предложеній, то можно убѣдиться, что дѣло тутъ не столько въ многочисленныхъ затрудненіяхъ, которыя должно было встрѣтить осуществленіе этихъ предложеній на практикѣ, сколько въ опасеніяхъ другого рода. Примѣненіе ограничительныхъ предложеній явилось бы грубымъ нарушеніемъ того принципа солидарности, которымъ все болѣе и болѣе проникаются международныя отношенія, и неминуемо вызвало бы,

---

1) *A. Mas*, La main d'oeuvre etrangère en France («Revue politique et parlementaire», мартъ 1904 г.).

въ видѣ репрессій, такія же мѣры со стороны другихъ государствъ по отношенію къ работающимъ на ихъ территоріи французамъ.

И вотъ, въ то самое время, какъ упомянутые проекты ограниченій и стѣсненій по отношенію къ иностраннымъ рабочимъ терпѣли фіаско, постепенно росло сознаніе необходимости примѣненія къ регламентаціи юридическаго положенія иностранныхъ рабочихъ принципа *взаимности*, играющаго выдающуюся роль въ общей эволюціи современнаго международнаго права. Такимъ образомъ пришли къ идеѣ заключенія такъ называемыхъ «договоровъ труда» (traités de travail).

«Договоры о трудѣ,—говоритъ французскій профессоръ Поль Пикъ (Pic),—представляютъ совершенно новый типъ дипломатической конвенціи, предметомъ котораго является разрѣшеніе конфликтовъ, возникающихъ изъ экономической конкуренціи и изъ рабочей иммиграціи. Характеристикой этого договора служитъ признаніе общихъ принциповъ на почвѣ охраны рабочихъ и уравненіе правъ всѣхъ рабочихъ, отечественныхъ и иностранцевъ, на территоріи каждаго изъ договаривающихся государствъ» [1]).

Первый договоръ такого рода былъ заключенъ Франціей и Италіей 15 апрѣля 1904 года. Замѣчательно, что это первое соглашеніе состоялось между двумя странами, которыя, несмотря на свое сосѣдство (по самому своему предмету договоры о трудѣ предполагаютъ такое сосѣдство), значительно отличаются одна отъ другой какъ въ экономическомъ отношеніи, такъ и въ смыслѣ развитія рабочаго законодательства. Итальянское рабочее законодательство, возникшее только въ концѣ девяностыхъ годовъ прошлаго столѣтія (если не считать закона о гигіенѣ, изданнаго въ 1888-мъ году), значительно отстало отъ французскаго: во Франціи продолжительность рабочаго дня для женщинъ и дѣтей, съ 1 апрѣля 1904 года, не должна превышать десяти часовъ, тогда какъ въ Италіи рабочій день для подростковъ обоего пола длится одиннадцать, а для женщинъ (начиная съ 15 лѣтъ)—двѣнадцать часовъ, при чемъ отсутствіе въ Италіи достаточнаго контроля нисколько не обезпечивало соблюденія даже и этихъ, сравнительно отсталыхъ законоположеній. Съ другой стороны, если Франція насчитываетъ около 200.000 итальянцевъ, работающихъ въ предѣлахъ ея территоріи, то число французскихъ рабочихъ въ Италіи едва ли превышаетъ 10.000.

Несмотря на эти глубокія различія въ положеніи обѣихъ

---

1) *Paul Pic.* De la condition juridique des travailleurs étrangers en France («Journal du droit international privé», 1906 г., стр. 302).

сторонъ или, вѣрнѣе, именно изъ-за этихъ различій, не трудно было найти почву для взаимныхъ уступокъ: Италія имѣла, главнымъ образомъ, въ виду обезпечить своимъ многочисленнымъ подданнымъ, работающимъ во Франціи, пользованіе выгодами французскихъ законовъ о страхованіи [1]), тогда какъ Франція хотѣла прежде всего устранить то невыгодное для ея промышленности положеніе, которое создала итальянская конкуренція при отсутствіи въ Италіи законодательныхъ мѣръ, ограничивающихъ эксплоатацію труда, или при недостаточно строгомъ соблюденіи такихъ мѣръ.

Тутъ выступаетъ на сцену другая сторона договоровъ о трудѣ: они сглаживаютъ различія, существующія между рабочими законодательствами договаривающихся сторонъ, и заставляютъ каждую изъ нихъ дополнять свое собственное законодательство, дабы поставить его въ уровень съ законодательствомъ другой страны. Такъ, во франко-итальянскомъ договорѣ, итальянское правительство, признавая недостаточность существующей въ Италіи регламентаціи труда, «обязуется дополнить въ своемъ королевствѣ и, въ частности, въ тѣхъ областяхъ, гдѣ развитъ промышленный трудъ, организацію фабричной инспекціи, функціонирующей подъ контролемъ государства и *представляющей, для примѣненія законовъ, гарантіи аналогичныя той, которую даетъ инспекція труда во Франціи*». Итальянское правительство заявляетъ, кромѣ того, что оно «намѣрено постепенно осуществить прогрессивное сокращеніе продолжительности рабочаго дня для женщинъ, занятыхъ въ промышленности».

Заключеніе франко-итальянскаго договора по справедливости можетъ считаться рѣшающимъ моментомъ въ развитіи международнаго права [2]). Какую крупную роль призванъ играть этотъ новый типъ международныхъ соглашеній, видно уже изъ того, что франко-итальянскій договоръ, заключенный всего девять лѣтъ тому назадъ, уже успѣлъ послужить образцомъ для цѣлаго ряда аналогичныхъ соглашеній между другими государствами. Вскорѣ же послѣ этого договора и подъ несомнѣннымъ его вліяніемъ нѣкоторыя государства стали вносить въ заключаемые ими торговые договоры статью, согласно которой договаривающіяся стороны обязуются заключить между собою особое соглашеніе, касающееся

---

1) Въ силу франко-итальянскаго договора 1904-го года тѣ ограниченія, которыя устанавливаетъ, какъ мы видѣли выше, французскій законъ 9 апрѣля 1898 г. по отношенію къ рабочимъ-иностранцамъ, не распространяются на итальянцевъ.

2) См. *Paul Pic*, Une étape décisive: le traité de travail franco-italien «(Questions pratiques de législation ouvrière, 1904, стр. 120).

охраны труда и рабочихъ страхованій. Такое обязательство внесено въ торговые договоры, которые заключили Швейцарія съ Италіей (13 іюля 1904 г.), Германія—съ Италіей (3 декабря того же года) и Австро-Венгріей (19 января 1905 г.). «Договоры о трудѣ» Франція заключила съ Бельгіей (21 февраля 1906 г.), съ Люксембургомъ (27 іюня того же года) и съ Англіей (3 іюля 1909 года). На путь такихъ международныхъ конвенцій вступили и другія государства: Бельгія заключила договоръ съ Люксембургомъ (15 апрѣля 1905 г.), Германія—съ Люксембургомъ (2 сентября 1905 г.), съ Бельгіей (22 февраля 1906 г.) и съ Голландіей (27 августа 1907 г.), Венгрія съ Италіей (19 сентября 1909 г.).

II.

Содержаніе нарождающагося международнаго рабочаго права не исчерпывается регламентаціей, путемъ «договоровъ о трудѣ» юридическаго положенія иностранныхъ рабочихъ: эта регламентація представляетъ только одну изъ сторонъ процесса постепенно расширяющейся интернаціонализаціи рабочаго законодательства, примыкающую къ области частнаго международнаго права. Одновременно съ уравненіемъ юридическаго положенія иностранныхъ и отечественныхъ рабочихъ на почвѣ международной взаимности идетъ стремленіе къ объединенію той части рабочаго законодательства, которая регулируетъ условія труда въ различныхъ государствахъ.

Объединительныя тенденціи, выразившіяся, во второй половинѣ прошлаго столѣтія, въ созданіи цѣлаго ряда международныхъ союзовъ, регулирующихъ самыя разнообразныя проявленія экономической жизни—всемірный телеграфный союзъ (основанный въ 1865 г.), почтовый союзъ (основанный въ 1874 г.), международный союзъ для охраны промышленной собственности (1883 г.), международный союзъ для охраны литературно-артистической собственности (1886 г.), международный союзъ желѣзнодорожныхъ товарныхъ сообщеній (1890 г.) и т. д. — не могли не коснуться вопросовъ рабочаго законодательства.

Въ самомъ дѣлѣ, всякая мѣра, клонящаяся къ охранѣ труда—въ видѣ ли сокращенія продолжительности рабочаго дня, или въ видѣ введенія еженедѣльнаго отдыха и т. д.,—ведетъ къ увеличенію издержекъ производства и ставитъ тѣмъ самымъ предпринимателя въ невыгодное положеніе по сравненію

съ заграничнымъ конкурентомъ, если послѣдній не подчиненъ такимъ юридическимъ нормамъ и не несетъ соотвѣтствующихъ расходовъ. Отсутствіе единства въ рабочемъ законодательствѣ различныхъ государствъ является, поэтому, весьма серьезнымъ тормазомъ для правильнаго развитія рабочаго законодательства. Когда, напримѣръ, во Франціи пришлось, въ силу закона 1900-го года, ввести въ 1904-мъ году десятичасовой рабочій день для женщинъ и дѣтей, то предприниматели, ссылаясь на невозможность выдерживать при такихъ условіяхъ борьбу съ заграничной конкуренціей, подняли такой протестъ, что Сенатъ внесъ въ этотъ законъ смягчающія поправки [1]).

Съ этимъ препятствіемъ, стоящимъ на пути внутренне-государственной регламентаціи условій труда, приходится, слѣдовательно, считаться, и оно настоятельно требуетъ перенесенія всѣхъ вопросовъ, не поддающихся такой изолированной регламентаціи, на почву международныхъ соглашеній.

Идея общаго международнаго рабочаго законодательства не нова. Ее приписываютъ обыкновенно Роберту Оуэну, который будто бы обратился, въ 1818-мъ году, къ монархамъ, собравшимся въ Аахенѣ, съ петиціей объ установленіи международной законодательной нормы продолжительности рабочаго дня. Но, какъ показалъ г. Кравченко [2]), это совершенно невѣрно, и въ дѣйствительности первая мысль о необходимости международной охраны рабочихъ принадлежитъ французскому экономисту Жерому-Адольфу Бланки, который высказалъ ее въ своемъ «Cours d'économie industrielle» (1838-39). Выраженная въ формѣ чисто теоретическаго положенія, мысль Бланки осталась, однако, почти никому неизвѣстной. Истиннымъ піонеромъ идеи международной регламентаціи условій промышленнаго труда путемъ соглашенія между заинтересованными державами слѣдуетъ

---

[1]) Не слѣдуетъ, однако, упускать изъ виду, что противники рабочаго законодательства значительно преувеличиваютъ опасность международной конкуренціи. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ проф. Пикъ въ послѣднемъ изданіи (1912 г.) своего «Traité élémentaire de législation industrielle», если бы изолированная регламентація угрожала серьезной опасностью для промышленности, то государства, взявшія иниціативу охраны труда, находились бы на міровомъ рынкѣ въ невыгодномъ положеніи. А между тѣмъ наблюдается какъ разъ обратное явленіе: экономическое благосостояніе Германіи и Бельгіи, напримѣръ, представляетъ рѣзкій контрастъ съ состояніемъ маразма, въ которомъ находится большинство странъ, воздерживающихся отъ рабочаго законодательства, напримѣръ Испанія, гдѣ первые законы, касающіеся охраны труда, получили пока только неполное примѣненіе.

[2]) H. Кравченко. Robert Owen a-t-il eu véritablement l'idée d'un droit nternational ouvrier? (Revue de droit international privé, 1910, стр. 257).

считать эльзаскаго фабриканта Даніэля Леграна [1]), который въ 1840 и 1853 гг. обращался къ нѣкоторымъ правительствамъ съ воззваніемъ, утверждавшимъ, что «международный законъ о промышленномъ трудѣ является единственно возможнымъ рѣшеніемъ великаго соціальнаго вопроса». Источникомъ всѣхъ бѣдствій рабочихъ—утверждалъ Легранъ—является промышленная конкуренція: чтобы бороться успѣшно съ заграничной конкуренціей, каждый предприниматель вынужденъ какъ можно больше эксплоатировать трудъ; отсюда пользованіе трудомъ дѣтей, получающихъ низкую заработную плату, чрезмѣрная продолжительность рабочаго дня, ночной трудъ и т. д. Введите международный законъ, устанавливающій повсюду одинаковую регламентацію условій труда—и вы тѣмъ самымъ уничтожите конкуренцію и улучшите участь рабочихъ.

Въ надеждахъ, возлагавшихся Леграномъ на международное рабочее законодательство, было, конечно, черезчуръ много наивнаго оптимизма, въ особенности если принять во вниманіе скромность требованій, выставленныхъ этимъ реформаторомъ (12-часовой рабочій день для взрослыхъ, 10-часовой день для дѣтей отъ 14 лѣтъ, запрещеніе дѣтскаго труда до 10 лѣтъ—для мальчиковъ, до 12—для дѣвочекъ и т. п.). Во всякомъ случаѣ, интересенъ тотъ фактъ, что уже въ срединѣ прошлаго столѣтія нѣкоторые умы ясно отдавали себѣ отчетъ въ необходимости международнаго рабочаго законодательства, усматривая въ немъ единственный выходъ изъ тѣхъ затрудненій, которыя создаетъ иностранная конкуренція. Но идея международной регламентаціи условій труда была еще слишкомъ далека отъ осуществленія. Въ 1855 г. комиссія Гларускаго кантона, занятая агитаціей въ пользу общаго международнаго фабричнаго законодательства, заявляетъ: «Для уравненія условій конкуренціи вполнѣ удовлетворительнымъ образомъ было бы необходимо создать единообразную систему путемъ международныхъ соглашеній между промышленными государствами Европы; но, такъ какъ эта мысль пока относится къ области платоническихъ пожеланій, то комиссія ограничивается несравненно болѣе скромнымъ проектомъ объединенія на этой почвѣ швейцарскихъ кантоновъ».

Международная Ассоціація рабочихъ (Интернаціоналъ), основанная въ Лондонѣ 28 сентября 1864 г., провозгласила на женевскомъ конгрессѣ 1866 г. необходимость международнаго рабочаго законодательства, такъ какъ «эманципація рабочаго

---

[1]) Н. Кравченко. Un précurseur du droit international ouvrier, Daniel Legrand (Revue générale de droit international public, 1910, стр. 221).

класса не есть задача мѣстная или національная, а интересуетъ всѣ страны, въ которыхъ существуетъ современное общество, и требуетъ для своего осуществленія совмѣстной теоретической и практической дѣятельности этихъ странъ». Почти одновременно съ этимъ (въ 1868 г.) французскій экономистъ либеральной школы Воловскій заявилъ, что заграничная конкуренція вовсе не настолько опасна, чтобы нужно было прибѣгать къ международной регламентаціи труда. «Если бы,—говоритъ онъ,—было дѣйствительно вѣрно, что необходимость промышленнаго равновѣсія заставляетъ націи эксплуатировать, одна больше другой, дѣтей, подростковъ и женщинъ, то было бы умѣстно прибѣгнуть къ международному соглашенію, которое положило бы конецъ подобному прискорбному промыслу, какъ оно положило конецъ возмутительному скандалу торговли неграми. Столько договоровъ было заключено съ цѣлью убійства людей, что можно было бы съ глубокой благодарностью привѣтствовать договоры, которые стремились бы дать людямъ возможность жить» (tant de traités ont été conclus dans le but de faire tuer des hommes, qu'on saluerait avec une reconnaissance profonde ceux qui auraient pour but de les faire vivre). Идея международнаго рабочаго законодательства пріобрѣтала все большее и большее число сторонниковъ, и въ 1873 г. тотъ же Воловскій внесъ въ Національное Собраніе предложеніе о международной регламентаціи труда. Долго не выходившая изъ области чисто теоретическихъ построеній, эта идея неминуемо должна была перейти на болѣе реальную почву, какъ только регламентація условій труда приняла достаточно активный характеръ. Въ 1881 г. швейцарское правительство, возымѣвъ намѣреніе созвать конференцію представителей главныхъ государствъ Европы для совмѣстной регламентаціи вопросовъ труда, обратилось предварительно къ своимъ дипломатическимъ агентамъ съ вопросомъ, насколько правительства этихъ государствъ расположены содѣйствовать введенію такой регламентаціи. Попытка оказалась преждевременной и не встрѣтила сочувствія у европейскихъ державъ. Читая полученные швейцарскимъ правительствомъ отвѣты на этотъ предварительный запросъ, трудно представить себѣ, что такіе отвѣты могли быть даны всего около 30 лѣтъ тому назадъ. Какимъ наивнымъ игнорированіемъ надвигающейся грозы рабочаго вопроса дышитъ, напримѣръ, заявленіе французскаго министра торговля: «Не дѣло государства вмѣшиваться въ договоры между предпринимателями и рабочими и нарушать безъ абсолютной и ясно доказанной необходимости свободу труда. Если, слѣдовательно,

въ самой Франціи правительство весьма мало склонно стать на этотъ путь, то тѣмъ менѣе оно склонно связать себѣ руки международнымъ соглашеніемъ!»

III.

Попытка швейцарскаго правительства оказалась, все-таки, не лишенной извѣстнаго значенія. Она позволила представителямъ соціалистическихъ партій съ еще большей настойчивостью подчеркивать необходимость международнаго рабочаго законодательства, и раньше неоднократно выдвигавшуюся на національныхъ и международныхъ рабочихъ конгрессахъ. Въ 1885 г. въ Парижскомъ муниципальномъ совѣтѣ извѣстный соціалистъ Вальянъ, ссылаясь на иниціативу швейцарскаго федеральнаго совѣта, заявляетъ въ своемъ докладѣ о мѣрахъ для улучшенія положенія рабочихъ, что эти мѣры должны носить такой же общій характеръ, какой свойственъ злу, противъ котораго онѣ направлены: онѣ должны послужить предметомъ законодательства общаго всѣмъ странамъ, гдѣ свирѣпствуетъ это зло. «Уже— читаемъ мы въ этомъ интересномъ докладѣ — смутное сознаніе полезности такого общаго законодательства выразилось въ торговыхъ договорахъ, которые не въ состояніи были достигнуть намѣченной цѣли. Полезность, ставшая необходимостью, должна, наконецъ, быть признана путемъ международнаго законодательства, чтобы предупредить кризисы и въ то же время обезпечить рабочему, при менѣе тяжелой работѣ, менѣе суровое и болѣе свободное существованіе... Важнѣйшіе элементы международнаго законодательства о трудѣ, требуемаго пролетаріатомъ всѣхъ странъ, уже давно установлены. Наконецъ, подобно тому, какъ ни одна страна не можетъ ничего имѣть противъ международнаго законодательства, не нарушающаго ея относительнаго экономическаго могущества, такъ и никакой предпринимательскій эгоизмъ не можетъ выставить противъ такого законодательства серьезные доводы, ибо на этомъ пунктѣ, въ противоположность всѣмъ другимъ, интересы капиталистическаго класса не противорѣчатъ интересамъ рабочаго класса: для того и другого выгодны ослабленіе и прекращеніе кризисовъ, большая обезпеченность національной промышленности и торговли, правильное ихъ функціонированіе». Предложеніе Вальяна клонилось къ тому, чтобы французское правительство вступило въ переговоры съ правительствами другихъ государствъ относительно введенія

международной регламентаціи условій труда. Въ томъ же смыслѣ было внесено тогда же группой соціалистическихъ депутатовъ предложеніе во французскую палату депутатовъ.

Несмотря на неудачу, постигшую первую его попытку, швейцарское правительство сочло возможнымъ возобновить, въ 1889 г., приглашеніе на дипломатическую конференцію, на разсмотрѣніе которой предполагалось внести вопросы о запрещеніи воскреснаго труда, о минимальномъ возрастѣ для допущенія дѣтей къ фабричному труду, объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня для несовершеннолѣтнихъ, о запрещеніи женскаго и дѣтскаго труда въ особенно-вредныхъ производствахъ, объ ограниченіи ночного труда для женщинъ и несовершеннолѣтнихъ. На этотъ разъ нѣкоторыя государства (Австро-Венгрія, Франція, Люксембургъ, Бельгія, Голландія и Португалія) дали благопріятный отвѣтъ, другія воздержались, а Россія отвѣтила категорическимъ отказомъ, ссылаясь на «трудности, съ которыми сопряжено введеніе единой регламентаціи труда на русскихъ фабрикахъ, въ виду разнообразія условій труда въ различныхъ частяхъ имперіи».

Конференція была назначена на 5 мая 1890-го года, но въ началѣ этого года Вильгельмъ II взялъ на себя иниціативу созыва такой же конференціи въ Берлинѣ. Швейцарское правительство отказалось отъ своего проекта и примкнуло къ Берлинской конференціи. Послѣдняя состоялась въ мартѣ 1890-го года; на нее явились представители отъ 14 государствъ (Франція, Англія, Бельгія, Швейцарія, Германія, Австро-Венгрія, Италія, Голландія, Португалія, Швеція, Норвегія, Испанія и Люксембургъ; изъ великихъ державъ воздержалась только Россія). Предметомъ занятій должны были служить шесть вопросовъ: 1) трудъ въ рудникахъ и копяхъ, 2) воскресный трудъ, 3) трудъ дѣтей, 4) трудъ несовершеннолѣтнихъ, 5) женскій трудъ и 6) мѣры для исполненія принятыхъ рѣшеній.

Помимо ряда чисто платоническихъ пожеланій, конференція не дала никакихъ положительныхъ результатовъ. Участвовавшія въ ней державы разбились на три группы, изъ которыхъ только одна, представленная Германіей и Швейцаріей, высказалась за единую международную регламентацію; другая группа (Англія, Франція и Бельгія) стояла скорѣе за самостоятельную иниціативу каждаго отдѣльнаго государства, а третья группа государствъ, съ отсталымъ рабочимъ законодательствомъ, совершенно отказалась отъ мысли придти къ международному соглашенію.

Причину неудачи Берлинской конференціи нѣкоторые

авторы [1]) усматриваютъ въ несостоятельности самой идеи единаго международнаго законодательства, идеи, которая рѣзко противорѣчитъ разнообразію среды, темперамента, физическихъ и экономическихъ условій въ различныхъ странахъ. Нисколько не отрицая извѣстнаго значенія за этими факторами, нельзя, однако, не замѣтить, что въ послѣдніе годы разница между рабочими законодательствами различныхъ государствъ все болѣе и болѣе стушевывается. Въ 1890-мъ году, во время созыва Берлинской конференціи, между различными законодательствами лежала слишкомъ глубокая пропасть, чтобы можно было придти къ какому бы то ни было международному соглашенію, но въ настоящее время существуетъ цѣлый рядъ законодательныхъ нормъ (регламентація женскаго и дѣтскаго труда, еженедѣльный отдыхъ и пр.), общихъ всѣмъ государствамъ.

Помимо доводовъ, основанныхъ на разнообразіи физическихъ и экономическихъ условій, противники идеи международнаго рабочаго законодательства указывали также и на то, что такое законодательство должно нанести ущербъ автономіи отдѣльныхъ государствъ. Такъ, вскорѣ послѣ Берлинской конференціи, генеральный секретарь института международнаго права Ролэнъ-Жакменъ (Rolin-Jaequemyns) заявлялъ, что чисто платоническій характеръ результатовъ конференціи можетъ «успокоить тѣхъ, кто полагаетъ, что вопросъ о регламентаціи труда входитъ исключительно въ компетенцію каждаго отдѣльнаго законодателя и совершенно чуждъ области международнаго права. Система соглашеній, путемъ которыхъ этотъ вопросъ могъ бы быть введенъ въ область международнаго права, либо оказалась бы недѣйствительной, либо была бы полна опасностей для автономіи промышленныхъ государствъ, связавшихъ себя такимъ образомъ... Одно изъ двухъ: или, на ряду съ обязательствомъ, существовалъ бы верховный международный контроль, чтобы обезпечить исполненіе этого обязательства, или это исполненіе было бы предоставлено добросовѣстности каждаго государства» [2]). Первый выходъ, по мнѣнію автора, недопустимъ, второй отнимаетъ у соглашенія юридическій характеръ договора, порождающаго извѣстныя обязательства и взаимныя права.

Тѣ же доводы выставлялъ, между прочимъ, и Поль Леруа-Болье въ 1889 г. по поводу предполагавшейся тогда Бернской

---

[1]) См., напримѣръ, цитированную выше книгу Raynaud, стр. 62—63.

[2]) *G. Rolin-Jaequemyns.* La Conférence de Berlin sur la législation du travail et le socialisme dans le droit international (*Revue de droit international et de législation comparée*, 1890 г.).

конференціи: «препятствіемъ (помимо различія въ физическихъ и экономическихъ условіяхъ) для такого законодательства является то, что послѣднее будетъ по необходимости призрачнымъ, послужитъ источникомъ постоянныхъ конфликтовъ, и для его дѣйствительности, пришлось бы пожертвовать въ значительной степени независимостью народовъ... Неужели будутъ назначены международные контролеры? Англійскіе, германскіе или швейцарскіе инспектора будутъ посѣщать наши французскія фабрики, чтобы удостовѣряться, не превышаетъ ли работа того числа часовъ, которое опредѣлено международной конференціей? Или, можетъ быть, эти обязанности будутъ возложены на консуловъ различныхъ государствъ?» [1]).

Дѣло представляется, однако, гораздо проще и всѣ ироническія предложенія Леруа-Болье идутъ мимо цѣли. Въ дѣйствительности, терминъ «*международное* рабочее законодательство», пугавшій и продолжающій пугать экономистовъ либеральной школы, предполагаетъ только фактъ международнаго соглашенія; но само собою разумѣется, что тѣ мѣры, которыя, въ силу этого соглашенія каждое государство принимаетъ въ предѣлахъ своей территоріи, ничѣмъ не отличаются отъ другихъ національныхъ законодательныхъ нормъ и являются не менѣе обязательными. Дѣло не столько въ международномъ контролѣ, сколько въ необходимости достаточно организованнаго внутренне-государственнаго контроля. Именно въ этомъ смыслѣ и высказалась, въ сущности, Бернская конференція 1905 года (о которой у насъ будетъ рѣчь впереди): «Желательно принять только пожеланіе, чтобы различныя государства обмѣнивались ежегодными отчетами своихъ инспекторовъ» [2]).

---

[1]) *Paul Leroy-Beaulieu.* La Conférence internationale de Berne pour réglementer les conditions du travail (*L'Economiste français*, 4 мая 1889 г.).

[2]) Въ статьѣ А. С. Ященко: «Международныя конвенціи объ условіяхъ труда», помѣщенной въ январьской книжкѣ «*Журнала министерства юстиціи*» за 1908 годъ, значится: «Какъ въ фабричномъ законодательствѣ отдѣльной страны законъ недѣйствителенъ, если онъ не контролируется фабричной инспекціей, точно такъ же и въ международномъ рабочемъ правѣ международная конвенція будетъ недѣйствительна, если не будетъ никакого контроля». Это замѣчаніе—буквальный переводъ (безъ указанія источника) слѣдующихъ словъ Raynaud: «De même qu'en droit industriel la loi est vaine et inefficace sans l'inspection du travail, de même en droit international ouvrier, la convention internationale sera inefficace sans un moyen de contrôle quelconque» („Droit international ouvrier", стр. 49 — 50). Вообще г. Ященко совершенно напрасно не цитируетъ этого французскаго автора, у котораго онъ позаимствовалъ, вмѣстѣ со многими не лишенными интереса фактами, и нѣсколько ошибочныхъ свѣдѣній. Но такъ какъ г. Ященко вообще совершенно не указываетъ работъ, которыми онъ пользовался, то намъ остается неизвѣстнымъ, у кого онъ позаимствовалъ странное свѣдѣніе, будто по франко-итальянскому договору Франція обязалась

Эти пожеланія, къ тому же, приняли болѣе реальную и практическую форму на дипломатической конференціи, засѣдавшей въ Бернѣ въ сентябрѣ 1906-го года. Дѣйствительно, ст. 5 принятой на этой конференціи международной конвенціи о запрещеніи ночного труда для женщинъ налагаетъ уже вполнѣ категорически на каждое изъ договаривающихся государствъ «обязанность принять административныя мѣры, необходимыя для того, чтобы обезпечить, въ предѣлахъ его территоріи, точное выполненіе установленныхъ этой конвенціей положеній». Кромѣ того, согласно этой статьѣ, правительства должны сообщать другъ другу законы и регламенты, касающіеся предмета соглашенія, а также періодическіе отчеты о примѣненіи этихъ законовъ и регламентовъ.

Англійскій делегатъ, поддерживаемый представителемъ отъ Франціи, предлагалъ пойти еще дальше и создать особую международную комиссію, призванную слѣдить за выполненіемъ конвенціи и высказывать свое мнѣніе по поводу всѣхъ спорныхъ вопросовъ и жалобъ, которые будутъ представлены на ея разсмотрѣніе; въ окончательной инстанціи рѣшеніе этихъ спорныхъ вопросовъ принадлежало бы третейскому суду. Но это предложеніе было отклонено и конференція выразила только пожеланіе о назначеніи комиссіи чисто совѣщательнаго характера, для выясненія могущихъ возникнуть на практикѣ сомнѣній относительно вопросовъ, затрагиваемыхъ конвенціей.

Что касается двусторонних договоровъ о трудѣ, о которыхъ у насъ шла рѣчь выше, то вопросъ о санкціи рѣшается гораздо легче: если тѣ выгоды, которыхъ достигаетъ каждая изъ договаривающихся сторонъ, обусловить точнымъ выполненіемъ всѣхъ положеній договора, то *eo ipso* договоръ уже обставляется извѣстной гарантіей, такъ какъ опасеніе потерять эти выгоды побудитъ каждое государство выполнять взятыя имъ на себя

«усилить охрану малолѣтнихъ итальянскихъ рабочихъ на своихъ стеклянныхъ заводахъ»: въ текстѣ договора нѣтъ ни слова о стеклянныхъ заводахъ, а идетъ дѣло объ охранѣ малолѣтнихъ рабочихъ *вообще*. Отмѣтимъ также другую ошибку, происшедшую оттого, что г. Ященко пользовался устарѣвшимъ источникомъ: «переговоры о заключеніи такихъ же договоровъ возбуждены Франціей съ Люксембургомъ и Швейцаріей», говоритъ г. Ященко, тогда какъ въ дѣйствительности договоръ съ Люксембургомъ былъ заключенъ, какъ мы упоминали выше, еще 27 іюня 1906 года. Совершенно непонятно, почему г. Ященко, упоминая объ общемъ собраніи Международной Ассоціаціи для охраны рабочихъ, состоявшемся въ 1906 г., именуетъ это собраніе на одной страницѣ (стр. 155) конференціей (смѣшивая очевидно это собраніе съ Бернской дипломатической конференціей того же года), а на слѣдующей страницѣ переименовываетъ собраніе въ конгрессъ и перемѣщаетъ его въ Женеву, гдѣ оно и засѣдало въ дѣйствительности!

обязательства. Примѣръ такой гарантіи мы видимъ во франко-итальянскомъ договорѣ, пятая статья котораго гласитъ, «каждая изъ договаривающихся сторонъ сохраняетъ за собою право во всякое время порвать настоящее соглашеніе, заявивъ объ этомъ годомъ раньше, разъ будетъ признано, что законодательство, касающееся труда женщинъ и дѣтей, не было соблюдено другой стороной, за недостаткомъ достаточнаго надзора или вслѣдствіе попущеній, противорѣчащихъ духу закона.»

IV.

Неудача Бернской конференціи заставила искать иного пути для осуществленія идеи международнаго рабочаго законодательства. Частная инициатива, которой вообще суждено играть такую видную роль въ развитіи современнаго международнаго права, призвана была и здѣсь выполнить главную часть работы.

Уже въ 1897-мъ году въ Цюрихѣ собрался первый международный конгрессъ для охраны рабочихъ, формулировавшій рядъ пожеланій относительно слѣдующихъ пунктовъ: организація инспекціи, распространяющейся на крупную и мелкую промышленность, рудники и копи, транспортныя предпріятія, промышленность на дому, а также на сельско-хозяйственныя предпріятія, пользующіяся машинами; признаніе за рабочими и служащими самаго широкаго права коалиціи; офиціальное признаніе всѣхъ секретаріатовъ и комиссій, учреждаемыхъ рабочими для контроля охраны рабочихъ, введеніе всеобщаго, равнаго, прямого и тайнаго голосованія для выборовъ во всѣ представительныя учрежденія, дабы обезпечить болѣе дѣйствительное вліяніе рабочаго класса на парламенты; организація широкой пропаганды для воздѣйствія на общественное мнѣніе и на парламенты; организація періодическихъ международныхъ конгрессовъ и международнаго бюро для охраны рабочихъ.

На конгрессѣ международнаго рабочаго законодательства, собравшемся въ Брюсселѣ 27 сентября 1898 года, особой коммисіи было поручено выработать статуты Международной Ассоціаціи, которая и была основана два года спустя въ Парижѣ. Ассоціація эта поставила себѣ цѣлью: 1) служить связующимъ звеномъ между тѣми, кто въ различныхъ промышленныхъ странахъ признаютъ необходимость законодательной охраны рабочихъ, 2) организовать международное бюро труда (Office international du travail), призванное издавать на французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ

языкахъ особый бюллетень, посвященный рабочему законодательству во всѣхъ странахъ, 3) способствовать изученію рабочаго законодательства, 4) содѣйствовать разработкѣ вопроса о согласованіи различныхъ рабочихъ законодательствъ и международной статистики труда, 5) содѣйствовать созыву международныхъ конгрессовъ о рабочемъ законодательствѣ.

Ассоціація, имѣющая въ настоящее время 12 національныхъ секцій въ различныхъ государствахъ, создала въ Базелѣ Office international du travail. Это учрежденіе собираетъ всѣ законодательные и статистическіе документы, касающіеся рабочаго законодательства, и издаетъ «Bulletin de l'Office international du travail». Главной цѣлью Ассоціаціи является подготовка международныхъ соглашеній объ условіяхъ труда. По иниціативѣ ассоціаціи была созвана, въ маѣ 1905 года, въ Бернѣ международная дипломатическая конференція для обсужденія двухъ вопросовъ, настоятельно требующихъ рѣшенія: о запрещеніи женскаго ночного труда и о запрещеніи употреблять бѣлый (по французской терминологіи) или желтый (по нѣмецкой терминологіи) фосфоръ въ фабрикаціи спичекъ. На этой конференціи, соединившей представителей всѣхъ европейскихъ державъ, за исключеніемъ Россіи, Турціи, Греціи, Румыніи и Сербіи, были выработаны основы соглашеній по обоимъ вышеупомянутымъ вопросамъ. Соглашеніе относительно фосфора было подписано 11 державами (воздержались Англія, Данія, Швеція и Норвегія), но въ виду необходимости заручиться согласіемъ Японіи, одной изъ главныхъ производительницъ фосфорныхъ спичекъ, дѣйствіе конвенціи было отсрочено до 1911-го года, при чемъ конвенція должна была войти въ силу только при томъ условіи, если къ ней примкнутъ всѣ представленныя на конференціи государства и Японія. А такъ какъ послѣдняя не дала своего согласія, то на дипломатической Бернской конференціи, состоявшейся въ сентябрѣ 1906 г., отказались отъ участія въ конвенціи Австро-Венгрія, Бельгія, Испанія и Португалія. Въ концѣ концовъ конвенція была подписана только 7 государствами (Германія, Данія, Франція, Италія, Люксембургъ, Голландія и Швейцарія).

Вопросъ о запрещеніи ночного труда для женщинъ встрѣтилъ гораздо болѣе единогласія: основа соглашенія, выработанная на конференціи 1905 года, была подписана 13 государствами изъ 15-ти участвовавшихъ въ конференціи. Конвенція устанавливаетъ въ принципѣ запрещеніе промышленнаго ночного труда для всѣхъ женщинъ *безъ различія возраста* (слѣдуетъ замѣтить, что во многихъ государствахъ, напримѣръ въ Венгріи, Бельгіи,

Даніи, Испаніи, Португаліи, женскій ночной трудъ былъ до тѣхъ поръ запрещенъ только для молодыхъ работницъ). Это запрещеніе распространяется на всѣ промышленныя предпріятія (включая рудники и каменоломни, а также предпріятія, занимающіяся перевозкой), употребляющія болѣе десяти рабочихъ. Въ этомъ отношеніи новыя нормы представляютъ несомнѣнно значительный шагъ впередъ по сравненію съ нормами нѣкоторыхъ законодательствъ, ограничивающихъ сферу запрещенія ночного труда гораздо болѣе узкими рамками. Окончательная конвенція по этому вопросу, выработанная на дипломатической конференціи 1906-го года, была подписана всѣми участвовавшими въ конференціи государствами. Какъ мы видѣли выше, эта конвенція придала положительный характеръ нѣкоторымъ пунктамъ (мѣры для выполненія принятыхъ постановленій), которыя въ первой редакціи были выражены только въ формѣ пожеланій.

Достигнутые пока результаты на поприщѣ международной регламентаціи труда могутъ, пожалуй, показаться весьма скромными; но, какъ было справедливо замѣчено по поводу Бернской конференціи 1905 г., «эта первая конференція имѣетъ, быть можетъ, болѣе важное значеніе по тѣмъ ближайшимъ перспективамъ, которыя она открываетъ, чѣмъ по своимъ непосредственнымъ результатамъ». Въ самомъ дѣлѣ, какъ бы ни была пока ограничена сфера примѣненія соглашеній, выработанныхъ по иниціативѣ Международной Ассоціаціи для охраны труда, эти конвенціи, какъ и договоры о трудѣ, во всякомъ случаѣ наглядно показали, что, въ противоположность идеѣ единаго международнаго рабочаго законодательства, которую тщетно пыталась осуществить ex abrupto Берлинская конференція 1890-го года, новый путь, по которому идетъ интернаціонализація рабочаго права, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ и долженъ привести къ плодотворнымъ результатамъ.

Можно надѣяться, что именно этимъ путемъ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ, удастся разрѣшить рядъ сложныхъ вопросовъ рабочаго законодательства, стоящихъ теперь на очереди и туго поддающихся, по указаннымъ выше причинамъ, изолированной внутренне-государственной регламентаціи. Сюда относятся обсуждавшіеся на послѣднихъ общихъ собраніяхъ Международной Ассоціаціи для охраны рабочихъ (1908 г. въ Люцернѣ, 1910 г. въ Лугано, 1912 г. въ Цюрихѣ) вопросы объ ограниченіи продолжительности рабочаго дня, о трудѣ на дому и о связанной съ нимъ «системѣ выжиманія пота» (sweeating-system),

о промышленныхъ ядахъ и, главнымъ образомъ, объ употребленіи свинца, и т. д.

По первому изъ этихъ вопросовъ Ассоціація приняла слѣдующую резолюцію: «ограниченіе продолжительности рабочаго дня представляетъ капитальный интересъ для сохраненія и развитія физическихъ и моральныхъ силъ рабочихъ; каковы бы ни были результаты, уже достигнутые или ожидаемые отъ дѣятельности профессіональныхъ организацій, необходимо вмѣшательство законодателя,чтобы осуществить всеобщее ограниченіе рабочаг дня». Для рѣшенія вопроса объ умѣстности международныхъ соглашеній по этому предмету, Ассоціація поручила своему центральному органу, (office international du travail) предпринятъ нкету относительно продолжительности рабочаго дня въ различныхъ странахъ и вліянія, оказаннаго сокращеніями этой продолжительности, уже осуществленными въ настоящее время, законодательнымъ путемъ, или путемъ административныхъ мѣръ, или по иниціативѣ предпринимателей и профессіональныхъ рабочихъ организацій.

По вопросу о работѣ на дому Ассоціація приглашаетъ свои національныя секціи требовать отъ соотвѣтствующихъ правительствъ законодательныхъ мѣръ, въ силу которыхъ работодатели обязаны были бы: 1) держать въ порядкѣ списокъ лицъ, работающихъ для нихъ внѣ ихъ заведеній, и представлять этотъ списокъ надзирающей власти, 2) вручать каждому изъ этихъ лицъ, при заказѣ, бюллетень, съ точнымъ обозначеніемъ какъ заработной платы, такъ и стоимости доставленнаго матеріала, а также вывѣшивать въ конторѣ общій тарифъ принятыхъ въ данномъ заведеніи цѣнъ. Ассоціація рекомендуетъ своимъ секціямъ стремиться къ распространенію фабричной инспекціи и страхованія рабочихъ на занимающихся работой на дому; требовать строгаго примѣненія общихъ санитарныхъ законовъ и постановленій къ нездоровымъ помѣщеніямъ, въ которыхъ исполняется работа на дому. Для большей дѣйствительности частной иниціативы, рекомендуется содѣйствовать образованію организацій въ родѣ профессіональныхъ синдикатовъ, «лигъ покупателей» и т. п., а въ случаѣ надобности прямо создавать такія организаціи.

Среди факторовъ, могущихъ способствовать разрѣшенію намѣченныхъ вопросовъ на почвѣ международныхъ соглашеній, особенно выдается дѣйствіе международныхъ рабочихъ организацій. Въ различныхъ отрасляхъ производства профессіональное движеніе, не довольствуясь группировкой синдикатовъ въ національныя федераціи, создало федераціи международныя, которыя

могутъ въ будущемъ сыграть болѣе или менѣе крупную роль въ развитіи международнаго рабочаго права.

Какъ ни скромны пока завоеванія нарождающагося международнаго рабочаго права, они открываютъ самыя широкія перспективы и представляютъ одно изъ наиболѣе поучительныхъ явленій современной дѣйствительности, свидѣтельствуя о глубокой и поразительно быстрой эволюціи, подъ могучимъ напоромъ которой рушатся старыя идеи. Давно-ли Леруа-Болье увѣрялъ, что предполагавшаяся въ 1890-мъ году Бернская конференція «противорѣчитъ природѣ вещей и человѣческой природѣ»! Обстоятельства наглядно доказали, что французскій экономистъ имѣлъ столь же ошибочное представленіе о «природѣ вещей», какое имѣлъ о роли государства тотъ французскій министръ, который въ 1881-мъ году, на запросъ швейцарскаго правительства, отвѣчалъ сентенціознымъ заявленіемъ: «не дѣло государства вмѣшиваться въ договоры между предпринимателями и рабочими». Двадцать пять лѣтъ спустя, 12 іюня 1906 года, другой французскій министръ въ декларацiи, прочитанной передъ палатой депутатовъ и сенатомъ, заявилъ: «Конфликты между трудомъ и капиталомъ съ каждымъ днемъ обостряются и становятся болѣе частыми... Экономическія задачи играютъ съ каждымъ днемъ все бо́льшую роль въ міровомъ равновѣсіи и нѣкоторые соціальные вопросы не могутъ получить полнаго разрѣшенія путемъ внутренне-государственнаго законодательства безъ международнаго соглашенія. Первый шагъ на этомъ пути уже сдѣланъ по иниціативѣ комитета Международной Ассоціаціи для законодательной охраны рабочихъ. Мы стараемся расширять постепенно область этихъ международныхъ соглашеній по вопросамъ, касающимся труда. Такимъ образомъ мы разсчитываемъ—въ области экономической и соціальной, какъ и въ области чисто политической — служить одновременно внутреннему миру республики и миру всего человѣчества».

Сопоставьте эти два заявленія: стремленіе расширить область международныхъ соглашеній по вопросамъ труда — и такъ недавно еще (свѣжо преданіе, а вѣрится съ трудомъ!) господствовавшій даже во внутренней политикѣ Франціи принципъ невмѣшательства государства—и вы согласитесь, что пройденный за эти двадцать пять лѣтъ путь позволяетъ ожидать самого широкаго развитія международнаго рабочаго права.

Левъ Шейнисъ.

РАБОЧАЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦІЯ И ИСКУССТВО.

На фонѣ идейнаго оживленія фабричнаго предмѣстья бросается въ глаза любопытное явленіе. Рядомъ съ писателемъ изъ рабочихъ,—который уже признанъ, имѣетъ даже свои печатные органы,—пробуетъ свои силы послѣднее время и рабочій-художникъ, и рабочій-декламаторъ, и рабочій-артистъ. Порывисто, мало по малу оріентируясь въ пріемахъ, идетъ въ міръ искусства труженикъ фабричнаго станка. Хотя это не первые шаги, хотя время отъ времени подобные опыты отмѣчались и прежде, но то были опыты, интересные лишь для стоявшихъ лицомъ къ лицу съ той средой. Теперь передъ нами не проба, не случай, а серьезное дѣло, мимо котораго ни художникъ настоящій, ни артистъ настоящій не должны пройти.

Это—зарождающаяся демократизація искусства. И нельзя не отмѣтить усилій, дѣлаемыхъ рабочими дѣятелями, чтобы проникнуть прежде всего въ тѣ органы народныхъ развлеченій, въ которыхъ до сихъ поръ хозяйничали чуждые имъ элементы. Въ Москвѣ, напр., издавна существуетъ «общество содѣйствія устройству общедоступныхъ развлеченій». Общество это не одну стадію развитія прошло на своемъ пути. Согласно вѣяніямъ времени, самые разные элементы держали въ немъ бразды правленія: и чиновники, и филантропы, и интеллигенты разныхъ званій. Не былъ хозяиномъ въ немъ лишь рабочій, для котораго развлеченія эти устраивались. Теперь же и предсѣдатель общества—рабочій, и все правленіе состоитъ изъ рабочихъ. Рабочіе театры обслуживаетъ «отдѣлъ содѣйствія

устройству фабричныхъ и деревенскихъ театровъ при московскомъ отдѣленіи императорскаго русскаго техническаго общества». Аналогичныя учрежденія скоро откроются и въ Петербургѣ, и въ другихъ городахъ. И здѣсь точно такъ же рабочіе завязываютъ связи, чтобы получить въ свои руки тѣ или иныя функціи.

Было бы ошибочно думать, что рабочій, въ которомъ заговорилъ художественный вкусъ, относился отрицательно къ подобному учрежденію только потому, что онъ не задаетъ въ немъ тонъ. Достаточно любой труппѣ, кѣмъ бы она ни руководилась, заявить себя расчитаннымъ на рабочихъ-зрителей, строго художественнымъ репертуаромъ, художественной постановкой, любовью къ дѣлу, чтобы залъ былъ переполненъ посѣтителями, тѣми, которые привели въ такой восторгъ Ал. Блока. Яркое доказательство тому—г. Гайдебуровъ, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ работавшій съ своей труппой въ народномъ домѣ гр. Паниной съ огромнымъ успѣхомъ. На послѣднемъ спектаклѣ передъ окончаніемъ сезона одинъ рабочій воспользовался антрактомъ, чтобы поблагодарить руководителя-режиссера отъ имени рабочихъ, посѣщавшихъ театръ и обучавшихся въ Лиговской школѣ. Онъ указалъ на то, что рабочіе въ театрѣ Гайдебурова впервые познакомились не только съ русскими писателями, но и съ иностранными, такими, какъ Шекспиръ, Шиллеръ, Байронъ и др. Тепло сказанное, прочувствованное слово вызвало громъ апплодисментовъ со стороны рабочихъ, переполнявшихъ залъ народнаго дома. Но въ томъ то и дѣло, что театръ гр. Паниной въ ряду развлеченій, обычно предлагаемыхъ вниманію рабочихъ, составляетъ исключеніе.

А. Н. Бенуа говоритъ о нашествіи демократіи въ музеи. Да, рабочій тянется въ музеи, на выставки, въ казенные театры. Но эти учрежденія вѣдь расчитаны на публику «чистую». Рабочему они не по карману. Одни капельдинеры своими приставаніями не могутъ не отваживать рабочаго, со смущеніемъ лѣзущаго въ кошелекъ, чтобы достать гривенникъ, а то и пятиалтынный. Затѣмъ разстоянія. Даже аристократія труда нелегко справляется съ этими препятствіями. Рядовой же рабочій долженъ ограничиваться исключительно развлеченіями, устроенными спеціально для него бюрократіей, филантропами или поклонниками золотого тельца. А что же это за развлеченія, гдѣ рабочій, послѣ тупого, невыносимаго рабочаго дня, проводитъ часы отдыха—извѣстно.

На Вознесенскихъ рудникахъ г. В. Кореневскій видѣлъ

народный домъ, гдѣ вчера еще рабочая масса слышала живое слово, развлекалась по человѣчески—а сейчасъ уже частный антрепренеръ ставитъ «Веселую вдову», «Ночь любви» и «Бѣдныя овечки»; народный домъ превратился въ оперетку, доступную всѣмъ, кромѣ рабочихъ [1]). Въ народномъ домѣ въ Петербургѣ «народныя» развлеченія остаются «народными», но лишь постольку, поскольку они расчитаны на отсутствіе художественнаго вкуса, на антиэстетичность рабочаго человѣка. Съ нетерпѣніемъ рабочіе района Балтійскаго вокзала ждали открытія дома просвѣтительныхъ учрежденій, а вмѣстѣ съ нимъ спектаклей труппы «Нашъ театръ». И вотъ открылось красивое зданіе. Уютъ, чистота—все это радуетъ взглядъ. Но самый театръ съ его репертуаромъ, съ его исполнителями не удовлетворялъ даже ту нетребовательную массу, которая явилась изъ тѣхъ Богомъ забытыхъ кварталовъ.

Чѣмъ больше то, что дѣлается для массъ, дѣлается подъ видомъ заботливости объ ихъ художественномъ отдыхѣ, тѣмъ чаще вмѣсто хлѣба дается если не камень, то балаганъ. Крикливая декорація, неестественно-вычурная игра, фабула, портящая и коверкающая несложившіеся вкусы—все расчитано не на то, чтобы показать подлинную правду, а на то, чтобы отвлечь отъ нея вниманіе, по крайней мѣрѣ фальсифицировать свѣтъ ея. Это, въ сущности, тотъ же кинематографъ, тянущій изъ рабочаго двугривенные,—съ его сыщиками, прекрасными дамами, бѣдняками, превратившимися въ милліонеровъ, милліонерами, превратившимися въ бѣдняковъ. Неудивительно, если кинематографъ въ рабочихъ районахъ вытѣсняетъ театръ: иллюзія—такъ иллюзія. Кинематографъ, какъ пропагандистъ извѣстной морали, такъ же вѣренъ себѣ, какъ бульварный артистъ, и въ то же время дешевле, разнообразнѣе; на что въ театрѣ требуется вечеръ, здѣсь — пятнадцать-двадцать минутъ.

И, быть можетъ, не такъ оскорбительны для рабочаго сами по себѣ развлеченія, устраиваемыя бюрократіей въ сотрудничествѣ съ антрепренерами, какъ взглядъ, лежащій въ ихъ основѣ. Развлеченія для народа грубы, потому что, видите ли, и народъ грубъ, у народа дурной вкусъ... Варваръ-рабочій и искусство—понятія, которыя можно соединять лишь съ цѣлью пугнуть «цѣнителя искусства». Помните пожаръ картинной галлереи въ «Царь-Голодѣ» Л. Андреева, когда художники восклицаютъ въ

---

[1]) «Кіевскіе Отклики» отъ 28 марта 1913 г.

ужасѣ, молитвенно склонивъ голову:—Горитъ Мурильо! Горитъ Веласкецъ! Горитъ Джіорджіоне!.. Боже, Боже! — Еще неизвѣстно, кто поджегъ галлерею, народъ или «пушка инженера», — но хозяева жизни уже убѣждены, что это масса несетъ стихію разрушенія. Они всегда думали, что масса скрываетъ въ себѣ что-то невѣдомое, какую-то бездну, какія-то темныя страсти, передъ которыми меркнетъ разумъ. Этотъ страхъ передъ варварами, которые вотъ-вотъ придутъ и не оставятъ камня на камнѣ отъ статуй, отъ картинъ, отъ геніальнѣйшихъ произведеній искусства, характеренъ не для однихъ даже господъ хозяевъ. Вотъ, напр., какъ изображаетъ «тьму тысячелѣтій» Валерій Брюсовъ.

Народы будутъ хохотать, какъ дѣти,
Какъ тигры, грызться, жалить, какъ змѣя.
. . . . . .
Какъ будутъ весело дробить останки статуй
И складывать костры изъ безконечныхъ книгъ.

Правда, у г. Брюсова и страхъ, и радость въ то же время. Но это не измѣняетъ того взгляда, что область искусства—область недоступная, забронированная, что рабочій — «грядущій хамъ», грядущій варваръ здѣсь.

Все это нагляднымъ образомъ показываетъ рабочей интеллигенціи, что до тѣхъ поръ, пока художественный отдыхъ рабочихъ не будетъ организованъ ими самими, онъ не будетъ ни эстетиченъ, ни культуренъ. И рабочій пользуется каждымъ удобнымъ случаемъ, чтобы поднять этотъ вопросъ въ своихъ организаціяхъ. Любопытны пренія, которыя возникли въ связи съ нимъ въ союзѣ деревообдѣлочниковъ. Союзъ, привѣтствуя стремленія своихъ членовъ, иниціативы не осуществилъ. Но правленіе об-ва «Источникъ свѣта и знанія» организовало и драматическій кружокъ, и пѣвческій хоръ. Коломенское и лиговское общества обзавелись собственнымъ піанино. Въ результатѣ — цѣлый рядъ литературныхъ вечеровъ, утръ, концертовъ, вечеринокъ и спектаклей, устраиваемыхъ самими рабочими, съ цѣлью сдѣлать недоступное имъ доступнымъ: хорошій репертуаръ, хорошую музыку и пр. Характерно предпочтеніе утрамъ. Въ то время какъ «весь Петербургъ» предпочитаетъ вечернія, даже ночныя увеселенія, самое удобное время для рабочаго—утро, когда особенно свѣжо воспринимается содержаніе концерта или

спектакля. «Утро» и охотнѣе посѣщается, и даетъ большій доходъ устроителямъ.

Конечно, какъ только дѣло художественнаго отдыха переходитъ въ руки рабочаго кружка, такъ онъ тотчасъ же оказывается предоставленнымъ самому себѣ. Время, когда рабочій былъ окруженъ атмосферой благожелательности справа, отошло въ прошлое, да и интеллигенція, насчитывающая въ своихъ рядахъ столько артистическихъ силъ, откликается не такъ охотно, какъ въ прежнее время, даже въ области столь невинныхъ услугъ, какъ концертъ или спектакль. Уже это обстоятельство вынуждаетъ рабочую интеллигенцію обходиться, по возможности, собственными исполнителями. Но все же было бы грѣшно сказать, что въ отдѣльныхъ случаяхъ лица привилегированныхъ классовъ не идутъ на встрѣчу новаторамъ рабочаго искусства. И прежде всего передъ нами не рабочіе - творцы, не строители молодого искусства, болѣющіе однѣми муками и одною вѣрой съ рабочей залой, а лишь составители программъ. Имъ принадлежитъ идея, отъ нихъ зависитъ тонъ, порядокъ вечера или утра. Исполнители же—артисты, музыканты, декламаторы—изъ рядовъ сочувствующей интеллигенціи.

Программа такихъ увеселеній составляется такъ, чтобы рабочій-слушатель или рабочій-зритель получилъ цѣльное впечатлѣніе. Напр., утро посвящается или памяти какого-нибудь поэта, или художника, или композитора, при чемъ все, начиная съ вступительнаго слова и кончая послѣднимъ нумеромъ, имѣетъ отношеніе къ данному лицу.

Особенный успѣхъ имѣетъ вокальная часть, безъ которой не обходится и литературная бесѣда. Правда, музыкально-вокальная сторона наиболѣе слабо поставлена на рабочихъ концертахъ; чаще всего она состоитъ изъ случайныхъ, разрозненныхъ исполненій. Но иногда и здѣсь удается рабочимъ дѣятелямъ достигнуть извѣстной цѣльности. Таковъ былъ Бетховенскій вечеръ въ Петербургѣ, давшій представленіе о постепенномъ развитіи музыки Бетховена и исполненный г. Шоромъ. Таковы и концерты екатеринославскаго «научнаго общества», завоевывающіе все новые и новые кадры слушателей въ рабочемъ районѣ Екатеринослава—Чечелевкѣ. Насколько серьезно рабочіе относятся къ музыкѣ, получая дѣйствительно эстетическое удовлетвореніе отъ нея, показываетъ то вдумчивое настроеніе, которое она на нихъ навѣваетъ. Залъ переполненъ посѣтителями; на лицахъ ихъ тѣ же мысли, тѣ же чувства, какія вы видите въ рабочемъ театрѣ, на рабочей лекціи. Одинъ только концертъ, по-

священный произведеніямъ М. И. Глинки, устроенный обществомъ народныхъ университетовъ въ «Нашемъ театрѣ», какъ будто обманулъ ожиданія. И зданіе аудиторіи находится въ рабочемъ районѣ, и самъ по себѣ концертъ могъ расчитывать на рабочій составъ слушателей, — тѣмъ не менѣе рабочихъ было немного. Это объясняется отчасти тѣмъ, что «Нашъ театръ» не популяренъ, отчасти же тѣмъ, что районъ Обводнаго канала и Балтійскаго вокзала—районъ сравнительно темный. Въ другихъ районахъ рабочіе сами просятъ, чтобы вечера и утра—на ряду съ писателями посвящались и композиторамъ (съ характеристикой творчества)—напр. Чайковскому, Шопену,—чтобы ихъ пріучали къ хорошей музыкѣ, давали нѣкоторое музыкальное образованіе.

Въ области театра активно общество «Источникъ свѣта и знанія» (имѣющее собственный драматическій кружокъ). По его иниціативѣ была поставлена любителями подъ режиссерствомъ С. А. Ильина, «Злая яма», имѣвшая большой успѣхъ у рабочей публики, хотя драма «Король жизни» въ свое время вызвала недовольство съ ея стороны. Зрители находили, что не дѣло рабочаго ставить «миленькія пьески», мораль которыхъ по плечу мѣщанамъ. Но, въ общемъ, все-таки привлечь артистовъ трудно. Спектакли интеллигентскіе здѣсь рѣдки. Нельзя не отмѣтить, однако, роль интеллигентовъ въ качествѣ руководителей экскурсіями по художественнымъ музеямъ. Это руководительство тѣмъ болѣе достойно вниманія, что и живопись подлиннымъ образомъ задѣваетъ рабочаго за живое.

Быть можетъ инстинктивно чувствуя это, молодые художники уже начинаютъ отражать демократическіе вкусы. Въ этомъ отношеніи характерна хотя бы отчетная выставка высшаго художественнаго училища при императорской академіи художествъ. Обращаютъ вниманіе рабочіе сюжеты. Вотъ, напр., стачка: у кирпичнаго зданія съ фабричной трубой—толпа рабочихъ; надъ толпой, на бочкѣ—ораторъ въ красной рубашкѣ. Вотъ маленькая чайная: и самодовольный, грубый хозяинъ, и хрупкая фигурка бѣлой рабыни, и трехрублевка—эмблема правъ каждаго посѣтителя на дѣвушку... Худо ли, хорошо ли, правдиво или не правдиво это написано, знаменательны сюжеты. И рабочіе идутъ и въ академію художествъ, и въ музей Александра III, и въ Эрмитажъ, и надо видѣть впечатлѣніе, какое на нихъ производитъ картина, если только руководитель стоитъ въ своихъ объясненіяхъ на высотѣ задачи.

Идя на встрѣчу развитію этого художественнаго вкуса, просвѣтительныя рабочія общества осуществляютъ цѣлую программу

осмотровъ. Напр., осмотръ музея Александра III распредѣляется на два раза. Въ первый разъ проходится исторія русской живописи до 60-хъ годовъ, т. е. до школы передвижниковъ; во второй разъ—начиная съ 60-хъ годовъ до нашихъ дней. Затѣмъ переходятъ къ исторіи искусства другихъ народовъ, начиная съ греческой скульптуры въ нижнемъ этажѣ академіи художествъ. Продолженіе—въ отдѣленіи греческихъ статуй въ Эрмитажѣ. Затѣмъ—отдѣлъ южно-русскихъ раскопокъ, также въ нижнемъ этажѣ Эрмитажа. Послѣ того показываютъ верхніе этажи Эрмитажа въ слѣдующемъ порядкѣ: сперва школы итальянская и испанская, затѣмъ—голландская, фламандская, нидерландская и нѣмецкая, наконецъ—англійская и французская. Такимъ образомъ, полный курсъ составляютъ восемь посѣщеній, и каждое изъ этихъ посѣщеній носитъ законченный характеръ, такъ что рабочіе, не имѣющіе возможности принять участіе во всѣхъ посѣщеніяхъ, выбираютъ ихъ по желанію.

Однако, повторяю, притокъ силъ интеллигентскихъ слабъ. А художественныя потребности рабочихъ растутъ. Казалось бы, какое широкое поле для артиста, любящаго искусство, ищущаго бодраго, радостнаго зала,—теперь, когда даже художники буржуазнаго типа говорятъ о пресыщеніи публики, которая не зажигаетъ и не зажигается! Здѣсь не «скучаютъ»; здѣсь свѣжесть чувства, дыханіе жизни. И тѣмъ не менѣе, въ общемъ, рабочій предоставленъ себѣ.

И вотъ, рабочая интеллигенція, преисполненная художественныхъ стремленій, жадно хватается за собственныя силы. Она еще слаба, неувѣренна, но работа закипаетъ. Быть можетъ, это скорѣе артисты будущаго, чѣмъ настоящаго, и изъ сотенъ исполнителей лишь единицы внесутъ свой вкладъ въ пролетарское искусство. Но энтузіазмъ на лицо, а съ энтузіазмомъ не могутъ не прійти и смѣлость, и опытность, и тѣ краски, которыхъ требуетъ служеніе красотѣ.

Такъ вправѣ ли мы ждать отъ рабочаго искусства чего-либо большого или нѣтъ? Фактъ, что рабочій чувствуетъ свою неразрывную связь съ творческимъ исканіемъ прекраснаго, на лицо, и уже разнообразны тѣ творческіе пути, которыми онъ идетъ.

Вотъ, напр., вечеръ, посвященный памяти Некрасова: «исполнители программы вечера,—сообщали газеты—рабочіе, понимающіе и любящіе поэта демократіи». Вотъ вечеръ общества «Знаніе»: тоже выступали исключительно рабочіе. Читались и декламировались отрывки изъ Некрасова, Чехова, Короленко. Декламируются не только чужія произведенія: сплошь и рядомъ

выступаютъ съ собственными. Литературная вечеринка въ обществѣ имени М. М. Стасюлевича открылась вступительнымъ словомъ рабочаго Павлова о рабочей литературѣ и ея значеніи. Затѣмъ въ продолженіе вечера—подъ громъ искреннихъ рукоплесканій—выступали авторы-рабочіе, въ большинствѣ съ своими лирическими произведеніями.

На ряду съ декламаціей среди рабочихъ опредѣлялось тяготѣніе къ живописи. Насколько это такъ, можно судить хотя бы по первымъ опытамъ рабочихъ-художниковъ, занимающихся на Пречистенскихъ курсахъ,—опытамъ, обратившимъ на себя вниманіе и литературныхъ, и художественныхъ критиковъ. Даровитый художникъ Н. Д. Полѣновъ отозвался о нихъ прямо съ восторгомъ.

Само собой разумѣется, изъ разныхъ областей искусства живопись или музыка труднѣе даются въ мозолистыя руки труженника фабричнаго станка. Есть и самоучки-живописцы, и самоучки-музыканты, но домашними средствами добиться здѣсь результата, въ общемъ, нелегко. И едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что характеренъ здѣсь даже не рабочій-талантъ, а намекъ на талантъ, могущій впослѣдствіи проявиться. Зато прямая противоположность—театръ, такъ или иначе доступный, демократическій. Розыскали сарай, гдѣ можно устроить хотя бы небольшую сценку, устроили подмостки, коленкоровый занавѣсъ—и готово. Умѣнье само собой придетъ,—была бы искренность, свѣжесть чувствованія.

Потому то дорожка къ рабочему театру и наиболѣе утоптана: это «крѣпость» рабочаго искусства, въ которой, повидимому, рабочій-самоучка наиболѣе устойчивъ въ своихъ художественныхъ исканіяхъ, наиболѣе предпріимчивъ въ изысканіи средствъ для примѣненія своихъ творческихъ силъ. Самое бѣглое ознакомленіе съ дружной работой артистическихъ группъ убѣждаетъ, что идея рабочаго театра уже на вѣрномъ пути.

Въ Петербургѣ первое время функціонировали случайные рабочіе драматическіе кружки: кружокъ культурно-просвѣтительнаго общества имени М. М. Стасюлевича, труппа, выступавшая въ театрѣ на Большой Охтѣ и т. д. Они съ успѣхомъ выступали на окраинныхъ сценахъ. Но, быстро разростаясь все шире и шире, кружки такъ же быстро прекращали свое существованіе, послѣ постановки двухъ-трехъ пьесъ. И вотъ, по почину группы членовъ разныхъ профессіональныхъ и культурно-просвѣтительныхъ

обществъ создался литературно-артистическій центръ, поставившій своей цѣлью объединеніе и укрѣпленіе отдѣльныхъ театральныхъ начинаній. Не менѣе разнородны драматическіе кружки, пробующіе свои силы на окраинныхъ подмосткахъ Москвы. Они самостоятельно разучиваютъ различныя пьесы, входятъ въ соглашеніе съ театрами насчетъ льготныхъ билетовъ. Хотя въ Москвѣ центра еще нѣтъ, однако вопросъ о немъ уже поднятъ. Въ Ригѣ рабочіе имѣютъ театръ, ставшій на твердую почву. Возникъ онъ года четыре тому назадъ, вмѣстѣ съ сценическимъ обществомъ, состоящимъ изъ 400 членовъ-рабочихъ, въ томъ числѣ около 30 представителей рабочихъ обществъ. Оно то и содержитъ театръ. Посѣтители театра — почти исключительно рабочіе, и даетъ онъ три-четыре представленія въ недѣлю. Всѣ рабочія организаціи поддерживаютъ его субсидіями, абонементами, своимъ сочувствіемъ. Насколько театръ окрѣпъ, можно судить по тому, что онъ считается лучшимъ театромъ латышскимъ, а прибыль прошлаго года составляла 4000 рублей.

Провинція, вообще, прочностью своихъ начинаній похвалиться не можетъ. Но попытки видны во многихъ фабричныхъ центрахъ. Рабочія газеты, профессіональные органы печати то и дѣло пестрятъ отчетами о спектакляхъ, имѣвшихъ мѣсто то въ одномъ промышленномъ районѣ, то въ другомъ. Даже промышленныя села не составляютъ исключенія. Напр., въ селѣ Родникахъ, Костромской губ., на фабрикѣ А. Красильщиковой съ сыновьями, существуетъ постоянный кружокъ любителей драматическаго искусства изъ рабочихъ. Такіе же кружки организовались на Щербиновскомъ рудникѣ въ Екатеринославской губерніи, въ селѣ Черемховѣ и т. д. Не надо забывать, что и надъ драматическими кружками виситъ тотъ же дамокловъ мечъ, что надъ рабочей самодѣятельностью вообще, такъ что сплошь и рядомъ они не заявляютъ о своемъ существованіи въ силу внѣшнихъ условій. На томъ же Щербиновскомъ рудникѣ, въ сущности, составились два драматическихъ кружка: одинъ—рабочихъ «высшаго ранга», такъ сказать «бѣлой кости», другой—кружокъ «черной кости», «хохлацкій». Фортуна по разному отнеслась къ тому и другому. Первый, благонадежной политической репутаціи, давно добился офиціальной регистраціи и преспокойно существуетъ. Второй, отъ одного имени котораго пахнетъ безпокойствомъ, вліянія въ сферахъ не имѣетъ и потерялъ всякую надежду добиться регистраціи. Даже отдѣльныхъ спектаклей ему не разрѣшаютъ: то пьеса не подходитъ, то артисты. И чѣмъ желаніе проявить себя на сценѣ настойчивѣе, тѣмъ безцеремоннѣе преслѣдованія.

Въ такомъ же положеніи драматическій кружокъ Ярославской большой мануфактуры. Въ фабричномъ училищѣ есть большой залъ съ хорошей сценой. До 1905-го года въ немъ давались спектакли, устраивались чтенія съ туманными картинами, причемъ исполнителями были служащіе фабрики. Теперь залъ пустуетъ. Въ отместку за забастовку, хозяева закрыли залъ и больше не открываютъ.

Кто бывалъ въ фабричномъ округѣ, въ заводскомъ кварталѣ въ тотъ день, когда рабочій театръ празднуетъ свое открытіе, тотъ по одному внѣшнему впечатлѣнію могъ судить, какъ дико предсказывать, что «грядущій варваръ» разгромитъ искусство, а художниковъ, артистовъ и т. д. заставитъ шить сапоги. Еще рельефнѣе выступаетъ художественный вкусъ тѣхъ, «чьи работаютъ грубыя руки, предоставивъ почтительно намъ погружаться въ искусства, науки», если подойти къ самымъ исканіямъ піонеровъ рабочаго театра. Вы видите, что это отнюдь не подражаніе старымъ навыкамъ, вкусамъ привилегированныхъ классовъ, а своя жизнь въ настоящемъ смыслѣ слова, изъ всѣхъ щелей которой глядитъ рабочая психологія, со всѣми ея симпатіями и антипатіями. Разница эта такъ существенна, что не замѣтить ее нельзя.

Въ своей статьѣ: «Типы рабочаго въ литературѣ» рабочій Ф. Калининъ провелъ эту черту по отношенію къ литературѣ. По его мнѣнію, интеллигентъ-литераторъ можетъ *думать* за симпатичный ему рабочій классъ, но *чувствовать* за него отнюдь не можетъ. Поэтому, «самаго важнаго для себя» въ интеллигентской литературѣ рабочій не найдетъ, и только когда выдвинется писатель-рабочій, онъ будетъ и думать, и чувствовать за него [1]).

Несомнѣнно, не надо видѣть черты тамъ, гдѣ ея нѣтъ. Быть можетъ, когда-нибудь молодое искусство принесетъ намъ и свои пріемы творчества. Теперь же говорить объ этомъ можно развѣ теоретически. Художественные вкусы рабочей интеллигенціи—въ отличіе отъ вкусовъ господствующихъ—иллюстрируютъ въ данный моментъ отчасти выборъ репертуара, отчасти настроеніе, связанное кровными узами съ этимъ репертуаромъ. Не такъ давно, вслѣдъ за бурнымъ политическимъ подъемомъ, у насъ выплылъ вопросъ о «бытѣ». Извѣстно, какъ онъ былъ разрѣшенъ. «Бытъ» былъ посрамленъ въ пользу эстетизма въ чистомъ видѣ, съ высоты котораго мечта — чище факта, искусство—выше жизни. Свое отношеніе къ быту г.г. эстеты смѣ-

---

[1]) „Новый Журналъ для всѣхъ“, 1912 г.

шали съ самимъ бытомъ, и изъ «тьмы низкихъ истинъ», стали искать выхода въ «насъ возвышающемъ обманѣ». Ареной спора былъ именно театръ. Такъ какъ казенные театры вѣрны бытовымъ пьесамъ, то литературно-театральные комитеты были объявлены окаменѣлостями, и стала пролагать себѣ путь «творимая легенда», которая тѣмъ хороша, что въ ней насъ нѣтъ. Еще не такъ давно Ѳ. К. Сологубъ увѣрялъ, что, быть можетъ, бытовой театръ и не плохъ, но не ко времени онъ. Время наше, видите ли, такое, что присутствовать на представленіи бытовыхъ пьесъ «странно и дико»: «застойный бытъ умираетъ, корчась подъ неотвратимыми, карающими ударами судьбы, а театръ все еще упорствуетъ» [1]). Конечно, мнѣніе Ѳ. К. Сологуба не есть мнѣніе общественное, но все-таки это отвращеніе къ быту характерно для вліятельныхъ слоевъ. Ничего подобнаго—въ средѣ рабочей интеллигенціи. Сознательный рабочій не хуже г. Сологуба произноситъ слова покойнаго Бѣлинскаго: Мы еще не рѣшили вопроса о томъ, есть ли Богъ, а ты говоришь объ обѣдѣ!—Но покинуть жизнь ради сказки онъ не склоненъ. Напротивъ, онъ борется со всѣми иллюзіями, которыя, какъ водка, какъ натъ-пинкертоновщина, отвлекаютъ массу отъ дѣйствительности. Жестока правда, тускла и грязна фабричная обыденщина, но взоръ рабочаго обращенъ къ быту и только къ быту. Вы скажете: внѣ бытовое, безконечно дальнее рабочему просто непонятно, Метерлинкъ или тотъ же Сологубъ слишкомъ сложны. Конечно, но не это отчуждаетъ рабочаго интеллигента отъ гг. эстетовъ. Власть быта здѣсь слишкомъ полна, чтобы строить еще сказочныя вершины. Слишкомъ самая жизнь не знаетъ покоя, чтобы лелѣять легенду о немъ въ фантазіи. Здѣсь, до правды небесной, нужна вотъ сейчасъ, сію минуту, правда земная.

И рабочая сцена знаетъ только пьесы бытовыя. Основная идея литературно-художественнаго центра, возникшаго въ Петербургѣ—что «пьесы должны быть безусловно жизненны, близки и понятны рабочимъ», что «театръ долженъ способствовать культурному самопредѣленію массъ». Рабочій-артистъ долженъ прежде всего помнить ту среду, которой онъ служитъ, со всѣмъ ея своеобразіемъ и многообразіемъ, ибо лишь постольку онъ вправѣ быть жрецомъ пролетарской красоты, поскольку самъ живетъ рабочими интересами, рабочей жизнью. Это вы слышите во всѣхъ кружкахъ. И дѣйствительно, прежде всего предпочтеніе отдается соціальнымъ пьесамъ, авторы которыхъ бьются надъ проклятыми

[1]) «Театръ и Искусство», № 45 за 1912 г.

вопросами рабочаго класса, крестьянства или смежнаго съ ними мѣщанства. Такова, напр., пьеса «Безработные», Софьи Бѣлой, дважды поставленная одною изъ рабочихъ группъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ же рабочіе Даниловскаго района поставили пьесу В. Евдокимова: «Непогребенные», посвященную жгучимъ вопросамъ трудового мѣщанства—объ отношеніи отца къ дѣтямъ, мужа къ женѣ, дѣтей къ родителямъ и т. д. Въ г. Лухѣ, Костромской губ., шелъ «Раздоръ». Неоднократно шла «Власть тьмы» Толстого (въ василеостровскомъ театрѣ фонъ-Дервиза). Любимый писатель, конечно—Горькій. Даже «Мать», которая дала гг. эстетамъ поводъ провозгласить «конецъ Горькаго», окружена здѣсь поклоненіемъ. И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ (ученики вечернихъ курсовъ гр. Паниной) ставились «Мѣщане» и «На днѣ».

Впрочемъ, при выборѣ и постановкѣ пьесъ наши артисты отнюдь не замыкаются въ узкій кругъ, памятуя, что рабочимъ нужно знаніе жизни не только рабочей. Характерно лишь равнодушіе къ новинкамъ. Отчеты рабочихъ библіотекъ показываютъ, что въ настоящее время наибольшій спросъ въ рабочей средѣ на классиковъ. Тоже въ области рабочаго театра. Вотъ пьесы, которыя ставятся на ряду съ перечисленными: Гоголя «Ревизоръ», Островскаго «Бѣдность не порокъ», «Доходное мѣсто», «Лѣсъ», «На всякаго мудреца довольно простоты», Толстого «Отъ ней всѣ качества», Чехова «Дядя Ваня» и т. д. Найденова «Дѣти Ванюшина» точно случайно попали въ этотъ убѣленный сѣдинами перечень. Конечно, это пристрастіе къ классикамъ отрадно. Но въ то же время уже по самой игрѣ вы знаете, изъ какой жизни взята пьеса: типы рабочихъ, крестьянъ, даже мѣщанъ удаются играющимъ, типы дворянъ, чиновниковъ и т. п., наоборотъ, не удаются.

Когда вы читаете въ отчетѣ [1]) о спектаклѣ, что исполнители правильно поняли задачи театра, что зрители достаточно оцѣнили творцовъ рабочаго театра, то знайте: рѣчь идетъ о рабочей пьесѣ. Если отмѣчается, что были блестки дарованія, но артисты срывались съ общаго тона, недостаточно ярко проявляли себя въ дѣйственныхъ мѣстахъ — значитъ, пьеса мѣщанская. Самую всестороннюю критику встрѣчаютъ исполнители ролей дворянскихъ, интеллигентскихъ и пр. Вотъ факты. Въ пьесѣ «Непогребенные» особенно выдѣлился рабочій Козловъ въ роли слесаря Теркина, честнаго и мыслящаго, но еще неспособнаго противостоять старому мѣщанству, понявшаго, что «босикомъ ходить легче», но

---

[1]) Отчеты см. въ рабочей прессѣ: «Лучъ», «Правда,» профессіональныя изданія.

все еще продолжающаго носить сапоги. Напротивъ, интеллигентная роль доктора Сергѣя Перепелкина, какъ и квартиронанимателя, но удалась. Въ пьесѣ Толстого «Отъ ней всѣ качества» «настоящимъ талантомъ» оказался рабочій Михѣевъ, вдумчиво и съ артистическимъ чувствомъ обработавшій свою роль мастерового прохожаго. Напротивъ, въ изображеніи «дяди Вани», Сони, доктора, жены профессора «были нѣкоторые недостатки». Въ «Мѣщанахъ» не было «кичливаго актерства водевильно-фарсовыхъ любителей сценическаго искусства», но зато и «большой художественности не было». Еще труднѣе было пролетарскимъ исполнителямъ справляться съ «дворянскими ролями» «Свадьбы Кречинскаго». Рабочій, игравшій Расплюева (Смирновъ), взялъ неестественный тонъ, котораго, видимо, ему трудно было держаться. Не удался и Кречинскій: не хватало рабочему Владимірову манеръ Кречинскаго. Не выдѣлялись и женскія роли. Зато исполнители горьковскихъ героевъ («На днѣ») — при всей сложности и трудности постановки — создали художественное цѣлое; всѣ были на своихъ мѣстахъ, начиная съ главныхъ и кончая третьестепенными ролями.

Даетъ о себѣ знать свой бытъ, своя психологія. Бытовикъ одностороненъ, что не мѣшаетъ ему быть идеалистомъ сцены. Въ связи съ этимъ и стоитъ то настроеніе, съ которымъ онъ подходитъ къ ней. Еще въ 1911 г., когда русская интеллигенція упала духомъ, посыпала голову пепломъ, «точно Ѳ. М. Достоевскому экзаменъ по наукѣ самоистязанія сдала», когда во всей странѣ нависъ туманъ пессимизма, Максимъ Горькій отмѣчалъ, что въ массѣ рождается идея, которая «духовно выпрямитъ ее»—идея активнаго отношенія къ жизни, къ людямъ, къ природѣ. «Мнѣ чувствуется, что непосредственно изъ самой массы русскаго народа — писалъ онъ—возникаетъ къ жизни новый типъ человѣка; это— человѣкъ, бодрый духомъ» [2]). И въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ въ верхахъ еще и сейчасъ чувствуется апатія, здѣсь уже «весело», уже «протянуты къ творческой работѣ руки». Здѣсь уже вновь вѣрятъ въ будущее, и рабочая сцена—яркая иллюстрація этого.

Плохо ли, хорошо ли играютъ рабочіе, достаточны или недостаточны средства, находящіяся въ ихъ распоряженіи, истеричныхъ, жалкихъ нытиковъ вы здѣсь не услышите. Сцена и залъ болѣютъ однѣми муками, живутъ одними образами. Рецензенты отмѣчаютъ, что артистамъ «необходимо побольше долгой и вдумчивой рабо-

---

[1]) М. Горькій. О писателяхъ-самоучкахъ («Современный Міръ», № 2 за 1911 г.).

ты», («Мѣщане» въ новомъ залѣ на Петербургской сторонѣ), побольше режиссерской школы, что у нихъ неудаченъ гримъ («Дитятко», «Теща въ домъ—все вверхъ дномъ», «Три врача и одно пятнышко» въ театрѣ на Большой Охтѣ), но моральнаго упрека — ни одного. Нѣтъ спектакля, отличительными свойствами котораго не были бы внутренняя теплота, задушевность, бодрость. Даже «Ревизоръ», прочитанный любителями по ролямъ въ помѣщеніи общества женской взаимопомощи, возбуждалъ энтузіазмъ. Нужно было видѣть — говорили очевидцы, — какъ оживленно проходило чтеніе, несмотря на то, что исполненіе оставляло желать многаго, съ какимъ «участіемъ» слѣдили слушатели за ходомъ пьесы въ продолженіе двухъ съ половиной часовъ, съ небольшимъ перерывомъ! Характерны въ этомъ смыслѣ и пренія, возникшія въ связи съ вопросомъ о рабочемъ театрѣ въ профессіональномъ союзѣ деревообдѣлочниковъ. Рабочіе разсказывали, какъ они бросали пить послѣ посѣщенія театра, куда ихъ «силкомъ» затаскивали товарищи, какъ, спустя нѣкоторое время, такъ пристращались къ театру, что не только бросали пить, но за послѣдніе гроши покупали «приличную одежонку», «цѣленькіе щиблетики». И все это дѣлалось подъ вліяніемъ пьесъ Островскаго, Чехова, Горькаго и др. — Часто, сидя въ театрѣ, — говорилъ одинъ рабочій, — мнѣ хотѣлось крикнуть: это моя жизнь. Эта артистка, играющая загубленную пьянымъ мужикомъ Марью,—это моя жизнь, это жизнь моей жены.

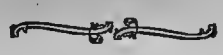
Театръ создавалъ новыя желанія. Рабочій искалъ ихъ удовлетворенія въ книгѣ, но проза жизни, погоня за кускомъ хлѣба неумолимо толкала не туда...

Поистинѣ все живое, человѣчное поднимаетъ здѣсь духъ, и настроеніе это бьетъ черезъ край, такъ что рабочіе дѣятели высказываютъ опасенія, какъ бы рабочимъ-артистамъ восторженные апплодисменты не вскружили молодыя головы, вмѣсто того, чтобы призвать къ настоящей работѣ по осуществленію идеи рабочаго театра... Но жизнерадостность—всегда залогъ успѣха, даже тогда, когда ея избытокъ. И рабочая жизнерадостность, разумѣется, лишь свидѣтельство того, что рабочій-артистъ понимаетъ свои задачи, свое дѣло, трудное и отвѣтственное, лишь ручательство за то, что рабочій театръ будетъ развиваться и прогрессировать въ своемъ развитіи.

Итакъ, зарождающаяся демократизація искусства захватила и интеллигентовъ, и рабочихъ, но въ большинствѣ своихъ начинаній рабочіе обходятся, по словамъ отчетовъ, «безъ всякой помощи интеллигенціи». И глядя, какъ въ головокружительной смѣнѣ печальныхъ и свѣтлыхъ явленій русской фабрики выростаетъ этотъ островокъ, родится творческая совѣсть, нельзя не подумать: въ хорошее время мы живемъ. Рабочій-артистъ требуетъ себѣ признанія, рабочій-художникъ требуетъ къ себѣ вниманія...

Говорятъ, признакъ успѣха какого-нибудь дѣла, когда сильные міра сего начинаютъ подходить къ нему со своими цѣлями. Если это такъ, то гг. предприниматели это подтверждаютъ. Такъ, въ Большомъ Токмакѣ, Таврической губерніи, фабриканты вдругъ пристрастились къ музыкѣ, считая своихъ рабочихъ «любителями музыки». Сначала рабочіе заявили, что они—вовсе не любители музыки, такъ какъ г. Клейнеръ, напр., рѣшилъ, что для такого благороднаго предпріятія, какъ музыка, нужно обложить рабочихъ рублевымъ взносомъ. Но вотъ нашелся «соловей», который «началъ пѣть рабочимъ, что вотъ-молъ это музыка не простая: въ ней участвуютъ самъ г. Клейнеръ, всѣ мастера состоятъ членами музыкальнаго общества», и рабочіе наперебой потаскали свои кровные рублики. Музыкальное общество сорганизовалось. Тутъ, однако, оказалось, что музыкальная затѣя имѣла не музыкальную цѣль... На Щербиновскомъ рудникѣ использованъ рабочій театръ, какъ средство пропаганды не рабочей морали. И если здѣсь не мѣсто рѣшать, чего достигаютъ гг. Клейнеры: того ли, чего желаютъ, или того, чего не желаютъ, то фактъ самъ говоритъ за себя. Помните, съ какой гордостью въ 1888 г., цитируя привѣтственный адресъ рабочихъ [1]), Глѣбъ Успенскій указывалъ на «массы грядущаго читателя»! Теперь же приходится указывать дорогу рабочему-артисту, рабочему-зрителю!

Л. Клейнбортъ.



1) «Русская Мысль»; 1888 г., № 3.

ВСЕЙ ДУШОЮ.

Романъ Ренэ Базэна.

(Окончаніе) [1]).

XVIII.

Этьенъ и его мать сидѣли на берегу Луары на скамейкѣ, вынесенной изъ дома. Они ожидали отца, который поѣхалъ разставлять удочки на верховьѣ рѣки. Мальчики уже спали. По освѣщенному луной лугу проходили волы, неясными пятнами сѣрѣя въ туманѣ, а позади нихъ темная линія ихъ слѣдовъ разрѣзала бѣлую отъ росы траву.

Луара медленно катила свои волны. Вся поверхность ея горѣла отблесками. Съ тополей на лугу доносились крики проснувшихся совъ.

— Что-жъ подѣлаешь,—говорила мать Лутрель, пряча руки подъ передникъ отъ вечерней свѣжести.—Такія дѣвушки, какъ она, сердцу приказать не могутъ. Она сказала тебѣ потерпѣть немного.

— Да я бы терпѣлъ, сколько надо, мать, еслибъ только имѣлъ хоть каплю надежды. Но нѣтъ: я все думаю, что она не захочетъ меня.

Чтобы успокоить печаль сына, мать старалась найти въ своемъ голосѣ тѣ тихія, ласкающія ноты, которыя у нея были когда-то у колыбели ребенка. Она сказала:

---

[1]) См. іюль, стр. 222.

— Не надо такихъ мыслей, мальчикъ мой. Разъ она ждетъ, то это уже хорошій признакъ. Она, видишь ли, хочетъ испытать твое сердце.

И снова наступило долгое молчаніе, наполненное только тихими звуками ночи.

Мать и сынъ, похожіе другъ на друга, оба съ энергичными, правильными лицами, имѣли почти одно и то же выраженіе: оба не отрывали глазъ отъ рѣки. Но на лицѣ Этьена кромѣ страданія, было еще другое выраженіе: твердой воли, не поддающейся судьбѣ. Лицо матери отражало сочувствіе. Она была въ молодости очень красива, эта жена рыбака, и она знала страданіе нераздѣленной любви. Она продолжала:

— Когда ты утромъ проѣзжаешь мимо ея дома, она смотритъ на тебя?

— Да,—сказалъ Этьенъ,—не каждый день, но вчера, напримѣръ, она была.

— А глаза ея ты видишь? Что они говорятъ?

Этьенъ покачалъ головой!

— Нѣтъ, мать, мнѣ ея глазъ не видно. Слишкомъ далеко. Я вижу только что-то бѣлое въ темномъ окнѣ и руки, когда она упирается на подоконникъ и узнаю ея волосы.

Мать спросила:

— А знаковъ она никакихъ не дѣлаетъ?

Но онъ снова покачалъ головой и отвѣтилъ:

— Нѣтъ. Ни когда подходитъ, ни уходя. Смотритъ только неподвижно, точно статуя. Но я обѣщалъ не надоѣдать ей, и поворачиваю лодку назадъ, какъ будто ни на что не надѣюсь.

Снова молчаніе. Молодыя совы приближались невидимыя, испуская пронзительные крики—кровожадные и зловѣщіе. Этьенъ снова заговорилъ, и голосъ его былъ глубоко-серьезенъ и прерывался отъ сдержаннаго волненія:

— Я буду ждать. Но послѣ Рождества, клянусь мѣстомъ своего рожденія, я пойду къ ней и скажу: «Сегодня я хочу знать всю правду: больше ждать я не могу». И если она не захочетъ меня...

Онъ протянулъ руку, медленно, въ томъ направленіи, куда Луара катила свои муаровыя волны.

— Вы знаете, что я сдѣлаю,—сказалъ онъ.—Я поклялся.

Ихъ оба вздоха смѣшались въ бѣлое облачко, которое тотчасъ же растаяло въ ночномъ воздухѣ. Мать была посвящена во всѣ секреты Этьена. Но ее глубоко потрясло повтореніе этой угрозы, которая, она знала, будетъ приведена въ исполненіе, если

Генріетта отвѣтитъ отказомъ. Она представила себѣ, какой унылой будетъ ихъ хижина безъ Этьена и какъ она будетъ терзаться, какъ только вѣтеръ на Луарѣ начнетъ крѣпчать: четверо сыновей на морѣ! И она жестко, почти враждебно, произнесла:

— Ахъ, еслибъ это не она была!

И послѣ этихъ словъ они оба молчали больше получаса.

Луга теперь сверкали такъ, какъ будто только что выпалъ снѣгъ. Среди бѣлизны ночного пейзажа Луара казалась большой сѣрой дорогой. Одинъ лунный лучъ прорѣзывалъ ее поперекъ. Почти у противоположнаго берега, тамъ, гдѣ этотъ лучъ начинался, глаза Этьена различили вдругъ движущуюся черную точку.

Онъ поднялся.

— Вотъ лодка отца,—сказалъ онъ.

Мать и сынъ сошли нѣсколько шаговъ внизъ, гдѣ песокъ мягко уходилъ подъ ногами, — струистый и невѣрный, какъ Луара.

Когда стали доноситься уже всплески веселъ, мать сказала тихо:

— Не говори ему ничего этого, Этьенъ. Онъ и такъ усталъ. Знать горе напередъ—дѣло матерей.

Маленькія совы пронзительно кричали, гоняясь гдѣ-то надъ водой,—все еще невидимыя.

XIX.

Генріетта вернулась черезъ десять дней. Элоа встрѣтилъ ее на вокзалѣ. Онъ сѣлъ на извозчика, загроможденнаго картонками и пакетами, подъѣхалъ вмѣстѣ съ новой «старшей» къ мастерской мадамъ Клемансъ и у подъѣзда сказалъ ей:

— Кончай скорѣе свои дѣла, дѣвочка. Старая Ложере уже подогрѣваетъ обѣдъ. Антуанъ обѣщалъ быть къ семи часамъ, и мы пообѣдаемъ втроемъ: такъ давно уже мы не были втроемъ.

Встрѣча съ племянникомъ волновала его. Но все же довѣріе преобладало.

Онъ думалъ: «Антуанъ даже не колебался. Онъ сейчасъ же согласился. Можетъ быть, и поумнѣетъ съ годами. Вотъ ему теперь надо на службу итти, а служба очень мѣняетъ молодыхъ людей. Я помню себя: за два мѣсяца до срока я уже ни о чемъ другомъ не могъ думать».

Старуха Ложере приготовила рагу изъ курицы по таинственному, одной ей извѣстному, рецепту, и принесла его дымящимся, въ кастрюлѣ съ крышкой. На лѣстницѣ пахло топленнымъ масломъ, розмариномъ и гвоздикой, когда въ половинѣ седьмого Генріетта вернулась домой съ пучкомъ цвѣтовъ на рукѣ.

— Я проходила мимо магазина Эгло,—сказала она,—и подумала: никакъ нельзя обойтись безъ цвѣтовъ на обѣдѣ въ честь моего повышенія. Какіе они красивые!

Она взяла фарфоровую жардиньерку, расположила въ ней осенніе цвѣты вперемежку съ листьями папоротника, еще влажными отъ лѣсной сырости, и поставила ее на столъ, рядомъ съ высокой лампой подъ красивымъ кремовымъ абажуромъ. Затѣмъ она пошла въ свою комнату и разставила на маленькомъ столикѣ чайникъ, чашки и сахарницу съ голубыми жилками, которыя почти никогда не употреблялись.

Пришелъ Антуанъ. Смущенія въ немъ не было замѣтно. Взглядъ его, какъ обыкновенно, избѣгалъ людей и скользилъ по вещамъ, на губахъ была усмѣшка.

— Вотъ удивительно!—сказалъ онъ.—Ваша комната ничуть не измѣнилась, дядя. Вы отстали отъ вѣка, это сразу видно. Ни афиши, ни воззванія—ничего!

Изъ своей комнаты вышла Генріетта. Антуанъ взялъ руку, которую она протянула ему, но такъ холодно, такъ небрежно пожалъ ее!

— Итакъ, Генріетта, ты получила повышеніе? Поздравляю. Теперь ты почти буржуазка. Я увѣренъ, что твоя комната лучше обставлена, чѣмъ эта?

Онъ прошелъ нѣсколько шаговъ, заглянулъ въ дверь и указалъ:

— Ну, конечно; у тебя всякія финтифлюшки: вазы, картины, кисея, кресло! Вспоминается мнѣ во время оно маленькая дѣвочка, которая ложилась спать въ потемкахъ, чтобы сберечь свѣчку.

Голосъ Генріетты тихо—такъ, чтобы онъ одинъ услышалъ—произнесъ:

— А мнѣ вспоминается братъ, который любилъ меня когда-то.

— Не стоитъ объ этомъ говорить,—сухо отрѣзалъ онъ. И тотчасъ повернулся къ дядюшкѣ, который приглашалъ его садиться къ столу.

Генріетта пошла вслѣдъ за нимъ, размышляя: «Неужели

это навсегда уже такъ»? И она задавала себѣ вопросъ, о чемъ теперь разговаривать, чтобы не вызвать раздраженія Антуана.

Но, противъ опасенія, разговоръ завязался оживленный и почти непринужденный. Хотя старикъ не блисталъ дипломатическимъ талантомъ, все же онъ умѣло избѣгалъ всѣхъ темъ, касавшихся прошлаго. За этимъ столомъ, гдѣ впервые послѣ долгаго времени собралась вся семья, имя матери не было произнесено, и дѣтскіе годы намѣренно забыты. Разговоръ шелъ о городскихъ происшествіяхъ, о газетныхъ описаніяхъ кражъ и убійствъ; затѣмъ коснулись общей политики и недавнихъ забастовокъ. Элоа часто смѣялся. Отъ вина онъ былъ благодушно возбужденъ. Но племянникъ слѣдилъ за собой: онъ шутилъ, слегка улыбался и ничего не пилъ.

Только къ концу обѣда дядюшка Мадьо почти насильно наполнилъ всѣ три стакана и, подымая свой, сказалъ:

— За твое здоровье, Антуанъ! Вѣдь, черезъ шесть недѣль тебѣ въ полкъ!

Выраженіе лица Антуана сразу измѣнилось. Онъ закусилъ губу и сказалъ серьезно:

— Да, приходится итти на свою погибель!

— Какъ ты говоришь это!—сказала Генріетта. Развѣ такъ ужъ страшно?

Она попыталась разсмѣяться и прибавила:

— Боишься, что будешь тамъ сидѣть безъ гроша, да? Но ты, вѣдь, знаешь, что я тебя не забуду—особенно теперь, когда буду больше получать.

Антуанъ пришелъ главнымъ образомъ изъ-за того, чтобы не потерять этой возможности, и еще по другой причинѣ: онъ ощущалъ какой то темный, непонятный, суевѣрный страхъ передъ будущимъ. И это заставило его отвѣтить:

— Я знаю. Но, тѣмъ не менѣе, это большое несчастье. Вѣдь, не знаешь никогда, вернешься ли.

— Какіе страхи!—засмѣялся старый солдатъ. Всего два года, и то не полныхъ. Стоитъ ли изъ-за этого мучить себя?

Антуанъ молчалъ.

— Но посмотри на меня,—продолжалъ дядя,—вѣдь, этотъ старый хрычъ отбарабанилъ четырнадцать лѣтъ службы!

И онъ выпрямилъ плечи и разгладилъ усы своей здоровой рукой.

Молодой человѣкъ и въ самомъ дѣлѣ взглянулъ на него, но съ презрѣніемъ и сказалъ, пожимая плечами:

— Вы были наивнымъ человѣкомъ, дядюшка!

— То есть, въ чемъ это? — спросилъ старикъ. Лицо его омрачилось.

— Да въ чемъ? Таскали васъ по всей Франціи изъ конца въ конецъ цѣлыхъ семь лѣтъ, а потомъ заграницей, до самаго Крыма. И вамъ было мало. Вы остались добровольцемъ еще на семь лѣтъ...

— Совершенно правильно, и я нисколько не жалѣю. Кампаніи у насъ были восхитительныя, увѣряю тебя. Инкерманъ и Палестро и Маджента.

Юноша возразилъ насмѣшливо:

— Ну, а что вы заработали всѣмъ этимъ?

— Заработали, заработали!..

— По одному су въ день, правда?

— Во первыхъ, меня кормили; во вторыхъ, я имѣлъ табакъ, я имѣлъ...

Но Антуанъ залился обиднымъ смѣхомъ, и старикъ вспылилъ:

— Я разсуждалъ не по твоему, молокососъ! Мы съ товарищами служили не изъ-за денегъ, а изъ-за чести и ради удовольствія...

— Ну, такъ и радуйтесь, коли такъ, дядюшка! У васъ отняли лучшую часть жизни, лишили свободы, лишили возможности имѣть ремесло, семью! Благодарите ихъ. Это ваше дѣло. Но мы, нынѣшніе, изъ другого тѣста сдѣланы.

— Да! я вижу: вы трусы!

— Можете кричать: отъ этого дѣло не измѣнится. Насъ нельзя повести, какъ барановъ, куда угодно. Ужъ за это я вамъ ручаюсь! Помяните мое слово: дни ея сочтены.

— Чьи дни?

— Ну чьи? Арміи, конечно!

Элоа Мадьо всталъ, вытянувшись во весь ростъ. Привычнымъ, профессіональнымъ движеніемъ, внезапно вспомнившимся, онъ сталъ во фронтъ лицомъ къ двери; точно онъ боялся, что кто-нибудь войдетъ,—точно вотъ-вотъ оттуда долженъ войти дежурный офицеръ, который услышитъ эти святотатственныя слова. Затѣмъ его глаза, безстрашные глаза стараго вояки, въ упоръ уставились на племянника, посмѣвшаго отрицать армію. Онъ молчалъ, но глаза его говорили ясно; передъ нимъ встали, безпорядочно толпясь и вытѣсняя другъ друга, воспоминанія четырнадцати лѣтъ походной и казарменной жизни: ряды въ строю, съ ружьемъ на плечахъ, фигуры офицеровъ, которыхъ онъ любилъ, развѣвающіяся знамена, громкіе звуки музыки, пьяныя оргіи послѣ побѣды, разныя мѣстности, гдѣ они стояли,

часъ вечерняго ужина — весь блескъ, вся безпечность военной жизни. Картины эти вихремъ проносились передъ нимъ, волнуя и смущая старика. Духъ старой арміи заговорилъ въ немъ подъ вліяніемъ оскорбленія, и, ударивъ по столу единственнымъ своимъ здоровымъ кулакомъ, дядюшка Мадьо закричалъ:

— Молчать! молчать! Или я тебѣ покажу!

Антуанъ, очень блѣдный, но вполнѣ владѣя собой, скривилъ немножко свою заостренную мордочку и спросилъ:

— Ну, а дальше что?

Старикъ хотѣлъ кинуться на него, но Генріетта подбѣжала къ нему, удержала его за руку и сказала:

— Дядечка, успокойтесь. Вѣдь, Антуанъ шутитъ. Оставьте его, пожалуйста.

Она внимательно смотрѣла на нихъ обоихъ, вся дрожа отъ волненія. Антуанъ не опускалъ глазъ, и выраженіе его лица оставалось то же. Но старикъ, почувствовавшій, какъ рука Генріетты дрожитъ въ его рукѣ, старался послушаться ея и овладѣть собою. И онъ произнесъ голосомъ, въ которомъ еще звучали гнѣвныя ноты:

— Твоя правда, Генріетта. Это у него вывѣтрится. Надѣнетъ форму—придется и повиноваться. Вѣрно говорю, Антуанъ?

Тотъ усмѣхнулся.

— Вы плохо знаете своего племянника, дядюшка. Если ваши господа офицеры будутъ вѣжливы со мной, то, можетъ быть, дѣло и пойдетъ на ладъ; но если они себѣ позволятъ...

Онъ щелкнулъ пальцами и прибавилъ:

— Эхъ! тогда мы посмотримъ!

При этихъ словахъ у него было такое странное выраженіе лица, что старый Мадьо даже испугался. Онъ зналъ этотъ взглядъ непокорнаго буйства, онъ помнилъ его у солдатъ, кончавшихъ дисциплинарными батальонами Африки. И онъ удержался отъ возраженія.

— Послушай, Антуанъ,—сказала вдругъ Генріетта,—я не разсчитывала тебѣ этого говорить; но ты сомнѣваешься въ офицерахъ... Могу тебя увѣрить, что будетъ въ полку одинъ, который, навѣрное, будетъ покровительствовать тебѣ.

— Кто же это?

— Я надѣюсь непремѣнно заручиться его обѣщаніемъ. Я попрошу его мать сказать ему о тебѣ. Онъ, правда, офицеръ запаса, но онъ въ январѣ долженъ поступить въ твой полкъ. Ты догадываешься?

— Нѣтъ.

— Это Викторъ Лемарье!

Антуанъ быстро всталъ.

— Ты хочешь это сдѣлать, Генріетта?

— Ну да... чтобы тебѣ легче было... Что съ тобой?

Она въ страхѣ отшатнулась отъ искаженнаго злобой, блѣднаго лица брата.

— А, ты хочешь это сдѣлать? Хорошо же! Такъ скажи этому господину, чтобы онъ поменьше мной занимался и не подходилъ бы слишкомъ близко и не командовалъ... Не то случится несчастье! Ты слышала? Такъ и скажи! Ахъ, Боже мой!.. Надо же въ самомъ дѣлѣ...

И нахлобучивъ свою шляпу, Антуанъ быстро прошелъ комнату, отворилъ дверь и исчезъ.

Старый Мадьо и Генріетта, точно остолбенѣвъ, долго стояли, не говоря ни слова. Генріетта была растеряна и печальна. Но старикъ страдалъ отъ другого: неожиданный приступъ ярости племянника показалъ ему, что тотъ знаетъ что-то изъ прошлаго.

Онъ съ ужасомъ думалъ о томъ, что тайна извѣстна. И кому? Его Генріетта въ опасности, предоставленная мести такого безпутнаго малаго, какъ Антуанъ. Онъ можетъ, если захочетъ, истерзать и сломить ее, или шантажировать ее угрозами открыть старый позоръ и устроить скандалъ. Передъ страхомъ такой опасности все показалось ему ничтожнымъ. Мадьо уже не думалъ ни о личной обидѣ, ни объ оскорбленіи арміи—его мучила неотвязно только одна мысль: Генріетта, бѣдная Генріетта, которую надо спасти! Мозгъ старика лихорадочно работалъ; онъ размышлялъ: «Побѣжать ли къ нему? Или завтра? Или потомъ? Потому что надо, вѣдь, спросить его, узнать, что ему извѣстно, запретить ему говорить... Ему запретить! Ему, Антуану Мадьо!»

Вдругъ Генріетта прервала его мысли.

— Объясните мнѣ, дядя, ради Бога: отчего онъ такъ взбѣсился? На кого онъ золъ: на меня или на мосье Лемарье.

Мадьо долженъ былъ употребить усиліе, чтобы скрыть свое замѣшательство и придать хоть немного правдоподобія своимъ словамъ.

— Не пугайся такъ, дѣвочка моя, — отвѣтилъ онъ,—я забылъ, что съ Антуаномъ нельзя ни о чемъ разсуждать. Сама видишь, онъ все еще имѣетъ зубъ противъ этихъ Лемарье, изъ-за исторіи съ моей пенсіей.

Генріетта слѣдила за нимъ глазами, пока онъ повернулся и подошелъ къ окну.

— Теперь, когда все улажено,—сказала она,—это было

бы безуміе... Нѣтъ, тутъ есть что-то другое, чего мы съ вами не знаемъ, дядя; что-то болѣе важное.

Старикъ стоялъ не шевелясь, боясь, какъ бы не пришлось еще лгать.

Но Генріетта больше не обращалась къ нему. Она надѣла передникъ и стала въ углу комнаты мыть и перетирать посуду съ обѣда. Этой работы она очень не любила и всегда ей стоило усилія заставить себя дѣлать ее, не замѣчая; но теперь мысли ея всецѣло были направлены на загадочный для нея вопросъ.

Убравъ чистую посуду въ буфетъ, она пошла въ свою комнату, чтобы вымыть и надушить руки, поправить прическу и принять свой видъ барышни-модистки. Затѣмъ она убрала три красивыя чайныя чашки и чайникъ съ голубыми жилками, которыя уже не были нужны, и поставила на мѣсто стулья и кресло, разставленные вокругъ маленькаго столика.

А въ другой комнатѣ, у окна, дядя Мадьо неустанно повторялъ про себя: «Что̀, если онъ выдастъ ее?»

XX.

На слѣдующее утро, придя въ мастерскую, Генріетта тотчасъ стала искать глазами Мари, которую она еще не видала послѣ пріѣзда. Всѣ дѣвушки, кромѣ Мари, окружили «старшую», закидывая ее вопросами.

— Здравствуйте, мадемуазель Генріетта! Какой у васъ усталый видъ, хорошо ѣздилось? Разскажите намъ свой визитъ къ Ребу и къ Эстеръ Мейеръ! Красивыя модели въ этомъ году?

Генріетта, съ улыбкой удовлетворивъ ихъ любопытство, подошла къ Мари: та сидѣла у окна, съ краю стола и, казалось, всей душой ушла въ свою работу.

— Что же это, Мари? Ты даже не здороваешься?

Мари подняла на нее печальные глаза и снова быстро опустила ихъ.

— Здравствуй!—сказала она,—какъ поживаешь?

— Ну вотъ,—сказала Генріетта мягко,—хорошо я сдѣлала, что вернулась. Моя подруга Мари безъ меня жить не можетъ. У нея сдѣлалась черная меланхолія.

Мари молчала.

— Хочешь пойти со мной въ воскресенье? Зайдемъ къ Ренэ.

Не переставая шить, Мари отвѣтила:

— Нѣтъ, я не могу.

— Тебя куда-нибудь звали?

— Да.

— Разскажешь мнѣ потомъ,—да?—сказала Генріетта, уходя, чтобы распредѣлить работу и занять свое мѣсто.

Но мрачное настроеніе пріятельницы заставило ее быть на-сторожѣ. Много разъ въ теченіе этого дня она бросала взглядъ къ окошко; раза два или три только ей удавалось встрѣтиться съ глазами Мари, и они показались ей такими же мрачными и такъ же упрямо устремленными во внутрь, на свою душевную драму, какъ въ тотъ день, когда она незнакомкой вошла сюда и спросила: «Работы, вѣдь, нѣтъ? Правда?»

Вечеромъ мадамъ Клемансъ задержала Генріетту какъ-разъ въ тотъ моментъ, когда модистки расходились, и поговорить съ Мари ей не удалось. «Завтра»,—подумала она, «я устроюсь такъ, чтобы проводить ее до дому, и тогда узнаю, что́ у нея на душѣ».

Но на другой день Мари не явилась на работу. Никто не зналъ—отчего. Генріетта спросила у Ренэ, бывшей съ ней въ хорошихъ отношеніяхъ:—Можетъ быть она больна? Она ни на что не жаловалась въ послѣдніе дни?

Ренэ отвѣтила, что нѣтъ, но на ея блѣдныхъ щекахъ появилась краска: Генріетта встревожилась. Еще больше взволновало ее, когда на слѣдующій день, придя въ мастерскую въ половинѣ девятаго, она замѣтила, что Мари нѣтъ: обыкновенно она являлась одной изъ первыхъ. Было еще пусто. Погода была ужасная. Генріетта открыла ящикъ, вынула свои рабочія принадлежности и стала ждать. «Можетъ быть, она задержалась изъ-за ливня? Живетъ то она далеко». Пришла Луиза, ученица. Затѣмъ одна за другой Матильда, Люси, Жанна, Ренэ, Ирма и всѣ другія за исключеніемъ Мари. Пробило девять. Хлопанье отворяемой двери, стукъ шаговъ, голоса, произносящія съ отвращеніемъ: «Брр... какая погода!», звукъ табуретокъ придвигаемыхъ къ столу—словомъ, шумъ утреннихъ приготовленій прекратился. Дѣвушки разсѣлись. Началось перешептываніе, хрустѣніе каркаса и шелестъ шелка. Мѣсто Мари оставалось пустымъ.

Всѣ мастерицы, какъ и Генріетта, замѣтили отсутствіе Мари Шварцъ. Нѣкоторыя даже знали причину; но онѣ сказали только: «Второй день пропускаетъ. Можетъ быть, она написала мадамъ». Кое-кто многозначительно переглядывался, но дружба «старшей» съ этой дѣвушкой была слишкомъ хорошо извѣстна, и никто не рѣшался говорить о ней свободно. Дождь яростно билъ въ

стекла, а въ каминѣ вѣтеръ завывалъ такъ, какъ-будто цѣлая куча котовъ кричала и билась внутри его.

Генріетта не пошла обѣдать. Она была больна отъ безпокойства. Какъ она ждала вечера, чтобы побѣжать къ Мари! Но заказовъ съ началомъ осени было много, и мастерская работала почти до восьми часовъ. Генріетта разсталась съ мастерицами внизу лѣстницы и, хотя дождь лилъ по прежнему, направилась вверхъ, къ улицѣ С. Симильенъ.

Вѣтеръ гналъ, подхлестывая, мутные потоки воды, которые бѣжали сверху. На улицѣ не было никого, кромѣ извозчиковъ въ плащахъ, сидѣвшихъ согнувшись на своихъ козлахъ. Съ ихъ широкополыхъ шляпъ вода текла, точно изъ желобовъ. Они смотрѣли на эту промокшую дѣвушку, торопившуюся куда-то. Генріетта шла быстро, едва переводя духъ. Въ бѣдномъ кварталѣ ее окружила тьма. Скоро она очутилась на площади Марши, превратившейся въ сплошное озеро. Газовые фонари едва мерцали подъ напоромъ вѣтра; многіе погасли. Здѣсь направо, наверху, въ старомъ домѣ, жилъ Антуанъ. «Неужели это онъ погубилъ ее,—подумала Генріетта,—онъ, мой братъ! »Она много думала, всякія подозрѣнія рождались въ душѣ, и она вспомнила, что когда наканунѣ за обѣдомъ она упомянула имя Мари, Антуанъ какъ будто сконфузился: это прибавилось къ другимъ, прежнимъ, признакамъ и дало ей почти увѣренность. «И подумать, что она черезъ меня познакомилась съ нимъ!» говорила она себѣ. Дойдя до середины площади, она остановилась и подняла голову вверхъ, къ крышамъ домовъ. Она увидѣла слабый свѣтъ въ окнѣ Антуана.

Почему-то этотъ огонекъ возбудилъ въ ней надежду. Антуанъ былъ дома. Онъ не у нея. Генріетта бодрѣе продолжала свой путь, шагая черезъ потоки, которые изъ водосточныхъ трубъ текли по панели. Она повернула на улицу Симильенъ и внезапно ее поглотила тьма каменнаго свода, гдѣ вѣтеръ вылъ, какъ пароходная сирена. Она прошла черезъ него, борясь противъ вѣтра. Вотъ, наконецъ, домъ, здѣсь налѣво. Нигдѣ нѣтъ свѣта, только на самомъ верху. Генріетта поднялась пять ступенекъ. Она пошла по коридору, чувствуя страхъ, что она одна и такъ близка къ тайнѣ, разгадки которой она ищетъ. Ощупью она стала искать дверь, ногти ея стучали по стѣнкѣ. Наконецъ, она почувствовала подъ рукой острый уголъ деревяннаго карниза.

Она громко закричала:

— Мари!

Но вѣтеръ покрывалъ ея голосъ.

— Мари!

За дверью послышались легкіе шаги. Дверь отворилась, и узкая полоса свѣта упала на лѣстницу. Генріетта увидѣла Мари и вошла ближе, вся мокрая, съ липнувшей къ тѣлу одеждой. Мари отступила назадъ, какъ-бы боясь прикосновенія. Она протянула руку впередъ.

— Зачѣмъ ты явилась?—сказала она.—Нѣтъ, нѣтъ, не входи! Не надо!

Генріетта остановилась, пораженная. Ея подруга опиралась рукой на столъ, гдѣ горѣла керосиновая лампа, которую онѣ вмѣстѣ купили, въ радостный день. Мари была готова къ выходу, одѣтая почти элегантно въ широкополой черной шляпѣ съ пучкомъ ярко-красныхъ перьевъ, въ вышитой пальетками черной накидкѣ, въ ботинкахъ на высокихъ каблукахъ, перчаткахъ и съ шелковымъ зонтикомъ въ рукѣ. Она стояла вытянувшись, блѣдная, готовая на все.

— Я побѣжала къ тебѣ, Мари, какъ только кончилась работа... Я не хотѣла вѣрить...

— Что это правда? Такъ, что ли? Ну да, это правда!..

Генріетта почувствовала острый уколъ въ сердце, но сдержалась. Она подошла ближе къ столу и кротко сказала, точно старшая сестра:

— Скажи, Мари, это у тебя просто капризъ, правда? Вѣдь, мы съ тобой друзья. Сними свою накидку. Я присяду и мы поговоримъ—хорошо?

Но Мари отодвинулась отъ нея подальше. Ея темные глаза блестѣли, какъ твердые зловѣщіе камни: оскорбленная страсть изгнала изъ нихъ всякое выраженіе нѣжности.

— Нѣтъ,—сказала она рѣзко.—Я недостойна тебя теперь. Уходи!

— Выслушай меня только, и я уйду и не приду больше, если ты такъ хочешь.

— Не надо. Все, что ты можешь сказать, теперь лишнее, все...

Она скрестила руки, нагнулась немножко впередъ. Свѣтъ лампы ярко подчеркнулъ злую усмѣшку ея алыхъ губъ.

— Кончено, понимаешь ли? Довольно съ меня нищеты и вашей добродѣтели! Я ни во что не вѣрю. Жить мнѣ все равно недолго, и я хочу наслаждаться жизнью. Погибшая—такъ погибшая! Онъ или другой—не все ли тебѣ равно?

Она остановилась, замявшись на секунду, и потомъ прибавила:

— Но мнѣ пора. Я должна итти.

Генріетта протянула впередъ обѣ руки, какъ-будто желая удержать ее.

— Ты не знаешь его!

— Лучше тебя, которая его ненавидитъ.

— Онъ обманулъ тебя: его скоро возьмутъ въ солдаты.

— Я знаю это.

— Онъ обѣщалъ тебѣ жениться, да? И ты повѣрила?

— Онъ ничего не обѣщалъ.

— Даже этого нѣтъ! даже этого!

Генріетта зарыдала, закрывъ лицо руками. Но Мари гордо выпрямилась и, какъ-бы бросая вызовъ жизни, смерти, сосѣдямъ, которые могутъ услышать, громко закричала:

— Я люблю его!

Ей отвѣтили рыданія. Потомъ руки, на которыхъ сверкали капли слёзъ, медленно опустились, и Генріетта пошла къ двери, не отрывая отъ Мари своего взгляда. Лампа освѣтила ея блѣдное, измученное, мокрое отъ слезъ, лицо, затѣмъ лучъ скользнулъ по золотымъ завиткамъ ея волосъ, упавшихъ отъ вѣтра на щеки. Одну минуту она остановилась, прислонясь къ стѣнкѣ, у двери. Она была какъ послѣднее сомнѣніе, которое уходитъ; какъ жалость, которая остается до конца.

И она снова очутилась среди тьмы и бури.

. . . . . .

Изъ сѣрой тетрадки:

«Я не думала, что такъ люблю ее и буду такъ страдать изъ-за нея! Теперь мы разошлись. Она прогнала меня. А какъ я надѣялась, что помогу ей стать порядочной женщиной! Сколько разъ въ мечтахъ примѣряла ей бѣлое подвѣнечное платье! Бѣдная погибшая сестра! Мнѣ кажется, что еслибъ я знала ее съ дѣтства, она бы не выскользнула изъ моихъ рукъ. Я оказалась слишкомъ слабой съ ней, а она слишкомъ натерпѣлась нужды. Работать, работать, а жить всетаки нечѣмъ, и ни откуда нѣтъ поддержки, а со всѣхъ сторонъ одни соблазны, и въ одинъ прекрасный день вспомнишь, что ты—женщина, и все пропало!»

Генріетта положила перо. Она была разбита, измучена. Дождь хлесталъ по стекламъ. Странное смущеніе овладѣло ея душой. Нельзя безнаказанно касаться такъ близко грѣха, который еще не знаетъ слезъ. Она въ теченіе послѣднихъ трехъ дней слишкомъ много жила этимъ дурнымъ сномъ. И теперь передъ ней, строгой и чистой, вставали всѣ искушенія ея трудовой жизни. Она чувствовала на себѣ жгучую силу всѣхъ мужскихъ взглядовъ,

преслѣдовавшихъ ее съ тѣхъ поръ, какъ она, поступивъ въ ученіе въ мастерскую, отправлялась утромъ съ корзинкой на рукѣ, въ бѣлой полотнянной шляпѣ. Она слышала слова, которыя ей шептали сзади, на улицѣ, вспоминала двусмысленныя предложенія хозяевъ и приказчиковъ въ магазинахъ, вспоминала письма, въ которыхъ ей предлагали купить модную мастерскую. Всѣ эти ловушки, которыя она обходила всегда, почти не замѣчая, теперь густой сѣтью встали передъ нею, какъ кошмаръ неутомимаго преслѣдованія, которое ни передъ чѣмъ не останавливается. Міръ представился ей во всей безобразной наготѣ, губящій слабыхъ и бѣдныхъ, безъ жалости къ тѣмъ, которыя такъ еще молоды, что не должны были бы знать уродства жизни, и къ тѣмъ, которыя такъ безоружны, а имъ приходится защищаться. И она почувствовала тотъ страхъ передъ собой, который помогаетъ прощать другимъ.

— Боже мой!—подумала она,—спаси меня отъ этого!

Она боялась. Ей хотѣлось поскорѣе избавиться отъ этихъ гадкихъ мыслей.

Гдѣ найти опору? Кто защититъ противъ грязнаго дыханія этихъ воспоминаній, внезапно пахнувшаго на нее?

Она искала убѣжища въ воспоминаніяхъ далекаго дѣтства, когда была жива мать, нѣжившая и охранявшая ее. Съ усиліемъ старалась она представить себѣ лица нѣсколькихъ дѣвушекъ, теперь счастливыхъ женъ и матерей, примѣръ которыхъ могъ бы разсѣять видѣнія этой тяжелой ночи. Затѣмъ она встала, открыла свой книжный шкафчикъ и вынула старый молитвенникъ—его дали ей еще въ школѣ. Пожелтѣвшія полоски бумаги были заложены въ тѣхъ мѣстахъ, которыя ей когда-то больше другихъ нравились: она давно не перечитывала ихъ. Это были гимны невинности, утверждавшіе грѣховность плоти, побѣжденной и приниженной въ борьбѣ съ освобожденнымъ духомъ. Она читала и узнавала слова и снова переживала то волненіе, какое испытывала тогда, въ возрастѣ, когда она почти не понимала смысла ихъ. Она снова ощущала особую тишину и миръ души, точно подымалась все выше и выше. Но подняться ей хотѣлось только для того, чтобы протянуть внизъ руку помощи.

— Я подниму тебя, Мари,—думала она.

XXI.

Послѣ разрыва съ Мари Генріетта чувствовала себя страшно одинокой. Она въ нѣсколько мѣсяцевъ успѣла такъ привязаться

къ ней, что ей казалось — у нея нѣтъ больше друзей. Ренэ, напрасно старалась быть особенно предупредительной, а мастерицы кротко и терпѣливо переносили дурное настроеніе новой «старшей»—Генріетта все же ощущала пустоту и покинутость.

Мари была уволена послѣ трехъ дней отсутствія, и на ея мѣсто мадамъ Клемансъ приняла новую дѣвушку. Генріетта не могла привыкнуть къ новенькой. Она даже была особенно строга съ ней, и бѣдная молоденькая дѣвушка не понимала причины этого и часто взглядывала на «старшую», какъ будто спрашивая:

— Отчего вы такъ обращаетесь со мной? Вы, вѣдь, такъ добры ко всѣмъ.

Медленно и глубоко, въ душѣ Генріетты происходилъ переворотъ. Случай съ Мари далъ ей еще сильнѣе почувствовать тяжкое бремя жизни, женской судьбы. Ея сердце шире раскрылось для состраданія. Не ища утѣшенія въ мысли о любви Этьена, она стала искать его въ забвеніи себя. Почти невольно, инстинктивно, она стала отдавать свою нѣжность и заботы множеству несчастныхъ и страдающихъ, которыхъ она знала—какъ-будто она была создана для иной любви,—не знающей ни одного, дорогого имени, ни ласкъ.

По воскресеньямъ, если она не шла съ дядей гулять, она проводила часъ или два со своими друзьями подъ деревьями, у церкви св. Анны, куда женщины съ дѣтьми приходили погрѣться на осеннемъ солнышкѣ. Или же она отправлялась къ старому аббату — и это она дѣлала ради нихъ — который сидѣлъ по вечерамъ въ своемъ саду и слѣдилъ за расходившейся съ фабрикъ толпой. Они толковали сообща.

Но иногда какое-нибудь воспоминаніе или встрѣча властно будили въ ней иныя мечты. Однажды утромъ, по дорогѣ съ Эрмитажной улицы въ мастерскую, впереди нея шла парочка влюбленныхъ, новобрачныхъ повидимому, очень скромныхъ по положенію людей, какъ она, у которыхъ была только молодость и любовь. И весь этотъ день ее волновали грезы о любви, какъ волнуетъ весной свѣжее дыханье вѣтра. Она думала:

— Когда Этьенъ опять придетъ, я скажу *да*. И мы пойдемъ съ нимъ, счастливые, рука объ руку, и прохожіе будутъ угадывать наше счастье.

Но затѣмъ эти порывы юности исчезали, и стоило Генріеттѣ побыть опять съ Марселиной или съ Вивьенъ, или съ кѣмъ-нибудь изъ ея друзей, какъ она улыбалась имъ, и тайный голосъ шепталъ въ ней:

— Мнѣ кажется, что я не въ силахъ буду васъ покинуть; вы—моя жизнь.

Элоа Мадьо больше, чѣмъ когда-либо и чѣмъ кто-либо нуждался въ присутствіи Генріетты и въ тѣхъ словахъ, примиряющихъ и успокаивающихъ, которыя она умѣла говорить. Его подавило внезапное открытіе, что Антуану извѣстна тайна, и старикъ неспособенъ былъ принять какое-либо рѣшеніе. Мысль о рѣшительномъ объясненіи съ племянникомъ ужасала его. Недѣли шли, а онъ все откладывалъ, обвинялъ себя въ трусости и все-таки не предпринималъ ничего. Генріетта замѣчала, что онъ сталъ болѣе молчаливъ, и затруднялась, чему это приписать. Она не разъ спрашивала его:

— Отчего вы мнѣ не говорите, въ чемъ дѣло? Вы страдаете, и я должна знать, почему.

Но онъ молчалъ.

Во второй половинѣ ноября, за нѣсколько дней до отъѣзда рекрутовъ, Элоа, наконецъ, рѣшился. Онъ пошелъ къ мастерской, гдѣ работалъ племянникъ, подождалъ его у выхода и сказалъ ему:

— Послушай, Антуанъ. Я погорячился въ тотъ вечеръ; ужъ очень дерзко ты выразился объ арміи. Все-таки такъ намъ разстаться нельзя. Наканунѣ отъѣзда—свободный день. Хочешь, я зайду къ тебѣ, и мы пойдемъ выпить по стаканчику.

Антуанъ удивился и, какъ всегда, недовѣрчивый, подумалъ немножко и сказалъ:

— При условіи, что вы не станете мнѣ говорить про Лемарье—ладно!

И вотъ этотъ канунъ отъѣзда наступилъ.

XXII.

Съ восьми часовъ утра Элоа Мадьо уже былъ готовъ праздновать поступленіе Антуана въ солдаты: съ вечернимъ поѣздомъ новобранцевъ должны были увезти въ Ла-Рошъ.

Было двѣнадцать часовъ дня. Дядя и племянникъ сдѣлали маленькую остановку въ «Желѣзномъ Крестѣ»,—маленькой гостиницѣ вблизи развалинъ фабрики Лемарье, куда привычка привела стараго рабочаго. Оттуда они черезъ мостъ направились за-городъ, гдѣ среди луговъ Луары былъ маленькій кабачекъ.

— Тамъ подаютъ такое мюскаде, что отъ одного вида хочется плясать,—говорилъ Элоа.

Впрочемъ, онъ приплясывалъ, еще не видя этого вина: онъ праздновалъ поступленіе племянника на военную службу. По его понятіямъ и воспоминаніямъ этотъ день долженъ былъ быть днемъ разудалаго, хмѣльного веселья. И весь запасъ его оживленія и бранныхъ восклицаній былъ налицо. Онъ громко говорилъ, разсказывалъ старыя исторіи объ арміи, которой уже не было, называлъ никому неизвѣстныя имена офицеровъ, которыхъ онъ знавалъ, и мѣстъ, гдѣ они когда то стояли лагеремъ. Онъ тащилъ за собой племянника, блѣднаго и тщедушнаго рядомъ съ нимъ. По живости старикъ казался болѣе молодымъ. На сильныхъ плечахъ его бѣлая голова шутливо покачивалась. Когда они проходили возлѣ торговокъ овощей, сидѣвшихъ между своими корзинами зелени, онъ скосилъ глаза на мягкую шляпу племянника, которая доходила ему до плеча, и презрительно улыбнулся, какъ бы говоря:

— Вотъ нынѣшніе новобранцы. Не чета намъ! Поглядите, мои красавицы, какіе мы были, какіе мы есть!

Антуанъ между тѣмъ вяло шелъ туда, куда дядя его велъ: онъ не былъ болѣе взволнованъ, чѣмъ обыкновенно. Они снова вернулись въ городъ, сами не зная зачѣмъ, и, чтобы отдохнуть, усѣлись въ трактирчикѣ на улицѣ С. Симильенъ. Ѣсть имъ не хотѣлось. Элоа, сидя противъ свѣта, продолжалъ разговаривать съ возрастающимъ оживленіемъ. Но лицо стараго рабочаго утратило прежнюю выразительность. Оно мало отражало теперь ходъ его мыслей, алкоголь дѣлалъ свое дѣло. Антуанъ сидѣлъ прислонясь къ стѣнѣ и не пилъ больше. На мраморномъ столикѣ передъ ними стояли два стаканчика сквернаго абсента, и они отъ времени до времени подымали ихъ, говоря:

— За твое здоровье!

— За ваше!

Но дядя дѣлалъ только попытку пить, и когда капли зеленаго напитка текли по его жесткой щетинѣ, онъ чувствовалъ такое же возбужденіе и раздраженіе, какъ будто бы пилъ въ самомъ дѣлѣ.

Въ комнатѣ пахло пригорѣлымъ рагу. Обычные посѣтители завтракали у ближайшихъ къ окнамъ столиковъ. Никто изъ нихъ не обращалъ вниманія на разговоръ, все оживлявшійся, между обоими Мадьо. Только высокая рыжая дѣвушка, горничная, присѣла у окна съ зеленой занавѣской такъ, что лучъ солнца упалъ на ея волосы, и, не поворачивая головы, вслушивалась въ разговоръ: она знала этого маленькаго блѣднаго механика.

— Чертъ возьми, въ мое время,—сказалъ дядя,—бывали веселѣе наканунѣ отъѣзда. Ты непохожъ на рекрута.

— Я уже сказалъ вамъ свое мнѣніе на этотъ счетъ, дядя; а я каждый день мнѣнія не мѣняю. Я иду въ полкъ, какъ на несчастье.

Онъ откинулъ голову назадъ и сдѣлалъ рукой жестъ, какъ-бы говорившій: «Я все время буду думать о томъ, какъ-бы избавиться, и всѣ средства для этого будутъ хороши».

Старикъ слишкомъ много выпилъ, чтобы почувствовать холодное упорство въ словахъ Антуана. Ему трудно было удержаться отъ подачи совѣтовъ, и онъ сказалъ:

— Ты увидишь, какъ это просто: надо только хорошенько вдолбить словесность — смотрѣть, какъ дѣлаютъ другіе, и слушаться начальства. Пить надо поменьше въ полку. Поменьше знать женщинъ тоже... Офицеры не любятъ, чтобы у солдатъ въ городѣ была связь...

Онъ прищурилъ одинъ глазъ и прибавилъ:

— Если у тебя есть зазноба, то брать ее съ собой не слѣдуетъ...

И старикъ воображалъ, что его племянникъ смѣется надъ этой шуткой,—а тотъ весь дрожалъ, задѣтый по самому больному мѣсту: онъ любилъ несчастную дѣвушку, которую долженъ былъ теперь покинуть.

Дядюшка счелъ моментъ удобнымъ для того, чтобы затронуть давно обдумываемый вопросъ. Онъ натянуто разсмѣялся и сказалъ:

— Неспокойный ты человѣкъ, Антуанъ, но ты, вѣдь, все-таки не захочешь огорчать своихъ: меня прежде всего и затѣмъ...

Охрипшій, срывающійся голосъ прервалъ его:

— Какихъ это своихъ?

— Ну какъ же,—повторилъ старый Мадьо,—нашу семью—сестру твою и меня.

— Э, старикъ, нечего миндальничать! Знаю я эту свою семью! Знаю отлично, что меня обокрали, обокрали, обокрали!

Антуанъ почти лежалъ на столѣ, совсѣмъ близко къ дядѣ Мадьо; тотъ дѣлалъ ему отчаянные знаки рукой:

— Потише, ради Бога!

Вниманіе публики кабачка было, видимо, привлечено: слышно было шарканье ногъ. Рыжая горничная съ хохотомъ откинулась на спинку стула.

— Эй, вы тамъ, нельзя драться!

Но Антуана уже подхватила и понесла волна злобы, которую онъ такъ долго сдерживалъ, и онъ продолжалъ кричать прямо въ лицо старику:

— Да, она меня ограбила, потому что какія у нея права? Она отняла мою долю. Вы, дядя Мадьо, вы меня обманули!

— Это неправда. Я ничего не говорилъ.

— Но я все знаю. Мнѣ все разсказали. И въ тотъ же день я съѣхалъ отъ васъ. У васъ я всегда былъ нуль, а она дѣлала все, что хотѣла. Ну, развѣ это не правда? Попробуйте отрицать. А между тѣмъ я то—настоящій Мадьо! Когда я ее встрѣчаю, у меня сердце такъ и переворачивается отъ ревности.

— Замолчи, Антуанъ, довольно!

— Если вы за этимъ пришли, такъ получите: я ее ненавижу?

При этомъ словѣ Антуанъ поднялся. Онъ уже не обращалъ вниманія на дядю Мадьо, который отъ стыда втянулъ внутрь свои широкія плечи. Онъ оглядывалъ посѣтителей, насторожившихся у своихъ столиковъ. Головы ихъ были повернуты по направленію шума, но, встрѣтившись со стальными глазами рабочаго, они отводили взглядъ, какъ-будто равнодушные ко всему. Когда Антуанъ убѣдился, что спокойствіе возстановлено, онъ вынулъ изъ кармана монету въ сорокъ су и бросилъ ее на мраморную доску столика.

— Я плачу,—громко сказалъ онъ.

Монета звякнула; рыжая дѣвушка поднялась съ мѣста, а Антуанъ пошелъ между столиками къ выходу, блѣдный, какъ человѣкъ, близкій къ обмороку.

Старикъ шелъ сзади, мелкими, разслабленными шажками, опустивъ глаза и бормоча что то въ усы. Многіе подумали, что сейчасъ они начнутъ драку. Но ничего не произошло. Антуанъ остановился на порогѣ трактира, посмотрѣлъ на грязную улицу, на низкое осеннее солнце и повернулъ налѣво.

Тогда сзади него сильный басистый голосъ, невѣрный отъ злобы и вина, громко, на всю улицу, прокричалъ:

— Сволочь!

Это было послѣднее слово прощанія.

Рабочій пожалъ плечами и продолжалъ свой путь.

Онъ пошелъ прямо къ своей любовницѣ и, войдя во дворъ, заселенный, какъ пчелиный улей, онъ не сталъ тихонько пробираться къ ея двери, а просто закричалъ:

— Мари!

XXIII.

Она ждала его. Для нея этотъ день тоже начиналъ собою переходъ къ неизвѣстному.

Два раза уже Мари Шварцъ испытала тягостную тоску заброшенности: первый разъ, когда мать прогнала ее отъ себя, и второй разъ, когда она пріѣхала одна въ Нантъ, въ тѣ дни отчаянія, когда она встрѣтилась съ Генріеттой. Теперь уѣзжалъ ея любовникъ: предстояла нужда и полная разлука — быть можетъ, навсегда. Но такова молодость — она улыбалась, когда вышла на его зовъ: сегодня онъ былъ еще съ нею!

Антуанъ, еще весь блѣдный, взялъ ее за руку и сказалъ:

— Пойдемъ куда-нибудь! Мнѣ надо провѣтриться. Я распрощался съ дядей Элоа и, кажется, надолго.

Она поняла, что онъ пилъ, что была ссора и, что раздраженіе его еще не улеглось. Она погасила улыбку, и кротко, не возражая, чтобы не было сцены на улицѣ, пошла съ нимъ. Антуанъ держался бодро, но глаза у него были странные.

Она взяла его подъ руку и шла, не имѣя никакого желанія, кромѣ того, что бы не разсердить его.

Скоро они попали на бойкую улицу, гдѣ находилась мастерская мадамъ Клемансъ, и гдѣ Мари избѣгала теперь проходить. Особое чувство, котораго Антуанъ бы не понялъ, заставляло ее сторониться тѣхъ улицъ, къ которымъ она все лѣто ходила одна, честной работающей дѣвушкой. За стеклами витринъ она видѣла здѣсь фигуры приказчиковъ, которыхъ помнила въ лицо: они часто глядѣли ей вслѣдъ, когда она проходила бывало, здѣсь, въ золотистые майскіе вечера.

Встрѣчались покупательницы мадамъ Клемансъ, розовыя подъ стянутой вуалью, въ шляпахъ, которыя она примѣряла для нихъ. Дамы не разсматривали ее, потому что еще издали, по общему виду парочки, опредѣляли, что это—простые люди. Всетаки ее эти встрѣчи стѣсняли. Она боялась столкнуться съ кѣмъ-нибудь изъ мастерицъ мадамъ Клемансъ или съ приказчикомъ отъ Мурье. И когда Антуанъ, на поворотѣ улицы, вдругъ сказалъ:

— Не понимаю, что намъ тутъ дѣлать. Хочешь, пойдемъ за городъ?

Она съ радостью согласилась.

Они стали подыматься вверхъ, по направленію къ Шантене. Они оставили позади нарядную часть города и углубились

въ маленькія узкія улички предмѣстья, которыя были имъ близки Мари устала отъ ходьбы, но она не жаловалась. Антуанъ пришелъ въ равновѣсіе, и отъ утренней вспышки у него осталась только тихая, унылая печаль, которая такъ часто владѣла имъ. Онъ тихо говорилъ съ Мари, стараясь ее утѣшить, не находя облегченія для этого двойного горя.

Въ словахъ этихъ цѣнно было только то, что они сказаны были тихо, ласково и съ болью.

— Я буду посылать тебѣ свое жалованье. Это тебѣ немножко облегчитъ. А потомъ... черезъ два года... буду освобожденъ, и мы тогда поженимся—правда, Мари?

Она слушала его. Она знала, что его жалованье хватило бы ей только на 2—3 дня, что, окончивъ службу, онъ не женится на ней. И всетаки женская душа, полная любви и самоотверженія, расцвѣтала при звукѣ этихъ словъ, созданныхъ для другихъ, для тѣхъ, которыя еще не пали и у которыхъ есть будущее.

Когда они, все подымаясь наверхъ, дошли до широкой части холма Мизери, прямо передъ ними засвѣтился золотой шаръ заходящаго солнца. Мягкій предвечерній свѣтъ окуталъ ихъ. Мари вспомнила тотъ далекій день, когда она съ Генріеттой была у Лутрелей, на берегу Луары.

И она тотчасъ спросила:

— Ты пойдешь попрощаться съ ней, Антуанъ?

Онъ рѣзко отвѣтилъ:

— Нѣтъ.

Она замолчала и смущенно отвернула голову къ заборамъ садовъ, окаймлявшихъ улицу. На концахъ оголенныхъ вѣтокъ торчали кисти желтыхъ листьевъ. При каждомъ порывѣ вѣтра онѣ хлестали потрескавшуюся глину забора, почернѣвшую отъ дыма и покрытую мхомъ. Гдѣ-то уныло журчалъ ручей, издали доносился заводской гудокъ.

Антуанъ и Мари шли теперь, не держась за руку: имя Генріетты раздѣлило ихъ мысли.

Но вотъ черезъ широкую расщелину стѣны они увидѣли у своихъ ногъ нѣсколько домовъ, а дальше спускались поля, налѣво, впереди, виднѣлись открытыя ворота кладбища.

— Вотъ, — сказалъ Антуанъ, — я и не думалъ, что мы такъ близко. Разъ я уже здѣсь, нельзя уйти, не повидавшись съ ней.

— Это правда,—отвѣтила Мари.—Черезъ двѣ минуты мы

будемъ на Эрмитажной улицѣ. Если она уже дома, она будетъ такъ рада!

Антуанъ шелъ впередъ. Онъ вдругъ круто повернулъ и вошелъ въ ворота кладбища.

Мари закричала:

— Антуанъ, я не хочу! Я боюсь кладбища!

Антуанъ шелъ дальше. Когда Мари рѣшилась, наконецъ, тоже войти — перекрестившись, по привычкѣ—онъ былъ уже далеко. Въ тревогѣ она подобрала юбки съ обѣихъ сторонъ, какъ-будто бы по песку были разсыпаны зародыши смерти. Бѣлыя, вытянувшіяся въ рядъ могилы пугали ее и, хотя она очень устала, но теперь не шла, а бѣжала, чтобы догнать Антуана.

Рабочій углубился направо, въ ту часть кладбища, гдѣ среди низенькихъ каменныхъ памятниковъ чаще попадались деревянные кресты.

Онъ остановился, держа шляпу въ рукѣ, передъ темнымъ деревяннымъ крестомъ, старымъ и покосившимся, на которомъ была надпись бѣлыми буквами: «Миръ праху Проспера Мадьо—рабочаго, скончавшагося въ возрастѣ сорока четырехъ лѣтъ, шести мѣсяцевъ и двухъ дней, и Жакелины Мелье, супруги его, скончавшейся въ возрастѣ тридцати одного года и восьми мѣсяцевъ. Неутѣшныя дѣти».

Мари подошла тоже и опустилась на колѣни позади него.

Антуанъ заговорилъ вслухъ, съ тѣмъ мечтательнымъ взглядомъ, который былъ ей въ немъ знакомъ:

— Жалко дѣлается, какъ посмотришь! Они были несчастны оба!

Букетъ чайныхъ розъ, еще свѣжій, но измятый недавними дождями, лежалъ на травѣ могилы. Антуанъ сердито оттолкнулъ его ногой прочь.

— Я пошлю имъ вѣнокъ, красивый вѣнокъ, на прощанье. Эхъ, мать, мать! Спи съ миромъ—я не сержусь на тебя.

— Вотъ Лемарье я не могу простить. Обольстилъ тебя, негодяй, за деньги и потомъ отдалъ за одного изъ своихъ рабочихъ. А ты слишкомъ была хороша для чернорабочаго. Эхъ, бѣдная мать, невесело жилось тебѣ, я помню. Отецъ билъ тебя. Онъ ненавидѣлъ хозяина и мстилъ ему на тебѣ. Ты много плакала. Я вашъ сынъ, и оттого мнѣ часто бываетъ грустно. Мама, мнѣ тоже нѣтъ счастья. Лучше бы мнѣ быть твоей дочкой, ты любила ее больше меня. Ты провожала ее въ школу въ своемъ синемъ передникѣ и прятала для нея яблоки въ карманы. Вечеромъ ты

ласкала и цѣловала ее, а я засыпалъ одинокій въ уголку. А потомъ, когда ты умерла, отецъ сталъ пить, и я отъ него видѣлъ только пинки да подзатыльники. Ты хоть по крайней мѣрѣ не била меня. Я все помню, бѣдная мама, и оттого тяжело на душѣ... Но будь спокойна; я никогда никому не сказалъ того, что зналъ—только дядѣ Мадьо, потому что онъ самъ меня вызвалъ. Я не скажу другимъ. Не хочу, чтобы о тебѣ худо говорили. Вѣдь еслибы ты была жива, ты бы пожалѣла, что меня берутъ въ солдаты. Только подумаю, у меня кровь стынетъ. Они отнимаютъ у меня мою дѣвушку. Я буду плохимъ солдатомъ. Можетъ быть, изъ меня вышелъ бы толкъ, еслибъ я имѣлъ свой домъ, жену, и заработокъ, достаточный на хозяйство, какъ въ старину, когда не было военной службы, или какъ будетъ у тѣхъ, кто родится позже насъ. Но что дѣлать? Это время еще не настало. Прощай, мать! прощай, отецъ! Вы были несчастны, и вашъ сынъ несчастенъ. Только вы терпѣли, а я такъ не могу. Если у меня есть мое право, то я хочу взять его. Прощайте, старики!

Антуанъ повернулся назадъ, склонился надъ колѣнопреклоненной Мари и сказалъ:

— У меня никого нѣтъ, кромѣ тебя.

Онъ хотѣлъ поцѣловать ее, но замѣтилъ, что она вся бѣлая; глаза ея были расширены и устремлены въ одну точку.

— Что съ тобой, Мари?

Она не отвѣчала. Что сказать?

Слушая слова Антуана, она впервые съ ужасающей отчетливостью почувствовала, что ее ждетъ завтра безъ него — безъ работы, безъ прежней бодрости и дружеской поддержки. И она изнемогала подъ тяжестью этого страданія. Она была почти въ обморокѣ.

— Что съ тобой,—спрашивалъ Антуанъ.—Говори же.

Онъ поддерживалъ ее и глазами искалъ, нѣтъ ли кого по близости, чтобы позвать, если она лишится чувствъ. Вблизи воротъ онъ увидѣлъ женщину, которая мягко, точно ласкаю, водила граблями по свѣжему песку. Болѣе никого. А кругомъ начинало темнѣть, и птицы безпокойно кружились въ воздухѣ, ища ночного пріюта.

Но вотъ на глаза Мари выступили слезы. Онѣ потекли, жаркія и обильныя, и конвульсивно вздрагивало отъ рыданій все ея стройное тѣло. Антуанъ, увидѣвъ, что она плачетъ и что это только женская слабость, слегка подтолкнулъ ее и сказалъ грубо:

— Ну, ладно, ладно. Вытри хорошенько глаза и пойдемъ

Она отвѣтила грустно-покорнымъ взглядомъ и пошла за нимъ, волоча на этотъ разъ юбку по землѣ.

Женщина, работавшая у воротъ, подумала, что они приходили оплакивать недавно умершаго, котораго еще помнятъ.

Но они оплакивали самихъ себя.

XXIV.

Изъ сѣрой тетради.

«Братъ уѣхалъ, не простившись со мной. Дядя вернулся съ проводовъ такой свирѣпый, что я не могла его успокоить. Еслибы онъ мнѣ разсказалъ, въ чемъ дѣло, можетъ быть, я бы и могла что нибудь сдѣлать. Но онъ сказалъ только: «Я не хочу, чтобы ты давала ему денегъ; я не хочу, чтобы ты видалась съ нимъ!» Не знаю, исполню ли я это желаніе, всетаки я старше его, и, матери нѣтъ въ живыхъ, и зарабатываю я хорошо. И если онъ нуждается, мой долгъ—помочь.

«Сегодня утромъ дядя ходилъ къ Лутрелямъ. Оказывается, у Этьена есть пріятель, который служитъ сержантомъ въ Ла-Рошъ и черезъ него можно имѣть свѣдѣнія объ Антуанѣ.

«Больше всѣхъ мнѣ жаль Мари. Теперь она одна, опять въ нуждѣ и еще, навѣрное, съ сожалѣніемъ въ душѣ! Еслибъ она приняла меня! Вспоминается мнѣ все тотъ день, когда она поцѣловала меня въ щеку и сказала: «Любите меня!» Я попрошу мадамъ Лемарье узнать, что съ ней. Она пойдетъ и скажетъ мнѣ, могу ли я опять пойти—вѣдь, она выгнала меня въ послѣдній разъ, конечно, отъ стыда. Теперь, если я ей нужна, съ какой радостью я раскрою ей объятія! Какое наслажденіе—нагнуться и привлечь къ себѣ—я не знаю равнаго ему.

«Сколько событій вокругъ меня и какъ все это отвлекаетъ отъ мыслей о себѣ! Дядя тоже меня безпокоитъ. Онъ сталъ какой-то замкнутый, и ему какъ будто трудно прятать отъ меня что то. Я не знала, что у него есть отъ меня секреты, а теперь я чувствую это. Какая-то тѣнь легла на нашъ домъ. Мнѣ трудно оставаться той самой, которую всѣ звали веселой Генріеттой.

«Надо побольше думать о другихъ, постороннихъ. Мнѣ пришло въ голову дополнить литаніи, что есть въ книгахъ. Это нетрудно. Я говорю такъ:

«Господь, будь милостивъ къ матерямъ, дѣти которыхъ страдаютъ.

«Будь милостивъ къ тѣмъ, кто любитъ правду, но не вѣритъ въ тебя.

«Будь милостивъ къ тѣмъ дѣвушкамъ, которыя не могутъ побороть юныя страсти.

«Будь милостивъ къ тѣмъ, кто любитъ и кого нельзя любить».

. . . . . .

Къ концу декабря дядя Мадьо сталъ получать черезъ Этьена дурныя вѣсти насчетъ Антуана. Въ полку у него была репутація задиры и драчуна. Въ казармахъ за нимъ слѣдили и наказанія уже сыпались на него часто—одни за дѣло, другія безъ дѣла, такъ какъ иногда подозрѣніе падало на него только изъ-за его дурной славы.

Старику Элоа было стыдно. И на новый годъ онъ не пошелъ къ Лутрелямъ, хотя привыкъ уже много лѣтъ всегда посѣщать ихъ въ этотъ день. Онъ боялся услышать опять: «Грустныя вѣсти, мосье Мадьо?

Нѣсколько дней спустя, въ тихое солнечное воскресенье, Этьенъ явился на Эрмитажную улицу, но онъ искалъ не дядю: онъ пришелъ къ Генріеттѣ.

XXV.

Генріетты не было дома. Сквозь прозрачную дымку сквозило блѣдно-голубое небо. Воздухъ былъ мягокъ и неподвиженъ.

На высокой площади у церкви св. Анны собрались опять женщины съ дѣтьми. Здѣсь они чувствовали себя какъ дома, потому что богатые люди сюда не ходили, и извозчики рѣдко заѣзжали.

Теплый солнечный день выманилъ на улицу больныхъ, стариковъ и младенцевъ. Марселину привезли въ ея телѣжкѣ, и она жадно впитывала въ себя благодѣтельные лучи, которые такъ рѣдко доставались ей на долю. Въ церкви звонили къ вечернѣ.

По старой привычкѣ всѣ разсѣялись группами, почти неизмѣнными. Каждое дерево имѣло свою компанію, разсаживавшуюся въ кружокъ на складныхъ стульяхъ, принесенныхъ изъ дому. Женщины болтали, вязали, сидѣли просто такъ, спрятавъ руки въ карманы или подъ передникъ. Матери время отъ времени бросали взглядъ на игравшихъ недалеко, вдоль стѣнъ, дѣтей; онѣ искали глазами своихъ, пересчитывали ихъ и, успокоившись, воз-

вращались къ бесѣдѣ. Вся эта бѣднота грѣлась на солнышкѣ, всѣ глубоко вдыхали роскошный, пригрѣтый на южномъ склонѣ воздухъ. Генріетта—тоже обычная посѣтительница этого мѣста—переходила отъ одной группы къ другой, здороваясь со своими друзьями. Она одна имѣла видъ богатой среди этой толпы, гдѣ виднѣлись только ситцевыя кофты, фартуки поверхъ черной или полосатой юбки, измятыя, неряшливыя прически и картузы съ наушниками у мальчиковъ. Генріетта то наклонялась, то выпрямлялась, разспрашивая, и ея тонкая, гибкая фигура и золотистые волосы подъ маленькой мягкой черной шляпой красиво выдѣлялись въ блѣдно-опаловомъ свѣтѣ дня. На нее ревниво поглядывали со стороны, изъ сосѣднихъ группъ и думали: «Какъ она долго разговариваетъ съ этими; подойдетъ она къ намъ или нѣтъ»?

Она не забывала никого, и тѣ, отъ которыхъ она уходила, смотрѣли ей вслѣдъ, точно уходила отъ нихъ радость.

Подъ первымъ деревомъ была большая группа: Марселина Эсно, ея мать и еще четыре бретонки, жены каменотесовъ. Всѣ блѣдныя, безкровныя. Волосы, мягкіе и спутанные, точно сбившійся, нерасчесанный ленъ.

— Представьте себѣ, мадамъ Эсно, что ваша маленькая Марселина вообразила какъ-то на дняхъ, что я выхожу замужъ, и она плакала. Ну что жъ, теперь ты утѣшилась, Марселина?

Говоря это, Генріетта ласкала головку дѣвочки, неподвижно лежавшей въ своей телѣжкѣ. Четыре женщины повторили одна за другой:

— Не выходите замужъ! Не выходите замужъ!

А мать Марселины сказала:

— Выходите замужъ, если кого найдете, потому что молодость проходитъ скоро.

Больная дѣвочка ничего не сказала. Ея дружба, какъ и ея страданіе, боялась громкихъ словъ.

Немного дальше сидѣли трое другихъ друзей Генріеты, тоже завсегдатаи этого мѣста: слѣпой старикъ въ блузѣ, женщина, еще красивая, темноволосая, въ опрятномъ черномъ платьѣ и маленькая дѣвочка, слишкомъ блѣдная и серьезная—дѣдъ, дочь и внучка. Генріетта знаетъ ихъ прошлое; знаетъ, какая надежда все обманываетъ этихъ трехъ бѣдняковъ, и она спрашиваетъ:

— У васъ ничего новаго, мадамъ Люзиньянъ?

Дѣдушка откликается первый:

— Нѣтъ, мадемуазель Генріетта. Знаете, желѣзнодорожныя пенсіонныя кассы—это какъ игрушки, что обѣщаютъ дѣтямъ, чтобы они перестали надоѣдать, а потомъ не даютъ. А

право-то у Эрнестины есть: мужъ вѣдь умеръ при исполненіи обязанностей, отъ несчастнаго случая.

Дочь съ живостью прервала его:

— Да это извѣстно, папаша. Никто не оспариваетъ этого. Ты не хочешь никакъ понять. Всѣ инспектора и ревизоры признали, что смерть его произошла отъ катастрофы. Но, къ несчастью, онъ умеръ не сразу, и оттого общество удовлетворяетъ сначала другія прошенія.

Она взглянула на свою дѣвочку.

— А ждать такъ долго!

И взглянувъ на Генріетту, прибавила:

— Если бы имѣть протекцію какой-нибудь важной особы— вотъ, тогда другое дѣло!

Генріетта долго говорила съ этой женщиной и рѣшила заинтересовать мадамъ Лемарье ея дѣломъ, которое такъ важно, такъ насущно-необходимо этимъ тремъ существамъ.

— Мадемуазель Генріетта!

Это произнесъ свѣжій голосъ молодой женщины-булочницы. Она стоитъ, обнявъ голову своей младшей сестры, хрупкой, больной дѣвушки, работающей въ бѣлошвейной.

— Какъ по вашему, мадемуазель Генріетта. Правда, что она должна поставить банки?

Дѣвушка отвѣтила, едва раскрывая блѣдныя губы:

— Негдѣ уже ихъ ставить. И потомъ все равно—у меня все болитъ. Особенно глаза. Знаете вы эту боль, мадемуазель Генріетта, когда подъ вѣками какъ-будто песокъ насыпанъ?

— Да, у меня бывало это, послѣ долгой работы, при лампѣ и отъ яркихъ красокъ.

Булочница нерѣшительно проговорила:

— Ахъ, еслибы вы могли устроить, чтобы отправить ее на югъ или въ такое заведеніе, гдѣ бы ее лѣчили, какъ слѣдуетъ?

Больная отрицательно покачала головой. Она была изъ тѣхъ, которыя не вѣрятъ уже въ выздоровленіе. Генріетта близко склонилась къ ней и такъ заботливо, такъ нѣжно уговаривала ее, что дѣвушка въ концѣ концовъ спросила:

— Такъ вы думаете, что я могу поправиться? И вы найдете деньги, которыя нужны?..

И такъ отъ дерева къ дереву Генріетта обходила своихъ друзей. Но она встрѣчала здѣсь не только больныхъ и бѣдняковъ. Были и зажиточные, т. е. люди, которые живутъ своимъ трудомъ и не рискуютъ потерять его: крѣпкія матери семействъ, у которыхъ было десять человѣкъ дѣтей, а терпѣнія на двѣнадцать, по край-

ней мѣрѣ, мальчики красные, какъ піоны, и дѣвочки—подростки, смѣхъ которыхъ, какъ звонъ колокольчиковъ, уносился за Луару. Но Генріетта дольше останавливалась возлѣ тѣхъ, что страдали. Ее ждали, ей вѣрили, благословеніемъ встрѣчала и провожала ее эта толпа.

И она шла легко, точно радость несла ее. Она только что вошла въ ту часть площади, которая примыкаетъ къ церкви, какъ изъ боковой улицы вышелъ Этьенъ. Они почти одновременно увидѣли другъ друга. Выраженіе лица Генріетты почти не измѣнилось, но она остановилась и ждала, пока онъ подойдетъ. Этьенъ, въ черной курткѣ съ роговыми пуговицами, приближался, имѣя только одну мысль и одно желаніе: прочесть поскорѣе свою судьбу въ этихъ прозрачныхъ глазахъ, блестящихъ, какъ звѣзды. Оба чувствовали, что насталъ рѣшительный моментъ.

Генріетта немножко поблѣднѣла. Она сняла съ правой руки перчатку, чтобы онъ почувствовалъ теплоту пожатія и не сказалъ бы ей больше: «Я для васъ ничто».

Она такъ смѣло протянула ему руку, что Этьенъ удивился.

— Вы сегодня не стыдитесь меня?

— Конечно, нѣтъ—какъ всегда.

— Я былъ у васъ, потому что есть новость объ Антуанѣ. Его посадили на гауптвахту на десять дней. Не знаю, что онъ сдѣлалъ. Мнѣ не сказали.

И для того, чтобы отдалить единственную тему, волновавшую ихъ обоихъ, онъ прибавилъ:

— Къ нему относятся строго. Строже, чѣмъ къ другимъ.

Но мысли обоихъ молодыхъ людей были далеки отъ Антуана, а рыбакъ видѣлъ передъ собой только красивую Генріетту, ее, прежнюю, нѣжную, ничего не сулящую.

— Мадемуазель Генріетта, — сказалъ онъ наконецъ,— сколько мѣсяцевъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы видѣлись, а я только и думалъ, что о васъ. Нѣтъ мнѣ больше жизни. Не лежитъ моя душа ни къ чему—нѣтъ охоты работать. Мать знаетъ. Она мнѣ сказала: «Пойди и попроси ее отъ моего имени—вѣдь я ей другъ—пусть она дастъ тебѣ отвѣтъ».

Этьенъ замѣтилъ, что Генріетта поблѣднѣла. Она опустила глаза, склонила голову и прошептала:

— Бѣдный другъ мой! бѣдный другъ!

Ея голосъ принялъ умоляющее выраженіе.

— Мнѣ тяжело, повѣрьте, говорить вамъ это. Простите меня, но я не могу сказать *да*, не могу!

Лицо Этьена стало мрачнымъ. Брови его нахмурились.

— Такъ вотъ, значитъ, чего я добился своей любовью, своимъ терпѣніемъ?

— Что дѣлать, Этьенъ? Я себя спрашивала много разъ, но, можетъ быть, это дѣло мое такъ меня измѣнило, что ли? Не знаю. Только кажется мнѣ, что не выйду я замужъ никогда. Вы не вѣрите мнѣ?

— Конечно, нѣтъ.

Задѣтая за живо, она вскинула на него быстрый взглядъ и спросила:

— Что же вы думаете обо мнѣ?

— Что вы любите кого то, побогаче меня! Барина, который умѣлъ лучше меня ухаживать, но не умѣетъ любить васъ такъ, какъ я!

Онъ говорилъ почти громко, возбужденно; желая поскорѣе знать все онъ, продолжалъ раздраженнымъ голосомъ:

— Кто это? Я хочу знать.

Взглядъ Генріетты смягчился.

— Да, правда,—сказала она,—идемъ, я покажу вамъ.

Что ей стоило теперь пройти опять площадь вмѣстѣ съ Этьеномъ? Все равно—между ними все кончено.

— Идите.

Онъ пошелъ за ней, ничего не понимая. Высокомѣрнымъ взглядомъ онъ искалъ своего соперника среди группъ сидящихъ, которыя она тихонько показывала ему, и удивлялся, видя только стариковъ, женщинъ и дѣтей.

— Вотъ Селина Маке, бѣлошвейка, и ея сестра, тамъ направо Гуве, вдова съ сыномъ, вотъ старикъ Люзиньянъ, а это Эсно съ Марселиной въ телѣжкѣ.

Многіе опять кивали Генріеттѣ и дѣлали ей знаки, но она ничего этого не замѣчала: рядомъ съ ней горѣла и страдала близкая ей душа, душа Этьена. И она не слыхала, какъ Марселина печально сказала.

— Вотъ они опять вмѣстѣ!

Они подошли къ статуѣ св. Анны.

Генріетта остановилась на самой верхней ступенькѣ, довольно далеко отъ деревьевъ, чтобы никто не могъ ее слышать, и сказала:

— Вотъ мои друзья, Этьенъ; другихъ у меня нѣтъ... Я чувствую, что мое дѣло—служить имъ. Какъ? Я еще не знаю, или только догадываюсь. Повѣрьте мнѣ: только изъ-за нихъ я не выйду замужъ. Они позвали меня раньше васъ, и у меня было

горе, какъ и у нихъ. Теперь я имъ нужна. Еслибъ я покинула ихъ, меня бы замучила совѣсть. И ради нихъ я беру на себя тяжелое бремя сказать вамъ: «Оставьте меня свободной, Этьенъ». Имъ нужна моя жизнь, имъ нужна я вся. Вы не можете понять, что̀ есть между ними и мной. Я сама не могу разобраться, но поглядите: какъ они ревнивы!

И она показала на первое дерево, гдѣ стояла телѣжка Марселины. Теперь она была поставлена въ ту сторону, гдѣ находилась Генріетта. Дѣвочка находилась слишкомъ далеко, чтобы слышать, но вся ея поза выражала напряженное наблюденіе. Руки ея свѣсились черезъ край телѣжки, а голову она приподняла съ усиліемъ, которое было для нея мученіемъ. Но зато она видѣла Генріетту, и было ясно, что она думала, потому что по щекамъ ея катились крупныя слезы и капали одна за другой на вязаное одѣяло.

Этьенъ посмотрѣлъ на Марселину, потомъ на прелестное лицо Генріетты, въ которомъ смѣшалась грусть и умиленное состраданіе. И, безъ сомнѣнія, онъ не все понялъ. Но онъ угадалъ, что она не обманываетъ его, что какая-то таинственная сила, болѣе сильная, чѣмъ любовь, отнимаетъ ихъ другъ отъ друга.

— Намъ надо поговорить. Спустимся внизъ.

Они стали спускаться и скоро исчезли изъ виду. Лѣстница была пуста. Заходящее солнце бросало багровый отблескъ на гранитныя ступени. Генріетта и Этьенъ были одни—оба молодые, красивые, и съ раненымъ сердцемъ. У ногъ ихъ разстилалась Луара, а за ней деревни, печальныя зимой, гдѣ, кое-гдѣ, какъ синій дымокъ, подымался силуэтъ оголеннаго тополя.

Этьенъ спросилъ:

— Вы видите тамъ, за островами?

— Да,—сказала Генріетта,—это ваши луга.

— Сколько лѣтъ я тамъ прожилъ и всегда любилъ васъ, Генріетта.

Она отвѣтила съ такой нѣжностью въ голосѣ, что сама вспыхнула:

— Ахъ, еслибъ вы сказали это раньше, когда я была совсѣмъ молодая!

— По цѣлымъ мѣсяцамъ я васъ не видѣлъ, но когда случалось увидать, какой радостный я возвращался домой. Моя мать не ошиблась. Она говорила: «Во всемъ Нантѣ нѣтъ дѣвушки съ лучшимъ сердцемъ, чѣмъ эта». Ахъ, мама, надо было сказать мнѣ: «У нея сердце открыто для всѣхъ, только не для тебя. Она не

захочетъ тебя. Не гляди на нее»! Но я вѣрилъ въ васъ, оттого что мы дѣтьми играли вмѣстѣ, и оттого, что вы имѣли счастливый видъ, когда приходили къ намъ. Генріетта, я думалъ о васъ всегда на Луарѣ. Когда очень тяжело было тащить неводъ, или руки у меня совсѣмъ коченѣли, я говорилъ себѣ: «Это для Генріетты». Когда зимой, чуть свѣтъ, отецъ будилъ меня, а мнѣ такъ не хотѣлось вылѣзать изъ теплой постели, мать часто подходила и, бывало, скажетъ: «Вставай, сынокъ, зарабатывай на свою свадьбу»— я мигомъ вскочу...

Генріетта слушала его, поднявъ голову, забывъ, гдѣ она, и видя передъ собой только разгоряченное лицо Этьена. Глазами она умоляла его замолчать. Но онъ не смотрѣлъ на нее.

— Слушайте еще,—продолжалъ онъ.—Цѣлыя ночи я проводилъ на берегу Луары, столько сѣтей и неводовъ, сколько я разставлялъ, не ставилъ ни одинъ рыбакъ; я возилъ цѣлыя горы овощей въ Трантму—и все это для того, чтобы когда-нибудь отдать вамъ всѣ эти заработанныя деньги. Теперь деньги есть. Но та, для которой я работалъ, презираетъ меня... Брошу все и уѣду!

— Нѣтъ, Этьенъ, не уѣзжайте! Останьтесь! Забудьте меня! Останьтесь ради вашихъ.

— Нѣтъ! Вы не можете за меня замужъ пойти, а я не могу остаться. Не сможетъ мать меня утѣшить. Каждая песчинка на берегу Луары теперь говоритъ мнѣ о васъ. Нѣтъ! Я рѣшилъ твердо. Три сына уже ушли въ моряки, и отецъ разсчитывалъ на меня для рыбной ловли. Но и четвертый сынъ тоже уйдетъ на море, и это вы такъ хотѣли...

Онъ засмѣялся злымъ, горькимъ смѣхомъ.

— Откройте завтра свое окно, мадемуазель Генріетта, и поглядите въ ту сторону Луары, гдѣ лѣсные дворы. Не позже, какъ завтра, тамъ начнутъ строить рыбацкую шлюпку. Она будетъ называться «Генріетта». И она увезетъ меня далеко отсюда, гдѣ слишкомъ тяжело. И никогда, никогда я не вернусь на родину.

Онъ протянулъ руку къ западу, гдѣ виднѣлся бѣлѣющій парусъ, перепрыгнулъ черезъ двѣ ступеньки, спустился бѣгомъ и скрылся за скалой.

Генріетта, совершенно растерянная, повторила нѣсколько разъ:

— Если бы онъ сказалъ все это раньше, вся моя жизнь была бы другая! И подумать, что я отпустила его такъ.

Но она не позвала его назадъ.

Она пристально глядѣла на сверкающую гладь рѣки, и ей

казалось, что по ней уже скользитъ, удаляясь, шлюпка, которая никогда не вернется.

Нѣсколько человѣкъ сошли внизъ по ступенькамъ, задѣвъ ее, проходя. Она очнулась отъ своихъ грезъ, поднялась снова наверхъ и, склонившись надъ Марселиной Эсно, проговорила:

— Никогда тебѣ не понять, какъ я люблю тебя сегодня другъ мой Марселина!

И дѣвочка не поняла ее.

XXVI.

Мастерская мадамъ Клемансъ была завалена работой, и слѣдующія недѣли послѣ прощанія съ Этьеномъ у Генріетты почти не было времени думать о себѣ.

Однажды утромъ, въ концѣ января, ей сказали, что дядя Мадьо ожидаетъ ее на лѣстницѣ. Она спустилась внизъ. Какъ только Элоа увидалъ ее, онъ сказалъ:

— Представь себѣ, дѣвочка, Антуанъ...

— Что такое?

У старика былъ взволнованный видъ. Онъ запыхался отъ быстрой ходьбы и говорилъ прерываясь.

— Антуанъ отданъ подъ военный судъ.

— Ахъ, Боже мой!—сказала Генріетта.—У меня было такое предчувствіе.

— У меня тоже, но только я молчалъ. Какой стыдъ! Мадьо, мой племянникъ, подъ судомъ! Это будетъ въ газетахъ.

— Что онъ сдѣлалъ?

— Я только что отъ Этьена. Онъ не знаетъ подробностей. Извѣстно только, что у Антуана была исторія съ офицеромъ, два дня тому назадъ...

— Съ Лемарье, я увѣрена?

Она держалась одной рукой за перила, нагнувшись внизъ.

Онъ взглянулъ на нее, не зная, какъ избѣгнуть опасности не выдать себя.

— Да,—сказалъ онъ.—Но это все равно: съ Лемарье или съ другимъ. Какая разница? Онъ оскорбилъ его, ударилъ! По военнымъ законамъ нѣтъ хуже преступленія.

— Но тогда,—прервала она его,—какое же наказаніе? наказаніе?

Мадьо замѣтилъ сильное волненіе Генріетты и хотѣлъ смягчить свои слова:

— Это зависитъ, конечно...

— Смертная казнь? Правда? Они такіе жестокіе! Смертная... Ахъ, дядя, нашъ Антуанъ.

Генріетта зарыдала. Дядя, охваченный жалостью, сталъ подыматься къ ней. Онъ погладилъ плечи дѣвушки и сказалъ:

— Нѣтъ, дитя мое... успокойся... Я, старый дуракъ, такъ и выпалилъ все сразу... Я еще не знаю, какъ будетъ... Можетъ, дѣло и не такъ серьезно... Не плачь. Часто только тюрьмой и отдѣлываются. Генріетта, да я же говорю тебѣ, что Этьенъ больше ничего не знаетъ... Не отчаивайся... Подождемъ...

Скоро они узнали то немногое, что еще оставалось узнать.

Къ сожалѣнію, все подтверждалось. Возвратившись выпивши со стрѣльбы, Антуанъ вошелъ не въ свою казарму. Фельдфебебель приказалъ ему удалиться—онъ выругался; когда же вошедшій на шумъ дежурный офицеръ Лемарье повторилъ приказаніе, Антуанъ бросился на него и два раза ударилъ его ногой, крича: «Ужъ съ этимъ я расправлюсь!»—Его тотчасъ же связали. Тотчасъ возбуждено было дѣло, и Антуана будутъ судить въ Нантѣ, гдѣ находится главный военно-полевой судъ.

Испытаніе было тяжелое для Генріетты, но еще тяжелѣе для стараго Мадьо.

Бывшій солдатъ былъ оскорбленъ въ своей гордости доблестнаго служаки; онъ страдалъ при мысли, что его имя будетъ произноситься на судѣ, какъ имя обвиняемаго и скоро вѣроятно приговореннаго: онъ не сомнѣвался въ томъ, что Антуанъ будетъ осужденъ. Но другая еще мысль терзала старика, лишала его сна и покоя! Антуанъ будетъ защищаться. Тайна будетъ раскрыта во всеуслышаніе передъ лицомъ суда, какъ главная причина преступленія и, можетъ быть, даже попадетъ въ газеты—передъ этимъ Элоа отступалъ въ суевѣрномъ ужасѣ. Вѣдь, дѣло ясно: Антуану, чтобы спасти свою жизнь, только это средство и остается. Онъ могъ только сказать: «Я ударилъ не офицера,—я отомстилъ человѣку, къ которому питаю кровную, фамильную ненависть. Эти Лемарье виноваты въ смерти матери, въ моей ссорѣ съ сестрой, во всей моей неудачной жизни. Напалъ не солдатъ на офицера, а сынъ обольщенной женщины на сына обольстителя». Безъ сомнѣнія, онъ скажетъ все это—тѣмъ болѣе, что онъ ненавидитъ Генріетту.

Элоа Мадьо не могъ ни на минуту избавиться отъ этой мысли. А время шло, съ ужасающей быстротой. Онъ узналъ, въ какой день Антуанъ будетъ переведенъ въ Нантскую тюрьму; потомъ ему сказали, когда приблизительно будетъ слушаться дѣло.

Наконецъ онъ получилъ повѣстку съ приглашеніемъ явиться въ качествѣ свидѣтеля 27-го февраля, въ часъ дня.

Черезъ нѣсколько дней послѣ ареста Антуана, Генріетта написала мадамъ Лемарье слѣдующее письмо: «Вы поймете, сударыня, что я не могу теперь больше бывать у васъ, и рисковать встрѣтиться съ мосье Лемарье. Я бы не была сестрой, если бы не стояла на сторонѣ своего брата и не страдала бы, какъ я страдаю, отъ страшнаго угрожающаго ему наказанія. Я никогда не забуду вашей доброты ко мнѣ и остаюсь всегда глубоко уважающей и преданной вамъ *Генріеттой Мадьо*».

Въ вѣчной тревогѣ она ждала рокового дня, скрывая свои мысли и работая. Но работала она безъ удовольствія, безъ той изобрѣтательности, которой товарки такъ часто завидовали ей. Проходя по набережной она видѣла, какъ строили шлюпку Этьена. Уже прибивали доски къ выгнутымъ бокамъ лодки. Еще немного времени, и «Генріетта» будетъ спущена на воду. Стукъ молотка проникалъ ей въ самое сердце. И все ближе подходили два страшныхъ дня: судъ надъ Антуаномъ и отъѣздъ Этьена.

XXVII.

На краю Нанта, въ восточной его части есть одна совсѣмъ новая улица, огороженная двумя бѣлыми стѣнами—кавалерійскихъ казармъ и военной тюрьмы. Печальныя мѣста! Никто тамъ не проходитъ, кромѣ какъ по обязанности. Здѣсь встрѣчаются только дежурные офицеры солдаты, да разные поставщики: зеленщики, пекаря. Корпусъ тюрьмы занимаетъ уголъ улицы; за нимъ идетъ низкое зданіе, гдѣ помѣщается зала военнаго суда— и гдѣ будутъ судить Антуана Мадьо. Дальше стѣна идетъ прямо впередъ, ослѣпляя бѣлизной, и теряется среди безлюдныхъ пустырей.

Часъ дня. Въ залѣ суда еще почти пусто. Только на скамьяхъ вдоль стѣнъ, представленныхъ для публики, переговариваются вполголоса человѣкъ десять солдатъ, держа ружья между ногъ. Фельдфебель, командующій взводомъ, ничего не говоритъ; съ всегдашнимъ угрюмымъ видомъ, который держитъ его подчиненныхъ въ повиновеніи, онъ оглядываетъ поочередно то свои на диво вычищенные сапоги, то портьеры на окнахъ цвѣта алой, свѣжей крови. Онъ думаетъ о томъ, что сегодня хорошая погода и что повезло его коллегѣ, который свободенъ съ двѣнадцати до вечера. Солнце золотитъ залу и дѣлаетъ ее почти красивой.

Полированная дубовая панель блеститъ кругомъ. За рѣшеткой, раздѣляющей залъ пополамъ, на возвышенiи стоятъ два стола, обитые синимъ сукномъ: мѣдные гвоздики весело сверкаютъ на немъ ровнымъ рядомъ. За большимъ столомъ въ глубинѣ приготовлены мѣста для членовъ суда, за другимъ, поставленнымъ перпендикулярно—для прокурора и секретаря.

Половина второго. Стекла звенятъ отъ проѣзда экипажа. Слышенъ топотъ верховыхъ лошадей, останавливающихся у дома. Солдаты слушаютъ, какъ офицеры соскакиваютъ на землю. Стучитъ о камни шашка. Теперь въ залѣ, гдѣ нѣтъ еще публики, полная тишина. Солдаты встали и выстроились въ рядъ, навстрѣчу тѣмъ, которые войдутъ. Входятъ два офицера съ портфелями подъ мышкой: одинъ—молодой пѣхотный подпоручикъ, розовый блондинъ, очевидно, веселый и добрый малый, и другой, исполняющiй обязанности секретаря. Они раскладываютъ бумаги на меньшемъ изъ столовъ и усаживаются ждать судей.

Въ залѣ находится теперь четырнадцать человѣкъ, и ни одинъ изъ нихъ не посвящаетъ ни одной мысли судьбѣ Антуана Мадьо. Когда обвиняемаго введутъ, его встрѣтятъ только враждебные или равнодушные взгляды. Прокуроръ перечитываетъ свое введенiе и свое заключенiе; секретарь дѣлаетъ порядокъ на столѣ: фельдфебель и солдаты не знаютъ Мадьо.

Въ этотъ моментъ женщина въ черномъ платьѣ, подъ вуалью, нерѣшительно вошла въ пустой залъ. Она сѣла у края стѣны, возлѣ раздѣляющей рѣшетки. Сквозь вуаль видны темные зрачки ея глазъ. Она думаетъ объ Антуанѣ за всѣхъ тѣхъ, кто не думаетъ о немъ.

— Смирно—о!

Изъ средней двери входятъ семь офицеровъ, членовъ суда. Они въ парадной формѣ. Самые молодые изъ нихъ не старше Антуана: у нихъ маленькiе юношескiе усики, густые волосы ежомъ, которые они взбиваютъ вверхъ, снявъ кепи или шлемъ и бѣлыя перчатки и кладя это все на синее сукно стола. Всѣ они серьезны; нѣкоторые, очевидно, съ усилiемъ. Имъ надоѣли эти дѣла, вѣчно одни и тѣ же, которыя они привыкли разбирать. Что эта за свалка тамъ у двери возлѣ скамьи подсудимыхъ? Старый унтеръ, охраняющiй ее, отталкиваетъ отъ нея упорно толкающуюся въ нее черную фигуру? А, это какая-то простая дѣвушка. Но глаза у нея очень недурные,—думаютъ офицеры и разсаживаются, по правую и по лѣвую руку предсѣдательствующаго полковника въ разъ навсегда установленномъ порядкѣ.

Мари, забившаяся въ своемъ углу, видѣла ихъ только одно мгновеніе. Она не отводила глазъ отъ темнаго углубленія двери, черезъ которую долженъ былъ войти ея Антуанъ—позоръ и радость ея жизни, и увы! ея единственная любовь. Вошелъ запыхавшись толстый человѣкъ въ togѣ и занялъ мѣсто за возвышеніемъ вродѣ кафедры. Она не обратила на него вниманія. Вслѣдъ за нимъ появилась другая фигура: старый Мадьо, сконфуженный, но выступавшій съ достоинствомъ, въ праздничномъ сюртукѣ и съ шляпой въ рукѣ. Онъ не зналъ, куда итти, и фельдфебель указалъ ему мѣсто на скамьѣ, по другой сторонѣ перилъ, противъ синяго стола. Мари узнала его по походкѣ. Она опять устремила глаза на зловѣщую дверь, ожидая, что вотъ-вотъ она откроется.

И вдругъ темное углубленіе освѣтилось, раскрылось и пропустило арестанта между двухъ жандармовъ.

Мари приподнялась немного, упираясь однимъ локтемъ о скамью; изъ-за деревянной стѣнки виднѣлся только лобъ ея и черная шляпа, съ которой она сняла красныя перья. Можетъ быть, такъ Антуанъ не узнаетъ ее. Онъ приближался, съ опущенной головой, маленькій и тщедушный въ полуформенной курткѣ. Мари нашла его похудѣвшимъ, болѣе узкимъ въ плечахъ, чѣмъ раньше; вообще, онъ былъ какъ будто другой породы, чѣмъ всѣ эти люди, которые должны были его судить. Пока онъ шелъ, офицеры провожали его хмурымъ и презрительнымъ взглядомъ. Наконецъ, онъ сѣлъ. Между судей пробѣжало легкое дуновеніе, какъ будто они сказали другъ другу: «Дѣло Мадьо, самое важное сегодня. Ужасный субъектъ».

Антуанъ сидѣлъ, не поднимая головы, уйдя въ себя и какъ будто не интересовался ни видомъ судей, ни публикой, если она была, ни залой, куда его ввели.

Полковникъ сказалъ:

— Встаньте!

Голосъ его былъ грубый. Полковникъ былъ высокій, толстый мужчина, съ краснымъ лицомъ и сѣдыми усами; одинъ изъ тѣхъ профессіональныхъ судей, которые никогда не сомнѣваются въ виновности обвиняемыхъ, проходящихъ передъ ними. Военный уставъ онъ зналъ наизусть, а подсудимыхъ, съ перваго взгляда, классифицировалъ по ихъ, темпераменту: были хитрившіе, были лгавшіе, были угрожавшіе, и онъ быстро умѣлъ спутать человѣка, который пытался бороться.

Тѣмъ же тономъ онъ продолжалъ:

— Обвиняемый, вы—Антуанъ Жюль Мадьо, родившійся

въ Нантѣ, рабочій, механикъ, нынѣ числящійся нижнимъ чиномъ 93-го пѣхотнаго полка, имѣющаго пребываніе въ Ла-Рошъ?

Фраза еще не была кончена, какъ всѣ зрители съ удивленіемъ вытянули головы. Антуанъ Мадьо вскинулъ глаза, и вся его фигура стала иной. Среди офицеровъ и солдатъ пробудился интересъ, похожій на тотъ, который испытываетъ толпа въ циркѣ, когда приближается разъяренный и готовый къ схваткѣ быкъ. Глаза Антуана, устремленные на полковника, были холодные и сѣрые, какъ сталь, и не было въ нихъ ни тѣни смущенія или колебанія. Въ нихъ отражалась непреклонная воля и гордость, которую не могли сломить ни суровый голосъ судьи, ни блескъ оружія, ни неизбѣжность осужденія. Поразительное несоотвѣтствіе между смѣлой игрой физіономіи и этимъ невзрачнымъ тѣломъ недоразвившагося юноши! Это былъ бретонецъ, въ своей маскѣ пассивнаго, нѣмого упрямства. Никто не могъ проникнуть внутрь ея. Можетъ быть, тамъ, въ глубинѣ души, текли слезы, но онѣ оставались спрятанными навсегда и для всѣхъ.

Онъ отвѣтилъ ровнымъ, недрогнувшимъ голосомъ:

— Да, ваше высокоблагородіе, я самый.

Блѣдныя губы оставались полуоткрытыми. Видны были бѣлые зубы. Вѣки его не опускались. Офицеры подумали: «Какой взглядъ! Настоящій каторжникъ»! Мари думала только объ одномъ: «Хоть бы онъ не узналъ меня! А то потеряетъ мужество».

Предсѣдатель продолжалъ:

— Вы дурно аттестованы. Начальство ваше считаетъ васъ плохо дисциплинированнымъ. Въ полку вы всего съ ноября мѣсяца, но имѣли уже пятнадцать дней гауптвахты и десять дней тюрьмы до того вечера 25 января, когда вы нанесли удары двумъ старшимъ чинамъ—поручику запаса Лемарье и унтеръ-офицеру Манье. Разскажите, какъ было дѣло.

Ни слова въ отвѣтъ. Антуанъ стоялъ молча, не сводя глазъ съ полковника.

— Вы не хотите говорить? Хорошо. Будутъ говорить другіе. Сержантъ, введите перваго свидѣтеля.

Первый свидѣтель былъ унтеръ-офицеръ Манье, здоровый, откормленный мужикъ, удовлетворенный тѣмъ, что онъ на хорошемъ счету у начальства. Онъ вышелъ, поклонился и сказалъ:

— Когда вернулись со стрѣльбы, я первый вошелъ въ комнату. Положилъ ружье на постель, чтобы почистить. Слышу: кто-то возится сзади. Оглядываюсь, а это Мадьо бросаетъ свое

ружье рядомъ съ моимъ. Тогда я говорю: «Убери ружье! Это не твое мѣсто!», онъ мнѣ отвѣчаетъ: «Мое»! «Нѣтъ,—говорю я ему,—твоя комната наверху. Маршъ туда и поскорѣе». Онъ не слушался. Тогда я взялъ его за плечо. Онъ противился, но все-таки шелъ. Кричалъ всякія слова. Въ это время поручикъ Лемарье проходилъ по лѣстницѣ. «Что такое?—говоритъ. — Что за шумъ? Опять Мадьо?» И только онъ это сказалъ, какъ Мадьо вдругъ какъ ни сорвется и бросится на насъ: поручику два раза ткнулъ ногой въ животъ, а меня въ ногу и кричалъ: «Ужъ съ этимъ я расправлюсь!». Прибѣжали солдаты и схватили его. И все.

— Онъ былъ пьянъ?

— Да ужъ не безъ этого, ваше высокоблагородіе. Онъ выпилъ на стрѣльбищѣ. Ему не много надо...

— Вы признаете эти факты, Мадьо?

Антуанъ тѣмъ же невозмутимымъ голосомъ отвѣтилъ:

— Да.

— А насчетъ кого была эта угроза: «Ужъ съ этимъ я расправлюсь»! Насчетъ поручика или унтеръ-офицера?

— Насчетъ поручика Лемарье,—отвѣтилъ унтеръ-офицеръ.

— Вы въ этомъ увѣрены?

— Да. Онъ на него только и смотрѣлъ.

— Вѣрно это, Мадьо?

Обвиняемый утвердительно кивнулъ головой.

— Хорошо, Манье, можете садиться. Сержантъ, введите поручика Лемарье.

При этомъ имени, звучавшемъ въ ушахъ судей, какъ и всѣ другія, сердца двухъ людей забились сильнѣе: Мари и Элоа Мадьо. Антуанъ не дрогнулъ. Онъ смотрѣлъ теперь на красную драпировку окна, насупротивъ него. Казалось, что этотъ второй потерпѣвшій такъ же безразличенъ ему, какъ и первый. Все-таки, когда Викторъ Лемарье, элегантный и немного блѣдный, появился передъ судомъ, въ глазахъ Антуана молніей сверкнула злоба и ненависть. Затѣмъ взглядъ его снова потерялся среди складокъ краснаго сукна.

Начался допросъ сначала по тѣмъ же пунктамъ, только болѣе подробный, потомъ онъ коснулся прежнихъ отношеній Антуана и мосье Лемарье. Старый Мадьо наполовину приподнялся на своемъ мѣстѣ, слушая напряженно, и съ ужасомъ глядѣлъ на блѣднаго солдата: неужели сейчасъ эти губы, такъ долго молчавшія, выдадутъ семейную тайну.

— Вы предполагаете предумышленность оскорбленія мосье Лемарье?

— Нѣтъ, полковникъ. Хотя отношенія между моимъ отцомъ и этой семьей были довольно натянутыя, я все-таки не вѣрю въ предумышленность.—У насъ были денежные счеты.

— Это важно выяснить? Послушайте, Мадьо: вы имѣли основанія питать вражду къ здѣсь присутствовавшему господину Лемарье или его семьѣ?

Антуанъ громко отвѣтилъ:

— Да.

— Объяснитесь вы сначала, мосье Лемарье. Обвиняемый подтвердитъ, если понадобится.

Элоа подумалъ:—Ну, мы пропали!

Онъ сдѣлалъ движеніе рукой, чтобы привлечь вниманіе Антуана, чтобы умолять его не выдавать прошлое, но Антуанъ все смотрѣлъ на окно.

— Дѣло вотъ въ чемъ, полковникъ: мой отецъ отказалъ одному изъ своихъ рабочихъ, котораго я вижу здѣсь,—онъ указалъ на Элоа,—выдавать пенсію. Онъ не обязанъ былъ къ этому по закону, такъ какъ несчастный случай произошелъ по неосторожности потерпѣвшаго. Этотъ рабочій—дядя обвиняемаго. Пенсію нѣсколько разъ въ дерзкой формѣ требовали и дядя, и племянникъ. Отецъ мой остался неумолимъ, и я полагаю, что это и послужило причиной вражды Антуана Мадьо. Но я долженъ еще прибавить, что на другой же день послѣ катастрофы моя мать стала лѣчить больного на свой счетъ, посылая ему своего врача и доставляя лѣкарства. Не могу не заявить также суду, что послѣ смерти моего отца мать немедленно назначила дядѣ обвиняемаго пенсію въ пятьсотъ франковъ въ годъ.

Молодые офицеры, по краямъ стола, покачали головой съ укоризной, какъ бы говоря: «Что за прохвостъ этотъ Мадьо»!

— Вы слышали, Мадьо? Выясняется, что вы имѣли къ семьѣ Лемарье спорныя претенціи! Да и онѣ не касались васъ прямо. А между тѣмъ доброе отношеніе къ вашему дядѣ невозможно отрицать. Вы подтверждаете то, что было сказано? Нѣтъ ли еще чего-то, чего мы не знаемъ? Говорите. Въ вашихъ интересахъ говорить.

Антуанъ стоялъ съ широко открытыми глазами и какъ будто не слышалъ.

Предсѣдатель два раза повторилъ вопросъ. Ни одинъ мускулъ на лицѣ солдата не дрогнулъ. Казалось, будто весь раз-

говоръ шелъ не о немъ. Вся зала слѣдила за его неподвижными губами.

Минуты шли. Полковникъ наклонялся то вправо, то влѣво, совѣщаясь съ судьями и растопыривая вѣеромъ пальцы: «Нѣтъ возможности заставить его говорить. Довольно ли ясно я сказалъ? Достаточно ли выяснено дѣло»? Офицеры наклонялись поочередно и говорили: «Конечно, у него нѣтъ никакого оправданія. Просто, негодяй».

Въ это время выступилъ адвокатъ и спросилъ:

— Господинъ предсѣдатель, въ виду упорнаго молчанія подсудимаго, можетъ быть его дядя, который воспиталъ его, Элоа Мадьо, дастъ полезныя указанія.

Старый тамбуръ-мажоръ поднялся со своего мѣста. Лицо его было въ этотъ моментъ такъ же бѣло, какъ волосы. Онъ находился въ присутствіи высшаго начальства, которое привыкъ всю жизнь уважать. Онъ старался изо всѣхъ силъ принять видъ стараго честнаго служаки, который знаетъ, какъ говорить съ начальствомъ, и нечего не боится. Но руки его дрожали, и голосъ тоже дрожалъ, когда онъ сказалъ:

— Элоа Мадьо, семидесяти лѣтъ, четырнадцать лѣтъ военной службы, семь кампаній, тридцать лѣтъ работы на фабрикѣ Лемарье.

— Что́ вы знаете?

Онъ повернулся и посмотрѣлъ на Антуана. Въ первый разъ сегодня глаза ихъ встрѣтились. Взглядъ Антуана былъ попрежнему остеръ и твердъ, безъ всякой мягкости. Взглядъ этотъ говорилъ. «Мы оба, дядя Мадьо, должны спасти честь бѣдной матери. Я исполнилъ свой долгъ. Теперь ваша очередь». А Элоа понялъ: «Надо спасти Генріетту». Онъ повернулся и сказалъ:

— Я ничего не знаю.

Въ публикѣ засмѣялись. Двое или трое судей пожало плечами.

— Скажите хоть по крайней мѣрѣ, что́ вы думаете о подсудимомъ,—сказалъ полковникъ.—Вы, вѣдь, воспитали его. Какого же вы о немъ мнѣнія?

Мадьо поднялъ руку, какъ-будто приносилъ клятву, и глядя на жалкую фигурку на скамьѣ подсудимыхъ, отвѣтилъ:

— Я такъ считаю, ваше высокоблагородіе: малый онъ безпутный, но сердце у него хорошее.

— Не обращайте вниманія, господинъ предсѣдатель,—сказалъ адвокатъ...— Свидѣтель никогда не считался умнымъ человѣкомъ; а теперь онъ явно утомленъ.

Мадьо провожали сострадательные взгляды, когда онъ возвращался на свое мѣсто. Его приняли за выжившаго изъ ума старика, который самъ не знаетъ, что́ говоритъ.

Дѣло было рѣшено. Остальное уже имѣло мало значенія. Прокуроръ произнесъ безстрастную обвинительную рѣчь, гдѣ онъ требовалъ максимальнаго наказанія, въ соотвѣтствіи съ военнымъ уставомъ.

Затѣмъ адвокатъ, размахивая, какъ крыльями, широкими рукавами своей тоги, сталъ доказывать невмѣняемость подсудимаго, въ виду его опьяненія, но почувствовалъ, что его не слушаютъ, быстро кончилъ и сѣлъ на мѣсто, вытирая лобъ.

— Пренія кончены, — сказалъ предсѣдатель. — Судъ удаляется для совѣщанія.

Антуанъ какъ-будто и не замѣтилъ того момента, когда его судьи, довольные прервать это вынужденное неподвижное сидѣніе, взяли свои кепи или свой шлемъ и, расправивъ грудь, исчезли одинъ за другимъ въ среднюю дверь. Жандармы открыли барьеръ, закрывавшій его. Онъ машинально подчинился и вышелъ съ опущенной головой.

Тогда Мари рѣшилась подняться. Она прокралась вдоль перилъ до того мѣста, гдѣ, съ другой стороны деревянной перегородки, сидѣлъ Элоа Мадьо. Одинъ моментъ она колебалась, потомъ робко проговорила:

— Мосье Мадьо! Мосье Мадьо!

Онъ черезъ плечо увидалъ лицо Мари, которую видѣлъ не разъ съ Генріеттой.

— Къ чему они приговорятъ его? Скажите, это будетъ только тюрьма? Они не хотятъ его смерти?

Она напрасно ждала отвѣта. Съ возрастающимъ ужасомъ она слѣдила за лицомъ старика: онъ молча отвернулся и виновато поникъ головой.

Неужели это возможно? Какъ, они приговорятъ, его къ смерти? Старикъ это думаетъ? Неужели этотъ офицеръ съ лицомъ барышни, или тотъ, у котораго такіе добрые глаза—неужели они не пожалѣютъ юношу двадцати лѣтъ, который былъ пьянъ и который даже не ранилъ этого Лемарье?

Мари вся сгорбилась, опершись на перегородку и ждала хоть слова надежды. Вены на ея рукахъ поблѣднѣли. Она не слышала, какъ солдаты опять строились. Вдругъ окрикъ фельдфебеля: «Смир-рно!» вернулъ ее къ дѣйствительности... Бѣдное сердце ея неистово забилось. Послышался стукъ шаговъ по паркету. Впереди, семь офицеровъ заняли свои мѣста у стола, но

стоя, не снимая шапокъ съ головы и лѣвой рукой придерживая шашку. Она старалась прочесть приговоръ въ ихъ глазахъ. У всѣхъ ихъ былъ одинаковый видъ: серьезный, безъ позы и безъ колебанія. Полковникъ прочелъ рядъ пунктовъ и статей, а затѣмъ произнесъ фразы безпощадно ясныя по значенію:

«На первый вопросъ—единогласное *да*: подсудимый виновенъ.

«На второй вопросъ—единогласно—оскорбленіе дѣйствіемъ было нанесено при исполненіи служебныхъ обязанностей.

«Въ виду чего судъ приговорилъ Антуана-Жюля Мадьо, рядового 93-го пѣхотного полка, къ смертной казни, согласно статьѣ 222-ой Военно-судебнаго устава»...

Въ залѣ раздался крикъ, короткій, пронзительный крикъ отчаянія, закончившійся глухимъ стономъ.

Судъ уже покидалъ залу. Предсѣдатель остановился и, нахмуривъ брови, спросилъ жандарма, кто это кричалъ, и поднялся на цыпочки, чтобы увидѣть: перегородка мѣшала ему.

— Это женщина, ваше высокоблагородіе,—сказалъ жандармъ,—она упала.

Дѣло была обычное. По знаку полковника, пуговицы котораго уже блеснули въ коридорѣ, жандармъ подошелъ къ Мари, лежавшей въ обморокѣ на полу, и вмѣстѣ съ солдатомъ вынесъ ее изъ залы.

XXVIII.

У Элоа Мадьо, въ часъ ночи.

Старикъ уже давно всячески старался успокоить Генріетту, но она была неутѣшна. Они сидѣли возлѣ печки, въ которую онъ уже два раза подкладывалъ угля, и повторяли все тѣ же слова, не будучи въ силахъ ни избавиться отъ ихъ власти, ни исчерпать всю ихъ горькую печаль. Генріетта уже не имѣла слёзъ, но голосъ у нея былъ слабый и слишкомъ высокій—такой звукъ, какой является, когда что-то въ душѣ разбито.

— Нѣтъ, — повторяла она,—я не понимаю васъ, дядя; у васъ совсѣмъ другой взглядъ. Почему вы говорите, что онъ проявилъ благородство? Въ чемъ? Въ томъ, что не защищался? Но надо было защищаться. Я во всемъ этомъ вижу только несчастье и позоръ для всѣхъ насъ. Погубилъ себя... А мы? Дядя казненнаго, сестра казненнаго... я не знаю, рѣшусь ли вернуться

въ мастерскую... но у васъ, дядя, мнѣ стыдно сказать, но у васъ минутами какъ-будто довольное лицо.

— Нѣтъ, дѣвочка, не говори этого. Но, конечно, дѣло могло быть еще хуже. И вотъ доказательство: поручикъ, который говорилъ противъ него, обѣщалъ мнѣ ходатайствовать о помилованіи.

— Дадутъ ли? И даже если кара будетъ замѣнена другой, развѣ вы не понимаете, что позоръ останется прежній? А вы такъ гордились своей честью, дядя!

— Видишь ли, Генріетта: ты говоришь такъ потому, что ты не была на судѣ. Увѣряю тебя, Антуанъ держался очень мужественно. Онъ не трусилъ, не сваливалъ на другихъ...

— Да развѣ онъ могъ это сдѣлать? Вѣдь вина была его, его одного.

Элоа не продолжалъ дальше разговора. Онъ замолчалъ. А Генріетта, теперь, въ этотъ тяжелый жизненный моментъ, чувствовала опять, съ болѣзненной силой разницу взглядовъ и образованія, которую не могла сгладить вся близость ея съ дядей.

Нѣтъ, дядя Мадьо не страдалъ такъ, какъ она. Они сидѣли вдвоемъ, и глубокое молчаніе было между ними.

Въ умѣ Мадьо медленно росла одна мысль. Онъ обдумывалъ ее въ тишинѣ, глядя на трещавшія въ печкѣ головни. Онъ не могъ оставить Генріетту такъ убиваться, и если онъ, бѣдный старикъ, не умѣетъ такъ уговорить ее, чтобы она успокоилась— онъ долженъ много вещей скрывать, и это ему мѣшаетъ—то надо найти другой способъ, болѣе вѣрный, утѣшить ее...

Дядя посмотрѣлъ на Генріетту, сжавшуюся въ комочекъ на своемъ креслѣ, измученную и жалкую. «Она больна»,—подумалъ онъ. И сказалъ вслухъ:

— Дай мнѣ твою руку, дѣтка.

Рука была горячая, пульсъ быстрый.

— У тебя лихорадка. Иди, дѣвочка, ложись и постарайся заснуть. Главное, не думай больше объ этомъ. И не вставай завтра утромъ, пока я тебѣ не постучу въ дверь.

— Отчего?

— Оттого, что тебѣ надо отлежаться. Уже очень поздно... Я хочу видѣть тебя передъ уходомъ на работу.

— Но развѣ вы идете куда-нибудь?

— Ну иди же ложись, Генріетта, пожалуйста. Если ты завтра будешь нездорова, я пойду къ мадамъ Клемансъ.

— Зачѣмъ? предупредить ее? — спросила она, вставая.—

Не нужно. Все равно мастерицы разскажутъ ей, въ чемъ моя болѣзнь.

Она ушла, а дядя Мадьо сидѣлъ нѣкоторое время прислушиваясь, что бы убѣдиться, что племянница легла.

Когда въ домѣ все стихло, и слышно было только завываніе вѣтра въ трубѣ, старикъ взялъ свою мохнатую куртку, которую онъ носилъ, когда былъ на фабрикѣ, шапку, палку съ желѣзнымъ наконечникомъ и тихонько вышелъ на улицу.

Ночь была не холодная. Какъ бываетъ въ предвесеннее время, голубая дымка тумана защищала землю отъ рѣзкихъ дуновеній верхнихъ слоевъ воздуха. Въ эту ночь первые листки подснѣжниковъ разворачивались среди подушечекъ моха.

Мадьо шелъ по набережной. Луна освѣщала путь. Городъ спалъ, задавленный усталостью прожитого дня; только Луара безъ устали катила свои волны, покачивая лодки и суда на якорѣ, движущіяся тѣни скользили отъ нихъ по мостовой. Старикъ шелъ теперь медленнѣе. Ему было жарко, и онъ немного остановился по близости вокзала, гдѣ горѣли сигнальные огни и не было такъ одиноко.

Часы показывали половину четвертаго. «Черезъ часъ я буду тамъ,—подумалъ Мадьо. — Хоть бы застать Этьена! Вѣдь, онъ можетъ уже быть на рѣкѣ».

Ему представилась сильная молодая фигура Этьена, который можетъ все спасти. Да, это рѣшительный человѣкъ, способный возвыситься надъ предразсудками и взять себѣ жену противъ воли родителей. «Я знаю ихъ, этихъ рослыхъ молодцовъ съ Луары,—подумалъ онъ.—Когда они любятъ, то любятъ всей душой, я скажу ему...

Мадьо продолжалъ путь—сначала вдоль канала, потомъ берегомъ Луары по мокрой, мягкой землѣ. Это напомнило ему военные переходы ночью, въ незнакомыхъ мѣстахъ, которыя больше не пришлось увидѣть. Нѣсколько разъ онъ замедлялъ шаги, стараясь разсмотрѣть, не блѣднѣетъ ли полоса зари на востокѣ. Но нѣтъ. И мысль о Генріеттѣ снова толкала его впередъ, къ маленькой рыбацкой хижинѣ, гдѣ впродолженіе всего года вода и вѣтеръ баюкали сонъ ея скромныхъ обитателей.

Но вотъ онъ узналъ среди сѣрыхъ сумерекъ бревенчатую хижину Лутрелей. Полоска свѣта видна была сквозь щель въ двери. Онъ стукнулъ три раза кулакомъ въ дверь.

— Отворите! Это я, старый Мадьо!

Почти тотчасъ же щелкнула задвижка.

— Я чинилъ сѣти—сказалъ спокойно отецъ Лутрель.— Что у васъ такое?

Они присѣли возлѣ свѣчи, стоявшей на стулѣ, и стали тихо говорить, такъ какъ за занавѣской еще спала мать Лутрель. Мадьо разсказалъ про судъ, и про отчаяніе Генріетты, и про свою идею призвать на помощь Этьена.

Рыбакъ закончилъ послѣдній рядъ петель и, прикрѣпивъ узелъ, сказалъ:

— Сынъ уже ушелъ, мосье Мадьо. Онъ отправился на охоту. Но я могу васъ проводить къ нему.

— Такъ пойдемте,—сказалъ Мадьо,—очень ужъ дѣвочка убивается.

— Да, но я не знаю, что мой парень скажетъ. Пойдетъ онъ или не пойдетъ? Я своихъ дѣтей не неволю: пусть дѣлаютъ, какъ имъ велитъ сердце.

Они вышли изъ хижины, прошли нѣсколько шаговъ и сѣли въ плоскую лодку. Поднявшійся вѣтерокъ понесъ ихъ туда, гдѣ уже начинало заниматься блѣдное сіяніе зари. Луна закатилась совсѣмъ низко и имѣла видъ лампы, которая вотъ-вотъ догоритъ.

— Генріетта!—тихо бормоталъ старикъ—Генріетта!

И это имя вызывало въ немъ мысли безъ конца. Птицы крикомъ призывали день. Это былъ часъ охоты, когда свѣтъ еще невѣренъ, и бекасы, дикія утки и чибисы лѣниво расправляютъ крылья, бѣгаютъ по песку берега, собираются къ полету и легкими стаями исчезаютъ надъ камышами.

Лутрель и Мадьо доплыли довольно далеко, къ сѣрой группѣ тополей, причалили къ островку, и лодка вышла наполовину изъ воды. Рыбакъ свистнулъ. Изъ-за высокаго пня осоки вышелъ человѣкъ. На поясѣ у него висѣло штукъ десять-двѣнадцать чибисовъ. Это былъ Этьенъ.

Увидя стараго Мадьо, онъ нахмурилъ брови и подошелъ ближе.

Элоа крутилъ усы, и наполовину уйдя въ поднятый воротникъ своей куртки, смотрѣлъ на молодого человѣка, который ему такъ нравился.

— Антуанъ осужденъ,—сказалъ онъ.

— Тѣмъ хуже, мосье Мадьо.

— На смертную казнь.

Этьенъ снялъ шляпу, какъ онъ бы сдѣлалъ передъ гробомъ Антуана.

— Нѣтъ, ты ошибаешься, Этьенъ. Еще, можетъ быть, его

помилуютъ, дастъ Богъ. Мы ничего не можемъ сдѣлать... Но есть одна, которая такъ плачетъ...

Красивая мужественная голова рыбака отвернулась къ тополямъ, голыя вѣтви которыхъ переплетались въ спутанный узоръ. Свѣтало.

— Она столько слезъ проливаетъ, что совсѣмъ больна.

— А!—живо откликнулся Этьенъ.

И голосъ его звучалъ такъ печально, что Мадьо прибавилъ:

— Не такъ больна, я думаю, чтобы тебѣ не удалось ее утѣшить. Иди со мной. Я пришелъ просить тебя.

— А сама она не хотѣла видѣть меня?

— Она спитъ,—тихо отвѣтилъ Мадьо.—Но я думаю, что если бы она, проснувшись утромъ, узнала, что ты не измѣнился, что тебя не испугало то, что случилось съ Антуаномъ, ну словомъ... что ты все еще не забылъ ее... я думаю, что это бы скоро утѣшило ее... Вѣдь, правда, тебя бы не остановила, Этьенъ, судьба Антуана? Ты всетаки имѣешь слабость къ Генріеттѣ?

Радость блеснула въ голубыхъ глазахъ рыбака. Онъ отвязалъ веревку, на которой привязаны были чибисы, бросилъ ихъ къ ногамъ отца и вмѣсто всякаго отвѣта крикнулъ, протягивая руки къ первому лучу утра:

— Садись, старый Мадьо, я буду грести!

Онъ надѣялся меньше, чѣмъ старикъ, но въ немъ была молодость, которая поетъ и радуется каждой искрѣ счастья.

XXX.

Черезъ два часа они причалили между шкунами, къ самому краю скалы, на которой стоялъ домъ. Этьенъ оставался въ своей вязаной блузѣ, а Мадьо не опускалъ воротника мохнатой куртки. Медленно, съ перехваченнымъ отъ волненія горломъ, подымались они по лѣстницѣ, оба полные страха передъ неизвѣстной судьбой, которая была такъ близко; еще десять ступеней... пять... одна. Одинъ кончалъ уже жизнь, другой только начиналъ ее, и оба дрожали передъ волей молодой дѣвушки, которая скажетъ—«Останьтесь, живите», или «Уйдите». Имъ казалось, что они уже въ ея присутствіи, и у двери они вѣжливо пропускали другъ друга впередъ, такъ какъ боялись войти.

Генріетта услышала шумъ и узнала голоса. Она уже встала, и въ своемъ черномъ рабочемъ платье была готова къ выходу. Въ

ея лицѣ не было ни кровинки. Но она твердо смотрѣла въ лицо судьбѣ. Она подошла къ двери, раздѣляющей обѣ комнаты, открыла ее и сказала Этьену:

— Войдите.

Этьенъ вошелъ, и дядя Мадьо посторонился, весь дрожа, чтобы пропустить его. Генріетта стояла у камина, и въ зеркалѣ надъ нимъ волосы ея блестѣли, какъ золотой цвѣтокъ. Она поняла, что сдѣлалъ дядя Мадьо, и какое доказательство любви приносилъ ей Этьенъ. Они были опять наединѣ. Этьенъ стоялъ недалеко отъ нея, возлѣ маленькаго столика. Его взглядъ, привычный къ глубинѣ воды, былъ погруженъ въ чистую глубину ея зрачковъ. Никогда еще онъ не видѣлъ въ нихъ такъ ясно выраженія дружбы Генріетты, дружбы такой нѣжной, что она походила на любовь. И всетаки это была не любовь. Въ этихъ милыхъ ему глазахъ онъ читалъ другое: новое рѣшеніе, недавно побѣдившее: въ нихъ еще трепетало страданіе борьбы. Эти глаза говорили ему все, что она могла сказать ему, такъ мягко, бережно и ласково, какъ не могли бы сказать слова. И онъ понималъ ее, потому что любилъ.

Дядя Мадьо прислушивался за дверью и, не слыша ничего, думалъ, что они говорятъ шопотомъ.

Но вдругъ Этьенъ почувствовалъ, что слезы подступаютъ у него къ горлу. Онъ не опустилъ глазъ, но, чтобы удержать слезы, онъ сказалъ:

— Ни братъ вашъ, ни что не могли бы остановить меня.

Ея губы, обладавшія даромъ утѣшенія, полуоткрылись и произнесли:

— Милый Этьенъ, я буду любить васъ всю жизнь. Всю жизнь я буду благодарна вамъ за то, что вы сдѣлали. У меня былъ одинъ только братъ—вы, одинъ другъ—вы.

По смуглымъ щекамъ Этьена катились слезы. Генріетта продолжала:

— Если бы мое сердце принадлежало мнѣ, я бы его отдала вамъ. Богъ его взялъ для своихъ несчастныхъ. Забудьте меня.

Тогда самъ не зная, что онъ дѣлаетъ, Этьенъ раскрылъ объятія. Онъ осмѣлился, въ своемъ великомъ душевномъ смятеніи позвать ту, которая никогда не будетъ принадлежать ему. Генріетта поняла. Она подошла, и ея бѣлокурая головка легла къ нему на грудь. Онъ поцѣловалъ ее, сильными руками прижалъ къ себѣ. Одно мгновенье ихъ сердца бились рядомъ — затѣмъ онъ мягко отстранилъ ее, взглянулъ еще разъ и убѣжалъ.

Генріетта съ опущенной головой стояла на томъ же мѣстѣ.

Мадьо, слѣдившій за ними черезъ дверь, уже расцвѣлъ было, но когда Этьенъ промчался мимо него и исчезъ на лѣстницѣ, онъ закричалъ:

— Удержи его, Генріетта! Онъ уходитъ, онъ уходитъ!

Она не двигалась съ мѣста до тѣхъ поръ, пока Этьенъ не исчезъ окончательно. Когда гулко хлопнула внизу выходная дверь, она приблизилась къ старику, взяла его за руки и повела въ свою комнату.

Все еще держа дрожавшія руки дяди въ своихъ она усадила его, и сказала, потрясенная своимъ страданіемъ и тѣмъ, что она заставляетъ переживать другихъ:

— Дядя Мадьо, я не удержала Этьена, потому что у меня есть секретъ.

— Что такое, дитя мое?

— Я не хочу выходить замужъ.

Всѣ эти потрясенія, казалось, совершенно сломили силы старика. На его лицѣ, сплошь изборожденномъ морщинами, жили только глаза, печальные и тусклые; они какъ-будто искали кругомъ прежній миръ, уютный домашній покой, въ которомъ ему было такъ хорошо, его прежнюю веселую Генріетту.

— Но, дитя,—сказалъ онъ,—онъ, вѣдь, согласенъ?

— Я не выйду замужъ.

— И ни за кого другого?

— Нѣтъ, дядечка.

— А что же? Въ монахини пойдешь, что-ли?

— Можетъ быть.

Мадьо вдругъ съ юношеской живостью вскочилъ на ноги, отошелъ отъ нея и смѣрилъ ее съ головы до ногъ.

— А неблагодарная!—закричалъ онъ,—она не была счастлива со мной!

Все, что оставилось у него энергіи, злобы, удивленія, все сверкало въ его старыхъ глазахъ. Прежній вспыльчивый ворчунъ пробудился въ немъ. Огромными шагами сталъ онъ ходить взадъ и впередъ по комнатѣ.

— Кто-то тебѣ вбилъ въ голову эти глупости,—басилъ онъ,—да, да, я понимаю! Эхъ! подлая жизнь! Теперь доживай одиноко... моя дѣтка покидаетъ меня... моя дѣтка уходитъ...

Генріетта отошла назадъ къ камину и, овладѣвъ собою, заговорила:

— Вы ошибаетесь, дядя—мнѣ никто не вбилъ этого. Я страдала отъ жизни, вотъ и все... не изъ-за васъ, дядя, нѣтъ, а изъ-за того, чего вы не могли измѣнить; меня мучила неиз-

бѣжность видѣть столько страданій, молчаливыхъ, скрытыхъ; каждый разъ какъ я приближалась къ нимъ, они обращалась ко мнѣ, звали меня... Это такъ привязываетъ... А на свѣтѣ у меня никого нѣтъ, кромѣ васъ, дядя Мадьо, и я хочу, чтобы вы отдали меня бѣднымъ—я имъ нужна.

Она слѣдила за нимъ глазами. Онъ остановился на минуту, растерянно оглядѣлъ ее и снова большими шагами сталъ мѣрять комнату.

Думалъ онъ о томъ, что̀ она сказала? Онъ слишкомъ хорошо зналъ Генріетту, чтобы надѣяться отговорить ее отъ обдуманнаго и зрѣлаго рѣшенія. Но тотчасъ послѣ сорвавшейся у него жалобы, послѣ мелькнувшаго въ его умѣ представленія объ ожидавшей его одинокой жизни, еще одна мысль явилась и стала терзать жестоко старика: его Генріетта погибла для него. Его Генріетта не выйдетъ замужъ. «Но тогда,—думалъ онъ,—«надо ей разсказать все! Зачѣмъ теперь скрывать? Мой долгъ—обѣлить Антуана передъ ней. Я не могу оставить ее на всю жизнь въ убѣжденіи, что Мадьо, мой племянникъ по крови, былъ человѣкомъ безъ совѣсти и вѣры. Вѣдь, онъ ради нея молчалъ, ради нея онъ позволилъ произнести надъ собой приговоръ... Я долженъ говорить... Я долженъ... Надо оправдать невиннаго!»

Онъ остановился. Его ужасало то, что̀ онъ долженъ сказать. И онъ долго смотрѣлъ въ глаза своей дѣвочкѣ, которой столько еще суждено плакать. Лицо его смягчилось. Онъ сѣлъ въ кресло и сказалъ:

— Иди сюда, мнѣ тоже надо тебѣ кое-что сказать.

Когда она сѣла близко и нагнула къ нему свою свѣтлую головку, онъ произнесъ:

— Тяжелыя вещи мнѣ надо тебѣ сказать.

Она недовѣрчиво покачала головой.

— Еще тяжелѣе,—продолжалъ Мадьо,—чѣмъ то, что ты мнѣ сказала.

Генріетта грустно улыбнулась.

— Что еще можетъ быть тяжелѣе, когда я разсталась со своимъ другомъ и должна покинуть васъ?

— Бѣдная моя, есть еще много, о чемъ ты и не думаешь. Слушай.—Я все тебѣ разскажу.

И Мадьо тихо, тщательно выбирая слова, разсказалъ всю исторію прошлаго. Генріетта сидѣла не шевелясь и слушала, какъ загипнотизированная.

XXXI.

Въ этотъ день Генріетта не пошла въ мастерскую. Дядя Элоа зашелъ туда на минутку и извинился передъ хозяйкой.

Только около шести часовъ, когда стало темнѣть, молодая дѣвушка вышла изъ дому. Безсознательно она сдѣлала такъ же, какъ Мари: она сняла розы, украшавшія ея черную шляпу. Она направилась прямо на улицу С. Симильенъ.

Съ тѣхъ поръ, какъ дядя открылъ ей тайну, у нея было только одно желаніе: увидѣть Мари.

По дорогѣ она шептала про себя, едва шевеля губами подъ вуалью: «Мари, Мари, ты навѣрное все знала и ты молчала! Я думала, что я выше тебя, а ты мнѣ подала милостыню: ты ничего не сказала! Мари, какое благородство въ твоемъ паденіи! Ахъ, бѣдная, бѣдная! теперь мы можемъ поплакать вмѣстѣ!»

Она вошла въ ворота, затѣмъ повернула налѣво и очутилась въ коридорѣ, у знакомой двери. Она постучала одинъ, два раза. Никто не приходилъ. Наконецъ, послѣ третьяго раза съ верхней площадки женскій голосъ закричалъ:

— Кого вамъ надо?

— Мари Шварцъ. Ея нѣтъ дома?

Простыя женщины не любятъ разговаривать, не видя лица, и сосѣдка спустилась по лѣстницѣ, вытянувъ голову черезъ перила. Это была жена рабочаго, еще молодая, но уже поблекшая, съ льняными волосами, свернутыми въ некрасивый узелъ.

Увидя эту хорошо одѣтую барышню, она догадалась, что это подруга Мари Шварцъ и сказала:

— Вы развѣ не знаете, что она уже не живетъ здѣсь?

— Съ какихъ поръ?

— Да уже недѣли двѣ. У нея все продали. Вотъ поглядите.

Она вытащила изъ кармана ключъ и отворила дверь. И, не входя, съ одного взгляда Генріетта увидѣла комнату Мари въ томъ самомъ голомъ видѣ, въ какомъ она наняла ее. Ни занавѣсей, ни стола, ни зеркала, ни двухъ картинъ—ничего, напоминающаго ихъ дружбу или вообще Мари. Стояли только два стула.

Женщина, угадывая по взволнованному лицу Генріетты, что это была больше чѣмъ простая знакомая, сказала:

— Да, трудно ей было жить. Она бралась на все, чтобы только заработать на хлѣбъ и уголъ. Она шила рубашки, блузы, вязала, и видно было, что она привыкла къ этому. Она почти не выходила. Иногда я заходила къ ней зимой. Сидитъ, бывало, и грѣетъ надъ свѣчкой руки, вотъ такъ. Я ей говорила: «Хорошій же у васъ возлюбленный, я вамъ скажу. Взялъ, бросилъ и даже на уголь денегъ не посылаетъ». Но она о немъ никогда слова худого не сказала! Говорятъ, это былъ солдатъ, простой солдатъ, да еще плохой, потому что его судили и приговорили...

— Да, да, я знаю... но что съ ней?

— А-а! Вы знали? Сказать вамъ, что съ ней...

Женщина пріостановилась и заперла комнату на ключъ.

— Я, знаете, не люблю сплетничать. Но я могу только сказать, что послѣдніе два мѣсяца она не имѣла силъ работать. Горе на душѣ, ѣла, что попало, и то не всегда, кашляла—все это портило ей кровь. Не заплатила за комнату, и вотъ — до свиданья. А обстановочку ея живо почистили—видѣли? Вотъ уже двѣ недѣли, какъ я вамъ говорю.

— Но она сама, мадамъ? Гдѣ она теперь?

— Не знаю, голубушка. Я ее больше не видала. Сосѣдки встрѣчала гдѣ-то чуть не въ ночлежномъ домѣ, что ли. А вчера мнѣ кто то сказалъ, что она уѣхала въ Парижъ. Да, такая то бѣда.

Она стала взбираться наверхъ по лѣстницѣ. Должно быть, она испугалась, что слишкомъ много наговорила, или же вдругъ ей стало жалко бывшей жилицы, только сверху она еще прибавила:

— Не злая она была, знаете. Но молодая, любила повеселиться, побѣситься...

Изъ сѣрой тетрадки:

«Теперь я ваша, бѣдные и обездоленные. Больше ничего меня не удерживаетъ. Я освободилась отъ всего. Моя единственная гордость была — принадлежать къ честной, дружной семьѣ—я не имѣю на нее права. Не могу съ нѣжностью вспоминать даже свое дѣтство.

«Я разсталась съ Этьеномъ, еще не зная всего этого. Теперь я вижу, что поступила правильно—мнѣ нельзя было стать его женой. Онъ говорилъ, что готовъ забыть моего брата; надо было ему забыть и мою мать, чтобы любить меня! Нѣтъ, такъ лучше: въ моемъ сердцѣ онъ останется навсегда. Та, которую онъ изберетъ, будетъ счастлива.

«Моя душа стала легкой и какъ-будто освобожденной отъ

самой себя. Я иду къ вамъ страдающіе, униженные и несчастные! Я поступлю въ совсѣмъ маленькую общину. Я буду служанкой бѣдныхъ. Я буду ходить, ухаживать за тѣми, кто не въ состояніи взять сидѣлку; я буду хозяйничать, когда хозяйка больна; буду одѣвать дѣтей, отправляющихся въ школу, чинить платье; можетъ быть, буду дѣлать шляпы и шапки бѣднымъ. Они меня признаютъ своею, потому, что я трудомъ зарабатывала свою жизнь и потому, что я — сестра казненнаго и дочь грѣха. Я буду ихъ сестрой вполнѣ.

«Жизнь моя новая начнется скоро, черезъ нѣсколько недѣль. Я обѣщала дядѣ подождать немного, чтобы онъ привыкъ къ мысли о нашей разлукѣ: но въ это мнѣ трудно вѣрится. Кромѣ того, мадамъ Клемансъ должна подыскать мнѣ замѣстительницу. Мнѣ тяжело теперь итти въ мастерскую, но я уступила просьбамъ дяди, чтобы не начинать съ упорства жизнь, которая должна быть вся—любовь».

. . . . . .

На другое утро Генріетта пошла на работу. Ее поразило, что событіе, такъ жестоко ее потрясшее—осужденіе Антуана — мало впечатлѣнія произвело на мастерицъ. Тѣ, которыя любили Генріетту, спросили:

— Такъ это правда?—и жалѣли ее.

Другія почти всѣ имѣли въ семьѣ еще болѣе тяжелыя и позорныя тайны и молчали. Кромѣ того, работы было очень много, и дѣвушки скоро заговорили о другомъ.

Недѣли шли одна за другой. Генріетта часто ходила къ старому священнику, который жилъ въ домикѣ съ садомъ. Чаще свѣтило солнце. Дни становились длиннѣе.

И снова землю всколыхнула буйная, сочная весна.

XXXII.

Весна пришла. Новая жизнь рождалась на землѣ подъ томнымъ шатромъ неба. Всюду появились пучки молодой травы. На деревьяхъ не было еще листьевъ, но вездѣ зеленѣли почки, полныя сока, точно лакированныя, и издали онѣ казались цвѣтами. Кровь быстрѣе бѣжала по жиламъ людей. Души взрослыхъ смущали мечты о любви. На улицахъ продавали сирень. Берега Луары цвѣли.

Да, даже рѣка переживаетъ свою пору любви. Сверкающія полосы перерѣзывали ее во всѣхъ направленіяхъ. Вдоль берега

тянулись ленты ярко-лиловаго цвѣта, точно слѣды затонувшихъ аметистовъ; что они отражали—неизвѣстно. На прибрежный песокъ съ всплескомъ, похожимъ на тихій смѣхъ, набѣгали золотистыя волны и затихали, раскинувшись на ложѣ русла, какъ чашечки водяныхъ лилій. Иногда по поверхности воды проплывала бѣлая широкая полоса, точно снѣжная скатерть. Даже въ тѣни продолжалась эта прихотливая игра свѣта. Всѣ краски, всѣ лучи смѣшались здѣсь и текли, держа путь къ морю.

Въ одинъ изъ такихъ дней Этьенъ покинулъ родные берега на своей лодкѣ «Генріетта».

Отецъ и мать Лутрель стояли на лугу у самаго берега, и мать держала за руку младшихъ мальчиковъ. Они смотрѣли на лодку. Она отошла отъ берега и была уже на серединѣ рѣки. Сынъ шелъ искать счастья на морѣ — съ нимъ уходили и надежды стариковъ. А лодка красивая вышла! Ея носъ прорѣзывалъ свѣтлую гладь—воды ли? воздуха? Неизвѣстно было, гдѣ кончается одно и начинается другое, если бы не кружево пѣны, бѣлой и воздушной, какъ букетъ новобрачной. Мачта скрипѣла отъ удовольствія подъ тяжестью паруса; ея тонкая верхушка сгибалась и наклоняла впередъ вѣтку зеленаго лавра, красовавшуюся наверху. Корпусъ былъ черный, съ сѣткой ярко-красной-красной, какъ кровь изъ свѣжей раны. На борту было шесть товарищей Этьена, которые провожали его до моря, всѣ однолѣтки и всѣ—дѣти Луары. Этьенъ самъ правилъ рулемъ. Онъ стоялъ безъ шапки и смотрѣлъ впередъ, не оглядываясь, чтобы не ослабѣть.

Прощай, Этьенъ! Прощай, добрый работникъ, кормилецъ и гордость отцовской хижины! Прощай тотъ, кого радостно было увидѣть, когда онъ издали, стоя въ лодкѣ, кричалъ: «Славный уловъ сегодня, славный уловъ!». Прощай, сынъ! прощай, братъ! прощай, радость!

Красивая, новая шлюпка плавно скользила по Луарѣ. Вѣтеръ вздувалъ ея парусъ. Когда стали подходить къ порту Трантму, люди на набережной, знатоки дѣла, говорили:

— Это что-то новое! Какой хорошій ходъ! Красивая штучка!

«Генріетта» проходила мимо шкунъ и бриговъ, и матросы говорили:

— Это настоящая яхта. Семь человѣкъ на борту: это слишкомъ много для простой лодки.

Когда лодка очутилась противъ высокаго, какъ маякъ, бѣ-

лаго дома, всѣ шесть товарищей сняли шапки. Самъ Этьенъ не пошевелился. Онъ не спросилъ:

— Есть ли она?

Если бы даже она позвала его жестомъ своихъ блѣдныхъ рукъ, онъ продолжалъ бы свой путь.

Но Генріетта видѣла его. Она отпросилась у мадамъ Клемансъ на два часа, и спустилась въ Шантене, до самой подошвы склона, гдѣ шире открывается взглядъ на Луару. Тамъ она пошла прибрежной тропинкой, торопясь, чтобы быть впереди; она оглядывалась назадъ и смотрѣла: красивая лодка быстро шла, подгоняемая вѣтромъ.

Товарищи Этьена запѣли, и она слышала ихъ голоса.

Ни они, ни Этьенъ не узнали эту черную фигурку на берегу, потерявшуюся среди широкой дали луговъ и полей. Они скоро перегнали ее. Ей казалось, что она еще различаетъ въ голубоватой дымкѣ тѣнь мачты, паруса и высокую фигуру Этьена. Она ускорила шаги. Ей хотѣлось еще увидѣть его; вѣдь, онъ уѣзжалъ ради нея, не пѣлъ вмѣстѣ съ друзьями и стоялъ недвижно, какъ каменный. Но вѣтеръ крѣпчалъ. Уже море посылало свои первые валы, какъ-будто за тѣмъ, чтобы забрать свое добро. Парусъ вздулся. Силуэты людей на борту все уменьшались. Они уже смѣшались въ неопредѣленную группу, а вѣтка лавра на верхушкѣ мачты кивала, какъ рука, на прощанье.

И все исчезло въ свѣту.

Этьенъ не видѣлъ Генріетты.

Къ вечеру, на взморьѣ, онъ высадилъ своихъ шесть пріятелей и принялъ команду, давно договоренную. Когда на синемъ небѣ зажглись всѣ звѣзды, тотъ, кто не былъ любимъ и кто ни на одну минуту отъ самаго Нантскаго порта до скалъ св. Марка не переставалъ думать о Генріеттѣ, вышелъ въ открытое море...

Въ тотъ же вечеръ, когда садилось солнце, Генріетта отправилась къ старому священнику. Онъ принялъ ее въ своемъ саду, возлѣ огромнаго кедра, вѣтви котораго крышей свисали надъ улицей. Изъ фабрикъ и заводовъ шла толпа рабочихъ, и пыль садилась на кусты сирени и жасмина, ихъ листья даже въ эту раннюю весеннюю пору были сѣрыя. Аббатъ къ этому привыкъ. Онъ слушалъ Генріетту, прислушивался къ движенію толпы за стѣной, и въ его умѣ судьба одной сливалась съ бѣдствіями другой. Близилось къ осуществленію одно изъ самыхъ завѣтныхъ его желаній. На его долю выпало приблизить къ своимъ бѣднымъ чистую, юную душу, извѣдавшую горечь жизни,

созрѣвшую благодаря страданію, и способную касаться грязи, не испачкавшись. Онъ сказалъ:

— Видите ли, то, что вы страдали, хорошо. Чужое горе лучше чувствуется наболѣвшимъ сердцемъ. Если вы чувствуете влеченіе итти на помощь всѣмъ этимъ людямъ, дитя мое, то послушайте совѣта старика, который жалѣетъ только о томъ, что такъ мало имѣетъ силы для служенія имъ.

— Найти средство для исцѣленія всѣхъ золъ нашего времени невозможно. Но есть одно: надо отдать себя тѣмъ, кто палъ такъ низко, что лишенъ даже надежды. Раскройте шире свою душу. Любите ихъ всѣхъ, что бы они ни дѣлали. Прощайте имъ.

— Близость между бѣдными людьми какъ-то уменьшилась. Фабрика, большія разстоянія, кабакъ и развратъ, которые часто идутъ рядомъ,—все это дѣлаетъ то, что часто многіе мужчины почти не знаютъ своихъ дѣтей. Есть много сиротъ, у которыхъ тѣмъ не менѣе живы и отецъ, и мать. Будьте родной этимъ дѣтямъ, мадемуазель Генріетта. Будьте радостью, будьте связующимъ звеномъ въ огромной разъединенной семьѣ.

— Говорите имъ о домѣ только тогда, когда они успокоены. Протяните имъ руку, чтобы они могли подняться. Богъ никогда не оскорбляетъ. Весь его упрекъ—взглядъ, полный жалости. Помните, что онъ прощаетъ грѣхи разума. Еще чаще прощаетъ онъ грѣхи сердца и плоти. Онъ зналъ слабость человѣческую.

— Вы будете радостно трепетать при извѣстіи о чужомъ счастьѣ; вы узнаете сладость сочувственныхъ слезъ. Вы поймете, какъ жизнь прекрасна, когда ею живешь не для себя. Не бойтесь зла. Только тотъ знаетъ зло, кто видѣлъ, кто трогалъ его собственными руками. А сколько это зло рождаетъ самоотверженія, жертвъ, раскаянія и благородства, которыя искупаютъ все!

Генріетта слушала стараго аббата и думала, что этотъ путь—ея путь, что она любитъ несчастныхъ и обездоленныхъ прочной любовью, способной перенести и стыдъ, и презрѣніе, и неблагодарность. И, вернувшись домой, она написала въ свою сѣрую тетрадь два слова:

— Всей душою!

XXXII.

15-го мая Генріетта получила письмо съ парижскимъ штемпелемъ. Она узнала почеркъ и, волнуясь, разорвала конвертъ. «Наконецъ»! проговорила она вслухъ.

Письмо было слѣдующее:

«Должна тебѣ написать, Генріетта, и ты должна простить меня. Раньше я не могла рѣшиться, но теперь я больна. Слишкомъ много было горя. Къ чему все разсказывать? Когда я пріѣхала въ Парижъ, то уже сильно кашляла. Лѣчиться не могла. Мало по малу работать стало невозможно. Я думала уже, что умираю, но одна знакомая написала въ общину сестеръ въ Вильпентъ. Вотъ недѣля, какъ я здѣсь. За мной хорошій уходъ и даже балуютъ меня, но я всетаки чувствую себя не лучше. Въ желудкѣ такія боли, что отзывается даже въ спинѣ. Какъ будто иголки колютъ меня все время. Сестры говорятъ, что я могу выздоровѣть. Жизнь невесела. Богъ съ ней! Увидѣла бы ты мою физіономію теперь. Узнать меня нельзя. Да и не только тѣломъ я измѣнилась. Ужасно хотѣла бы тебя видѣть, хоть знаю, что это трудно и даже невозможно. Мнѣ кажется, что мнѣ стало бы лучше. Рада была бы, еслибъ ты простила меня. Ты позволяешь мнѣ поцѣловать тебя?

Мари»

Генріетта отвѣтила ей въ то же утро. Садясь въ мастерской на свое обычное мѣсто, она сказала:

— Вы знаете? Бѣдная Мари Шварцъ больна.

Ирма подхватила:

— Навѣрное, у нея легкія, какъ у меня? Правда? Это болѣзнь падшихъ работницъ, а иногда и тѣхъ, которыя не пали.

У двухъ или трехъ мастерицъ въ глазахъ мелькнула тревога. Анна, съ ямочками на розовыхъ щекахъ, сказала:

— Но она была вовсе не худая!

Ренэ протянула вполголоса:

— Я ее любила. Она такая веселая была... иногда.

И все. Заговорили о другомъ. На дворѣ ярко сіяло солнце. Верхъ окна былъ синій, и верхушка тополя была такъ залита лучами, что была похожа на серебристую эгретку, которую Матильда прикрѣпляла въ этотъ моментъ къ соломенному току.

Черезъ десять дней пришло другое письмо.

«Генріетта, мнѣ лучше. Знаю, что это тебя обрадуетъ. Здѣсь не слышно парижскаго шума и воздухъ чистый. Каждое утро я выпиваю чашку горячаго молока и опять засыпаю. Должно быть, отъ воздуха я такъ много сплю: отъ девяти вечера до семи утра. Представь себѣ, гуляю даже въ паркѣ, который здѣсь очень красивъ. Впрочемъ, одну меня не пускаютъ, такъ какъ я еще немного слаба. Есть лужайки, есть каштаны, подъ которыми я отдыхаю, а когда я чувствую себя крѣпкой, то иду до маленькаго пруда, окруженнаго большими деревьями. Здѣсь я встрѣчаю дѣвочекъ изъ пріюта. Онѣ не знаютъ меня, но часто привѣтливо улыбаются. Мнѣ кажется, что я теперь лучше, чѣмъ была. Если у тебя есть время, напиши еще, но не пиши такъ мелко: у меня устаютъ глаза».

Прошли двѣ недѣли. Однажды утромъ, когда Генріетта немного запоздавъ спускалась по лѣстницѣ, чтобы итти въ мастерскую, на встрѣчу подымался почтальонъ.

— Мадемуазель Мадьо, вамъ письмо.

— А? Дайте, пожалуйста!

И подумала:

— Навѣрное, отвѣтъ отъ Мари.

Почтальонъ далъ письмо и ушелъ. Почеркъ на конвертѣ былъ незнакомый — правильный, четкій, красивый. Генріетта почувствовала страхъ. Она прочла:

«Мадемуазель, вынуждена сообщить вамъ грустное извѣстіе: наша питомица, Мари Шварцъ, имѣла новый приступъ. Докторъ опасается, что она уже не встанетъ. Бѣдная дѣвушка только и мечтаетъ увидѣть васъ. Она зоветъ васъ и говоритъ о васъ во всѣ минуты, когда можетъ говорить. Я обѣщала ей написать вамъ и она сказала: «Напишите ей, что я буду ждать ее, чтобы умереть». Если только возможно, поторопитесь пріѣздомъ...

Сестра Сильвія».

Генріетта всю дорогу плакала. Прежде чѣмъ войти въ мастерскую, она вытерла слезы и спрятала письмо за корсажъ. Мастерицамъ, спрашивавшимъ, что съ ней, она отвѣчала:

— Мнѣ нездоровится.

Цѣлый день, склонясь надъ работой, она думала, какъ ей быть.

За нѣсколько минутъ до окончанія работы, она пошла, чтобы поговорить съ мадамъ Клемансъ. Когда она вернулась назадъ, всѣ дѣвушки замѣтили необыкновенную блѣдность и взвол-

нованный видъ «старшей». Онѣ еще сидѣли на мѣстахъ, но большинство уже не работало—нѣкоторыя заканчивали уборку на столѣ или сворачивали ленты. Всѣ эти головы—черныя, свѣтлыя, темно-русыя—освѣщенныя косыми лучами заходящаго солнца, точно по командѣ повернулись къ Генріеттѣ. Потому что ея взглядъ останавливался по очереди на всѣхъ подругахъ, столько времени сидѣвшихъ вмѣстѣ съ ней за этими столами. Она старалась навсегда запечатлѣть въ своей памяти ихъ черты, которыя никогда больше не увидитъ; съ грустной нѣжностью смотрѣла она на нихъ, какъ старшая сестра, которая покидаетъ младшихъ, чтобы уйти отъ нихъ объ руку со своимъ избранникомъ. Любила ли она ихъ всѣхъ? Конечно, нѣтъ, но онѣ раздѣляли ея скромную трудовую жизнь—и эта жизнь теперь кончалась. И превозмогая охватившее ее волненіе, она сказала:

— Господа, я получила плохія вѣсти о Мари. Ей стало хуже.

Всѣ печально поникли головой.

— Ахъ, Господи!—произнесла Ирма.—Какъ это у нея скоро пошло!

— Мы съ ней однолѣтки,—сказала Жанна, которой только недавно исполнилось двадцать лѣтъ.

Нѣсколько голосовъ сразу спросило:

— Гдѣ она? Все еще въ Вилльпентѣ? Но есть всетаки надежда? Очень она страдаетъ? Сама она написала?

Генріетта стояла у двери, блѣдная, отвѣчая на всѣ вопросы и не зная, къ кому относятся ея слезы: къ этимъ, кого она покидаетъ, или къ той, которая умираетъ одиноко. Когда затихли всѣ эти тревожные вопросы, такіе одинаковые, несмотря на различіе словъ, наступило молчаніе, какое бываетъ, когда ударъ нанесенъ и боль начинаетъ проходить вглубь. Вдругъ около Генріетты одинъ голосъ прервалъ его. Это былъ пѣвучій, ясный голосъ Ренэ:

— Знаете, господа? Мнѣ пришла одна мысль въ голову, если только вы захотите... Я увѣрена, что это доставитъ ей удовольствіе.

Одна только Луиза, ученица, спросила:

— Что же?

Другія только смотрѣли на Ренэ.

Она отвѣтила:

— Давайте сдѣлаемъ ей всѣ вмѣстѣ шляпу, — красивую шляпу!—и пошлемъ ей.

— Но она все равно не сможетъ надѣть ее? — сказала Луиза.

Пѣвучій голосъ Ренэ продолжалъ.

— Можетъ быть... но она подумаетъ: «Значитъ, я могу выздоровѣть? Онѣ считаютъ, что я выздоровѣю?» Это на минутку доставитъ ей удовольствіе. Больнымъ такъ мало нужно.

— Отлично! — сказала Ирма. — По моему, это очень хорошо, Ренэ!

— Я тоже! я тоже!

— Я согласна. Берите опять свои наперстки.

— Надо сдѣлать круглую соломенную шляпу, правда?

— Или миленькій мягкій фетръ? Вы не думаете?

Говорили со всѣхъ сторонъ сразу. Жанна вынула изъ кармана кошелекъ и бросила на столъ одинъ франкъ.

— Вношу свою долю. Вносите, господа!

Скоро цѣлая кучка серебра забѣлѣла на темной обивкѣ стола. Маленькая Луиза, болѣе растрепанная, чѣмъ всегда, протянула руку, сконфуженно положила два су и сказала:

— Больше у меня нѣтъ.

— Можетъ быть, мадамъ Клемансъ захочетъ участвовать? — предложилъ кто-то.

— Я сейчасъ попрошу разрѣшенія сидѣть позже, — сказала Генріетта.

Разрѣшеніе было получено. Всѣ табуреты были разставлены вокругъ одного стола; мастерицы столпились, локоть къ локтю, и, выпрашивая другъ у друга часть работы, взялись за изготовленіе шляпы для Мари. Наперстки блестѣли на ихъ пальцахъ, а глаза имѣли уже обычное выраженіе безпечности и веселаго равнодушія. Нѣкоторыя рылись въ коробкахъ съ лентами, пряжками, крыльями. Нѣсколько рукъ хваталось сразу за одну и ту же вещь.

— Хотите ленту шанжанъ, мадемуазель Генріетта? Вотъ золотистая съ голубымъ! Нѣтъ? Такъ, можетъ быть, крыло? Сѣрое? Ахъ, какое красивое! Это, должно быть, чайки. Посмотрите, господа. А этотъ мягкій шелкъ: какая прелесть! Да, вы правы: красное больше пойдетъ: она, вѣдь, такая темная брюнетка! Бѣдная!.. Бѣдная Мари!.. Надо сказать ей всѣ наши имена: вѣдь, съ тѣхъ поръ есть перемѣны у насъ въ мастерской... А хотѣла бы я видѣть ее, когда она получитъ картонку съ названіемъ фирмы — грустно это!

Генріетта поручила Жаннѣ и Ирмѣ отдѣлать шляпу Мари — бѣлой соломы, съ красными шу и очень блѣдными розами, по-

дернутыми мшистой зеленовато-серебристой дымкой. Это было художественно задумано для той смуглой дѣвушки съ глубокими темными глазами, которая никогда не надѣнетъ шляпы съ красными петлями и блѣдными розами. Когда надо было отрѣзать нитку, протягивалось три пары ножницъ. Мастерицы всей душой отдались созданію этого шедевра. Онѣ забыли усталость, домъ, обѣдъ, чтобы сдѣлать удовольствіе Мари, временной товаркѣ, которая больше не вернется къ нимъ. И когда Ирма показала готовую шляпу, поворачивая ее во всѣ стороны, одна изъ дѣвушекъ сказала:

— Жалко! теперь о ней говорить ужъ больше не будутъ. Какъ пошлютъ ей шляпу?

Генріетта отвѣтила:

— Я беру на себя доставить Мари шляпу.

Она сказала это такимъ тономъ, что двѣ или три мастерицы удивленно оглянулись на нее.

Ренэ была чутка, и Ренэ любила Генріетту. Она подошла къ ней, когда та доставала изъ шкафа свою шляпу и боа, и тихо прошептала:

— Генріетта, вы не уѣзжаете? Скажите? Вѣдь, это не вы сами повезете шляпу? Я всегда такъ боюсь, чтобы бы не уѣхали.

— Куда же?

Прелестные, ясные глаза Ренэ сверкнули.

— Я знаю куда.

Генріетта ничего не отвѣтила. Мастерицы всѣ уже высыпали на лѣстницу. Тогда она обняла Ренэ, прижалась къ ея щекѣ и сказала:

— Милая, милая, я очень люблю васъ. Я всегда буду любить васъ. Бѣгите скорѣе домой. Я увѣрена, что женихъ уже ждетъ васъ.

Оставшись одна, она медленно обошла опустѣвшую мастерскую, такъ медленно, какъ она никогда не ходила.

На дворѣ собиралась гроза. Съ запада шли зловѣщія, темныя тучи.

. . . . . .

Поздно въ этотъ вечеръ сидѣли старый Мадьо и Генріетта. Оба чувствовали такую жгучую душевную боль, что ихъ облегчало только сознаніе крѣпкой дружной любви между ними. Въ концѣ концовъ стали строить всякіе планы. Элоа сказалъ:

— Погоди, я какъ-нибудь выберусь. Поѣду и увижу свою дорогую дѣвочку.

Гроза глухо ворчала вдали и черной полосой закрывала половину неба.

XXXIII.

Въ пріемномъ покоѣ Вилльпентъ въ жаркій, тихій день.

— Здравствуйте, сестра! Здѣсь больная Мари Шварцъ?

— Да, мадемуазель.

— Она... жива?

— Да... но очень плоха.

— Ахъ!.. ведите меня поскорѣе!

Генріетта быстро шла за монахиней по чистому бѣлому коридору съ деревянной панелью и блестящимъ навощенымъ поломъ. Это былъ почти дворецъ, выстроенный Жалостью для молодыхъ женщинъ и дѣвушекъ, пораженныхъ болѣзнью, такъ мало щадящей. Здѣсь скрашивали ихъ послѣдніе дни, и давали имъ то, чего не могла дать больница, холодная и казенная. Здѣсь больныхъ окружалъ свѣтъ, воздухъ, зелень и даже нѣкоторая роскошь, ласкавшая глазъ и пріятная въ долгіе унылые часы лежанья.

Генріетта проходила мимо большихъ палатъ, въ которыхъ было по четыре или пять кроватей, носившихъ имена святыхъ: св. Станислава, св. Дени, св. Мартина. Прелестныя и истомленныя лица, любопытные и влажные взгляды, бѣлые чепцы съ голубыми бантами. Позади Генріетты одна совсѣмъ молоденькая дѣвушка попробовала подняться по лѣстницѣ, но остановилась послѣ трехъ ступенекъ, задыхаясь и придерживаясь за грудь.

— Мы не слишкомъ быстро идемъ, мадемуазель?—спросила монахиня.

Она привыкла, что за ней слѣдовали медленно.

Генріетта несла въ рукѣ картонку, завернутую въ бумагу съ именемъ моднаго магазина въ Нантѣ.

Наконецъ, сестра Сильвія остановилась во второмъ этажѣ передъ дверью залы св. Агнесы. Генріетту охватила дрожь.

Сестра взялась за ручку двери, тихо сказала: «Это здѣсь»— и безъ всякаго шума, мягко проскользнула внутрь.

Палата была похожа на другія, но нѣсколько больше и свѣтлѣе. Восемь кроватей бѣлѣли рядами перпендикулярно къ окнамъ. Въ глубинѣ комнаты на столѣ стояла статуэтка Лурд-

ской Божьей матери, окруженная цвѣтами. А противъ стола Генріетта увидѣла ту, къ которой она пріѣхала.

Мари не спала. Она не страдала. Она просто ждала, какъ и обѣщала. Рукъ ея не было видно. Голова, окруженная густой массой вьющихся волосъ, едва прикасалась къ подушкѣ. Губы были такія же красныя, какъ раньше.

Генріетта приближалась, съ тайнымъ ужасомъ глядя на это неподвижное лицо и тонкую прямую линію тѣла подъ бѣлымъ одѣяломъ. Ахъ, близкіе, прошлые дни, дни сильной и яркой молодости, гдѣ вы? Но когда она подошла ближе, лицо Мари освѣтилось, и губы ея улыбнулись подругѣ.

Улыбка шла откуда-то изъ глубины, гдѣ жила еще мысль, и она была тихая и кроткая,—такого сіянія не знаетъ жизнь. Голосъ больной, беззвучный, похожій на улыбку, тоже неземной, проговорилъ:

— Какая ты добрая!

Медленнымъ усиліемъ голова ея склонилась немножко къ Генріеттѣ, нагнувшейся, чтобы обнять ее.

— И какая ты красивая! А я, вотъ видишь, примирилась. Богъ забылъ все. Но ты, Генріетта... скажи мнѣ еще разъ, что ты простила...

— Да, моя любимая, давно, почти сейчасъ же, какъ только я узнала, что ты покинута...

Глаза Мари обѣжали небольшой кругъ по комнатѣ—фигуру сестры Сильвіи, Богоматерь, Генріетту и она сказала:

— Я не покинута теперь.

И какъ любопытный ребенокъ, она спросила:

— Что́ это? Модель?

Это была картонка съ именемъ мадамъ Клемансъ, которую она узнала по оберткѣ.

— Дорогая моя, всѣ наши мастерицы помнятъ тебя. Когда онѣ узнали, что я ѣду навѣстить тебя, онѣ захотѣли послать тебѣ что-нибудь, и вотъ сдѣлали тебѣ шляпу... ты ее надѣнешь, когда поправишься... Вынуть тебѣ ее показать?

Въ первый разъ слеза скатилась по впалымъ щекамъ Мари.

— Нѣтъ, не разворачивай! Не сто́итъ... Но какія онѣ хорошія! Поблагодари ихъ. Ты возвращаешься въ Нантъ?

— Нѣтъ.

— А куда же ты?

— Въ общину сестеръ.

Генріетта немного выпрямилась. Она видѣла, какъ радость

озарила страдальческое лицо Мари; она почувствовала себя согрѣтой лучами любви и восхищенія, въ которыхъ догорала эта пылкая душа.

— А! счастливица!—сказала Мари.

И закрыла глаза. Какія видѣнія проносились передъ нею? Долго лежала она не шевелясь, вся уйдя въ свои грезы.

Когда она пришла въ себя, то увидѣла Генріетту на колѣняхъ у кровати. Она взглянула на нее угасшими глазами, которые не имѣли уже силы быть нѣжными и только спрашивали: «Зачѣмъ ты тутъ? Чего ты ждешь? Я устала. Мы уже все сказали другъ другу».

Она не понимала.

Но Генріетта оставалась на колѣняхъ, не отрывая глазъ отъ глазъ своей несчастной, умирающей сестры.

Тогда Мари поняла, чего она хочетъ. Торжественное, величавое выраженіе приняли ея черты. Медленно приподняла она изъ-подъ одѣяла свою правую руку, нагнулась,—и та, которая была прощена, благословила невинную и осѣнила ея чело знакомъ искупительнаго креста.

Съ франц. пер. М. Славинская.

ПИСЬМО ИЗЪ ЛОНДОНА.

Только что появилась въ Англіи книга подъ оригинальнымъ названіемъ «The Petticoat Commando» [1]), (т. е. «Юбочная рота), имѣющая колоссальный успѣхъ. Содержаніе ея не совсѣмъ обыкновенно. Богатая, молодая, интересная дѣвушка «Ганси», въ которой легко можно узнать самого автора, живетъ во время южноафриканской войны въ занятой англичанами Преторіи, знакома съ военными властями и въ то же время стоитъ во главѣ «Юбочной роты» или тайнаго комитета, являющагося посредникомъ между сражающимися бургерами и живущимъ въ Голландіи президентомъ Крюгеромъ. Въ городъ, объявленный на военномъ положеніи и окруженный англійскими часовыми и сѣтью проволочныхъ загражденій, проникаютъ лазутчики-бургеры. Они приносятъ депешы отъ начальниковъ разныхъ «командъ» и достаютъ въ Преторіи, гдѣ никто не можетъ показаться на улицѣ безъ спеціальнаго паспорта, оружіе, патроны и важные документы относительно положенія англійскихъ войскъ. Нагруженные пріобрѣтенными вещами, лазутчики выбираются изъ города, не смотря на безчисленныхъ часовыхъ и проволочныя загражденія. Вся переписка населенія Преторіи просматривается на почтѣ военнымъ цензоромъ. И, не смотря на это, тайныя депеши къ президенту Крюгеру о положеніи сражающихся бургеровъ отправляются черезъ цензора. Письмо, которое цензоръ одобрилъ, совершенно невиннаго характера, но на оборотѣ конверта симпатическими чернилами содержится сообщеніе въ родѣ, напримѣръ, слѣдующаго: «Отъ начальника развѣдочнаго бюро президенту. Различныя «коммандо» (т. е. отряды) находятся въ такомъ

---

[1]) Полное названіе: «The Petticoat Commando, or Boer Women in secret Service», by *Iohanna Brandt.*

же положеніи, какъ въ декабрѣ. Много аммуниціи взято у непріятеля. Въ пищѣ нѣтъ недостатка. Лошади—сносны; но платья мало. Генералъ Бота теперь въ Эрмело, съ 1000 человѣкъ; Де-ла-Ри между Клерксдорпомъ и Рустенбургомъ, съ 1500 чел.; Беперсъ—близъ Питерсберга, съ 1000 чел.; у Мюлера, находящагося близъ Пилгримсъ-реста, отъ 600—700 человѣкъ. Пятнадцатаго января Бота разбилъ непріятеля. Потери непріятеля—46 уб., 92 ран., 150 плѣн.», и т. д. Депешу составляла «Ганси» на основаніи донесеній лазутчиковъ. Мало того. Авторъ укрываетъ въ своемъ домѣ, окруженномъ англійскими войсками, шпіоновъ, которыхъ англичане, какъ разбойниковъ, заочно приговорили къ смерти, а бургеры считаютъ національными героями; «Ганси» получаетъ динамитъ, который долженъ быть отправленъ къ сражающимся бургерамъ. Чтобы удобнѣе и безопаснѣе хранить одну бомбу, дѣвушка забираетъ ее съ собою, когда отправляется въ гости къ военному губернатору Преторіи. Одна неосторожность—и «Ганси» взлетитъ на воздухъ или же ее арестуютъ и повѣсятъ въ 24 часа.

— Вы знаете, что значитъ укрывать меня?—предупреждаетъ ее глава всѣхъ лазутчиковъ, капитанъ Нодэ, голова котораго была оцѣнена англичанами въ 10.000 ф. ст.—Если меня найдутъ, я не дамся живой. Въ вашемъ домѣ произойдетъ бой. Это поведетъ къ вашему аресту, конфискаціи всего имущества, а быть можетъ и казни. Готовы ли вы на рискъ? Если нѣтъ, скажите. Еще не поздно. Мы найдемъ убѣжище въ другомъ мѣстѣ.

— Оставайтесь. Если же дойдетъ до вооруженнаго сопротивленія, то у меня тоже есть револьверъ. Жены бургеровъ вѣдь сражались рядомъ съ мужчинами.

Не смотря на всѣ предупрежденія не держать никакихъ документовъ, «Ганси» вела дневникъ, куда вносила симпатическими чернилами всѣ событія. Въ дневникѣ она снимала также копіи съ доставленныхъ ей документовъ, за каждый изъ которыхъ англичане отправили бы ее на эшафотъ. И теперь, когда южно-африканская гроза прошла, когда два народа, которые всѣми силами стремились 12 лѣтъ тому назадъ къ взаимному истребленію, живутъ мирно и вырабатываютъ общую культуру,—«Ганси», т. е. г-жа Джоанна Брандтъ, на основаніи своего дневника написала очень интересную книгу. «Къ счастью для южной Африки,—читаемъ мы въ предисловіи,—большинство изъ насъ, голландцевъ и англичанъ, можетъ уже обсуждать событія минувшей войны безъ горечи. Теперь мы понимаемъ и взаимно уважаемъ тѣхъ, которые 12 лѣтъ тому назадъ были врагами». Эти строки показываютъ, какъ скоро прощаетъ и забываетъ пострадавшій народъ политическія ошибки угнетателя,

если только тотъ сознаетъ свои неправильныя дѣйствія и не прибавитъ къ старымъ ошибкамъ—новыя. То обстоятельство, что дневникъ «Ганси» имѣетъ колоссальный успѣхъ въ Англіи, лучше всего доказываетъ, что при сколько-нибудь нормальныхъ условіяхъ гибнетъ съ корнями ядовитое растеніе, вырастающее со стремительностью сказочныхъ бобовъ, дотянувшихся въ одну ночь до луны—то смертоносное растеніе, которому имя: національная ненависть.

Прежде всего, книга «Ганси» внушаетъ глубокое уваженіе къ тѣмъ женщинамъ, которыя на своихъ плечахъ выносили ужасы южно-африканской войны. «Я хотѣла дать читателямъ нѣкоторое представленіе о томъ, что дѣлали жены и дочери бургеровъ во время войны, какъ онѣ поддерживали своихъ мужей, братьевъ и сыновей во время повидимому безнадежной борьбы за свободу и независимость»,—говоритъ авторъ дневника. Когда англійскія войска вступали въ Преторію, одинъ солдатъ воскликнулъ: «Слава Богу, война кончена!»

— Нѣтъ, Томми Аткинсъ, — отвѣтила «Ганси», слышавшая эти слова,—война только начинается. Жены бургеровъ убѣдили мужей продолжать войну до послѣдняго.

— Я могу сообщить вамъ, миссъ фонъ-Вармело (дѣвичье имя «Ганси») пріятное извѣстіе о вашемъ братѣ: онъ взятъ въ плѣнъ. Вы рады, что онъ теперь въ безопасности?—сказалъ военный губернаторъ. Онъ относился хорошо къ «Ганси» и къ ея матери. То былъ послѣдній фазисъ войны, когда бургеры скитались безъ пищи и теплаго платья по безконечнымъ степямъ, превращеннымъ англичанами въ пустыню.

— Я рада?—переспросила Ганси.—Нѣтъ, какъ я могу радоваться? Каждый плѣнный означаетъ, что наши войска слабѣе. Будь всѣ бургеры такъ же храбры, какъ мой братъ, и такіе же отличные стрѣлки, какъ онъ, война скоро бы кончилась.

— Всѣ женщины чувствуютъ, какъ вы?—спросилъ военный губернаторъ.

— Нѣкоторыя чувствуютъ сильнѣе,—отвѣтила Ганси. «Въ теченіе двухъ лѣтъ бургеры жили на счетъ непріятеля, забирали его транспорты, поѣзда и лошадей. Бургеры носили платье, отнятое у англичанъ, стрѣляли въ нихъ изъ отобранныхъ у нихъ ружей. Къ концу войны врядъ ли можно было найти бургера, вооруженнаго маузеровской винтовкой, такъ какъ запасъ патроновъ истощился. Бургеры пользовались винтовками Ли-Митфорда, отобранными у англичанъ. И вотъ, чтобы скорѣе сломить сопротивленіе непріятеля, англичане придумали «концентраціонные лагери», куда увозили дѣтей и женщинъ, послѣ того какъ фермы сжигались. «Въ лаге-

ряхъ начались болѣзни всякаго рода: скарлатина, корь, коклюшъ, воспаленіе легкихъ, воспаленія кишекъ. То былъ результатъ холода, скученности, плохой пищи и жизни въ палаткахъ. Беременныя женщины, дряхлыя старухи, грудные младенцы не могли выносить жизнь почти подъ открытымъ небомъ въ суровую степную зиму или въ палящее лѣто—и гибли. Болѣе двадцати тысячъ женщинъ и дѣтей погибло въ концентраціонныхъ лагеряхъ, тогда какъ за все время войны сражающіеся бургеры потеряли убитыми и умершими въ плѣну четыре тысячи человѣкъ». И не смотря на то, что женщины страдали гораздо сильнѣе мужчинъ, онѣ убѣждали своихъ братьевъ, мужей, сыновей и жениховъ продолжать борьбу и не сдаваться. «Наши лазутчики, проникающіе въ концентраціонные лагери, приносятъ постоянно оттуда только ободряющія вѣсти,—сказалъ Ганси капитанъ Нодэ.—Насъ убѣждаютъ бороться». «Ганси» цитируетъ книгу Нодэ, вышедшую по голландски подъ названіемъ «Doodsgevaar» (*Подъ страхомъ смерти*) и представляющую собою воспоминанія начальника лазутчиковъ о послѣднемъ фазисѣ войны. «Прежде чѣмъ закончить, я считаю моимъ долгомъ выразить глубокую признательность матерямъ, сестрамъ и женамъ бургеровъ, поддерживавшимъ столь доблестно насъ».

Трудно сказать даже, чье поведеніе болѣе вызываетъ изумленіе: бургеровъ ли, боровшихся три года, или женщинъ, которыя, не смотря на великія страданія, убѣждали мужчинъ продолжать борьбу. Книга «The Petticoat Commando» представляетъ собою лучшій отвѣтъ на самый главный аргументъ, выставляемый теперь въ Англіи анти-суффражистами противъ женскаго равноправія. Они говорятъ: «Такъ какъ женщина не сражается и не защищаетъ государство, то она не можетъ требовать участія въ рѣшеніи судебъ его».

Но хотя книга «Ганси» и очень интересна по содержанію, я, вѣроятно, не сталъ бы знакомить съ нею русскихъ читателей, если бы авторъ, не сознавая того, не поднялъ крайне важнаго вопроса о *двойной морали*, о двойномъ понятіи о томъ, что хорошо и что дурно, что нравственно и безнравственно. Съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ войны, люди неодинаково смотрятъ на поступки выгодные или невыгодные для нихъ. Когда Іисусъ Навинъ послалъ изъ Ситтима въ Іерихонъ двухъ лазутчиковъ, ихъ укрыла блудница Раавъ. Когда же іерихонскій вождь, узнавъ про присутствіе шпіоновъ спросилъ, гдѣ они, блудница отвѣтила, что они ушли. «Не знаю, куда пошли эти люди; гонитесь скорѣе за ними; вы догоните ихъ». Раавъ укрыла шпіоновъ на крышѣ подъ коноплей, а ночью спустила ихъ по веревкѣ за городскія стѣны. Съ точки зрѣ-

нія жителей Іерихона лазутчики были преступники, а блудница Раавъ—вдвойнѣ преступница, такъ какъ ко всему присоединила еще страшную измѣну. Съ точки зрѣнія Библіи лазутчики—герои, а Раавъ вполнѣ заслужила награду. «И будетъ городъ подъ заклятіемъ, онъ и все, что въ немъ, Господу; только Раавъ, блудница, пусть останется въ живыхъ, она и всякій, кто у ней въ домѣ; потому что она укрыла посланныхъ, которыхъ мы послали». Евангелистъ Матѳей, перечисляя радословную Іосифа, упоминаетъ и Раавъ, вышедшую замужъ за Салмона («Салмонъ родилъ Вооза отъ Раавы; Воозъ родилъ Овида отъ Руѳи» и т. д.). Такимъ образомъ, то, что однимъ представляется величайшимъ и наиболѣе позорнымъ преступленіемъ, другими признается великимъ подвигомъ.

Я беру другой литературный памятникъ: великую поэму геніальнаго польскаго поэта. Литвинъ Конрадъ Валленродъ, желая причинить возможно больше вреда врагамъ своего народа, нѣмцамъ, передается имъ, становится съ теченіемъ времени главою Тевтонскаго ордена и доводитъ его до гибели. «Взгляните, сколько тысячъ вашихъ людей погибло — говоритъ Конрадъ Валленродъ передъ смертью нѣмцамъ.—Ваши города превращены въ пепелъ; ваши нивы выжжены. Вы слышите ли ревъ мятели? Она поетъ про то, какъ гибнутъ отъ холода остатки вашего войска. Вы слышите ли завываніе псовъ? Они оспариваютъ теперь другъ у друга трупы вашихъ братьевъ. Все это сдѣлалъ я! Я горжусь этимъ! Я великъ! Сколько головъ я сразу отрубилъ гидрѣ![1]). Нѣмцы, конечно, считаютъ Конрада Валленрода чудовищемъ, неслыханнымъ злодѣемъ и подлымъ измѣнникомъ. Въ глазахъ литовцевъ XIV-го вѣка онъ величайшій національный герой.

Денисовъ, эсаулъ Ловапскій и Долоховъ желаютъ захватить большой французскій транспортъ. «Надо знать какія, и сколько войска,—говоритъ Долоховъ;—надо будетъ съѣздить. Не зная вѣрно, сколько ихъ, пускаться въ дѣло нельзя. Я люблю аккуратно дѣло дѣлать. Вотъ, не хочетъ ли кто изъ господъ съѣздить со мною въ ихъ лагерь. У меня и мундиры съ собой». И Долоховъ да Петя Ростовъ, одѣвшись во французскія шинели и кивера, спустились крупной рысью по дорогѣ къ мосту, за которымъ стояли французы. Читатели помнятъ, конечно, то поразительное хладнокровіе, которое проявляетъ Долоховъ, бесѣдуя съ французскими офицерами и выглядывая въ тоже время силы непріятеля.

— La vilaine affaire de traîner ces cadavres après soi. Voud-

[1]) Не имѣя подъ рукой Мицкевича, цитирую по памяти, но, кажется, вѣрно.

rais mieux fusiller cette canaille,—весело говоритъ онъ, прислушиваясь къ говору русскихъ плѣнныхъ.

— Вы такой герой!—восторженно восклицаетъ Петя Ростовъ, обращаясь къ Долохову, когда они уѣхали изъ французскаго лагеря.

Переодѣтый французскій офицеръ, уловленный въ русскомъ лагерѣ, былъ бы, конечно, казненъ черезъ нѣсколько часовъ, какъ шпіонъ. Передъ нами наиболѣе примитивный примѣръ двойной морали. «Одинъ и тотъ же поступокъ можетъ быть низкимъ и славнымъ, разъ мы возьмемъ за отправной пунктъ войну, т. е. убійство, предписанное и рекомендуемое народамъ ихъ правительствами» [1]).

Возьму нѣсколько примѣровъ изъ книги Ганси. Авторъ—пламенный патріотъ, ненавидящій непріятеля, захватившаго Трансвааль; но онъ не изображаетъ англійскихъ солдатъ и офицеровъ варварами. Напротивъ, это, въ общемъ, благородные, хорошіе, воспитанные люди, съ сильно развитымъ рыцарскимъ чувствомъ. Англійскія войска занимаютъ Преторію. На окраинѣ города, въ домѣ, окруженномъ громаднымъ паркомъ, живутъ двѣ одинокія дамы, Ганси и ея мать; всѣ мужчины на войнѣ и сражаются съ англичанами. Когда непріятель вступаетъ въ городъ, дочь и мать стоятъ у своихъ воротъ съ револьверами въ рукахъ, чтобы не впускать солдатъ. Англійскіе офицеры, узнавъ, что въ домѣ только двѣ женщины, отдаютъ строгій приказъ, чтобы солдаты не смѣли подъ какимъ бы ни было предлогомъ входить въ ворота. Въ холодный день нѣсколько офицеровъ пришли просить, чтобы ихъ впустили на постой въ Harmony (такъ называлось помѣстье Ганси и ея матери). Какъ завоеватели, англичане могли *требовать*, чтобы ихъ пустили. Мать и дочь фонъ Вармело наотрѣзъ отказали офицерамъ.

— Пустите только трехъ офицеровъ... Въ нашихъ палаткахъ ужасно холодно ночью. Позвольте намъ, по крайней мѣрѣ, хоть только спать гдѣ-нибудь въ домѣ,—просилъ старшій офицеръ.

— Мои братья, сражающіеся теперь съ вами, не имѣютъ даже палатокъ и спятъ подъ открытымъ небомъ—отвѣтила Ганси. Неужели вы думаете, что мы отдадимъ ихъ постели англійскимъ офицерамъ? Мы — пламенные республиканцы. Если этотъ отвѣтъ свидѣтельствуетъ о смѣлости Ганси, то обстоятельство, что англійскіе офицеры ушли, доказываетъ ихъ рыцарское чувство. Пруссаки, напр., поступили бы (и поступали) иначе во Франціи. Мы

1) Слова Эмиля Жирардэна.

знаемъ, что есть страны, въ которыхъ офицеры и въ мирное время, по отношенію къ собственнымъ согражданамъ, поступили бы иначе, чѣмъ англичане. Въ этихъ странахъ офицеры сочли бы отказъ Ганси впустить ихъ въ домъ за оскорбленіе мундира и, кто знаетъ, быть можетъ, пустили бы въ ходъ револьверы или сабли... Порогъ Harmony переступили два англійскихъ офицера, полковникъ и молодой капитанъ, пріѣхавшіе изъ Винберга съ рекомендательнымъ письмомъ отъ замужней сестры Ганси. Офицеры явились не на постой, а съ визитомъ, какъ гости. Полковникъ былъ необыкновенно тактиченъ и всячески обходилъ въ разговорѣ политическія темы; но капитанъ, напротивъ, послѣ первыхъ же словъ касался войны. И вотъ однажды Ганси попросила капитана больше не приходить.—Мнѣ жаль, что я васъ чѣмъ-то обидѣлъ,—сказалъ капитанъ.—Но скажите мнѣ хоть, что я сдѣлалъ?—Ничего,—отвѣтила Ганси.—Но вы нашъ врагъ теперь, покуда продолжается война. Мы просимъ васъ прійти, когда будетъ заключенъ миръ.—Въ другихъ странахъ, даже въ мирное время, офицеръ, которому отказали бы отъ дома, не отнесся бы пассивно къ такому оскорбленію. Тотъ фактъ, что англійскій офицеръ понялъ чувство Ганси и молча поклонился, свидѣтельствуетъ о воспитанности и порядочности его. Ганси изображаетъ англійскихъ солдатъ еще болѣе симпатичными, чѣмъ ихъ офицеры. Вокругъ громаднаго парка Harmony стояли безконечныя палатки солдатъ. «Болѣе сдержанныхъ и болѣе дисциплинированныхъ солдатъ трудно, вѣроятно, найти,—пишетъ Ганси.—Поведеніе ихъ было до такой степени примѣрно, что мы даже находили нужнымъ вознаграждать ихъ за это и время отъ времени дарили солдатамъ корзину винограда изъ нашего сада или овощи изъ огорода». Такъ ведутъ себя солдаты въ непріятельской странѣ, въ занятомъ городѣ.

— Развѣ вы голландка?—спросилъ Ганси англійскій солдатъ, съ которымъ она разговорилась.—Вы не похожи на буровъ. Никогда я не видалъ человѣка, который бы лучше говорилъ по англійски, чѣмъ вы.

— Вы, повидимому, хотѣли мнѣ сказать пріятное,—ощетинилась немедленно Ганси;—но я не люблю, когда говорятъ, что я не похожа на голландку. Во всякомъ случаѣ, мнѣ непріятно, когда находятъ, что я похожа на англичанку. «Бѣдный солдатъ казался смущеннымъ и пробормоталъ что-то въ родѣ: «Я не думалъ васъ обидѣть». Ганси изображаетъ англійскихъ солдатъ храбрыми и добродушными людьми, не знающими доподлинно, какъ не знаютъ вообще солдаты и другихъ странъ, зачѣмъ ихъ погнали за тридевять земель.

— Изъ-за чего идетъ вся эта проклятая война?—допытывается

англійскій солдатъ у Ганси.—Мы, солдаты, ничего не знаемъ, кромѣ того, что надо драться, когда прикажутъ.

— Конечно, вы ничего не знаете!—воскликнула Ганси.—Англійскій солдатъ не что иное, какъ только боевая машина. Онъ никогда не думаетъ и не поступаетъ самостоятельно. Дисциплина—великая вещь, но храни небо насъ отъ дисциплины британской арміи. Что такое эта война? Это—недостойная попытка отнять у насъ нашу землю. Вы тоже страдаете, я знаю...

— Да, страдаемъ, миссъ! Покуда живъ, я не забуду похода отъ Блемфонтейна до Преторіи. Сражались мы каждый день и дѣлали переходы въ тридцать миль, имѣя только по сухарю на брата. Какъ мы страдали отъ отсутствія воды! Повѣрите ли, мы два дня не имѣли ни капли. Мои губы потрескались тогда, а языкъ распухъ такъ, что не умѣщался... Впрочемъ, говорятъ, война ужъ скоро кончится. Англія сильна, а здѣсь, какъ слышно, остались только отдѣльныя шайки мародеровъ.

— Запомните мои слова,—замѣтила Ганси.—Въ южной Африкѣ прольется много крови, и много сотенъ тысячъ сердецъ будетъ разбито въ вашей странѣ, прежде чѣмъ англійская армія подчинитъ «шайки мародеровъ».—Ганси часто приводитъ примѣры, доказывающіе добродушіе и сердечность англійскихъ солдатъ. Авторъ книги и мать выходятъ въ Іоганесбургѣ на встрѣчу поѣзду. Прибыли плѣнные бургеры, и въ числѣ ихъ—одинъ изъ братьевъ Ганси. Несмотря на суровость дисциплины, солдатъ разрѣшаетъ матери приблизиться къ сыну и сопровождать его до воротъ крѣпости. «Благословенъ, трижды благословенъ, Томми!» (нарицательная кличка всѣхъ англійскихъ солдатъ)—восклицаетъ Ганси. «До сихъ поръ, вспоминая встрѣчу съ братомъ, Ганси жалѣетъ объ одномъ: о томъ, что не пожала тогда руку солдату».

Итакъ, англійскіе офицеры и солдаты—хорошіе, сердечные люди, которые, когда они дѣйствовали отъ себя, далеко не причиняли населенію всѣхъ огорченій и обидъ, достающихся на долю побѣжденныхъ. Предоставленные себѣ, солдаты и офицеры дѣйствовали по одному кодексу морали. Но вотъ выдвигаетъ свои требованія война, и тѣ же офицеры и солдаты принимаютъ участіе въ сожженіи всѣхъ фермъ, въ уничтоженіи скота и въ устройствѣ концентраціонныхъ лагерей. «Капитанъ Нодэ разсказалъ мнѣ, какъ онъ и его голодные люди разъ нашли крааль, въ которомъ валялось болѣе пятисотъ убитыхъ и разлагающихся овецъ. Такъ какъ крааль находился далеко отъ города, и овецъ нельзя было угнать, то англійскіе солдаты закололи ихъ штыками, чтобы онѣ не достались бургерамъ... У республикъ не было организованныхъ войскъ. Въ случаѣ войны

съ черными или съ какимъ-нибудь государствомъ, вызывалось все мужское населеніе отъ 14 лѣтъ. Такимъ образомъ, на фермахъ оставались только женщины да дѣти; но это еще не означало, что хозяйство покидалось безъ всякаго призора. Женщины бургеровъ, при помощи черныхъ работниковъ, справлялись со всѣми полевыми работами не хуже мужчинъ. Фруктовыя деревья бывали во время подрѣзаны, поля вспаханы и засѣяны, жатва убрана и овцы выстрижены. Женамъ бургеровъ нечего было бояться негровъ. Англійскія военныя власти быстро убѣдились, что женщины, оставшіяся на фермахъ, снабжаютъ сражающихся бургеровъ жизненными припасами и платьемъ. Тогда англичане начали сжигать тѣ фермы, гдѣ бургеры получили помощь, а женщинъ и дѣтей отвозили въ города, какъ военноплѣнныхъ. И такъ какъ женщины на фермахъ не переставали помогать бургерамъ, то англичане рѣшили превратить всю страну въ пустыню, чтобы отнять у сражающихся всѣ средства къ существованію и голодомъ заставить ихъ сдаться. Тогда началось, по иниціативѣ лорда Робертса, систематическое опустошеніе двухъ республикъ. Пощажены были только города, но отдѣльныя фермы, поселки и даже деревни—преданы огню. По приказанію военныхъ властей, солдаты вырубали фруктовыя деревья, сжигали хлѣбъ на корню, убивали скотъ, взрывали динамитомъ дома, забирали все, представлявшее какую-нибудь цѣнность. Что же касается женщинъ и дѣтей, то ихъ отвозили въ концентраціонные лагери. «Теперь мы знаемъ,—пишетъ авторъ книги,—что будь на мѣстѣ англичанъ другой непріятель, онъ оставилъ бы безпомощныхъ женщинъ и дѣтей, послѣ сожженія фермъ, умирать въ степи. Другой непріятель нашелъ бы, что это—неизбѣжное послѣдствіе войны. Англичане, какъ культурные люди, поселили женщинъ и дѣтей въ палаткахъ, разбитыхъ въ степи, по возможности, вдоль желѣзнодорожной линіи. Процессъ превращенія страны въ пустыню, выполнявшійся нѣкоторыми офицерами крайне неохотно, на основаніи строгаго приказа, а другими—съ дьявольскимъ наслажденіемъ,—былъ законченъ не въ недѣли и не въ мѣсяцы. Опустошеніе страны продолжалось до тѣхъ поръ, покуда не былъ заключенъ миръ. И къ тому времени всюду видны были только обгорѣлыя развалины нѣкогда зажиточныхъ фермъ». Мы видѣли уже, какъ велика была смертность въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Вообще не злые и даже гуманные люди, грудью стоявшіе за принципъ собственности, всѣми силами защищали необходимость варварскаго опустошенія цѣлой страны и желательность концентраціонныхъ лагерей.

Крайне поучительно наблюдать, какъ самъ авторъ, не замѣчая того, проводитъ двойной взглядъ на мораль. Не смотря на всѣ строгія мѣры предосторожности, взятыя англичанами въ Преторіи; несмотря на законы военнаго времени; на спеціальные паспорты,— дающіе право выходить на улицу; не смотря на цѣпь кругомъ города, непріятельскіе лазутчики проникали постоянно въ городъ. И о подвигахъ нѣкоторыхъ изъ этихъ шпіоновъ Ганси говоритъ съ восторгомъ. «Между шпіонами — пишетъ она,—былъ одинъ, отличавшійся поразительной храбростью; то былъ совершенно исключительный герой, о подвигахъ котораго можно говорить только съ сильнымъ волненіемъ. Своею короткою жизнью, и, еще больше, своею геройскою смертью, онъ оставилъ послѣ себя богатое наслѣдство. То былъ Адольфъ Краузе, нѣмецъ родомъ, еще молодой человѣкъ». Краузе жилъ въ Преторіи, когда она была занята англичанами, но тайкомъ выбрался оттуда и присоединился къ сражающимся бургерамъ. «Впослѣдствіи онъ постоянно то пробирался въ городъ, то уходилъ, уводя съ собою много бургеровъ или нѣмцевъ, желавшихъ драться съ англичанами. Такимъ образомъ Краузе иногда появлялся въ Преторіи дважды въ недѣлю. Каждый разъ его услуги становились все болѣе и болѣе цѣнны». Лазутчикъ уходилъ изъ города, навьюченный, какъ верблюдъ. Вотъ, напр., что Адольфъ Краузе разъ унесъ съ собою: двѣ пары панталонъ, двѣ рубахи, два круга аммуниціи, вязаную куртку, толстое пальто, маузеровскій карабинъ, засунутый въ штанину, два револьвера съ патронами къ нимъ, мѣшокъ, длиною въ два фута, съ маузеровскими патронами, сапоги, мыло, соду для стирки бѣлья, нитки и массу мелкихъ вещей для женщинъ въ концентраціонныхъ лагеряхъ. Съ этимъ грузомъ лазутчикъ прошелъ по улицамъ, охраняемымъ патрулями и проползъ черезъ цѣпь. Но вотъ разъ лазутчикъ, выбираясь изъ города, былъ выданъ и окруженъ англійскими солдатами. «Краузе убилъ нѣсколько человѣкъ, но его свалили наконецъ ударами прикладовъ и связали... Черезъ три дня послѣ того, какъ Краузе былъ выданъ, мы съ ужасомъ узнали, что его казнили въ стѣнахъ тюрьмы». Англичанинъ Монеппенни, написавшій исторію южно-африканской войны, говоритъ о Краузе, какъ о подломъ шпіонѣ-нѣмцѣ, сунувшемся не въ свое дѣло. Тотъ же историкъ не находитъ достаточно сильныхъ словъ для восхваленія тѣхъ бургеровъ, которые сперва сражались съ англичанами, а затѣмъ, убѣдившись, что сопротивленіе безполезно, изъ любви къ родинѣ подчинились необходимости и признали фактъ завоеванія. По оцѣнкѣ англичанина, мы имѣемъ дѣло съ великими патріотами, жалѣющими свою страну. Ганси о тѣхъ же патріотахъ говоритъ, какъ о «про-

клятыхъ іудахъ». Въ англійскомъ парламентѣ въ 1901 г. восхвалялись дѣянія «національныхъ лазутчиковъ», National Scouts, т. е. бургеровъ, не только признавшихъ фактъ завоеванія, но и оказавшихъ англичанамъ активную помощь. Дѣятельность «національныхъ лазутчиковъ» объяснялась въ парламентѣ такъ. Дѣйствительные патріоты, глубоко страдая отъ несчастій родины, рѣшили возможно скорѣе установить порядокъ. Съ этой цѣлью они помогаютъ англичанамъ справиться съ шайками мародеровъ. Лордъ Мильнеръ, по иниціативѣ котораго мирныхъ бургеровъ убѣждали и соблазняли поступить въ національные лазутчики, ходатайствовалъ у правительства, чтобы имъ были выданы исключительныя награды. Ганси съ презрѣніемъ и ненавистью говоритъ о національныхъ лазутчикахъ и о всѣхъ «патріотахъ изъ карманныхъ соображеній» (pocket patriots). «Національные лазутчики представляли собою сильный и организованный полкъ, отлично знакомый какъ съ тактикой бургеровъ, такъ и съ страной. То была страшная и опасная сила, присоединившаяся къ непріятелю». Ганси съ глубокимъ негодованіемъ говоритъ о шпіонахъ, которыхъ англичане подсылали къ бургерамъ (къ воюющимъ и къ нейтральнымъ, жившимъ въ городахъ). Въ ея изображеніи эти шпіоны—гадины, отвратительныя даже по внѣшнему облику. Черезъ нѣсколько страницъ Ганси съ гордостью говоритъ о томъ, какъ сама добыла военный дорожникъ, секретно изданный англичанами. Она съ восторгомъ описываетъ сложную систему шпіонства, установленную бургерами и ею самою. Тайные агенты узнавали не только, что намѣрены сдѣлать англичане, но также имена «національныхъ лазутчиковъ». И списки съ этими именами Ганси сообщала потомъ начальнику развѣдочнаго бюро—капитану Нодэ, котораго изображаетъ героемъ и рыцаремъ. Имѣя въ рукахъ эти списки, Нодэ приказывалъ разстрѣлять каждаго «національнаго лазутчика», попавшагося бургерамъ. По мнѣнію Ганси, казненные вполнѣ заслужили свою участь, потому что именно они погубили двѣ республики.

— Что заставило бургеровъ сдаться въ концѣ концовъ?—спрашиваютъ у Ганси.—Концентраціонные лагери?

— Нѣтъ,—отвѣчаетъ она.—Въ концѣ концовъ, когда наиболѣе слабые и старые умерли и остались только сильные, молодые и здоровые, смертность въ концентраціонныхъ лагеряхъ сильно сократилась. Затѣмъ англичане начали лучше заботиться о плѣнныхъ женщинахъ: раціоны были увеличены, и пища стала лучше.

— Въ такомъ случаѣ сопротивленіе бургеровъ было сломлено тѣмъ, что англичане вооружили негровъ?

— Нѣтъ, вооруженные черные не были страшны бургерамъ.

— Въ такомъ случаѣ, что же могло заставить бургеровъ сдаться?

— Вы забываете про національныхъ лазутчиковъ, про бургеровъ-іудъ. *Они* сломили нашу силу. Не ихъ умѣньемъ владѣть оружіемъ достигли они этого, не знаніемъ нашей страны и нашей военной тактики, но тѣмъ, что убили нашъ энтузіазмъ, потушили порывъ, нашу вѣру, нашу надежду».

Ганси изображаетъ военнаго губернатора Преторіи какъ гуманнаго, корректнаго и благороднаго человѣка. Врядъ ли часто въ городѣ, занятомъ непріятелемъ, происходятъ такого рода сцены. Ганси является къ военному губернатору, чтобы хлопотать объ улучшеніи условій въ концентраціонномъ лагерѣ. Губернаторъ предлагаетъ ей немедленно отправиться въ лагерь, чтобы составить докладъ. Ганси соглашается, но вспоминаетъ, что въ карманѣ у ней крайне важное письмо, которое надо отправить въ Голландію.

— У меня *частное* письмо,—говоритъ она губернатору.—Я вамъ даю слово, что тамъ ничего нѣтъ про войну; но я не могу дать его цензору на просмотръ. Могу ли я васъ просить отправить письмо? Могу васъ увѣрить, что...

— Съ удовольствіемъ,—прервалъ ее военный губернаторъ.—Я его отправлю.

— Спасибо. Сказать вамъ содержаніе?

— О, нѣтъ, я вамъ вѣрю.

Военный губернаторъ далъ мнѣ палочку сургуча.

— Это зачѣмъ?—спросила Ганси.

— Чтобы запечатать письмо.

— О, нѣтъ, я *вамъ вѣрю*!—съ улыбкой сказала Ганси.

Между тѣмъ, когда Ганси стала во главѣ тайнаго комитета, ей пришлось, пользуясь корректностью военнаго губернатора, собирать важныя для сражающихся бургеровъ свѣдѣнія. Разъ, когда она несла динамитъ, за ней начали слѣдить на улицѣ. Тогда Ганси зашла къ военному губернатору, разсчитывая на то, что знакомство съ такимъ лицомъ собьетъ шпіона. Дѣйствительно, такъ и вышло. Ганси полчаса пробесѣдовала съ военнымъ губернаторомъ, держа въ рукахъ корзиночку, въ которой былъ уложенъ динамитъ.

Мы видѣли цѣлый рядъ примѣровъ двойной морали и очевидную причину явленія.

Въ «Философскомъ словарѣ» Вольтеръ, полемизируя съ нѣкимъ Ле-Бо, авторомъ «Исторіи Нидерландовъ», сказавшимъ, между прочимъ, что «христіане имѣли понятіе о морали, а язычники нѣтъ»,

восклицаетъ: «Ахъ, г. Ле-Бо, авторъ четырнадцати томовъ! Гдѣ вы взяли эту глупость? Ну, а мораль Сократа, Цицерона, Эпиктета и Марка Аврелія? Слушайте же, г. Ле-Бо: есть только одна мораль, какъ существуетъ одна геометрія. Но мнѣ скажутъ, что большинство людей не знаетъ геометріи. Вѣрно. Но когда люди начинаютъ изучать геометрію, всѣ они признаютъ однѣ и тѣ же теоремы и аксіомы. Земледѣльцы, ремесленники, художники совсѣмъ не должны изучать Цицерона или Аристотеля, чтобы имѣть понятіе о морали. Какъ только они начинаютъ думать надъ взаимоотношеніемъ людей, то, не сознавая того, становятся учениками Цицерона. Индійскій красильщикъ, татарскій пастухъ и англійскій матросъ имѣютъ представленіе о томъ, что справедливо и что нѣтъ. Конфуцій не выдумалъ систему морали (какъ не выдумываютъ систему физики), а нашелъ ее въ сердцахъ людей». Мы теперь знаемъ, что моральное чувство—*соціальный* инстинктъ, возникающій у индивидуума подъ вліяніемъ того, что выгодно и удобно для общества, растущій и развивающійся вмѣстѣ съ обществомъ. Дикарь, считающій все дозволеннымъ въ отношеніи къ дикарю другого племени, строго соблюдаетъ кодексъ морали, признаваемый въ *его* племени. Въ настоящее время двойная мораль является результатомъ того, что индивидуумъ, принадлежащій къ одному государству, къ одной націи или къ одному классу смотритъ на индивидуума другого государства, другой націи или другого племени, какъ дикарь одного клана на представителя другого клана. Геометрическія понятія, конечно, непримѣнимы въ вопросахъ морали. Мы видѣли, какъ различно смотрѣли англичане и бургеры на то, что нравственно и что безнравственно. Абсолютъ въ данномъ случаѣ невозможенъ, покуда люди раздѣлены на націи съ противоположными интересами. Понятія о нравственномъ и безнравственномъ мѣняются въ зависимости отъ того положенія, въ которомъ находится данное общество. Что сегодня безнравственно (напр., сожженіе имущества, убійство, шпіонство и т. д.), можетъ завтра стать похвальнымъ, разъ существуетъ дѣленіе на націи и классы. Появленіе законодателя нравственности, который составитъ кодексъ морали, освященный какими угодно традиціями, не содѣйствуетъ установленію единой морали. Напротивъ, именно признанные истолкователи освященнаго кодекса сами утверждали всегда, что мораль—двойственна: по кодексу, напр., убивать нельзя, но бываютъ случаи, когда убійство не только не преступленіе, но похвальное дѣяніе, угодное сверхъестественному законодателю. Надо только, чтобы убійство было не единичное, а массовое. Трудно сказать, что приносило человѣчеству больше страданій: существованіе ли двойной морали или превращеніе одного кодекса

въ «геометрію». У Анатоля Франса это хорошо выражено въ разговорѣ двухъ праведныхъ судей.

— Я стою за то, что написано,—говоритъ одинъ судья.—Первый законъ былъ начертанъ на камнѣ. Это—символъ того, что дѣйствіе закона—покуда существуетъ міръ.—Какъ только законъ написанъ, онъ уже устарѣлъ, — отвѣчаетъ другой праведный судья. Ибо рука пишущаго движется медленно, а духъ человѣческій окрылёнъ, и судьбы людей мѣняются.

— Судья, раскрой твою книгу и прочти, что въ ней написано. Вотъ что самъ Господь продиктовалъ вѣрующимъ: «Sic locutus est patribus nostris Abraham et semini ejus in soecula».

— То, что написано мертвыми, будетъ вычеркнуто живыми. Иначе воля отошедшихъ уже утвердится надъ волей живущихъ. Тогда получится, что мертвые будутъ живыми, а живые—мертвыми.

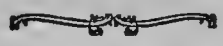
— Живые должны повиноваться законамъ, продиктованнымъ умершими уже. Передъ лицомъ Бога живущіе еще и отошедшіе—современники: Моисей и Киръ, Цезарь и Юстиніанъ управляютъ еще нами, такъ какъ передъ лицомъ Того, кто вѣченъ, мы—ихъ современники.

— Живые должны получать свои законы отъ живыхъ,—говоритъ второй праведный судья.—Зороастръ и Нума Помпилій меньше насъ могутъ научить, что слѣдуетъ дѣлать, чѣмъ любой сапожникъ (Anatole France, «Les juges intègres»).

Понятія о нравственномъ и безнравственномъ мѣняются въ зависимости отъ времени, отъ соціальныхъ условій и отъ развитія даннаго общества. То, что считалось раньше моральнымъ, можетъ быть признано потомъ имморальнымъ, и наоборотъ, смотря потому, насколько данный поступокъ является общественно-полезнымъ, общественно-вреднымъ или общественно-безразличнымъ. Все это такъ; но *одновременно* одно и то же явленіе не должно быть и моральнымъ, и имморальнымъ. Необходимы, поэтому, такія условія, при которыхъ возможно больше людей *одновременно* не расходились бы въ оцѣнкѣ извѣстнаго поступка. Наиболѣе грубую аберрацію, вслѣдствіе которой одно и то же дѣяніе можетъ одновременно казаться людямъ и преступленіемъ, и великимъ подвигомъ, создаетъ, какъ мы видѣли, война (а также политика наступательнаго націонализма). Какъ только въ Южной Африкѣ установился миръ, какъ только обѣ враждовавшія національности поставлены были въ одинаковыя, нормальныя условія,—въ три-четыре года тамъ разсѣялась та національная ненависть, подъ вліяніемъ которой Ганси осуждаетъ, напр., шпіонство, когда оно выгодно англичанамъ, и похваляется имъ, когда оно выгодно бургерамъ. Въ поразительно короткое время враждовавшія

національности, признававшія, что все дозволено по отношенію къ другой, соединились для вырабатыванія общей культуры. Осуществись проектъ лорда Мильнера, т. е. будь въ Южной Африкѣ введена конституція, построенная на подчиненіи голландцевъ англичанамъ, не будь въ 1910 г. введено полное равенство между двумя народами,—мы и теперь имѣли бы отдѣльную голландскую мораль и отдѣльную англійскую. Голландцы бы и теперь, какъ Ганси въ 1901 году, понимали и безусловно одобряли бы поступокъ, скажемъ, Альманзора, о которомъ мы читаемъ у Мицкевича, въ *Конрадѣ Валленродѣ* [1]). Когда Ганси вела свой дневникъ, она не думала, конечно, что черезъ десять лѣтъ вожди бургеровъ, вмѣстѣ съ англичанами, составятъ одно министерство для веденія южно-африканскихъ дѣлъ. Люди, если захотятъ, могутъ создать такія условія, при которыхъ два діаметрально-противоположныхъ взгляда на одинъ и тотъ же поступокъ станутъ *излишни*.

Діонео.



---

[1]) Изъ осажденной Гренады, гдѣ появилась чума, въ станъ испанцевъ явился знаменитый полководецъ, Альманзоръ. Онъ говоритъ, что рѣшилъ измѣнить своимъ. Кастильцы радостно привѣтствуютъ его. Тогда Альманзоръ срываетъ тюрбанъ и топчетъ его ногами: мавританскій воинъ хочетъ оставить исламъ и принять христіанство. Кастильцы обнимаютъ и цѣлуютъ Альманзора, который тоже цѣлуетъ всѣхъ. И вдругъ испанцы съ ужасомъ видятъ, что лицо у Альманзора чернѣетъ, а на губахъ клубится пѣна: мавританскій полководецъ боленъ чумой. И когда Альманзоръ замѣчаетъ ужасъ испанцевъ, онъ хохочетъ и восклицаетъ: «вы думаете, что я принесъ вамъ измѣну и миръ. Смерть я вамъ принесъ. Я вамъ всѣмъ передалъ теперь чуму». Пѣсня про Альманзора, вставленная въ поэму Мицкевича, является наиболѣе яркимъ примѣромъ той страшной ненависти, которую поработители вызываютъ у порабощенныхъ.

ШВЕЙЦАРСКІЙ ГОРОДЪ.

(Письмо изъ Швейцаріи).

Швейцарская демократія—одна изъ самыхъ знатныхъ и родовитыхъ демократій міра. Она ведетъ свою родословную отъ средневѣковыхъ самоуправляющихся общинъ, отъ которыхъ въ нынѣшней Швейцаріи не только сохранился могущественный демократическій духъ, но мѣстами уцѣлѣли и учрежденія.

Въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ наряднаго, во все новѣйшее облеченнаго Цюриха вы встрѣчаете старыя, мрачныя общины горныхъ кантоновъ, въ которыхъ еще со среднихъ вѣковъ сохранилось общинное владѣніе пастбищами, общинныя печи, которыми пользуется каждая семья попеременно, и цѣлый рядъ мелкихъ и характерныхъ воззрѣній и учрежденій средневѣковой демократіи. Еще не успѣли исчезнуть эти остатки и пережитки средневѣковаго общиннаго соціализма, какъ появился и расцвѣлъ новый, муниципальный соціализмъ.

И эта яркая молодая зелень новой муниципальной демократіи представляетъ чрезвычайно красивое и рѣдкое сочетаніе съ желтѣющимъ мхомъ средневѣковой общинной жизни. Но мертвое не только не тормозитъ здѣсь живого, а наоборотъ, какъ бы передаетъ ему въ наслѣдіе неумирающій, вѣчно творческій духъ демократіи, позволившій крохотной и бѣдной странѣ сохранить свою цѣлость и единство, несмотря на разноплеменность и разноязычность, и въ самомъ центрѣ Европы создать цвѣтущее государство, съ прекрасными учрежденіями, съ народнымъ войскомъ, народною школою, народнымъ правительствомъ.

Этотъ исторически воспитанный духъ демократіи позволилъ швейцарскимъ городамъ развить широкую и плодотворную соціально-политическую дѣятельность въ томъ направленіи, которое уже давно окрещено именемъ муниципальнаго соціализма.

Городское самоуправленіе въ Швейцаріи насквозь демократично. Все оно сверху до низу опирается на выборное начало; всѣ совершеннолѣтніе пользуются всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Въ этомъ отношеніи швейцарскіе города стоятъ въ первыхъ рядахъ европейскихъ демократій. Но они располагаютъ еще одною полити-

ческою особенностью: въ нихъ, какъ и въ общеполитической жизни Швейцаріи, на ряду съ представительнымъ правленіемъ сохранилось непосредственное народное управленіе, народоправство.

Въ разныхъ городахъ и кантонахъ Швейцаріи оно сохранилось въ разной формѣ и въ различной степени. Основное его начало сводится къ референдуму и къ праву иниціативы. Такъ напр., въ Бернѣ горожанамъ достаточно собрать 500 подписей (а полноправныхъ горожанъ въ Бернѣ около 100 тысячъ) подъ проектомъ въ области городского хозяйства, чтобы власть должна была поставить его на общенародное голосованіе и, въ случаѣ принятія его, провести его въ жизнь.

При этихъ условіяхъ между населеніемъ и управленіемъ швейцарскаго города нѣтъ никакого антагонизма: швейцарскій городъ создаетъ свое управленіе самъ по образу и подобію своему, и если онъ не доволенъ своимъ созданіемъ, то посредствомъ референдума онъ всегда можетъ отклонить неугодные ему проекты, а посредствомъ иниціативы разработать и провести ему угодные. При ближайшихъ же выборахъ швейцарскій горожанинъ, конечно, не подастъ голосъ за тѣхъ, кѣмъ онъ остался недоволенъ.

Пользуясь такими широкими правами и возможностями, швейцарскій горожанинъ меньше всего склоненъ вносить вѣчныя колебанія и анархію въ городское самоуправленіе. Наоборотъ, благодаря широкой гласности, непосредственной близости между обывателемъ и городскимъ управленіемъ, всегда ясно опредѣляются нужные люди для соотвѣтствующаго мѣста. Ихъ замѣчаютъ и выбираютъ. И какъ прочно сидятъ они на своихъ мѣстахъ, какъ превосходно исполняютъ свое дѣло! «Толпа» не обнаруживаетъ никакихъ капризовъ воли и вкуса. Все идетъ въ одномъ направленіи, безъ обрывовъ, зигзаговъ и возвращеній вспять.

Конечно, тотъ процессъ соціально-экономическаго развитія, который повсюду вызвалъ капиталистическую концентрацію съ одной стороны, и ростъ соціалистической арміи—съ другой, отразился и на швейцарскихъ городахъ. Началъ быстро рости процентъ соціалистическихъ представителей въ городскихъ управленіяхъ Швейцаріи. Въ базельской думѣ, напр., засѣдаютъ 39 соціалистовъ, въ бернской—30, въ цюрихской—49. Соціалистическіе «гласные» внесли въ дѣятельность городского самоуправленія Швейцаріи еще болѣе рѣзко выраженную демократическую ноту.

Жизнь швейцарскаго горожанина не только съ колыбели, но даже съ утробнаго существованія уже встрѣчаетъ заботливое вниманіе города. Мы не говоримъ уже о городскихъ пріютахъ для роженицъ и т. п.—это вещи элементарныя. Но въ нѣкоторыхъ швей-

царскихъ городахъ имѣется спеціальный штатъ полу-экономокъ и полу-сидѣлокъ, которыхъ посылаютъ къ роженицамъ, къ беременнымъ и больнымъ женщинамъ, для присмотра за дѣтьми и для завѣдыванія хозяйствомъ. Цюрихъ, напр., по послѣднему имѣющемуся у насъ подъ руками отчету, истратилъ въ годъ 8.250 франковъ на содержаніе этого штата сидѣлокъ. Когда ребенокъ рождается, его ждетъ, если его родители неимущіе, цѣлый рядъ городскихъ учрежденій: ясли, пріюты и т. д. Во многихъ городахъ введена безплатная раздача молока для младенцевъ. Едва ребенокъ подростетъ, къ его услугамъ дѣтскіе сады, устроенные городомъ, спеціальные дѣтскіе пріюты, куда маленькихъ дѣтей принимаютъ на тѣ часы, когда мать и отецъ ихъ на работѣ, и за ними некому присмотрѣть.

Какъ только поднимутся глаза ребенка надъ столомъ—его ждетъ уже безплатная, обязательная превосходно поставленная швейцарская школа. Здѣсь не мѣсто на ней останавливаться. Мы должны лишь отмѣтить, что швейцарскій городъ уже давно пересталъ довольствоваться простымъ воспитаніемъ и образованіемъ дѣтей, хотя бы прекраснымъ и безплатнымъ. Онъ распространилъ свои заботы на ихъ всестороннее развитіе и на то, чтобы учащіеся не были голодны. Швейцарскіе города одинъ за другимъ стали поднимать и утвердительно рѣшать вопросъ о снабженіи дѣтей безплатными учебными пособіями. Разные города по разному разрѣшили эту задачу, но большинство раздаетъ неимущимъ ученикамъ (для временнаго пользованія или въ полную собственность) книги, тетради, карандаши, перья и т. д. Въ школахъ стали вводить безплатные завтраки для всѣхъ желающихъ. Въ однихъ мѣстахъ дѣтямъ выдаютъ безплатные завтраки лишь въ теченіе двухъ зимнихъ мѣсяцевъ—января и февраля, въ другихъ — три-четыре мѣсяца, въ третьихъ — въ теченіе всего учебнаго года. Нѣкоторые города пошли дальше: дѣтямъ бѣдныхъ родителей стали выдавать одежду и обувь. Цюрихъ, напр., на ряду съ огромными расходами на безплатное народное обученіе, тратитъ теперь десятки тысячъ въ годъ, чтобы въ его школахъ не было голодныхъ и неодѣтыхъ дѣтей.

Съ окончаніемъ учебнаго года заботы городского самоуправленія объ учащихся дѣтяхъ не прекращаются. Больныя и слабыя дѣти неимущихъ родителей могутъ воспользоваться безплатными лѣтними колоніями, которыхъ въ Швейцаріи насчитывается 47. На ряду съ ними существуютъ постоянныя колоніи для хронически-больныхъ дѣтей, трудно переносящихъ городскую жизнь. Для этихъ дѣтей въ послѣдніе годы стали строить спеціальныя школы въ лѣсу или въ горахъ. Бѣдные ученики пользуются отъ города безплатною медицинскою помощью, безплатными экскурсіями по окрестностямъ.

Эта заботливость о дѣтяхъ, на ряду, конечно, съ созданіемъ общихъ гигіеническихъ условій жизни, сказалась прежде и яснѣе всего въ сравнительно невысокой и все падающей дѣтской смертности въ Швейцаріи.

Отъ дѣтей перейдемъ къ взрослымъ.

Передъ городской демократіей Швейцаріи всталъ вопросъ о неимущемъ населеніи. Ему на помощь можно было прійти въ двоякомъ отношеніи: непосредственно—путемъ подысканія работы, устройства всевозможныхъ кассъ, пріютовъ, работныхъ домовъ, выдачи пособій, и косвенно — путемъ улучшенія и удешевленія жизни — квартиръ, продуктовъ и т. д. Оба эти пути широко использованы швейцарскимъ городомъ. Онъ прежде всего позаботился о рабочихъ, занятыхъ въ городскихъ предпріятіяхъ.

Въ этомъ отношеніи въ Швейцаріи что городъ, то обычай. Число рабочихъ часовъ и оплата труда—самыя различныя, но можно отмѣтить тяготѣніе къ восьмичасовому рабочему дню и пятифранковому минимальному вознагражденію въ день. Швейцарскіе города тѣмъ ближе къ этому знаменателю, чѣмъ сильнѣе представлены въ нихъ рабочіе классы и чѣмъ вообще промышленнѣй городъ. Въ Цюрихѣ уже установлена минимальная плата для городскихъ рабочихъ въ 5 фр. въ день, и въ нѣкоторыхъ отрасляхъ городского хозяйства введенъ восьмичасовой рабочій день.

Для городскихъ рабочихъ существуетъ множество всевозможныхъ кассъ. Городъ помогаетъ своимъ рабочимъ въ случаѣ болѣзни, слабости, старости по очень пестрой и въ разныхъ городахъ различной системѣ. Но нигдѣ не предоставляетъ онъ заболѣвшаго или стараго рабочаго собственной участи, вездѣ приходитъ на помощь какъ ему самому, такъ и его семьѣ. Всѣ городскіе рабочіе разъ въ году получаютъ отпускъ, длительность котораго зависитъ отъ числа лѣтъ, въ теченіе которыхъ рабочій находится на городской службѣ.

Несравненно болѣе широкая и разнообразная дѣятельность раскрывается передъ швейцарскимъ городскимъ управленіемъ въ области борьбы за улучшеніе и удешевленіе городской жизни.

Жилищная нужда—одна изъ тяжелыхъ и постоянныхъ заботъ жителя большого города. Если въ швейцарскихъ городахъ она не такъ остро чувствуется, то только благодаря умѣлой политикѣ городскихъ самоуправленій. Прежде всего устроены были безплатныя бюро для указанія квартиръ. Большинство швейцарцевъ пользуются этими бюро при пріисканіи квартиръ, при чемъ бюро не только не скрываютъ, но прямо указываютъ недостатки квартиръ.

Ставя себѣ дальше задачей борьбу съ антигигіеничными квартирами, швейцарское городское самоуправленіе учреждаетъ обле-

ченную широкими полномочіями жилищную инспекцію. Но очень скоро приходятся убѣдиться, что такія мѣры будутъ безсильны до тѣхъ поръ, пока къ услугамъ обывателя не будетъ достаточный выборъ гигіеничныхъ и дешевыхъ квартиръ. А такъ какъ частная предпріимчивость не удовлетворяла растущаго спроса на квартиры, то городское самоуправленіе принимается за энергичную стройку собственныхъ домовъ. Уже въ 1899-мъ году городъ Бернъ тратитъ милліонъ франковъ на устройство дешевыхъ квартиръ. За нимъ слѣдуютъ другіе города, и очень скоро постройка муниципальныхъ домовъ становится необходимою составною частью дѣятельности городского управленія. Цюрихъ создаетъ цѣлый блокъ такихъ квартиръ. Соединяя всѣ удобства съ дешевизною, онѣ не только быстро заполняются жильцами, но уменьшаютъ жилищную нужду и заставляютъ частныхъ домохозяевъ понизить цѣны на квартиры и повысить ихъ комфортабельность.

Въ Цюрихѣ, одномъ изъ самыхъ густо населенныхъ и промышленныхъ городовъ Швейцаріи, прекрасно обставленныя квартиры въ городскихъ домахъ обходятся: три комнаты съ кухнею и всѣми удобствами—500—600 фр. въ годъ (т. е. менѣе 20 р. въ мѣс.), въ 4 комнаты—отъ 600 до 700 фр. въ годъ, т. е. менѣе 25 р. въ мѣс. Швейцарскіе города сумѣли создать самые различные типы городскихъ домовъ. Есть дома для городскихъ служащихъ, есть большіе дома, населенные многими семьями, есть и маленькіе дома-сады, разсчитанные на два—три семейства. Если просмотрѣть таблицу цѣнъ на квартиры въ частныхъ и городскихъ домахъ Швейцаріи, то бросается въ глаза слѣдующая картина. Пока городскихъ домовъ мало, разница этихъ цѣнъ очень велика: частныя квартиры въ $1^1/_2$ раза дороже городскихъ. Но по мѣрѣ того, какъ растетъ число городскихъ и кооперативныхъ домовъ, квартирная нужда насыщается, и цѣны на частныя квартиры падаютъ. Благодаря этому городская строительная дѣятельность не только доставляетъ дешевыя квартиры своимъ сравнительно немногочисленнымъ жильцамъ, но и понижаетъ общій уровень цѣнъ на квартиры во всемъ городѣ и повышаетъ требовательность по отношенію къ благоустроенности квартиръ.

Жилищная дѣятельность швейцарскихъ городовъ не только разростается, но и создаетъ все новыя формы. Въ послѣдніе годы городъ стремится создать дома-сады, въ пригородахъ, соединивъ ихъ дешевыми путями сообщенія съ центромъ. Наконецъ, въ виду большихъ расходовъ и чрезвычайной сложности дѣла городской постройки домовъ, швейцарскія городскія самоуправленія выдаютъ дешевыя ссуды кооперативнымъ обществамъ и отводятъ имъ на выгодныхъ условіяхъ городскія земли. Городъ оставляетъ лишь за собою право

контроля надъ созданными съ его помощью кооперативными домами. Контроль сводится къ наблюденію за тѣмъ, чтобы квартирныя цѣны не были высоки, и чтобы квартиры обставлены были всѣми удобствами. Какъ показалъ опытъ, объединенная дѣятельность кооперативовъ и муниципалитетовъ дала наиболѣе благопріятные результаты въ борьбѣ съ жилищною нуждою.

Въ послѣднее время швейцарскіе города въ борьбѣ съ жилищною нуждою стали пользоваться «правомъ застройки», какъ оно формулировано въ новомъ гражданскомъ кодексѣ Швейцаріи. Это право даетъ городу возможность отдавать свою землю для застройки отдѣльнымъ обществамъ и союзамъ. Арендаторъ является какъ бы срочнымъ или временнымъ собственникомъ даннаго участка, подлежащаго наслѣдованію, отчужденію, закладу. Онъ лишь обязанъ застроить участокъ опредѣленнаго типа домами.

Этотъ новый видъ строительной дѣятельности представляетъ для города большія удобства. Городъ сохраняетъ въ своихъ рукахъ городскую землю, избавляясь въ то же время отъ необходимости самому заниматься постройкой домовъ. Арендаторъ же, нанимая землю на льготныхъ, чуждыхъ спекуляціи условіяхъ и на долгій срокъ, не долженъ учитывать стоимость земли и ростъ земельной ренты. Онъ затрачиваетъ сравнительно небольшой капиталъ, такъ какъ землю беретъ лишь въ наемъ, и вдобавокъ пользуется дешевымъ городскимъ кредитомъ. Арендный договоръ заключается на 20—30 лѣтъ, по истеченіи которыхъ городъ или возвращаетъ арендатору всѣ затраты по постройкѣ дома, и домъ переходитъ въ городскую собственность, или возобновляетъ съ нимъ контрактъ на новыхъ условіяхъ.

Это «право застройки» уже вызвало въ Базелѣ появленіе большого кооперативнаго общества, которое, пользуясь имъ, заключало съ городомъ контракты на 30 лѣтъ и успѣло создать 13 домовъ съ 53 квартирами, которыми пользуются преимущественно малоимущіе слои населенія (мелкіе торговцы, служащіе, учителя). Всѣ они состоятъ членами строительнаго товарищества. При вступленіи они вносятъ 250 фр., что составляетъ цѣнность пая. Взносъ этотъ можетъ быть сдѣланъ въ разсрочку по 50 сант. (т. е. по 18 коп.) въ недѣлю и долженъ быть погашенъ въ 10 лѣтъ. Такая разсрочка показываетъ, что общество разсчитано на очень малоимущихъ членовъ. И опытъ показалъ, что это новое общество дѣйствительно объединило мелкій служащій и торгующій людъ.

Швейцарскій городъ не остается пассивнымъ зрителемъ растущей дороговизны жизни. Онъ беретъ въ свои руки продажу многихъ продуктовъ первой необходимости. Въ Бернѣ городское управленіе продаетъ картофель и уголь по стоимости ихъ закупки, въ Женевѣ

субсидируются нѣкоторыя народныя столовыя и кухмистерскія, подъ условіемъ пониженія цѣнъ. Базель беретъ въ свои руки торговлю картофелемъ и углемъ; С. Галленъ присоединяетъ сюда морскую рыбу.

Къ Цюрихскому городскому управленію союзъ рабочихъ обратился съ запиской, въ которой, указывая на растущую дороговизну жизни и алчность торговцевъ, проситъ городъ принять рядъ мѣръ, необходимыхъ для борьбы съ повышеніемъ цѣнъ, съѣдающимъ весь заработокъ рабочаго населенія. Къ запискѣ былъ приложенъ обширный, подробно разработанный планъ борьбы города съ дороговизною. Городское управленіе тотчасъ же откликнулось на эту записку и приступило къ обдуманнымъ и обширнымъ мѣропріятіямъ. Оно взяло въ свои руки продажу картофеля, этого наиболѣе «демократическаго» источника питанія. Картофель продавался частнымъ лицамъ по заготовительной цѣнѣ, что выходило въ полтора раза дешевле лавочныхъ цѣнъ. Въ первый же годъ городъ продалъ 192.550 килограммовъ картофеля. На помощь ему пришли желѣзныя дороги, понизивъ тарифъ на перевозку картофеля, выписываемаго городомъ. Продажа картофеля городомъ привела къ тому, что частные продавцы вынуждены были понизить цѣну, на что они прежде, не смотря на всѣ предложенія городского управленія, не соглашались.

Принимая во вниманіе дороговизну мяса, Цюрихъ взялъ на себя доставку и продажу по дешевой цѣнѣ морской рыбы. Такъ какъ жители Цюриха не привыкали, однако, къ ея потребленію, а цюрихскія хозяйки не умѣли ее хорошо готовить, то городское самоуправленіе организовало безплатные курсы для обученія приготовленію морской рыбы (Fischkochkurse). Городскимъ управленіемъ издана спеціальная брошюра: «Какъ приготовлять морскую рыбу», которая раздается всѣмъ желающимъ безплатно.

Обезпечивъ горожанамъ сравнительно дешевую рыбную пищу, цюрихскій муниципалитетъ принимается за мясо. Городское самоуправленіе организуетъ въ широкомъ масштабѣ выписку замороженнаго мяса изъ Аргентины. Устраиваются превосходные городскіе холодильники, въ которыхъ мясникамъ разрѣшается безплатно держать замороженное аргентинское мясо. Это мясо, благодаря умѣлой дѣятельности городского управленія, продается въ мясныхъ лавкахъ Цюриха на 25—35% ниже, чѣмъ мѣстное мясо и, благодаря своей дешевизнѣ, хотя и медленно, но все же входитъ въ народное питаніе. Не ограничиваясь борьбою за дешевое питаніе, Цюрихъ принимается и за удешевленіе топлива. Нуждающимся или многосемейнымъ горожанамъ Цюрихское городское управленіе доставляетъ топливо по цѣнѣ на 40—50% болѣе низкой, чѣмъ у частныхъ продавцевъ.

Чтобы дорисовать соціально-экономическую дѣятельность швей-

царскаго городского управленія упомянемъ еще о необычайно энергичной и плодотворной борьбѣ швейцарскихъ городовъ съ фальсификаціей продуктовъ. Въ Швейцаріи имѣется два десятка городскихъ лабораторій, образцово поставленныхъ и ведущихъ чрезвычайно энергичную борьбу съ фальсификаціей. Въ виду чрезвычайно высокихъ наказаній за фальсификацію (за фальсификацію, напр., молока—до года тюремнаго заключенія) и энеричной дѣятельности городскихъ лабораторій, продукты въ Швецаріи фальсифицируются менѣе, чѣмъ гдѣ-либо. Городскія лабораторіи берутъ время отъ времени для изслѣдованія воздухъ въ школахъ. И если анализъ не соотвѣтствуетъ установленной нормѣ, то городское самоуправленіе или перестраиваетъ школьное помѣщеніе, или уменьшаетъ число учениковъ въ классѣ.

Факты, приведенные нами, показываютъ достаточно ясно, какъ много дѣлаетъ швейцарскій городъ, чтобъ доставить горожанамъ болѣе гигіеничную, свѣтлую, сытую и разумную жизнь.

Городу въ этомъ отношеніи поставлены весьма опредѣленныя и не слишкомъ широкія границы, но что въ этихъ границахъ сдѣлать можно, то швейцарскій городъ дѣлаетъ.

Такую широкую, демократическую дѣятельность швейцарское городское самоуправленіе могло развить только благодаря демократическому избирательному праву. Нѣтъ на швейцарской городской думѣ и управѣ налета бюрократизма—и въ этомъ основная причина большого успѣха и смѣлаго размаха ихъ дѣятельности.

Городскіе дѣятели Швейцаріи—это вчерашніе и часто завтрашніе обыватели. Выбранные широкою городскою массою, изъ нея вышедшіе и въ нее возвращающіеся, они дѣло борьбы за лучшія условія жизни и труда горожанъ считаютъ своимъ личнымъ дѣломъ. Они сами духъ отъ духа и плоть отъ плоти своихъ согражданъ. Они знаютъ ихъ нужды, стремленія, взгляды и находятся въ постоянномъ общеніи съ ними.

При этихъ условіяхъ въ городскомъ управленіи не можетъ сложиться и застояться бюрократическая мертвечина. Духъ и голосъ жизни постоянно проникаютъ въ швейцарскія городскія самоуправленія, оживляютъ ихъ дѣятельность, придаютъ ей широкій демократическій характеръ.

Присматриваясь къ швейцарскимъ городскимъ выборамъ удивляешься, съ какимъ чутьемъ и тактомъ швейцарская городская масса находитъ и облекаетъ своимъ довѣріемъ нужныхъ и подходящихъ людей. Всѣ наблюдатели обращали вниманіе на тотъ любопытный фактъ, что хотя выборы городскихъ дѣятелей происходятъ

часто, и возможность ихъ постоянной смѣны велика и легка, большинство городскихъ работниковъ постоянно вновь и вновь переизбираются и служатъ какъ бы пожизненно.

Этотъ поучительный фактъ показываетъ, съ одной стороны, какъ внимательно городскіе дѣятели прислушиваются и присматриваются къ нуждамъ горожанъ и какъ усердно трудятся, и съ другой стороны—какъ швейцарская городская масса умѣетъ разбираться въ людяхъ и оцѣнять ихъ работу.

При демократическихъ условіяхъ жизни, воспитывающей и избирателей, и избираемыхъ, всегда ставящей ихъ лицомъ къ лицу, этому, впрочемъ, удивляться не приходится.

П. Берлинъ.

КОЛОНИЗАЦІЯ РАЙОНА АМУРСКОЙ ЖЕЛѢЗНОЙ ДОРОГИ.

I.

Районъ Амурской желѣзной дороги, о которомъ будетъ итти рѣчь, расположенъ въ предѣлахъ Забайкальской области и занимаетъ около 10 милліоновъ десятинъ. На югѣ имѣетъ онъ границей Шилку, достигая 52°15′ сѣверной широты, на сѣверѣ—южные склоны Яблоноваго хребта, подъ 54°, на востокѣ доходитъ до западной границы Амурской области, на западѣ—до р. Нерчи. Какъ колонизація района, такъ и его обслѣдованіе производились чисто-казеннымъ путемъ, по чиновничьи. Нужно было во что бы ни стало колонизовать край. Производитель работъ амурской партіи по образованію переселенческихъ участковъ, А. М. Черныхъ, нашелъ, что районъ является вполнѣ пригоднымъ для цѣлей колонизаціи. По раздѣленіи района на участки, переселенческое управленіе въ 1908-мъ году открыло его подъ переселеніе, съ опредѣленіемъ душевого земельнаго надѣла въ 15 десятинъ удобной земли. Между тѣмъ, въ 1911 г. агентъ областной земской переселенческой организаціи М. Лазаревъ пришелъ къ заключенію, что изъ 15 десятиннаго душевого надѣла

безусловно удобными для использованія можно считать лишь $2^1/_2$ десятины. А ботаникъ Новопокровскій, командированный въ районъ главнымъ переселенческимъ управленіемъ въ 1908-мъ году, въ своемъ отчетѣ говоритъ слѣдующее: «А. М. Черныхъ проектируетъ доставлять переселенцевъ въ районъ Куэнги, Бѣлаго Урюма и проч. на пароходахъ, которые въ полную воду подымаются вверхъ по р. Нерчѣ до деревни Зюльзиканской. Не говоря уже о Нерчѣ, даже и въ Шилкѣ, выше устья Нерчи, пароходы, насколько мнѣ извѣстно большая рѣдкость. По словамъ г. Черныхъ, въ поселкѣ Ушумунѣ колодцы имѣются въ большинствѣ дворовъ. Я тамъ не видѣлъ ни одного колодца, и всѣ тѣ, у кого я спрашивалъ относительно колодцевъ, говорили, что колодцевъ въ Ушумунѣ совсѣмъ нѣтъ, а воду для питья жители добываютъ изо льда, оттаивая въ избахъ. Попытка г. Черныхъ охарактеризовать растительность края является неудачной».

Послѣ «обслѣдованія» г. Черныхъ, началось заселеніе района. Осенью 1908-го года въ районѣ явились ходоки изъ губерній областной земской переселенческой организаціи и зачислили 838 долей. Водвореніе переселенцевъ началось весной 1909 года. Къ этому времени образовано было 12 переселенческихъ участковъ, емкостью въ 4006 долей (изъ кабинетскихъ земель). Весной 1910-го года, вслѣдствіе тяжелыхъ природныхъ и экономическихъ условій района, оттуда ушло 80 семействъ на 298 долей и отказалось отъ переселенія на 1,219 долей.

Г. Лазаревымъ обслѣдовано въ районѣ 316 семействъ. Изъ приводимой ниже таблицы видно, что представляютъ изъ себя эти переселенцы въ имущественномъ отношеніи, какъ на мѣстахъ выхода, такъ и на мѣстахъ вселенія (см. стр. 318).

Настоящая таблица открываетъ передъ нами многія стороны изъ жизни и быта переселенцевъ, какъ на мѣстахъ выхода, такъ и на мѣстахъ водворенія. Она даетъ возможность подойти, прежде всего, къ разрѣшенію одного изъ кардинальныхъ вопросовъ въ нашей переселенческой политикѣ. Какова экономическая устойчивость переселенцевъ? Дошли ли они у себя на родинѣ до послѣдней степени обнищанія и поѣхали въ Сибирь, не рискуя что-либо потерять?

Если мы возьмемъ ту общую сумму денегъ, которая была у переселенцевъ на мѣстахъ выхода, по ликвидаціи имущества (52,430), и раздѣлимъ ее на число семействъ, переселившихся изъ Россіи въ районъ (316), то на каждую семью придется всего около 165 р. Надо, конечно, принять во вниманіе низкую расцѣнку домашняго инвентаря въ Россіи вообще, а при ликвидаціи имущества—въ особенности. Представимъ себѣ цѣлую группу переселенцевъ, уѣзжаю-

НАЗВАНІЕ УЧАСТКОВЪ.	Сколько было денегъ на мѣстѣ выхода, по ликвидаціи имущества [1]).		Какая сумма принесена на мѣста водворенія.		На какую сумму привезено имущества.		Заработки за послѣдній годъ на мѣстахъ				Число семействъ.	Число душъ мужск. пола на мѣстѣ выхода.	Число десятинъ на мѣстѣ выхода		
							выхода		водвор.						
	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.	р.	к.			надв.	купл.	аренд.
Озерный	14.490	—	8.606	—	8.122	57	5.463	—	4.446	—	54	127	101¼	—	1
Кутулинскій	8.210	–	2.675	—	5.107	48	2.816	—	149	—	53	139	187	1½	—
Береинскій	6.467	—	2.935	—	3.942	70	2.994	—	776	80	46	82	69¼	—	3
Талокенскій	2.546	—	696	—	2.203	41	6.150	—	682	—	22	76	—	4	81
Елкидинскій	1.390	—	695	—	658	30	240	—	—	—	5	12	13½	7	—
Ерандаковскій . . .	6.635	—	4.404	—	6.127	71	4.115	—	1.112	—	58	89	76½	17	14
Агитинскій	800	—	400	—	241	60	50	—	—	—	1	6	7½	—	—
Букаченскій.	11.492	—	5.958	70	8.059	70	5.870	—	132	—	75	140	225¾	—	—
Буктитскій	400	—	155	—	188	10	150	—	—	—	2	5	7½	—	—
Итого . . .	52.430	—	26.524	70	34.651	57	27.848	—	7.342	80	316	676	690¼	29½	99

[1]) Сюда не входятъ уплоченные переселенцами долги, а равно и долги переселенцамъ, оставшіеся на мѣстахъ.

щихъ съ родины за Уралъ. Надо спѣшить съ выѣздомъ, чтобы не потерять дорогого времени на мѣстахъ водворенія. Покупателями имущества являются односельчане, которые сбиваютъ цѣну до minimum'а. Нерѣдко переселенцамъ приходилось продавать домъ съ постройками за 25—30 рублей, лошадь за 15—20 рублей. А мелкія вещи изъ домашняго инвентаря—сохи, бороны, сани и проч.—приходилось нерѣдко отдавать даромъ, или бросать на мѣстѣ.

Имущественная состоятельность переселенцевъ не можетъ, однако, быть выражена той средней суммой денегъ (165 р.), которая приходится на семью. Надо обратить вниманіе на ту графу въ таблицѣ, которая показываетъ, на какую сумму привезено имущества изъ мѣстъ выхода на мѣста водворенія. Сумма эта выражается цифрой въ 34.651 р. 57 коп., т. е. на каждую семью приходится, въ среднемъ, по 109 р. Цифра эта на первый взглядъ можетъ показаться большой, но если мы примемъ во вниманіе тѣ условія продажи имущества на мѣстахъ, о которыхъ говорилось выше, то ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что переселенцы привозятъ съ собой много вещей. Косвеннымъ путемъ въ этомъ послѣднемъ мы можемъ убѣдиться, принявъ во вниманіе ту сумму денегъ, которая принесена переселенцами съ собой на мѣста водворенія. Сумма эта составляетъ 26.524 р. 70 коп., т. е. равняется какъ разъ половинѣ той, которая была у переселенцевъ на рукахъ по ликвидаціи имущества, до выхода въ путь (52.430 р.). Переѣздъ семьи переселенца отъ мѣста выхода до Бушулейскаго переселенческаго пункта обходится, такимъ образомъ, въ среднемъ, въ 82 р. 50 коп., что для бюджета переселенца является довольно ощутительнымъ расходомъ. И эту сумму приходится затрачивать даже при дешевомъ тарифѣ.

Съ другой стороны сами, переселенцы находятъ болѣе выгоднымъ для себя брать возможно больше изъ домашняго инвентаря съ собой, чѣмъ продавать за безцѣнокъ или, въ худшемъ случаѣ, бросать на мѣстѣ. Не говоря о такихъ предметахъ, какъ сундуки, безъ которыхъ нельзя обойтись въ дорогѣ, берутся такія вещи, какъ кадки, въ которыя обыкновенно складываются мелкіе предметы; везутъ съ собой, далѣе, котлы (чугуны), инструменты—пилы, долото, рубанокъ, топоръ, иногда даже ломъ. Нерѣдко везутъ съ собой и сохи домашней работы, зубья отъ бороны, колеса отъ телѣги, а иногда и цѣлыя телѣги, косы, вилы, грабли. Большую цѣнность представляетъ заготовленная переселенцами на мѣстѣ одежда и обувь. Каждая семья, при выѣздѣ изъ Россіи, имѣла отъ 3-хъ до 5—6 смѣнъ бѣлья. Теплая одежда (шубы), за весьма незначительными исключеніями, была у всѣхъ. Многіе вывезли изъ Россіи цѣлыми кусками холстъ своей собственной работы. На всѣхъ участкахъ мнѣ приходилось слышать

одно и тоже: «донашиваемъ то, что привезли съ родины. Здѣсь не завели себѣ ни одной ниточки... Кабы не было запаса,—давно бы голые ходили». Переселенцы, пріѣхавшіе на участки въ 1909-мъ году, настолько обносились, что при мысли о приближающейся зимѣ впадали въ полное отчаяніе.

Итакъ, переселенцы, проѣхавъ длинный путь изъ за Урала и явившись на Бушулейскій переселенческій пунктъ, откуда они направляются по участкамъ, имѣютъ на рукахъ, въ среднемъ, по 82 р. 50 коп. на семью и домашняго инвентаря, вывезеннаго изъ Россіи, на 109 рублей. Съ этими-то средствами переселенцы идутъ на участки. Но вѣдь есть уклоненія отъ средней нормы, какъ въ сторону повышенія, такъ и пониженія. Переселенцевъ, принесшихъ съ собой денегъ на мѣсто водворенія отъ 400 до 1.000 р.—19 семействъ, отъ 100 до 300 руб.—57 семействъ. Съ другой стороны, семействъ, которымъ не хватило денегъ на дорогу, 28, съ участковъ: Талокенскаго 10, Ерандаковскаго 7, Букаченскаго 4, Курулинскаго 4, Береинскаго 3. Большинство изъ нихъ занимали деньги у переселенцевъ же, въ Стрѣтенскѣ, или не доѣзжая до Стрѣтенска въ количествѣ отъ 6 до 30 рублей. Только Курулинцамъ хватило денегъ лишь до Челябинска (одинъ занялъ 15 р., одинъ 25, двое по 20), да одинъ талокенецъ занялъ 50 р. на мѣстѣ выхода. Хватило денегъ (безъ остатка) 24 семействамъ до Бушулейскаго переселенческаго пункта: съ Озернаго 14, Береинскаго 4, Ерандаковскаго 2 и Талокенскаго 4. Отъ 5 до 50 р. принесли съ собой 45 переселенческихъ семействъ. Остальныя семейства принесли отъ 50 до 100 р.,

Такимъ образомъ, по имущественной состоятельности переселенцевъ района можно подраздѣлить на нѣсколько категорій, въ такомъ видѣ.

Очень состоятельныхъ семействъ	19	Принесли съ собой отъ 400 до 1000 р.
Достаточно состоятельныхъ . . .	57	» » » » 100 » 300 »
Средне-состоятельныхъ	146	» » » » 50 » 100 »
Ниже средняго	42	» » » » 5 » 50 »
Мало состоятельныхъ.	24	Хватило средствъ только на дорогу.
Несостоятельныхъ	28	Не хватило средствъ на дорогу.

Что касается имущества, привезеннаго переселенцами изъ Россіи на мѣста водворенія, то здѣсь нѣтъ такихъ колебаній, какъ въ количествѣ наличныхъ суммъ. Нерѣдко несостоятельные переселенцы, которымъ въ дорогѣ приходилось совершить заемъ, привозили съ собой вполнѣ достаточно домашняго инвентаря, одежды и обуви.

Что побудило переселенцевъ явно несостоятельныхъ, не имѣвшихъ достаточно средствъ на дорогу, оставить родину и направиться въ далекій край? Явленіе это не можетъ найти объясненія

въ простой нерасчетливости переселенцевъ: они не могли не знать размѣра расходовъ, связанныхъ съ дорогой. Сами переселенцы такъ разрѣшаютъ этотъ вопросъ: «Намъ такъ или иначе приходилъ конецъ; пропадать-ли на родинѣ, или въ чужомъ краѣ. Тамъ мы ужъ потеряли надежду улучшить свою жизнь. Что далѣе—то хуже. А тутъ, на новыхъ мѣстахъ, мы думали стать на ноги. И мы поѣхали туда, гдѣ много земли». Въ районъ амурской дороги переселенцы направились вмѣстѣ съ своими земляками, которые и снабжали ихъ деньгами въ дорогѣ. Надѣялись переселенцы на значительные заработки на постройкѣ амурской желѣзной дороги, нуждающейся въ рабочихъ рукахъ, о чемъ усиленно писало переселенческое управленіе.

Остановимся на заработкахъ переселенцевъ (побочныхъ и отхожихъ) на мѣстахъ выхода и водворенія. Изъ таблицы мы видимъ, что общая сумма заработковъ на мѣстѣ выхода превышаетъ такую-же сумму на мѣстѣ водворенія почти въ четыре раза (27,848—7,342)., хотя оцѣнка труда въ Россіи значительно ниже, чѣмъ въ Сибири вообще, а въ описываемомъ районѣ въ частности. Здѣсь намъ приходится столкнуться съ такъ называемымъ рабочимъ вопросомъ на дальневосточной окраинѣ.

Переселенческое управленіе, открывая подъ колонизацію районъ амурской желѣзной дороги, было преисполнено самыхъ лучшихъ надеждъ относительно работъ, которыя переселенцы найдутъ на дорогѣ, въ строительный періодъ. По соглашенію съ министерствомъ путей сообщенія переселенческое управленіе, въ цѣляхъ привлеченія на окраину какъ земледѣльческаго элемента, такъ и рабочихъ-ремесленниковъ, сдѣлало попытку привлечь послѣднихъ не только на строительный сезонъ, но и на постоянное жительство. Ожиданія, однако, не оправдались: не смотря на льготный, наравнѣ съ переселенцами, проѣздъ по желѣзной дорогѣ, на работы ѣдутъ лишь рабочіе-одиночки (не семейные) и лишь на строительный сезонъ.

Ошиблось переселенческое управленіе также и въ своихъ расчетахъ относительно заработковъ переселенцевъ. Цифра, съ которой знакомитъ насъ таблица, лучше всякихъ словъ говоритъ объ этомъ. Заработки ничтожны. Въ то время какъ на одну семью, въ среднемъ, въ Россіи приходилось 88 р. заработковъ въ годъ, въ районѣ приходится всего лишь 23 р. Правда, переселенцы-новоселы, особенно осѣвшіе на мѣста въ послѣдній годъ, за который взяты заработки, заняты были, въ большинствѣ случаевъ, постройкой домовъ, распашкой земли, заготовкой сѣна и т. д. У нихъ не всегда было свободное время, которымъ они могли бы воспользоваться для заработковъ. Но дѣло далеко не въ этомъ одномъ. Укажу примѣръ. На Озерномъ участкѣ есть переселенецъ по фамиліи Воронъ. У него

четверо дѣтей отъ 18 до 22 лѣтъ, т. е. хорошихъ работниковъ. Трое изъ нихъ ходили на «Амурку» на заработки. Работали три недѣли, безъ работы не сидѣли—и принесли всѣ трое заработокъ всего въ три рубля. На мой вопросъ, почему получился такой ничтожный заработокъ, Воронъ отвѣтилъ мнѣ, что главная причина—дороговизна содержанія. Что заработаютъ, то тутъ-же и проѣдятъ—говорилъ мнѣ старикъ. Рѣшилъ больше ужъ не посылать ихъ: нѣтъ никакого толку.

То же приходилось мнѣ слышать и отъ другихъ переселенцевъ. Съ дороговизной жизни на «Амуркѣ» можно было-бы мириться, если-бы дорога проходила или черезъ участки, или настолько недалеко отъ нихъ, что можно было бы обходиться на работахъ своимъ содержаніемъ. Между тѣмъ отъ участковъ до дороги приходится пройти разстояніе въ 20—40 и болѣе верстъ. Только одинъ Ерандаковскій участокъ расположенъ на линіи желѣзн. дороги. И мы видимъ, что заработки на этомъ участкѣ, при 58 семействахъ, выражаются въ суммѣ (1,112 р.), превосходящей сумму заработковъ въ двухъ взятыхъ вмѣстѣ участкахъ—Курулинскомъ и Береинскомъ (99 семействъ въ обоихъ участкахъ заработали 970 рублей).

Какъ видно изъ таблицы, большой заработокъ получили переселенцы на участкѣ Озерномъ (4,446 р.—больше половины заработковъ на всѣхъ участкахъ). Это объясняется тѣмъ, что Озерный участокъ ближе другихъ къ Бушулейскому переселенческому пункту; это даетъ возможность легче найти заработки какъ на самомъ пунктѣ, такъ и на желѣзной дорогѣ, которая проходитъ черезъ Бушулей. Отдаленность дороги отъ участковъ дѣлаетъ невозможными заработки для переселенцевъ и по другимъ причинамъ: малосемейные переселенцы не могутъ оставить своихъ семействъ и уходить изъ дому, какъ бы велика ни была ихъ нужда. Вообще-же переселенцы съ неохотой идутъ на дорогу, на работы въ сторонѣ.—Мы пріѣхали сюда заниматься хлѣбопашествомъ, говорятъ они,—а не ходить изъ дому по работамъ. Довольно ужъ мы ходили на работы у себя, въ Россіи. Думали, что здѣсь хлѣба съ насъ будетъ довольно, а выходитъ такъ, что и здѣсь приходится бѣгать по работамъ.

II.

Перейдемъ теперь къ постановкѣ переселенческаго дѣла въ районѣ, въ связи съ тѣми результатами, которые достигнуты за четыре года его колонизаціи.

Переселенцы ѣдутъ по желѣзной дорогѣ до Стрѣтенска. Отсюда идетъ трактовая дорога до Бушулея (50 верстъ). Въ Стрѣтенскѣ

переселенцы нанимаютъ подводы до Бушулея, уплачивая по 7—10 рублей съ воза. Нѣкоторые изъ нихъ, имѣя деньги, покупаютъ въ Стрѣтенскѣ лошадей и телѣги, на которыхъ и перевозятъ въ Бушулей свои семьи и багажъ. Тѣ изъ переселенцевъ, у которыхъ хватило денегъ только до Стрѣтенска, отправляются на Бушулейскій переселенческій пунктъ за пособіемъ, оставляя свои семьи въ Стрѣтенскѣ. Добравшись до пункта, переселенцы направляются къ завѣдывающему райономъ (вѣрнѣе—подрайономъ) «для прописки» и за пособіемъ. Съ полученіемъ пособія создается цѣлая исторія. Дѣло въ томъ, что переселенцамъ должна быть выдана домообзаводственная ссуда въ размѣрѣ 165 р. на семью и продовольственная—въ 150 р. Первая выдается завѣдывающимъ подрайономъ, по утвержденіи съѣздомъ крестьянскихъ начальниковъ, а послѣдняя—лишь по постановленію областного по крестьянскимъ дѣламъ присутствія, утвержденному губернаторомъ. Получить переселенцу ссуду домообзаводственную является дѣломъ не легкимъ. Между нимъ и завѣдывающимъ подрайономъ начинается, обыкновенно, торгъ относительно размѣра ссуды. Переселенецъ норовитъ получить возможно-бо́льшую часть ссуды, а завѣдывающій старается дать меньше. Въ концѣ концовъ обѣ стороны приходятъ къ соглашенію, останавливаясь на какой-нибудь суммѣ.

По существующимъ правиламъ о выдачѣ ссудъ переселенцамъ, послѣднимъ выдается домообзаводственная ссуда, по прибытіи на пунктъ, не сразу въ полномъ размѣрѣ, а по частямъ, по усмотрѣнію завѣдывающаго. Несомнѣнно, что отъ такой постановки дѣла не можетъ выиграть благоустройство переселенцевъ на новыхъ мѣстахъ. Для переселенцевъ первое полугодіе по прибытіи ихъ на участки является самымъ труднымъ временемъ. Нужно построить домъ и сдѣлать необходимыя къ нему пристройки, до помѣщенія скота включительно; нужно, затѣмъ, купить лошадь и корову, вспахать землю, заготовить сѣна, пріобрѣсти недостающій домашній инвентарь; надо, наконецъ, заготовить хлѣба и для посѣва, и для пропитанія. Все это на первыхъ порахъ требуетъ отъ переселенцевъ и затраты значительныхъ суммъ денегъ, и огромной энергіи.

А между тѣмъ что же мы видимъ въ дѣйствительности? Переселенцамъ, прибывшимъ на пунктъ, выдается изъ домообзаводственной ссуды по 10—15 руб. Деньги эти по большей части тутъ же затрачиваются переселенцами на покупку муки и прочихъ хлѣбныхъ припасовъ, необходимыхъ для семьи, послѣ чего они отправляются на свой участокъ. По прибытіи туда переселенцы устраиваютъ себѣ, обыкновенно, юрту изъ коры и лѣса, которая и стоитъ до окончанія постройки дома къ осени (большинство переселенцевъ

пріѣзжаютъ на участки весною). Получивъ часть ссуды и проживъ ее, переселенецъ вновь отправляется за ссудой, получая ее опять въ такомъ же размѣрѣ, а иногда и того меньше. Ссуда вновь идетъ на пропитаніе. Такъ дѣлается до тѣхъ поръ, пока не взята ссуда въ полномъ размѣрѣ. Такимъ образомъ домообзаводственная ссуда цѣликомъ уходитъ на содержаніе переселенцевъ; иначе говоря, она замѣняетъ собой продовольственную ссуду. Точно такимъ же путемъ получается и расходуется и продовольственная ссуда. Постройка дома при этомъ затягивается, отнимая все свободное время переселенца, который, за неимѣніемъ средствъ, старается обойтись собственными силами. Только тѣ изъ переселенцевъ, которые имѣютъ средства, привезенныя съ родины, поставлены въ лучшія условія. Если переселенцу не оказано поддержки на самыхъ первыхъ порахъ, когда онъ «не всталъ на ноги», то, понятно, съ теченіемъ времени ему еще труднѣе будетъ привести въ равновѣсіе свой бюджетъ. Наоборотъ, бюджетъ этотъ со временемъ неминуемо долженъ прійти въ полное разстройство, по мѣрѣ истощенія главнаго пока источника благосостоянія переселенцевъ — ссуды-пособія. Отсюда настроеніе переселенцевъ, подавленное, вызывающее упадокъ энергіи. Если ко всему этому прибавить еще трату времени переселенцами на полученіе ссуды, то мы увидимъ, что переселенческимъ управленіемъ было сдѣлано все для того, чтобы переселенцы не могли прочно осѣсть на участкахъ. Особенно дорого стоитъ полученіе ссуды тѣмъ изъ переселенцевъ, которые живутъ на дальнихъ участкахъ.

По моимъ подсчетамъ, основаннымъ на данныхъ завѣдывающаго подрайономъ, каждый переселенецъ, въ среднемъ, получилъ свое пособіе въ 10 пріемовъ (нѣкоторые даже въ 12—14 пріемовъ). Всѣ 316 семействъ получили свои пособія въ 3.160 пріемовъ. На получку пособія переселенцами затрачено, считая въ среднемъ на одну получку по два дня (съ участка до Бушулея и обратно), 6,320 дней. Самые крайніе участки съ восточной стороны района—Елкидинскій и Таложенскій—расположены первый въ 60 вер. отъ Бушулея, второй въ 35 в., самый крайній, западный, Букачаченскій—въ 35 вер. по прямому пути и 71 в. по тракту.

Правда, иногда поѣздка переселенцевъ за пособіемъ совпадаетъ съ поѣздкой въ Бушулей по своимъ надобностямъ; но за то не мало было такихъ случаевъ, когда переселенцы, явившись за пособіемъ на пунктъ, не заставали завѣдывающаго подрайономъ, за его отъѣздомъ съ пункта, или получали отказъ въ пособіи въ виду того, что «денегъ нѣтъ» у завѣдывающаго, или просто послѣднему не понравилась физіономія переселенца. Если мы переведемъ на деньги 6,320 дней, потраченныхъ переселенцами на поѣздки въ

Бушулей за ссудой, считая минимальный заработокъ въ день по 1 р. (съ содержаніемъ), то мы получимъ немалую сумму въ 6,320 р:, т. е. по 20 рублей на каждую семью.

Особенно дорогой цѣной покупается пособіе, выдаваемое маленькими частями переселенцамъ крайнихъ участковъ, напр., Талокенцамъ. Переселенецъ Штрайхъ (изъ Волынской губерніи) получалъ ссуду 9 разъ по 7 рублей, дважды по 8 р. и два раза по 10 р. «Пойдешь на пунктъ—говорилъ мнѣ Штрайхъ,—туда потратишь два дня и оттуда два. И это изъ-за какихъ-нибудь 7 – 10 рублей. Купишь хлѣба, придешь домой, пройдетъ нѣкоторое время, смотришь хлѣбъ вышелъ: опять надо итти за пособіемъ. Идешь и думаешь: какъ-бы застать на пунктѣ начальника, а если и застанешь его, то боишься, какъ-бы не прогналъ... Не вѣритъ все намъ: думаетъ, что нѣтъ у насъ никакой нужды, а просто беремъ деньги на пьянство. А ужъ до пьянства ли намъ, когда голова совсѣмъ не тѣмъ занята, когда семья сидитъ безъ куска хлѣба».Нашъ начальникъ—говорятъ переселенцы,—что хочетъ, то и дѣлаетъ.'

Въ Курулинскомъ участкѣ переселенка Ляхова, голодающая съ семьей, не выдержала и упала къ ногамъ ген.-губернатора Князева, прося его о помощи. Вотъ что объ этомъ мы читаемъ въ корреспонденціи, напечатанной въ иркутской газетѣ: «Голосъ Сибири», въ № 225 за минувшій годъ. «Еще до пріѣзда егермейстера Князева А. (завѣдывающій) говорилъ переселевцамъ, чтобы они не обращались съ просьбой къ начальнику края. И вдругъ эта женщина, упавшая въ ноги послѣдняго! Такой обиды А. не могъ снести. И когда Ляхова явилась къ нему на пунктъ, онъ посадилъ ее въ карцеръ, гдѣ она сидѣла около двухъ сутокъ. Дѣвочка, пріѣхавшая съ матерью на пунктъ, ожидала мать, на дворѣ стояла лошадь. Переселенцамъ А. говоритъ, что Ляхова посажена была имъ въ карцеръ за то, что торговала водкой. Вотъ что можно сказать на это. По словамъ земскихъ агентовъ, недавно производившихъ экономическое обслѣдованіе района, пьянства среди переселенцевъ не замѣчается нигдѣ на участкахъ, но даже если-бы допустить недопустимое—фактъ торговли водкой Ляховой (до торговли-ли водкой переселенцамъ, уже теперь наполовину голодающимъ!) то и въ такомъ случаѣ могъ ли поступить завѣдующій подрайономъ съ Ляховой такъ, какъ онъ поступилъ?»

III.

Огромнымъ зломъ для переселенцевъ является переселенческій складъ въ Бушулеѣ. Складъ играетъ чисто-отрицательную роль въ жизни переселенцевъ, преслѣдуя исключительно коммерческія цѣли.

Переселенцы стонутъ отъ склада. Почти вся домообзаводственная ссуда, не говоря уже о продовольственной, уходитъ въ складъ. Переселенецъ, вновь ли прибывшій на пунктъ, или уже живущій на участкѣ, является за ссудой къ подрайонному. Послѣдній спрашиваетъ пришедшаго: зачѣмъ нужна ссуда. Если ссуда нужна на хлѣбъ или другіе продукты, то переселенцу не выдаются на руки деньги, а онъ получаетъ лишь «записку», съ которой онъ идетъ въ складъ, гдѣ ему и выдаются необходимые ему продукты. Хлѣбъ и вообще всѣ зерновые продукты складъ покупаетъ у казаковъ и инородцевъ, живущихъ по сосѣдству. При массовой и притомъ постоянной закупкѣ хлѣба, послѣдній обходится складу сравнительно недорого. Несомнѣнно, что въ интересахъ переселенцевъ было-бы предоставленіе имъ возможности самимъ производить закупку хлѣба у тѣхъ-же казаковъ и инородцевъ, такъ какъ это облегчило-бы доставку хлѣба на участки. Вмѣсто того, чтобы ѣхать 55—60 верстъ съ Елкидинскаго или Толокенскаго участка на пунктъ за хлѣбомъ, гораздо легче было-бы купить хлѣбъ на мѣстѣ, у казаковъ, живущихъ въ нѣсколькихъ верстахъ отъ участковъ. Казаки, наконецъ, могли-бы сами развозить хлѣбъ по участкамъ.

Складъ дѣлаетъ закупку хлѣба не въ интересахъ переселенцевъ, не съ цѣлью пониженія цѣнъ на хлѣбъ, а въ своихъ собственныхъ интересахъ. Изъ приводимой ниже таблицы видно, сколько приходится переселенцамъ переплачивать складу при покупкѣ у него хлѣбныхъ припасовъ и картофеля.

Названіе продуктовъ.	Цѣны въ складѣ, р.	к.	у казаковъ. р.	к.
Рожь яровая	1	45		90
« озимая	1	80	1	
овесъ мѣстный.	1	45	—	90
гречиха	1	—	—	70
ячмень	1	45	—	80
пшеница	1	60	1	10
картофель	1	10	—	60

Такова дѣятельность переселенческаго склада. Послѣдній по идеѣ долженъ быть такой организаціей, которая могла-бы пойти на встрѣчу переселенцамъ, оказывая имъ возможное содѣйствіе въ полученіи необходимыхъ продуктовъ и сельскохозяйственныхъ орудій. Въ дѣйствительности-же складъ обратился въ лавочку, зарабатывающую на переселенцахъ. Разумѣется, при такомъ положеніи дѣла колонизація района не могла бы имѣть успѣха даже при самыхъ

благопріятныхъ природныхъ условіяхъ. Даже экономически сильный переселенческій элементъ не въ силахъ выдержать создавшихся здѣсь порядковъ. Разореніе—вотъ что ждетъ здѣсь переселенцевъ, принадлежащихъ къ этой послѣдней категоріи. Для болѣе слабаго элемента перспектива рисуется въ самыхъ мрачныхъ краскахъ.

Не надо забывать, что въ описываемомъ районѣ цѣны на жизненные продукты и на всѣ фабричныя издѣлія высоки. Что бы переселенцу ни пришлось покупать, на всемъ ему приходится переплачивать въ 2—3 раза по сравненію съ россійскими цѣнами. За лошадь, стоющую въ Россіи 30—40 рублей, здѣсь приходится платить 60—70 рублей. А за большую, рабочую лошадь, такъ называемую томскую, берутъ по 120—130 р. Пропорціонально выше стоятъ здѣсь и цѣны на коровъ. При такой дороговизнѣ для переселенцевъ совершенно недостаточно той ссуды, которую имъ выдаютъ, да еще, какъ мы видѣли, небольшими частями.

За три года переселенцы района переплатили складу 27.605 рублей. На каждую семью приходится убытка около 87 р., что составляетъ половину домообзаводственной ссуды, выдаваемой переселенческой семьѣ переселенческимъ управленіемъ [1]).

Если къ 87 р. мы прибавимъ тѣ 20 р., въ которые оцѣнена затрата времени по полученію ссуды на пунктѣ, то убытокъ, понесенный каждой отдѣльной семьей, выражается въ суммѣ 107 рублей.

IV.

Бѣдность наблюдается уже въ ближайшемъ къ желѣзной дорогѣ поселкѣ—Озерномъ, населенномъ малороссами. Еще большая бѣдность среди переселенцевъ слѣдующаго, Курулинскаго поселка.

Поселокъ расположенъ на откосѣ горы, съ южной стороны. Въ виду зыбкости почвы, особенно въ дождливое лѣто, когда и на высокихъ мѣстахъ бываетъ вода, переселенческое управленіе провело на улицѣ канаву, выстроивъ черезъ нее рядъ мостиковъ для переѣзда съ одной стороны улицы на другую. Скоро, однако, господа гидротехники сообразили, что проведя канаву по улицѣ, они все-же не защитили отъ воды поселокъ, такъ какъ стокъ воды долженъ быть съ сѣвера, съ горы. Пришлось исправлять ошибку. У самой опушки лѣса, у подножія горы, вновь проводится канава, которая

---

1) Сумма 87 р. выведена, въ среднемъ, для всѣхъ переселенцевъ. Въ дѣйствительности сумма эта должна быть больше для переселенцевъ, водворившихся на участкахъ въ 1909 г. и даже въ 1910 г. Для переселенцевъ водворившихся въ 1911 году она должна быть меньше.

и достигаетъ цѣли, преграждая стокъ воды съ горы. Канава-же, проведенная по улицѣ, такъ и осталась.

Постройки у Курулинцевъ не производятъ того впечатлѣнія, какъ въ поселкѣ Озерномъ. Лишь изрѣдка можно встрѣтить маленькіе, квадратомъ, домики, близко находящіеся къ типу малороссійскихъ домовъ. Большею частью черниговцы построили себѣ дома сибирскаго типа: нѣсколько продолговатые и часто въ два сруба.

У Курулинцевъ есть церковь и маслодѣльный заводъ. Церковь освящена лѣтомъ 1911 года. Курулинцы возили лѣсъ на церковь, разложивъ бревна по числу душъ на каждую семью. Съ постройкой церкви начальство торопилось. Нужно было поскорѣе донести въ Петербургъ, что у переселенцевъ уже есть своя церковь, построенная отчасти ихъ трудами. Недалеко отъ церкви стоитъ только что выстроенный, большой, съ каменнымъ фундаментомъ и желѣзной крышей домъ священника. Лѣсъ на домъ возили, разумѣется, тоже переселенцы.

Далеко не благополучно обстоитъ здѣсь дѣло съ маслодѣльнымъ заводомъ. Переселенческое управленіе выдало переселенцамъ, вошедшимъ въ маслодѣльную кооперацію, 3,000 р. ссуды на устройство завода и на покупку коровъ. Заводъ оборудованъ, куплены коровы. Каждый изъ кооператоровъ получилъ по двѣ коровы. Утреннее молоко отъ коровъ переселенцы приносятъ на заводъ, гдѣ и сдаютъ его для выработки масла, вечернее-же молоко оставляютъ себѣ, для семьи. На содержаніе двухъ коровъ приходится затратить сѣна на 120 руб. Если заводъ разовьетъ за лѣтніе мѣсяцы высшую производительность, то и въ такомъ случаѣ нельзя допустить, чтобы переселенцы получили прибыли отъ завода 120 руб. Правда, переселенцы питаются молокомъ отъ коровъ, пока они даютъ молоко; можетъ быть есть и приплодъ отъ нихъ. Но если мы примемъ во вниманіе, что черезъ 10 лѣтъ переселенцы должны возвратить переселенческому управленію 3,000 руб. съ 4%, а также возможность паденія коровъ отъ чумы (уже были такіе случаи: у двухъ переселенцевъ, членовъ коопераціи, осталось по одной коровѣ), то мы неизбѣжно придемъ къ мысли о проблематичности выгодъ отъ маслодѣльнаго завода для переселенцевъ. И теперь, когда переселенцы такъ нуждаются въ кускѣ хлѣба, когда передъ ними во весь ростъ встаетъ вопросъ о продажѣ скота, члены коопераціи сами сознаютъ, что на заводъ имъ расчитывать нельзя; для нихъ онъ— «голодный» заводъ, лишняя затѣя. Такимъ образомъ переселенческое управленіе, въ своемъ попеченіи о переселенцахъ, даже, повидимому, при желаніи помочь имъ, не въ силахъ этого сдѣлать.

Несравненно больше бѣднота среди переселенцевъ Талокенскаго

участка, расположеннаго въ 55 верстахъ отъ Бушулея и нѣсколько въ сторонѣ отъ трактовой дороги или, «времянки», какъ называютъ переселенцы дорогу, идущую черезъ переселенческіе участки. Поселокъ раскинулся на небольшой полянѣ, по лѣвую сторону р. Унгурги, протекающей по пади, которая образовалась между двумя высокими горами. Горы, поднявшіяся высоко надъ падью, какъ будто сдавили въ своихъ могучихъ объятіяхъ поселокъ въ два десятка домовъ. Здѣсь живутъ исключительно нѣмцы, выходцы изъ Курляндской, Волынской и Лифляндской губерній. Всего 22 семьи. Изъ нихъ, какъ объ этомъ говорилось выше, 10-ти семействамъ не хватило средствъ на дорогу—пришлось занять; 4 семействамъ хватило только лишь до Бушулея. Иначе говоря, 50% переселенцевъ-толокенцевъ принадлежитъ къ категоріи экономически несостоятельныхъ, маломощныхъ. Изъ 22-хъ семействъ 16 жили у помѣщиковъ въ качествѣ рабочихъ.

Первое, что бросается въ глаза на Талокенскомъ участкѣ—это постройка домовъ. Дома талокенцы начали строить большіе, изъ толстыхъ бревенъ, съ крышей изъ теса, сложенаго такъ, что образуются уступы, идущіе сверху до самаго низа крыши. Въ этомъ сказался практическій умъ нѣмца: во время дождя дождевыя капли не задерживаются на крышѣ, какъ это бываетъ при продольномъ ея расположеніи, а быстро направляются внизъ, со ступеньки на ступеньку, чѣмъ значительно ускоряется движеніе дождевой струи. Въ результатѣ крыша не такъ скоро поддается гніенію, какъ это бываетъ при другомъ, практикуемомъ у насъ способѣ конструкціи.

Однако и нѣмцы оказались не практичными людьми, или, вѣрнѣе, желаніе проявить свою практичность привело ихъ къ совершенно неожиданнымъ для нихъ результатамъ: ни одинъ изъ нихъ не закончилъ постройки дома. Нѣмцы просто на просто не разсчитали своихъ силъ, не учли своихъ рессурсовъ—и въ результатѣ ни одинъ изъ нихъ не закончилъ начатой постройки.

Большую бѣдноту среди переселенцевъ, чѣмъ пришлось видѣть на Талокенскомъ участкѣ, трудно себѣ представить. У большинства талокенцевъ не было теплой одежды. У многихъ не было никакой обуви. Изъ послѣднихъ часть, не смотря на морозъ, ходила безъ всякой обуви, нѣкоторые же ходили на деревянныхъ колодкахъ, устроенныхъ на подобіе тѣхъ, которыя носятъ китайцы. Говорить о нуждахъ переселенцевъ — значитъ повторять то, что приходилось говорить прежде о нуждахъ переселенцевъ на другихъ участкахъ. Только здѣсь, въ виду отдаленности участка отъ Бушулея (55 вер.), а также въ виду того, что переселенцы этого участка, какъ мы

видѣли выше, являются наиболѣе слабымъ экономически элементомъ, нужда чувствуется въ наиболѣе сильной, острой формѣ.

Переселенческое управленіе возлагало на талокенцевъ большія надежды. Оно думало, что такой элементъ, какъ нѣмцы-колонисты, усвоившіе болѣе высокіе, культурные пріемы въ сельскомъ хозяйствѣ и вышедшіе притомъ изъ суроваго по природнымъ условіямъ края, поставятъ хлѣбопашество и вообще сельское хозяйство на надлежащую высоту. Эти ожиданія не сбылись и въ малой степени. Единственная мечта талокенцевъ — какъ можно скорѣе уйти съ участка. Куда—они и сами не знаютъ; лишь бы уйти.

Нельзя не отмѣтить особенной сплоченности талокенцевъ. Дружественныя, почти родственныя отношенія между ними развиты въ сильной степени. Всѣ помогаютъ другъ другу, чѣмъ только могутъ. Если на участкѣ появится мука, то, обыкновенно, ее дѣлятъ по домамъ. Особеннымъ вниманіемъ среди талокенцевъ пользовалась одна женщина, мужъ которой лежалъ въ больницѣ, въ Бушулеѣ, а она, съ пятью малыми дѣтьми, осталась безъ средствъ, безъ горсти муки, питаясь лишь картофелемъ. Талокенскій староста былъ у подраіоннаго и просилъ «пособія» семьѣ; тотъ дважды обѣщалъ, но такъ обѣщаніями и ограничился.

Большимъ зломъ, съ которымъ приходится бороться переселенцамъ, являются волки. Въ тайгѣ они водятся во множествѣ. Лѣтомъ они показываются рѣдко, но осенью, съ наступленіемъ морозовъ, положительно осаждаютъ переселенческіе участки. Въ мой проѣздъ (во второй половинѣ сентября) въ каждомъ участкѣ было нѣсколько случаевъ растерзанія волками коровъ и лошадей. Съ наступленіемъ сумерокъ волки выходятъ изъ лѣсу и ищутъ животныхъ. Смѣлость ихъ бываетъ настолько велика, что нерѣдко они являются въ поселки, заходятъ въ ограду, вызывая лай собакъ. Особенное обиліе волковъ—на Талокенскомъ участкѣ. Не задолго до моего пріѣзда волкъ во дворѣ растерзалъ собаку. Талокенцы боялись остаться къ зимѣ безъ лошадей и безъ коровъ.

V.

«Въ климатическомъ отношеніи—сказалъ когда-то П. А. Столыпинъ, — не было и сомнѣнія въ томъ, что полевая культура въ районѣ Амурской желѣзной дороги возможна». Забайкальскій депутатъ Волковъ, въ пылу-ли увлеченія, или просто за неимѣніемъ въ рукахъ болѣе вѣскихъ данныхъ, говорилъ о годовой температурѣ въ Благовѣщенскѣ (—0,6), сравнивая этотъ пунктъ съ Иркутскомъ,

Курганомъ и Барнауломъ. Но онъ не коснулся почему-то годовой температуры Стрѣтенска (—4,3) и Нерчинска (—3,6). А между тѣмъ, если-бы онъ это сдѣлалъ, то былъ бы ближе къ истинѣ въ своихъ выводахъ о колонизаціи района. Какое-же, въ самомъ дѣлѣ, отношеніе имѣетъ годовая температура въ Благовѣщенскѣ и Курганѣ къ вопросу объ опредѣленіи температуры въ районѣ Амурской желѣзной дороги? А депутатъ Волковъ сталъ именно на этотъ невѣрный путь, высказавшись за возможность земледѣлія въ данномъ районѣ.

На ряду съ колонизаціей района строились надежды на заготовку въ немъ для военнаго времени «колосальнѣйшихъ запасовъ продовольствія» (рѣчь Савича, докладчика комиссіи по государ. оборонѣ). На основаніи приведенныхъ выше данныхъ о климатическихъ условіяхъ района можно придти лишь къ отрицательному заключенію по вопросу о возможности въ районѣ земледѣлія, какъ основного занятія населенія. А если это такъ, то не приходится и думать о «колосальнѣйшихъ запасахъ продовольствія» для арміи, которые предполагалось собрать въ плотно-заселенномъ, прилегающемъ къ Амурской желѣзной дорогѣ районѣ. Прекрасно поняли это и переселенцы. Въ своемъ приговорѣ они просятъ переселенческое управленіе закрыть районъ съ 1912 года подъ переселеніе, «въ виду невыясненности возможности земледѣлія, которое въ настоящее время производится лишь на теплыхъ, южныхъ склонахъ горъ». Если земля «не дастъ хлѣба», какъ говорятъ переселенцы, они всѣ уйдутъ изъ района.

Какіе бы шаги, впрочемъ, ни предпринимали переселенцы, уже теперь обнищавшіе, не подлежатъ никакому сомнѣнію два положенія: 1) къ колонизаціи района Амурской желѣзной дороги было приступлено съ завязанными глазами, безъ всякаго знакомства съ природными условіями района; 2) колонизація района велась такъ безпорядочно, съ такимъ отсутствіемъ пониманія, что привела къ разоренію переселенцевъ.

Районъ не пригоденъ для земледѣльческаго хозяйства. Если это вѣрно относительно западной части Амурской желѣзной дороги, то еще въ большей степени положеніе это можетъ быть принято по отношенію къ средней и восточной частямъ дороги, гдѣ климатическія условія еще болѣе суровы и гдѣ возможно, какъ это нашла амурская экспедиція, лишь скотоводческое хозяйство.

Депутатъ Чиликинъ, не соглашаясь съ аналогіей, проводимой генераломъ Субботичемъ въ его извѣстной брошюрѣ между Амурской и Якутской областями, тѣмъ не менѣе говоритъ: «Надо сказать, что уже лучшія, богатѣйшія земли степного характера въ такъ

называемой Зейско-Буреинской равнинѣ въ настоящее время почти использованы подъ отводъ переселенческихъ участковъ и колонизація теперь передвигается въ болѣе отдаленные, въ болѣе лѣсистые и таежные районы. Я лично не принадлежу къ числу оптимистовъ относительно возможности использовать подъ земледѣльческую колонизацію особенно значительную часть таежныхъ районовъ, и основаніе для извѣстной доли скептицизма почерпаю въ томъ личномъ опытѣ по обслѣдованію Амурской тайги, съ которымъ мнѣ довелось имѣть дѣло въ качествѣ члена землеотводной партіи».

Командированный въ 1908-мъ году въ Приамурье товарищъ главноуправляющаго земледѣліемъ и землеустройствомъ, сенаторъ, Иваницкій, даетъ слѣдующую характеристику района, по которому должна быть проведена Амурская желѣзная дорога: «По предварительнымъ даннымъ обслѣдованія наименѣе цѣнной является для колонизаціи западная часть района (Амурская область), такъ какъ желѣзная дорога пройдетъ здѣсь по склонамъ южныхъ отроговъ Яблоноваго хребта, и мѣстность почти сплошь покрыта лѣсами лиственицы и сосны. Незначительность перегнойнаго слоя почвы, близкое залеганіе камня, нерѣдко выступающаго на поверхность, и сильно заболоченный характеръ кочковатыхъ долинъ, носящихъ мѣстное названіе «марей», не позволяетъ расчитывать на сколько нибудь широкое, въ ближайшіе, по крайней мѣрѣ, годы, заселеніе этой части области землепашцами; здѣсь экономически-выгоднымъ можетъ быть, повидимому, главнымъ образомъ, скотоводческое хозяйство. Бо́льшую цѣнность представляетъ для колонизаціи восточная часть того-же района, хотя и тамъ встрѣчаются тѣ-же заболоченные мари, поросшіе рѣдкой лиственицей. Однако, на ряду съ ними имѣются сравнительно обширныя пространства лугового типа, которыя, послѣ проведенія осушительныхъ канавъ, могутъ выдѣлить довольно значительную площадь подъ распашки и сѣнокосы» [1]).

Къ такимъ же выводамъ пришла и Амурская экспедиція.

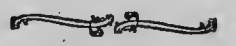
Такимъ образомъ районъ амурской желѣзной дороги, на постройку которой затрачены сотни милліоновъ народныхъ денегъ, рискуетъ остаться безъ земледѣльческаго элемента, въ силу, главнымъ образомъ, климатическихъ условій. Безъ этого же элемента желѣзнодорожная магистраль, преслѣдующая стратегическія цѣли и охрану экономическихъ интересовъ окраины, теряетъ свое значеніе. Припасы для войска по прежнему будутъ направляться сюда изъ центральной Россіи и изъ Западной Сибири. Не будетъ и готовыхъ кадровъ, которые могли-бы служить оплотомъ окраинной защиты.

---

1) «Приамурье», изд. общеземской организаціи.

Мы видѣли, что колонизація района Амурской желѣзной дороги совершенно не оправдала возлагавшихся на нее надеждъ. Обратное движеніе переселенцевъ съ Дальняго Востока и почти прекратившійся приливъ ихъ въ послѣдніе годы, ясно говорятъ о томъ, что дѣло колонизаціи на Дальнемъ Востокѣ потерпѣло полное крушеніе.

М. Колововъ.



ПРОВИНЦІАЛЬНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Унылая картина земскихъ выборовъ.—Разочарованіе населенія въ земствѣ и въ Государственной Думѣ.—«Самоизбраніе» въ земства дворянъ.—Назначенныя лица на земской работѣ.—Оппозиціонная роль крестьянъ на земскихъ выборахъ.—Запуганность и неопытность деревни.—Общій итогъ выборовъ.—Земство на гигіенической выставкѣ.

Земскіе выборы въ нѣсколькихъ губерніяхъ должны-бы, конечно, составлять крупное событіе во внутренней жизни Россіи. Еще-бы! Сложный механизмъ обширнаго земскаго хозяйства переходитъ въ новыя, неизвѣстныя руки. Какое-бы должно было быть естественное напряженіе въ населеніи, дѣятельное безпокойство, борьба за достойнѣйшихъ кандидатовъ и нервное ожиданіе результатовъ!

И еще значительнѣе это событіе для тѣхъ губерній, гдѣ земство вводится впервые. Какъ-бы, кажется, не волноваться, не ликовать, не чувствовать повышенное напряженіе силъ при осуществленіи многолѣтней общественной мечты!

А въ дѣйствительности,—въ печальной, тусклой, унылой русской дѣйствительности, — выборы по всѣмъ губерніямъ проходятъ при вяломъ равнодушіи населенія.

И это, къ сожалѣнью, вполнѣ естественно.

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Ставрополя-Кавказскаго (гдѣ состоялись первые выборы въ новое земство) пишетъ такія характерныя строки: «Пока населеніе къ земскимъ выборамъ относится совершенно индифферентно и безучастно. Многіе мелкіе землевладѣльцы-избиратели не знаютъ даже, что они попали въ

списокъ избирателей. Крестьяне выбирали уполномоченныхъ совершенно случайно; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ говорили, что все равно ничего не выйдетъ; будетъ то же, что съ Государственной Думой».

Знаменательное, унылое сравненіе: «будетъ то-же, что съ Государственной Думой!» Въ Ставропольской губерніи нашлись слова, которыя, въ сущности, выражаютъ смутное отношеніе всей провинціальной Россіи къ нынѣшнему земству и нынѣшней Государственной Думѣ. Повсемѣстное безсиліе и повсемѣстное разочарованіе населенія выражено въ этихъ немногихъ словахъ. Огромное большинство населенія отброшено какъ отъ участія въ земской работѣ, такъ и отъ прямого вліянія на выборы въ Государственную Думу. Одной и той-же привилегированной и малочисленной кучкѣ «благонадежныхъ» лицъ отдана въ руки почти вся судьба земства и нашего долгожданнаго парламента.

Конечно, человѣку естественно надѣяться при всякихъ обстоятельствахъ. Поэтому наиболѣе бодрые люди стараются оптимистически смотрѣть и на нынѣшніе земскіе выборы, надѣясь, что біеніе жизни скажется и при уродливой, обкарнанной, парализованной системѣ земскихъ выборовъ. И эти надежды не лишены основанія: маленькія побѣды скрашиваютъ печальную земскую дѣйствительность. Но все-же, къ сожалѣнію, общая картина выборовъ сѣра и безрадостна, гораздо больше давая пищи пессимизму, чѣмъ оптимизму.

Изо дня въ день въ газетахъ за время выборовъ печатались такого рода извѣстія. «Выборы гласныхъ чистопольскаго земства, Казанской губерніи,—пишетъ корреспондентъ «Волгаря», — проходятъ съ обычной индифферентностью избирателей. Во второмъ избирательномъ собраніи еще была замѣтна нѣкоторая жизнь, но въ общемъ выборы по этой куріи дали неважные результаты — вмѣсто двухъ горожанъ избранъ одинъ, отъ крупныхъ землевладѣльцевъ 4 и отъ мелкихъ 1 гласный. Совершенно сонную картину представляли выборы по первой куріи — дворянской. Здѣсь даже и выборовъ въ буквальномъ смыслѣ слова не было, а просто собрались 11 избирателей, и объявили себя гласными; но такъ какъ отъ этой куріи требуется избрать 20 гласныхъ, то будутъ назначены дополнительные выборы, на которые ожидаютъ пріѣзда еще меньшаго числа избирателей. Но это не новость для Чистополя. Въ теченіе уже нѣсколькихъ трехлѣтій выборы проходятъ здѣсь все съ тѣмъ же интересомъ дворянъ къ земскому дѣлу».

Изъ Астрахани телеграфируютъ «Русскому Слову»: «По Царевскому уѣзду на выборы земскихъ гласныхъ явились 25 избирателей. Избраны одинъ крупный собственникъ и 14 мелкихъ. По Ено-

таевскому уѣзду на выборы явились всего 6 человѣкъ, которые и *зачислили* себя гласными. Для избранія недостающихъ трехъ гласныхъ назначаются дополнительные выборы».

Изъ Воронежа телеграфируютъ: «На выборы земскихъ гласныхъ отъ дворянъ по Нижнедѣвицкому уѣзду явилось 9 избирателей, которые, на основаніи 45-й ст. положенія о земскихъ учрежденіяхъ, и признаны земскими гласными безъ баллотировки. Для избранія недостающихъ гласныхъ отъ дворянъ будутъ назначены дополнительные выборы».

Изъ Грайворона, Курской губерніи: «Въ земскіе гласные отъ дворянъ-землевладѣльцевъ избраны исключительно союзники. Этимъ предопредѣлена физіономія новаго состава гласныхъ, такъ какъ гласные дворяне составляютъ абсолютное большинство».

Изъ Рязани: «На выборы гласныхъ отъ дворянъ въ Касимовскомъ уѣздѣ явились 10 избирателей, которымъ нужно было избрать 20 гласныхъ. Собравшіеся избиратели объявили себя «избранными» и разъѣхались. Предстоящіе дополнительные выборы врядъ ли измѣнятъ положеніе. Въ уѣздѣ всего 14 дворянъ».

Изъ Костромы: «На дворянскихъ выборахъ въ земство явившіеся 19 избирателей избрали 20-го заочно. Этимъ заочно избраннымъ гласнымъ былъ нижегородскій вице-губернаторъ С. И. Бирюковъ».

Изъ Пскова: «Въ Новоржевѣ состоялись выборы земскихъ гласныхъ отъ дворянъ. Явились 14 избирателей, которые и избрали самихъ себя. Для пополненія комплекта четверо гласныхъ избраны заочно».

Изъ Рязани: «Въ Спасскѣ на дворянскихъ выборахъ предстояло избрать 20 гласныхъ, явилось же на выборы всего 13. Явившіеся объявлены избранными».

Обидой, почти издѣвательствомъ надъ выборнымъ представительствомъ звучатъ подобнаго рода извѣстія съ мѣстъ. А идутъ они почти отовсюду. По всѣмъ губерніямъ и почти по всѣмъ уѣздамъ дворянъ осталось мало (особенно прикрѣпленныхъ къ сельской жизни), и почти вездѣ избраніе по дворянской куріи замѣняется «самоизбраніемъ».

И эти цифры о 6, 10-ти дворянахъ, съѣхавшихся и сами себя избравшихъ въ гласные, — цифры, такія юмористическія издали, — на мѣстѣ, въ уѣздахъ, гдѣ населеніе въ 150, въ 200 тыс. человѣкъ безпомощно смотритъ на эту игру въ земское «самоуправленіе», кажутся оскорбительными и трагичными, такъ какъ онѣ громко говорятъ объ искусственномъ застоѣ земскаго дѣла.

Казанскій корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» въ связи съ

выборами пробуетъ поглубже освѣтить мѣстную земскую работу, и картина получается довольно мрачная. «Въ Казанской губерніи,— пишетъ корреспондентъ, — начались выборы земскихъ гласныхъ. Въ настоящее время пока получены свѣдѣнія по одному изъ уѣздовъ, гдѣ выборы закончены — Свіяжскому. Каковъ будетъ результатъ выборовъ по другимъ уѣздамъ, предсказать не трудно, ибо результаты Свіяжскаго уѣзда и главнымъ образомъ условія выборовъ по этому уѣзду являются типичными для всей Казанской губерніи. На первомъ и второмъ избирательныхъ собраніяхъ въ Свіяжскомъ уѣздѣ были собственно не выборы, а «самовыборы», ибо собравшіеся избрали самихъ себя: по первому собранію прибыло 9 избирателей, т. е. ровно столько, сколько по расписанію полагается гласныхъ. Изъ 9-ти избранныхъ гласныхъ 8 старыхъ и только одинъ новый. На второй избирательный съѣздъ явились трое, которые затѣмъ и фигурировали на избирательномъ собраніи и были избраны «единогласно». Что же касается крестьянской куріи, то здѣсь тоже нѣтъ обновленія состава, хотя и вошли нѣсколько человѣкъ изъ общаго числа семи гласныхъ новыхъ, но новаго отъ нихъ нечего ждать: большинство избранныхъ «хозяйственные» мужички, въ томъ числѣ членъ уѣздной управы настоящаго состава. Около выборовъ уполномоченныхъ отъ волостей по губерніи создавалась весьма тяжелая атмосфера угощеній, вліяній богатыхъ крестьянъ и т. п. Отъ нѣкоторыхъ волостей уже поступили жалобы на это. При существующемъ Земскомъ Положеніи нельзя, конечно, ожидать какихъ-либо крупныхъ перемѣнъ къ лучшему. «Самовыборы» полноцензовыхъ избирателей, индифферентизмъ избирателей по второму съѣзду и, наконецъ, вліяніе деревенскихъ «толстосумовъ» кореннымъ образомъ извращаютъ идею выборнаго представительства въ земствѣ. Въ уѣздахъ сплошь и рядомъ фактическими вершителями земскихъ дѣлъ являются управскія коллегіи. Какъ идутъ дѣла въ нынѣшнемъ земствѣ, показываютъ «исторіи» въ двухъ земствахъ: свіяжскомъ и ядринскомъ. Въ свіяжскомъ уѣздѣ дѣло дошло до вмѣшательства судебныхъ властей. Въ ядринскомъ земствѣ ревизіонной комиссіей были сдѣланы характерныя разоблаченія о безпорядкахъ съ денежными суммами. Еще совсѣмъ на дняхъ мѣстныя газеты отмѣтили характерный фактъ изъ дѣятельности казанской губернской земской управы. Управа, оцѣнивъ дѣятельность одного члена своей коллегіи, признала, что онъ понесъ много труда по организаціи общественныхъ работъ и надзору за ними, и потому, не докладывая о семъ предварительно земскому собранію, собственной властью рѣшила выдать этому члену управы награду въ 2.000 руб. Самое любопытное въ этомъ фактѣ

то, что управа распорядилась земскими деньгами по собственному усмотрѣнію».

Какъ-бы въ дополненіе къ этой невеселой картинѣ земскаго дѣла въ Казанской губерніи корреспондентъ «Русскаго Слова» шлетъ изъ той-же губерніи такую телеграмму: «Тетюшское земское собраніе, признавъ неправильными различныя дѣйствія назначеннаго администраціей предсѣдателя управы Якимова, постановило просить его уйти со службы, какъ человѣка, чуждаго мѣстнымъ интересамъ».

Назначеніе въ предсѣдатели и члены земскихъ управъ случайныхъ и чуждыхъ населенію лицъ—одна изъ характерныхъ чертъ послѣдняго времени. Создавая въ земской средѣ искусственное безлюдіе (путемъ сословныхъ выборовъ и отбрасыванья «заподозрѣнныхъ» лицъ), администрація вслѣдъ затѣмъ отдаетъ земское дѣло въ руки назначенныхъ ею людей, попирая ненавистный ей принципъ выборнаго представительства и оскорбляя общественное чувство населенія. За рѣдкими исключеніями, назначенныя лица оказываются мало пригодными для земской работы. Во-первыхъ, они для земства чуждые, случайные люди, а во-вторыхъ, естественное несочувствіе къ нимъ земской среды не способствуетъ успѣху дѣла (не говоря уже о томъ, что попадаются недобросовѣстные люди, которыя, опираясь на покровительство администраціи, стараются о своей выгодѣ, а не о земской).

Однако, было-бы несправедливо, ошибочно и малодушно изъ-за отдѣльныхъ мрачныхъ чертъ (пусть и многихъ) думать, что все сложное и громадное земское дѣло въ Россіи доведено до развала и гибели. Даже по краткимъ извѣстіямъ о частичныхъ земскихъ выборахъ видно, что кое-гдѣ оппозиція сумѣла пройти чрезъ многочисленныя рогатки. Такъ напримѣръ, изъ Тамбовской губерніи, которая была доведена до паралича бывшимъ губернаторомъ Муратовымъ, корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» пишетъ: «Закончились выборы земскихъ гласныхъ по Тамбовскому уѣзду. Настроеніе избирателей было повышенное, въ виду борьбы между партіей предводителя дворянства Сатина, предсѣдателя уѣздной управы Луженовскаго и группой прогрессистовъ. Результаты баллотировки оказались совершенно неожиданными: союзники, во главѣ съ своимъ предсѣдателемъ Поповымъ, потерпѣли полное пораженіе, такъ какъ избранными оказались преимущественно прогрессисты, въ томъ числѣ и видные общественные дѣятели земства 1905 г.: предсѣдатель губернской земской управы Колобовъ, членъ управы кн. Кугушевъ и другіе».

Рядомъ, впрочемъ, въ корреспонденціи есть и охлаждающій штрихъ: «Выборная кампанія по Кирсановскому уѣзду закончилась

побѣдой умѣренной партіи націоналистовъ и октябристовъ. Недоизбрано до полнаго состава гласныхъ шесть человѣкъ. Отъ крестьянъ избрано 12 человѣкъ, при чемъ кандидаты отъ Васильевской и Трескинской волостей были устранены отъ участія въ выборахъ».

А все же хоть одинъ уѣздъ (Тамбовскій) да отвоеванъ отъ реакціи.

О такой же небольшой побѣдѣ сообщаетъ корреспонденція изъ Кременчуга: «Закончились выборы гласныхъ въ уѣздное земское собраніе на новое трехлѣтіе. Предвыборная кампанія была начата староземцами тихо и безшумно, съ цѣлью предотвратить возможность обновленія земскаго собранія. Населеніе, относившееся сначала къ земскимъ выборамъ совершенно индифферентно, въ послѣдній моментъ проявило къ нимъ большой интересъ и выдвинуло изъ своей среды прогрессивную группу избирателей, сумѣвшую завоевать на выборахъ нѣсколько земскихъ мѣстъ. Несмотря на то, что всѣ правыя организаціи—«союзъ націоналистовъ», «союзъ русскаго народа» и др.—передъ выборами объединились и организовали сильный «блокъ», прогрессивной группѣ все-таки удалось проникнуть въ земское собраніе, изгнавъ оттуда нѣкоторыхъ реакціонныхъ земцевъ. Такъ былъ забаллотированъ В. В. Устимовичъ, лидеръ націоналистовъ, принимавшій дѣятельное участіе въ національномъ союзѣ во время предвыборной кампаніи въ Государственную Думу. Потерпѣлъ на выборахъ провалъ также и членъ земской управы Сулима. Послѣдній, будучи уже забаллотированъ по городской куріи, безуспѣшно пытался пройти въ земство отъ крестьянской куріи. Среди крестьянъ замѣтенъ былъ интересъ къ выборамъ. Нежелательные деревенскіе элементы изгнаны изъ земства, и избрано нѣсколько прогрессивно настроенныхъ крестьянъ».

Телеграммы «Русскаго Слова» также принесли изъ нѣкоторыхъ мѣстъ утѣшительныя извѣстія. Изъ Полтавы телеграфируютъ: «На выборахъ земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ избраны умѣренные и прогрессисты. Правые потерпѣли пораженіе. На состоявшихся дополнительныхъ выборахъ земскихъ гласныхъ по Полтавскому уѣзду прошли преимущественно прогрессисты и умѣренные. Новый составъ гласныхъ значительно прогрессивнѣе прежняго».

Изъ Казани: «На земскіе выборы гласныхъ отъ разночинцевъ явилось 14 уполномоченныхъ и 7 цензовиковъ изъ 89-ти. Избраны 7 горожанъ, изъ нихъ 6 прогрессистовъ».

Изъ Челябинска: «Закончены выборы земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ. Избрано въ гласные 17 земледѣльцевъ. Большинство изъ нихъ—прогрессисты».

Изъ Балахны, Нижегородской губерніи, телеграфируютъ отъ

8-го іюля: «Назначенные на воскресенье земскіе выборы на съѣздѣ дворянъ-мелкихъ землевладѣльцевъ не состоялись: на выборы никто не явился. Сегодня на съѣздъ крупныхъ землевладѣльцевъ-дворянъ избирателей явилось 20, съ 23-мя голосами. Не участвовалъ въ выборахъ членъ третьей Думы Г. Р. Килевейнъ, не внесенный въ списки вслѣдствіе дѣла, возбужденнаго противъ него бывшимъ губернаторомъ Хвостовымъ. Избрано 16, большинство прогрессистовъ. Предсѣдатель по назначенію Обтяжновъ, получивъ предварительно двѣ записки, не баллотировался. Депутатъ П. А. Барачъ отсутствовалъ. Онъ получилъ одну записку. Правые не баллотировались».

За послѣдніе годы не безъ основанія земскіе люди стали возлагать нѣкоторыя надежды на крестьянъ. Деревня понемногу начала уяснять себѣ значеніе и пользу земскихъ учрежденій. Передовые крестьяне, видимо, больше и больше интересуются земскими учрежденіями и стараются принять въ нихъ дѣятельное участіе. По нѣкоторымъ уѣздамъ силы на выборахъ даже какъ будто распредѣляются съ извѣстной планомѣрностью: дворянская курія избираетъ правыхъ гласныхъ, крестьянская—лѣвыхъ. Намеки на это даютъ и приведенныя выше телеграммы. «Передовое» сословіе,—увы,—все съ большей опредѣленностью служитъ реакціи, упрямо пятясь назадъ и тормозя земское дѣло, а «темная» деревня все бодрѣе смотритъ впередъ.

Но слишкомъ увлекаться добрыми признаками пробужденія деревни пока еще преждевременно. Съ одной стороны, система земскихъ выборовъ и усердныя старанія администраціи дѣлаютъ доступъ деревни къ земству узкимъ и тернистымъ, а съ другой стороны, деревня такъ еще разрозненна, запугана и неопытна, что плохо пользуется и тѣми малыми возможностями, которыя у нея остаются.

Изъ Пензы, напримѣръ, телеграфируютъ «Русскому Слову»: «Выборы гласныхъ отъ крестьянъ по Чембарскому уѣзду окончились плачевно: хотя въ уполномоченные отъ волостей прошли люди молодые и интеллигентные, но использовать создавшееся положеніе они не сумѣли. Уѣздный предводитель Мачинскій, боясь прогрессивнаго состава гласныхъ отъ крестьянъ, опротестовалъ выборы многихъ уполномоченныхъ и добился устраненія троихъ. Въ результатѣ уполномоченные явились на выборы разрозненными и стали забаллотировывать сами себя. Вмѣсто 10-ти гласныхъ, они выбрали всего двоихъ. Такой же характеръ носили выборы гласныхъ отъ крестьянъ и въ Нижне-Ломовскомъ уѣздѣ. Изъ 31 уполномоченнаго въ гласные избраны только двое, остальные всѣ забаллотированы. Въ Нижне-Ломовскомъ и Чембарскомъ уѣздахъ забалло-

*

тированные будутъ замѣнены гласными прежняго состава. По Инсарскому уѣзду избрано по крестьянской куріи 11 гласныхъ, изъ нихъ 4 волостныхъ старшинъ. На выборахъ присутствовало 26 уполномоченныхъ».

Корреспондентъ «Русскихъ Вѣдомостей» изъ Пскова говоритъ о мѣстныхъ крестьянамъ-земцахъ мрачно и недружелюбно. «24 іюня,—пишетъ онъ,—состоялись выборы гласныхъ отъ крестьянъ Псковскаго уѣзда. Изъ 18-ти кандидатовъ явились 17; всѣ они и баллотировались. Вмѣсто девяти гласныхъ избраны только восемь, остальныхъ кандидатовъ забаллотировали. Въ общемъ представительство крестьянъ въ земскомъ собраніи остается по прежнему безцвѣтнымъ. Нельзя ожидать лучшихъ результатовъ отъ крестьянскихъ выборовъ и по другимъ уѣздамъ нашей губерніи. По свидѣтельству мѣстныхъ земцевъ, напримѣръ, въ Новоржевскомъ уѣздѣ, сравнительно съ 1907 г., составъ крестьянскихъ гласныхъ съ каждымъ трехлѣтіемъ ухудшается. Въ большинствѣ проходятъ старшины. По сообщенію изъ Торопецкаго уѣзда, тамъ среди кандидатовъ имѣются совершенно безграмотные люди. Во многихъ мѣстахъ выбирали кандидатовъ за угощеніе: кто больше дастъ на водку».

Врядъ ли, однако, можно полностью присоединиться къ пессимизму корреспондента. Составъ гласныхъ отъ крестьянъ можетъ, конечно, кое-гдѣ мѣняться къ худшему, но все же причину этого печальнаго явленія скорѣе слѣдуетъ искать въ дѣйствіяхъ администраціи, чѣмъ въ темнотѣ и пьянствѣ деревни.

«Русскому Слову», напримѣръ, телеграфируютъ изъ Ярославля: «Состоялись выборы земскихъ гласныхъ отъ крестьянъ Ростовскаго уѣзда. Изъ 22-хъ уполномоченныхъ въ собраніи участвовало 17. Изъ семи выбранныхъ гласныхъ только одинъ прогрессистъ, остальные—правые. Ни одинъ изъ прежнихъ гласныхъ въ нынѣшній составъ не попалъ». Остается, повидимому, только покачать головой и разочарованно произнести: «Вотъ вамъ и крестьяне!» Но въ той же газетѣ двумя днями до этой телеграммы была напечатана изъ того-же Ярославля такая телеграмма: «Земскимъ начальникомъ вторично представлены къ отмѣнѣ выборы кандидатовъ въ земскіе гласные по Ростовскому уѣзду отъ Важчажничевской и Борисоглѣбской волостей, по которымъ дважды были выбраны крестьяне Козловъ и Нарядчиковъ. Послѣдній извѣстенъ, какъ дѣятельный культурный работникъ-кооператоръ».

И вотъ, дѣлается довольно понятно, почему въ земскіе гласные проходятъ въ иныхъ уѣздахъ старшины и правые крестьяне. Проходить больше некому, такъ какъ только они остались въ из-

бирательномъ ситѣ послѣ тщательнаго административнаго просѣиванія.

Подводя итоги нынѣшнимъ земскимъ выборамъ, чувствуешь, что общая картина получается пестрая, зыбкая и настолько перекрещенная всякими тѣнями, что скорѣе можетъ быть названа мрачной, чѣмъ свѣтлой. И если по ней одной судить о положеніи земскаго дѣла въ Россіи, то пессимизмъ найдетъ для себя законную почву.

Однако, нынѣшнимъ лѣтомъ земству удалось, помимо выборовъ, выявить себя ярко и глубоко, и эта картина вдохнула новую вѣру и новую бодрость въ людей, болѣющихъ за судьбу земскаго дѣла. Многія земства приняли участіе во всероссійской гигіенической выставкѣ въ Петербургѣ, и экспонаты разныхъ земствъ, собранные вмѣстѣ въ земскомъ павильонѣ, нарисовали внушительную картину громаднаго земскаго дѣла.

Руководитель земскаго отдѣла разсказалъ, между прочимъ, о такомъ небольшомъ, но поучительномъ и бодромъ фактѣ. Земства прислали на выставку для устройства отдѣловъ своихъ интеллигентныхъ служащихъ. Этотъ третій элементъ, съѣхавшись въ Петербургѣ, сначала смотрѣлъ на будущую выставку довольно уныло. Всякому казалось, что, собственно говоря, земствамъ и выставлять нечего, и всякій думалъ, что онъ у себя на мѣстѣ дѣлаетъ сѣрое, незамѣтное, чутъ-ли не ничтожное дѣло. Но здѣсь, на выставкѣ, постепенно развернулось предъ ними во всю ширь общероссійское земское дѣло, отдѣльные мелкіе штрихи слились въ общія линіи грандіознаго размаха, и третій элементъ вдругъ загорѣлся энтузіазмомъ, души согрѣлись и выпрямились отъ законной гордости за великое земское дѣло.

И дѣйствительно, всякій внимательный и культурный посѣтитель гигіенической выставки едва-ли пройдетъ равнодушно чрезъ земскій павильонъ. Діаграммы и таблицы внятно говорятъ, какую громадную и великолѣпную работу совершило за истекшее полстолѣтіе земство для Россіи.

Особенно утѣшительно, что за послѣдніе годы земская дѣятельность не только не ослабла, но развивается быстрымъ темпомъ. Растетъ и улучшается больничное дѣло, энергично развивается народное просвѣщеніе, а такія культурныя мѣропріятія, какъ санитарія, агрономическая помощь и опыты раціональнаго водоснабженія возникли, внѣдрились въ жизнь и проявляютъ признаки быстраго развитія въ самые послѣдніе годы,—годы видимой и мрачной реакціи.

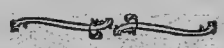
Очевидно, съ одной стороны, земскія учрежденія такъ уже

органически вросли въ русскую жизнь и создали такой поступательный ходъ культуры, что пріостановить этотъ историческій ходъ не по силамъ ни для отдѣльныхъ людей, ни для отдѣльныхъ классовъ населенія, ни для администраціи. Живая жизнь напираетъ со своими естественными требованіями и прежде всего старается использовать ближайшіе и готовые земскіе пути.

Это не значитъ, конечно, что все обстоитъ отлично. Уродства земской жизни остаются уродствами; но если при нихъ работа все-же совершается немалая, то при улучшеніи общихъ условій будетъ, разумѣется, дѣлаться во много разъ больше.

Великое дѣло—налаженныя общественныя учрежденія. Примѣръ земства заставляетъ бодрѣе смотрѣть и на Государственную Думу: завоевана общественно-государственная форма, и хотя и она, и содержаніе ея пока неудовлетворительны, жизнь, рано или поздно, используетъ ее должнымъ образомъ.

И. Жилкинъ.



ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ ОКОНЧИВШИХЪ С.-ПЕТЕРБУРГСКІЕ ВЫСШІЕ ЖЕНСКІЕ КУРСЫ.

Изъ всѣхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній Россіи С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы (так. наз. Бестужевскіе) находились въ сравнительно благопріятныхъ условіяхъ для сохраненія товарищескихъ связей между окончившими слушательницами. Дѣятельность горячо преданнаго дѣлу женскаго образованія комитета для доставленія средствъ курсамъ, сумѣвшаго предохранить Спб. курсы отъ долголѣтняго перерыва, постигшаго московскіе, казанскіе и всѣ другіе женскіе курсы; постоянное помѣщеніе въ собственномъ домѣ, отстроенномъ, когда оканчивалъ курсъ 4-й выпускъ; исключительная, усердная работа Стасовой, ближайшаго къ курсисткамъ лица—все помогало бывшимъ «бестужевкамъ» не разбрестись врозь.

Главныя соединительныя нити между слушательницами рано начали стягиваться вокругъ Н. В. Стасовой. Она знала лично многихъ курсистокъ, ихъ семейное положеніе, нужды и духовные запросы; къ ней обращались со всякими бѣдами и горестями. Сотни

окончившихъ, покинувъ Петербургъ, писали ей съ разныхъ концовъ Россіи, просили поддержки, рекомендацій для полученія мѣстъ и занятій; многія просто извѣщали о своей судьбѣ и характерѣ дѣятельности. Пріѣзжая на время въ Петербургъ, бывшія бестужевки навѣщали Н. В. и любили встрѣчаться у нея съ прежними товарищами. Устраивались сборы на экстренныя нужды, чтобы выручать изъ критическаго положенія; о сборахъ давали отчеты. Въ домѣ Н. В. по опредѣленнымъ днямъ стали собираться 20, 30 бестужевокъ для бесѣдъ; Н. В. сообщали письма иногородныхъ; изъ нихъ и другъ отъ друга онѣ узнавали интересныя подробности о жизни окончившихъ курсы, курьезы провинціальнаго быта, обстановку начинающихъ трудиться. Съ 1885-го года начали появляться доклады; читали свои произведенія, статейки. Кружокъ получилъ странное названіе «общества нетерянія изъ вида». Большинство посѣтительницъ принадлежало къ первымъ выпускамъ, особенно близкимъ Н. В. Кружокъ собирался и послѣ реформы 1889 г., когда курсы поступили въ вѣдѣніе М-ва Нар. Просвѣщенія, получили директора, инспектрисъ, и Н. В. разсталась съ былой дѣятельностью. Въ 1891 г. было задумана организація настоящаго общества, съ уставомъ и правами. Проектъ устава пересматривали около 2-хъ лѣтъ и утвердили въ очень измѣненномъ видѣ; общество взаимопомощи нашли почему-то неудобнымъ и окрестили организацію длинно и нескладно «Обществомъ вспоможенія окончившимъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ Высшихъ Курсахъ». Дѣйствительными членами признаются только окончившія С.-Петербургскіе курсы, а прочія лица, изъ числа учредительницъ, профессоровъ, временно слушавшихъ курсы могутъ быть избраны только въ почетные члены или члены-соревнователи. 22 октября 1903 г. состоялось первое общее учредительное собраніе и выбранъ первый совѣтъ. Общество вступило въ жизнь при необычныхъ условіяхъ: курсы не давали еще никакихъ преимуществъ для окончившихъ, выпуская ихъ тѣми же вѣчными домашними наставницами, какими выходили онѣ изъ гимназій — а новые запросы жизни уже побуждали ихъ выдѣлиться въ особый кругъ лицъ, съ собственными интересами, заботами, своими задачами, которыя имъ предстояло выполнять. Задолго до офиціальнаго разрѣшенія окончившимъ С.-Петербургскіе высшіе женскіе курсы преподавать во всѣхъ классахъ женскихъ средне-учебныхъ заведеній, въ бюро при новомъ обществѣ получались предложенія очень выгодныхъ мѣстъ и въ старшихъ классахъ. Какъ и въ старомъ кружкѣ «нетерянія изъ виду», общество помогало товарищамъ добиваться лучшихъ, высшихъ назначеній, расширять свою дѣятельность. Денежныя дѣла общества развивались медленно; средства доставлялись главнымъ образомъ членскими взно-

сами, публичными лекціями профессоровъ, пожертвованіями, доходами издательской комиссіи. Весь приходъ за 15 лѣтъ составилъ 41.093 руб., благодаря чему явилась возможность оказать матеріальную поддержку 343 лицамъ на сумму 22.552 руб. Нуждаются въ помощи товарищескаго общества лица, только что окончившія курсъ, еще выбирающіяся на дорогу труда или временно находящіяся въ затруднительномъ положеніи; имъ нужны занятія, нужны деньги для поѣздки и устройства на новомъ мѣстѣ, на леченіе. Случалось, что очень скоро они возвращали полученное пособіе, зная по опыту, какъ важна товарищеская помощь. Всего возвращено 4388 руб. Но бывала нужна поддержка со стороны общества и для тѣхъ, кто въ силу болѣзни или другихъ причинъ лишены были возможности зарабатывать себѣ средства къ жизни. Приходится сожалѣть, что вслѣдствіе незначительныхъ денежныхъ средствъ общества выдаваемыя пособія не могли обезпечить вполнѣ больныхъ, усталыхъ на работѣ товарищей. Этого не было бы, если бы всѣ окончившія курсъ вступали въ члены товарищескаго общества; но число членовъ растетъ медленно, гораздо медленнѣе, чѣмъ число лицъ, нуждающихся въ поддержкѣ общества.

Вслѣдъ за открытіемъ общества при немъ организовались издательская комиссія и бюро для пріисканія занятій окончившимъ курсы. Издательская комиссія имѣла цѣлью пополнять его кассу новымъ источникомъ дохода, а отчасти и облегчать бывшимъ слушательницамъ доступъ къ литературной дѣятельности. Первое время издавались біографіи выдающихся женщинъ; выпущены были: «Семейство Бронте», О. Петерсонъ, «Елена Іоанновна, в. кн. литовская», Е. Церетели, «Маргарита Ангулемская», А. Петрункевичъ, «Памяти Н. В. Стасовой». Затѣмъ нашли болѣе выгоднымъ въ смыслѣ доходности издавать переводы научныхъ книгъ, рекомендуемыхъ профессорами, какъ необходимыя пособія курсисткамъ и студентамъ. Такъ были выпущены: «Исторія древней философіи» Виндельбанда, «Исторія Греціи» Пельмана и др.

Бюро для пріисканія занятій помѣщается въ зданіи курсовъ; члены его дежурятъ ежедневно, нѣсколько сокращая число пріемныхъ дней въ разгаръ лѣтняго сезона. Они принимаютъ стекающіяся со всѣхъ концовъ Россіи предложенія мѣстъ, преимущественно въ средне-учебныхъ заведеніяхъ, а также занятій и уроковъ у частныхъ лицъ, заявленія желающихъ получить мѣста. Ведется обширная переписка съ окончившими въ разное время товарищами, съ начальствомъ учебныхъ заведеній. Служащія изъ окончившихъ часто справляются, нѣтъ ли новыхъ вакансій, съ лучшими условіями службы, сообщая нерѣдко любопытныя подробности о той житейской

обстановкѣ, въ которой приходится работать. Въ архивѣ бюро хранится много свѣдѣній о службѣ и дѣятельности бывшихъ слушательницъ, составляя интересный матеріалъ для изслѣдователя судебъ русской женщины и исторіи быта.

Въ 1897 г. совѣтъ общества получилъ разрѣшеніе на устройство ежемѣсячныхъ собраній членовъ-товарищей въ стѣнахъ курсовъ (въ просторѣчіи «чаепитій»). Среди посѣтительницъ проявились два теченія по вопросу, какъ устраивать собранія—читать ли небольшія сообщенія и доклады или удовлетворяться свободной бесѣдой. Бывали собранія и того, и другого характера. По временамъ собранія бывали особенно оживленны и многочисленны: въ 1903 г., когда готовились къ празднику 25-лѣтія с.-петербургскихъ высшихъ женскихъ курсовъ, писали привѣтствія комитету, профессорамъ, молодымъ товарищамъ; въ 1906 г.—въ мѣсяцы оживленія всего русскаго общества. По иниціативѣ члена совѣта С. П. Лыжиной были организованы собранія преподавательницъ, съ докладами спеціально-педагогическаго характера, на которые приглашались извѣстные педагоги и спеціалисты. Этотъ отдѣлъ быстро пріобрѣлъ значительное число посѣтительницъ, устраивалъ интересные доклады, вызывавшіе серьезныя пренія. Дѣятельность отдѣла такъ развилась, что его выдѣлили потомъ въ самостоятельную организацію, съ собственными программой и уставомъ.

Совмѣстная работа въ совѣтѣ, бюро, педагогическомъ отдѣлѣ, комиссіяхъ—издательской и ревизіонной,—сближали членовъ общества, являлись постояннымъ средствомъ общенія между бывшими слушательницами разныхъ возрастовъ, представительницъ разныхъ періодовъ жизни курсовъ; сношенія поддерживали взаимный интересъ, расширяли кругозоръ и возбуждали предпріимчивость. Обширная переписка бюро и совѣта дала возможность получать свѣдѣнія о жизни и дѣятельности многихъ сотенъ, даже тысячъ окончившихъ. И вотъ, совѣтъ, по иниціативѣ Н. А. Вѣтвѣницкой (нынѣ предсѣдательницы), предпринялъ, дополняя свой матеріалъ постояннымъ содѣйствіемъ членовъ, изданіе «Памятной книжки» окончившихъ курсъ наукъ на С.-Петербургскихъ в. ж. курсахъ. Благодаря постоянному притоку новыхъ свѣдѣній, книжку можно было переиздавать черезъ 2, 3 года. Въ 1903 г., къ 25-ти лѣтію курсовъ, вышло уже 4-ое изданіе «Памятной книжки», со свѣдѣніями о слушательницахъ 19-ти выпусковъ, съ приложеніемъ статистической таблицы распредѣленія окончившихъ по роду занятій, мѣсту жительства, и семейному положенію, а также библіографическаго указателя ихъ научныхъ и литературныхъ работъ, составленнаго членомъ совѣта Е. В. Балобановой. Съ каждымъ новымъ изданіемъ число въ печальной

графѣ: «нѣтъ никакихъ свѣдѣній» все уменьшалось и въ 4-мъ упало до 10% общаго числа окончившихъ. Къ 1-му женскому съѣзду въ декабрѣ 1908 г. составленъ былъ краткій докладъ, дополненный новыми данными, а къ 1-му съѣзду по образованію женщинъ приготовлены статистическія таблицы и графики распредѣленія по роду занятій и семейному положенію, со свѣдѣніями относительно 28 выпусковъ, по осень 1912 года. Въ ближайшемъ будущемъ предстоитъ выпускъ 5-го изданія «Памятной книжки».

Подобнаго вниманія къ судьбѣ товарищей и результатамъ дѣятельности своей almae matris не проявляютъ ни университеты, ни другія учебныя заведенія Россіи, за исключеніемъ, насколько намъ извѣстно, спб. технологическаго института, рижскаго политехникума, да учрежденій особаго типа: александровскаго лицея и женской учительской семинаріи въ Твери. Особенно жаль, что другіе высшіе женскіе курсы, даже московскіе, самые богатые послѣ с.-п.-бургскихъ, не собираютъ свѣдѣній о своихъ окончившихъ. Въ силу этого статистическія данныя петербургской «Памятной книжки» остаются единичнымъ явленіемъ; ихъ не съ чѣмъ сравнивать, и это лишаетъ ихъ значительной доли цѣнности, какъ матеріала для исторіи женскаго образованія и женской дѣятельности въ Россіи.

Новая таблица показываетъ, что за 34 года существованія (1878—1912) высшіе женскіе курсы въ Петербургѣ дали 28 выпусковъ; въ теченіе трехъ лѣтъ, 1886-89, пріемовъ не было, такъ какъ предполагалось закрытіе курсовъ. Пріемы возобновились съ 1889 г., на первое время ограниченные комплектомъ. Въ 1893 г. послѣдовалъ первый выпускъ изъ преобразованныхъ курсовъ, по прежнему не дававшихъ никакихъ правъ слушательницамъ. Къ осени 1912 года окончило 3995 слушательницъ; это—число лицъ, сдавшихъ всѣ экзамены, работы, сочиненія и получившихъ свидѣтельства объ окончаніи курса. Очень много слушательницъ, усердно занимаясь 4 года, или не сдавали выпускныхъ экзаменовъ, или по разнымъ причинамъ, не успѣвъ сдать 2-3 экзамена, уѣзжали изъ Петербурга; нѣкоторыя изъ нихъ теперь уже начальницы гимназій; многія, вернувшись на мѣста прежней службы или къ гимназіямъ, гдѣ учились, благополучно получали уроки и въ старшихъ классахъ, соотвѣтственно своей фактической подготовкѣ. Нужно помнить, что долгіе годы свидѣтельства курсовъ не давали никакихъ преимуществъ; но мѣстами администрація, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, принимала ихъ во вниманіе. Понятно, поэтому, что число слушательницъ, окончившихъ со свидѣтельствами, было долгое время очень невелико сравнительно съ числомъ учившихся на курсахъ. Зато, какъ только заговорили о введеніи государственныхъ экзаме-

новъ съ соотвѣтствующими правами, число окончившихъ сразу поднялось на нѣсколько сотъ лицъ.

Изъ числа 3995 окончившихъ Обществу удалось собрать свѣдѣнія о судьбѣ 3171-й слушательницы; минимальныя свѣдѣнія—это замужество съ перемѣной фамиліи, мѣстожительство. 824 лицъ, т. е. 20% съ небольшимъ, «потеряны изъ виду»; ихъ судьба совершенно неизвѣстна. Статистики знаютъ, что такой результатъ собиранія свѣдѣній долженъ считаться очень удачнымъ, тѣмъ болѣе, что процентъ утерянныхъ товарищей былъ сведенъ въ 1903 г. къ 10% и повысился вновь только благодаря большимъ выпускамъ послѣднихъ лѣтъ и замѣнѣ курсовой системы предметной системой преподаванія, которая, разбивая слушательницъ на маленькія группы, разъединяетъ учащихся; слушательницы теперь мало знаютъ другъ друга, и собираніе свѣдѣній объ окончившихъ стало затруднительнѣе. Окончившія въ 1912 г., въ числѣ 538-ми, разъѣхались на отдыхъ по разнымъ мѣстамъ, къ осени еще не возвращались, и отъ нихъ нельзя было ожидать достаточно полныхъ свѣдѣній. Если вычесть число безвѣстно отсутствующихъ послѣдняго выпуска (306) изъ 824, то процентъ потерянныхъ изъ виду упадетъ до 15-ти.

Имена окончившихъ со свѣдѣніями о ихъ дѣятельности разнесены на карточки; по этимъ карточкамъ занимающіяся въ статистическомъ бюро, устроенномъ на курсахъ проф. Кауфманомъ, составили таблицу и графики для съѣзда. Послѣднія свидѣтельствуютъ, что главной профессіей окончившихъ С.-Петербургскіе курсы является преподаваніе; имъ занимаются 1567 лицъ, т. е. 67% всего числа тѣхъ, о комъ имѣются свѣдѣнія. Въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ преподавательницами и ассистентками (на выс. жен. курсахъ разныхъ городовъ, жен. медицин. ин-тѣ, педагогической академіи и др. заведеніяхъ) состоятъ 76 лицъ. На С.-Петербургскихъ курсахъ въ настоящее время служатъ и работаютъ 30 окончившихъ слушательницъ. Двѣ изъ нихъ, А. Сердобинская и В. Шиффъ, тотчасъ по окончаніи курса въ 1882 г. были оставлены при курсахъ для занятій со слушательницами, первая — по физикѣ, вторая—по математикѣ; съ тѣхъ поръ онѣ служатъ на курсахъ 30 лѣтъ безъ перерыва. Доктора Геттингенскаго ун-та, Н. Гернетъ и А. Васильева, читаютъ лекціи по математикѣ и химіи. В. Пѣтухова преподаетъ латинскій языкъ. Д. Добіашъ-Рождественская, А. Петрункевичъ, Н. Враская, имѣющія ученыя степени заграничныхъ университетовъ, читаютъ лекціи и ведутъ семинаріи по всеобщей исторіи; Константинова преподаетъ исторію искусствъ. 20 окончившихъ занимались прежде въ разное время со слушательницами и прекратили занятія по разнымъ причинамъ; изъ ихъ числа выдавалась рано умершая талантливая Богдановская-По-

пова, преподавательница химіи, докторъ Женевскаго университета. Кромѣ того на курсахъ работаютъ еще 9 окончившихъ. Библіотекарь курсовъ, Е. Д. Балобанова, еще слушательницей занималась библіотекой; съ 1882 г. она безсмѣнно завѣдуетъ ею, спеціально изучивъ библіотечное дѣло; при ней нѣсколько помощницъ. Секретаремъ по учебной части и по дѣламъ слушательницъ состоитъ Н. Вѣтвѣницкая; одна изъ ея помощницъ также принадлежитъ къ числу окончившихъ.

Въ женскомъ педагогическомъ институтѣ В. Волковичъ и З. Столица преподаютъ философію и психологію. Л. Кауфманъ—ассистентка на женскихъ политехническихъ курсахъ. Служатъ окончившія курсы въ жен. медицин. институтѣ, на московскихъ выс. жен. курсахъ, въ Психо-неврологическомъ институтѣ; одна служила лаборанткой въ Лѣсномъ Институтѣ. О. Согомонова завѣдуетъ Выс. жен. курсами въ Тифлисѣ; Максимова-Церетели въ Юрьевѣ ассистентка по каѳедрѣ философіи на курсахъ проф. Ясинскаго.

92 окончившія служатъ начальницами среднихъ учебныхъ заведеній, казенныхъ, общественныхъ и своихъ собственныхъ. Е. Песковская при своей гимназіи въ С. Истербунѣ основала первые женскіе юридическіе курсы; М. Краснова — первые женскіе курсы счетоводства; М. Величко — женскіе вечерніе курсы; Е. Тараканова — общеобразовательные курсы для взрослыхъ, В. Волковичъ и З. Столица—курсы философіи и психологіи.

834 лица преподаютъ въ женскихъ и мужскихъ гимназіяхъ, коммерческихъ училищахъ, институтахъ и другихъ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Въ бюро общества присылается много приглашеній на учительскія вакансіи съ жалованьемъ въ 1500, 1800, 2000 р. 55 лицъ изъ числа окончившихъ въ 1912 г. уже получили къ осени мѣста.

614 лицъ служатъ въ городскихъ училищахъ, начальныхъ и высшаго типа, техническихъ и др., 76 —въ сельскихъ школахъ. Слушательницы первыхъ раннихъ выпусковъ охотно принимали на себя тяжелый трудъ въ деревняхъ; за послѣднее время этотъ родъ дѣятельности окончившія курсы берутъ на себя лишь въ видѣ единичныхъ исключеній. 200 лицъ довольствуются частными уроками и занятіями въ семьяхъ. 24 окончившія даютъ уроки пѣнія, рисованія, музыки. Нужно помнить, что нерѣдко однѣ и тѣ же лица служатъ въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и даютъ уроки въ среднихъ, а преподавательницы тѣхъ и другихъ заведеній работаютъ въ воскресныхъ и вечернихъ курсахъ и классахъ для взрослыхъ.

Этотъ видъ дѣятельности курсистокъ заслуживаетъ особаго вниманія, по крайней мѣрѣ въ Петербургѣ. Въ своемъ привѣтствіи

С.-Петербургскимъ высшимъ женскимъ курсамъ въ день ихъ 25-лѣтія (1903 г.) представитель учащихъ въ классахъ для рабочихъ за Невской заставой заявилъ, что за 20 лѣтъ существованія этихъ классовъ въ нихъ работало 143 бывшія слушательницы. «Судьба нашихъ воскресно-вечернихъ и техническихъ классовъ тѣсно связана съ существованіемъ высшихъ женскихъ курсовъ, такъ какъ составъ учащихъ школъ пополняется, главнымъ образомъ, окончившими эти курсы; и если наши школы пріобрѣтаютъ все большій и большій нравственный авторитетъ въ глазахъ рабочей массы, если преподаваніе въ нихъ становится болѣе научнымъ и расширяетъ сферу научнаго знанія, знакомя рабочихъ съ современнымъ состояніемъ науки, искусства и литературы, то этимъ они обязаны въ значительной мѣрѣ Высшихъ женск. курсамъ, давшимъ своимъ слушательницамъ не только запасъ научныхъ свѣдѣній по разнымъ отдѣламъ знанія, но развившимъ и укрѣпившимъ въ нихъ высокій нравственный идеалъ общественнаго дѣятеля... Выступленіе бывшихъ слушательницъ на путь ознакомленія трудовой массы съ сокровищами знанія знаменуетъ новую эру въ народномъ просвѣщеніи въ Россіи». Высшее образованіе было удѣломъ привилегированныхъ классовъ, говорилъ В. Я. Аврамовъ, а популяризація знаній не спускалась ниже средне-учебныхъ заведеній; «только съ учрежденіемъ высшихъ женскихъ курсовъ научное знаніе въ лицѣ учительницъ съ высшимъ образованіемъ, проникаетъ въ низшія школы и, становясь средствомъ умственнаго развитія личности, доводитъ ее до сознанія человѣческаго достоинства». И ораторъ былъ совершенно правъ: горячій интересъ къ народному образованію и къ образованію женщинъ вспыхнулъ одновременно въ концѣ 50-хъ годовъ прошлаго вѣка; и школы женскія, и школы для народа развивались на средства общества, испытывали тѣ же бѣдствія, подвергались всяческимъ искусамъ по капризу судьбы. Ученикъ школы для рабочихъ эффектно иллюстрировалъ слова своего учителя: «Среди охотниковъ существуетъ легенда, что нѣкоторые изъ орловъ, самыхъ зоркихъ и сильныхъ, весьма своеобразно воспитываютъ своихъ дѣтей: они подымаютъ ихъ съ собою на недосягаемую высоту и учатъ смотрѣть оттуда вдаль и не страшиться выси... Слава орлу—женскому университету. Слава русскимъ сильнымъ орлицамъ. Искренній привѣтъ вамъ отъ тѣхъ малыхъ неоперившихся птенцовъ, которые при помощи вашей могли также подняться на высоту и взглянуть оттуда собственными глазами на міръ, какъ онъ есть».

Такой орлицей, по наивному выраженію восторженнаго ученика, была 20 лѣтъ завѣдывавшая Смоленскими мужскими классами О. П. Поморская-Козлова. Во главѣ учительницъ и учителей, занятыхъ

по горло въ своихъ денныхъ дѣтскихъ школахъ, она, съ помощью В. Я. Аврамова и покойнаго Н. А. Варгунина, привлекала хорошія лекторскія силы и съумѣла создать учрежденіе, послужившее образцомъ для другихъ воскресно-вечернихъ классовъ и школъ. Ежегодные отчеты о программахъ и ходѣ преподаванія въ школахъ за Невской заставой выписывались почти во всѣ аналогичныя учрежденія, какъ необходимый матеріалъ для справокъ и руководства. Къ 1900-му году преподаваніе достигло такой высоты и полноты, что классы для рабочихъ за Невской заставой должны считаться непосредственными предшественниками народныхъ университетовъ въ Россіи. Это призналъ первый съѣздъ дѣятелей университетовъ, пославъ Поморской-Козловой привѣтственную телеграмму.

Изъ работавшихъ и работающихъ въ классахъ для рабочихъ и работницъ въ столицахъ и на окраинахъ, организовавшихъ школы, вносившихъ новые программы и методы преподаванія можно назвать еще бывшихъ слушательницъ: М. Величко, Шнакенбургъ-Григорьеву, В. Яковлеву, С. Мириманову, Зарудную-Гревсъ, Е. Щепкину, покойныхъ сестеръ Л. и А. Львовыхъ, Простотину-Кудрявцеву, Е. Корсакову, В. Янчевскую, Л. Пескову и многихъ другихъ. З. Никитина, подруга О. Поморской, работаетъ въ народномъ университетѣ за Невской заставой, тамъ же, гдѣ прослужила 31 годъ; много труда кладетъ на организацію народныхъ университетовъ выдающійся лекторъ М. Сабинина-Кузнецова.

Изъ другихъ спеціальностей вслѣдъ за педагогической слѣдуетъ врачебная; ею занято 176 лицъ. Изъ нихъ 141, окончивъ курсъ въ Россіи, или за-границей, работаютъ, какъ врачи; 35 принадлежатъ къ низшему медицинскому персоналу—фельдшерицы, массажистки, зубные врачи и пр.

По значительности процента слѣдуетъ поставить затѣмъ занятіе литературой. Въ этой графѣ 147 авторовъ оригинальныхъ и переводныхъ работъ. Но это число очень неполно; оно несомнѣнно, должно быть гораздо выше, но бѣда въ томъ, что этотъ родъ дѣятельности, съ большимъ трудомъ поддается регистраціи. Впрочемъ, въ 1903 г. удалось собрать библіографическія указанія трудовъ 95 окончившихъ слушательницъ; въ маленькомъ указателѣ находимъ почтенныя имена критика и историка литературы—З. Венгеровой, литературнаго критика и беллетристки Л. Гуревичъ, критика—Е. Колтоновской, беллетристки С. Караскевичъ, скончавшейся беллетристки Ю. Яковлевой-Безродной, соединявшей научныя работы съ занятіями беллетристикой В. Богдановской; первой въ Россіи женщины-библіографа З. Пенкиной-Триполитовой, начавшей писать и работать еще на гимназической скамьѣ и скончавшейся всего 26 лѣтъ отъ роду

Наконецъ, при библіотекахъ и читальняхъ работаютъ 48 лицъ. Е. В. Балабанова въ 1901 г. издала свою спеціальную работу «Библіотечное дѣло».

84 окончившія служатъ при заводахъ, въ обсерваторіяхъ, на зоологическихъ станціяхъ. П. Циклинская, докторъ женевскаго университета, много лѣтъ состоитъ ассистенткой въ бактеріологическомъ институтѣ при Московскомъ университетѣ. По окончаніи курса въ 1889 г. она изучала бактеріологію въ Пастеровскомъ институтѣ въ Парижѣ и въ лабораторіи Мечникова исполнила свою первую научную работу. Въ теченіе послѣднихъ лѣтъ Циклинской сдѣланъ рядъ работъ и написано не мало статей изъ области бактеріологіи. Болѣе 15-ти окончившихъ состояли и состоятъ вычислительницами Пулковской обсерваторіи. Работы по астрономіи А. Стебницкой, М. Жиловой и нѣкоторыхъ другихъ печатались въ изданіяхъ академіи наукъ. Многія служатъ въ лабораторіяхъ при заводахъ, гдѣ трудъ окончившихъ курсы очень цѣнится и на него всегда имѣется спросъ.

118-ть слушательницъ заняты «частной службой»—въ правленіяхъ желѣзныхъ дорогъ, въ банкахъ, въ земскихъ управахъ, частныхъ конторахъ, у нотаріусовъ, а послѣдніе два года—у присяжныхъ повѣренныхъ (юристки трехъ послѣднихъ выпусковъ).

Удивительно мало—всего 16-ть лицъ—заняты искусствомъ: это художницы, актрисы, пѣвицы, музыкантши; есть и одна композиторша.

191 окончившихъ продолжаютъ свое образованіе (за границей, въ Женскомъ медицинскомъ институтѣ, педагогической Академіи, на недавно открытыхъ Педагогическихъ курсахъ учебныхъ округовъ и т. д.). Эта цифра несомнѣнно неточна; она должна быть выше.

Существуетъ рядъ занятій, при современныхъ условіяхъ вовсе не подающихся регистраціи—это общественная дѣятельность, благотворительность. И имъ отдаютъ свои силы, по словамъ доклада, очень многія изъ окончившихъ С.-Петербургскіе курсы, какъ попечительницы и учредительницы школъ и учебныхъ мастерскихъ, общежитій для рабочихъ и яслей для дѣтей ихъ, школьныхъ лѣтнихъ колоній и т. п. Подробныя свѣдѣнія о дѣятельности этихъ лицъ находимъ въ отчетахъ тѣхъ земствъ, и обществъ, гдѣ онѣ работаютъ. Кто знакомъ съ дѣятельностью Общества народныхъ развлеченій, Общества «Дѣтская Помощь», «Общества попеченія о молодыхъ дѣвушкахъ въ С.-Петербургѣ», гдѣ большая часть членовъ—сотрудницы, не платящія взносовъ, а своимъ трудомъ способствующія удивительному росту дѣла, тотъ знаетъ, что означаетъ терминъ: «членъ Совѣта или Комитета такого-то Общества». Работаютъ въ С.-Петербургѣ, работаютъ на окраинахъ, всюду, куда забрасываетъ судьба. Изъ Сибири приходятъ вѣсти о Л. С. Крутовской, дѣятельномъ членѣ Общества

попеченія о народномъ образованіи, завѣдующей книжнымъ складомъ этого Общества; въ Ярославлѣ на пользу народнаго образованія работаетъ А. Н. Шаховская. Въ Енисейскѣ В. А. Баландина открываетъ книжный складъ, библіотеку для интеллигентныхъ читателей и читальню для народа, возводитъ обширное зданіе для народной аудиторіи и школы, организуетъ ясли и школы при заводѣ въ Минусинскомъ уѣздѣ, устраиваетъ метеорологическую станцію и химическую лабораторію, дѣлаетъ доклады по химіи, читаетъ рядъ публичныхъ лекцій и широкой рукой оказываетъ помощь учащимся. Н. Половцова, учредила въ 1896 г. школы кружевницъ въ Рязанской губ., Ф. Селихова и А. І. Коляновская—школу ткачества въ Полтавѣ, Н. Г. Вашкевичъ—корзиночную мастерскую; А. А. Машковцева открыла безплатную профессіональную школу въ Симферополѣ; Н. А. Вѣтвѣницкая устроила въ 1897 г. въ Полтавской губ. народное училище для 100 учащихся и безплатную народную читальню, помѣщающіяся въ спеціально построенномъ школьномъ зданіи, а въ 1900 г., тамъ же, Красногоровскую ткацкую учебную мастерскую.

Еще труднѣе учесть общественную и общественно-политическую дѣятельность слушательницъ; между тѣмъ, многія вложили сюда массу силъ, и въ ранніе годы, когда такъ неудержимо было тяготѣніе къ народу, и въ пору освободительнаго движенія начала XX вѣка. Въ «Памятной книжкѣ» стоятъ имена, при которыхъ можно только отмѣтить: см. «Былое», «Минувшіе годы»... Не мало окончившихъ С.-Петербургскіе курсы содѣйствовали подъему женскаго движенія, участвовали въ различныхъ его теченіяхъ. Въ союзѣ равноправія женщинъ работали Л. Гуревичъ, Е. Щепкина, М. Янчевская, А. Лучицкая, В. Невѣжина. Холшевникова—одна изъ учредительницъ лиги равноправія женщинъ, Р. Бодуэнъ-де-Куртенэ—дѣятельница союза польскихъ женщинъ.

Итакъ, матеріалы и таблицы «Памятной книжки» и доклада по сентябрь 1912 г. даютъ свѣдѣнія о дѣятельности 2316 окончившихъ С.-Петербургскіе высшіе курсы, разныхъ поколѣній, разнаго общественнаго положенія, проходящихъ этапы жизни съ различными правами. Среди нихъ 713 замужнихъ продолжали и продолжаютъ и въ бракѣ свою служебную и общественную дѣятельность; изъ числа 1603 незамужнихъ 216 не дали свѣдѣній о родѣ своихъ занятій.

Теперь остается разсмотрѣть графы, касающіяся мѣстопребыванія бывшихъ слушательницъ и ихъ семейнаго положенія. Что касается перваго вопроса, то большинство окончившихъ, какъ показываютъ данныя, остались въ Петербургѣ: 1441 изъ всѣхъ тѣхъ, чье мѣстопребываніе установлено за послѣдніе мѣсяцы 1912 г.;

1310 лицъ живутъ въ провинціи, нѣкоторыя—за-границей. Мѣстопребываніе 1194 лицъ не установлено. Но если выдѣлить 306, окончившихъ въ 1912 г. и не имѣвшихъ возможности опредѣлить свое постоянное мѣстопребываніе или сообщить о немъ, то указанное число упадетъ до 828. Преподавательницы провинціальныхъ учебныхъ заведеній довольно часто мѣняютъ мѣста службы по семейнымъ обстоятельствамъ, а также вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни въ провинціи.

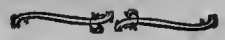
Крайне интересны указанія таблицы на семейное положеніе окончившихъ. Изъ числа 3171, о которыхъ имѣются свѣдѣнія, замужнихъ всего 1352, не выходившихъ замужъ—1819; если выдѣлить младшій выпускъ, то получится все-таки 1271 замужнихъ на 1660 дѣвицъ—огромный процентъ безбрачныхъ! Какъ уже указано, большая часть замужнихъ женщинъ продолжаютъ службу или занятія по своей профессіи. Занятія 639 семейныхъ неизвѣстны; ввести же особую графу — домашнее хозяйство или работа въ семьѣ—неудобно и не принято статистиками. Несомнѣнно, что многія матери семействъ, не имѣя опредѣленной службы, работаютъ въ просвѣтительныхъ и благотворительныхъ обществахъ, занимаются общественной дѣятельностью. Большой процентъ семейныхъ женщинъ, не покидающихъ своего профессіональнаго труда, показываетъ, какъ современныя женщины дорожатъ своей профессіей; она дорога имъ не только потому, что дороговизна жизни и растущія потребности семьи заставляютъ зарабатывать въ четыре руки, но и потому, что на пріобрѣтеніе спеціальныхъ знаній затрачено столько молодыхъ силъ, и знанія властно требуютъ примѣненія въ ея жизни и дѣятельности.

Если вникнуть въ соотношеніе числа замужнихъ и незамужнихъ бывшихъ слушательницъ отдѣльно въ каждомъ выпускѣ, то окажется, что среди первыхъ восьми выпусковъ С.-Петербургскихъ курсовъ, когда женская молодежь еще помнила преданія нигилизма, многія стригли волосы, презирали моды, смѣялись надъ порядками семейной жизни, процентъ вышедшихъ замужъ выше, чѣмъ среди выпусковъ 90-хъ годовъ. Во всѣхъ выпускахъ до преобразованія курсовъ въ 1889 г. число замужнихъ превышаетъ число дѣвицъ: среди окончившихъ въ 1883 г. 83 замужнихъ на 58 дѣвицъ, въ выпускѣ 1884 г.—64 на 34. Но вотъ стремленіе «вернуть дѣвушекъ къ семьѣ», спасти ихъ отъ соблазна конкурренціи съ мужчинами въ разныхъ профессіяхъ, о чемъ такъ энергично трубили съ половины 80-хъ годовъ, восторжествовало: медицинскіе курсы закрыты на много лѣтъ, изъ программы высшихъ бестужевскихъ курсовъ устранены неприличныя науки—физіологія, анатомія, біологія; допущены только гуманитарныя знанія и математика. И тотчасъ же, вопреки усердію

радѣтелей семейнаго начала, соотношеніе числа замужнихъ и незамужнихъ среди окончившихъ заколебалось: среди выпусковъ 1894 и 1896 г.г. число дѣвицъ преобладаетъ, а съ 1898 г. число ихъ упорно и значительно превышаетъ число замужнихъ, среди окончившихъ въ 1902 году—112 дѣвицъ на 48 замужнихъ. Необходимо отмѣтить, что съ 1884 по 1903 г. таблицы даютъ минимальное число «потерянныхъ изъ виду».—3, 5, 8, а за 3 выпуска—нолевое; слѣдовательно, эти графы ничего не измѣняютъ въ соотношеніи другихъ чиселъ. Конечно, слѣдуетъ помнить, что окончившимъ въ 1882—1885 г.г. теперь лѣтъ 50—55, и брачный вопросъ для нихъ болѣе не существуетъ; но и окончившимъ въ 1893—5 г.г. тоже вѣдь за сорокъ; окончившія въ 1898—9 г.г. имѣютъ не менѣе 36 лѣтъ; въ годы 1900—903, вслѣдствіе частыхъ волненій и забастовокъ, учащіеся въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ очень запаздывали со сдачей экзаменовъ, и потому оканчивали уже не юными. Несомнѣнно, что и 45 лѣтнія могутъ еще выйти замужъ, но тогда ихъ брачный возрастъ сближается съ возрастомъ выхода на пенсію, по крайней мѣрѣ въ половинномъ размѣрѣ.

Выпуски послѣ 1903 г. нельзя принимать въ расчетъ при сравненіи чиселъ въ графахъ, касающихся семейнаго положенія окончившихъ,—какъ въ виду молодости слушательницъ, такъ и вслѣдствіе высокаго процента не давшихъ о себѣ никакихъ свѣдѣній. Что касается итоговъ болѣе раннихъ лѣтъ, то они указываютъ одновременно и на паденіе числа браковъ, какъ это замѣчается повсюду, и на повышеніе брачнаго возраста. Не касаясь интимной жизни окончившихъ спб. курсы, ни вопроса о гражданскомъ бракѣ, мы можемъ только признать, что сравнительно огромное число бывшихъ слушательницъ проводятъ свой вѣкъ одиноко, лицомъ къ лицу съ суровой жизнью. Нѣтъ основанія думать, чтобы судьбы нашихъ товарищей по спб. курсамъ въ среднемъ представляли бы что-нибудь исключительное; онѣ вскрываютъ маленькій уголокъ того, что происходитъ въ средѣ нашей женской интеллигенціи, и отчасти объясняютъ и внезапный ростъ женскаго движенія въ Россіи съ первыхъ годовъ XX-го вѣка и повышеніе интереса къ расширенію гражданскихъ и политическихъ правъ женщинъ.

Е. Щепкина.



ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

— Марина Цвѣтаева. Изъ двухъ книгъ. М. 1913 г. Маріэтта Шагинянъ. Orientalia. 1913 г.

Изъ всѣхъ русскихъ поэтессъ, когда-либо выступавшихъ на литературномъ поприщѣ, пожалуй, лишь одна Каролина Павлова оправдала долгій и основательный успѣхъ, который неизмѣнно сопровождалъ ее. Ея изысканный стихъ, дѣйствительно, — и упругъ, и образенъ, и—главное—самобытенъ. Ни пятнадцатилѣтняя, унесенная ранней смертью О. Кульманъ, ни Ю. Жадовская, ни Мирра Лохвицкая, ни, наконецъ, З. Гиппіусъ, несмотря на утонченную архитектонику,—не дали бо̀льшаго въ выявленіи женскаго міросозерцанія, чѣмъ дала К. Павлова. Послѣдняя въ «женской поэзіи попрежнему занимаетъ доминирующее и одинокое положеніе. Но вѣрится, что придетъ поэтесса, которая, не стѣсняясь, разскажетъ о себѣ, о женщинѣ, всю правду,—разскажетъ такъ же просто и понятно, какъ раскрылъ психологію мужчинъ Пушкинъ.

Укрѣпленію этой вѣры въ грядущую великую поэтессу способствуютъ, между прочимъ, сборники М. Цвѣтаевой и М. Шагинянъ. И, если первая колеблется еще: итти-ли ей по проторенной дорожкѣ, вслѣдъ за поэтами-корифеями; то вторая—дерзаетъ весьма замѣтно. Однако, причиной смѣлости, выказанной М. Шагинянъ, не приходится считать ея «расовую осознанность», какъ говорится въ предисловіи; что же касается молодости, то въ ней не чувствуется недостатка и у М. Цвѣтаевой. Напротивъ, намъ кажется, что поэзія М. Цвѣтаевой должна была бы опредѣлиться въ болѣе яркой формѣ, потому что первыя двѣ книги (особенно «Вечерній Альбомъ») названнаго автора намекали на это.

Самымъ уязвимымъ мѣстомъ въ сборникѣ «Изъ двухъ книгъ» является его слащавость, сходящая за нѣжность. Чуть-ли не каждая страница пестритъ уменьшительными, въ родѣ: «Боженька», «Головка», «Лучикъ», «Голубенькій» и т. п. Какъ образчикъ употребленія такихъ неудачныхъ сочетаній, можно привести стих. «Слѣдующему»: «Взросъ ты, вспоенная солнышкомъ вѣточка, рая—явленье, нѣжный, какъ дѣвушка, тихій, какъ дѣточка, весь—удивленье»,—гдѣ приторность и прилизанность стиха — черезчуръ шаблонны. И странно, право, на-ряду съ указанными строками

встрѣчать — искреннія, окрыленныя музой: «Благословивъ его на муку, склонившись, какъ идутъ къ гробамъ, ты, какъ святыню, принца руку, блѣднѣя, поднесла къ губамъ. И опустились принца вѣки, и понялъ онъ безъ словъ, въ тиши, что этимъ жестомъ вдругъ навѣки соединились двѣ души. Что вамъ Ромео и Джульета, пѣснь соловья межъ темныхъ чащъ! Другъ другу вняли—безъ обѣта—мундиръ, какъ снѣгъ, и черный плащъ» (Камерата). Или: «Наша мама не любитъ тяжелой прически,—только время и шпилки терять!» Развѣ—не по-хорошему интимны эти стихи? И развѣ не слышится въ нихъ біенія настоящей, не книжной жизни?

Кромѣ нарочитой слащавости, въ упрекъ М. Цвѣтаевой слѣдуетъ поставить туманность и рискованность нѣкоторыхъ выраженій («онъ былъ синеглазый и рыжій, какъ порохъ во время игры(!)», «*улыбка* сумерокъ въ окна *льется*») предвзятость рифмъ (голосъ—раскололось; саквояжемъ — скажемъ), повторяемость («Вагонный мракъ какъ будто давитъ плечи»—Привѣтъ изъ вагона, «Воспоминанье слишкомъ давитъ плечи»—Въ раю) несоблюденіе удареній.

«Orientalia», въ противоположность «Изъ двухъ книгъ»,—нѣсколько грубоваты и эксцентричны. Впрочемъ, грубость въ данномъ случаѣ оказывается лишь перекиднымъ мостомъ къ выполненію рисунка въ манерѣ И. Бунина: «Закатъ багровъ; къ утру пророчитъ онъ, какъ продолженье чьей-то сказки давней, *свистъ* ковыля, трубы зловѣщій *стонъ*, *трескъ* черепицъ и *стукъ* разбитой ставни. Подъ вой вѣтровъ, *повязана платкомъ*, гляжу *прищурясь*, въ даль, *изъ-подъ ладони*: Клубится-ль пыль? Зоветъ-ли мужъ свисткомъ въ степи коней? Не ржатъ-ли наши кони?» Здѣсь вторая строфа—совсѣмъ хороша: вполнѣ выдержана стилистически и остро ощущается въ ней вѣтряная погода въ степи, а въ первой—порывистые налеты вихря запечатлѣваются словами: свистъ, стонъ, трескъ, стукъ. Есть цѣлая вереница реалистически-мѣткихъ строкъ въ книгѣ М. Шагинянъ, а въ тоже время попадаются стихотворенія символическія и напыщенныя: такъ неровно развертывается небольшое дарованіе поэтессы, что не знаешь, за кѣмъ послѣдуетъ она — за Бунинымъ, за пѣвцами-ли риторики и разныхъ отвлеченностей, или же разовьетъ то восточное, одурманенное жаркими полночными грезами Кавказа, упоеніе бытіемъ, которое роднитъ «Orientalia» съ «Пѣснью пѣсней».

Владиміръ Нарбутъ.

— П. Н. Сакулинъ. Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. Ѳ. Одоевскій. Мыслитель и Писатель.
Томъ первый. Часть первая. Стр. VI+616. Часть вторая, стр. 479. Цѣна за обѣ части 5 р. 50 коп. Москва, 1913.

Въ майской книжкѣ «Вѣстника Европы» мы отмѣтили новое изданіе »Русскихъ Ночей» князя Одоевскаго. Теперь вышелъ первый томъ обширнаго изслѣдованія объ ихъ авторѣ. Оно принадлежитъ перу московскаго историка литературы П. Н. Сакулина. Вышедшая часть книги содержитъ характеристику Одоевскаго, какъ мыслителя и писателя за первые двадцать лѣтъ его дѣятельности.

Лѣтъ двадцать назадъ, въ небольшой работѣ о князѣ Одоевскомъ, составленной по скуднымъ, имѣвшимся тогда въ печати, даннымъ о немъ, мы назвали его «человѣкомъ трехъ поколѣній», руководясь больше догадкой, имѣя въ виду совершенно исключительную духовную одаренность его, гибкость душевной организаціи, которая чутко отражала въ себѣ наиболѣе жизненные элементы развивающейся общественной мысли. «Объ Одоевскомъ,—пишетъ г. Сакулинъ въ введеніи—съ полнымъ правомъ можно сказать, что онъ шелъ «съ вѣкомъ наравнѣ». Одинъ изъ лучшихъ представителей нашей дворянской интеллигенціи, онъ близко стоялъ ко всѣмъ общественнымъ, идейнымъ и литературнымъ движеніямъ, пережилъ *типичную* для его современниковъ эволюцію и особенно типичную для русскаго *идеализма.* Въ исторіи его внутренняго развитія характерными чертами отразилась судьба цѣлаго теченія русской интеллигентской мысли, которое изъ замкнутыхъ романтическихъ кружковъ попало въ самую гущу жизни, въ новыя, болѣе демократическія, условія, въ атмосферу все наростающаго реализма. Аристократъ по происхожденію и всему складу своего первоначальнаго міросозерцанія, Одоевскій въ теченіе двухъ десятилѣтій горячо ратуетъ противъ экономики во имя чистаго идеализма, думая не о преобразованіи формъ жизни, а главнымъ образомъ о распространеніи «поэтическихъ стихій» жизни; при всей широтѣ своихъ отвлеченныхъ идеаловъ, сначала онъ былъ весьма консервативенъ въ вопросахъ соціальныхъ и политическихъ: еще въ началѣ сороковыхъ годовъ ему и въ голову не приходитъ мысль о возможности уничтоженія крѣпостного права. Позднѣе, особенно въ 50—60-хъ годахъ, Одоевскаго глубоко захватываетъ соціальная проблема, и онъ дѣлается горячимъ сторонникомъ освобожденія крестьянъ и другихъ основныхъ реформъ новаго царствованія; въ вопросѣ политическомъ онъ занимаетъ умѣренно-прогрессивную позицію... Въ качествѣ мыслителя онъ совершилъ переходъ отъ любомудрія и мистики къ рѣзкому отрицанію «потолочныхъ» идей (по его любимому выраже-

нію въ 40—60-хъ годахъ); въ концѣ концовъ онъ укрѣпляетъ свое научное міровоззрѣніе на почвѣ положительнаго знанія, хотя и не можетъ свои научныя убѣжденія вполнѣ ассимилировать съ матеріализмомъ шестидесятниковъ. Какъ писатель, Одоевскій отразилъ различныя боровшіяся тогда теченія, направляясь по тому пути, на концѣ котораго значился художественный реализмъ; безъ Одоевскаго исторія русской повѣсти была бы не полной. Одоевскій, коротко говоря, былъ настолько талантливой личностью, что далеко выдвигался изъ общихъ рядовъ нашихъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей и на многое наложилъ печать своей собственной творческой мысли».

Такова общая постановка труда г. Сакулина. Онъ намѣренно обходитъ спеціально біографическую часть и многія стороны жизни Одоевскаго, общественную и благотворительную дѣятельность его, дѣятельность, какъ музыканта и педагога, и сосредоточивается на немъ, какъ на мыслителѣ и писателѣ, въ связи съ тогдашними идейными и литературными направленіями.

Для характеристики послѣднихъ авторомъ привлечено множество самостоятельно-обработаннаго и разысканнаго матеріала, такъ что Одоевскій въ его книгѣ временами даже какъ бы заслоненъ небольшими этюдами по исторіи русской мысли, имѣющими самостоятельный интересъ. Годы ученія Одоевскаго побуждаютъ автора дать цѣлое маленькое изслѣдованіе объ университетскомъ благородномъ пансіонѣ, гдѣ получили воспитаніе столько видныхъ дѣятелей первой половины XIX вѣка; здѣсь воскрешены черты духовнаго вліянія, какое пансіонъ имѣлъ на воспитанниковъ въ лицѣ своихъ руководителей (изложеніе философскихъ настроеній Давыдова и др.). Въ историко-литературныхъ обзорахъ тридцатыхъ годовъ обычно бѣгло и довольно поверхностно говорится о «любомудрахъ» двадцатыхъ-тридцатыхъ годовъ. Вторая глава книги г. Сакулина является подробнымъ изученіемъ этого умонастроенія, на основаніи широко привлеченнаго первичнаго матеріала и сравненія русскихъ любомудровъ съ Шеллингомъ и другими мыслителями и писателями, вдохновлявшими Одоевскаго и его товарищей. Подробно обрисованы перекрещивающіяся вѣянія впервые себя сознающей идеалистической мысли, подымающейся противъ застоя и душевнаго одичанія толпы. Слѣдующія двѣ главы съ тою же обстоятельностью вводятъ читателя въ философско-мистическій идеализмъ Одоевскаго. Этотъ періодъ мысли его подробно освѣщенъ со стороны своихъ источниковъ и соприкосновеній, какъ съ западноевропейской идеалистической философіей и мистикой, такъ и русской (въ особенности И. В. Кирѣевскій): характеренъ былъ русскій мессіанизмъ, раздѣляемый

Одоевскимъ. Четвертая глава даетъ обзоръ литературной дѣятельности Одоевскаго, кончая «Русскими Ночами», съ подробнымъ изложеніемъ содержанія важнѣйшихъ его произведеній, какъ печатныхъ, но забытыхъ, такъ и остающихся частью въ рукописяхъ. Эта глава, какъ матеріалъ для сужденій объ Одоевскомъ, особенно важна въ виду отсутствія собранія сочиненій Одоевскаго. Наконецъ, пятая глава даетъ характеристику Одоевскаго, какъ писателя тридцатыхъ годовъ. Авторъ приходитъ къ признанію подлинной оригинальности Одоевскаго; непосредственныхъ вліяній со стороны западно-европейскихъ писателей установить невозможно въ отношеніи ни одного его произведенія въ цѣломъ. «Въ литературѣ онъ хотѣлъ бы видѣть синтезъ художественности, идейности и общественности. Создатель философской повѣсти, дидактическій поэтъ и бытописатель, Одоевскій увѣреннымъ шагомъ шелъ къ той конечной цѣли, которую указывали для русской литературы Грибоѣдовъ, Пушкинъ, Гоголь и Бѣлинскій».

Обиліе тщательно переработаннаго авторомъ матеріала, цѣльность позитивнаго взгляда и послѣдовательность въ развитіи основныхъ точекъ зрѣнія дѣлаютъ книгу г. Сакулина выдающимся явленіемъ въ исторіи изученій русской мысли и литературы и цѣннымъ вкладомъ въ науку. Съ живымъ интересомъ можно ожидать выхода второго тома. Здѣсь авторъ обѣщаетъ дать изслѣдованіе той эволюціи, которую кн. Одоевскій переживаетъ въ слѣдующій періодъ, въ періодъ научнаго реализма, обѣщаетъ изложить литературную дѣятельность его на протяженіи сороковыхъ-шестидесятыхъ годовъ и дать общіе итоги значенія его въ нашей общественной и литературной жизни. Необходимо особо отмѣтить и чисто черновую громадную работу автора, за то и давшую во всѣхъ отношеніяхъ важные и полезные матеріалы. Прежде всего г. Сакулинымъ открыто довольно значительное количество произведеній, напечатанныхъ Одоевскимъ или анонимно, или подъ псевдонимами, не извѣстными ранѣе. Затѣмъ г. Сакулинымъ основательно изученъ огромный рукописный матеріалъ, оставшійся по смерти Одоевскаго и хранящійся въ Публичной Библіотекѣ въ Петербургѣ, въ связи съ бумагами Краевскаго, Шевырева, Кирѣевскаго, касающимися Одоевскаго и хранящимися тамъ же. Этотъ громадный матеріалъ, совершенно не извѣстный изслѣдователямъ, своимъ обиліемъ невыгодно отразился на книгѣ: она оказывается загромождена сырьемъ, правда, временами очень интереснымъ, но очень увеличившимъ объемъ ея. Удобнѣе было бы выдѣлить всѣ сырые матеріалы въ отдѣльную книгу новыхъ сочиненій Одоевскаго и дать читателямъ лишь самостоятельное изслѣдованіе и результаты изученія матеріа-

ловъ. Въ теперешнемъ же видѣ книга уподобляется оригинальному и интересному зданію, съ котораго, однако, не убраны еще лѣса и остатки матеріаловъ.

— Полное собраніе сочиненій М. Ю. Лермонтова. Томъ V. Изданіе разряда изящной словесности Имп. Акад. Наукъ. Спб. 1913.

Пятымъ томомъ закончилось академическое изданіе Лермонтова, подъ редакціей проф. Д. И. Абрамовича. Послѣдній томъ цѣликомъ отведенъ матеріаламъ о жизни Лермонтова и его творчества. Онъ открывается принадлежащими редактору изданія обзоромъ источниковъ для біографіи поэта и самою біографіею, скромно названною «Матеріалы для біографіи и литературной характеристики». Далѣе слѣдуетъ весьма подробная хронологическая канва и два обзора—рукописей Лермонтова и изданіи его сочиненій. При сотрудничествѣ нѣсколькихъ лицъ, составлена слѣдующая глава—Лермонтовъ у славянъ, нѣмцевъ, французовъ и англичанъ: составляющія ее статьи всѣ очень подробны и даютъ любопытный матеріалъ для сравненій, кто и чѣмъ изъ иностранцевъ въ особенности интересовался у русскаго поэта. Еще болѣе интересенъ впервые появляющійся въ подобной полнотѣ и составленный также редакторомъ изданія обзоръ литературы о Лермонтовѣ. Воздерживаясь отъ собственныхъ сужденій, составитель даетъ тщательное изложеніе, большей частью словами авторовъ, основныхъ положеній критическихъ отзывовъ о поэтѣ, какъ современныхъ, такъ и посмертныхъ, разъ только эти отзывы представляютъ что-либо оригинальное или принадлежатъ перу выдающихся дѣятелей критики. Обзоръ доведенъ вплоть до статей и работъ послѣднихъ дней; онъ поражаетъ противорѣчивостью и разнообразіемъ сужденій критики о личности и поэзіи Лермонтова. Интересна и работа редактора-же объ языкѣ Лермонтова: «въ дѣлѣ національзаціи нашего литературнаго языка, по мнѣнію редактора, въ дѣлѣ сближенія языка книги съ живой народной рѣчью, Лермонтовъ далеко опередилъ своего учителя (Пушкина)». Въ заключеніе даны двѣ замѣтки о Лермонтовѣ-художникѣ (бар. Н. Врангеля и Б. Мосолова), обзоръ иллюстрированныхъ изданій, — также г. Врангеля (всѣ рѣшительно очень плохи), и замѣтка о Лермонтовѣ въ музыкѣ—С. Булича. Какъ и къ предыдущимъ томамъ изданія приложенъ рядъ отличныхъ снимковъ съ портретовъ Лермонтова и его рисунковъ. Въ общемъ, этотъ томъ изданія представляетъ настоящую лермонтовскую энциклопедію, и безъ него нельзя теперь обойтись ни при школьномъ, ни при научномъ изученіи поэта.

Нельзя не привѣтствовать своевременнаго выхода этого тома

въ виду предстоящаго столѣтняго юбилея Лермонтова; въ академическомъ Лермонтовѣ составители популярныхъ изданій найдутъ богатый и надежный матеріалъ и необходимыя указанія и для текста и для комментарія. Къ сожалѣнію, само по себѣ, академическое изданіе Лермонтова невозможно признать по формѣ его «популярнымъ», доступнымъ широкимъ кругамъ. При всей относительной дешевизнѣ съ внѣшней стороны превосходнаго изданія, оно стоитъ много денегъ; для провинціи переплетенные пять томовъ обходятся 7 руб. 40 коп., что совершенно недоступно, напр., для сельской народной библіотеки. Намъ кажется, что легко было бы помочь дѣлу, вернувшись къ тому, что когда то предлагалъ Бѣлинскій, желавшій видѣть сочиненія Лермонтова «сжато изданными въ двухъ книгахъ, изъ которыхъ одна заключала бы въ себѣ «Героя нашего времени», а другая стихотворенія». Вѣдь, весь тотъ Лермонтовъ, котораго читаютъ и перечитываютъ, котораго любятъ и котораго нельзя не знать, свободно умѣстится въ двухъ томахъ академическаго изданія, вмѣстѣ съ біографіей. А все остальное, юношескія пробы пера, неоконченныя произведенія, варіанты, письма, всякаго рода матеріалы, комментаріи и пр. могло бы быть вынесено въ дополнительные, ненужные въ народной библіотекѣ томы. Опытъ академическаго изданія Лермонтова наглядно показалъ, что разрядъ изящной словесности въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ объ изданіи многотомнаго автора, въ интересахъ общедоступности изданія, долженъ бы поступаться строгой хронологичностью и выдѣлять одинъ-два тома съ наиболѣе цѣнными и живыми произведеніями даннаго автора, которые и получили бы дѣйствительно широкое, можетъ быть въ десяткахъ тысячахъ томовъ, распространеніе.

— Историческая библіотека. Отголоски минувшаго. № 1. Казань, 1913 г.

Цѣль сборниковъ, начатыхъ изданіемъ въ Казани, «способствовать удовлетворенію стремленія русскаго общества къ изученію прошлаго», а также «сдѣлать достояніемъ широкихъ слоевъ русскаго общества многія выдающіяся произведенія русской мысли». Въ первомъ выпускѣ помѣщены «Записки М. В. Данилова», статья И. Прыжова «Нищіе на святой Руси», и начало записокъ Андрея Болотова. Всѣ эти произведенія, давно извѣстныя, перепечатываются, съ небольшими предисловіями объ авторахъ ихъ, съ первыхъ печатныхъ изданій, которыхъ давно нѣтъ въ продажѣ. Можно привѣтствовать эту попытку новой популяризаціи старыхъ произведеній болѣе или менѣе устойчиваго историческаго значенія.

спросъ на историческое чтеніе въ настоящее время очень великъ въ широкихъ кругахъ читающей публики. Казанскому изданію можно пожелать, однако, больше систематичности и разнообразія и болѣе внимательной редакціи. Масса историческаго матеріала, который вполнѣ былъ бы умѣстенъ въ общедоступныхъ библіотекахъ, безнадежно похоронена для публики въ спеціальныхъ старыхъ историческихъ изданіяхъ. Извлечь оттуда цѣнные мемуары и статьи и сдѣлать ихъ дѣйствительно общедоступными было бы очень желательно. Но простыя перепечатки съ коротенькими введеніями, какъ то дѣлаетъ казанское издательство, едва-ли будутъ очень полезны. Для широкой публики нужны болѣе обстоятельные вводные очерки, дающіе надлежащую оцѣнку печатаемому матеріалу. Напр., многіе пріемы Прыжова, котораго Стороженко назвалъ «зря загубленной крупною научною силою», кажутся теперь весьма наивными, и научная цѣнность его полупублицистическихъ трудовъ остается невыясненною. Автору замѣтки о Прыжовѣ слѣдовало бы хотя указать статью о немъ въ журналѣ «Минувшіе годы». Не лишни были бы для широкой публики и поясненія къ тексту, а также и указатели именъ. Издательство пытается обезоружить критику откровеннымъ признаніемъ, что оно руководится «личными взглядами» въ выборѣ матеріала и тѣмъ, что имѣется у него «подъ руками», выражая надежду, что «съ помощью людей, симпатизирующихъ подобному изданію, удастся придать ему болѣе живости, болѣе систематичности». Можетъ быть, слѣдовало бы сначала точнѣе опредѣлить свои «личные взгляды» и предварительно собрать «симпатизирующихъ» компетентныхъ людей. Какъ бы то ни было, казанское изданіе представляется симпатичной попыткою и можно пожелать ему успѣха. Ч. В—скій.

— Смутное время. Сборникъ статей. Историческая Комиссія Учебн. Отд. О. Р. Т. Зн. (Редакція В. Н. Бочкарева, Ю. В. Готье и В. И. Ичета). Москва. Цѣна 1 р. 50 к.

За послѣдніе годы у насъ развилась такъ называемая юбилейная литература, въ популярной формѣ знакомящая съ давно прошедшими событіями. Обычные историческіе труды слишкомъ тяжелы для средняго читателя; чувствуется потребность въ научно-популярной литературѣ, которая давала-бы полный и всесторонній обзоръ эпохи. Такимъ цѣлямъ и служатъ юбилейныя изданія. Смутное время—одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ русской исторіи; изложеніе его въ общедоступной формѣ, популяризація добытыхъ исторической наукой результатовъ, изложенная въ безпристрастной

формѣ и разсматривающая все, должны быть признаны цѣннымъ вкладомъ въ популярную литературу.

Сборникъ статей, изданный исторической комиссіей, начинается статьей: «Борьба за самодержавіе и политика Грознаго», В. Пичета, дающей подробный обзоръ народнаго хозяйства и соціальнаго строя до смуты и выясняющей, какіе элементы были недовольные кладывающимися соціальными отношеніями. Далѣе идутъ интересныя характеристики Федора Іоанновича и Бориса Годунова и очень обстоятельная статья о смерти царевича Дмитрія. Авторъ ея (В. Нечаевъ) показываетъ, какъ складывались различныя точки зрѣнія на этотъ вопросъ. Онъ приходитъ къ слѣдующему выводу: «углицкій царевичъ былъ погубленъ подосланными убійцами. Можно ли признать Бориса моральнымъ виновникомъ убійства? Нельзя отрицать того, что гибель Дмитрія была въ его интересахъ, и не потому только, что она расчищала ему путь къ власти: въ 1591-мъ году онъ могъ и не мечтать о престолѣ, но, несомнѣнно, онъ могъ ожидать полнаго крушенія своей карьеры, опалы и даже казни, въ случаѣ воцаренія Дмитрія; онъ зналъ, что Нагіе, ставъ у власти, не пощадили бы его, и чувство самосохраненія побуждало его прибѣгнуть къ наиболѣе дѣйствительной мѣрѣ для устраненія грозной опасности. Что онъ былъ способенъ на такую мѣру — это признавало громадное большинство его современниковъ, и не намъ оспаривать ихъ мнѣніе. Очень возможно, что Борисъ былъ человѣкомъ выдающимся не только въ интеллектуальномъ, но и въ моральномъ отношеніи; не слѣдуетъ, однако, забывать, что все же онъ былъ сынъ своего грубаго и жестокаго вѣка и что воспитался онъ во времена опричниковъ, при дворѣ тирана, которому трудно подыскать равнаго даже въ исторіи азіатскихъ деспотій. Такой человѣкъ, при всѣхъ своихъ незаурядныхъ достоинствахъ, едва-ли умѣлъ проявить гуманность тамъ, гдѣ дѣло шло о его собственной безопасности, и недаромъ, можетъ быть, общественное мнѣніе современниковъ вынесло Борису обвинительный приговоръ».

Дальше идетъ подробный обзоръ общественныхъ и политическихъ теченій въ Россіи въ эпоху смуты, съ характеристикой личностей, игравшихъ въ ней роль. Смута окончилась побѣдой состоятельныхъ элементовъ надъ неимущими низами, и все дальнѣйшее развитіе Московскаго Государства отражаетъ въ себѣ эту побѣду. Михаила Ѳедоровича Романова боярство выбрало, «такъ какъ онъ младъ и будетъ поваденъ», т. е. удобнѣе будетъ пользоваться при немъ властью въ своихъ цѣляхъ. На вопросъ о томъ, была ли ограничена власть перваго Романова, слѣдующій отвѣтъ: «Современная исторіографія не рѣшила этого вопроса, да едвали и мо-

жетъ его рѣшить при современномъ состояніи источниковъ. Однако, какъ бы ни обстояло дѣло въ дѣйствительности, разсказы объ ограниченіи власти царя, выбраннаго послѣ смуты, интересны какъ отзвукъ идей, бродившихъ въ русскихъ людяхъ въ самую смуту, когда царская власть сдѣлалась предметомъ думъ разнообразныхъ широкихъ слоевъ тогдашняго общества».

Сборникъ оканчивается статьями о политическихъ и культурныхъ бытовыхъ послѣдствіяхъ смуты и о томъ впечатлѣніи, которое смута произвела въ умахъ населенія.

А. Т.

— Современное хозяйство города Москвы. Изданіе московскаго городского управленія, подъ редакціей И. А. Вернера. Москва. 1903 г.

Эта книга предназначена для тѣхъ многочисленныхъ общественныхъ дѣятелей разныхъ городовъ Россіи, которые либо посѣщаютъ Москву съ цѣлью ознакомиться съ постановкой въ ней муниципальнаго дѣла, либо обращаются со сложными письменными запросами по поводу той или иной отрасли городского хозяйства. Не имѣя въ своемъ распоряженіи полнаго описанія городскихъ учрежденій, управа вынуждена во всѣхъ этихъ случаяхъ дѣлать пространныя извлеченія изъ дѣлъ и отчетовъ, при чемъ сообщаемыя свѣдѣнія по необходимости являются неполными и отрывочными. Во избѣжаніе постоянныхъ затратъ труда и времени на составленіе и подборъ подобныхъ свѣдѣній, а также съ цѣлью облегчить мѣняющемуся составу московскихъ гласныхъ ихъ трудъ ознакомленія съ обширнымъ хозяйствомъ г. Москвы и предпринято изданіе настоящаго сборника, при чемъ имѣется въ виду періодически издавать дополненія къ нему. Изданіе подобной книги весьма желательно и для Петербурга, тѣмъ болѣе, что подведеніе итоговъ за извѣстный промежутокъ времени имѣетъ самостоятельный и очень большой интересъ.

Московскій сборникъ распадается на 16 главъ, знакомящихъ съ территоріей, населеніемъ и промышленностью города, съ постановкой въ немъ дѣла народнаго образованія, съ врачебно-санитарной организаціей, съ финансами города, его канализаціей, водопроводомъ, городскими желѣзными дорогами, бойнями, ломбардомъ и т. д. Послѣднія главы книги посвящены постановкѣ счетоводства и организаціи контроля въ городскомъ хозяйствѣ.

Несмотря на то, что общій тонъ сборника скорѣе хвалебный,— о дефектахъ говорится въ очень сдержанныхъ, мягкихъ выраженіяхъ,—книга по богатству объективнаго матеріала, по цѣнности сообщаемыхъ свѣдѣній полна интереса и съ большой пользой прочтется какъ непосредственными работниками на муниципальной

почвѣ, такъ и болѣе широкими общественными кругами. Есть отдѣлы хозяйства, въ которыхъ Москва стоитъ значительно впереди многихъ другихъ городовъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ должно быть поставлено дѣло народнаго образованія. Еще въ 1863 г. московская дума установила принципъ, что «нѣтъ общественной нужды, которая могла бы сравняться съ этой. Всякая другая надобность можетъ быть отклонена на время, въ виду неудовлетворительнаго положенія городскихъ доходовъ; но эта нужда — неотлагаемая». Въ практическомъ выполненіи эта точка зрѣнія не всегда выдерживалась, но никогда первенствующее значеніе народнаго образованія не забывалось. Въ 1863 г. дума занята была поддержкой 13 существовавшихъ тогда казенныхъ училищъ, съ 828 учащимися — а въ 1901 г. признается неотложность проведенія въ Москвѣ общедоступности начальнаго обученія, въ 1909 г. принимается соотвѣтствующій планъ. 1910-ый годъ ознаменовывается отмѣной платы за обученіе въ начальныхъ училищахъ. Въ 1869—70 учебномъ году городъ имѣлъ 5 начальныхъ училищъ съ 12 классными отдѣленіями и 331 учащимися и расходовалъ на это дѣло 10 тыс. руб.; въ 1909 — 10 учебномъ году всѣхъ училищъ—288, классовъ—1170, учащихся 43.532 и расходовъ на начальныя училища — 2100 тыс. руб.! Дѣлая пока первые шаги въ области дошкольнаго воспитанія, городъ обращаетъ серьезное вниманіе на образованіе взрослыхъ, устраивая городскіе вечерне-воскресные классы для рабочихъ, дополнительные классы для ремесленныхъ и торговыхъ служащихъ, профессіональныя школы, а также общеобразовательныя школы 2-ой ступени, для дѣтей, окончившихъ начальную школу. Дѣлу внѣшкольнаго образованія служатъ и общедоступныя городскія библіотеки. Въ настоящее время въ Москвѣ до 20 библіотекъ, изъ которыхъ нѣкоторая часть обязана своимъ возникновеніемъ частной иниціативѣ и благотворительности. На этой почвѣ возникъ единственный пока у насъ городской университетъ имени А. Шанявскаго. Вообще въ дѣлѣ народнаго образованія, а также общественнаго призрѣнія и устройства лѣчебныхъ учрежденій, московскому городскому управленію въ значительной мѣрѣ помогаетъ отзывчивость богатыхъ классовъ населенія.

— З. Г. Френкель. Въ преддверіи 50-ти-лѣтняго юбилея Русскаго Земства. Очерки врачебно-санитарнаго дѣла (по даннымъ работъ, произведенныхъ для Дрезденской и Всероссійской гигіеническихъ выставокъ), Съ 53 рисунками, картами, графиками. Спб. 1913 г. Ц. 1 р. 75 к.. при покупкѣ въ кіоскахъ на Всероссійской гигіенической выставкѣ 1 р. 50 к.

Книга д-ра З. Г. Френкеля, одного изъ выдающихся у насъ знатоковъ земско-врачебнаго дѣла, представляетъ собою объяснительный

текстъ къ тѣмъ графикамъ, которые собраны были, главнымъ образомъ, его усиліями въ земскомъ отдѣлѣ Дрезденской гигіенической выставки и входятъ, съ значительными дополненіями, въ отдѣлъ земской медицины всероссійской гигіенической выставки 1913-го года. Благодаря чтеніямъ и объясненіямъ д-ра З. Г. Френкеля европейскій врачебный міръ впервые ознакомился со своеобразной организаціей нашей общественной медицины, справедливо составляющей гордость русскаго земства, одну изъ крупнѣйшихъ его заслугъ. Нѣмецкіе профессора и спеціалисты—говоритъ г. Френкель,—выражали свое удивленіе передъ земской медициной, признавая ее наиболѣе идеальнымъ по своимъ основамъ устройствомъ медицинской помощи, обезпечивающимъ полную освѣдомленность общественныхъ управленій о состояніи здоровья населенія. «Ваша земская медицина—сказалъ проф. Gärtner, — открываетъ намъ прямо новые широкіе горизонты—обобществленія (Verstaatlichung) всѣхъ видовъ врачебной помощи».

Было-бы несправедливо разсматривать очерки д-ра Френкеля только какъ объяснительный текстъ къ графикамъ: они представляютъ общій интересъ совершенно независимо отъ цѣлей и задачъ той или иной выставки. Они знакомятъ съ сущностью земной медицины, съ историческимъ ея развитіемъ, съ современнымъ положеніемъ. Собранныя д-ромъ Френкелемъ изъ разнообразныхъ, нерѣдко противорѣчающихъ другъ другу источниковъ свѣдѣнія, приведенныя имъ въ систему, дѣлаютъ его книгу совершенно незамѣнимымъ пособіемъ для всякаго изслѣдователя не только въ области земской медицины, но и земскаго дѣла вообще.

В. Б—ъ.

— Н. Рубакинъ. Россія въ цифрахъ. Спб. 1912.

Эта книжка представляетъ собой опытъ цифровой характеристики населенія Россіи въ демографическомъ, сословно-классовомъ и экономическомъ отношеніяхъ, предпринятый авторомъ въ цѣляхъ удовлетворенія пожеланій его многочисленныхъ корреспондентовъ изъ среды читающей публики «узнать родную страну въ ея цѣломъ». Кромѣ свѣдѣній, наичаще приводимыхъ въ литературѣ—о половомъ, національномъ, религіозномъ составѣ населенія, о землевладѣніи, численности фабрично-заводскихъ рабочихъ и т. д., г. Рубакинъ использовалъ въ своей книгѣ рѣдко употребляемый матеріалъ о доходахъ разныхъ группъ владѣющихъ классовъ и разныхъ категорій имуществъ и разработанныя имъ самимъ данныя о гражданской и военной бюрократіи и ея имуществѣ. Выполненіе задачи автора далеко отъ теоретической ея постановки; а это зависитъ не только

отъ неточности, но и отъ недостатка данныхъ. Матеріалъ, которымъ пользовался г. Рубакинъ, имѣетъ весьма различную научную цѣнность, начиная отъ вполнѣ точныхъ данныхъ финансоваго характера до совершенно фиктивныхъ цифръ центральнаго статистическаго комитета о числѣ крестьянскихъ дворовъ съ той или другой площадки земельнаго надѣла. Но это—незбѣжный результатъ обращенія съ разнообразнымъ статистическимъ метеріаломъ лицъ, не принадлежащихъ къ числу спеціалистовъ, результатъ тѣмъ болѣе у насъ извинительный, что подобные-же промахи сплошь и рядомъ наблюдаются и у писателей, ближе стоящихъ къ области статистическихъ и экомическихъ изслѣдованіи. Въ общемъ разсматриваемый нами трудъ даетъ приблизительно вѣрную картину современнаго положенія различныхъ классовъ нашей страны. Намъ кажется, что текстъ г. Рубакина, назначенный для большой публики, слишкомъ обремененъ цифровыми данными, которыя, быть можетъ, умѣстнѣе было-бы распредѣлить между текстомъ и приложеніями или отчасти отнести въ выноски.

— Франктъ Джильбертъ. Изученіе движеній, какъ способъ повысить производительность при всякой работѣ. Спб. 1913.

Система (Тейлора) организаціи работъ на научныхъ основаніяхъ, съ которой читатели Вѣстника Европы ознакомлены въ № 2 журнала за 1913 г. привлекла къ себѣ въ послѣднее время живое вниманіе русскаго общества. Объ этой системѣ пишутся статьи, идутъ горячіе дебаты въ ученыхъ обществахъ, дѣлаются попытки примѣненія ея на практикѣ, а инженеръ А. А. Левенстернъ, издавшій уже нѣсколько книгъ Тэйлора, продолжаетъ выпускать новыя сочиненія, обосновывающія и развивающія его систему. Изданная имъ книжка, указанная въ заголовкѣ этой замѣтки, посвящена основному вопросу примѣненія системы Тэйлора—изученію движеній человѣка при выполненіи различныхъ работъ. На примѣрѣ кирпичной кладки авторъ разъясняетъ зависимость успѣха работъ отъ различныхъ условій и тѣ результаты повышенія производительности труда, какіе могутъ быть достигнуты путемъ измѣненія и сокращенія числа движеній и нѣкоторыхъ матеріальныхъ приспособленій при работѣ. Авторъ указываетъ болѣе сорока моментовъ, зависящихъ отъ организма рабочаго, производимыхъ имъ движеній и приспособленій для работы, которые должны быть приняты въ расчетъ при организаціи наиболѣе продуктивной системы работы, утверждая, напр., что даже «одежда, спеціально скроенная и приспособленная къ данной работѣ, повышаетъ продуктивность

въ поразительно высокой степени». Изученіе и цѣлесообразное примѣненіе добытыхъ такимъ образомъ данныхъ ко всей области національнаго труда кажется Джильберту дѣломъ настолько сложнымъ и затруднительнымъ и въ тоже время настолько важнымъ, что онъ считалъ-бы цѣлесообразнымъ привлечь къ нему правительство, различныя корпораціи и ученыя учрежденія, при чемъ первое должно-бы играть въ примѣненіи системы роль, подобную той, какую въ своей области играетъ, напр., вашингтонскій департаментъ земледѣлія. Авторъ, впрочемъ, выводитъ пропагандируемую имъ систему далеко за предѣлы труда въ экономическомъ смыслѣ этого слова. «Одна изъ первыхъ и благодарныхъ задачъ по сокращенію измѣненій работы,—говоритъ онъ,—это реорганизація, на основаніи изученія движеній, нашего алфавита (для письма)». Правительство Соединенныхъ Штатовъ Сѣв. Америки ассигновало уже милліонъ долларовъ для изученія движеній примѣнительно къ войнѣ: движенія шашки, штыка и орудія разработаны великолѣпно. Въ этомъ дѣлѣ, какъ и во многихъ другихъ, военное вѣдомство, повидимому, одно изъ первыхъ используетъ изобрѣтеніе, и мы должно быть скоро услышимъ о соотвѣтствующихъ мѣропріятіяхъ не то мирной, не то воинственной нашей западной сосѣдки.

— Исторія проституціи. Д-ра мед. I. Bloch'a. Авторизированный переводъ съ нѣмецкаго врача П. И. Лурье-Гиберманъ. Первый томъ. Спб. 1913.

Вѣтвистое дерево науки, по выраженію одного писателя, дало въ самое послѣднее время новое отвѣтвленіе—науку о половой жизни, сексуалогію. Необходимость выдѣленія особой науки, посвященной половой жизни человѣка, мотивируется тѣмъ, что чувства, лежащія въ основѣ этой стороны человѣческой природы имѣютъ огромное значеніе не только для личной, но и для общественной жизни и играютъ огромную роль въ культурномъ развитіи человѣчества. Совершенно естественно возникаетъ, поэтому, вопросъ о спеціальномъ изученіи полового инстинкта и половой жизни человѣка въ прошломъ и настоящемъ. Новая наука стремится изслѣдовать «какъ физіологическія, такъ и соціальныя и культурно-историческія отношенія половъ и, путемъ изученія первобытнаго и культурнаго человѣка, отыскать у всѣхъ народовъ и во всѣ времена элементарныя половыя идеи человѣчества, т. е. однородныя біологически-соціальныя явленія половой жизни, и создать такимъ образомъ подъ зданіемъ новой науки твердую почву». Первое болѣе или менѣе систематическое изложеніе этой науки дано въ 1906 г. Блохомъ, въ книгѣ: «Половая жизнь нашего времени и

ея отношеніе къ современной культурѣ», вышедшей и въ русскомъ переводѣ, и даже въ двухъ различныхъ изданіяхъ. Идея Блоха о новой наукѣ была сочувственно встрѣчена медиками, біологами, юристами, и результатомъ расположенія ученыхъ къ новому отвѣтвленію на древѣ познанія явилась мысль объ изданіи руководства по сексуалогіи въ монографическомъ изложеніи, имѣющемъ задачей «заново переработать, подвергнуть всестороннему, исчерпывающему критическому изслѣдованію и разъяснить главнѣйшіе вопросы сексуалогіи на основѣ антропологически-этнологическаго метода, равно обнимающаго природу и культуру», въ надеждѣ, что, по выполненіи этой задачи, будетъ создано теоретическое обоснованіе будущей половой реформы въ духѣ облагороженія и гармонизаціи полового инстинкта, «который будетъ дѣйствовать, какъ могущественнѣйшій двигатель въ тѣлесномъ и духовномъ развитіи человѣчества до скончанія міра».

Книга, составляющая предметъ настоящей замѣтки, составляетъ первый томъ задуманнаго руководства. Дальнѣйшіе, пока намѣченные томы будутъ посвящены гомосексуализму мужчины и женщины (авторъ—Гиршфельдъ) и монографіямъ Рейтценштейна о мужчинѣ и женщинѣ у первобытныхъ и культурныхъ народовъ. Содержаніе остальныхъ томовъ (всѣхъ будетъ 12) еще не объявлено, можетъ быть и не вполнѣ выяснено. Руководство по сексуалогіи открывается главами о проституціи, этой, по выраженію Блоха, «головы Януса, одно лицо которой обращено къ природѣ, а другое—къ культурѣ». Блохъ считаетъ проституцію «ядромъ и центральной проблемой половаго вопроса», не только по причинѣ того вліянія, какое она оказываетъ на заболѣваніе населенія, но и потому, что она представляетъ «наиболѣе жгучій вопросъ совѣсти современнаго культурнаго человѣчества, пробный камень всякой высшей этики будущаго общества». Съ проституціи можно начинать разработку даннаго предмета и потому, что она «представляетъ, въ общемъ, продуктъ и пережитокъ классической древности..., а первичными корнями достигаетъ до первобытныхъ временъ человѣчества», временъ свободной и безпорядочной половой жизни, съ описанія коей и начинается большой трудъ Блоха. Болѣе ста лѣтъ тому назадъ подробнымъ изслѣдованіемъ полового вопроса въ прошломъ и настоящемъ имѣлъ намѣреніе заняться Вильгельмъ Гумбольдтъ,—и первой главой этого изслѣдованія должна была быть исторія проституціи. Недостатокъ матеріаловъ служилъ препятствіемъ возникновенію въ тѣ времена науки сексуалогіи, и идея Гумбольдта осуществляется лишь въ настоящее время.

Первый томъ посвященъ вопросу о проституціи только въ

древніе и средніе вѣка. Второй томъ будетъ заключать исторію проституціи въ новое время, современное ея состояніе, мѣры борьбы съ нею въ видахъ ея искорененія. Искорененіе проституціи признается авторомъ и желательнымъ, и возможнымъ, такъ какъ ее нельзя считать, какъ полагаютъ многіе писатели, «необходимымъ зломъ». «Необходимое» въ ней—«примитивный инстинктъ, проявляющійся съ первобытной принудительной силой»; онъ «не связанъ съ нею узами естественной необходимости и могъ-бы найти себѣ удовлетвореніе помимо ея». Ея зло, т. е. «разрушительная сторона, оказывается простымъ пережиткомъ и исчезнетъ въ тотъ моментъ, когда новая культура современнаго человѣка, теперь видимая только въ начаткахъ, окончательно освободится отъ культуры антично-средневѣковой. Кратко выражаясь, въ этомъ «необходимомъ злѣ» необходимое не есть зло, а зло—не необходимо... Авторъ, повидимому, хотѣлъ свести въ своей книгѣ возможно большее количество матеріаловъ относительно проституціи. Ничѣмъ другимъ нельзя объяснить массу помѣщенныхъ имъ крупныхъ и мелкихъ фактовъ, хотя-бы и неиспользованныхъ имъ самимъ, въ родѣ перечисленія 155-ти эллинскихъ гетеръ, съ краткими свѣдѣніями о каждой, названія всѣхъ городовъ, имѣвшихъ въ средніе вѣка публичные дома и т. п. Онъ въ изобиліи пользуется цитатами изъ разнообразныхъ источниковъ и спеціальными архаическими терминами, вслѣдствіе чего его книга представляетъ не малыя трудности для передачи на другихъ языкахъ. Русскій переводчикъ, насколько можно судить, успѣшно справился съ этими затрудненіями.

— И. И. Майковъ. Русскіе крестьяне и осѣдлые инородцы Якутской области. Спб. 1912.

Эта интересная книга касается предмета, раньше совершенно неизслѣдованнаго—русскихъ крестьянъ и осѣдлыхъ инородцевъ Якутской области. Составляя всего нѣсколько тысячъ человѣкъ, русское (объякутившееся) крестьянское населеніе, заброшенное на якутскій край русской земли изъ-за административной надобности въ почтовой гоньбѣ по ленскому тракту, которую нельзя было организовать изъ туземцевъ, по неумѣнію якутъ обращаться съ упряжными лошадьми и по общей ихъ ненадежности—мало обращало на себя вниманіе центра и не составляло предмета сколько-нибудь обстоятельныхъ офиціальныхъ описаній и отчетовъ. Отсутствіе свѣдѣній служило главной причиной поздняго, да и то больше формальнаго примѣненія къ якутскимъ крестьянамъ административнаго устройства по Положенію 1861 г. Въ 1894 г. якутскій губернаторъ, В. Н.

Скрипицынъ, организовалъ изслѣдованіе положенія якутскихъ крестьянъ, исполненное Г. Л. Кандаковымъ и авторомъ книги, составляющей предметъ настоящей замѣтки, съ подворной переписью по образцу производившихся тогда изслѣдованій, подъ руководствомъ покойнаго Антырева и М. М. Дубенскаго, другихъ мѣстностей Сибири. Изслѣдованіе это погибло-бы въ тайникахъ казенныхъ архивовъ, еслибы И. И. Майковъ не сохранилъ у себя собранныхъ матеріаловъ, на основаніи которыхъ и составлена его книга, изданная географическимъ обществомъ. Это первое изслѣдованіе положенія якутскихъ крестьянъ является, такимъ образомъ, страничкой прошлаго; но это нисколько не умаляетъ его значенія, какъ научнаго труда и исходной точки для будущихъ изученій. Констатированныя въ книгѣ г. Майкова отношенія въ общемъ, вѣроятно, сохраняютъ свое значеніе и для настоящаго времени. Собранныя имъ свѣдѣнія г. Майковъ пополнилъ нѣкоторыми, впрочемъ очень скудными, новѣйшими офиціальными данными. Трудъ г. Майкова составленъ по обычной программѣ работъ этого рода; но такъ какъ изслѣдователямъ пришлось дѣлать первые шаги въ изученіи предмета, они не могли не отнестись со вниманіемъ къ прошлому якутскихъ крестьянъ, порылись, насколько было возможно, въ мѣстныхъ архивахъ, и изложеніе г. Майкова получило, поэтому, историческій характеръ. Въ концѣ имѣются очерки поселеній скопцовъ и другихъ уголовныхъ ссыльныхъ въ якутской области и перечень статей, касающихся якутской области и составленныхъ политическими ссыльными. В. В.

— Dr. M. Mendelson. Die Entwicklungsrichtungen der deutschen Volkswirtshaft nach den Ergebnissen der neusten deutschen Statistik, insbesondere der Berufs-und Betriebsstatistik. Лейпцигъ, 1913.

Названная книга, по словамъ автора, предназначена не для узкаго круга спеціалистовъ-статистиковъ, а для интелигентной публики, интересующейся вопросами экономической жизни. Авторъ желаетъ показать, каково современное положеніе и тенденціи развитія народнаго хозяйства Германіи, согласно послѣднимъ (1907) даннымъ имперской статистики. Онъ исходитъ изъ того положенія, что рычагомъ хозяйственнаго развитія является ростъ населенія. Этому вопросу посвящена первая глава. Затѣмъ онъ переходитъ къ изученію вопросовъ о способахъ и возможностяхъ хозяйственнаго использованія растущаго населенія и удовлетворенія его потребностей, и изслѣдуетъ внутреннюю структуру и послѣдствія хозяйственнаго развитія (развитіе современнаго города, формъ современнаго крупнаго предпріятія и т. д.). Въ заключеніе авторъ останавли-

вается на тѣхъ измѣненіяхъ, которыя произошли въ структурѣ современнаго общества. При разработѣ указанныхъ вопросовъ приведены сравнительныя данныя изъ иностранной статистики. Благодаря этому многочисленныя таблицы, иллюстрирующія мысли автора, отличаются наглядностью и ясностью. Ожидать въ ближайшемъ будущемъ сколько-нибудь значительнаго замедленія роста населенія, по мнѣнію автора, нѣтъ основаній, такъ какъ значеніе весьма небольшого сокращенія рождаемости парализуется сокращеніемъ смертности. Въ распредѣленіи населенія произошли серьезнѣйшія измѣненія: изъ сельскаго хозяйства значительная часть его переходитъ въ обрабатывающую промышленность, и не только отечественную, но и *иностранную*. Значеніе иностраннаго рынка для Германіи чрезвычайно усиливается именно въ этомъ отношеніи. «Германское населеніе находитъ въ иностранныхъ государствахъ все болѣе расширяющуюся и пріобрѣтающую крупное значеніе плоскость примѣненія своего труда... Сохраненіе и расширеніе иностраннаго рынка должно быть признано задачей, отъ разрѣшенія которой зависитъ наше хозяйственное будущее».

Книга д-ра Мендельсона обладаетъ несомнѣнными достоинствами: она въ доступной формѣ затрагиваетъ важные вопросы современной экономической дѣйствительности; въ ней нѣтъ ничего лишняго и ненужнаго. Она можетъ быть рекомендована и какъ справочная книга, содержащая рядъ весьма важныхъ статистическихъ свѣдѣній.

— Weltwir-tschaftliches Archiv, Zeitschrift für allgemeine und Spezielle Weltwirtschaftslehre. Herausgegeben Von Prof. B. Harms. Iena, 1913.

Выходящій съ начала 1913 г. «Weltwirtschaftliches Archiv» ставитъ себѣ весьма обширныя задачи: всестороннюю разработку практическихъ и теоретическихъ вопросовъ современнаго мірового хозяйства и международной экономической политики. Возможность и необходимость такого изученія редакторъ журнала, проф. Гармсъ, старался доказать въ своей книгѣ о міровомъ хозяйствѣ [1]), а затѣмъ и на страницахъ журнала. Сущность его аргументаціи такова. Современныя хозяйственныя явленія не могутъ, въ своей совокупности, вмѣститься въ рамки частнаго и народнаго хозяйства. Выдвинутая Ф. Листомъ и развитая исторической школой схема ступеней хозяйственнаго развитія должна быть отвергнута, поскольку она исключаетъ возможность *сосуществованія* хозяйства народнаго и мірового, и предполагаетъ, что міровое хозяйство есть только

[1]) Volkswirtschaft und Weltwirtschaft, 1912.

дальнѣйшая ступень развитія современнаго народнаго хозяйства, возможная при наличности опредѣленныхъ условій, какъ, напр., свобода торговли и т. д. Такая постановка вопроса неправильна и не соотвѣтствуетъ дѣйствительному положенію дѣла. Существуетъ рядъ характерныхъ для современнаго міроваго оборота отношеній: развитый международный обмѣнъ товаровъ и капиталовъ въ различныхъ формахъ, международные пути сообщенія, международные синдикаты, трессы, единичныя предпріятія, международная торговая политика, частное международное право и т. д. Эти явленія, въ своей совокупности, свидѣтельствуютъ о томъ, что элементы міроваго хозяйства уже существуютъ и не могутъ быть втиснуты въ рамки хозяйства національнаго или народнаго. Народное хозяйство является организаціей, прежде всего, государственной—регулируемой и направляемой государствомъ. Поэтому привнесеніе въ понятіе народнаго хозяйства элементовъ культурныхъ, національныхъ и этическихъ (историческая школа) должно быть отвергнуто. Если мы учтемъ эти моменты,—утверждаетъ Гармсъ,—мы признаемъ, что понятіе міроваго хозяйства можетъ быть построено по аналогіи съ хозяйствомъ народнымъ: въ него могутъ (въ модифицированномъ видѣ) войти всѣ элементы послѣдняго, а основное различіе будетъ заключаться только въ томъ, что народное хозяйство регулируется государствомъ, между тѣмъ какъ міровое хозяйство регулируется международными договорами.

Въ согласіи со взглядами основателей журнала, полагающихъ, что изученіе міроваго хозяйства должно ставить цѣлью какъ познаніе фактическихъ отношеній, такъ и теоретическій анализъ журналъ раздѣленъ на три части. Первая часть содержитъ теоретическія статьи, вторая—обзоръ литературы, замѣтки и архиваліи, третья—статистическія данныя. Особое вниманіе обращено на обзоръ литературы. Въ этомъ отдѣлѣ помѣщаются рецензіи на всѣ книги, имѣющія хотя бы отдаленное отношеніе къ міровому хозяйству, и на всѣ книги, затрагивающія такіе вопросы народнаго хозяйства, которые представляютъ интересъ международный. Есть и коллективныя рецензіи, въ которыхъ даются систематическіе обзоры литературы по отдѣльнымъ вопросамъ. Этотъ отдѣлъ поставленъ превосходно, и по своимъ размѣрамъ, равно какъ и по составу участниковъ, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Отдѣлъ, названный «теоретическимъ», строго говоря, не имѣетъ право на такое названіе; въ немъ помѣщаются преимущественно статьи историческаго и описательнаго характера. Въ отдѣлѣ, посвященномъ замѣткамъ, архиваліямъ и статистическимъ даннымъ, помѣщаются весьма интересныя и важныя сообщенія по самымъ разнороднымъ вопросамъ;

напр., свѣдѣнія о міровой политикѣ, о путяхъ сообщенія, о денежныхъ и вексельныхъ курсахъ, о международныхъ договорахъ. Среди этихъ сообщеній въ первыхъ двухъ книгахъ журнала были помѣщены, между прочимъ, статьи объ иностранныхъ товариществахъ въ русской промышленности. Къ участію въ журналѣ привлечены многочисленные ученые и практики почти всѣхъ странъ; оригинальныя статьи и рецензіи, помѣщаемыя въ «Архивъ», принадлежатъ опытнымъ спеціалистамъ. Если основателю журнала, проф. Гармсу, и не удалось достаточно ясно и убѣдительно показать, въ чемъ заключается предлагаемая имъ экономическая система, если его критика во многомъ тумана и нелогична, то все же слѣдуетъ признать, что издаваемый имъ журналъ—начинаніе весьма полезное, имѣющее несомнѣнное право на существованіе [1]).

Александръ Штернъ.

— Mahmud Mukhtar Pascha. Meine Fuhrung im Balkankriege 1912. Берлинъ, 1913.

Только что вышедшее въ нѣмецкомъ переводѣ описаніе роли турецкой арміи въ войнѣ съ Болгаріей 1912 г., составленное однимъ изъ наиболѣе выдающихся вождей этой арміи, представляетъ большой интересъ. Махмудъ Мухтаръ-паша принималъ участіе почти во всѣхъ значительныхъ столкновеніяхъ съ болгарской арміей, съ самаго начала войны до рѣшительной битвы при Чаталджѣ, сначала въ качествѣ командира III-го армейскаго корпуса, потомъ въ качествѣ начальника II-ой восточной арміи. Это одинъ изъ наиболѣе просвѣщенныхъ турецкихъ генераловъ, бывшій морской министръ въ младотурецкомъ кабинетѣ, нынѣ посланникъ Порты при берлинскомъ дворѣ. Компетентность автора, слѣдовательно, самой высокой пробы. Въ своей книгѣ онъ объективенъ до безпощадности; тѣмъ болѣе заслуживаетъ вниманіе его отзывъ о состояніи турецкой арміи. Отзывъ этотъ—убійственный для послѣдней и для всей турецкой имперіи. Онъ гласитъ: «не болгары побѣдили насъ, мы стали жертвой своей собственной администраціи, жертвой нашихъ собственныхъ пороковъ». Дѣйствительно, состояніе турецкой арміи было таково, что спрашиваешь себя, можно ли ее называть «арміей» въ

1) За послѣднее время, въ связи съ появленіемъ книги проф. Harms'a а также благодаря его энергичной дѣятельности, изученію вопросовъ «мірового хозяйства» въ Германіи посвящено не мало изслѣдованій, опубликованныхъ подъ общимъ заглавіемъ: «Probleme der Weltwirtschaft» (15 выпусковъ). Кромѣ того сравнительно недавно вышла въ свѣтъ книга Schilder'a: Entwicklungstendenzen der Weltwirtschaft, т. I.

современномъ смыслѣ слова. Это просто сбродъ голодныхъ, жалкихъ существъ, совершенно недисциплинированныхъ, почти необученныхъ, неспособныхъ противостоять малѣйшему натиску противника, пускавшихся въ бѣгство послѣ первыхъ выстрѣловъ. Все описаніе войны, данное турецкимъ полководцемъ, сводится въ сущности къ разсказамъ о бѣгствѣ. Буквально. Описанія *сраженій* почти нѣтъ, и самъ Махмудъ Мухтаръ-паша называетъ вещи собственнымъ именемъ и говоритъ больше о *бѣгствѣ*, чѣмъ объ отступленіи.

Возьмемъ для характеристики три главныхъ момента: первое столкновеніе съ болгарской арміей (при Петрѣ), отступленіе отъ Киркилиссы и послѣдній актъ войны, при Чаталджѣ.

О первомъ Махмудъ Мухтаръ разсказываетъ, такъ: «Когда я въ $6^3/_4$ ч. утра (20-го октября) собирался, вмѣстѣ съ моимъ штабомъ, сѣсть на лошадь (чтобы отправиться руководить сраженіемъ), явился офицеръ съ передовыхъ позицій съ донесеніемъ, что дивизія Шикрибея пустилась въ бѣгство. Я тотчасъ галопомъ помчался изъ деревни и скоро очутился посреди редифовъ и баттарей, бѣжавшихъ на насъ pêle-mêle въ паническомъ страхѣ. Я и мой штабъ обнажили сабли и силой старались принудить этихъ людей повернуть обратно. Цѣлый часъ пришлось намъ работать такимъ образомъ съ крайнимъ напряженіемъ. Только послѣ этого намъ удалось остановить бѣгство и снова стать фронтомъ противъ врага»... Но скоро турки опять повернули назадъ, и Махмудъ Мухтаръ ничего не могъ сдѣлать противъ этого: „я совершенно охрипъ—пишетъ онъ—и лошади совершенно обезсилѣли; поэтому я не могъ болѣе задерживать бѣглецовъ“.

Тоже самое произошло при Киркилиссѣ, гдѣ турецкая армія бросила на произволъ судьбы бо́льшую часть своей артиллеріи и аммуниціи. «Дорога въ Визу была вся покрыта орудіями, аммуниціей, солдатами-бѣглецами... Зрѣлище этого людского потока было до того удручающе и трагично, что нужно было бы перо Зола̀, чтобы изобразить его передъ читателемъ... Нельзя не чувствовать себя совершенно подавленнымъ, совершенно безнадежнымъ... Военная исторія не знаетъ другого примѣра такого отступленія безъ всякаго основанія, такого бѣгства».

При Чаталджѣ самъ Махмудъ Мухтаръ сталъ жертвой такой паники. Вызвана она была на этотъ разъ тѣмъ, что важный передовой пунктъ чаталджинской линіи совершенно неожиданно оказался въ рукахъ болгаръ, занявшихъ его подъ покровомъ ночи, когда сторожевой турецкій отрядъ спалъ сномъ праведниковъ... Бо́льшая часть отряда была тотчасъ же уничтожена, другая часть побѣжала безъ оглядки: «братцы!—спасайся, кто можетъ!»—скоман-

довалъ унтеръ-офицеръ... Никто не позаботился увѣдомить о случившемся кого слѣдуетъ. Въ полной увѣренности, что этотъ пунктъ въ рукахъ турокъ, Махмудъ Мухтаръ-паша, обозрѣвая утромъ линіи во главѣ своего штаба, подъѣхалъ очень близко къ нему и былъ крайне удивленъ, когда оттуда раздались выстрѣлы, направленные прямо на него. «Что вы дѣлаете—закричали его офицеры стрѣлявшимъ,—вѣдь вы попадете въ нашего командира?!»—и помчались къ стрѣлявшимъ. Тутъ только они увидѣли, съ кѣмъ имѣютъ дѣло и крикнули Махмуду Мухтару, что тамъ болгары. Махмудъ Мухтаръ повернулъ лошадь и помчался галопомъ, но одна пуля настигла его, и онъ свалился съ лошади...

Наступилъ послѣдній актъ трагедіи турецкаго полководца, въ которомъ позорное состояніе турецкой арміи обнаружилось съ особенной яркостью. «Ползая по землѣ, разсказываетъ злосчастный полководецъ, я добрался до кустовъ, находившихся въ 8—10 метрахъ въ сторонѣ отъ дороги. Разорвавшіяся по близости гранаты причинили мнѣ еще двѣ легкія раны... На дорогѣ стали появляться турецкіе солдаты, я имъ назвалъ себя и просилъ взять меня съ собою, чтобы спасти отъ плѣна. Но эти озвѣрѣвшіе люди и посмотрѣть на меня не хотѣли... Только черезъ нѣкоторое время проходившій мимо молодой солдатикъ подошелъ ко мнѣ на мой зовъ...»—Этотъ солдатикъ самъ былъ боленъ и безъ силъ, но все же подсѣлъ къ командиру и, отдохнувъ, понесъ его на своей спинѣ въ турецкій лагерь.

Кто виноватъ въ этомъ позорѣ? Съ рядовыхъ солдатъ Махмудъ Мухтаръ категорически снимаетъ всякую отвѣтственность. Виноваты начальники и вся администрація. Послѣдняя не позаботилась даже о томъ, чтобы солдаты были сыты. Цѣлыми днями они оставались совершенно безъ пищи. «Мои люди — сообщаетъ одинъ полковой командиръ начальнику арміи,—уже вчера отправились изъ Визы голодные и безъ всякаго провіанта. Сегодня имъ тоже ничего не дали». Другой доноситъ: «Нельзя больше переносить вопля солдатъ: дайте намъ хлѣба!»

Самъ Махмудъ Мухтаръ паша пишетъ: «При отступленіи былъ ужаснѣйшій безпорядокъ. Пѣхота была, по большей части, совершенно истощена голодомъ и усталостью. Солдаты кучами бросались въ грязь, чтобы больше не вставать. Сердце разрывалось отъ криковъ несчастныхъ солдатъ, тонувшихъ въ топкой мѣстности!» Чего можно требовать отъ солдатъ при такихъ условіяхъ!

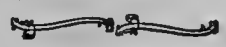
Махмудъ Мухтаръ, поэтому, возлагаетъ всю отвѣтственность на власть имущихъ и обращается къ нимъ съ страстнымъ призывомъ приступить, наконецъ, къ осуществленію необходимыхъ реформъ, такъ какъ дальнѣйшее промедленіе повлечетъ за собою самыя роковыя послѣдствія. «Если, пишетъ онъ, предупрежденные горькимъ опытомъ, мы всетаки не вступимъ на путь спасенія и не примемъ *тотчасъ же* необходимыхъ мѣръ для излеченія государственнаго

организма отъ злокачественнаго малокровія, тогда *нѣтъ сомнѣнія, что насъ ожидаетъ въ скоромъ времени судьба Польши»*.

Послѣднія слова подчеркнуты самимъ авторомъ: очевидно, что это не просто сильныя слова, а твердое убѣжденіе. Это не случайное мнѣніе случайнаго посторонняго наблюдателя, а крикъ души одного изъ наиболѣе выдающихся государственныхъ людей современной Турціи. Исповѣдь Махмуда Мухтара представляетъ, поэтому, не только «человѣческій документъ», но также историческій документъ высокаго политическаго интереса. Это и побудило насъ познакомить съ нею русскихъ читателей.

Больной человѣкъ на Босфорѣ—умираетъ... Кому достанется его наслѣдство?—Это вопросъ очередной. И больше всѣхъ другихъ странъ заинтересована въ немъ Россія.

Б.



УРОКИ ПРОШЛАГО.

Чаще чѣмъ когда-либо возникаетъ теперь въ умѣ наблюдателя государственной жизни вопросъ о томъ, на что расчитываютъ властные представители реакціи, только по видимому слабѣющей на нѣкоторыхъ пунктахъ и очень реально усиливающейся на многихъ другихъ? Какое основаніе они находятъ въ прошломъ для надежды, что имъ удастся остановить неудержимое теченіе событій? Какимъ образомъ они не видятъ, что къ нимъ примѣнимо, mutatis mutandis, извѣстное двустишіе: «и погромче насъ были витіи, да не сдѣлали пользы перомъ»? Въ самомъ дѣлѣ, громче—уже по тогдашнимъ акустическимъ условіямъ—звучалъ голосъ тѣхъ, кто провозглашалъ, съ половины 60-хъ годовъ и вплоть до начала XX-го вѣка, неподвижность и неприкосновенность «освященныхъ временемъ основъ» и тщету направленныхъ противъ нихъ усилій. Въ сферѣ «просвѣтительнаго» вѣдомства, напримѣръ, все обѣщало побѣду такимъ «витіямъ», какъ гр. Д. А. Толстой, его ближайшіе сотрудники, его усердные продолжатели. На ихъ сторонѣ было все: законодательные акты

(гимназическій уставъ 1871 г., положеніе о народныхъ училищахъ 1874 г., правила 1884 г. о церковно-приходскихъ школахъ, университетскій уставъ 1884 г.), продолжительность и устойчивость власти (гр. Толстой былъ министромъ просвѣщенія съ 1866 по 1880, гр. Деляновъ—съ 1882 по 1896 г.), общее направленіе правительственной политики, пассивность народной массы, въ которую едва проникали первые лучи свѣта, безпомощность общества, неорганизованнаго и лишеннаго средствъ самозащиты. И что же? Какую «пользу»—въ смыслѣ плодовъ, соотвѣтствующихъ посѣву,—принесла сорокалѣтняя работа, едва прерывавшаяся, настойчивая и безпощадная? Оправдало ли крестьянство—какъ оставленное за порогомъ школы, такъ и пропущенное сквозь узкія ея врата, подъ строгимъ наблюденіемъ многочисленной инспекціи или подъ непосредственнымъ надзоромъ духовенства,—ожиданія, продержавшіяся до самаго начала, освободительнаго движенія»? Отвѣтомъ на это служатъ «поправки», внесенныя правилами 3-го іюня въ организацію крестьянскаго представительства. Воспитала ли преобразованная гимназія рядъ послушныхъ, смирныхъ поколѣній, застраховала ли она ихъ отъ вліянія «вредныхъ ученій»—и довершилъ ли ея дѣло преобразованный университетъ? Объ этомъ можно судить по исторіи студенческихъ волненій, къ концу прошлаго вѣка ставшихъ почти неизбѣжной принадлежностью «порядка дня» высшей школы. Что же съ тѣхъ поръ измѣнилось? Въ чемъ заключаются новыя обстоятельства, дающія поводъ думать, что обращеніе къ старымъ, завѣдомо негоднымъ средствамъ приведетъ къ существенно инымъ результатамъ?

Измѣнилось многое, но въ направленіи прямо противоположномъ тому, которое желательно для нынѣшнихъ представителей власти. Начнемъ съ народной школы. Было время, когда простой количественный прогрессъ въ этой области, доведенный до сравнительно высокаго предѣла, могъ показаться громаднымъ шагомъ впередъ и составить крупную статью въ правительственномъ активѣ. Теперь введенію всеобщаго обученія, если оно и состоится въ теченіе ближайшихъ лѣтъ—въ чемъ нельзя быть вполнѣ увѣреннымъ въ виду упорной, хотя и не всегда послѣдовательной оппозиціи Государственнаго Совѣта,—предстоитъ обычная судьба запоздалыхъ реформъ: оно никого не удовлетворитъ, потому что широко распространено ожиданіе бо́льшаго. Не примирятся не только широкіе круги общества,—не примирится и народная масса съ сохраненіемъ обособленности церковно-приходской школы. Это доказываютъ съ одной стороны послѣдніе шаги третьей Госуд. Думы, большинство которой, при всей своей благонадежности, уклонилось отъ разсмотрѣнія настойчиво проводимыхъ вѣдомствомъ православнаго исповѣданія школьныхъ креди-

товъ [1]), съ другой стороны—формула крестьянской группы четвертой Думы, приведенная въ іюльской книжкѣ нашего журнала. Далеко въ ширь и глубь проникло сознаніе необходимости качественнаго подъема народной школы, несовмѣстимаго съ нынѣшнимъ ея раздвоеніемъ, съ произволомъ во все вмѣшивающейся и ничего не улучшающей инспекціи, съ недовѣріемъ къ земскому и городскому самоуправленію. И что бы ни предпринимала, какъ бы ни старалась школьная администрація, предупредить расширеніе школьныхъ программъ и удлиненіе школьнаго курса ей не удастся; для этого нужно было бы дать рѣшительный ходъ назадъ всему земскому дѣлу, что было, пожалуй, возможно въ концѣ прошлаго вѣка, когда серьезно обсуждался планъ сосредоточенія начальнаго обученія въ рукахъ духовенства, но едва ли осуществимо въ настоящее время. Да и одна ли начальная школа способствуетъ развитію мысли, распространенію знаній въ средѣ народа? Какъ ни угнетена печать, она все же не обречена на безмолвіе и безсиліе; какъ ни стѣснены читальни и библіотеки, онѣ все же наполняются не одними «благонамѣренными» изданіями. Однажды пробудившаяся народная любознательность всегда найдетъ способъ удовлетворенія, помимо предписанныхъ или апробованныхъ сверху. Преграды, нагромождаемыя на пути внѣшкольнаго образованія, не столько останавливаютъ, сколько раздражаютъ. Общеніе между деревней и городомъ растетъ съ каждымъ днемъ; тысячи, десятки тысячъ возвращаются въ деревню не такими, какими ушли оттуда. «Наглядное обученіе» принимаетъ новыя формы, неуловимыя и неустранимыя; властные «предметные уроки» производятъ совсѣмъ не то впечатлѣніе, какое отъ нихъ ожидалось. Здравой политикой, при такихъ условіяхъ, былъ бы отказъ отъ тенденцій, искусственно вносимыхъ въ организацію и направленіе народнаго образованія. Общественнымъ и личнымъ силамъ, идущимъ на борьбу съ невѣжествомъ, больше и прежде всего нужна свобода—свобода отъ тисковъ такъ называемой «государственности» и ложно понятаго національнаго начала. Связь безконечно разнообразныхъ частей населенія съ великимъ цѣлымъ укрѣпляется не насильственнымъ насажденіемъ государственнаго языка и офиціальнаго политическаго катехизиса, а одинаковой для всѣхъ охраной всѣмъ одинаково дорогихъ благъ.

Если въ области начальной школы на первый планъ выступаетъ стараніе замедлить естественный ходъ вещей, то въ области

---

[1]) Четвертая Дума оказалась, въ этомъ отношеніи, позади третьей; но позволительно предположить, что то была простая случайность, которая болѣе не повторится.

средней школы замѣтно прямое возвращеніе къ давно похороненному прошлому. Въ самомъ дѣлѣ, система гр. Д. А. Толстого, поколебленная уже при гр. Деляновѣ и Н. П. Боголѣповѣ, рѣшительно осужденная при генералѣ Ванновскомъ, повисшая на воздухѣ при его преемникахъ, опять кладется въ основу мѣропріятій просвѣтительнаго вѣдомства. Она держалась, какъ извѣстно, на вѣрѣ въ единоспасающее дѣйствіе своеобразно понятаго классицизма и бдительнѣйшаго надзора, обнимающаго всю жизнь учащихся. Эта вѣра опять воскресаетъ: опять преувеличивается значеніе древнихъ языковъ, опять усиливается и расширяется внѣ-школьное наблюденіе за ученицами и учениками. Нетрудно предсказать полнѣйшую неудачу похода, меньше чѣмъ когда-либо соотвѣтствующаго требованіямъ времени. Древніе языки не являются болѣе той несокрушимой и незамѣнимой твердыней гимназическаго преподаванія, какою они могли казаться полвѣка тому назадъ; ихъ господство потрясено повсюду, и болѣе чѣмъ странно разсчитывать на возстановленіе его у насъ, гдѣ оно такъ очевидно пришлось не ко двору. Опытовъ было произведено довольно—и всѣ они свидѣтельствуютъ объ одномъ: не достигая ни своей номинальной, т. е. педагогической, ни своей реальной, т. е. политической цѣли, классицизмъ à outrance оказывается одинаково безсильнымъ, какъ средство подъема культуры и какъ средство «отрезвленія» умовъ. Еще меньше точекъ опоры можно найти въ прошедшемъ для крайностей дисциплины и надзора, подрывающихъ столь важное въ дѣлѣ воспитанія взаимное довѣріе сторонъ и роняющихъ въ сердца учащихся первыя сѣмена отрицательнаго отношенія къ власти. Подозрѣніе, наброшенное на всякія ученическія сходки и собранія, влечетъ за собою попытки тайнаго общенія; за ними слѣдуютъ репрессіи, углубляющія пропасть не только между воспитанниками и воспитателями, но и между обществомъ и школой. И, конечно, жизнь беретъ верхъ надъ регламентаціей; настроеніе громаднаго большинства, въ моментъ окончанія средней школы, опредѣляется вѣяніями минуты, проникающими черезъ всѣ загородки и рѣшетки. Вмѣсто попытокъ возврата къ невозвратимому, слѣдовало бы приступить къ обновленію средней школы на прочныхъ, широкихъ началахъ, съ предоставленіемъ ея питомцамъ такой, постепенно растущей съ годами свободы дѣйствій, которая, раздвигая ихъ кругозоръ и закаляя ихъ характеръ, устраняла бы рѣзкій переходъ отъ подчиненности къ самостоятельности, знаменующій въ настоящее время окончаніе гимназическаго курса.

Наибольшая ломка—и наибольшее пренебреженіе къ урокамъ прошлаго—наблюдается теперь въ области высшей школы. Университетскій уставъ устарѣлъ въ такой же мѣрѣ, какъ и гимназическій—

но, какъ и послѣдній, онъ не подвергается коренному пересмотру, а нарушается, обходится, игнорируется, сообразно съ видами и стремленіями министерства. Явные безпорядки и злоупотребленія оставляются безъ вниманія, если они допущены политически безупречнымъ персоналомъ; мѣры строгости выпадаютъ на долю строптивыхъ и непокорныхъ, хотя бы строптивость заключалась только въ защитѣ несомнѣннаго права. Никогда еще замѣщеніе каѳедръ по усмотрѣнію министерства, вопреки желанію университета, не принимало такихъ широкихъ размѣровъ; никогда не было столько случаевъ увольненія профессоровъ, прямо или подъ видомъ перевода въ другой городъ; никогда не было такого вмѣшательства администраціи въ внутреннюю жизнь студенчества. Господствующихъ идей въ массѣ болѣе или менѣе однородныхъ мѣропріятій можно различить двѣ. Первая заключается въ томъ, что профессуру слѣдуетъ привести по возможности къ одному знаменателю, хотя бы и невысокому въ научномъ отношеніи, но надежному политически и соціально. Нужно, поэтому, «очищать» атмосферу, не только путемъ «надлежащаго» замѣщенія свободныхъ каѳедръ, но и путемъ содѣйствія ихъ освобожденію. Это бывало и раньше, въ восьмидесятыхъ, въ девятидесятыхъ годахъ; но старая практика принимаетъ теперь болѣе рѣзкія формы и болѣе крупные размѣры. Предполагается, очевидно, что тщательно подобранные преемники сумѣютъ вырвать плевелы, посѣянныя предшественниками. Въ основѣ этого предположенія лежитъ двоякая ошибка: не отъ профессоровъ (прежнихъ) идетъ настроеніе, которое хотятъ искоренить, и не профессорамъ (новымъ) по силамъ его искорененіе. Аудиторіи не отдѣлены отъ общества китайскою стѣною; туда проникаютъ всѣ теченія, существующія внѣ высшей школы, и не тенденціозному профессорскому слову принадлежитъ главная роль въ усвоеніи ихъ учащеюся молодежью. Меньше всего шансовъ успѣха имѣетъ тенденціозность внушенная или предписанная сверху; одной догадки на этотъ счетъ достаточно для того, чтобы дискредитировать лектора въ глазахъ слушателей. Удаленіемъ «неугодныхъ» профессоровъ ничего не было достигнуто двадцать пять, пятнадцать лѣтъ тому назадъ, ничего не будетъ достигнуто и теперь, когда растетъ научная литература, возникаютъ народные университеты, увеличивается число источниковъ, откуда черпается знаніе. Возможно, конечно, такое разсужденіе: въ прошедшемъ неудача репрессивныхъ мѣръ объясняется недостаточною настойчивостью и послѣдовательностью въ ихъ проведеніи; нужно воспользоваться этимъ урокомъ и, не останавливаясь ни передъ чѣмъ и ни передъ кѣмъ, продолжать начатое дѣло, пока не будутъ устранены или

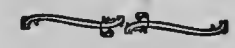
усмирены всѣ его противники. Для проведенія подобнаго плана нужно, однако, много, очень много времени — и это одно дѣлаетъ его трудноисполнимымъ. Система, отнимающая у высшей школы, одну за другою, лучшія ея силы, неминуемо должна вызвать реакцію, противъ которой не устоитъ никакое упорство. Умственныя богатства Россіи не такъ велики, чтобы выбрасыванье ихъ за бортъ могло продолжаться usque ad infinitum.

Вторая идея, сквозящая въ политикѣ министерства народнаго просвѣщенія — или, лучше сказать, въ политикѣ объединеннаго кабинета,—имѣетъ, сравнительно съ первою, достоинство новизны: она сводится къ созданію и поддержкѣ въ средѣ самого студенчества такой силы, которая могла бы служить противовѣсомъ оппозиціоннымъ его элементамъ и вести съ ними открытую борьбу. Неустранимымъ дефектомъ этого плана является, прежде всего, искусственное происхожденіе такъ называемыхъ «академистовъ». Другія студенческія группы слагались и слагаются путемъ естественной тяги къ тѣмъ или инымъ партіямъ, мнѣніямъ, теченіямъ, существующимъ въ странѣ; къ образованію группы академистовъ пришлось приложить руку со стороны. Принять непосредственное участіе въ этомъ процессѣ вѣдомство народнаго просвѣщенія, конечно, не могло; главную роль сыграли въ немъ организаціи, участіе которыхъ можетъ обезпечить временной, да и то болѣе кажущійся, чѣмъ дѣйствительный успѣхъ покровительствуемаго ими дѣла, но неминуемо должно внести въ него зародышъ порчи и разложенія. И чѣмъ сильнѣе внѣшняя поддержка, тѣмъ быстрѣе и яснѣе обнаруживаются отрицательные ея результаты; чтобы убѣдиться въ этомъ, стоитъ только вспомнить, что происходило въ новороссійскомъ университетѣ въ эпоху гг. Толмачева и Левашева. Неустранимо, далѣе, внутреннее противорѣчіе, подрывающее въ корнѣ жизнеспособность союза академистовъ. Основанный во имя—или подъ предлогомъ—противодѣйствія политикѣ, онъ сразу оказался пропитаннымъ ею. Отсюда обостреніе борьбы, введеніемъ въ нее новаго, до тѣхъ поръ небывалаго элемента. И чтобы составить себѣ понятіе о свойствахъ этого элемента, достаточно вспомнить о покровительствѣ, которымъ онъ пользуется со стороны гг. Пуришкевича и Маркова 2-го...

Допустимъ нѣчто совершенно невѣроятное. Предположимъ, что съ введеніемъ всеобщаго начальнаго обученія церковно-приходская школа, оставаясь тѣмъ, что она представляетъ собою теперь, возьметъ верхъ надъ свѣтской, а послѣдняя ограничится скуднымъ запасомъ элементарныхъ знаній, передаваемыхъ подъ неусыпнымъ и многограннымъ контролемъ властныхъ и невластныхъ наблюденій. Предположимъ, что въ средней школѣ восторжествуетъ вновь система

гр. Д. А. Толстого и будетъ проводиться еще неукоснительнѣе, чѣмъ въ первые годы ея существованія. Предположимъ, что въ высшей школѣ останутся только покорные профессора и студенты. И все же придется сказать о народной мысли: e pur si muove! Она найдетъ пути помимо школы, и все то, что будетъ сдѣлано для направленія ея въ одно опредѣленное, узкое русло, приведетъ, въ концѣ концовъ, только къ болѣе широкому ея разливу.

К. Арсеньевъ.



ПАЦИФИЗМЪ И ВОЙНА.

Въ послѣдніе годы движеніе пацифизма несомнѣнно вышло изъ области мечтательныхъ плановъ и рѣшительно вступило на реальную почву. По крайней мѣрѣ такъ казалось всѣмъ искреннимъ сторонникамъ мира въ Европѣ. Практическіе государственные люди, министры, парламентскіе дѣятели и дипломаты взяли на себя заботу о введеніи обязательнаго третейскаго суда для разрѣшенія международныхъ споровъ, а обязательный арбитражъ признавался вѣрнѣйшимъ, наиболѣе цѣлесообразнымъ средствомъ для предотвращенія войнъ. Вторая Гаагская конференція 1907-го года дала сильный толчокъ этому офиціальному пацифизму. Почти всѣ государства культурнаго міра заключали между собою договоры объ обязательномъ арбитражѣ на случай возникновенія какихъ-либо серьезныхъ конфликтовъ; такихъ договоровъ заключено было около восьмидесяти, при преимущественномъ участіи Англіи и Соединенныхъ Штатовъ.

Въ декабрѣ 1910-го года милліардеръ Андрю Карнаджи пожертвовалъ капиталъ въ десять милліоновъ долларовъ (около двадцати милліоновъ рублей), проценты съ котораго должны были расходоваться на организацію учрежденій и мѣропріятій, могущихъ способствовать скорѣйшему уничтоженію войнъ, «этого позорнѣйшаго

пятна на нашей цивилизаціи». По мнѣнію Карнеджи, война есть только остатокъ первобытнаго варварства. «Хотя мы уже не съѣдаемъ нашихъ ближнихъ,—говоритъ онъ въ пространномъ вступительномъ письмѣ къ назначеннымъ имъ членамъ распорядительнаго комитета,—и хотя мы не подвергаемъ плѣнниковъ пыткамъ, не грабимъ занятыхъ нами городовъ, истребляя ихъ жителей, но мы все еще убиваемъ другъ друга на войнѣ, подобно дикарямъ. Только дикіе звѣри могутъ быть извиняемы, поступая подобнымъ образомъ. Война всегда рѣшаетъ не въ пользу праваго, а въ пользу сильнѣйшаго. Преступна та нація, которая отказывается отъ арбитража и заставляетъ противника прибѣгать къ судилищу, отрицающему идею права».

Вмѣстѣ съ бывшимъ президентомъ Тафтомъ, Карнеджи полагалъ, что вопросы чести и жизненные интересы страны могутъ подлежать третейскому разбирательству наравнѣ со всѣми другими, и что включеніе ихъ въ арбитражные договоры должно упразднить обычные источники войнъ. «Когда цивилизованныя націи войдутъ между собою въ указанные договоры,—поясняетъ Карнеджи,—и война будетъ признана постыдной для образованныхъ людей, подобно тому, какъ въ широкихъ предѣлахъ населеній, говорящихъ на англійскомъ языкѣ, вышли изъ употребленія личные поединки и купля-продажа людей, тогда будетъ намѣчено другое ближайшее послѣ войны унизительное зло, устраненіе котораго наиболѣе содѣйствовало бы прогрессу, возвышенію и счастью людей, или указаны будутъ тѣ возвышающіе элементы, введеніе или укрѣпленіе которыхъ имѣло бы подобные же результаты. И такъ отъ столѣтія къ столѣтію, безъ конца, довѣренные распорядители десятимилліоннаго фонда, пополняя свой составъ путемъ кооптаціи, должны опредѣлять, какимъ способомъ можно лучше всего помогать людямъ въ ихъ шествіи впередъ къ болѣе высокимъ ступенямъ непрестаннаго развитія».

Исчезновеніе войнъ разсматривалось уже какъ неизбѣжное логическое послѣдствіе всеобщаго признанія обязательнаго международнаго арбитража, успѣхи котораго не оставляли, повидимому, мѣста никакимъ сомнѣніямъ. Казалось, что дѣятельная пропаганда этой идеи предвѣщаетъ скорое окончательное торжество пацифизма. Не будетъ войнъ, а будетъ только правильно засѣдать постоянный третейскій судъ въ Гаагѣ, гдѣ всякіе споры и конфликты государствъ найдутъ себѣ надлежащее законное рѣшеніе. Для достиженія этой цѣли нужно неустанно дѣйствовать на умы въ извѣстномъ направленіи, убѣждать общественное мнѣніе въ превосходствѣ системы всеобщаго мира, доказывать безполезность и опасность дальнѣйшихъ

вооруженій, выставлять на первый планъ спасительное значеніе обязательнаго международнаго арбитража. Въ такомъ именно духѣ ведутъ свою пропаганду различные органы и представители учрежденнаго Карнеджи «фонда международнаго мира», отчетъ котораго за истекшій годъ вышелъ недавно въ свѣтъ въ Вашингтонѣ [1]). Балканскія кровавыя событія неожиданно разрушили нѣкоторыя изъ важнѣйшихъ иллюзій пацифистовъ того благодушнаго типа, къ которому принадлежитъ Карнеджи. Между двумя главными балканскими государствами не только существовалъ союзный договоръ, но въ этомъ договорѣ былъ ясно и точно предусмотрѣнъ обязательный арбитражъ на случай возможныхъ споровъ и разногласій; однако въ дѣйствительности условіе объ арбитражѣ нисколько не помѣшало бывшимъ союзникамъ вступить въ жестокую борьбу даже безъ соблюденія обычныхъ правилъ войны. Если Сербія и Болгарія могли безнаказанно нарушить условіе о третейскомъ судѣ, то въ чемъ будетъ заключаться гарантія исполненія этого условія со стороны болѣе крупныхъ и независимыхъ державъ? Не окажется ли обязательный арбитражъ на практикѣ вовсе не обязательнымъ, зависящимъ всецѣло отъ доброй воли правительствъ?

Мы видимъ, что настойчивая и многолѣтняя проповѣдь миролюбія не предупреждаетъ и не ослабляетъ внезапныхъ воинственныхъ порывовъ, толкающихъ государства на путь страшныхъ столкновеній и катастрофъ. Германія, всегда вооруженная сильнѣе сосѣднихъ странъ, дѣлаетъ вдругъ новыя колоссальныя усилія для увеличенія своей арміи и своихъ боевыхъ средствъ, ссылаясь на военно-политическіе успѣхи балканскихъ державъ, примыкающихъ будто бы къ Россіи; примѣру Германіи поневолѣ слѣдуетъ Франція, и еще раньше, независимо отъ нихъ, вооружалась Австро-Венгрія, подготовляясь къ активному участію въ балканскихъ дѣлахъ. Военное повѣтріе сразу налетѣло на передовые культурные народы, вопреки всѣмъ оптимистическимъ предсказаніямъ убѣжденныхъ пацифистовъ. Благотворное умственное движеніе, которому такую могущественную финансовую поддержку оказалъ Карнеджи, потерпѣло нѣчто въ родѣ краха. Надежды на арбитражные договоры совершенно не оправдались; принципіальное миролюбіе, съ которымъ всѣ согласны, вновь проявило свое полное безсиліе въ вопросахъ практической политики.

Слѣдуетъ ли заключить отсюда, что идеи пацифизма оказались ошибочными или несостоятельными по существу, что онѣ не соотвѣтствуютъ реальнымъ условіямъ жизни современныхъ госу-

---

[1]) Carnegie Endowment for International Peace. Year book for 1912. Вашингтонъ, 1913.

дарствъ или дѣйствительнымъ стремленіямъ и потребностямъ культурныхъ націй?

Конечно, ничего подобнаго утверждать нельзя. Война остается явленіемъ столь же возмутительнымъ и ужаснымъ, сколько и нелѣпымъ и безнравственнымъ. Постоянный и прочный миръ, регулируемый извѣстными договорными обязательствами, есть то нормальное состояніе, на которое имѣютъ право разсчитывать народы, окруженные не разбойничьими племенами, а мирными, трудящимися сосѣдями.

Обращаясь къ общественному мнѣнію съ проповѣдью безусловнаго миролюбія, пацифисты, въ сущности, ломятся въ открытую дверь. Народы не нуждаются въ доказательствахъ недопустимости войнъ, какъ безчеловѣчно-варварскихъ формъ международныхъ столкновеній. Доводы справедливости и здраваго смысла давно уже исчерпаны въ вопросѣ о значеніи и послѣдствіяхъ вооруженной борьбы между націями. Но существуетъ готовый аппаратъ войны, постоянно развивающійся, пріобрѣтающій всѣ свойства самостоятельнаго, чрезвычайно требовательнаго организма,—аппаратъ, воплощающій въ себѣ всю внѣшнюю силу государствъ, вырабатывающій свои собственные законы и имѣющій своею единственною цѣлью и своимъ единственнымъ оправданіемъ подготовку войны и побѣды. Этотъ обширный и сложный аппаратъ войны, поглощающій огромную массу средствъ и усилій, находится въ распоряженіи особаго класса лицъ, спеціалистовъ военнаго дѣла, для которыхъ все призваніе жизни заключается въ приготовленіи будущихъ войнъ и въ обезпеченіи ихъ успѣшнаго хода. Армія есть орудіе войны, а не мира; она приспособлена къ военнымъ дѣйствіямъ, а не къ мирному стоянію на стражѣ мира; она, какъ принято думать, теряетъ свои важнѣйшія, наиболѣе цѣнныя качества въ долгіе періоды мира; она самымъ существованіемъ своимъ вызываетъ и поощряетъ событія, могущія привести къ страшной международной катастрофѣ. Вожди и начальники арміи обязаны по долгу службы заботиться о войнѣ, а не о мирѣ; для нихъ не имѣютъ смысла добродѣтельныя старанія принципіальныхъ противниковъ войны, мечтающихъ о разрѣшеніи всѣхъ политическихъ споровъ путемъ добровольно признаваемаго арбитража, согласно программѣ Карнеджи и его единомышленниковъ.

Гдѣ существуетъ армія, тамъ имѣется вліятельный военный классъ, а военному классу, особенно его командному составу, повсюду свойственно стремленіе къ военнымъ подвигамъ и военной славѣ. Такъ какъ на арміи лежитъ важнѣйшая изъ задачъ государства—защита его территоріи отъ внѣшнихъ враговъ, то всѣ другіе

интересы страны подчиняются потребностямъ арміи, и ничто не можетъ остановить непрерывно возростающаго соперничества націй въ дѣлѣ вооруженій. Небольшія государства, имѣющія свои историческія и національныя цѣли, не щадятъ никакихъ усилій для созданія могущественныхъ армій, а создавъ армію, они должны стремиться пустить ее въ дѣло при наиболѣе благопріятныхъ шансахъ успѣха. Великія и богатыя націи могутъ въ теченіе многихъ лѣтъ терпѣливо нести бремя колоссальнаго, ежегодно увеличивающагося военнаго бюджета, въ ожиданіи будущихъ опасностей, которыя, быть можетъ, никогда не наступятъ; но малыя и бѣдныя державы не выдерживаютъ слишкомъ долгихъ и разорительныхъ приготовленій,—онѣ невольно ждутъ момента, когда накопленныя силы могутъ принести желанный плодъ.

Этотъ кругъ явленій и фактовъ мало обращалъ на себя вниманіе пацифистовъ, поглощенныхъ идейною пропагандою мира и арбитража. Если войнѣ суждено исчезнуть и уступить мѣсто мирному третейскому суду, то армія потеряетъ смыслъ и цѣль своего существованія, и могущественный военный классъ останется безъ дѣла; между тѣмъ, военная сила есть не только основа внѣшняго могущества государствъ, но и главный оплотъ государственной власти внутри страны.

Безполезно убѣждать нѣмцевъ въ превосходствѣ мира и въ нелѣпости войны: просвѣщенные нѣмцы отлично знаютъ это сами; но нельзя доказывать германской арміи, что она не нужна въ настоящемъ и не понадобится въ будущемъ. Германская армія, съ ея блестящими командирами и полководцами, представляетъ собою національное учрежденіе, противъ котораго безсильны обычные резоны миротворцевъ въ родѣ Карнеджи. Пацифисты направляютъ свою дѣятельность въ тѣ области разсужденія, въ которыхъ и безъ того господствуетъ склонность къ миролюбію и компромиссу; они обходятъ молчаніемъ коренные политическіе вопросы, связанные съ традиціоннымъ культомъ войны и съ преобладающею ролью постоянныхъ армій въ жизни народовъ.

Болгарія создала сильную, отлично организованную армію цѣною энергическихъ и самоотверженныхъ многолѣтнихъ трудовъ; вожди этой дорого стоившей арміи считали возможнымъ при ея помощи достигнуть первенства на Балканскомъ полуостровѣ, отодвинувъ на задній планъ Сербію и Грецію,—и они соблазнились перспективою удачи, поставивъ на карту насущные жизненные интересы страны при видимомъ сочувствіи ея лучшихъ представителей. Болгарскіе патріоты разсуждали приблизительно слѣдующимъ образомъ: армія обходится намъ такъ дорого, что мы должны восполь-

зоваться настоящимъ моментомъ, который, быть можетъ, никогда болѣе не повторится, и обезпечить себѣ окончательный перевѣсъ надъ бывшими союзниками и соперниками, хотя бы для этого пришлось поступить несправедливо и жестоко. Такъ же точно желали по своему воспользоваться обстоятельствами и правители Сербіи, Греціи и Румыніи; и они чувствовали необходимость употребить собранныя войска для достиженія національныхъ цѣлей, которыми оправдывалось бы существованіе крупныхъ военныхъ силъ, безплодно содержимыхъ народами въ теченіе длиннаго ряда лѣтъ.

Вооруженія продолжаются во всей Европѣ независимо отъ какихъ бы ни было идей, подъ вліяніемъ разнообразныхъ мотивовъ династическаго и военнаго честолюбія, при чемъ на долю арміи выпадаетъ роль самодовлѣющей силы, развивающейся съ послѣдовательностью стихійнаго процесса. Пацифизмъ почти не затрагиваетъ этихъ существенныхъ сторонъ вопроса о мирѣ и войнѣ, и потому онъ до сихъ поръ обреченъ на безсиліе.

Л. Слонимскій.

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Поворотъ событій на Балканахъ.—Печальная судьба Болгаріи.—Злоупотребленія «правомъ войны».—Ошибки русской дипломатіи.—Взаимные счеты балканскихъ государствъ.—Политика Румыніи.—Новый политическій кризисъ на ближнемъ Востокѣ.—Китайско-монгольскій вопросъ.

Съ Болгаріею случилось то, чего не бывало еще, кажется, во всемірной исторіи. Достигнувъ самаго блестящаго положенія, о какомъ могли только мечтать болгарскіе патріоты, правительство царя Фердинанда въ короткій, двухнедѣльный періодъ потеряло, по собственной винѣ, всѣ плоды великихъ національныхъ жертвъ и подвергло страну всѣмъ ужасамъ отчаянія. Ослѣпленная своими неожиданными успѣхами въ борьбѣ противъ Турціи, болгарская военная партія сочла возможнымъ отдѣлиться отъ союзниковъ,

чтобы обезпечить для себя первенство на Балканахъ, и ради этой честолюбивой цѣли поставила на карту всѣ свои крупныя реальныя пріобрѣтенія и самое существованіе государства. Стоять на верху славы и могущества, быть предметомъ всеобщихъ похвалъ и уваженія Европы, и затѣмъ внезапно низринуться въ пропасть, дойти до крайняго униженія—это выпало на долю Болгаріи послѣ разгорѣвшейся распри ея съ союзными балканскими народами.

Болгарскіе правители пользовались репутаціею разсчетливыхъ, дальновидныхъ и трезвыхъ политиковъ; между тѣмъ, они обнаружили такую бездну легкомыслія и самомнѣнія, что даже лучшіе друзья Болгаріи становятся въ тупикъ. На первыхъ порахъ можно было думать, что дѣло идетъ о разногласіи ея съ Сербіей въ толкованіи союзнаго договора и что формальное право находится на сторонѣ Болгаріи; но вполнѣ солидарными съ Сербіей оказались и Греція, и Черногорія, у которыхъ не было никакого условія съ болгарами насчетъ раздѣла завоеванныхъ земель. Оттолкнувъ отъ себя Сербію своимъ заносчивымъ нежеланіемъ обсудить ея претензіи, Болгарія въ то же время собиралась отнять у грековъ Салоники и такимъ образомъ возбудила противъ себя вражду всѣхъ своихъ бывшихъ союзниковъ. Она смѣло вступила съ ними въ войну, не обезпечивъ своего тыла со стороны Румыніи и Турціи, и потому вскорѣ очутилась въ безвыходномъ положеніи, подъ ударами нашествія румынскихъ и турецкихъ войскъ. Оставивъ безъ защиты всѣ свои завоеванія во Ѳракіи, она вынуждена была отказаться и отъ Македоніи, послѣ упорныхъ битвъ съ сербами и греками; а пока происходили эти пагубныя кровопролитія, турки почти безъ сопротивленія занимали обратно отнятыя у нихъ болгарами земли и торжественно, при безконечныхъ ликованіяхъ мусульманскаго населенія, вступили опять въ Адріанополь. Всѣ успѣхи болгарской кампаніи противъ Турціи пошли на смарку; напрасно пролиты были потоки крови при осадѣ Адріанополя и въ разныхъ мѣстностяхъ Ѳракіи. Исторія какъ будто вернулась назадъ, къ тому моменту, когда ликвидація турецкаго владычества на Балканскомъ полуостровѣ еще не совершилась; Европейская Турція, считавшаяся уже окончательно похороненною, вновь возродилась изъ пепла, благодаря непостижимому поведенію Болгаріи. Царь Фердинандъ и его приближенные, вмѣстѣ съ окружающими ихъ военными честолюбцами, втянули страну въ цѣлый рядъ неслыханныхъ бѣдствій. Несчастный болгарскій народъ, измученный и разоренный почти непрерывною десятимѣсячной войною, долженъ расплачиваться теперь за неразуміе и заносчивость своихъ близорукихъ генераловъ и министровъ; онъ сразу лишился всѣхъ пріобрѣтенныхъ кровью преимуществъ, утратилъ сочувствіе

культурныхъ европейскихъ націй, навлекъ на себя непримиримую ненависть сербовъ и грековъ и попалъ вообще въ гораздо худшее положеніе, чѣмъ въ какомъ находился до побѣдоносной войны съ Турціею.

Болгарія жестоко наказана за преступныя ошибки и увлеченія своихъ политическихъ и военныхъ дѣятелей; но и противники и соперники ея на Балканахъ показали себя съ крайне несимпатичной стороны. Поборники «великой Болгаріи» думали подготовить торжество своего идеала путемъ систематическаго вытѣсненія другихъ туземныхъ народностей; создатели «великой Сербіи» надѣялись на постепенное принудительное превращеніе мѣстныхъ болгаръ въ «добрыхъ сербовъ»; сторонники «великой Греціи» разсчитывали на установленіе прочнаго господства высшей греческой культуры надъ сербами и болгарами,—и всѣ одинаково, при первой возможности, прибѣгали къ крутымъ мѣрамъ насилія противъ соперниковъ Въ Македоніи, въ теченіе многихъ лѣтъ, практиковались особые способы воздѣйствія на мѣстную статистику: если въ какой-нибудь общинѣ считалось спорнымъ численное преобладаніе грековъ надъ болгарами или сербами, то являлись вооруженныя греческія или болгарскія шайки и истребляли соотвѣтственное число представителей враждебной національности, съ цѣлью возстановить желательное равновѣсіе. Кровавыя партизанскія дѣйствія болгарскихъ, греческихъ и сербскихъ бандъ въ Македоніи довольно рѣдко направлялись противъ турокъ или мусульманъ и большею частью имѣли характеръ взаимнаго безпощадно-статистическаго соперничества. Энергическая пропаганда той или другой народности велась черезъ посредство школъ, численность которыхъ служила показателемъ значенія и жизненности данной народности въ краѣ; новыя школы, сербскія, болгарскія или греческія, основывались спеціально для созданія соотвѣтственной статистики, въ виду обсуждавшихся тогда проектовъ македонской автономіи. Своеобразная обработка этихъ статистическихъ данныхъ преподносилась Европѣ въ видѣ обширныхъ сборниковъ, изданныхъ на французскомъ языкѣ (какъ напр. книга г. Браннова, въ 1905-мъ году). Предполагалось, что дипломатія воспользуется этими матеріалами для необходимыхъ выводовъ и обобщеній относительно племенного состава населенія; эти выводы и обобщенія должны были заранѣе создать почву для захвата спорныхъ областей одною изъ соперничествующихъ національностей. Взаимная вражда сербовъ, болгаръ и грековъ изъ-за господства на Балканахъ проявилась во всей своей наготѣ во время послѣдней войны, когда накопившіяся чувства злобы вырвались наружу съ ужасающею откровенностью.

Существуетъ кодексъ обычнаго права войны, разсмотрѣнный и одобренный въ свое время Гаагской конференціею; одно изъ основныхъ элементарныхъ началъ этого мнимаго военнаго права гласитъ, что война ведется противъ вооруженныхъ силъ непріятельской страны, а не противъ ея мирныхъ жителей, городовъ и селъ. Почему же эти предписанія международнаго права такъ грубо и явно нарушаются на глазахъ всей Европы, не вызывая категорическихъ протестовъ со стороны дипломатіи? Въ данномъ случаѣ нарушителями являются не могущественные народы, а второстепенные, небольшіе, съ которыми европейскіе кабинеты не привыкли церемониться. Что же было бы, если бы война происходила между первоклассными великими державами?

Существуютъ ли вообще какія-либо гарантіи обязательности международнаго права на практикѣ? Военныя дѣйствія начинаются безъ объявленія войны и безъ предварительнаго обращенія къ посредничеству другихъ державъ или къ третейскому суду; война ведется въ духѣ взаимнаго истребленія и опустошенія, и право народовъ совершенно забывается или умышленно игнорируется. Трудно считать отвѣтственными за эти грѣхи одни балканскія государства. Значительная доля вины лежитъ несомнѣнно на европейской и, въ частности, русской дипломатіи. Насколько извѣстно, сербско-болгарскій союзный договоръ 29 февраля 1912-го года былъ заключенъ при участіи нашихъ представителей въ Бѣлградѣ и Софіи. Въ этомъ договорѣ допущена мысль о раздѣлѣ македонской территоріи между Болгаріею и Сербіею, безъ участія Греціи, при чемъ весь вопросъ о будущей судьбѣ Македоніи извлекается изъ круга компетенціи великихъ европейскихъ державъ и передается всецѣло въ распоряженіе двухъ балканскихъ государствъ, вопреки всѣмъ дипломатическимъ прецедентамъ. Очевидно, Болгарія и Сербія не могли произвольно распорядиться судьбою Македоніи — предмета давнишнихъ заботъ всей Европы—безъ вѣдома и согласія европейской дипломатіи. Допущеніе этого промаха было первою серьезною ошибкою нашихъ дипломатическихъ представителей на Балканахъ. Второю ошибкой была самая идея раздѣла, противорѣчившая всей предшествующей европейской политикѣ по македонскому вопросу. Еще наканунѣ войны, осенью прошлаго года, въ предъявленномъ Турціи ультиматумѣ отъ имени Болгаріи и Сербіи выставлялось требованіе автономіи для Македоніи; а уже за полгода до этого въ секретномъ договорѣ предполагалось уничтоженіе автономіи, съ замѣною ея простымъ раздѣломъ между сосѣдями, безъ всякаго къ тому разумнаго основанія. Русская дипломатія тѣмъ болѣе не должна была поощрять эту идею раздѣла, что она

отлично знала крайнюю трудность и даже невозможность мирнаго ея осуществленія, въ виду особаго характера племенного соперничества и антагонизма въ различныхъ мѣстностяхъ Македоніи. Притомъ эта щекотливая и въ сущности неразрѣшимая задача возлагалась косвенно на отвѣтственность Россіи, которой предоставлялась роль верховнаго арбитра именно по вопросу о раздѣлѣ. Русская политика ставилась этимъ въ большое затрудненіе, Россія должна была бы отказаться отъ арбитража, относящагося къ раздѣлу территоріи, судьба которой несомнѣнно входитъ въ кругъ обязательныхъ заботъ всей европейской дипломатіи, на основаніи берлинскаго трактата. Греція, не участвовавшая въ сербско-болгарскомъ договорѣ и не предупрежденная объ его содержаніи, имѣла также свои не менѣе законные виды на отдѣльныя македонскія земли, и самая попытка устранить ее отъ участія въ раздѣлѣ должна была возбудить негодованіе въ греческомъ народѣ. Наша дипломатія не имѣла ни повода, ни основанія санкціонировать своимъ авторитетомъ закулисные болгарскіе планы.

Наше дипломатическое вѣдомство ошиблось также въ оцѣнкѣ возможнаго вліянія Россіи на образъ дѣйствій балканскихъ государствъ. Ни Болгарія, ни Сербія не обратили должнаго вниманія на настойчивые русскіе совѣты, имѣвшіе отчасти повелительный оттѣнокъ, съ нѣкоторою примѣсью угрозы. Только послѣ испытанныхъ пораженій болгарское правительство, въ лицѣ царя Фердинанда, стало искать у насъ заступничества, заявляя о своемъ вынужденномъ миролюбіи. Сербы и греки были неумолимы къ побѣжденнымъ; они продолжали тѣснить ихъ и тогда, когда они почти перестали сопротивляться; они злобно подчеркивали ихъ униженіе, выражали недовѣріе къ ихъ словамъ и обѣщаніямъ, не дѣлали имъ ни малѣйшихъ уступокъ и съ видимымъ злорадствомъ слѣдили за движеніемъ румынскихъ и турецкихъ войскъ въ предѣлахъ прежней болгарской территоріи. Мнимое славянское единство оказалось чистѣйшей фантазіей—по крайней мѣрѣ на Балканскомъ полуостровѣ. Взаимные счеты и чувства такъ называемыхъ родственныхъ народностей мало чѣмъ отличаются отъ отношеній къ вѣковымъ врагамъ ихъ—туркамъ. Въ трудные политическіе моменты эти народности вовсе не признаютъ своей солидарности съ Россіей и не слѣдуютъ ея руководству; онѣ скорѣе и чаще подчиняются внушеніямъ вѣнскаго кабинета, чѣмъ петербургскаго. Даже съ маленькой Черногоріею наша дипломатія не сохранила надлежащей солидарности; всегдашній фаворитъ русскаго правительства, король Николай, принялъ почему-то участіе въ братоубійственной войнѣ противъ болгаръ и этимъ показалъ свою независимость отъ русскаго вліянія. Однако, Черногорія получаетъ

свое вооруженіе въ значительной степени отъ Россіи, и для насъ крайне неудобно допускать, чтобы это русское оружіе направлялось противъ славянскаго государства, вызваннаго къ жизни русскими жертвами. Впослѣдствіи, когда началась безсмысленная кровавая расправа между бывшими союзниками, наше министерство иностранныхъ дѣлъ нашло нужнымъ объяснить свою точку зрѣнія въ слѣдующемъ офиціальномъ сообщеніи:

«Въ нѣкоторой части иностранной печати образъ дѣйствій Россіи въ балканскомъ кризисѣ подвергается неправильному толкованію и освѣщенію. Утверждаютъ, будто «запугивая» Грецію, Императорское правительство въ то же время не подвергаетъ такой же строгой критикѣ повышенныя требованія Сербіи, какъ славянскаго государства.

«Сообщенія эти не соотвѣтствуютъ дѣйствительности. Заявленія Императорскаго правительства въ Бѣлградѣ и Аѳинахъ носятъ совершенно одинаковый характеръ. Россія, какъ, впрочемъ, и всѣ другія державы, не можетъ допустить чрезмѣрнаго умаленія и униженія Болгаріи. Не преслѣдуя никакихъ иныхъ цѣлей, кромѣ скорѣйшаго умиротворенія на Балканахъ, Россія увѣрена, что всѣ великія державы раздѣляютъ въ этомъ отношеніи одинаковые взгляды. Обстоятельство это даетъ основаніе полагать, что и въ вопросѣ о выступленіи Турціи державы найдутъ способы и средства заставить уважать принятыя ими рѣшенія».

Надежды на единодушіе державъ и на цѣлесообразность ихъ дѣйствій пока еще не оправдались. Единодушіе взглядовъ достигается легко при отвлеченной, чисто принципіальной оцѣнкѣ событій; но оно обыкновенно теряетъ свою силу, когда дѣло идетъ о принятіи какихъ-либо опредѣленныхъ, положительныхъ мѣръ.

Европа стояла за сохраненіе мира на Балканахъ, возражала противъ выступленія Румыніи, протестовала противъ обратнаго турецкаго похода на Адріанополь, но не могла ничего придумать для того, чтобы доставить торжество своимъ взглядамъ. Балканскія государства не слушались указаній кабинетовъ и дѣйствовали по своему— а посылать противъ нихъ армію не расположена ни одна изъ державъ, ибо это значило бы нарушить единодушіе Европы. Свобода дѣйствій балканскихъ союзниковъ поставила передъ нами цѣлый рядъ психологическихъ загадокъ. Болгары нуждались въ помощи сербовъ, видѣли ихъ самоотверженіе подъ Адріанополемъ, должны были оцѣнить ихъ военныя качества и заслуги, сражаясь бокъ о бокъ съ ними во Ѳракіи и на Вардарѣ; и тѣмъ не менѣе они относились къ нимъ пренебрежительно, умаляли ихъ достоинства, оскорбляли ихъ самолюбіе и сознательно шли на встрѣчу разрыву, который возмущалъ естественное

чувство народовъ и былъ во всѣхъ отношеніяхъ пагубенъ для Болгаріи. Сербы и греки, въ свою очередь, убѣдившись на дѣлѣ въ плодотворности балканскаго союза, съ поразительною легкостью расторгли этотъ союзъ и превратились въ жестокихъ враговъ и преслѣдователей той самой Болгаріи, съ которою совмѣстно разбили Турцію—и это превращеніе они устроили тогда, когда турецкая армія стояла еще на Чаталджѣ и новая турецко-болгарская граница не была еще окончательно установлена. Когда болгары съ непонятнымъ ослѣпленіемъ бросились на своихъ вчерашнихъ союзниковъ (въ чемъ царь Фердинандъ публично обвинялъ генерала Савова и его единомышленниковъ), противъ. Болгаріи поднялась Румынія и двинула на нее свою свѣжую четырехсотъ-тысячную армію; тронулись и турецкія войска, и всѣ худшія, невыносимыя бѣдствія обрушились на несчастную страну. Болгары уже не защищались больше; однако союзники продолжали военныя дѣйствія и не соглашались на перемиріе. Началось отвратительное зрѣлище глумленія и издѣвательства надъ побѣжденнымъ противникомъ, который все еще не хочетъ признать свое пораженіе и старается сохранить свое достоинство. Сербы и греки требовали, чтобы миръ былъ подписанъ «на полѣ сраженія», и только подъ вліяніемъ энергическихъ настояній великихъ державъ, особенно Австро-Венгріи, пошли на нѣкоторыя формальныя уступки. Рѣшено было вести переговоры въ Бухарестѣ, и одновременно съ началомъ переговоровъ, 30 (17) іюля, объявлено пятидневное перемиріе, продолженное затѣмъ еще на три дня. Греки и сербы поступали такъ, какъ будто имъ не придется больше жить въ мирномъ сосѣдствѣ съ болгарами и заботиться о своей репутаціи въ глазахъ чужихъ культурныхъ націй. Они обнаруживаютъ теперь такую же самоувѣренную заносчивость, какою недавно отличались болгары, и подобное настроеніе не обѣщаетъ прочнаго мира на Балканахъ.

Странную и двусмысленную роль играетъ Румынія въ этомъ печальномъ фазисѣ балканскаго кризиса. Румынское правительство въ свое время потребовало вознагражденія за свой нейтралитетъ, т. е. за то, что оно не нападаетъ на болгаръ и остается съ ними въ мирѣ, пока они заняты войною съ турками. Съ точки зрѣнія обыкновенной житейской морали, это было нѣчто въ родѣ политическаго шантажа. Требованіе Румыніи нигдѣ не встрѣтило сочувствія въ Европѣ, и такъ какъ Болгарія находилась еще въ періодѣ своего величія и славы, то румыны довольствовались немногимъ и получили только Силистрію, хотя и не скрывали своихъ дальнѣйшихъ, болѣе честолюбивыхъ притязаній. Соглашеніе было скрѣплено въ Петербургѣ подписаніемъ предварительнаго протокола, кото-

рый долженъ былъ послужить матеріаломъ для заключенія формальной дипломатической сдѣлки между обѣими сторонами. Когда разыгралась вторая балканская война, угрожавшая уже разгромомъ Болгаріи, Румынія вновь выступила на сцену подъ болѣе благовиднымъ предлогомъ, во имя поддержанія политическаго равновѣсія на Балканахъ; она мобилизовала свои войска и вмѣшалась въ распрю бывшихъ союзниковъ, чтобы, во-первыхъ, отрѣзать отъ Болгаріи и присоединить къ своимъ владѣніямъ часть ея территоріи отъ Туртукая до Балчика, и во-вторыхъ, чтобы содѣйствовать возстановленію справедливаго мира, побудивъ воюющія стороны умѣрить свои взаимныя требованія. Первая часть задачи—захватъ болгарской территоріи ради сохраненія будто бы нарушеннаго равновѣсія—осуществляется какъ разъ тогда, когда опасность болгарской гегемоніи окончательно исчезла и когда у болгаръ уже отняты почти всѣ ихъ пріобрѣтенія, включая и Адріанополь. Сербія заняла Македонію, на которую претендовали болгары; Греція отобрала у нихъ побережье Эгейскаго моря и отказывается оставить имъ единственную послѣ Салоникъ хорошую гавань—Кавалу; Турція вновь завладѣла Ѳракіею и заявляетъ твердую рѣшимость сохранить ее за собою. И именно въ это время разгрома Болгаріи Румынія хочетъ присвоить себѣ часть ея старыхъ земель на томъ основаніи, что Болгарія чрезмѣрно расширила свои территоріальныя владѣнія и этимъ нарушила равновѣсіе на Балканахъ! Неудивительно, поэтому, что поступокъ Румыніи былъ названъ въ нашей печати политическимъ разбоемъ; но все-таки этотъ актъ разбоя санкціонированъ молчаніемъ Европы и вынужденнымъ согласіемъ самой Болгаріи. Устроивъ себѣ выгодную «компенсацію» насчетъ злополучнаго, беззащитнаго сосѣда, румынское правительство беретъ на себя роль великодушнаго миротворца и оказываетъ давленіе на побѣдителей Болгаріи своею внушительною, нетронутою еще арміей. Румынія взяла въ свои руки дѣло, съ которымъ не могли справиться великія державы, и, благодаря особымъ преимуществамъ своего положенія, она имѣетъ шансы довести мирные переговоры до успѣшнаго конца.

Болгарія останется обобранною, несчастною, Греція и Сербія возвеличатся; ужасы войны прекратятся, но спокойствіе не водворится на Балканахъ. Мирная конференція въ Бухарестѣ можетъ урегулировать только взаимные счеты и домогательства бывшихъ союзниковъ, но она не рѣшитъ вопроса о судьбѣ Ѳракіи съ Адріанополемъ и не удовлетворитъ стремленій македонцевъ къ автономіи. Между державами нѣтъ единства въ пониманіи и оцѣнкѣ отдѣльныхъ пунктовъ спора: Франція разошлась съ Россіею относительно

Кавалы и Эгейскаго моря, принявъ сторону Греціи, тогда какъ Австро-Венгрія и Италія, заодно съ Россіею, высказались за передачу Кавалы болгарамъ. Въ чью бы пользу ни состоялось рѣшеніе, соперники не будутъ довольны, и источники взаимнаго раздраженія не изсякнутъ. Всѣ совѣщанія о мирѣ происходятъ какъ будто предварительно, въ томъ предположеніи, что Ѳракія и Адріанополь въ концѣ концовъ непремѣнно отойдутъ къ болгарамъ. Безъ этого предположенія было бы безцѣльно дѣлить побережье Эгейскаго моря и спорить о новыхъ границахъ Болгаріи съ Греціей и Сербіей. Эти новыя болгарскія границы обнимаютъ и Ѳракію, которую теперь вновь заняли турецкія войска; а какъ удалить эти войска безъ войны? Румыніи этотъ вопросъ не касается; онъ мало интересуетъ Грецію и Сербію, но онъ имѣетъ жизненное значеніе для Болгаріи и чрезвычайно важенъ для европейской дипломатіи.

Лондонскій мирный договоръ, опредѣлившій участь Европейской Турціи, состоялся при руководящемъ участіи главныхъ европейскихъ кабинетовъ, подъ общей гарантіей Европы. Въ Константинополѣ дѣлаются, поэтому, обычныя, болѣе или менѣе настойчивыя представленія о томъ, что Порта обязана отозвать свои войска изъ Ѳракіи и очистить Адріанополь изъ уваженія къ Европѣ. Газетныя телеграммы аккуратно сообщаютъ объ этихъ серьезныхъ шагахъ, предпринимаемыхъ дипломатіею, и заранѣе выясняютъ или предсказываютъ ихъ возможные результаты; но сами дипломаты отлично сознаютъ, что словами нельзя заставить Турцію выпустить изъ рукъ неожиданно доставшуюся драгоцѣнную добычу. Турецкій патріотизмъ имѣетъ также право на существованіе, и подъемъ мусульманскаго настроенія не позволяетъ и думать о добровольномъ уходѣ турецкихъ войскъ изъ занятыхъ ими областей и городовъ Ѳракіи. Трудно доказывать туркамъ, что они должны добросовѣстно соблюдать договоръ, вынужденый у нихъ превосходствомъ военной силы противниковъ, когда эти противники вдругъ ослабѣли и сами вывели свои войска изъ взятыхъ ими укрѣпленныхъ мѣстъ. Съ точки зрѣнія турокъ, балканскія государства воспользовались слабостью Турціи и совмѣстными силами захватили ея исконныя владѣнія; побѣжденные должны были подчиниться силѣ, которую воплощала для нихъ Болгарія—но какъ только исчезла эта сила, устранилась и обязанность подчиненія. Странно было бы признавать законными и обязательными такія непріятельскія завоеванія, которыя не могутъ быть поддержаны военной силою. Проповѣдывать снисходительность къ завоевателямъ, потерявшимъ свою силу въ борьбѣ съ соперниками и возбуждающимъ жалость своимъ отчаяннымъ положеніемъ,—было бы болѣе чѣмъ оригинально, и такого рода добро-

дѣтель едва ли мыслима на практикѣ. Болгары не могутъ претендовать на то, чтобы ихъ злѣйшіе враги уважали ихъ несчастье и добросовѣстно продолжали подчиняться имъ послѣ обнаруженія ихъ безсилія. Турки могутъ утверждать, что заключенный ими миръ не былъ еще ратификованъ и приведенъ въ дѣйствіе, что условленная граница не была еще точно установлена и что продолженіе военныхъ операцій на Балканахъ давало имъ право считать мирный договоръ недѣйствительнымъ,—и эти доводы несомнѣнно содержатъ въ себѣ подобіе истины. То, что добыто или отнято военной силою, можетъ быть опять тѣмъ же путемъ потеряно или завоевано: это положеніе реальной политики всего менѣе оспариваемо можетъ быть болгарскими патріотами. Болгарамъ придется вторично завоевывать Ѳракію и брать Адріанополь,—уже, разумѣется, безъ помощи Сербіи,—если они пожелаютъ во что бы ни стало возстановить свои договорныя права, основанныя на правѣ завоеванія. Въ этомъ заключается новый источникъ опасностей для общаго мира въ Европѣ.

Въ Китаѣ вспыхнула междоусобная война между сѣверными и южными провинціями, или между «президентомъ республики», пребывающимъ въ Пекинѣ, и его противниками, имѣющими свой центръ въ Шанхаѣ. Параллельно съ этими внутренними замѣшательствами продолжается политическій кризисъ въ отношеніяхъ между Россіею и Китаемъ по поводу признанной нами автономіи Монголіи. Въ газетахъ отъ 3-го іюля было напечатано по этому предмету весьма пространное офиціальное сообщеніе, изъ котораго считаемъ нелишнимъ привести вступительную часть и заключеніе.

Тридцатаго минувшаго іюня россійскій посланникъ въ Пекинѣ сдѣлалъ отъ имени Императорскаго правительства китайскому министру иностранныхъ дѣлъ заявленіе нижеслѣдующаго содержанія.

«Приступивъ къ переговорамъ по монгольскому вопросу, Императорское правительство съ полной опредѣленностью дало понять китайскому правительству, что въ основаніе этихъ переговоровъ оно кладетъ тѣ принципы, которые установлены русско-монгольскимъ соглашеніемъ и протоколомъ 1912 г., а именно—сохраненіе юридической связи между Китаемъ и Монголіей и предоставленіе послѣдней, на основѣ достигнутаго ею національнаго объединенія, полной автономіи, въ частности—права имѣть свою администрацію и содержать собственное войско, съ недопущеніемъ китайской колонизаціи ея земель. Мы и затѣмъ неоднократно указывали, что не можемъ отступить отъ этихъ принциповъ, какъ потому, что, по нашему убѣжденію, лишь при ихъ соблюденіи монгольскій вопросъ

перестанетъ быть источникомъ недоразумѣній между Россіей и Китаемъ, такъ и потому, что мы связаны обязательствомъ передъ Монголіей обезпечить за нею означенныя преимущества...

«Однако, правительство самымъ положительнымъ образомъ подтверждаетъ, что оно въ принципѣ отнюдь не отказывается отъ мысли о желательности дружески урегулировать спорный вопросъ, и готово немедленно возобновить переговоры, если только получитъ увѣренность въ томъ, что взгляды Россіи и Китая на способы разрѣшенія монгольскаго вопроса въ основныхъ чертахъ совпадаютъ, давая надежду на возможность практически разграничить ихъ обоюдные интересы на этой почвѣ.

«Для этой цѣли, по мнѣнію Императорскаго правительства, лучше всего могъ бы служить обмѣнъ взаимныхъ заявленій, опредѣляющихъ общую точку зрѣнія обоихъ государствъ на направленіе этого вопроса. Основное содержаніе этихъ заявленій сводилось бы къ нижеслѣдующему:

«Китай признаетъ автономію Монголіи (за исключеніемъ областей, входящихъ въ составъ внутренней Монголіи) и права, вытекающія изъ нея для названной страны.

«Россія признаетъ сюзеренитетъ Китая надъ Монголіей и связанныя съ этимъ положеніемъ права.

«Китай изъявляетъ готовность принять добрыя услуги Россіи для установленія своихъ взаимоотношеній съ монгольскимъ правительствомъ, при чемъ въ основу будутъ положены начала, нашедшія выраженіе въ русско-монгольскомъ соглашеніи и протоколѣ 21 октября 1912 г. Вопросы, затрагивающіе интересы Россіи и Китая въ Монголіи и вызванные новымъ положеніемъ вещей въ этой странѣ, послужатъ предметомъ послѣдующаго обсужденія между обоими правительствами.

«Въ заключеніе Императорское правительство считаетъ долгомъ указать, что до установленія какого-либо соглашенія съ Китаемъ, оно будетъ всецѣло опредѣлять свои отношенія къ Монголіи, какъ это было и до послѣдняго времени, тѣми соглашеніями, которыя состоялись съ ней, а равно и вытекающими изъ этихъ соглашеній началами».

Очень можетъ быть, что точка зрѣнія нашей дипломатіи по монгольскому вопросу основательна и справедлива, и что она должна считаться обязательной для пекинскаго правительства; но едва ли своевременно обострять наши отношенія съ Китаемъ изъ-за Монголіи въ такое время, какъ настоящее, когда событія на ближнемъ Востокѣ становятся съ каждымъ днемъ все болѣе тревожными и запутанными.

ВОПРОСЫ ВНУТРЕННЕЙ ЖИЗНИ.

Идеологія рабства съ трибуны Государственной Думы.—Печать и судъ.—Изъ мартиролога двухъ закрытыхъ газетъ.—Регрессъ закона въ вопросѣ о смертной казни.—Военная служба и религіозныя убѣжденія солдатъ.—Иллюстрація къ отмѣнѣ „зачета".—„Разъясненіе" памятника на могилѣ С. А. Муромцева.—Изъ курьезовъ опроверженій.—Юбилей В. Г. Короленка.

Конституціоналисты-теоретики немало думали и продолжаютъ думать о способахъ обезпеченія представительства меньшинства. Дѣйствительно, парламентъ долженъ представлять собою всю страну, т. е. всѣ теченія народной мысли и всѣ классовые и бытовые интересы. Всеобщее избирательное право, при его примѣненіи въ чистомъ видѣ, въ каждомъ избирательномъ округѣ даетъ преобладаніе большинству и тѣмъ не только парализуетъ, но совершенно исключаетъ представительство меньшинства, если въ классовомъ и бытовомъ отношеніи нѣтъ по отдѣльнымъ мѣстностямъ рѣзкихъ уклоненій отъ общаго тона и если господствующія политическія теченія равномѣрно разлиты по всей территоріи государства. Право направлять государственное законодательство, конечно, должно принадлежать большинству въ парламентѣ, представляющему большинство въ странѣ. Но прежде принятія рѣшеній, большинство обязано выслушать сужденія меньшинства въ палатѣ, т. е., другими словами,—въ странѣ.

Наши составители избирательнаго закона 3-го іюня смотрятъ, надо полагать, на плодъ своей творческой работы не иначе, какъ съ гордостью людей, имена которыхъ рано или поздно не могутъ не быть признаны въ наукѣ конституціоннаго права. Ибо вопросъ объ обезпеченіи представительства меньшинства ими разрѣшенъ до крайности оригинально. Нѣтъ того оттѣнка въ мнѣніяхъ и вожделѣніяхъ *праваго* меньшинства населенія, которое не было бы представлено въ Думѣ. Они сумѣли обезпечить за меньшинствомъ страны большинство въ Думѣ. Они создали систему двойного отбора меньшинства и дали торжество меньшинству въ меньшинствѣ. Классовое меньшинство въ странѣ имѣетъ представительство въ Думѣ отнюдь не по типичной для класса политической окраскѣ, а по такой, которая и въ данномъ классѣ составляетъ скорѣе исключеніе, нежели общее правило. Въ конечномъ итогѣ, система поставила большинство въ странѣ въ безправное по отношенію къ

законодательству положеніе. Но вѣдь и конституція у насъ не западно-европейская, а своя собственная...

Каждый седьмой членъ четвертой Думы—священникъ. Каждый четвертый—дворянинъ или чиновникъ. Было бы, само собою разумѣется, ненормально, если бы голоса сотенъ тысячъ православныхъ священниковъ и другихъ сотенъ тысячъ дворянъ растворялись до конца въ милліонахъ голосовъ крестьянъ, рабочихъ и городского мѣщанства и если бы классовые интересы обѣихъ группъ вовсе не были представлены въ Думѣ. Но еще болѣе ненормально ихъ представительство въ такомъ масштабѣ, при которомъ милліоны голосовъ почти безъ остатка растворяются въ сотняхъ тысячъ. И не въ этомъ только суть закона 3 іюня и выборной практики—«разъяснительной» и «соединительно-раздѣлительной». Пятидесятилѣтній опытъ земства воочію доказалъ, что наше дворянство въ своемъ общественномъ служеніи стоитъ, какъ цѣлое, выше сословно-классовыхъ интересовъ. Въ отношеніи православнаго духовенства свидѣтельствующаго о томъ же одинаково яркаго факта—нѣтъ. Но знающимъ деревенскую жизнь хорошо извѣстно, насколько сельское духовенство, т. е. священническія массы, далеко въ политическомъ и экономическомъ отношеніяхъ отъ того, что обрисовываетъ типъ соборнаго протоіерея въ шелковой рясѣ, и насколько оно близко къ интересамъ крестьянства. Какъ фактъ, можно напомнить священниковъ, которые были членами первой и второй Думы. Священниковъ, восторженно привѣтствующихъ мысли и слова Марковыхъ, Пуришкевичей и Замысловскихъ, тамъ не было ни одного. Священники тамъ говорили объ отмѣнѣ смертной казни, о принудительномъ отчужденіи земли, о свободѣ и о равноправіи.

Дворянство и православное духовенство въ массѣ—не то меньшинство населенія, которое составителямъ закона 3 іюня было нужно извлечь изъ страны и надѣлить правомъ законодательной власти. Имъ нужно было извлечь классовые инстинкты дворянъ и духовенства, т. е. выдѣлить и провести въ Думу именно меньшинство изъ меньшинства. И право министра внутреннихъ дѣлъ соединять и раздѣлять землевладѣльческіе съѣзды оказалось для этого исключительно пригоднымъ средствомъ. Гдѣ, по донесенію исправниковъ и губернаторовъ, были не надежны, въ смыслѣ классовыхъ инстинктовъ, землевладѣльцы-дворяне, тамъ въ ихъ курію вливали священниковъ. Гдѣ, наоборотъ, были не надежны священники, тамъ ихъ отдѣляли отъ землевладѣльцевъ, предоставляя имъ одно мѣсто выборщика изъ семи или восьми.

И при всѣхъ такихъ заботахъ о торжествѣ меньшинства, все-таки, нельзя понять, какъ могъ пройти въ Думу отъ Бессарабской

губерніи князь Святополкъ-Мирскій. Въ теченіе всей первой сессіи четвертой Думы, вплоть до ея конца, его имя никогда не упоминалось въ газетныхъ отчетахъ и никому не было извѣстно. Онъ молча занималъ свое кресло и видимо безучастно относился къ законопроектамъ и запросамъ. Впервые онъ занялъ каѳедру 18 мая, но занялъ ее на цѣлыхъ два часа, чтобы говорить о непоправимой бѣдѣ—объ отмѣнѣ рабства. «Нормальное развитіе нашей внутренней жизни—рѣшалъ въ залѣ Таврическаго дворца князь Святополкъ-Мирскій—было скомпрометировано въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія рядомъ преждевременныхъ, скороспѣлыхъ соціальныхъ реформъ. Реформы шестидесятыхъ годовъ надолго задержали нормальный ростъ и развитіе Россіи. Русское крѣпостное право сыграло благотворную роль, оно дисциплинировало и облагораживало крестьянъ и давало смыслъ существованію помѣщиковъ»... «Помѣщики, владѣвшіе крестьянами, были гуманными и цѣльными людьми. Преждевременное освобожденіе крестьянъ разорило Россію, обезличило правящій классъ и понизило этическій и экономическій уровень крестьянъ. При крѣпостномъ правѣ помѣщики весьма успѣшно справлялись какъ съ уголовной, такъ и съ гражданской юрисдикціей. Съ уничтоженіемъ крѣпостного права Россія лишилась сотни тысячъ даровыхъ полицеймейстеровъ, какъ сказалъ одинъ изъ нашихъ государей. Опека надъ крестьянами перешла къ полиціи которая живетъ незаконными поборами и обременена массой дѣлъ, благодаря чему у нея нѣтъ времени для раскрытія преступленій»...

Въ отношеніи человѣка, который считаетъ, что необходимое условіе «нормальнаго» развитія внутренней жизни государства—дѣленіе людей на рабовъ и рабовладѣльцевъ,—въ отношеніи такого человѣка, конечно, нечего доискиваться, почему онъ молча сидѣлъ въ Думѣ шесть мѣсяцевъ. Его мысли слишкомъ далеки отъ всего что составляетъ предметъ современныхъ законодательныхъ мѣръ, хотя бы наиболѣе реакціонныхъ. Разъ онъ убѣжденъ, что крѣпостное право «облагораживало» крестьянъ и что его отмѣна понизила ихъ «этическій» уровень,—то какой смыслъ, съ его точки зрѣнія, во всемъ томъ, что волнуетъ и раздѣляетъ правительственныя партія и оппозицію и вокругъ чего ведутся въ Думѣ страстные политическіе споры? И онъ это доказалъ совершенно неожиданнымъ, казалось бы, единственнымъ практическимъ выводомъ въ итогѣ двухчасовой рѣчи: нельзя увеличивать жалованье чинамъ полиціи. «Увеличеніе жалованья полиціи—говорилъ кн. Святополкъ-Мирскій—было бы величайшимъ несчастіемъ». Члена Думы, сдѣлавшаго такой выводъ изъ предпосылки о ненормальности отсутствія рабства, оче-

видно невозможно причислить ни къ одному изъ существующихъ у насъ въ Думѣ и внѣ ея политическихъ теченій.

Идеологія князя Святополкъ-Мирскаго есть идеологія человѣка, у котораго спутались представленія о времени и пространствѣ. Некрасовскій «послѣдышъ» родился, выросъ и состарился владѣльцемъ «крещеной собственности». Для него рабство было реальнымъ фактомъ всей его жизни. Князь Святополкъ-Мирскій, по своему возрасту, крѣпостного права, какъ реальнаго факта, не зналъ и знать не могъ. Оно для него—соціально-политическая идея. Эта идея не у него одного, а навѣрное у многихъ оскудѣлыхъ «вырожденцевъ» порою копошится въ тайникахъ мозга, когда, припертые къ стѣнѣ хозяйственными недохватками, они смотрятъ на портреты предковъ и отдаются сладостнымъ мечтамъ на тему: вотъ если-бы!.. Но одно дѣло мечтать и другое—формулировать мечты и облекать ихъ въ форму рѣчи съ парламентской трибуны. И въ основѣ бреда почти всегда лежатъ мысли, не вовсе чуждыя здоровымъ. Бредъ, однако, все же остается бредомъ...

Могло ли кому прійти въ голову восемь лѣтъ тому назадъ, что среди «лучшихъ людей», «свободно» избранныхъ населеніемъ для осуществленія законодательной власти народа, окажется идеологъ рабства? Приходило ли тогда кому-нибудь въ голову, что судебная защита свободы печатнаго слова можетъ ничѣмъ не отличаться отъ административной расправы? Наша жестокая дѣйствительность шагъ за шагомъ ломаетъ обычныя и ставшія привычными государственно-правовыя понятія и разбиваетъ недавнія программныя иллюзіи.

Какъ-то весною въ газетахъ была напечатана замѣтка о письмѣ военному и морскому министрамъ издателя «Русскаго Знамени» д-ра Добровина, просившаго обратить вниманіе на слѣдующій «возмутительный» фактъ. «При посѣщеніи Кронштадта,—писалъ г. Дубровинъ,—онъ имѣлъ возможность лично убѣдиться, что во всѣхъ библіотекахъ и читальняхъ полковыхъ и экипажныхъ собраній получаются лишь лѣвыя газеты. Всѣ же поиски «Русскаго Знамени» оказались тщетными. Ни одна изъ многочисленныхъ кронштадтскихъ читаленъ этой газеты не выписываетъ». Считая такое игнорированіе офиціальнаго органа главнаго совѣта союза русскаго народа совершенно недопустимымъ, г. Дубровинъ выражаетъ твердую увѣренность, что гг. министры не преминутъ преподать своимъ подчиненнымъ, завѣдывающимъ читальнями и библіотеками въ полкахъ и экипажахъ, соотвѣтственныя указанія объ изъятіи крамольныхъ органовъ печати и о замѣнѣ ихъ «Русскимъ Знаменемъ».

А вотъ и соотвѣтственное этому письму «распоряженіе», напечатанное въ самое послѣднее время въ «Одесскихъ Новостяхъ» за подписью старшаго инспектора типографій и книжной торговли въ Одессѣ. «Усмотрѣно мною,—объявлялъ глава одесской цензуры,—что нѣкоторые кіоски газетъ и журналовъ демонстративно выставляютъ напоказъ публикѣ изданія, на которыя часто налагаются аресты и штрафы, какъ-то «Правда», «Лучъ», «Трудовой Голосъ» и др. Прошу владѣльцевъ такихъ кіосковъ замѣтить, что книжно-газетная торговля должна широко обслуживать всѣ слои общества, не нуждающагося въ рекламированіи тѣхъ или иныхъ изданій, и потому прошу ихъ держать совершенно одинаково на виду газеты и журналы всѣхъ направленій, не изъятые изъ обращенія, предоставляя обществу самому разбираться въ своихъ литературныхъ тенденціяхъ и вкусахъ, а не рекламировать тѣ изданія, которыя постоянно подвергаются правительственнымъ карамъ».

И письмо г. Дубровина, и только что приведенное «распоряженіе» суть эпизодическіе штрихи въ твердо и законченно нарисованной «охранными» штрафами и арестами картинѣ современнаго положенія печати. Что такое положеніе болѣе нетерпимо—двухъ мнѣній на этотъ счетъ не существуетъ. Также точно не было до сихъ поръ двухъ мнѣній о средствѣ избавленія пишущихъ и читающихъ отъ произвольныхъ мѣръ поощренія однихъ изданій и не основаннаго на законѣ давленія и запрета по отношенію къ другимъ: право регулировать свободу печатнаго слова должно принадлежать исключительно суду. Этотъ тезисъ стоитъ во всѣхъ учебникахъ конституціоннаго права и въ пору составленія политическихъ резолюцій и программъ былъ въ нихъ трафаретнымъ повтореніемъ. Единственная основа дѣятельности суда —законъ. Усмотрѣніе и произволъ—органически суду чужды. Слѣдовательно, право гражданъ свободно говорить черезъ посредство печатнаго станка, поскольку это право не ограничено закономъ, при судебномъ надзорѣ за печатью будетъ дѣйствительно правомъ, т. е. тѣмъ, что иначе, какъ силою закона, не можетъ быть ни ограничено, ни отнято. Такъ всѣ мы мыслили въ 1905-мъ году. Петербургская судебная палата въ 1913-мъ году доказала, что подобныя сужденія о судѣ и о свойствѣ судебной дѣятельности—сплошное недоразумѣніе.

И ранѣе приговоры судебныхъ палатъ по литературнымъ дѣламъ вызывали серьезныя нареканія. Палаты въ теченіе длиннаго уже ряда лѣтъ безъ устали постановляютъ обвинительные приговоры по дѣламъ, въ которыхъ общественное сознаніе не признаетъ состава преступленія, и назначаютъ годъ, полтора года и два заключенія въ крѣпости. Но въ отношеніи всѣхъ этихъ дѣлъ на сторонѣ па-

латъ есть несомнѣнное оправданіе. Ибо имъ приходится примѣнять къ печати, объявленной свободною, тотъ уголовный законъ, который написанъ въ предположеніи старыхъ условій государственно-правовой жизни и, въ частности, въ предположеніи принципіальнаго отрицанія свободы печати. Ибо, во-вторыхъ, онѣ обязаны примѣнять этотъ законъ въ томъ специфическомъ пониманіи, въ которомъ его «разъяснило» и настойчиво «разъясняетъ» сенатское правотворчество. И назначая, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, по пресловутымъ 128 и 129 статьямъ уголовнаго уложенія годичное заключеніе въ крѣпости, судебныя палаты тѣмъ самымъ проявляютъ наивозможно мягкое для нихъ отношеніе къ преступленіямъ печати. Годъ крѣпости за стихи или за рѣзкую строку въ газетѣ, съ общественной точки зрѣнія, составляетъ кару абсолютно несоразмѣрную съ тяжестью содѣяннаго. Но формально—годъ крѣпости есть кара минимальная. Чтобы назначить ее, судъ долженъ признать наличность уменьшающихъ вину обстоятельствъ и въ полной мѣрѣ использовать предоставленное ему право смягченія. Норма наказанія по 128 и 129 статьямъ—ссылка на поселеніе. Первая степень смягченія—шесть лѣтъ крѣпости. Къ ссылкѣ на поселеніе пока былъ приговоренъ только одинъ редакторъ газеты, и этотъ приговоръ, впрочемъ, былъ потомъ отмѣненъ. Шести лѣтъ въ крѣпости, если не ошибаемся, еще не получалъ никто изъ литераторовъ.

Петербургская судебная палата сказала новое слово въ судебномъ надзорѣ за печатью не судебнымъ приговоромъ, а мотивами постановленія о пріостановленіи «Луча» и «Правды». Изданіе обѣихъ газетъ пріостановлено «впредь до судебнаго приговора» за систематическое нарушеніе закона о печати, за явно партійный характеръ и за вредное вліяніе на рабочія массы. Пріостановленіе газетъ «впредь до судебнаго приговора» есть распоряженіе не судебнаго, а административнаго характера, и петербургская судебная палата, въ данномъ случаѣ, дѣйствовала, какъ органъ административной власти. Но въ томъ и все значеніе для гражданъ возложенія функцій административной власти на судъ, что судъ всегда и при всѣхъ обстоятельствахъ долженъ оставаться судомъ, т.-е. органомъ независимымъ и дѣйствующимъ строго въ предѣлахъ закона. Петербургская же судебная палата рѣшила пріостановить изданіе «Луча» и «Правды» совершенно такъ, какъ если бы то сдѣлалъ въ порядкѣ охраны петербургскій градоначальникъ. Что значитъ «систематическое нарушеніе закона о печати», въ смыслѣ мотива мѣры, принятой «впредь до судебнаго приговора»? На языкѣ уголовнаго права всякое нарушеніе закона есть самостоятельное преступное дѣяніе. Повторность нарушенія можетъ усиливать мѣру отвѣтственности виновнаго.

И если бы судебная палата, послѣ судебнаго разсмотрѣнія опредѣленнаго обвиненія, предъявленнаго отвѣтственному редактору «Луча» или «Правды», вмѣстѣ съ присужденіемъ виновнаго къ наказанію постановила, въ виду повторности нарушеній, изданіе газеты прекратить—это былъ бы актъ закономѣрный. Но можно ли пріостановить газету за систематическое нарушеніе закона о печати, когда изъ трехъ или десяти, скажемъ, преступныхъ фактовъ за второй или девятый изданіе въ судебномъ порядкѣ не было прекращено, а преступность третьяго или десятаго еще не установлена?

Что значитъ, далѣе, «явно партійный характеръ» газеты,—опять-таки въ смыслѣ мотива ея пріостановленія «впредь до судебнаго приговора»? Когда о «явной партійности» говорятъ казенныя перья изъ «Россіи» или циркуляры наиболѣе ретивыхъ губернаторовъ, то всѣмъ извѣстно, что должно разумѣть ненавидимую ими лѣвую партійность. Но можетъ ли судъ пользоваться терминологіей, совершенно неизвѣстной закону и неимѣющей абсолютно никакого юридическаго значенія? «Явная партійность» мнѣній человѣка, газеты или группы людей, сама по себѣ, ничего преступнаго не заключаетъ и ни о чемъ преступномъ не говоритъ. А. И. Гучковъ несомнѣнно «явно партійный» октябристъ. П. Н. Милюковъ столь же «явно партійный» кадетъ. «Голосъ Москвы», «Рѣчь», «Земщина», «Дымъ Отечества», «Колоколъ» имѣютъ такой же ярко выраженный «явно партійный характеръ», какой имѣли «Лучъ» и «Правда». На собраніяхъ союза русскаго народа и на митингахъ націоналистовъ ораторы говорятъ «явно партійныя» рѣчи. Изъ всего этого, однако, еще ровно ничего не вытекаетъ и никакого уголовно-правового вывода сдѣлать нельзя. А для «Луча» и «Правды» петербургская судебная палата такой выводъ сдѣлала.

Что значатъ, наконецъ, въ постановленіи палаты слова о «вредномъ вліяніи», столь излюбленныя въ устахъ администраціи? Гдѣ и какимъ закономъ опредѣлено понятіе «вліянія» — вреднаго, безразличнаго и полезнаго? Какой законъ караетъ за «вредное вліяніе»? Въ прежнемъ цензурномъ уставѣ говорилось о «вредныхъ» ученіяхъ коммунизма и соціализма. Что же, и петербургская судебная палата считаетъ «вреднымъ» соціализмъ — послѣ закона о страхованіи рабочихъ, послѣ нормировки рабочаго дня и отвѣтственности предпринимателей за несчастные случаи?.. Постановленіе петербургской палаты о пріостановленіи «Луча» и «Правды» явилось какъ нельзя болѣе своевременно. Въ новомъ проектѣ закона о печати надзоръ за печатью цѣликомъ перенесенъ съ администраціи на судъ. Постановленіе палаты краснорѣчиво сказало и

лѣвой, и правой половинамъ русской общественности. Лѣвой:— «оставьте надежды»; правой:—«не бойтесь».

Кстати, нѣсколько цифровыхъ данныхъ изъ мартиролога закрытыхъ газетъ. 23 апрѣля нынѣшняго года, въ первую годовщину изданія, на страницахъ «Правды» была сдѣлана сводка репрессій за годъ. Всего было 60 случаевъ репрессіи, или, въ среднемъ, по одному взысканію на каждые 5 номеровъ. Далѣе, за годъ «Правда» была конфискована 41 разъ, штрафовъ на нее было наложено на сумму 7.700 р., арестовъ безъ замѣны штрафомъ было наложено 3, по три мѣсяца каждый. За май мѣсяцъ изъ 26 номеровъ «Правды» было конфисковано 10—съ привлеченіемъ редакторовъ къ суду. Газета «Лучъ» въ сотомъ номерѣ сообщала, что изъ 99 номеровъ было 33 конфисковано, а за пять номеровъ редакторы были оштрафованы на сумму 2.200 р. Въ одномъ случаѣ редакторъ былъ арестованъ безъ замѣны штрафомъ. Въ общемъ, изъ каждыхъ пяти номеровъ пострадали два. Кромѣ обычныхъ репрессій, обѣ газеты широко подвергались репрессіямъ спеціальнымъ, со стороны мѣстныхъ администраторовъ, которые запрещали газетчикамъ ихъ продавать, задерживали номера на почтѣ и т. п. Газеты пользовались матеріальной поддержкой рабочихъ всей Россіи. «Правдой» было получено пожертвованій 9.334 р., «Лучемъ»—6.369 р.

Какой ни коснуться области нашей государственной жизни, вездѣ и всюду сопоставленіе ожиданій, которыя связывались съ новымъ строемъ, съ тѣмъ, во что новый строй реализовался, даетъ въ результатѣ неизмѣнно одно и то же: полнѣйшее, чтобы не сказать болѣе, недоумѣніе.

Первая дума начала свою дѣятельность съ требованія политической амнистіи и отмѣны смертной казни. За отмѣну казни по общимъ законамъ и по законамъ военнымъ, для обычныхъ условій мирнаго времени и для условій времени военнаго, Дума высказалась единогласно. Представители правительства возражали. Но всѣ возраженія ихъ сводились исключительно къ сохраненію существующаго. И. Г. Щегловитовъ говорилъ о невозможности отмѣнить смертную казнь за цареубійство. Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, А. А. Макаровъ—о революціонномъ террорѣ и о недопустимости отмѣны казни, какъ средства борьбы съ революціей. Главный военный и главный военно-морской прокуроры, гг. Павловъ и Матвѣенко—о томъ, что отмѣна смертной казни по военно-уголовнымъ законамъ не входитъ въ компетенцію Государственной Думы. Тѣ же самыя соображенія развивали сторонники сохраненія смертной казни

въ Государственномъ Совѣтѣ: гг. Крамеръ, Семеновъ-Тяньшаньскій, Гончаровъ, Самаринъ и протоіерей Буткевичъ.

Можно, однако, съ увѣренностью утверждать, что въ то время ни у представителей правительства, не исключая г.г. Павлова и Матвѣенко, ни у правыхъ членовъ Государственнаго Совѣта, и въ мысляхъ не было о возможности и необходимости расширенія числа преступныхъ дѣяній, за которыя въ законѣ положена смертная казнь. Прошло семь лѣтъ. «Обновленіе» окрѣпло. Революція подавлена. Въ кодексѣ же военноуголовныхъ законовъ, вмѣсто одного случая назначенія военнослужащимъ смертной казни въ мирное время безъ примѣненія чрезвычайнаго порядка преданія суду для сужденія по законамъ военнаго времени,—такихъ случаевъ имѣется уже 13. Всѣ эти случаи суть разновидности измѣны и шпіонства—преступленій, наиболѣе позорныхъ для гражданъ вообще и для военнослужащихъ въ особенности. Но дѣло отнюдь не въ свойствѣ дѣяній, за которыя вновь установлена смертная казнь, а въ томъ, что законодательство доконституціонное карало эти дѣянія каторгой и что обновленіе формъ государственной жизни, дарованное въ цѣляхъ законодательнаго прогресса, какъ только реализовалось, установило казнь за то, что ранѣе смертью не наказывалось. Уменьшеніе числа смертныхъ приговоровъ и случаевъ назначенія кодексами смертной казни еще съ конца XVIII вѣка служитъ однимъ изъ азбучныхъ показателей государственно-правового прогресса. Могъ ли кто восемь лѣтъ тому назадъ ожидать, что въ условіяхъ новаго строя русское законодательство въ данномъ вопросѣ сблизится не съ передовыми странами Запада, а съ Китаемъ?

Въ оправданіе «новаго строя», можно, впрочемъ, сказать, что законъ 23 декабря 1912 года, которымъ установлены эти новые случаи назначенія смертной казни, получилъ силу въ особомъ порядкѣ изданія военныхъ законовъ, т. е. помимо общихъ законодательныхъ учрежденій. Конечно, такое «оправданіе» и не можетъ быть особенно убѣдительнымъ, ибо законъ 23 декабря есть слѣдствіе прошедшаго черезъ законодательныя учрежденія закона 5 Іюля 1912 г., который въ такой мѣрѣ повысилъ общія кары за измѣну и шпіонство, что, при желаніи во что бы то ни стало сохранить принципъ повышенной отвѣтственности военнослужащихъ, военное министерство не могло поступить иначе, какъ перейти къ смертной казни. Формально, однако, Государственная Дума своего штемпеля на такой рѣзкій актъ регресса не наложила. Но въ области новѣйшаго военнаго законодательства есть другой примѣръ, однороднаго характера, и этотъ другой законодательный актъ получилъ одобреніе Думы и Государственнаго Совѣта.

29 марта Дума, среди другой «вермишели», заслушала и приняла «спѣшный» законопроектъ военнаго министра съ довольно неуклюжимъ заголовкомъ: «о незачетѣ въ срокъ дѣйствительной службы времени, проведеннаго осужденными нижними чинами въ заключеніи». До крайности односторонне и неполно мотивированное представленіе не встрѣтило серьезныхъ возраженій ни въ коммиссіи по военнымъ и морскимъ дѣламъ, ни въ общемъ собраніи Думы. Никто не поинтересовался даже узнать, почему вдругъ оказалось нужнымъ «спѣшно» разрѣшить вопросъ, имѣющій, по признанію самихъ авторовъ представленія, сорокалѣтнюю исторію. Военное министерство коротко объявило Думѣ: во всѣхъ иностранныхъ арміяхъ время отбытія нижними чинами наказаній въ срокъ службы не зачитывается. У насъ противоположное правило явилось случайно: при обсужденіи вопроса въ главномъ военно-тюремномъ комитетѣ, въ 1875-мъ году, возникло разномысліе и перевѣсъ въ рѣшеніи дали два голоса членовъ комитета, состоявшихъ «въ гражданскихъ чинахъ». Но при этомъ военное министерство умолчало, что домогательства сдѣлать военную службу для нижнихъ чиновъ, имѣвшихъ несчастіе попасть въ дисциплинарный баталіонъ, вдвое болѣе продолжительной, а въ извѣстныхъ случаяхъ безсрочной, — что такія домогательства многократно повторялись, но военный министръ Ванновскій и главный военный прокуроръ князь Имеретинскій, люди въ «военныхъ чинахъ» и которыхъ никакъ нельзя заподозрить въ либерализмѣ, не считали возможнымъ идти имъ на встрѣчу. Умолчали также составители представленія о томъ, что, въ отличіе отъ иностранныхъ государствъ и армій, у насъ нѣтъ религіозной свободы, что у насъ ежегодно поступаетъ значительное число солдатъ, отвергающихъ военную службу по религіознымъ убѣжденіямъ, что этихъ солдатъ судятъ, отправляютъ въ дисциплинарные баталіоны и что отмѣна зачета ударитъ своей тяжестью, главнымъ образомъ, по тѣмъ нижнимъ чинамъ, для которыхъ обязанность воинской повинности создаетъ безъисходный конфликтъ съ совѣстью.

Ничего своего члены Думы въ вопросъ не внесли. Еще третья Дума твердо усвоила, что творить «вермишель» — долгъ исполнительной власти, а долгъ Думы — класть штемпель. Представитель самой малочисленной въ Думѣ трудовой группы пробовалъ было остановить вниманіе на неясностяхъ и на явной недоговоренности мотивовъ законопроекта. Но его никто не слушалъ: послѣ «вермишели» готовился «большой» парламентскій день. Ожидалось выступленіе министровъ и фракціи вели въ залѣ засѣданій обычные передъ такими выступленіями переговоры.

Въ Государственномъ Совѣтѣ вопросъ обсуждался не въ порядкѣ «вермишели». М. А. Стаховичу удалось добиться передачи законопроекта на предварительное заключеніе комиссіи зоконодательныхъ предположеній. И въ комиссіи такіе авторитетные генералы, какъ бывшій военный министръ А. Ф. Редигеръ и бывшій помощникъ военнаго министра А. Поливановъ, рѣшительно высказались противъ отмѣны зачета. Изъ комиссіи законопроектъ поступилъ съ особымъ мнѣніемъ, авторы котораго, между прочимъ, заявляли: «Та польза, которую военное вѣдомство ожидаетъ отъ подобной мѣры для подготовки запаса арміи, окажется ничтожною по сравненію съ опасностью развращающаго вліянія на своихъ товарищей людей, совершавшихъ преступленія. Армія, разсматриваемая въ качествѣ боевой силы страны, не нуждается въ установленіи обсуждаемой мѣры, совершенно неспособной оказать ей въ этомъ отношеніи сколько-нибудь существенную услугу. Въ ближайшемъ будущемъ военно-тюремныя заведенія получатъ новое устройство, при которомъ уже не будетъ повода къ указаніямъ, будто нижніе чины, равнодушные къ военной службѣ, считаютъ для себя не тягостнымъ пребываніе въ подобныхъ военно-исправительныхъ учрежденіяхъ». Но результатъ получился тотъ же, что и въ Думѣ. Законопроектъ собралъ подавляющее большинство голосовъ. Все, что носитъ печать реакціонности, органически не можетъ встрѣчать противодѣйствія въ большинствѣ нашей верхней палаты.

Жизнь не замедлила дать блестящую иллюстрацію къ отмѣнѣ зачета. 2-го іюля въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло послѣдователя секты «адвентистовъ» или «субботниковъ», молодого солдата 198-го пѣхотнаго Александро-Невскаго полка, эстонца Яна Мерикана. Призванный на службу въ 1912 г. въ гор. Архангельскѣ, Мериканъ сталъ отказываться отъ всякихъ работъ, если исполненіе ихъ приходилось отъ заката солнца въ пятницу до заката въ субботу. Онъ убѣждалъ свое начальство, что готовъ служить вѣрой и правдою Царю и начальству, но библія и Евангеліе велятъ чтить день субботній. А когда новобранцевъ водворили въ полкъ и приводили къ присягѣ, Мериканъ опять отказался, такъ какъ Евангеліе запрещаетъ клясться. Мериканъ, плохо говорящій по-русски, и на судѣ повторялъ, что служить не отказывается, что обѣщаетъ служить честно, но что нарушать заповѣди ему не позволяютъ его религіозныя убѣжденія. Въ своемъ послѣднемъ словѣ онъ просилъ судъ дать ему возможность чтить день субботній. Мериканъ приговоренъ къ переводу въ разрядъ штрафованныхъ и къ отдачѣ въ дисциплинарный баталіонъ на

два года, безъ изъятія отъ тѣлеснаго наказанія въ теченіе этого срока.

Такъ гласитъ сухой газетный отчетъ о дѣлѣ. Но протокольная сухость отчета нисколько не заслоняетъ ужаса трагедіи, раскрывшейся передъ Мерикаиомъ. Онъ и въ дисциплинарномъ баталіонѣ будетъ давать обѣщанія честно служить и станетъ молить, чтобы ему не мѣшали исполнять заповѣдь и чтить субботній день. Вмѣсто отвѣта, надъ нимъ засвистятъ розги. И розги періодически будутъ истязать его тѣло, пока ихъ сила не сломитъ силы его вѣры. Но допустимъ, что сила его вѣры превозможетъ даже силу розогъ: религіозный фанатизмъ не исключаетъ возможности этого. При «зачетѣ» у Мерикана, всетаки, оставалась бы надежда хоть когда-нибудь, хоть съ разбитымъ отъ истязаній тѣломъ, хоть съ подорваннымъ здоровьемъ, но всетаки вернуться къ своей прежней жизни. Онъ принятъ на службу въ 1912 году, т. е. срокомъ по 1-ое января 1916 года. До момента суда уже прошло полгода; послѣ двухъ лѣтъ заключенія и розогъ ему, слѣдовательно, оставалось бы всего полгода быть въ постоянномъ конфликтѣ съ совѣстью или съ требованіями службы. При отмѣнѣ «зачета», для него одинъ исходъ—смерть. Такъ въ годы преслѣдованія духоборовъ извѣстный своей судьбой Дрозжинъ чахоткой и смертью разрѣшилъ созданный его «упорствомъ» неразрѣшимый юридическій казусъ. Такъ и для Мерикана только смерть, при отсутствіи правила о зачетѣ, можетъ положить конецъ его трагедіи.

И дѣло Мерикана—примѣръ отнюдь не единичный. Случайно у насъ сохранились двѣ газетныя вырѣзки съ замѣтками о засѣданіяхъ военно-морского и военно-окружнаго суда. Въ декабрѣ прошлаго года въ кронштадтскомъ военно-морскомъ судѣ разсматривалось дѣло матроса гвардейскаго экипажа Ивана Сидорова, обвинявшагося въ томъ, что онъ, несмотря на неоднократныя приказанія фельдфебеля и ротнаго командира, даже послѣ увѣщеванія послѣдняго, не являлся на молитву и не становился въ строй, мотивируя это религіозными убѣжденіями, какъ евангелистъ. На судѣ Сидоровъ въ свою защиту привелъ текстъ изъ посланія апостола Павла къ коринеянамъ, гдѣ сказано: «Не преклоняйтесь» и т. д. Военно-морской судъ, въ виду чистосердечнаго сознанія и прежней безпорочной службы Сидорова, приговорилъ его къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на одинъ годъ, съ переводомъ въ разрядъ штрафованныхъ и безъ освобожденія тѣлеснаго наказанія. 31 января нынѣшняго года въ петербургскомъ военно-окружномъ судѣ слушалось дѣло рядового кронштадской крѣпости артиллеріи Лоханова, обвиняемаго въ неподчиненіи приказанію начальства. Въ ноябрѣ 1912 г. временно коман-

довавшій полкомъ полк. Никифоровъ получилъ изъ штаба кронштадтской крѣпости извѣщеніе, что Лохановъ отказался принять присягу на вѣрность службѣ, а также дать торжественный обѣтъ, по формѣ, установленной для лицъ, не пріемлющихъ присяги. Полк. Никифоровъ призвалъ къ себѣ Лоханова и предупредилъ его, что отказъ отъ присяги можетъ повлечь за собой строгое наказаніе. На вопросъ командира, будетъ ли Лохановъ по приказанію начальства стрѣлять въ непріятеля, рядовой отвѣтилъ отрицательно, объясняя, что люди не должны убивать другъ друга. Военно-окружной судъ приговорилъ Лоханова къ отдачѣ въ дисциплинарный батальонъ на 2 года.

При составленіи устава о воинской повинности 1874-го года имѣлись въ виду лишь меннониты, какъ принадлежащіе къ вѣроученію, отвергающему военную службу. И военный министръ графъ Милютинъ имѣлъ достаточно государственной смѣлости, чтобы, несмотря на возраженія, сдѣлать уступку религіознымъ воззрѣніямъ. Меннониты отъ отбыванія воинской повинности были освобождены. Въ 1887-мъ году, при распространеніи устава на Закавказье, возникъ вопросъ, какъ быть съ духоборами. Было рѣшено «преступное» упорство духоборовъ—ихъ заповѣдь непротивленія злу насиліемъ—сломить. Безпощадная ломка религіозной совѣсти, все тѣмъ же универсальнымъ средствомъ—розгами, продолжалась лѣтъ пять. Въ началѣ девятидесятыхъ годовъ послѣдовало секретное, нераспубликованное распоряженіе ссылать подлежащихъ воинской повинности духоборовъ на весь срокъ службы, дѣйствительной и въ запасѣ, въ наиболѣе отдаленныя мѣста Сибири. Это было жестоко, но все же человѣчнѣе принужденія розгами отказываться отъ религіозныхъ убѣжденій. Въ 1906-мъ году, въ первое междудумье, на смѣну этому распоряженію явился законъ объ «упорномъ отказѣ съ цѣлью совершеннаго уклоненія отъ исполненія воинской повинности». За такой отказъ виновные подлежали или каторгѣ на срокъ отъ четырехъ до шести лѣтъ, или отдачѣ въ исправительныя арестантскія отдѣленія на тотъ же срокъ. Въ 1911-мъ году законъ 1906-го года былъ отмѣненъ, и для военнослужащихъ отказъ отъ военной службы по религіознымъ убѣжденіямъ былъ приравненъ къ неповиновенію. Исчезла каторга, но вмѣстѣ съ тѣмъ исчезла и возможность, хотя бы цѣною каторги, избавиться отъ конфликта съ совѣстью. Снова возродились, впредь до повторенія «преступленія», принужденіе къ отказу отъ религіозныхъ убѣжденій и розги.

Все это дѣлалось помимо новыхъ законодательныхъ учрежденій. Но послѣдній камень положенъ Государственной Думой. Отмѣна «зачета» имѣетъ на себѣ ея штемпель. При пересмотрѣ въ 1910-мъ году устава о воинской повинности, третья Государственная Дума,

имѣвшая во главѣ коммисіи государственной обороны А. И. Гучкова, особенно часто подчеркивающаго свою близость, по отцу и дѣду, къ старообрядцамъ,—общаго вопроса, разрѣшеннаго такъ гуманно сорокъ лѣтъ назадъ для меннонитовъ, не поднимала.

На любомъ православномъ кладбищѣ въ Петербургѣ, въ Москвѣ, въ Кіевѣ и т. д. можно найти, если не безчисленное, то весьма значительное количество надмогильныхъ памятниковъ съ бронзовыми или мраморными изваяніями бюстовъ погребенныхъ подъ ними покойниковъ. При въѣздѣ въ Александро-Невскую лавру, петербургскій митрополитъ—онъ же первенствующій членъ синода—не можетъ не видѣть каждый разъ бюстъ Достоевскаго. Первое, что бросается въ глаза при входѣ на Никольское кладбище лавры—бюстъ инженера К., стоящій на высокомъ постаментѣ. Далѣе, на томъ же кладбищѣ есть бюстъ Апухтина, барельефъ съ изображеніемъ Чайковскаго и т. д., и т. д. На Волковомъ кладбищѣ есть памятникъ, представляющій собой саркофагъ, на которомъ лежитъ отлитая изъ бронзы фигура офицера въ натуральную величину. По поводу этого памятника существуетъ нѣсколько легендарный разсказъ о томъ, что онъ сооруженъ по личному повелѣнію императора Николая I. Николай I вошелъ въ караулъ и засталъ караульнаго офицера спящимъ. Проснувшись, офицеръ отъ испуга, увидѣвъ передъ собой грознаго императора, умеръ. Этотъ моментъ и запечатлѣнъ на памятникѣ.

И никогда бюсты и полныя даже изваянія погребенныхъ не смущали никого изъ нашихъ духовныхъ властей. Передъ такими памятниками служили и служатся панихиды, ихъ всегда безпрепятственно освящали и освящаютъ. Не встрѣтилось ни у кого сомнѣній и при постановкѣ памятника на могилѣ В. А. Караулова, съ бюстомъ покойнаго члена Думы, а ранѣе—«каторжника». Полицейская власть потребовала, чтобы была задѣлана высѣченная на постаментѣ надпись, но бюстъ не былъ подвергнутъ цензурному запрету ни полиціей, ни духовенствомъ.

Предсѣдатель первой Государственной Думы С. А. Муромцевъ погребенъ въ Москвѣ, на кладбищѣ Донского монастыря. Вскорѣ послѣ его смерти, среди друзей и почитателей покойнаго явилась мысль о памятникѣ. Конечно, всѣ сознавали, что не о надмогильномъ памятникѣ должна была бы идти рѣчь, а о памятникѣ передъ Таврическимъ дворцомъ. Но по понятнымъ причинамъ, которыя теперь такъ ясно раскрыты синодомъ, пришлось остановиться на памятникѣ надмогильномъ. Памятникъ готовъ. Админи-

страція Донского монастыря, однако, затруднилась самостоятельно дать разрѣшеніе на его постановку и вошла съ представленіемъ въ синодъ. Синодъ нашелъ, что кладбище, въ особенности при монастырѣ, есть святое мѣсто, на которомъ невозможно допустить постановку скульптурныхъ изображеній, «напоминающихъ собою идоловъ». «Русскія Вѣдомости», со свойственной газетѣ сдержанностью, писали: «невольно напрашивается мысль, что это—аргументъ ad personam, точнѣе—ad monumentum». Это одно изъ тѣхъ «разъясненій», которыя уже перестали вызывать удивленіе.

Въ «Рѣчи» мы прочли слѣдующее офиціальное опроверженіе: «Въ газетахъ «Рѣчь» и «Биржевыя Вѣдомости» (утренній выпускъ), отъ 29 іюня, въ замѣткахъ подъ заглавіемъ: «В. К. Саблеръ и В. М. Пуришкевичъ», сообщается о томъ, что оберъ-прокуроромъ святѣйшаго синода сдѣлано по синодальному училищному совѣту распоряженіе о пріобрѣтеніи на сумму 3.500 р. и о разсылкѣ въ церковныя школы книги члена Гос. Думы В. М. Пуришкевича: «Подготовка учащейся молодежи къ революціи». Означенное сообщеніе ложно, такъ какъ изъ суммъ училищнаго совѣта на пріобрѣтеніе книги В. М. Пуришкевича 3.500 р. не отпускалось».

Сколько же было отпущено: больше или меньше?

В. Кузьминъ-Караваевъ.

«И долго буду тѣмъ любезенъ я народу, что чувства добрыя я лирой пробуждалъ». Эти слова Пушкина могъ бы повторить В. Г. Короленко, оглядываясь на пройденную имъ дорогу. Исключительно широкая его популярность, на дняхъ еще разъ обнаружившаяся такъ ярко, объясняется исключительными свойствами его натуры. Выдающійся мастеръ слова, онъ пробуждалъ и пробуждаетъ добрыя чувства не только своими художественными произведеніями Цѣлому ряду глубоко важныхъ дѣлъ, въ теченіе цѣлыхъ десятилѣтій, онъ отдаетъ свое время, свой трудъ, свое спокойствіе, часто свою безопасность. За усиленной работой на пользу голоднаго нижегородскаго края слѣдуетъ защита несчастныхъ мультанскихъ вотяковъ. Въ самый тяжелый моментъ торжествующей реакціи В. Г. открыто возстаетъ противъ ея эксцессовъ, навлекая на себя обвиненіе въ сообщничествѣ съ убійцами. Громче всѣхъ другихъ звучитъ его негодующій голосъ, когда «бытовымъ явленіемъ» становится смертная казнь. Съ необыкновенной ясностью выступаетъ на видъ подъ

его перомъ вопіющая аномалія военно-судной процедуры, возведенной на степень нормальнаго орудія правительственной самообороны. Ему принадлежитъ иниціатива протеста противъ новой попытки раздуть гаснущее пламя антисемитизма. И во все предпринимаемое имъ внѣ обычныхъ литературныхъ рамокъ вносится именно то, что составляетъ главную силу его, какъ художника: глубокая искренность, горячая любовь къ правдѣ, сочувствіе къ слабымъ и угнетеннымъ, вѣра въ лучшее будущее. Постоянно растущая читательская масса платитъ В. Г. Короленку той же монетой: она любитъ его, любитъ не только какъ писателя, но и какъ человѣка. Для всесторонней его оцѣнки долго недоставало только одного: злобныхъ нападеній со стороны тѣхъ литературныхъ и общественныхъ круговъ, чья ненависть—необходимое дополненіе къ истинной славѣ. Теперь и она заявила себя съ полной откровенностью среди единодушныхъ привѣтствій послѣднихъ дней фальшивой, но вполнѣ понятной нотой прозвучали враждебныя выходки реакціонныхъ газетъ, а нѣсколько раньше, въ книгѣ, выпущенной г. Пуришкевичемъ, выражено было удивленіе, что учащихся въ начальной школѣ позволяютъ знакомить съ писаніями «государственнаго преступника» Короленка...

К. А.

ПАМЯТИ ЛЕСИ УКРАИНКИ.

† 19 іюля.

На Кавказѣ, въ глухомъ городишкѣ, скончалась Л. П. Квитка, урожденная Косачъ, пріобрѣвшая широкую извѣстность въ украинской литературѣ подъ псевдонимомъ Леси Украинки. Скончалась она еще молодой, на сорокъ первомъ году жизни, въ расцвѣтѣ творческихъ силъ; но смерть эта не была неожиданной. Тяжкій недугъ уже много лѣтъ производилъ свою разрушительную работу надъ организмомъ покойной писательницы, и было удивительно, гдѣ эта хрупкая, нѣжная женщина черпала силу, чтобы жить и творить. Впрочемъ, для Леси Украинки—жить и творить всегда были синонимы; болѣе того—у нея какъ бы нѣтъ біографіи, какъ бы нѣтъ внѣшней оболочки жизни, а есть лишь ступени ея творчества, этапы ея художественнаго развитія.

Самое происхожденіе Леси Украинки какъ бы предназначало ей судьбу писательницы, и именно писательницы украинской. Она родилась въ даровитой семьѣ, давшей видныхъ литературныхъ и общественныхъ дѣятелей на Украинѣ. Упомяну ея мать—извѣстную писательницу, пишущую подъ псевдонимомъ Олены Пчилкы, и ея родного дядю—извѣстнаго ученаго, общественнаго и политическаго дѣятеля М. П. Драгоманова. Въ семьѣ этой хранилось живое національное чувство, развитое и воспитанное на твердыхъ основахъ широкаго общественнаго и политическаго демократизма. И не одинъ изъ современныхъ украинскихъ дѣятелей съ благодарностью вспоминаетъ здоровую, живительную атмосферу этой семьи, оставившую неизгладимый слѣдъ въ дальнѣйшемъ теченіи всей его жизни. Въ 80-хъ и 90-хъ годахъ эта семья была на Украинѣ одной изъ немногихъ, гдѣ не поклонялись богу безвременья, не томились „сѣростью" жизни, а хранили здоровую вѣру въ народное будущее, залагали идейный фундаментъ этого будущаго. Въ этой атмосферѣ зародилось, выросло и окрѣпло прекрасное дарованіе Леси Украинки. И такъ рѣзокъ былъ и трогателенъ контрастъ ея здороваго, какъ изъ одного куска стали выкованнаго духа и ея слабаго, болѣзненнаго тѣла.

Большую часть дѣтства своего Леся Украинка провела въ кровати. Больная дѣвочка, лишенная обычныхъ дѣтскихъ радостей, рано углубилась въ себя, сконцентрировала вниманіе души своей на внутреннихъ переживаніяхъ, и это раннее сознаніе и самоуглубленіе уже тогда нашло исходъ въ поэтическомъ творчествѣ. Двѣнадцати лѣтъ она писала стихи и, если не ошибаюсь, четырнадцати лѣтъ стала ихъ печатать. Этотъ первый циклъ ея произведеній былъ какъ бы пробой поэтическаго голоса, предисловіемъ къ будущей поэтической дѣятельности. Но уже и въ этихъ произведеніяхъ сентиментальныхъ и романтическихъ, можно различить элементы, изъ которыхъ образовалась впослѣдствіи художественная индивидуальность Леси Украинки: нѣжная любовь къ природѣ, къ матери-землѣ, къ родинѣ — Украинѣ, неудержимое стремленіе къ осуществленію на землѣ общечеловѣческихъ идеаловъ.

Подготовкой ко второму, уже зрѣлому періоду творчества Леси Украинки была ея переводческая дѣятельность. Лицамъ, знакомымъ съ развитіемъ украинской литературы, памятны ея классическіе переводы Гейнриха Гейне, изданные (въ сотрудничествѣ съ другимъ переводчикомъ) во Львовѣ въ началѣ 90-хъ годовъ. Леся Украинка какъ бы закончила свое художественное образованіе на произведеніяхъ Гейне. Несравненная красота его стиха, простота и органическая эффективность его образовъ преобразила въ корнѣ ея технику, сообщила украинской писательницѣ ту яркую отчетли-

вость, ту легкую структуру стиха, которая дается только мастерамъ поэтическаго дѣла, и которая такъ свойственна зрѣлымъ произведеніямъ Леси Украинки. Къ этому же времени закончилось формированіе ея общественнаго и политическаго міросозерцанія, сложившагося въ духѣ идей Драгоманова. Идеи эти дали содержаніе ея произведеніямъ второго періода.

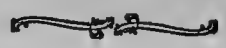
Періодъ этотъ совпалъ съ 90-ми годами, самымъ глухимъ временемъ русской и, въ частности, украинской общественности; вмѣстѣ съ тѣмъ это было время, когда болѣе чуткіе люди ощущали начало широкаго политическаго и общественнаго подъема, проявившагося съ такой силой нѣсколько позже. Леся Украинка чувствовала этотъ приближающійся подъемъ, она звала и готовила его своими произведеніями. Она, по ея тогдашнему выраженію, не могла молчать въ такое время: «таке лежить закляття на мені»,— такъ объясняла она свою интуитивную общественную чуткость. Въ произведеніяхъ этого періода Леся Украинка пріобщается къ такъ называемой гражданской поэзіи. Она поетъ о любви къ народу и къ родинѣ, о долгѣ передъ ними; она призываетъ къ борьбѣ за свободу народную и личную, она зоветъ людей на путь общечеловѣческаго совершенствованія. Въ богатой гражданскими мотивами украинской литературѣ, произведенія Леси Украинки выдѣляются надъ общимъ уровнемъ искренней страстью порыва, ласковой нѣжностью образовъ и чеканной отдѣлкой стиха.

Третій и послѣдній періодъ творчества Леси Украинки совпалъ съ послѣдними годами ея жизни. Въ драмахъ и поэмахъ она мало-по-малу уходитъ отъ безпокойной, неотстоявшейся современности и сосредоточивается на рѣшеніи общечеловѣческихъ трагическихъ коллизій, возникающихъ на почвѣ столкновенія основныхъ элементовъ человѣческой стихіи. Лебединой пѣсней ея является драматическая поэма «Адвокат Мартіан», изъ римской жизни III ст. по Р. Хр., помѣщенная въ іюньской книжкѣ «Літературно-Наукового Вістника» за текущій годъ. Въ «Адвокатѣ Мартіанѣ» Леся Украинка изобразила трагедію долга. Долгъ передъ христіанской церковью, послѣдователемъ которой является Мартіанъ, заставляетъ его губить собственную жизнь и жизнь близкихъ ему людей, его собственныхъ дѣтей. Суровая, точно изъ гранита высѣченная фигура римскаго адвоката блестяще удалась Лесѣ Украинкѣ; трагедія наростаетъ органически, съ неумолимой логичностью долгъ требуетъ жертвъ и получаетъ ихъ. Но рядомъ съ этимъ лейтмотивомъ, безпощаднымъ и всеразрушающимъ, зарождается, крѣпнетъ, усиливается и побѣждаетъ другой мотивъ, свѣтлый, озаряющій: жертва можетъ быть только личная, другими людьми жертвовать

нельзя. Живое, въ типическихъ образахъ воплощенное сопоставленіе античнаго пониманія долга и современнаго чувства терпимости и уваженія къ человѣку волнуетъ читателя неожиданностью и примиряетъ его гармонической, естественно рождающейся формулой: homo homini res sacra.

Съ этой формулой на устахъ умерла Леся Украинка. И послѣднее ея произведеніе, такое свѣжее, такое волнующее, такое примиряющее, говоритъ о томъ, какъ много неспѣтыхъ пѣсенъ унесла она въ могилу съ собою...

М. Славинскій.



Положеніе о первомъ всероссійскомъ съѣздѣ по вопросамъ народнаго образованія,

утвержденное Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ.

---

1. Первый всероссійскій съѣздъ по вопросамъ народнаго образованія созывается въ С.-Петербургѣ Обществомъ Грамотности 23 декабря 1913 года и продолжается десять дней.

2. Первый съѣздъ имѣетъ цѣлью разработку, обсужденіе и разрѣшеніе слѣдующихъ вопросовъ:

а) типы начальныхъ школъ первой ступени и связь между школами первой и второй ступеней обученія;

б) учебно-воспитательный строй школы 1 ступени; учебные планы и программы;

в) методы преподаванія;

г) подготовка учащихъ.

3) При съѣздѣ организуется выставка учебныхъ пособій и работъ учащихся по учебнымъ предметамъ курса начальной школы.

4. Засѣданія съѣзда могутъ быть общими и частными по секціямъ, для разработки отдѣльныхъ вопросовъ съѣздъ можетъ избирать комиссіи.

5. Засѣданія съѣзда публичны.

Примѣчаніе. Публичныя засѣданія съѣзда въ томъ числѣ и секціонныя съ участіемъ представителей печати или особо приглашенныхъ лицъ, подчиняются дѣйствію временныхъ правилъ о собраніяхъ, прилож. къ ст. 115[1] Уст. Пред. преступ. по продол. 1906 г.

6. Въ составъ членовъ съѣзда входятъ:

а) учащіе начальныхъ училищъ разныхъ наименованій и вѣдомствъ, кромѣ учащихъ церковныхъ школъ;

б) члены организаціоннаго комитета съѣзда;

в) лица, доклады коихъ будутъ приняты организаціоннымъ комитетомъ.

г) лица, приглашенныя къ участію въ съѣздѣ организаціоннымъ комитетомъ.

7. Лица, желающіе участвовать въ съѣздѣ, заявляютъ объ этомъ организаціонному комитету и вносятъ членскій взносъ въ размѣрѣ 3 рублей.

8. Организаціонныя, подготовительныя работы по съѣзду, просмотръ и допущеніе докладовъ, устройство при съѣздѣ выставки, пріисканіе помѣщеній для членовъ, устройство научныхъ демонстрацій, лекцій, посѣщеній музеевъ, театровъ и пр., изданіе дневника съѣзда и трудовъ съѣзда, а также приведеніе въ исполненіе постановленій съѣзда возлагается на организаціонный комитетъ съѣзда, въ составъ котораго входятъ: правленіе С.-Петербургскаго Общества Грамотности, школьная комиссія общества и лица, приглашенныя организаціоннымъ комитетомъ.

9. На первомъ общемъ собраніи съѣзда, открываемомъ предсѣдателемъ С.-Петербургскаго Общества Грамотности, избираются: предсѣдатель съѣзда, два его товарища и секретари общихъ собраній, а равно предсѣдатели и секретари секцій.

10. Всѣ должностныя лица съѣзда и члены организаціоннаго комитета составляютъ въ періодъ занятій съѣзда распорядительный комитетъ, на обязанности котораго лежитъ руководство всѣми занятіями съѣзда.

11. Съѣзду предоставляется право дѣлать постановленія и обращаться, куда слѣдуетъ, съ ходатайствами по предметамъ его вѣдѣнія.

12. Всѣ рѣшенія секцій вносятся на утвержденіе общаго собранія съѣзда.

13. Члены съѣзда, желающіе представить доклады, должны внести ихъ въ организаціонный комитетъ не позднѣе срока, который онъ установитъ. Внесеніе докладовъ полностью, частью, или въ видѣ рецензіи зависитъ отъ организаціоннаго комитета, который можетъ установить и предѣльный размѣръ доклада.

14. Остатки отъ денежныхъ средствъ, если бы таковыя оказались по окончаніи всѣхъ дѣлъ съѣзда, передаются организаціонному комитету для подготовки слѣдующаго съѣзда или той организаціи, которой будетъ порученъ созывъ этого съѣзда.

15. Рѣшенію съѣзда подлежитъ также вопросъ о времени и мѣстѣ созыва слѣдующаго съѣзда по вопросамъ народнаго образованія, его программѣ и выборъ организаціоннаго комитета для его подготовки или порученіе созыва какой-нибудь организаціи.

Запись въ члены съѣзда производится, а также всѣ справки по съѣзду сообщаются въ С.-Петербургскомъ Обществѣ Грамотности:

С.-Петербургъ, Театральная ул., 5.

Телефонъ 95—78.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.

Вѣра Рудичъ. Ступени. СПБ., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Это не романъ, не повѣсть, не разсказъ. Это—исповѣдь женщины, которой не только не чуждо все «женское», но которая полна этимъ «женскимъ» и тѣмъ не менѣе осталась одинокой на своемъ пути. Въ семнадцать лѣтъ героиня г-жи Рудичъ вся—чистота, вся—неясное стремленіе къ манящей, открывающейся жизни. Рамка южной деревни придаетъ первому очерку характеръ красивой идилліи. Въ двадцать лѣтъ—Петербургъ и превращеніе чистыхъ грезъ въ нечистыя, безплодныя ласки. Въ двадцать пять—«насталъ двѣнадцатый часъ», «ужасное время, когда столько обидъ позади, а впереди такъ мало осталось времени, пока еще можно предъявлять право на что нибудь молодое»; героиня чувствуетъ, что она, уже «пожалуй, жалка, но не смѣшна еще». Въ тридцать лѣтъ — «прощаніе съ молодостью и мучительное, позорное» ощущеніе рабыни, которой ни разу «не бросили платка». Въ тридцать пять — тяжелый, изнурительный трудъ и холодно-циничное, «мужское» подбираніе крохъ наслажденія, выпадающихъ на ея долю. Въ сорокъ — резиньяція; спасаетъ талантъ, ростки котораго намѣчались и въ семнадцать, и который только теперь, когда улеглись бури тѣла и духа, далъ успокоеніе и гармонію. И резиньяція пришла не изъ «женской» или «мужской» области духа, а изъ общей обоимъ—человѣческой; она явилась какъ результатъ «до боли сладкаго наслажденія творчества». «Ступени» производятъ впечатлѣніе; въ безпощадной отчетливости анализа всего того, что можетъ быть названо «женскимъ», чувствуется несомнѣнная сила. До сихъ поръ читающая публика знала г-жу Рудичъ, какъ автора нѣсколькихъ книжекъ красивыхъ стиховъ; «Ступени» переводятъ ее въ бытописатели женской души.

А. Яблоновскій. Родныя картинки. Москва, 1913 г.

Фельетоны Вл. Жаботинскаго. Спб., 1913 г.

Баянъ-Рославлевъ. Пыль. Сборникъ политическихъ статей 1907 — 1912 г.г. Москва, 1913 г.

Три книги, составившіяся изъ газетныхъ фельетоновъ — это не такъ часто встрѣчается на книжномъ рынкѣ.

А. Яблоновскій — старый знакомый въ прогрессивной печати, одинъ изъ творцовъ новаго жанра въ русской публицистикѣ: политическаго фельетона, родившагося вмѣстѣ съ освободительной эпохой. Уйдя изъ столичныхъ изданій, въ которыхъ расцвѣлъ его публицистическій талантъ, онъ перенесъ свою дѣятельность въ провинцію. И—время ли сѣрое, трибуна ли малая,—но въ фельетонахъ А. Яблоновскаго лишь изрѣдка блестятъ тѣ яркія краски, вспыхиваютъ тѣ жаркія словечки, которыя на лету подхватывались прессой и читателемъ. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ фельетонахъ авторъ по прежнему мѣтокъ, ядовитъ и горекъ для лицъ, попавшихъ подъ удары его сатирическаго бича, по-прежнему безпощаденъ и искрененъ въ анализѣ текущей современности. И изъ-за этихъ фельетоновъ стоитъ перелистать его третью книгу «Родныхъ картинокъ».

Иного рода интересъ вызываетъ «Пыль» г. Баяна-Рославлева. Авторъ пришелъ въ прогрессивную печать справа, и любопытно слѣдить по его фельетонамъ, какъ наростаетъ его политическая мысль, какъ фиксируются объекты его анализа, какъ под-

бираются имъ политическія доказательства. Все его вниманіе направлено вправо, всѣ его доказательства, все развитіе сужденій настроено такъ, чтобы убѣдить людей, политически-правыхъ. Начавъ съ октябристовъ и націоналистовъ, отъ которыхъ, по его словамъ, идетъ трупный запахъ, и въ которыхъ онъ видитъ политическую «пыль», засыпавшую и застопорившую государственный механизмъ Россіи, авторъ съ надеждою взираетъ на прогрессистовъ, которымъ надо «выкристализоваться» и «отмеиеваться» отъ октябристовъ, ихъ братьевъ по общественной средѣ, породившей и тѣхъ, и другихъ. Лѣвѣе вниманіе автора не идетъ. Точно также и въ общихъ сужденіяхъ. Начавъ съ признанія, что работа надъ устроеніемъ Россіи дѣло либеральное, а не консервативное, авторъ заканчиваетъ утвержденіемъ, что «Россія можетъ управляться лишь однимъ какимъ-либо режимомъ», «что режимъ этотъ долженъ быть конституціоннымъ, что никакія промежуточныя стадіи для Россіи не допустимы». Въ общемъ, книга г. Баяна-Рославлева, написанная живымъ языкомъ, а иногда и съ несомнѣннымъ подъемомъ, не можетъ считаться безполезной въ борьбѣ съ тѣмъ «сумбуромъ», который, по характеристикѣ автора, составляетъ содержаніе правой идеологіи.

Особнякомъ стоитъ книга Вл. Жаботинскаго. Въ книгѣ собраны фельетоны и статьи, посвященные, главнымъ образомъ, еврейскому вопросу. Но вопросъ этотъ разбирается авторомъ не обособленно, а на фонѣ общихъ условій русской государственности, въ ряду другихъ національныхъ вопросовъ, острота которыхъ частью уже рѣзко сказалась, частью наростаетъ. Авторъ —опредѣленный сторонникъ децентрализаціи; для него «прогрессъ Россіи и Nationalitätenstaat — синонимы, и всякая попытка перескочить черезъ эту истину кончится крахомъ», такъ какъ русскіе «инородцы» никогда добровольно не согласятся «на роль безплатнаго приложенія къ великорусской народности». Идея эта красной нитью проходитъ въ «Фельетонахъ» Вл. Жаботинскаго и объединяетъ разнородный и подчасъ разнорѣчивый матеріалъ, собранный въ его книгѣ. Не во всемъ можно согласиться съ авторомъ; «нервность тона» и «преобладаніе темперамента» заставляютъ его во многихъ случаяхъ слишкомъ «перегибать палку», но его «Фельетоны», будятъ живую мысль и могутъ заставить задуматься надъ національнымъ вопросомъ въ Россіи и тѣхъ, кто мало до того интересовался имъ. Прекрасный слогъ, ясность изложенія и непринужденная живописность языка усиливаютъ интересъ къ «Фельетонамъ» и вложенной въ нихъ идеѣ.

Любовь въ письмахъ выдающихся людей XVIII и XIX вѣка. Составлено Анастасіей Чеботаревской. Предисловіе Ѳедора Сологуба. Москва, 1913.

Толстый томъ, почти въ 600 страницъ, составленный изъ любовныхъ писемъ самыхъ разнообразныхъ знаменитостей, начиная отъ Бодлера и Байрона и кончая Фихте и Эртелемъ. Среди писемъ—много интересныхъ, писанныхъ не только мастерами слова, но и людьми, обладавшими особымъ эпистолярнымъ даромъ; на ряду съ этими письмами много и неинтересныхъ посланій, характерныхъ только для ихъ авторовъ. Все же собраніе писемъ, въ цѣломъ, объединено только желаніемъ составительницы. Не видно цѣли, ради которой издана эта книга. Не объясняетъ этого и предисловіе г. Сологуба. «Эта книга, — пишетъ г. Сологубъ,— имѣетъ характеръ исключительно психологическій; она задается цѣлью поставить читателя передъ зрѣлищемъ души, глубоко и сильно переживающей всякое чувство, полнозвучно отзывающейся на всякое проходящее передъ нею явленіе, — однимъ словомъ, передъ зрѣлищемъ души, озаренной любовью. Предлагаемыя письма должны проявить передъ читателемъ «восхитительную эманацію любви». Въ дѣйствительности, письма эти, выхваченныя изъ переписки нѣсколькихъ десятковъ лицъ изъ разныхъ эпохъ, изъ разныхъ областей дѣятельности, разныхъ настроеній, разныхъ темпераментовъ, лишенныхъ какихъ-либо связующихъ разъясненій, какихъ либо біографическихъ указаній (нѣсколько строчекъ біографическихъ данныхъ о нѣкоторыхъ авторахъ ничего не даютъ въ смыслѣ разъясненій),—не проявляютъ и не утверждаютъ ничего, кромѣ того общеизвѣстнаго факта, что любящій любитъ предметъ своей любви. Нельзя опредѣленно сказать и того, на какой кругъ читателей разсчитанъ сборникъ. Люди, ищущіе пикантностей любви, жестоко ошибутся, взявъ въ руки данную книгу, ибо въ этомъ отношеніи сборникъ чистъ и безупреченъ. Влюбленные? Эти, пожалуй, не безъ пользы перелистаютъ сборникъ г-жи Чеботаревской: они найдутъ въ немъ сильную страсть, благородныя мысли и возвышенныя слова, готовые, на всякій вкусъ образцы для выраженія волнующихъ ихъ чувствъ. Если у составительницы была цѣль — замѣнить сборникомъ устарѣлые «Любовные Письмовники», то эта цѣль, пожалуй, достигнута. Но врядъ ли это руководило г-жей Чеботаревской; судя по предисловію г. Сологуба идея сборника была иная, болѣе высокая. Какая? — остается тайной составительницы.

М. Сл.

Великій Князь Николай Михайловичъ. Письма высочайшихъ особъ къ графинѣ А. С. Протасовой. Спб. 1913.

Печатая письма и записки всей семьи императора Павла I къ гр. А. С. Протасовой, издатель въ немногихъ словахъ очень ясно очертилъ и этотъ своеобразный типъ придворной дамы XVIII вѣка, и тотъ, не обинуясь можно сказать, общественный институтъ, которымъ былъ вызванъ данный типъ. «Fida compagnia» Екатерины II, какъ выразился итальянскій сатирикъ Касти, «amazzone di Venere e d'Amore», Протасова умѣла стать одною изъ главныхъ пружинъ, управлявшихъ придворной жизнью, и, полулюбимая, полупрезираемая, дошла до очень высокихъ степеней. Павелъ, взойдя на престолъ, не только не вмѣнилъ ей въ въ вину «un espionnage savamment exercé au sein de la jeune cour», но далъ ей тысячу душъ крестьянъ, пенсію и орденъ Екатерины, а Александръ I пожаловалъ ее и пять ея племянницъ графинями. Старая наперсница Екатерины умерла въ 1826 г., до послѣдняго дня не прерывая близости съ царской семьей. Письма императрицы Маріи Ѳеодоровны всѣ французскія: ей такъ и не удалось научиться русскому языку; но Елизавета Алексѣевна охотно писала по-русски. Въ корреспонденціи Протасовой хорошо обрисовывается жизнь былого Двора, съ его замкнутыми интересами и отчужденностью отъ народа. Книга прекрасно издана и иллюстрирована портретами и снимками съ автографовъ. Чрезвычайно экспрессивенъ первый портретъ самой Протасовой.

Сборникъ статей въ честь Д. Ѳ. Кобеко. Спб. 1913.

Участники сборника—сослуживцы Д. Ѳ. Кобеко по Публичной Библіотекѣ. Изъ матеріаловъ слѣдуетъ отмѣтить «Одно изъ послѣднихъ стихотвореній К. Н. Батюшкова», отрывокъ изъ воспоминаній извѣстнаго маіора Ѳ. Ѳ. Раевскаго (о свиданіи съ цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ въ 1826 г.); изъ изслѣдованій—прекрасно собственный В. И. Салтыковымъ очеркъ жизни С. А. Соболевскаго, эпиграмматическаго поэта и друга Пушкина, историко-археографическія замѣтки Н. П. Лихачева и наблюденія С. П, Обнорскаго надъ одною особенностью въ языкѣ К. Н. Батюшкова.

Мольеръ, томъ II. Библіотека великихъ писателей, подъ ред. С. А. Венгерова, изд. Брокгаузъ-Ефрона. Спб. 1913.

Вторымъ томомъ законченъ Мольеръ въ изданіи Венгеровской библіотеки. Больше половины пьесъ, помѣщенныхъ въ этомъ томѣ, переведено заново. Впервые въ собраніе включенъ фарсъ «La casaque», недавно возстановленный изъ старинной безцеремонной передѣлки. Съ трудомъ читаются «Ученыя женщины» въ переводѣ г. Городецкаго: стихъ тяжелъ, риѳмы хромаютъ, во многихъ стихахъ не соблюдена цезура. Зато прекрасно переведенъ А. Я. Брюсовымъ «Амфитріонъ», И. Гриневской—«Психея». Весьма цѣнны вступительныя статьи А. Веселовскаго, Ю. Веселовскаго, Ѳ. Д. Батюшкова и русская библіографія Мольера, составленная Н. Бахтинымъ. Всевозможныхъ иллюстрацій болѣе двухсотъ. Собрано все выдающееся, что дали французскіе иллюстраторы, а также воспроизведены эскизы декорацій Н. Сапунова и А. Бенуа. Изданіе въ общемъ красивое, разнообразное и внушительное.

Максимиліанъ Волошинъ. О Рѣпинѣ. М. 1913.

Цѣль книжки, въ которой собраны статьи и чтенія г. Волошина и другихъ лицъ по поводу дикаго поступка больного человѣка, тремя ударами ножа прорѣзавшаго знаменитую картину Рѣпина «Іоаннъ Грозный и его сынъ»,—двоякая: зачеркнуть Рѣпина и проторить дорогу «кубизму». Вѣрнѣе, первое вытекаетъ изъ второго: печальный случай съ картиной послужилъ для опредѣленной группы лицъ, причастныхъ къ «новому» искусству, сигналомъ къ походу противъ искусства «стараго». Самой близкой и яркой мишенью оказался, конечно, такой выдающійся представитель послѣдняго, какъ Рѣпинъ. Стрѣльба была открыта пачками. Картина Рѣпина была сведена къ страницѣ лубочнаго уголовнаго романа, къ хитро разсчитанному нездоровому эффекту, къ «наркотикѣ ужаса». Но, къ счастью, надъ простымъ, здравымъ зрителемъ еще такъ сильна наркотина здраваго смысла, что на всѣ оскорбленія по адресу художника и его произведенія публика, слушавшая докладъ г. Волошина, отвѣтила аплодисментами... когда на экранѣ появился портретъ Рѣпина. Весьма характерно также, что въ числѣ всевозможныхъ доводовъ противъ картины приведенъ и такой, какъ «шаржированіе царскаго облика» Іоанна IV.

Н. А.

Dividsohn, Robert Geschichte von Florenz. Берлинъ. Т. III. 1912.

Третій томъ монументальнаго труда Давидсона посвященъ первому тридцати-

лѣтію XIV вѣка. Какъ и въ предыдущихъ томахъ, прекрасно документированное изслѣдованіе собственно флорентійской исторіи соединяется съ подробнымъ изложеніемъ всей современной исторіи, насколько она имѣетъ хоть малѣйшее отношеніе къ Флоренціи. Обстоятельно характеризуется политика и религіозныя убѣжденія Бонифація VIII, детально описывается политика Генриха VII и его походъ въ Италію, понтификатъ Іоанна XXII и т. д. Благодаря этому трудъ Давидсона становится необходимымъ для всякаго занимающагося не только Флоренціей, но и Италіей, Германіей, а частью и Франціей, тѣмъ болѣе, что изложеніе автора покоится на внимательной и добросовѣстнѣйшей переработкѣ матеріала. Но по той же самой причинѣ самая исторія Флоренціи затеривается, и стремленіе автора къ изложенію всѣхъ извѣстныхъ ему фактовъ превращаетъ его трудъ въ цѣннѣйшее собраніе строго провѣренныхъ фактовъ, не объединенныхъ въ достаточной степени оригинальной конструкціей, какъ объединена ею замѣчательная, хотя и нѣсколько устарѣвшая книга Виллари (*P. Villari*, I primi due secoli della storia di Firenze, 2-е изд. 1905 г.). Но и для читателя нежелающаго погружаться въ спеціальную историческую работу, трудъ Давидсона даетъ очень много: четыре появившіяся уже части позволяютъ ознакомиться съ главнѣйшими моментами, средневѣковой исторіи Италіи и исторіей возникновенія и роста «Итальянскихъ Аѳинъ», въ медлительномъ, нѣсколько старомодномъ, но увлекающемъ своими реальными подробностями изложеніи.

Л. К.

Историко-Культурный Атласъ по русской исторіи съ объяснительнымъ текстомъ, составленный Н. Д. Полонской, подъ редакціей М. В. Довнаръ-Запольскаго. Выпускъ I. Кіевъ. 1913 г. Цѣна 2 руб.

За послѣдніе годы въ русскомъ обществѣ увеличился интересъ къ искусству. Культурно историческій атласъ поможетъ читателю ознакомиться съ нашими древними памятниками искусства и культуры. Онъ состоитъ изъ таблицъ, на которыхъ даны снимки съ предметовъ характеризующихъ искусство и культуру народностей, населявшихъ русскую равнину. Начинаются таблицы съ палеолитической культуры и кончаются церквями Новгорода и Пскова. Внимательно разсматривая таблицы, читатель можетъ уяснить себѣ подъ какими вліяніями складывалась культура нашихъ предковъ, можетъ отличить вліяніе восточное, финское, византійское и т. д. Каждой таблицѣ соотвѣтствуетъ небольшая статья, дающая общій обзоръ эпохи и отмѣчающая характерныя ея особенности. Въ педагогическихъ цѣляхъ атласъ можетъ служить иллюстраціей къ урокамъ.

А. Т.

Въ теченіе іюля мѣсяца въ редакцію поступили слѣдующія книги и брошюры:

Balkanicus. Сербы и Болгары въ Балканской войнѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 20 коп.

Барацъ, Г. М. Происхожденіе лѣтописнаго сказанія о началѣ Руси. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Битиновъ, С. Письма къ оккультисткѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 40 коп.

Бравскій, Р. Полынь. Стихи. Парижъ, 1913 г. Цѣна 50 коп.

Будановъ, В. П. Записки по методикѣ географіи. Съ предисл. А. П. Нечаева. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Вамгесъ, Жюль. Баккалавръ Соціальный романъ. Пер. подъ ред. В. Гиммельффеба. Спб.. 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Вихляевъ, П. А. Вліяніе травосѣянія на отдѣльныя стороны крестьянскаго хозяйства. Вып. II. Москва, 1913 г.

Гулишамбаровъ, Ст. Къ сорокалѣтію уничтоженія невольничества въ Средней Азіи. 12 іюня 1873 г,—12 іюня 1913 г. Асхабадъ, 1913 г.

Дитрихштейнъ, В. Д. Зовъ земли. Одесса, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Елагинъ, П. Н. Сельско-хозяйствен-

ныя чтенія народныя и для нижнихъ чиновъ. Спб., 1913 г.

Елачичъ, Евгеній. Какъ животныя защищаются отъ своихъ враговъ. Спб., 1913 г. Цѣна 30 коп.

Жиркевичъ, А. В. Архимандритъ Зосима (въ мірѣ Дмитрій Рашинъ) былъ невиновенъ. Вильна, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

—. Жизнь во Христѣ старца Зосимы, въ мірѣ Дмитрія Рашина. Вильна, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Каптеревъ, П. Ѳ. и *Музыченко, А. Ѳ.* Современныя педагогическія теченія. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 60 коп.

Князьковъ, С. А. Голодъ въ древней Руси. Изд. 2-ое. Спб., 1913 г. Цѣна 10 коп.

—. Священной памяти двѣнадцатаго года. Спб., 1913 г. Цѣна 40 к.

Кудринскій, Ѳ. А. Курсъ новой русской литературы въ органически-конспективномъ видѣ. Вып. I. Вильна, 1913 г. Цѣна 80 коп.

Кузнецовъ, Н. И. Систематическій сводъ указовъ Прав. Сената, послѣдовавшихъ по земскимъ дѣламъ. Т. IX. 1912 г. Воронежъ, 1913 г. Цѣна 3 руб.

К. М. Т. О доисторическомъ языкѣ Закавказья. Тифлисъ, 1913 г.

Лубенецъ, Т. Педагогическія бесѣды. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 75 к.

Маминъ-Сибирякъ, Д. Сибирскіе разсказы. Т. I. и II. Спб., 1913 г. Цѣна каждаго тома 1 руб.

—. Ранніе всходы. Романъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 25 коп.

Миртовъ, О. Яблони цвѣтутъ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Морганъ, Ф. Б. Элементарныя графики. Пер. М. Щербацевичъ. Спб., 1913 г. Цѣна 75 коп.

Назаровъ, Ив. Ал. Изслѣдованіе вкладовъ въ Госуд. сберегат. кассы Костромской губ. за время съ 1885 г. по 1911 г. включительно. Кострома, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Немировичъ-Данченко, Вас. Ив. Съ вооруженнымъ народомъ. II. Въ боевомъ огнѣ. Спб., 1913 г. Цѣна 1 р. 50 к.

Орманіанъ, Малахія. Армянская церковь. Пер. съ франц. Б. Рунтъ. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Охитовичъ, А. П. По вопросу о трисекціи угла. Отвѣтъ проф. Д. М. Синцову и другимъ моимъ критикамъ. Казань, 1913 г. Цѣна 20 коп.

Пархоменко, Владиміръ. Начало христіанства Руси. Полтава, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Плетневъ, Алексѣй. Собраніе сочиненій. Т. III. Одесса, 1913 г. Цѣна 1 руб. 25 коп.

Полякъ, Ц. Н. Лепестки и др. стихотворенія. Кіевъ. 1913 г.

Помяловскій, Н. Г. Полное собраніе сочиненій. Изд. 3-ье. Спб., 1913 г. Цѣна 1 руб.

Понтоппиданъ, Генрихъ. Обѣтованная земля. Романъ. Часть I, II и III. Пер. М. П. Благовѣщенской. Спб., 1913 г. Цѣна за три части 2 р. 50 к.

Радецкій, И. М. Изъ мрака къ свѣту и любви. Одесса. 1913 г. Цѣна 35 коп.

Раевскій, А. А. Общественныя работы, ихъ понятіе, современное положеніе и возможная роль въ будущемъ. Харьковъ, 1913 г. Цѣна 75 к.

Скорбный, Юрій. Чуткихъ струнъ тоскующіе звоны. Одесса, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Ст-овъ, А. И. Зоренька ясная. Стихи о свѣтлой волѣ. Уфа, 1913 г. Цѣна 25 коп.

Струве, Петръ. Хозяйство и цѣна. Критическія изслѣдованія по теоріи и исторіи хозяйственной жизни. Часть I. Москва, 1913 г. Цѣна 3 руб. 50 коп.

Табурно, I. П. Вопросъ о распредѣленіи завоеванной у Турціи территоріи между Болгаріей и Сербіей. Спб., 1913 г.

Таль, Л. С. Трудовой договоръ. Цивилистическое изслѣдованіе. Часть I. Ярославль, 1913 г.

Татищевъ, Ю. В. Вильна и литовскія губерніи въ 1812 — 1813 г.г. Вильна, 1913 г. Цѣна 5 руб.

Туганъ-Барановскій, Михаилъ. Въ поискахъ новаго міра. Соціалистическія общины нашего времени. Спб., 1913 г. Цѣна 70 коп.

Хаасъ, И. Вулканическія силы и ихъ проявленія. Пер. подъ ред. и съ прим. А. Н. Нечаева. Спб., 1913 г. Цѣна 60 коп.

Чашихинъ, Всеволодъ. Грамматическая идеографія и неосинографія.— Русскій ключъ. Рига; 1913 г. Цѣна 20 коп.

Шапошниковъ, И. Н. Наглядная практическая грамматика для городскихъ и сельскихъ нар. училищъ. Часть I. Москва, 1913 г. Цѣна 35 к.

Шевелева, Ек. Сказки и разсказы. Спб. 1913 г. Цѣна 1 руб.

Шиловъ, А. I. Преступность въ арміи и алкоголь. II. Еще объ алкоголизмѣ и желѣзнодорожныхъ несчастьяхъ. III. О книгѣ И. Горбунова-Посадова: «Къ русскимъ учителямъ». Спб., 1913 г.

Штромберъ, М. А. Городскія желѣзныя дороги въ Москвѣ и другихъ большихъ городахъ и ихъ соціальное значеніе. Москва, 1913 г. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Эпштейнъ, Е. Эмиссіонные и кредитные банки въ новѣйшей эволюціи народнаго хозяйства. Спб., 1913 г.

Эфруси, Е. Учебникъ по исторіи евреевъ. Часть I. Спб., 1913 г. Цѣна 50 коп.

Якубовичъ, П. П. Я. (Л. Мельшинъ). Стихотворенія. Т. I. Изд. 7-ое. Цѣна 1 руб. 25 коп. Т. II. Изд. 5-ое. Цѣна 1 руб. Спб., 1913 г.

Ѳирсовъ, Н. Н., проф. 1812 годъ въ соціально-психологическомъ освѣщеніи. Москва, 1913 г.

Виды на урожай и состояніе скотоводства въ Закавказьѣ въ 1913 г. Тифлисъ, 1913 г.

Дешевая еврейская библіотека. № 1. Теодоръ Герцль—Еврейское государство. № 2. Національный вопросъ. Статьи: Макса Нордау, А. Идельсона, Д. Пасманика. № 3. Поляки и евреи. Статьи: А. Гарляса, А. Давидсона, В. Жаботинскаго, Я. Киршрота, Observer'a. № 4. Новоеврейская поэзія. I. Х.—Н. Бяликъ, ст. Гаалъ-Махшове ст. II. С. Черниховскій, ст. А. Гольдштейна. Спб., 1913. г. Цѣна каждаго выпуска 15 коп.

Докладъ и отчетъ Нижегородскаго Биржевого Комитета XXXI очередному собранію Нижегородскаго Биржевого Общества за 1912 годъ. Нижній-Новгородъ, 1913 г.

Жилища Бакинскихъ нефтепромышленныхъ рабочихъ. Баку, 1913 г. Цѣна 75 коп.

Извѣстія Московскаго коммерческаго института. Коммерческо-техническое отдѣленіе. Книга I. Москва. 1913 г.

Личное владѣніе надѣльной землею Череповецкаго, Устюженскаго и Кирилловскаго уѣздовъ Новгородской губерніи. Новгородъ, 1913 г.

Матеріалы по экономическому изслѣдованію внутреннихъ водныхъ путей. Подъ ред. Вс. В. Никольскаго. Отд. I. Т. I. Спб., 1913 г.

Протоколы засѣданій Бердянскаго уѣзднаго земскаго собранія сессій 1912 г. Бердянскъ, 1913 г.

Очеркъ дѣятельности комитета содѣйствія сельской кооперацiи (1908—1913 г.). Харьковъ, 1913 г. Цѣна 10 к.

Отчетъ Московскаго Публичнаго и Румянцевскаго музеевъ за 1912 г. Москва, 1913 г.

Сборникъ о земствѣ въ Сибири. Спб., 1912 г. Цѣна 2 руб.

Сельско-хозяйственный обзоръ Черниговской губ. за 1911 годъ. Черниговъ, 1913 г.

Сибирская желѣзная дорога. Отчетъ о дѣятельности «Санаторіи» возлѣ ст. Томскъ I за 1912 г. Сост. И. Н. Васьковъ. Томскъ, 1913 г.

— *Отчетъ* о дѣятельности библіотекъ за 1912 г. Сост. И. Н. Васьковъ. Томскъ, 1913 г.

Статистическій Ежегодникъ Костромской губ. Лѣсная текущая статистика. Вып. III, IV, V и VI. Кострома, 1913 г.

Статистическій ежегодникъ Московской губерніи за 1912 г. Часть I и II. Москва, 1913 г.

Стихи Нелли. Съ посвященіемъ Валерія Брюсова. Москва, 1913 г. Цѣна 60 коп.

Страховая хроника Саратовскаго Губернскаго Земства. Вып. VI. Саратовъ. 1913 г.

Универсальная Библіотека № 538. Д. И. Фонвизинъ. Бригадиръ. Недоросль. Комедіи. № 823—824. Шатобріанъ. Атала. Ренэ. Пер. съ франц. М. Хейфеца. № 835—836. Анатоль Франсъ. Ивовый манекенъ. Пер. съ франц. А. Смирнова. № 844. Оскаръ Уайльдъ. Преступленіе лорда Артура Сэвиля, и др. разсказы. № 849. О. Ю. Бирбаумъ. Странная исторія. Пер. съ нѣмец. Л. Горбуновой. Москва, Цѣна каждаго № 10 коп.

Харьковскій порайонный комитетъ по регулированію массовыхъ перевозокъ грузовъ по ж. д. Журналы засѣданій XVI-й очередной сессіи. Харьковъ, 1913 г.

Хмель. Ежемѣс. журналъ № 4—6. 1913 г. Цѣна 20 коп.

1913 годъ въ сельскохозяйственномъ отношеніи по отвѣтамъ, полученнымъ отъ хозяевъ. Вып. I и VI Спб., 1913 г.

Грабина, А. Т. Антререньоръ Ломака. Миніатюра на 1 дію. Спб., 1913 г. Цѣна 35 коп.

Ефремовъ, Сергій. За рік 1912-й. Статті, фельетоны, замѣтки. Кіевъ, 1913 г. Цѣна 1 руб.

Верхратський, Іванъ. Говори Батюків. I. Львові, 1912.

Balcanicus. Les Serbes et les Bulgares dous la guerre balkanizus Coulommiers, 1913. Plix. 2 fr. 50.

Miloyévitch, M. I. L'Equilibre Balkanique. Coulommiers, 1913.

Tcholanian, Archag. La vie et le rêve. Paris, 1913. Prix. 3 fr. 50.

La Verité sur désaccord Serbo-Bulgare, Génève, 1913.

Les annales des nationalités. Numéros consacrés a l'étude de la Situanie et de la Lettonie. Paris, 1913.

Журнальный З. М. Московской обл. библиотеки

Издатель: М. М. Ковалевскій.

Ред.: К. К. Арсеньевъ. Д. Н. Овсянико-Куликовскій.

Художественная мебель.

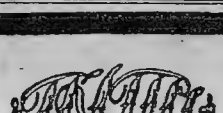
Торговый Домъ.

Братья А. и С.

ЮРАСОВЫ

МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

Телефонъ № 41-16.



КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „ПУТЬ"

главный складъ:
Москва, Новинскій бул., д. 103.

Ближайшее участіе принимаютъ:

С. Н. Булгаковъ, Г. А. Рачинскій, Кн. Е. Н. Трубецкой, В. Ф. Эрнъ.

НОВЫЯ КНИГИ:

С. БУЛГАКОВЪ—Очерки по исторіи экономическихъ ученій. Выпускъ 1. Изд. автора. Ц. 1 р. 50 к.

И. ЗЕЙПЕЛЬ.—Хозяйственно-этическіе взгляды отцовъ церкви. Перев. съ нѣм. съ предисл. С. Н. Булгакова. Ц. 2 р.

Вл. КАРПОВЪ.—Основныя черты органическаго пониманія природы. Ц. 80 к.

Кн. В. Ѳ. ОДОЕВСКІЙ.—Русскія ночи. (Съ дополнен. и поправк. по рукописямъ). Ц. 2 р.

Вл. СОЛОВЬЕВЪ.—Владиміръ Святой и христіанское государство и отвѣтъ на корреспонденцію изъ Кракова. Пер. съ фр. Г. Рачинскаго съ предисл. кн. Евг. Трубецкого. Ц. 75 к.

Кн. Евг. ТРУБЕЦКОЙ.—Міросозерцаніе Вл. Соловьева. Въ 2-хъ т. Изд. авт. Ц. 4 р.

П. Я. ЧААДАЕВЪ.—Сочиненія и письма. Въ 2-хъ т. съ портр. подъ ред. М. Гершензона. Ц. за 2 т. 5 р.

Свящ. С. ЩУКИНЪ.—Сборникъ статей. (Около церкви и др.). Ц. 1 р.

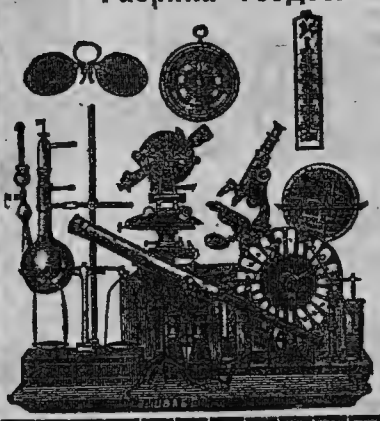
Продаются во всѣхъ извѣстн. книжн. маг. Высылаются нал. плат. Проспектъ по требов. безплатно.

Поставщикъ Высочайшаго Двора
Механикъ ИМПЕРАТОРСКАГО Московскаго Университета
АКЦІОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО

Ѳ. ШВАБЕ,

МОСКВА, Кузнецкій мостъ.

Фабрика геодезическихъ инструментовъ.



Астролябіи, теодолиты, нивеллиры, мензулы, кипригеля и т. п.
Громадный выборъ инструментовъ для черченія и рисованія.
Полное оборудованіе химическихъ лабораторій всѣми новѣйшими аппаратами и принадлежн. Коллекціи, препараты и принадлежности для преподаванія зоологіи, батаники, минералогіи и естествовѣдѣнія.
Полное оборудованіе физическихъ кабинетовъ.
Медицинскіе и ветеринарные инструменты.
Адресъ для телегр.: Хирургоптику.
Телефонъ № 2.37-34.

ГИМНАЗІЯ на ДОМУ.

1 р. 50 к. въ мѣсяцъ.

Средне-учебное заведеніе заочно.
25 томовъ по 250—300 страницъ.

РАСХОДУЯ ПО 1 Р. 50 К. ВЪ М—ЦЪ, НИКАКИХЪ БОЛЬШЕ РАСХОДОВЪ! УЧЕБНЫХЪ ПОСОБІЙ не ТРЕБУЕТСЯ! всякій можетъ серьезно и основательно, подъ руководствомъ опытныхъ преподавателей-спеціалистовъ и по новѣйшимъ педагогическимъ методамъ пройти полный курсъ среднихъ учебныхъ заведеній, подготовиться къ любому экзамену по разнымъ предметамъ на званіе учителя-цы городскихъ, уѣздныхъ, начальныхъ и сельскихъ училищъ, аптекарск. ученика, вольноопредѣл. 1-го и 2-го разр., на классный чинъ и т. п.

При редакціи учреждено постоянное бюро, которое руководитъ занятіями и провѣряетъ присылаемыя учениками работы безплатно.

Вышло изъ печати 24 выпуска. Для подробнаго ознакомленія съ изданіемъ „ГИМНАЗІЯ НА ДОМУ“ выпуски высылаются съ налож. платежомъ по 2 р. 50 к. за каждый.

АКАДЕМІЯ КОММЕРЧЕСКИХЪ ЗНАНІЙ. Предназнач. для всяк. коммерч. дѣятеля. Въ курсъ входятъ: бухгалтерія, коммерч. корресп., коммерч. ариѳм., экономич. и юридич. науки, торговля, техника веденія торг.-промышл. зав. и мн. др.

15 томовъ по 250 стр. Цѣна за кажд. томъ 2 руб. Вышло изъ печати 4 тома. Налож. платеж. высыл. за 2 р. 20 к.

АКАДЕМІЯ ИНОСТРАННЫХЪ ЯЗЫКОВЪ Новая оригинальн. система, дающая возможность легко и основательно безъ помощи учителя пройти курсъ французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языка. Курсъ кажд. яз. состоитъ изъ 10 томовъ. Вышло 9 томовъ изъ курса каждаго Цѣна за кажд. томъ 1 р., налож. пл. высыл. за 1 р. 20 к.

Въ нашихъ изданіяхъ принимаютъ участіе: прив.-доц. ГАБРИЛОВИЧЪ, проф. МИГУЛИНЪ, преп. СПБ. Полит. Инст. ПЕРНЭ, проф. РЕЙСНЕРЪ, прив.-доц. ТОТОМІАНЦЪ, д-ръ соц. наукъ ШЛЕЦЕРЪ и мн. др. препод. высш., средн. учебн. зав. СПБ.

Подробные проспекты вышеупом. изданій, отзывы печати и учениковъ высылаются безплатно.

ИЗДАТЕЛЬСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО „БЛАГО“, С.-Петербургъ, Невскій просп. 88-85. НУЖНЫ ЭНЕРГИЧНЫЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ.

Продолжается подписка на новое изданіе т-ва „Міръ“.

Исторія западной литературы

(1800—1910)

подъ редакціей **проф. Ѳ. Д. БАТЮШКОВА.**

При ближайшемъ участіи: **проф. Ѳ. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. К. Петрова, проф. Е. В. Аничкова и прив.-доц. К. Ѳ. Тіандера.**

Исторія западныхъ литературъ XIX в. представитъ обзоръ главныхъ проявленій умственной и духовной жизни европейскихъ народностей, поскольку она выразилась въ произведеніяхъ художественной литературы минувшаго столѣтія.—Все изданіе составитъ около 180 листовъ, т. е. около 3,300 страницъ большого формата, и будетъ богато иллюстрировано (до 1,000 рисунковъ). Изданіе выходитъ книгами, приблизительно по 9 листовъ каждая, всего около 20 книгъ.

Условія подписки: при подпискѣ уплачивается 2 руб., при полученіи каждой книги—2 руб. (включая пересылку): послѣдняя книга—безплатно.

Вышло пять книгъ.

Продолжается подписка на изданіе т-ва „МІРЪ“.

ИТОГИ НАУКИ

ВЪ ТЕОРІИ И ПРАКТИКѢ.

Подъ редакціей проф. **М. М. Ковалевскаго**, проф. **Н. Н. Ланге, Николая Морозова** и проф. **В. М. Шимкевича.**

Изъ отзывовъ печати: „...Если первые выпуски увлекательно, интересно написанные и прекрасно изданные, производили самое благопріятное впечатлѣніе, то послѣдующіе такое впечатлѣніе, въ общемъ, могли только упрочить, и въ настоящее время, когда характеръ изданія достаточно опредѣлился, можно дать такой же отзывъ уже не объ отдѣльныхъ книгахъ, а объ изданіи, какъ цѣломъ. Представляя изъ себя научную энциклопедію, „ИТОГИ НАУКИ“ ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ характера справочника: **это—изданіе, предназначенное служить для самообразованія въ широкомъ смыслѣ этого слова,—изданіе, которое даетъ то, что представляетъ наибольшую цѣнность для широкой публики...** Наибольшимъ достоинствомъ „ИТОГОВЪ“ является то обстоятельство, что редакціи удалось сохранить за ними характеръ популярнаго изданія безъ всякаго ущерба для его содержательности... **Нѣкоторые отдѣлы по красотѣ и увлекательности изложенія являются настоящими шедеврами. Съ внѣшней стороны изданіе не оставляетъ желать ничего лучшаго.** Современный Міръ, февраль 1912 г.

Изданіе составитъ около 12 томовъ. Вышли: I, II, V и VI томы.

ЦѢНА ИЗДАНІЯ по 6 руб. 75 коп. за томъ, въ роскошномъ переплетѣ.

Допускается разсрочка платежа.

ЗАКОНЧЕНО ИЗДАНІЕ:

Исторія русской литературы XIX в.

Подъ редакціей академика **Д. Н. Овсянико-Куликовскаго,** при ближайшемъ участіи **А. Е. Грузинскаго** и прив.-доц. **П. Н. Сакулина.**

5 томовъ въ изящномъ переплетѣ, 2.319 страницъ, 121 меццотинто-гравюра. Цѣна 35 руб. **Допускается разсрочка.**

Проспекты безплатно. Главная контора изданій Т-ва «МІРЪ»: Москва, Знаменка, 9. Отдѣленія: СПБ., Невскій, 55, кв. 14; Кіевъ, Прорѣзная, 7; Харьковъ, Валерьяновская, 82; Одесса, Екатерининская, 35.

Египетскаго хлопка бѣлье

ДРА ЛАМАНА.

Шерстяное бѣлье

ДРА ЕГЕРА.

Индійской крапивы бѣлье

„RAMIE“.

Шелковое трикотажное бѣлье экрю, бѣлое и цвѣтное.

Богатый выборъ, всѣ размѣры.

Н. МИХѢЕВЪ,

С.Петербургъ, Невскій, 32, противъ Думы.

Телефонъ 458—39.

ЧАСЫ „OMEGA",

отличающіеся точностью хода и изящн. отдѣлкой внѣшности.

СКЛАДЪ: Пассажъ, 24-26. С.-Петербургъ. Тел. 143—88.

часовой магазинъ А. БРУДЕРЕРЪ

имѣетъ постоянный разнообразный выборъ карманныхъ, стѣнныхъ и настольныхъ часовъ, а также часы съ будильникомъ, дорожн., кабинетные и т. п. ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ и МОНОГРАФІЯ ЧАСОВЪ „OMEGA" высылаются по требов. безплатно.

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ.

АМЕРИКАНСКОЙ ОБУВИ

WALK-OVER

ПОЛУЧЕНЫ НОВОСТИ ЛѢТНЕЙ ОБУВИ.

Ф. МАДЕРЪ.

МОСКВА, Столешниковъ пер., 9.

Музыкальная **Торговля**

В. БЕССЕЛЬ и К°.

Поставщики Двора Его ИМПЕРАТОРСКАГО Величества

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Невскій, 54. **Телефонъ 53-61.**

МОСКВА, Петровка, 12. **Телефонъ 32—27.**

Большой выборъ нотъ всевозможныхъ изданій какъ для пѣнія, такъ и для всѣхъ инструментовъ.

ДЕШЕВЫЯ ИЗДАНІЯ.

Требованія г.г. иногородныхъ исполняются **аккуратно** и съ **первой** отходящей почтой. По желанію съ налож. платежомъ.

Каталоги собственныхъ изданій высылаются **безплатно.**

МОЛОДОСТЪ

даетъ нѣжное, чистое лицо, цвѣтущій, свѣжій, молодой видъ, бѣлая, мягкая какъ бархатъ кожа и ослѣпительно красивый цвѣтъ лица. Все это достигается отъ употребленія

Мыла „Конекъ"

Бергмана и Ко., Радебейль-Дрезденъ
Требуйте только красную упаковку.
За Кусокъ 50 Коп. въ продажѣ вездѣ.
Главный складъ для Россійской Имперіи:
Контора химическихъ препаратовъ, С.-Петербургъ,
Малая Конюшенная № 10.

с.к.12.

Поставщики ИМПЕРАТОРСКАГО Общества охоты.

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ Я. ЗИМИНА вдова и С. НИКИФОРОВЪ.

Москва, Тверская улица, близъ Газетнаго, домъ № 15.

ВСЕ необходимое и лучшее для ОХОТЫ.

Громадный выборъ ружей центр. боя заграничн. фабрикъ отъ 27 р. ◘ Особенно рекомендуемъ ружья Императорскаго Тульскаго завода отъ 34 р. ◘ Шомпольныя двуствол. отъ 12 р. ◘ Берданы дробов. отъ 6 р. 75 к. ◘ Карабины Монтекристо для цѣлевой стрѣльбы отъ 11 р. ◘ Пистолеты карман. Монтекр. отъ 1 р. 50 к. ◘ Пугачи самыхъ разнородныхъ типовъ отъ 1 р. ◘ Револьверы отъ 5 р. 50 к. **Новость!** Безобидный пистолетъ Браунъ Марсъ съ коробкою театральн. патронъ съ пересыл. во всѣ города 4 руб.

Лыжи, коньки и пр. принадлежности по ДОСТУПНЫМЪ ЦѢНАМЪ.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ безплатно,—на пересылку просимъ приложить 2 почт. марки по 7 к. 1—1

МНѢНІЕ НАУКИ

О ГИЛЬЗАХЪ КАТЫКА.

Торговымъ Домомъ А. КАТЫКЪ и К° представлены гильзы своей фабрики для испытанія, не содержитъ-ли бумага какихъ либо вредныхъ для здоровья веществъ. При химическомъ изслѣдованіи бумаги, а также продуктовъ горѣнія таковой, никакихъ вредныхъ для здоровья веществъ не обнаружено, причемъ установлено, что бумага состоитъ исключительно изъ растительной клѣтчатки.

Завѣдывающій лабораторіей инженеръ-химикъ А. ШТАНГЕ.

Химико-аналитическая и бактеріологическая лабораторія высочайше утвержденнаго Россійскаго Фармацевтическаго Общества. Москва 21 февраля 1907 г.

Требуйте ТОЛЬКО ГИЛЬЗЫ КАТЫКА!

АМЕРИКАНСКІЕ АВТОМОБИЛИ

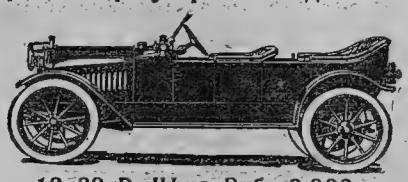
Сильны, прочны, экономны.

Hupmobile

Безшумны, изящны, недороги.

1-ый призъ за скорость 14 мая.
1-ый призъ за регулярность хода 26 мая.

Краткое описаніе:



12/32 Р. Цѣна Руб. 3.000— съ полнымъ снаряженіемъ.

4 цил. 83×140 м/м., блокъ, закрытые клапана, внѣосное расположеніе рабочаго вала, магнетоБошъ, карбюраторъ „Зенитъ", охлажденіе термосифономъ, смазка подъ давленіемъ, сцѣпленіе дисками, перемѣна скоростей переставн. шестернями (3 скор.), рычаги скоростей и ручного тормоза посреди коляски (у лѣвой руки), передача карданомъ, разгруженный дифференціалъ, оба тормоза на задн. кол., шины 810×90.

Русско-Американское Торговое Т-во

С.-Петербургъ, Казанская пл., 1—3. —— Тел. 143—02.

А. МИНКЕВИЧЪ

СОФІЙКА, 7.

ПОСЛѢДНІЯ НОВОСТИ ВЕРХНИХЪ ДАМСКИХЪ ВЕЩЕЙ ПОЛУЧЕНЫ

Москва.

Изящное дѣтское платье въ большомъ выборѣ въ магазинѣ А. МИНКЕВИЧЪ. Софійка, д. Суздальскаго подворья.

Москва.

ДЕЛО: придворн. фортепіанныхъ и первоклассныхъ фабрикъ. Бр. ПЕРПИНА, К. М. ШРЕДЕРЪ, Ф. МЮЛЬБАХЪ, Бр. ДЕНЕРТЪ (интонаторъ К. Бехштейна). ФЕРД. ТЮРМЕРЪ (ученикъ Ю. Блютнера), УРНАСЪ и РЕЙСГАУЭРЪ ГЕРСЪ и КАЛЬМАНЪ. А. ФИБИГЕРЪ, М. ГОФБЕРГЪ, Э. КАПСЪ.

АРТУРЪ КИСЛИНГЪ. Спеціальный магазинъ

Піанино, Роялей и Фисгармоній.

Допускается РАЗСРОЧКА.

Москва, 12. Кузнецк. мостъ, 11. *Телеф. 74—85.*

Рига, п/ф. В. К. Кислингъ. *Основ. 1880 г.*

Каталогъ безплатно.

Для дѣловыхъ людей.—Для сельскихъ хозяевъ.

„МЕЦЪ 22"

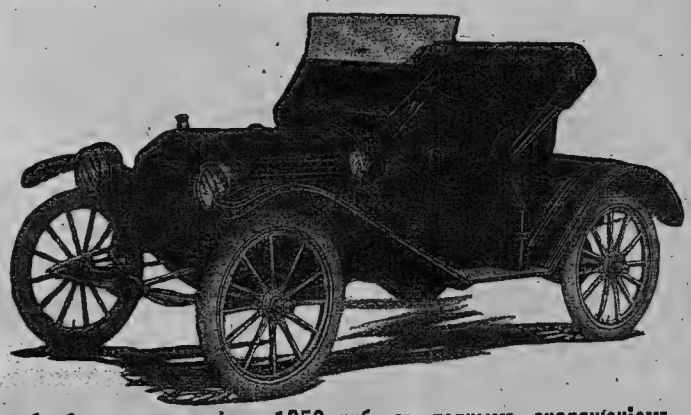
4 цил., 22 силы,

МАГНЕТО БОШЪ.

Скорость до 70 верстъ

Вѣсъ всего автомобиля 25 пуд.

Расходъ бензина и шинъ 2 — 3 коп. на одну версту.



Цѣна 1800 руб. безъ снаряженія и 1950 руб. съ полнымъ снаряженіемъ.

ПРОСПЕКТЫ БЕЗПЛАТНО.

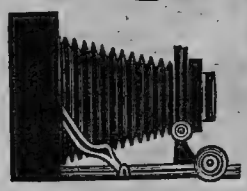
Единственные представители для всей Россіи.

ПЕРВОЕ РУССКОЕ ТОРГОВОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

МИХАЙЛОВСКІЙ, КОХЪ И К°.

Казанская площ. 1 и 3. С.-Петербургъ. || Телеф.: 119—09 и 108—48. Телегр.: Зомико—Петербургъ.

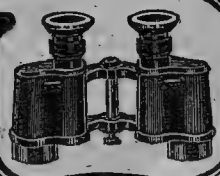
ACTIS ФОТО-КАМЕРЫ ТОЧНОЙ РАБОТЫ



КРАУСА

БИНОКЛИ МИКРОСКОПЫ

Е. КРАУСЪ - УЛ. ГОГОЛЯ 5 - С. ПЕТЕРБУРГЪ.

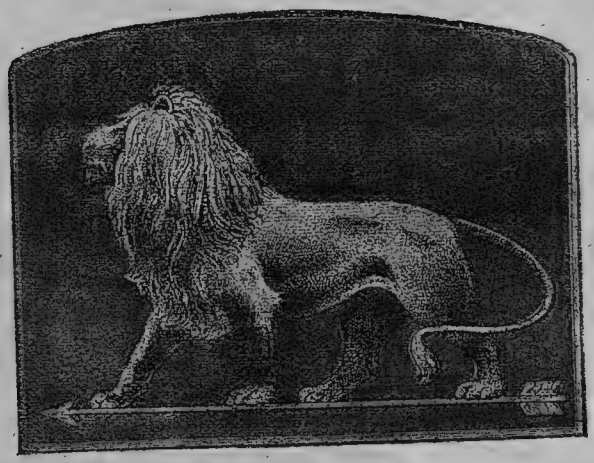


КАТАЛОГЪ № 100 БЕЗПЛАТНО.

Автомобили
Грузовики
Автобусы

Французскаго первокласснаго завода

ПЕЖО



ГЛАВНАЯ КОНТОРА:
С.-Петербургъ, Кронверкскій пр., 13, уголъ Каменноостровскаго

Фабричный складъ

для Москвы и центральной Россіи:
Москва, Камергерскій пер., 1.

Т. | Д. П. ПОПОВЪ и К°.

СПЕЦІАЛЬНО МАТЕРІИ ДЛЯ МЕБЕЛИ КОВРЫ, ПОРТЬЕРЫ, ТЮЛЬ, БАХРОМА, ШНУРЪ, АГРАМАНТЪ.

ФАБРИК.
Бр. БАЛАКИНЫ

МОСКВА, ИЛЬИНКА, ПРОТ. ГОСТ. ДВОР.
С. ПЕТЕРБУРГЪ, ЕКАТЕРИНИНСКІЙ КАНАЛЪ

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ ВСѢХЪ СОРТОВЪ И СТИЛЕЙ
ПРОДАЖА ПО ЦѢНАМЪ ФАБРИКИ.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Величайшій магазинъ дамскаго бѣлья.

Приданое для невѣстъ.

БЛУЗЫ, ЮБКИ, КАПОТЫ,
ЧУЛКИ, ЖАБО.

Брюссельскій магазинъ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

5 КАЗАНСКАЯ 5.

ЗАВОДЪ
металлическихъ конструкцій
ИНЖЕНЕРЪ-МЕХАНИКА
М. Я. Цоллеръ.
МОСКВА,
за Семеновской заставой, Измайловское шоссе, соб. домъ.
Адресъ для телеграммъ: МОСКВА КОНСТРУКТОРЪ.
ТЕЛЕФОНЫ:
Квартиры: № 14-12.—Завода: № 90-52.

ИЗГОТОВЛЯЕТЪ:
Клепанныя колонны и балки, металлическія стропила и покрытія изъ волнистаго желѣза. Клепанные поворотные краны, телѣжки, фермы для мостовыхъ крановъ и подкрановыя балки. Баки и резервуары для всякихъ жидкостей, клепанныя трубы: дымовыя, вентиляціонныя и другія. Лѣстницы, площадки изъ рифленнаго желѣза
и прочія металлическія работы.

ЛУЧШАЯ ШИНА
ДЛЯ СКОЛЬЗКИХЪ ДОРОГЪ
ЭТО
ПРОТЕКТОРЪ „SEMELLE“
МИШЛЕНЪ

Русское Генеральное Агентство Шинъ Мишленъ

МОСКВА, Архангельскій пер., № 7.

Типографія т-ва „Общественная Польза“, Спб., Б. Подъяческая, № 39.